

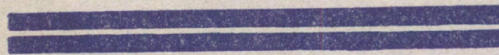
Н О В Ы Й
М И Р

12

Н О В Ы Й
М И Р

1973

12

1973

Н[О]ВЫЙ И МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XLIX

№ 12

Декабрь, 1973 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
ВЛАДИМИР ПОНИЗОВСКИЙ — Коренное золото	3
ВИКТОР ИЛЬИН — Целый век, повесть	27
ВАДИМ СИКОРСКИЙ — Лирика, стихи	97
ЕВДОКИЯ МУХИНА — Восемь сантиметров. Из воспоминаний радистки-разведчицы. Литературная запись Евг. Босняцкого. Окончание	101
ИЗ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В ЖАНРЕ ЦЫ. Стихи. Предисловие, примечания и перевод Михаила Басманова	135
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ	
А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ — Дело всей жизни. Окончание	143
Т. Л. ТОЛСТАЯ-СУХОТИНА — Вблизи отца. Из дневника. Публикация, предисловие и примечания А. И. Шифмана	170
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
Н. СМЕЛЯКОВ — Деловые встречи. Записки заместителя министра внешней торговли	203
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
ВЛАДИМИР КАНТОРОВИЧ — Правда публицистики (О факте и вымысле)	240
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
Дмитрий Ковалев. Долгое солнце. — В. Камянов. Грани общения. — Р. Орлова. Страсти по Фолкнеру.	252

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

Политика и наука

261

Л. Леонтьев. Первый опыт. — И. Дрейцер. Зодчество страны Суоми. — А. Панченко. Культура средневековья и современность. — А. Куров. В основе — расизм.

КОРОТКО О КНИГАХ — П. Руднев. — С. И. Гиндин. Поэзия В. Я. Брюсова. К 100-летию со дня рождения. ◆ Н. Савостин. — Геннадий Немчинов. Берега тихих рек. Повести и рассказы. ◆ Казбек Султанов. — Анна Каландадзе. Мравалжамиер. Стихи. ◆ Ал. Дымшиц. — Бернгард Райх. Вена — Берлин — Москва — Берлин. ◆ В. Виглянский. — В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины». ◆ М. Бойко. — С. Розанова. Толстой и Герцен. ◆ В. Пронин. — Георг Бюхнер. Пьесы. Проза. Письма

274

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

280

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 1973 ГОД

282

ВЛАДИМИР ПОНИЗОВСКИЙ

★

КОРЕННОЕ ЗОЛОТО¹

Строка в песню

У порога дома, в котором живет Эрик Мадатян, начальник экспедиции, сложены в ящик из-под ядер образцы золотосодержащей породы — сахаристые осколки кварца с зелеными прожилками теллура и блестящими пирита. А рядом в другом ящике — темно-коричневые, глянцевитые и шершавые черепки древних амфор.

Около конторы экспедиции геолог Батик Батикян выгрузил вчера с самосвала хачкар — древний каменный крест с изъеденными ветром письменами.

И в Геологическом отделе вдоль стен со стеллажами, заваленными ящиками, — древние гладкостенные кувшины-карасы с тонкими горлами, тяжелые базальтовые жернова древних мельниц и каменных ступ, деревянная, изглоданная временем и тысячами ступней, непривычная для глаза лестница — просто шест с неглубокими выемками. На краю поселка — белые камни, выложенные овалами: остатки хижин рабов-рудокопов. А за стенами склада — развалины храма огня, сохранившаяся стела с выдолбленной чашей: жертвенный алтарь жрецов Заратуштры.

По дороге, буксуя в грязи, ползет в гору зеленый, армейского образца гусеничный вездеход. На склонах — копры буровых вышек. Ухают взрывы. Гудят мощные дизельные компрессоры. Справа, за норовистой речкой Сотк, поднимается корпус обогащательной фабрики. Так выглядит вотчина геологов, ведущих разведку на золото по склонам горы Зод.

Может быть, увлечение археологией — повальное хобби всей экспедиции от проходчика до начальника? Нет. Наука, изучающая прошлое человеческого общества по памятникам материальной культуры, — для геологов оружие в исследовании недр Земли, в разгадке одной из увлекательнейших тайн ее строения и состава. Здесь, в Зоде, семнадцать лет назад начал борьбу за свою гипотезу тогдашний начальник геолого-разведочной партии Самвел Минасович Матевосян.

Сейчас для всех посвященных очевидно: Зод — крупное месторождение благородного металла. Но еще совсем недавно кипели страсти, приходилось изнурительно доказывать, снова и снова идти на риск, ставить на карту и уже заслуженную славу и будущее свое. Идти, отменяя советы скептиков и руководствуясь своим жизненным

¹ Коренное золото (рудное, первичное) находится в твердых породах, добывается при помощи взрывных работ.

и профессиональным опытом, своей убежденностью — и поразительным примером, который стоял перед глазами.

Да, спустя три десятилетия все повторялось, как в уже сыгранном спектакле. Только персонажи были другие и место действия другим. Но прошлое, Матевосян был убежден в этом, — добрый урок для настоящего. Тогда памятный урок преподавал ему старший товарищ Самвела Минасовича, горный инженер и геолог Каныш Имантаевич Сатпаев.

В тот давний год Самвел Матевосян, студент горно-металлургического института в Иркутске, преддипломную практику решил провести в Джезказгане. Почему выбрал далекую казахскую степь, хотя тут же, под Иркутском, работали геолого-разведочные партии, на Лене и Селенге промывали золотоносные россыпи, да и минувшим летом работал коллектором в уссурийской тайге? Влекло, конечно, в новые, неизведанные места. А главное: взволновала статья собрата по профессии в геологическом журнале. Незнакомый ему К. Сатпаев, казах наверное, писал, что этот неведомый Джезказган «представляет в потенции одну из богатейших мировых провинций меди, в пользу которой в будущем уступят пальму первенства большинство известных медных провинций Америки». «Когда над Улутау впервые пронесется гудок заводской сирены, то он, несомненно, найдет свой мощный отклик далеко во всех уголках Казахстана, — с пафосом заканчивал статью геолог. — ...То будут песни нового, нарождающегося индустриального Казахстана».

Новые песни! Кто и в ту пору не хотел вписать в них свою строку!..

На одном из рудников Джезказгана Матевосян и познакомился с автором увлекшей его статьи, главным геологом Джезказганской конторы Канышем Сатпаевым. Они подружились. Специалистов у Сатпаева было в ту пору раз-два — и обчелся, и он был рад еще одному, хоть и временному, помощнику. С первого дня разглядели друг в друге — в характере, в отношении к жизни — то общее и главное, что только и может быть фундаментом настоящей дружбы.

Вместе с Канышем Самвел колесил по степи. Высокий, кудрявый, с узко прорезанными глазами на обожженном солнцем, обтянутом блестящей кожей лице, Каныш — первый за всю историю своего народа инженер-геолог, и коренастый, широкоплечий, с жгучими черными глазами Самвел. Грузовой «фордик», битый-перебитый, водил синеглазый русак, отчаянный шофер-москвич Николай. В кузове перекачивалась и грохотала бочка с водой — НЗ для вечно клокотавшего от перегрева радиатора.

В тихую, ясную погоду, когда пламенели маки, когда по бескрайней джайляу свежий ветер гнал волны ковыля и шары перекасти-поля, темнели по горизонту густо-зеленые урочища и блестели соленые озера, чудесно было в кузове «фордика». На вершине холма Сатпаев останавливал машину и, широко поводя рукой, показывал студенту:

— Видишь, зеленая и синяя земля — это залежи медной руды. Видишь, красная, охряная — железной. А черно-бурая — железомарганцевой. Бери кайлу — и добывай! Это всё выходы на поверхность обнаженных пород.

— Не может быть! — недоверчиво отзывался Самвел.

Сатпаев вез его в долины, вел к воронкообразным ямам, останавливался у обсыпавшихся щелей:

— Это остатки древних выработок, заваленные шахты и штольни. Здесь добывалась руда еще в доисторические времена.

— Откуда ты знаешь?

Каньш осторожно спускался в отвалы. Приносил выщербленные кайлы, клинья:

— Вот орудия древних рудознатцев. Когда ищешь полезные ископаемые, всегда надо обращать внимание на остатки древних выработок. Это так же точно, как народные пословицы. И еще на древние названия. Неспроста из века в век предки называли эти холмы то медной горой, то золотой. Запомни: геолог непременно должен быть и археологом.

Степи Центрального Казахстана хранили не только свидетельства древних рудознатцев. От Каньша Сатпаева, из документов, которые главный геолог старательно собирал в своем отделе, Самвел узнал многое и о более поздней истории этих мест. В конце XVIII века «киргиз-кайсацкую» степь прошла экспедиция барона Траубенберга. Прикомандированный к барону русский капитан Рычков в дневниковых записках отметил, что в районе Улутауских гор было обнаружено «великое множество медных руд, копаных древними обитателями той страны; также находят признаки золота и серебряной руды». Окрашенные выходы пород и давние выработки служили геологам ориентирами для новых поисков полезных ископаемых. В конце прошлого и начале нынешнего века рудознатцы и горнопромышленники подавали многочисленные заявки на месторождения, обнаруженные ими в степи. Только накануне первой мировой войны было зарегистрировано две с половиной тысячи заявок на разные полезные ископаемые Центрального Казахстана, из них 200 — на медь, 400 — на свинец и серебро, 1300 — на золото. Особенный интерес начали проявлять к сокровищам Казахстана иностранные капиталисты: в Европе меди не хватало, Америка уже контролировала две трети ее производства в мире и половину поставок в страны Старого Света. А тут, на материке, — несметные залежи ценнейшего сырья.

Первой потянулась к этим залежам Британия. Англичан заинтересовал Казахстан и как стратегический плацдарм, расположенный в непосредственной близости от «жемчужины короны» — Индии. В начале XX века, обследовав степь, английские предприниматели основали в Лондоне «Сибирский синдикат». Агенты, рыскавшие по казахской степи, посылали в правление синдиката образцы пород с обнаруженных месторождений. Результаты анализов оказались поразительными: содержание меди в руде — до 32 процентов! Вслед за агентами-инженерами в степь отправились агенты-«купцы». За бесценок они начали скупать одно за другим поля Джезказгана. В апреле 1913 года англичане приобрели в аренду у местных баев 1200 десятин земли на тридцать лет — по 39 копеек в год за десятину. В Лондоне образовалось «Акционерное общество Атбасарских медных руд». Инженер Гарвей, побывавший в Казахстане, доложил акционерам, что Джезказганское месторождение — одно из крупнейших в мире: «Это настоящие медные поля, содержащие почти неограниченное количество высокопроцентной меди». О докладе Гарвея прослышали американские дельцы. В правление «Атбасарского общества» вошли два директора-американца. Тайно направили своих экспертов в джайлау и французы... Ажиотаж разгорался. Один из главных английских предпринимателей, Герберт Вульмер, заявил: «Приобретение контроля над этими месторождениями является вопросом первостепенной важности и даже необходимости для поддержки нашего положения как главной развивающейся компании в этой части Сибири. Нам будут принадлежать единственные значительные и процветающие медные рудники в степной области Сибири, и мы обеспечим себе контроль над другими большими и ценными медными

залежами неограниченных размеров и возможностей». Особенность месторождения меди была и в том, что неподалеку находились каменноугольные копи Байконура, железные рудники, известковые карьеры, строительный камень. Не хватало только источников воды и требовалось проложить железную дорогу через бескрайние степи. Иностранцы предприниматели в 1915 году приступили к ее строительству. Они рассчитывали завершить работы к 1918 году.

Планы иностранных капиталистов разрушила Великая Октябрьская революция.

Гражданская война. Разруха... Степи Казахстана вернулись к прежнему своему состоянию. О скрытых в недрах богатствах свидетельствовали лишь древние выработки, окрашенные выходы пород, заявки в архивах бывшего управления горного округа, арендные договоры англичан с баями, незаконченные постройки медеплавильного завода и обогатительной фабрики в Карсакапе да больше сотни разведочных скважин «Атбасарского общества». Конечно же, концессионеры почти всю документацию увезли в Лондон. До 1925 года уже начавшие было давать руду шахты и полукустарный завод, выплавивший первые тонны меди, — все оказалось на консервации.

Такую картину и увидел молодой геолог Сатпаев, направленный на работу в трест Атбасцветмет. За год до его приезда разведка в казахской степи, в районе Джезказгана, только-только возобновлялась: работал лишь один буровой станок, да и то в летние месяцы.

Геолог начал требовать проведения широких поисково-разведочных работ, начал настаивать на планомерном и комплексном изучении всего этого района. Через год он выдвинул план, казавшийся фантастическим:

— Уже в первой пятилетке на базе руд Джезказгана необходимо построить медеплавильный комбинат!

Вскоре, назначенный главным геологом Джезказганской геолого-разведочной конторы, он пригласил из Подмосквовного угольного бассейна группу буровых мастеров, заразил своей дерзкой идеей молодых специалистов, стал подбирать из местных парней-казахов будущих рудоизнателей и горняков. Дни и ночи проводил он в степи и мечтал лишь об одном: о широком фронте наступления на степь.

Но далеко-далеко от Джезказгана, в центре, в Геологическом комитете, знакомясь с его докладными, просьбами и требованиями, умудренные жизнью специалисты-консультанты покачивали головами: молодой, горячий, да еще и фантазер! Планы не обоснованы, предлагаемые темпы разведки не оправданы. Впрочем... получай три буровых станка.

Пусть всего три вместо затребованных им тридцати. Но они должны работать круглый год. В результате цифра запасов, которую специалисты-консультанты из Геолкома определили для Джезказгана как максимально возможную, была перекрыта Сатпаевым и его помощниками за один год.

На следующую весну в степи появилось уже десять буровых станков. Затем пятнадцать, еще через год — двадцать. Обнаруживаемые запасы медных руд неуклонно росли. К концу 1931 года Джезказганское месторождение заняло первое место в стране. Кроме меди, были выявлены железо и марганец, серный колчедан, уголь и золото, свинец и асбест.

И вдруг — приказ о прекращении всех работ. Из центра отпустили всего одну тысячную запланированной суммы. Этих денег едва хватило, чтобы выдать зарплату и расчет геологам и рабочим. Что же случилось? В Геолкоме на какое-то время скептики одержали верх,

Но товарищи Сатпаева не захотели оставить дело, в которое поверили. Экономили на всем. Со старших должностей переходили на младшие. Чтобы продолжать работы, брали подряды у других организаций — то на разведку угля, то на поиски строительных материалов и воды. И одновременно продолжали обследовать район на медь.

Студент Самвел Матевосян приехал на практику в Джекказган как раз в тот момент, когда Сатпаеву вообще отказали в ассигнованиях.

— Мы будем продолжать работу во что бы то ни стало, — убежденно говорил Каныш Имантаевич. — Я верю: будут здесь рудники, будет комбинат, будет город. Вот увидишь: Большой Джекказган будет!

Матевосян дежурил у буровых станков, брал в руки тяжелые керны с прожилками меди, сам делал в лаборатории анализ: все точно, отличная руда. Почему же не хотят увидеть очевидное?

Срок практики подошел к концу. При прощании Сатпаев спросил:

- Куда поедешь после защиты диплома?
- Буду просить, чтобы направили сюда.
- Ой ли? — усомнился товарищ.

Матевосян вернулся в Иркутск. Следующей весной, успешно защитив свой «Проект разработки Большого Джекказгана», получил диплом горного инженера.

Молодых специалистов вызвали в Москву. Принимал их народный комиссар тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе.

До этого Самвел встречался с ним уже трижды. Первый раз — на сцене Дома союзов. Еще до перевода в Иркутск, студентом Московского института цветных металлов и золота он проходил первую производственную практику на Метрострое, работал забойщиком в тоннеле, прокладывавшемся под Охотным рядом. Их бригада завоевала первое место. Нарком в Доме союзов вручил им знамя и каждому пожал руку.

Второй раз в кабинет к Серго студента привел член коллегии Наркомтяжпрома Шахмурадов, бывший директор завода «Кавцинк» во Владикавказе, где работали и отец, и старший брат Самвела, и он сам перед тем, как послали его по комсомольской путевке на учебу в вуз.

— Сын металлурга, сам решил стать инженером-металлургом, — представил наркому оробевшего студента Шахмурадов.

— Очень хорошо, что учитесь по той же специальности, по какой работал отец, — сказал ему тогда Орджоникидзе. — Мы надеемся на вас, на молодые кадры.

— Сделаем все, что потребует от нас страна! — бодро ответил Самвел.

— Желание помогает, — согласился нарком. — Но надо иметь и голову хорошую и руки крепкие.

Студент не удержался, сказал: уже работал на Метрострое, их бригада завоевала знамя.

— То-то мне твое лицо знакомо. Молодец, бичо.

Еще один раз Самвел встретился с наркомом, когда вернулся из поездки на Кавказ, — студенты агитировали молодежь на местах, призывали поступать в технические институты. Серго расспрашивал о поездке, о том, как живут горцы, какие у них заботы.

И вот теперь он снова принимал в своем просторном кабинете в здании наркомата на площади Ногина уже молодых специалистов — горных инженеров. По этому торжественному случаю Матевосян

принарядился: шелковая косоворотка, подпоясанная шелковым шнуром, широченные диагональные новые брюки, вправленные в сапоги с отворотами.

Нарком, улыбаясь, сказал:

— На кого ты похож? Как тифлисский кинто. Специалист должен быть в костюме, в галстук.

Сам Орджоникидзе был в гимнастерке, подпоясанной командирским широким ремнем.

— А почему мой нарком не в костюме и галстук? — не удержался Матевосян.

— Твой нарком — военный человек, — ответил Серго.

Он пригласил выпускников к столу. Стал говорить о том, что молодые инженеры — надежда и будущее страны, что предстоит трудная, напряженная работа. Потом, обращаясь по очереди к каждому, начал расспрашивать, что они теперь, после окончания вуза, намерены делать.

— Хочу заняться научной деятельностью, меня оставляют в институте, — ответил один.

— Дело неплохое. Но без практики, без опыта какая может быть наука? — Обратился к следующему: — А вы?

— Я намерен идти на административную работу.

Серго нахмурился:

— Вы серьезные люди? — Повернулся к Матевосяну, сердито сказал: — А ты чего молчишь? Тоже небось в ученые или в руководящие деятели метишь?

— Я поеду в Джезказган, — ответил молодой инженер.

— Когда решил? Сейчас? — недоверчиво спросил Орджоникидзе.

— Нет, я был там на практике и обещал главному геологу Сатпаеву, что приеду на постоянную работу.

— Молодец! — Серго протянул ему руку. — Специалистов там ждут большие дела.

Матевосян не знал, что уже после его возвращения с практики здесь, в кабинете наркома, побывал Каньш Сатпаев. Он сумел доказать Орджоникидзе значение казахстанского месторождения. При содействии Серго в Москве созвали при Академии наук СССР специальную сессию, посвященную производительным силам Большого Джезказгана. Сатпаев защищал свой проект перед выдающимися учеными-геологами Губкиным, Обручевым, Архангельским, Ферсманом, перед специалистами. Сессия Академии наук высказала свое мнение: развитие Большого Джезказгана имеет для страны первоочередное значение. Убедившись в правоте инженера, Орджоникидзе снова принял его:

— Необходимо максимально развешивать фронт геолого-разведочных работ, чтобы выявить все богатства этого района.

И отдал распоряжение: выделить Сатпаеву столько средств, сколько он потребует. А на очередной сессии ЦИК СССР нарком сказал:

— В ближайшем времени нам придется приступить к строительству Большого Джезказганского комбината. Там имеются богатейшие запасы медных руд. Они расположены в глубине Центрального Казахстана, вдали от железных дорог. Необходимо быстрее строить к Джезказгану железную дорогу от Караганды.

Когда Матевосян снова приехал в казахскую степь, там уже велись изыскания трассы железной дороги, начались подготовительные работы по строительству комбината, одна за другой уходили в джайлау разведочные и поисковые партии. На оснащении их по-

явились автомашины, новые буровые станки, даже грузовые самолеты — четырехмоторные «АНТы». «Вот что значит верить в свою мечту и, несмотря ни на что, добиваться осуществления ее!» — сделал для себя вывод молодой инженер.

— Все-таки приехал! — обрадованно встретил его Сатпаев. — А я, по совести говоря, не надеялся.

— Сам же говоришь: слово джигита — камень!

Матевосяна назначили начальником шахты. Отказался. Начал с проходчика, потом стал начальником смены, старшим, главным инженером. И только поднявшись по всем ступеням, согласился занять ответственный пост руководителя.

Вскоре за открытие Джезказганского месторождения Сатпаева наградили орденом Ленина. Спустя годы Каньш Имантаевич стал первым президентом Академии наук Казахстана, его избрали депутатом Верховного Совета СССР.

И тогда и потом Матевосян много раз возвращался к мысли: «А что было бы, если бы Сатпаев сдался, отступил? Нашелся бы другой энтузиаст? Конечно. Но сколько лет оказались бы потерянными?» И еще думал: «Ведь страна могла на десять лет раньше получить медь Джезказгана — металл, так остро нужный всем отраслям промышленности, и прежде всего оборонной... Почему же дерзкое, смелое должно выдерживать единоборство с косностью?»

Сам Матевосян после Джезказгана работал в Армении начальником Комсомольских рудников в Кафане, потом добровольцем по комсомольской путевке ушел в Красную Армию и 22 июня 1941 года комсоргом полка, заместителем политрука встретил первую минуту войны в Брестской крепости и стал одним из руководителей героической обороны ее бессмертного гарнизона. После Бреста было много — партизанский отряд имени Комсомола на Волыни, организация подполья в украинском городе Луцке, снова стрелковый взвод, рота, батальон, с которыми он шел через Украину, Польшу, Германию, Чехословакию. Война пометила его шестью ранениями, орденами и медалями.

После войны снова работа геолога в различных районах Армении. И тот день семнадцать лет назад, когда Самвел Минасович получил назначение на должность начальника разведочной партии в Зоде.

На перевале

Новое назначение не сулило Матевосяну радости. Кое-кому из тех, кто числил себя «командующим» геологической службой в республике, хотелось отправить строптивного и неуживчивого инженера подальше. Перед тем закрыли работу, которую Самвел Минасович вел несколько лет, закрыли, несмотря на то, что начальник партии доказывал: район Азатека перспективный, до ценного сырья осталось рукой подать. Теперь его посылали в горы, в Зод, со скромной задачей: надо было лишь подтвердить выводы предшественников, пять лет обследовавших этот район: «Промышленных запасов золота в Зоде нет, объект следует окончательно вычеркнуть из сферы поиска». Что может быть безрадостней для геолога-разведчика, само предназначение которого — верить в будущие открытия?

Под силу ли окажется ему высокогорье? Хоть несколько лет как отбросил костыль, а с палкой расстаться не мог: рана в боку — память Бреста, рана в бедре, осколки в обеих ногах — когда подорвался на mine уже на пражском направлении за два дня до окончания войны.

Матевосян выехал в Зод.

Дорога шла по каменистому плато. Слева лежала ультрамариновая гладь озера. Противоположный берег таял в дымке. От районного центра тропа полого потянулась в горы, поросшие выгоревшей колючей травой. Тропа становилась все круче. Справа в ложине меж дюн бурлила по камням река.

Вот и перевал, поселок: щелястые времянки с покосившимися стенами, под дырявыми навесами жалкая «техника»... Все говорило о том, что люди чувствовали себя здесь, как на пересадочной станции, готовые сняться с места.

Прежний начальник партии устроил прощальный банкет. Разложил перед Матевосяном бумаги:

— Можешь быть спокоен, коллега, ошибки нет. Подпиши наше итоговое заключение — и возвращайся домой, к семье. Зима на носу.

— Надо самому посмотреть, — ответил Самвел Минасович, откладывая в сторону авторучку.

— Ищешь форта? Ищи, браток, ищи! — сказал начальник партии и поднял тост в честь девицы, которую никак не могли выдать замуж, да вот нашелся наконец жених. Тост звучал издевкой. Под «невестой», конечно же, бывший начальник партии подразумевал эту выхолощенную гору.

Скоро разъехались все. В опустевшем полуразрушенном поселке остались сторож, шофер и заведующий хозяйством. А хозяйство — поддюжины времянок, две американские, еще с войны, автомашины «студебеккер» и «виллис», полуразобранный «газик», два маломощных компрессора да поломанный трактор. Над перевалом дули ветры. С каждым днем все упорней, с посьвистом. Они несли запах снега, уже опускавшегося на дальние вершины.

Что удержало Матевосяна от подписи, навечно, во всяком случае, на многие десятилетия вычеркнувшей бы Зод из маршрутов геологического поиска? Желание бросить вызов тем, кто послал его на заведомо мертвый объект? Оскорбительный тост бывшего начальника партии?.. Самолюбие — черта характера, которая часто определяет человеческие поступки. Плоха она или хороша — все зависит от того, на какие дела она побуждает. В данном случае Матевосяна удерживали от поспешных решений куда более трезвые и глубокие причины.

Да, Зод значился у геологов не пустой, а именно выхолощенной горой. Еще когда Самвел Минасович только ехал сюда, он уже знал, что в глубокой древности здесь добывали золото. Получив новое назначение, он, по неперемennomu своему правилу, пошел в Матенадаран — институт древних рукописей Армении, один из богатейших центров мировой культуры, где хранятся сочинения ученых и писателей, охватывающие почти всю античную и средневековую историю. В Матенадаране геолог заказал по каталогу все, что могло иметь хоть какое-нибудь касательство к его будущей работе. В старинных рукописях он нашел немало для себя важного.

У знаменитого древнегреческого географа Страбона в XI книге его «Географии», в главе, посвященной Армении, Матевосян прочел: «В Сиспиритиде, неподалеку от Кабалл, находятся золотые рудники; туда Александр (Македонский) послал Менона с отрядом воинов, но туземцы взяли его в плен и увели внутрь страны...» И еще: «В их стране, как передают, горные потоки приносят золото, и варвары ловят его решетками и косматыми шкурами». В других книгах Самвел Минасович нашел подтверждение: да, в древней Армении такой способ добычи золота был известен: на дне высохшего русла реки, находящегося вблизи месторождения с золотоносным песком, рас-

стилались шкуры баранов; пускали воду, вода уносила песок по руслу реки, а благородный металл, как наиболее тяжелый, задерживался в шерсти. Не этот ли способ и породил легенду о «золотом руне», об экспедиции за ним древних греков на корабле «Арго»?..

Из книги древнеримского историка Кая Плиния Секунда геолог узнал: первая статуя из цельного золота была отлита в Армении и посвящена богине Анаит — Диане. Эта статуя стала предметом самых торжественных поклонений. Во время похода Марка Антония против парфян храм Дианы был разрушен и статую разбили, поделили между собой воины.

Но где древние рудокопы добывали благородный металл на территории Армении? В исследованиях более позднего времени указывалось, что там, где ныне у предгорий Зода прилепилось небольшое селение, некогда был город ювелиров. В VII веке при нашествии арабов селение и все окрест было разрушено и превращено в прах. Не следует ли из этого, что золото добывали в той горе?

Начальник партии, оставлявшей работу, не возражал против такого предположения. Да и пробы показывали: золото здесь было. Остались его следы — но в количестве, непригодном для промышленной разработки. Так что же: некогда богатое месторождение полностью вычерпано, гора выпотрошена? Да, именно к такому категорическому выводу и пришел предшественник Матевосяна.

Но Самвел Минасович не торопился с решением. Он пригласил в Зод давнего товарища, геолога Армена Наринджяна, с которым работал вместе немало лет. Вооружившись молотками, прихватив хлеб и сыр, они отправились на ближние и дальние склоны: лазали, смотрели, искали.

На склонах Зода они обнаружили огромное количество древних выработок. Там, где некогда были шахты, образовались воронкообразные ямы, на боковом срезе отчетливо видны слои черной почвы, пронизанной корнями растений, перемежающиеся желто-белой породой. Что это? Опытный глаз безошибочно определил: порода — переработанная руда. Но слой растительной земли такой толщины мог образоваться в данных высокогорных условиях минимум за тысячу лет. Если таких слоев на срезе три и четыре, значит, древние выработки уходят во второе — первое тысячелетия до нашей эры — ведь уже без малого полтора тысячелетия, после опустошительного арабского нашествия, добыча здесь не велась.

Матевосян и Наринджян обратили внимание и на цепь заросших, мягкого рельефа холмов, протянувшихся вдоль русла реки. Что это: естественно образовавшиеся дюны? Геологи вооружились лопатами, сняли слой дерна. Под ним — характерный промытый песок россышей и отвалов. Попытались прикинуть объем породы, прошедшей через человеческие руки. Миллионы тонн! Сколько же веков и сколько тысяч невольников отсеивали здесь крупницы золота... Что же: месторождение было выработано еще в древности? Если оно не глубинное, если оно выходило все на поверхность, то уже размыто. Если же сравнительно геологически молодое, то должно находиться в глубине горы. Третьего не дано.

«Геология учит нас смотреть открытыми глазами на окружающую природу и понимать историю ее развития» — эти слова он некогда услышал на лекции в институте от академика Обручева. Они навсегда врезались ему в память. Геологическая наука утверждала: горные цепи Кавказа принадлежат к типу «молодых». Значит, и Зод — «молодая» гора. Следовательно, рудное тело не могло быть все на поверхности, оно уходило своими корнями в глубину массива. Подтверждение тому и эти обвалившиеся шахты. Но если со-

гласиться с заключением предшественника, весь металл уже выбрали в древности.

А могли ли рабы-рудокопы выбрать все золото? Они могли добывать только тот металл, который видели, так называемое «свободное» золото. Основной же запас месторождений — «несвободное» золото, металл, соединенный с другими компонентами, невидимый глазу, улавливаемый только химическим способом. Его-то древние добытчики не знали.

Однако и это еще не главное. Определяющим стало другое. Обследованные Матевосяном древние выработки уходили сравнительно неглубоко в толщу горы. Значит, месторождение только «потревожено», богатства — в чреве Зода.

Но почему же не добрались до них предшественники, пять лет ведущие здесь разведку? Не веря в успех, они работали спустя рукава: шли по подсказке древних рудознатцев, не ставя себе задачи на уровне современных знаний, да и работали только в короткий трех-четырёхмесячный летний полевой сезон. Затем они уезжали. За осень, зиму и весну штольни осыпались. Возвращаясь на следующее лето, геологи большую часть времени тратили на расчистку завалов — и так из года в год повторялась сказка про белого бычка. Если подсчитать, то за эти пять лет они не выполнили и годовой нормы.

Что же намерен был делать Матевосян? Как когда-то Каныш Сатпаев в джезказганской степи, работать круглый год. Приняв такое решение, он начал укомплектовывать свою геолого-разведочную партию. Позвал тех молодых специалистов, которые вместе с ним оставили Азатек не по своей воле, так и не согласившись с тем, что начальство закрыло перспективный район. «Мы еще вернемся сюда», — пообещал товарищам по работе Матевосян. Теперь Самвел Минасович призывал их на новое место. Из «старичков» (многие из них — молодые специалисты) в Зод приехали Назар Петросян, Азат Габриелян, Сумбат Брутян, Роберт Мкртычян. Рабочих, проходчиков Матевосян искал по окрестным селам — и за перевалом, уже на территории Азербайджана.

— Хлопцы, — сказал он им, — мы здесь будем зимовать. А зимовать на перевале — это пять месяцев не спускаться с горы. Пять месяцев без жены, без детей... Будет трудно. Если кто не испытывал, будет очень трудно. Будет холодно. Может быть, и голодно. И работать придется без дураков, это я тоже обещаю. Кому такое не по душе, возвращайтесь домой сейчас. Чтобы я знал, с кем пойду.

В жизни ему уже не раз доводилось ставить товарищей перед выбором. Давным-давно, в Кафане, когда с молодыми геологами надо было спускаться в затопленные иностранными концессионерами шахты, — идти в темень, в неизвестность, навстречу неведомым опасностям. Потом, уже в армии, в войну, когда шел с разведчиками в тыл за первым языком. И в самом конце войны, когда его батальону предстояло прорваться к дивизии, оказавшейся в окружении, и передать боевой приказ.

Сейчас, в конторке геолого-разведочной партии, ни один не захотел уйти с перевала.

— Будем это дело доводить до конца, — сказал за всех молодой проходчик, азербайджанец Исрафил Гаджиев.

Предстояло готовиться к зимовке: отремонтировать времянки, замазывать глиной щели в стенах, завозить горючее для машин и компрессоров, доставать топливо, одежду, продовольствие.

Матевосяну, когда он приехал в управление со своим решением, начальство отказало во всем. Категорически:

— Это ты, партизан, привык в лесу да на снегу спать, а людей заставлять идти на зиму в горы — безумие. Тем более молодежь. Лучше ничего и не проси — не дадим.

Самвел Минасович ожидал и такого оборота дела. Но отступить не собирался. Партия укомплектована, ребята — что надо, зарплата им идет. А все необходимое он раздобудет в других геологических партиях у товарищей по работе.

Началась зимовка.

Матевосян предвидел, что будет трудно, и все же не думал, что будет так трудно. Перевал превратился в каменную трубу, в которой выл, гудел ледящий ветер. Уже с ноября снег заваливал временки по самые крыши и от дома к дому приходилось прорывать тоннели, как где-нибудь в Антарктиде. Глина, которой осенью обмазали стены, смерзлась и раскрошилась, и утром геологи, просыпаясь, оказывались припорошенными поверх одеял и мешков снегом, перемешанным с желтой пылью. Дрова кончились. Начали топить печи местным торфом, пропитанным соляжкой. Печи, не приспособленные для такого топлива, дымили, чадили жирной гарью. Единственный родник замерз. Воду вытапливали из снега — и для машин и для житейских нужд.

Выпадали и тихие, ослепительно-солнечные дни. Но чаще над перевалом бушевала пурга, и люди шли к забоям цепочкой, как альпинисты, держась за веревку. Дорогу впереди прокладывал проводник. Но не жаловался, не ругал себя за опрометчивое решение никто из «хлопцев». С каждым днем забои все глубже врезались в толщу горы. За сутки в среднем проходили по полтора метра. Пройти — это значит вырубить породу, убрать ее, закрепить своды штольни.

Матевосян понимал, что он должен торопиться. Еще осенью в управлении, отстаивая свое мнение о Зоде, доказывая, что металл в горе есть, он сказал: «Я доберусь до рудного тела за год». «Ну что ж, — поймали его на слове. — К осени ничего не найдешь — сам и закроешь Зод».

Теперь перед ним встала инженерная задача: как быстрее и успешнее вести разведку? Расположение древних выработок подсказывало, что золотоносная руда простиралась на большой площади. Мировая практика и собственный его опыт убеждали: можно ожидать ее залегания на больших глубинах. Если так, то надо начинать проходку не с вершины горы (что и пытались осуществить предшественники), а врезаться в Зод сбоку — горизонтально, штольной. При таком способе проходки, по давно утвержденной инструкции, полагалось закладывать горизонты-«этажи» через каждые пятьдесят метров, начиная с верхнего. Причем последовательно, если верхний пересечет рудное тело. Матевосян решил нарушить инструкцию — врезаться в гору через каждые сто метров, с разных склонов. Так он скорей обнаружит месторождение и определит его размеры. А ему нужно было торопиться.

Риск? Конечно. Но он пошел еще дальше: приказал сразу же закладывать не разведочные, узкие штольни, а большие, промышленные, диаметром в семь метров: будущим добытчикам останется только сменить оснастку — и покатаются груженные рудой электровагонетки, зашуршат электротранспортеры.

Пока же не то что электровагонеток — электрических лампочек не было на перевале: «летучие мыши» да карбидки. И прежде чем упрутся штольни в золотоносную руду, пройдут месяцы и месяцы...

Полые черные трубы-«этажи» метр за метром уходили в глубь горы. Грунт был сложный. То твердейшая кварцевая порода, то

в местах разломов угрожали обвалы и осыпи, и приходилось ставить сплошные бетонные крепления, как в тоннелях метро. «Хлопцы» работали, не делая скидки на трудности.

Но под Новый год попросили:

— Хотим съездить к семьям.

29 декабря Матевосян послал вниз, в райцентр бухгалтера и кассира получить в банке зарплату — не с пустыми же руками возвращаться парням к родным пенатам. Бухгалтер и кассир встали на лыжи. Через несколько часов вернулись:

— Не можем пробиться сквозь пургу.

Начальник партии снарядил целую группу, самых крепких. За весь световой день они отошли от поселка едва ли на три километра. Самвел Минасович почувствовал: ребята приуныли.

На следующий день стало тише, небо засверкало голубизной.

Вечером каждый получил заработанные деньги. Что ж, поймут жены, что их мужья работали эти месяцы на славу! Утром 31 декабря лагерь снялся с места.

«Вернутся? Все вернутся? А вдруг кто останется в городе?..» Матевосян отгонял самую мысль об этом.

4 января поднялись на перевал все. Значит, поверили. Так, как должны верить своему командиру: как верили ему в Бресте, как верили ему, командиру разведывательного взвода, когда он вел бойцов за языком.

К середине февраля кончились запасы горючего. То ли начальник партии неверно рассчитал, то ли в морозы компрессоры сверх нормы пожирала солярку. А может, ушла она на отопление времянки.

Матевосян снова снарядил вниз товарищей, дал им трактор с санным прицепом-цистерной:

— Надо раздобыть солярку во что бы то ни стало. Попросите в райцентре, в МТС.

Хлопцы раздобыли. Но трактор смог поднять цистерну только до конюшен. Дальше, до штолен, — больше километра обмерзшей крутизны.

Матевосян посоветовался с товарищами. Решили:

— Будем на руках поднимать.

— Беру командование на себя, — сказал заведующий горными работами Назар Петросян. — А вы, Самвел Минасович, останетесь в конторе, не с вашими перебитыми ногами солярку таскать.

Геологи, проходчики, работники канцелярии, кассир, бухгалтер, завхоз и сторож — все растянулись цепочкой по склону, начали передавать ведра с горючим из рук в руки. И тут снова закрутила пурга.

Матевосян испугался: кто-нибудь сделает шаг в сторону, провалится в заброшенную канаву-западню, прикрытую слоем снега, — не вытащишь. Вышел из конторки, пробрался сквозь стену ветра к товарищам.

— Зачем пришел? — набросился на него Назар. — Не доверяешь? Уходи!

Кричать на начальника! Ветер выбивал слезы из глаз, рвал слова. Петросян выкатил разгневанные красные глаза:

— Немедленно уходи!

— Не кричи, все-таки я тут начальник, а не ты. — Он повернулся, поковылял назад, в стонущую под ударами снежных зарядов конторку.

Компрессоры продолжали работать.

К весне прошли штолен больше, чем предшественники за все пять лет. В апреле прорыли с перевала в снегу шестидесятиметровый тоннель вниз, в долину, сбегаящую в Севан и уже расцветающую маками.

Поздней весной, когда дорога установилась, прибыл из столицы республики уполномоченный. Не спросил: как перезимовали, откуда брали топливо, горючее, еду, как хватило стойкости выстоять? Поинтересовался:

— Нашли золото?

— Еще рано,— ответил Матевосян.— Еще полгода идти через пустую породу.

Приезжий проследовал к штольне. Прикинул на глаз:

— Диаметр у вас больше установленного инструкцией.

— Да. Мы сразу гоним промышленный, чтобы добытчикам не пришлось все делать заново.

— А инструкция? И кто это вам разрешил самоуправничать?

— Мы подсчитали: так экономичней.

— Для кого? Для нас, геологического управления? Да еще окажется ли оно, золото? Нет, милейший, не разрешаю. За самоуправство, за нарушение инструкции лишим вас премии. Не поможет — применим более строгие меры.

Начальство уехало.

Матевосян приказал вести проходку штолен прежними габаритами.

Чем продиктовано такое решение? В жизни возникают ситуации, когда новое уже не укладывается в рамки устаревшего. Матевосян был убежден в своей правоте. Забегая вперед, скажу: в новой инструкции, принятой несколько лет спустя, уже говорилось о целесообразности проходки разведочных забоев промышленными диаметрами.

Тем же летом 1956 года в Зод приехали президент Академии наук Армении Виктор Амазаспович Амбарцумян и еще несколько ученых. Все осмотрели. За беседой встретили горный рассвет.

— Будем вам помогать,— сказал Виктор Амазаспович.— Каждый раз, когда будете наезжать в Ереван, заходите ко мне. Наша академия очень серьезно занимается проблемой природных ресурсов республики.

А во время очередной встречи, уже в городе, предложил:

— Давайте слушаем ваш доклад на президиуме академии.

Это предложение живо напомнило Матевосяну давнюю эпопею Каныша Сатпаева.

Самвел Минасович тщательно подготовился. И в один из дней лета 1956 года «защитил» свой проект на совещании, проходившем в кабинете Амбарцумяна.

Проблема заключалась в том, чтобы возродить к жизни древний рудоносный край, превратить в индустриальный один из самых отдаленных и наименее развитых районов республики, сделать Армению поставщиком золота в валютный фонд страны. Почувствовал: увлек своими гипотезами и идеями, многих сделал своими приверженцами и «болельщиками» за судьбу Зода.

Но проект проектом, а штольни все еще не достигли рудоносной зоны. Затраты на проходку с каждым месяцем росли. Что, если Матевосян ошибся в прогнозах? Продолжать финансирование Зодской партии или перебросить средства на заведомо перспективные, апробированные участки? Матевосяну начали урезать ассигнования.

Самвел Минасович приехал в управление:

— Почему? Вы же дали мне год, а он еще не истек.

— Но ты прошел больше штолен, чем запланировано на год, а золотишка-то нет.

— Возможно, зона упала на север и мы идем ей вдогонку. В этом районе очень сильные смещения. Вот-вот мы подойдем к руде.

— А если не подойдете? Гора и так уже становится золотой — столько вколотили в нее денег. Без решения Москвы финансировать твою работу больше не будем.

Что же делать? Ехать в Москву? Но ведь там, в Министерстве геологии, в Госплане, тоже потребуют доказательств. А его предположения, хотя и основанные на опыте и знаниях, не осязаемый факт...

Он вернулся в Зод.

Ночью в дверь дома затарабанили.

— Кто там? Что случилось?

— Это я, Арамаис! — услышал он голос проходчика. В голосе было волнение и ликование. — Откройте, увидите!

Матевосян распахнул дверь.

Арамаис и второй проходчик, Исрафил, в грязи, в пыли, в ка-сках, видно, прямо из забоя, вошли, держа в двух руках, как младенца, что-то завернутое в платок:

— Вот!

В чаше подставленных широких ладоней лежала серая порода, а в ней сверкали желтые кристаллы.

— Золото, Самвел Минасович! Золото!

Нет. Это не золото. Просто пирит — минерал, не представляющий большой ценности, внешне, правда, он был действительно похож на благородный металл.

— Не огорчайтесь, хлопцы. Молодцы, что пришли, этот мине-рал — один из верных спутников золота. Оно уже недалеко!

Действительно, Матевосян укрепился в своих предположени-ях — рудное тело близко: стала меняться в штольне порода, появи-лась минерализация, пошли пириты, начали попадаться гнезда кварца.

Он выехал в Москву.

Министр геологии поддержал его. Однако в учреждениях, ве-дающих ассигнованиями, отнеслись к просьбе начальника геолого-разведочной партии настороженно:

— Нет убедительных доказательств.

— Хорошо. Тогда я прошу одного — пришлите государственную комиссию.

Это другое дело. Комиссия из шести специалистов выехала из Москвы вместе с Матевосяном.

К подножью Зода приехали 2 октября. Внизу, в долине Севана, еще сверкала багрянцем осень, а на склонах уже крутила первая пурга. Кто-то в Ереване напугал членов комиссии: «Если застанет вас наверху зима, не выберетесь до весны!»

К поселку добирались на тракторе сквозь снежные заряды. Трак-тор остановился у времянок, когда день уже перевалил за поло-вину.

— Отдохнем с дороги, а завтра посмотрим, — предложил Мате-восян.

— Нет, сейчас же идем в забой!

— Идем так идем.

Каждый член комиссии получил лампу-карбидку, надел каску. Пошли. По штольне до забоя — полкилометра. Самвел Минасович

знал, чего стоил каждый шаг.. Сердце колотилось. «Разреженный воздух, что ли, подействовал, отвык в Москве?» Или понимал он, что вот сейчас, через пятьсот метров, решится судьба Зода?

Проложенная в камне труба уперлась в искореженную взрывами, отбойными молотками породу. В снежно-сахарном кварце сверкали уже не обманывающие проходчиков кристаллы пирита. От верха до низа по породе змеились зеленовато-серебристые жилки.

У Матевосяна перехватило дыхание. Не поверил. Зажмурился. Открыл глаза. Глухим голосом в тишине — молотки отключены — спросил, показывая на серебристые жилки:

— Когда вышли на это?

— Да вот только, часа два, к середине смены, — ответил Арамаис. — А что, товарищ начальник?

— Это золото. Золото в соединении с теллуrom.

Председатель комиссии поднял обломок породы, вынул лупу:

— Поздравляю, Матевосян. — Потом спросил: — Как думаешь, какое содержание металла на тонну руды?

Самвел Минасович тоже приладил к глазу лупу наподобие той, которой пользуются часовых дел мастера. И назвал цифру.

— Не может быть!

— У нас здесь нет лаборатории, — сказал Матевосян. — Возьмите образцы в Москву, проверьте.

Тем же вечером комиссия отбыла с перевала.

Через четыре дня в Зод на имя начальника партии пришла из Москвы телеграмма: «Ваш прогноз полностью подтвердился».

Бусина из раскопок Лчашена

Золото есть!

Но следом возник вопрос: сколько его? Одна жила, даже и богатейшая, не делает погоды.

Матевосян приказал на сто метров ниже пятой штольни — той самой, которая подсекла рудное тело, — заложить еще две. Одна из них — Сороковая, названа была так в честь сорокалетия Армении, юбилей предстояло отмечать в 1960 году. К этой дате, как рассчитал Самвел Минасович, проходчики должны были достичь нового золоторудного тела. Но до него предстояло «идти» в чреве горы два километра.

Теперь, в преддверии второй зодской зимы, были отпущены средства на подготовку к зимовке, завезены строительные материалы, оборудование, горючее, продовольствие. По сравнению с прошлой осенью — осуществленная голубая мечта.

Весной 1949 года начался спуск вод из бассейна Севана для нужд ирригационно-энергетического Севано-Разданского каскада. Этот удивительный дар природы, «кусочек неба, который опустился на землю между гор»; как сказал Алексей Максимович Горький, должен был отдать часть своего богатства — воды — для орошения десятков тысяч гектаров плодороднейших, но испытывающих жажду земель Араратской долины, для турбин шести электростанций. Севанской воде предстояло пробудить к жизни новые отрасли промышленности в республике, предопределить создание новых поселков и городов. Неожиданно осуществление проекта отразилось и на судьбе Зода. Случилось это так.

К лету 1957 года воды Севана отступили на несколько метров от старых берегов. На прежде скрытом от глаз дне озера обозначились остатки древних поселений. Армянские археологи начали

раскопки. В одном из обнажившихся курганов у деревни Лчашен их ждала редчайшая находка: в кургане оказалось превосходно сохранившееся захоронение вождя древнего неведомого племени. Кроме останков самого вождя — его боевая колесница, прах тринадцати слуг, шести быков, двух коней и огромное количество оружия, орудий труда, драгоценных украшений, секир, курильниц, чарок. Наука позволяет датировать находки с абсолютной точностью. Сокровища Лчашена были сокрыты под толщей кургана в XIV веке до нашей эры.

Матевосян каждый раз, когда спускался с перевала, наведывался в палаточный городок археологов, горячо интересовался ходом раскопок. Прежде всего потому, что сам увлекался этой отраслью человеческого знания. А еще и потому, что ждал... И дождался: среди находок были обнаружены золотые украшения, в их числе ожерелье тончайшей ювелирной работы, искуснейшая филигрань.

Самвел Минасович приехал в Ереван, поспешил к президенту Академии наук. Амбарцумян понял его с полуслова:

— Попрошу, чтобы вам дали на анализ одну из золотых бусин.

Еще намного раньше, в самом начале работы его партии в Зоде, Самвел Минасович начал пробную промывку дюн-отвалов вдоль реки. Его заинтересовали не столько сами не извлеченные из россыпей запасы, сколько вопрос: за счет чего россыпи образовались, в каком месте размывались в древности рудные тела? Это давало возможность по следам размыва добраться до золотого «устья». Обычно — на Колыме, на Дальнем Востоке — пески промывают гидромониторами. Это и дорого и требует много воды. Матевосян решил использовать обыкновенную пожарную машину. Начали промывку — превосходно получается! Как-то он стоял на берегу около промывочного лотка. Вода прозрачная, кристальная. Увидел — блеснуло. Сказал рабочему, старому старателю Закиру:

— Дай-ка вон тот камушек. Вон тот, желтый, у твоего сапога.

Геолог, сопровождавший его, ухмыльнулся:

— Думаете, товарищ Матевосян, золото?

Старатель поднял камушек — и сразу же почувствовал непривычную его тяжесть:

— Фарт, товарищ начальник!

Самородок оказался весом в 150,3 грамма. Первая находка, первое золото, обнаруженное в Зоде.

Теперь, к лету 1957 года, и самородков набралась целая куча, и золотой «песок» из промытых дюн, и золотоносная руда Пятой штольни.

Золото каждого месторождения как бы имеет свой паспорт, а точнее — неповторимый «дактилоскопический отпечаток», только данному месторождению присущий процент сопутствующих примесей. Для зодской руды характерен свой процент содержания в металле примесей селена и теллура.

Самвел Минасович взял крупинки золота из штольни, из россыпей у реки и вместе с бусинкой ожерелья Лчашена повез в Москву, в лабораторию Министерства геологии. Вскоре микрохимический анализ подтвердил: ювелирные поделки Лчашена — из металла, добытого рудознатоками в Зоде. Тем самым подтверждался и возраст древних выработок, установленный Матевосяном по срезу воронкообразных отвалов.

Начальник партии решил взять пробу и с древнеримских золотых монет, хранящихся в Музее истории Армении: многие диски

с профилями цезарей также оказались вычеканенными из металла, добытого в горе над Севаном. Нет, не грешили против истины Страбон, Кай Плиний Секунд и другие ученые античного мира.

Самого же Матевосяна эти свидетельства еще больше укрепляли в уверенности: первые его находки — лишь пролог к будущим открытиям.

Горный университет

Зод как необычное геологическое явление еще не был признан авторитетами, а в кругу специалистов, у молодежи окрестных деревень, среди студентов геологического факультета Ереванского университета уже начала распространяться молва о нем.

Крестьянские парни шли в райком комсомола, просили направить на перевал. Студенты добивались права проходить в разведочной партии производственную практику. Молодые специалисты разыскивали в управлении Матевосяна, выспрашивали о работе. Он охотно принимал молодежь.

Самвел Минасович решил, что надо перебазировать поселок на новое место, в распадок намного ниже перевала. В долгую зиму здесь будет легче — не так свиреп ветер. И главные запасы должны быть обнаружены здесь, у основания горы.

На все строительство — лишь два плотника. Решили собирать теперь уже настоящие коттеджи на воскресниках, субботниках, после смен. Под крышами — интернационал. В доме — электрик-волжанин Иван Осадчий, одессит-украинец Олег Сиваченко.

Самвел Минасович вместе с женой, тоже геологом, Сирануш Артемьевной занял одну комнату. Как ни убеждали его и парторг и профорг партии, что начальнику полагается отдельный коттедж, — не убедили. Впрочем, товарищи по работе знали: таков его принцип — никаких льгот себе, ни в коем случае не лучшие условия, чем у других, будь то специалист или рабочий.

Уже стали навещать Зод и делегации иностранных специалистов.

Однажды приехали чехословацкие геологи. Принимал по всем законам национального гостеприимства. Крепко подружился с делегатами из братской страны. Руководитель делегации, занимающий в стране один из высших постов, оказался в прошлом рабочим-горняком.

Только проводил гостей — сердечный приступ. В тяжелом состоянии доставили в Ереван. Врачи заподозрили: инфаркт. Двадцать один день лежать пластом, пальцем не шевелить.

Через одиннадцать дней звонок из Зода:

— Как самочувствие?

— Хорошо, порядок. А что у вас там, хлопцы?

В трубке заминка. Потом:

— Подсекли руду. Очень интересные данные. Но уперлись в древнюю выработку и не знаем, куда гнать дальше!

— Ни шагу вперед! Отведите из забоя людей. Ждите — приеду!

Улучил минуту, когда никого не оказалось дома, выскользнул из квартиры — и на аэродром.

С самолета в поджидавший «козел» — и прямо в забой. Собрал рабочих, молодых геологов:

— Повторно проходить древние выработки — самое опасное дело. Мне уже приходилось сталкиваться с ними в Азатеке. Оган подтвердит.

Оган Давидян, пришедший с Матевосяном еще из Азатека, действительно мог подтвердить. Там, на участке Софи-Бина, тоже вышли на древнюю выработку. Матевосян только начал рассказывать, что в такой выработке даже от звука голоса может отслоиться порода, как со свода грохнул камень — и Огану на ногу.

— Может быть, мы сейчас стоим на целике, который древние оставили, а в полушаге — завалившаяся шахта. Или над нами забутованное пространство, которое может обрушиться каждую минуту. Стойте, ни звука!

А сам сделал два шага вперед — и провалился, полетел в просевший под ногами черный колодец. Фронтная сноровка или просто везение — успел ухватиться, удержаться на выступе. Под ногами пустота, камни, осыпающиеся с уступа, ударяются о дно где-то в бездне. Да и над головой метров семь. Оттуда, сверху, уже огни, веревочные лестницы.

Выбрался. Кровь заливает лицо — видимо, ударился головой, когда падал. Чувствует — круги перед глазами. Только бы не напугать молодых. От испуга трудно отделяться, а горняку всегда угрожают всяческие опасности. Улыбнулся:

— Ну, хлопцы, убедились? Пошли в поселок.

Упал уже дома. Очнулся в Ереване в больнице.

Через несколько месяцев, когда, выздоровевший, вернулся в Зод, убедился: в его отсутствие товарищи работали отлично.

Значит, кой-чему научил своих хлопцев.

А что же те, кто упорствовал в неверии?

Как было бы просто в жизни и легко, если бы все такие люди, убедившись в очевидном, могли менять свои старые представления и из противников нового становиться единомышленниками в борьбе. Увы, действительность не всегда укладывается в желаемый сюжет.

С новой силой разгорелись страсти, когда бурили скважину № 64, заложенную в обгон, впереди горизонтальной Сороковой штольни. Утвержденным проектом предусматривалось пройти эту 64-ю до глубины в сто пятьдесят метров. Достигли проектной отметки — руды нет. Матевосян приказал Каро Инджояну:

— Бури на сто восемьдесят метров.

В то время в Зоде появился новичок, молодой геолог, направленный без согласия начальника партии ему в помощники прямо из управления. «Старожилов» он поразил тем, что неустанно заботился о своих ногтях: делал маникюр, покрывал лаком, шлифовал пилкой. Такого среди геологов и горняков не видывали. И еще он привез с собой спиртовку — и пусть хоть гром среди ясного неба, обязательно несколько раз на дню заваривал ароматный кофе: «Жить не могу без него!» Хлопцы дали ему прозвище Аристократ.

И вот не успел Матевосян отдать Каро новый приказ, как раздался звонок из Еревана:

— Кто разрешил вам нарушить проект?

— Я уверен: руда должна быть, — начал объяснять Самвел Минасович. — Зона может быть искривлена, у нас так уже было. Внести поправки в проект — право начальника партии.

— Что ж, под вашу персональную ответственность.

Бур достиг ста восьмидесяти метров — руды не было. Самвел Минасович распорядился:

— Буруйте на двести метров.

Не успели подсоединить к колонне новые трубы-«свечи» — звонок:

— Как мне доложили, вы продолжаете самоуправничать.

— Уже доложили? — Матевосян догадался, кто был «информатором» начальства. — Что это за порядки: почему помощник докладывает вам, а не мне? Пока за разведку отвечаю я.

— Именно: пока. Ваш же помощник поступает правильно, он выполняет мои указания. Прекратите немедленно все работы на Шестьдесят четвертой, явитесь с объяснениями.

Работы он не прекратил, но с объяснениями явился:

— Мне это надо, да? Лично мне?

— А кому надо?

— А если бы на фронте действовали только по инструкции, без личной инициативы и ответственности, что получилось бы?

— Неуместное сравнение, милейший. Здесь не фронт, и я не противник ваш, а начальник.

— Нет, здесь тоже фронт. И ответственность перед теми, кто не вернулся с войны. Они верили, что после победы мы будем жить лучше. Золото нужно не лично мне, а стране, чтобы все жили лучше.

— Демагогия. Сколько можно апеллировать к войне? Мы решаем сегодняшние проблемы. А вы ведете себя не как специалист, а как партизан. Если не хотите идти под суд, прекратите работы.

Самвел Минасович сдержал себя с великим трудом. Понял: не переубедить того, кто не предложил стул человеку, который стоял перед ним, опираясь на палку.

По дороге в Зод вспомнил Джекказган, поездки с Сатпаевым по медной степи. Вспомнил, как русоголовый шофер Николай берег воду, НЗ, для радиатора. И опять всплыл Брест. В казематах воду берегли только для пулеметов, для детей и тяжелораненых. Пять бойцов уходили за водой, возвращался один. Смертельно раненный, убитый, он зажимал ладонями простреленную флягу и протягивал ее в амбразуру каземата... «Сколько можно апеллировать к войне?» Солдату суждено помнить ее всю жизнь и все в своей жизни мерить той мерой.

Матевосян поднялся к 64-й:

— Хлопцы, не подсечем руду на двухстах матрах, будем бурить на двести пятьдесят.

Подняли керны с глубины в две сотни метров — пустая порода. 210, 220, 250... Ничего нет.

Уже и товарищи, с которыми работал с первого дня, заволновались:

— Стоит ли, Самвел, из-за этой скважины? Такой козырь против себя даешь!..

Он понимал: да, все снова поставлено на карту — и вера молодых в его авторитет, и собственное его будущее, и (кого это не заботит!) благосостояние семьи: за годы не покрыть зарплатой затраченных средств. Да и под суд действительно могут подвести — есть соответствующие статьи в Уголовном кодексе. И разве на 64-й сошелся клином свет? Разведка в Зоде ведется в нескольких направлениях: штольни, другие скважины. Все остальные — в соответствии с проектами и сметами, по согласованию с начальством... Как бы поступил на его месте Каныш?

— Бурите на триста!

Каро Инджоян сорвал с головы шапку, ударил оземь. По народному обычаю, это значило: не надену, пока не победим, — не будь я мужчиной!

Телеграфом распоряжение: «Немедленно явиться объяснениями». Посланцы от начальства...

260 — нет.

270 — нет...

Аристократ отказался подчиняться начальнику партии. Бросил работу, уехал.

Тут же на имя Матевосяна — новая телеграмма: «Финансирование партии прекращено. Расчетный счет закрыт. Предлагаю прибыть завтра».

Перед рассветом гулкий стук в дверь поднял его на ноги. В проеме двери на фоне розового неба — богатырская фигура Каро. Буровик переступил порог, протягивает завернутый в носовой платок керн, как когда-то, несколько лет назад, Арамаис:

— Посмотрите!

А у самого голос пресекается спазмой на шепот.

Он взял, откинул уголок платка, поднес к глазам. В кварце не обманщик пирит, не серебристые прожилки теллура. Редчайший случай: видимые глазу кристаллы «свободного» золота.

— Пошли.

Они поднялись к буровой.

— С какой отметки поднят керн?

— С двухсот семидесяти четырех метров, товарищ начальник.

— Продолжайте. Надо пересечь все рудное тело.

Когда пересекли и снова вышли в пустую породу, он приказал:

— Теперь закрывайте скважину. И никому ни слова.

Сам упаковал образцы и выехал в Ереван.

Вошел в кабинет начальства. Поздоровался. Ответа не дождался. После паузы:

— Думаете, нет на вас управы? Ответите за все, что вы там наделали.

Матевосян подошел к столу:

— Да, отвечу.

Выложил, развернул образцы:

— Вот керны Шестьдесят четвертой.

Специалисту не нужно было и секунды, чтобы оценить находку. Выбежал из-за стола:

— Поздравляю! Поздравляю, дорогой Самвел Минасович! — И тут же за телефонную трубку: — Товарищ секретарь, у нас в Зода одержана новая замечательная победа!

Теперь уже ни у кого не могло остаться сомнений: количество руды и процент содержания в ней золота вполне достаточны для промышленной разработки, для строительства в районе Зода горно-обогатительного комбината.

Теперь можно уже было готовиться к «защите» Зодского месторождения в Москве, в Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых.

В 1960 году осенью, спустя ровно пять лет как Матевосян поднялся впервые на перевал, состоялась эта «защита». В заседаниях ГКЗ приняли участие специалисты, ответственные работники Совета Министров СССР и Госплана, нескольких министерств. Подсчет запасов драгоценного металла, произведенный Самвелом Минасовичем и его товарищами по геолого-разведочной партии, был тщательно выверен и полностью утвержден. Золото Зода зачислено в валютный фонд страны.

Звезды Зода

С каждой новой разведочной штольной все ясней становилась карта этого месторождения. Подтвердилось изначальное предположение Матевосяна, что древние рудознатцы лишь зачерпнули из бездонного колодца. Действительно, «корни» рудных тел и главные их «стволы» уходят в недра хребта, а выходы на поверхность — лишь отдельные ветви. В штольнях по рельсам катят электровагонетки с золотоносным камнем, и на обогатительной фабрике, построенной тут же, выплавлены первые тяжеловесные слитки. Промышленные штреки пролегли по тем самым разведочным забоям увеличенного диаметра, которые с первого дня прокладывали в толще «хлопцы». Только на этом для государства сэкономлены десятки миллионов рублей.

Уже давно партия преобразована в Зодскую экспедицию геолого-разведочного треста цветной металлургии Армении. Молодым горнякам, чьим домом стал поселок на склоне горы, и не поверить, с чего здесь начинали: с поломанного «газика», «виллиса», «студебеккера» и двух маломощных компрессоров, вручную откатывали вагонетки. Сейчас полная механизация. Десятки дизельных и электрических компрессоров, механические погрузчики, электровозная откатка. Экскаваторы и бульдозеры, скреперы и шурфокопатели. Автомашин последних конструкций вплоть до гусеничных — целый парк.

Большие перемены и в жизни людей, связавших свою судьбу с Зодом. Проходчик Арамаис Нерсесян стал бригадиром. На его счету уже 12 прорубленных в горе штолен. Он так освоил «язык месторождения», что не только безошибочно определяет, есть ли в породе золото, но без анализа устанавливает приблизительное содержание металла в руде. Недавно Багиш Карапетян награжден орденом Октябрьской революции. Два других ветерана — проходчик Сергей Сарибекян и десятник Арамаис Нерсесян — удостоены ордена Ленина.

Бывший студент-заочник азербайджанец Исмаил Кулиев, младший техник, после окончания университета назначен геологом. Недавно в поселке был пир — Исмаил привез жену Солмас. Она медсестра, работает теперь в селении.

Студент Батик Батикян пятнадцать лет назад, еще до Сороковой штольни, приехал сюда на практику. Руководил его дипломной работой тогда Азат Габриелян. После окончания факультета разыскал Самвела Минасовича: «Возьмите к себе». Теперь Батик — главный геолог экспедиции, вместе с Азатом числится одним из «старичков».

И каждый год приходят и приходят сюда новички. Нынешний комсорг экспедиции Григорий Антонян три года назад тоже проходил здесь преддипломную практику, потом защитил тему «Геология и петрография Зодского месторождения». Сейчас работает геологом. Его младший брат Аветис, студент, проходит практику. Тема его будущего диплома — «Минералогия Зодского месторождения».

Минувшей весной приехали из благовещенского политехникума «геологини» Клара Зимина и Валя Арестова. Считают: «Повезло, попали в такой коллектив!» И «старички» ими довольны — девушки любят свою профессию, старательные. Сейчас они готовятся поступать на заочное отделение геологического факультета университета.

О коллективе экспедиции идет слава по всей республике. Строчка анкеты: «Работал в Зоде» — лучшая характеристика на новом месте.

По утрам ослепительно яркое солнце заливает поселок и склоны, чуть ли не каждый день меняющие свой наряд. Вот запылали они

горными пунцовыми тюльпанами. На смену тюльпанам пришли сиреневые клубы бирана. Потом — анютины глазки, дикие розы, горные гвоздики, потянуло из долины дурманящим ароматом цветущего пшата...

Ночью поселок мерцает, искрится, переливается гроздьями огней. Ниже поселка, у подножья, огни еще гуще. Там, где не так давно лепилось небольшое селение, теперь поселок с пятиэтажными домами из розового туфа. В этом поселке живут семьи многих горняков, работников экспедиции и комбината. Пройдет не так уж много времени, когда станет поселок Зод городом с населением в десятки тысяч человек.

Уже сейчас весь этот район, дававший республике лишь один процент промышленной продукции, да и тот за счет выделки ковров, стал важным промышленным районом с большим отрядом рабочего класса, в основном механизаторов-горняков. В райцентре открыто профтехучилище, готовящее проходчиков, сварщиков, электриков.

К комбинату, который скоро полностью вступит в строй, прокладывается железная дорога.

А на берегу Севана пестрые коттеджи — дом отдыха и профилакторий для разведчиков золота.

В Ереване, в новом здании геолого-разведочного треста цветной металлургии Армении, в кабинете управляющего за стеклами книжных шкафов — образцы полезных ископаемых. А над столом, над креслом управляющего — большой портрет Серго Орджоникидзе.

Нарком в военной гимнастерке с накладными карманами. Внимательный, сосредоточенный взгляд. Седые виски. Подпер кулаком щеку. Внимательно слушает. Думает... Точно таким и запомнил Самвел Минасович дорогого ему человека, наркома, в последнюю их встречу на площади Ногина — будто в тот момент и сделал снимок фотоаппаратом. Таким вошел Серго в его сердце и остался навсегда.

Почти никогда не бывает спокойно и тихо в этом кабинете, если сидит за столом управляющий трестом: у подъезда останавливаются запыленные «козляки»-вездеходы и «Волги», вваливается громкоголосый народ. Громоздятся на сукне стола керны, шелестят рулоны карт, прочерченные условными знаками штолен, скважин, разрезов, забоев. Только не часто застанешь управляющего в кабинете. Сегодня он в горах на юге республики, завтра — на севере, послезавтра — на востоке или западе: у треста много «объектов», партий и экспедиций.

Возрождено к новой жизни несколько ранее закрытых рудников Кафана — того промышленного района, куда еще до войны, после Джезказгана, получил назначение молодой горный инженер Матевосян и откуда он вместе с двумя сотнями других шахтеров-добровольцев ушел по комсомольскому призыву в Красную Армию. После войны в Кафан из двухсот вернулись только четверо. Матевосян — один из этих четверых... Ныне бывшие медные рудники, «вычерпанные», казалось, до дна, дали отличную пробу на полиметаллы.

Семнадцать лет назад Самвел Минасович не по своей воле оставил Азатек. Тогда он сказал своим помощникам по геолого-разведочной партии, как и он несогласным с закрытием перспективного района: «Мы еще вернемся сюда!» И вернулся: став руководителем геолого-разведочной службы, направил в Азатек своих учеников. Они открыли богатое месторождение ценного сырья. Ныне на склоне горы, где лепились времянки, — превосходный городок геологов,

уменьшенная копия зодского. На месте затерянной в горах деревеньки — большой районный центр Азизбеков с каменными благоустроенными домами, асфальтовым полотном улиц, затейливыми фонарями. По виду — современный курортный городок.

В последние годы, будто действительно Матевосян обладает чудодейственной способностью видеть на сотни метров вглубь, сквозь камень, под его руководством открыты новые месторождения меди, полиметаллов, золота и других полезных ископаемых. Во многих экспедициях и партиях треста начальниками, главными инженерами и главными геологами работают те, кто начинал свою трудовую жизнь в Зоде молодыми специалистами. И многие из них одновременно ведут научные исследования, одиннадцать уже защитили кандидатские диссертации, а кое-кто взялся и за докторские. Матевосян щедро делится идеями, консультирует их работы. А самому научно обобщить богатейший опыт своей жизни все недосуг. Три недели в месяц из четырех — в разъездах по республике. Да и в Москве в Министерстве цветной металлургии, в Совете Министров, Госплане бывает по делам службы едва ли не чаще, чем в своем кабинете.

И все же любимое дитя, пусть и ставшее совершеннолетним, — его Зод. Хотя на нынешнего начальника экспедиции, кандидата геолого-минералогических наук Эрика Мадатяна может положиться как на самого себя: фронтовик, тоже жестоко раненный, работал за рубежом, много лет бок о бок с Самвелом Минасовичем.

Матевосян приезжает в поселок. Пересаживается с «Волги» на «газик» или гусеничный транспортер — и к забоям. Все осмотрит. Спустится в поселок, остановится на площадке у конторы экспедиции. Сюда уже собираются: у «старичков» до сих пор насущная необходимость поговорить с ним, выложить свои заботы. А молодым интересно поглазеть на человека-легенду. А он руки в карманы:

— Ну, как тут у вас?

Потом, в Геологическом отделе, среди полок с кернами и образцами пород, среди амфор-карасов, базальтовых древних мельниц и ступ, у кульманов, за которыми колдуют над «Разрезами по скважинам» юные «геологини» Валя Арестова и Клара Зимина, он слушает отчет о проделанной работе. Как командир дивизии — доклады своих командиров полков и батальонов. Понимает с полуслова. Требуется одного: чтобы слово было делом. И учит одному — смелости, основанной на знаниях, опыте и убежденности в своей правоте. Советует:

— Смелей запрягайте молодежь. Бросайте на самые трудные участки. Технику, средства дадим.

И в Зоде и на всех других объектах знают: если сказал «дадим», пусть прозвучало слово как бы между прочим, обмолвкой — никогда не забудет, непременно придет и оборудование, и машины, и буровые станки. Безо всякой бумажной волокиты — докладных, просьб, ходатайств, заключений, комиссий. Зная такое его качество, совестятся просить лишнее. Берут только то, что действительно необходимо. Это тоже его школа.

В прошлом году, когда в очередной раз он был в Бресте, позволили друзья из Москвы, разыскали:

— Указом Президиума Верховного Совета СССР тебе присвоено звание Героя Социалистического Труда!

В Указе сказано: «За выдающиеся успехи, достигнутые в развитии цветной металлургии».

В природе золото в противовес бытующему мнению о нем как о редком металле распространено повсеместно: в горных толщах,

в земле, в клетках растений, даже в воде. Но в одном случае промышленные руды, в другом — очищенные от примесей самородки высокой, «валютной» пробы, в третьем — только следы. На современном уровне развития техники экономически невыгодно разрабатывать те месторождения, которые показывают ничтожно малый процент содержания золота. Наступит время — ученые уже подберутся к решению этой проблемы, — когда его научатся «выплавлять» из морской воды, в которой имеются по морям и океанам миллионы и миллионы тонн благородного металла.

В каждом человеке тоже есть частица коренного золота. В одном лишь следы его, в другом — богатая руда. Пусть не часто, но бывает и чистое, коренное золото. Глыба-самородок.

У журналистов стало принятым и, да пусть простят меня коллеги, банальным приемом задавать своему герою вопрос: «А если бы привелось начинать жизнь сначала, заново выбирать профессию?..» И ставится так вопрос всегда в том случае, когда predetermined ответ: «Хотел бы прожить так же, выбрал бы этот самый путь».

Сама постановка такого вопроса понятна: мы хотим убедиться, что герой нашего очерка — человек, действительно нашедший свое призвание. А это ли не самое трудное и самое счастливое в жизни?..

Я тоже, грешен, задал такой вопрос Самвелу Минасовичу.

И неожиданно услышал:

— Нет, сложись жизнь иначе, стал бы лучше садоводом или агрономом.

— Почему?

—хлопотно быть геологом,— усмехнулся он.— Как ни говори, а мы, геологи, горняки, опустошаем земные недра. Миллионы и миллионы лет природа создавала богатства, мы пришли — и выпотрошили земные кладовые, практически невозстановимые. А призвание человека — обогащать природу, украшать землю.

Я не стал разубеждать Матевосяна. Хотя, конечно, его доводы легкоуязвимы и весьма спорны. И не стал доказывать, что именно в профессии разведчика недр наиболее всесторонне и глубоко раскрылись особенности его характера.

Почему? Потому что подумал: стань он садоводом или агрономом, он проявил бы себя точно так же. Вырастил бы сады на вечной мерзлоте или вывел бы на ней наперекор всему и вся чудесные плоды и зерна.

И все же очень хорошо — и для Самвела Минасовича Матевосяна и для страны,— что из тысячи других выбрал он профессию геолога.

ВИКТОР ИЛЬИН

★

ЦЕЛЫЙ ВЕК

Повесть

Моя родина — село Речное бывшей Алексеевской волости, Лаишевского уезда, Казанской губернии. По последней ревизской сказке, в нем проживало без двух десятков тысяча душ. Сейчас, конечно, раз в пять поменьше.

Село наше стоит на высокой горе, омывается рекой Шанталой, которая впадает в Каму. Река Кама находится от села в двух километрах, почему и колхоз там назывался «Красное Прикамье», потом, правда, стали именовать «Россия».

Лугов у нас было в ту пору много. Самые дальние в трех километрах от села — Кубердеевские. Потом луга в пойме назывались Остров. Там трава была грубая, больше пырей, но зато там рос хороший тальник, и рос очень быстро, через три-четыре года становился толстый и длиной до шести метров.

Луга за затоном назывались Грязновские, там тоже трава была крупная и также рос тальник, который был хорошим топливом и служил для городьбы, у некоторых были даже сени заплетены из этого тальника. У каждого было много навозено возле домов, огородов, а у гумна лежали костры по нескольку лет, но зимой топили все же соломой, так уж было принято. Вечером принесут ее беременные два и стелются на ней спать. Говорили — что твоя перина.

Были еще луга, только через реку. Назывались Казенные, потом Дубняки, потому что там рос дубняк. Дубняк рос коряжистый, ему долго расти не давали, рубили на дрова, а мог бы он расти хорошо.

Осиновскими, Науровскими лугами пользовалась скотина науровской барыни. Сено на этих лугах хорошее, мелкое, листовое, и дубняк был там хорошим. Караулил эти луга Ваня Горбунов. Очень уж был дисциплинированный мужик. Бывало, если чья-нибудь лошадь зайдет на уже выкошенные луга, он за ней будет бегать целый час, пока не выгонит. А дубы все же у него рубили.

Еще луга были в Мякотях, там тоже трава хорошая, мелкая. Были луга Камские, Большие луга, Подгорные луга, Красные, Бордовые, Кочкарь, Мельничные, Суходол и Солонцы. Так что сена нашивали много.

Озер на этих лугах много, и все рыбные: Сосновое, Дубовое, Блажи, Мочилки, Моховое, Тоненькое, Круглое, Старица, Затон, Волочка, Запертое. Так что рыбы было тоже много. В летнее время тянули озера неводом почти каждый день. Рыбу возили по селу. Цена от одной копейки за фунт и до пятачка.

Весной Кама разливалась километров на семь-восемь, как сейчас, когда водохранилище построили.

Поля у нас тоже хорошие, ровные. Земля черная, плодородная, удобрений никаких не требовалось. Скотины было много, но навоз вывозили лишь на околицу да под гору. Кое-кто возил и на ближние загоны, да так много, что там хлеб не выдерживал, полегал соломой, которая вымахивала выше человека, и зерна пустого нет.

Ничего другого, кроме трехполки, не знали: озимые, яровые и пар, на котором пасся скот. Скота было много, и весь он пасся на пару. Было десять табунов овец, табун дойных коров, табун нетели, табун молодняка, табун рабочих лошадей, табун молодых лошадей и табун свиней. Вот вам удобрения!

Село наше большое, в то время было домов сотни три, красивое, да еще украшала его церковь, построенная почти в середине села. Вокруг церкви большая площадь. На самой горе — школа и поповский дом. Все дома в селе построены по ранжиру в два порядка и тянутся более двух километров. Такой же длины прогар, или малая улица, и было еще двенадцать проулков.

Народ в Речном трудолюбивый, гостеприимный, совестливый. Заводов вокруг нас никаких не было. Жили только скотом да хлебом, поэтому приходилось трудиться много. Некоторые, правда, ездили зимой в извоз, возили из Чистополя в Казань мясо, кожи, а обратно промтовары, чай, сахар и прочее. Остальные мужики работали около домов, возили дрова, сено, молотили всю зиму. Машин никаких не было, пахали сохами, жали серпами, молотили цепами. Теплых скотных дворов было мало, телят и ягнят держали в избе. Зимой иной раз коров кормили и доили тоже в избе.

Работы хватало и летом и зимой — летом в поле да в лугах, а зимой за скотиной. У женщин был приработок: ткали пояски из бумажной пряжи. Девушки садились за станок с семи лет. Сидит с утра до вечера, заработает пятак, а считалось хорошим заработком.

У нас этих поясков производили много. Одни брали бумажные нитки, развивали и снова отдавали ткать. Эти назывались хозяйками. На такую хозяйку ткал не один десяток людей. Хозяйки бумагу брали в лавке без денег. Уже готовый товар, натканый, отдавали тоже без денег тем, кто его сбывал; говорю, что народ был честный.

Хотя, впрочем, был такой случай. Набрал Феденька Волков поясков для продажи. До этого расплачивался он аккуратно, а тут вздумал сшельмовать. Набрал, съездил, продал. Не доезжая немного до села, поцарапал лицо, горло и прибежал весь в крови, кричит:

— Меня ограбили! Деньги взяли все до копейки и самого чуть не удушили.

Ну что с него спрашивать, раз человек чуть жизнью не заплатился? Тем и утерлись.

Жил в Речном Артемий Суханов. Его жена Анна была хозяйка этих поясков. Она сдала Феденьке Волкову товару рублей на сто двадцать, а в то время лошадь стоила тридцатку, много — сороковку. Так что пропало немало.

Прошло с месяц. Один раз везут Артемий с сыном Пронькой воз сена из лугов, и я с ними был. Ехали уже селом. Идет навстречу этот самый Феденька. Артемий и говорит сыну:

— Давай, Пронька, его попугаем!

Только поравнялся он с ними, Артемий хватя его за ворот и давай трясти:

— Отдашь али нет деньги?

— Нет денег, нет, милюски, денег нету, хоть убей, все отняли! — взмолился Феденька.

Тогда Артемий говорит сыну:

— Давай, Пронька, его под полоз положим, а лошадь тронем. Сейчас как раз никого нет, никто не узнает.

Как взмолился Феденька:

— Милюски, не надо, не губите душу. Сейчас деньги принесу!

— Врешь, — говорит Артемий, — не принесешь ведь!

— Вот матушка-владычица принесу сейчас же! — А сам крестится.

Артемий говорит сыну:

— Ну как, Пронька, пустим, что ли? Может, и вправду принесет.

— Раз крестится-божится, наверно принесет.

— Ну, ладно, — говорит Артемий, — иди, если не принесешь, удавим, и никто не будет знать.

Как припустился Феденька — только и видели мы его.

Не успели Артемий с Пронькой воз сена сметать, как Феденька принес деньги все до копеечки, расплатился по-честному. Ну, после этого его коммерция кончилась, не стали больше доверять.

Богатых мужиков у нас немного было, а середняков порядочно. Некоторые держали по две-три лошадки езжалых. Но выездных лошадей было очень немного. По хорошему жеребцу имели Степан Федосеев, Кузьма Аникин, Федосья Денисова, Никон Бадаишкин, Алексей Горбунов, Ефим Сапарин. Вот, наверное, и все.

Были и совсем без лошадей, которые и без коров были. Только немного. Хотя и плохо некоторые жили, но тешили себя тем, что, дескать, сам себе хозяин. Как хочу, так и поворочу, куда вздумал, туда и дунул. Хочу — на работу иду, хочу — нет. Пролежит день, а не пойдет к богачу, особенно те, которые ходили на сплав леса. Они все лето сидят на плоту, пока до Саратова или до Царицына плывут, домой придут, а у них все убрано, сено привезено, все обмолочено. Соберутся в одну избу человек десять, лежат на полу на соломе, как боровы, сказки рассказывают. Вся зима в этом проходит. Как только масленицу проводят, в чистый понедельник в бане помылись, опять уезжать, опять жир накапливать. Дома за зиму похудеют, а на плоты попадут, месяц-второй — у рубашки ворот не сходится, лицо все заплывет, словно пчелы накусали.

Хотя и небольшие богатеи мы были, но свадьбы и престольные праздники справляли уж как надо — на свадьбах гуляли по целой неделе. Бывало, последнюю корову продадут, а свадьбу справят. А сколько сродников ходило на свадьбу! Не только сродников, а и шабров всех зовут. По шестьдесят, по восемьдесят человек было с каждой стороны. Вот какие были свадьбы.

В престольные праздники мы гуляли дня три-четыре. Гостей собиралось много. Моей жены дедушка Лавруха говорил, что к его отцу приезжали на семнадцати лошадях. Ведь по одному человеку и то семнадцать человек, а по два? А семнадцать лошадей только прокормить, напоить эти дни чего стоит?

А сколько вечеров делали для молодежи! Больше всех, наверное, вечеров было у Данилы Жандарова да у Василия Левина. Пьяных каждое воскресенье полно было, но дрались только кула-

ками. У нас в конце, я помню, то и дело дрался Андреян Липагин, Леткой его звали. Как шум на улице, смотришь, кто дерется: Летка Липагин. Да еще был Хритка Мурлин. Тот тоже ни одного воскресенья не пропускал, чтобы не подраться. И рубашку на нем всю изорвут в ленты, и морду набьют, а он говорит:

— Хоть набили, зато мой начин!

Вот ведь какой: как хочешь его бей, лишь бы он начал.

Ну, и нечестные люди тоже были, воровали сено из лугов, дрова, снопы с поля. Один раз привели на сход (раньше были сходы, а теперь собрания) Сергея Ирысова, что в Мертвом проулке жил. Поймали его с дровами. Он стоит на коленях перед мужиками и плачет, прощения просит. Захар Сухотин подходит и говорит:

— Дрова-то мои вез, так песни пел, а теперь плачешь!

Да как даст ему пинком в лицо. Кровью умылся Сергей Ирысов.

Моего тестя Василия Лаврентьевича подследили с краденными снопами, водили по улице. Татьяну, жену Гришаги (дяди моего), поймали со снопами, тоже водили по улице. Карпея Пеплова со снопами тоже водили. Да ведь мало того что по улице водят — позор и стыд: отобранными снопами в лицо суют, а солома острая и твердая, до крови царапает, только глаза береги. И это еще не все. Всю твою копну раздергают — люди-то всякие: у кого увезли, тот приехал, сотню наклал, а у кого и не увезли, тот тоже берет, — так и развезут твою копну. В другой раз подумаешь, как воровать.

В селе у нас любили пошутить. Особенно по этой части большим докой слыл Сергей Абрамович Быбыкин.

Поехал он раз в волость на базар и встретил там Марию Сапанину, которая вышла замуж за мужика из Алексеевского и у которой в Речном жила замужняя сестра Прасковья.

— На-а,— сказал Сергей Абрамович ей,— ты что же, матка, тут торчишь, когда тебе в селе надо быть? — И головой покачал.

— А что такое? — испугалась Мария.

— На-а, так у Прасковьи-то муж помер, сегодня хоронят. В табуне его лошадь лягнула, с ним антонов огонь приключился.

Баба всхлипнула и бежать с базара. А Сергей Абрамович на телегу и другой дорогой покатыл быстрехонько в Речное. Не заезжая к себе, прямо к дому другой сестры.

— Ты что же тут сидишь? У Марии-то мужика хоронят сегодня. Он колодец чистил, а один венец возьми да свались на голову. Только ойкнуть успел.

Ну, баба, конечно, подхватила — и в Алексеевское. Встретились сестры возле оврага, обнялись и давай реветь. Наплакались, стали утешать одна другую, да и выяснили, что мужья у обеих живы и здоровы, а просто их разыграли. Пришли к Быбыкину, он сидит, чай пьет.

— Ты что это, сатана бессовестный?

— А что?

— Слез-то сколько из-за тебя пролили, черт рыжий!

Отлаяли его бабы, да и по домам, самим смешно сделалось.

Народ все подмечал в себе. Вот, чай, уж и кости-то давным-давно Петеньки Савенкова истлели, но рассказывают, как он, маленький, сухонький, как говорят, соплей перешибешь, а вот поди же ты, женился на рослой и крупной девушке. Помнят, как он однажды опыхивал картошку своей махонькой сохой, а в упряжке у него — рослая, огромная супруга,

Помнят, как жил в селе с большущей семьей Иван Александрович Богданов: с гумна на обед бегом бегут, а с обеда еле-еле ноги передвигают. Кваса с луком похлебают, а идут — щепкой в зубах ковыряют: пусть все видят — мяса невпроед у них. Такой был хвастун и хвальба, просто наособицу. Ни кожи, ни рожи, плюгавенький, белобрысый, а семью настрогал большую. Впрочем, он не коренной наш, а приблудился к нам откуда-то из Симбирской губернии. Наш вдовый староста Михаил Тимофеевич уж больно его привечал: богдановская старшая дочь-перестарок полы ходила мыть к Михаилу Тимофеевичу.

На моей памяти доживала век тетка Феодора Бугрина. Ее брезгливость и теперь в Речном вспоминают. Феодора брезговала полоскать белье в проруби со всеми бабами. К проруби она ходила либо ночью, либо в непогоду.

Брезгливость подвела Феодору: однажды она выполоскала мужнин тулуп и положила сушиться на печь, тулуп потрескался и пропал вовсе.

Я сам слышал, как она кричала, когда муж осерчал да принялся вразумлять ее, учить стал, как надо обращаться с тулупом.

— Батюшки,— кричала Феодора,— кровью подплываю! Спасите, люди добрые!

Бил он ее в тот раз колом, прямо из плетня выдернул.

До недавних пор в Речном жила бабушка Татьяна Шишкина, которая проучила когда-то Геннадия Ивановича Шарапова, по кличке Косорылый. С лицом-то у Геннадия Ивановича впрямь неладно вышло. Пил он крепко, ну, кто-то и посоветовал его жене средство, которым надо было напоить, чтобы отвадить. Что за средство, неизвестно, но факт остается фактом: жена дала Геннадию Ивановичу это пойло, он его выпил, ну, и от судороги ему покосило лицо.

Пить он, конечно, не бросил, а вдобавок стал за бабами приударять, чтобы жене отомстить.

Раз в Чистополе на базаре он увидел Татьяну Шишкину, которая в ту пору овдовела.

— Возьму я тебя, если хочешь, домой! — сказал он Татьяне.

Татьяна отказалась: зачем ей нужна нехорошая слава-то?

— Ладно,— стал уговаривать Геннадий Иванович,— ты что, дура, что ли, по морозу пешком? Садись в сани, на лошади довезу!

Уговорил. Села Татьяна. Выехали из Чистополя, катят по реке. А уж смеркаться стало, зима как-никак. Ну, тут Геннадий Иванович и давай задаток у бабы брать. А она ни в какую. Возился, возился, кричит:

— Тпру!

Лошадь встала. Геннадий Иванович слез и говорит:

— Помочусь хоты!

Пока путался с тулупом и полушубком, Татьяна хлестнула лошадь и уехала.

— Стой! — заорал Геннадий Иванович.— Стой, растак твою мать! — И бросился следом.

А Татьяна не останавливается.

Так и трусил всю дорогу за санями до самого Церковного взвоза. На взвозе Татьяна спрыгнула с саней, взяла свои покупки и сказала:

— Бери воз-то, косорылый дурак!

— Б... ты! — еле передохнул Геннадий Иванович.

Расскажу еще, как трое совсем взрослых мужиков, внуки у них уже были, бороды по пояс, разыграли нашего выборного Ивана Кузьмича.

Осенью это было, уже стемнело. Иван Кузьмич в избе сидел, ужинать собирался. Вдруг на улице звон колокольчика, топот, лошади пофыркивают.

— Тпру! Иван Кузьмич, ты дома?

Вышел выборный на крыльцо, щурится; видит, вроде кто-то на тройке, значит, из волости, отвечает:

— Собственно говоря, дома.

— На въезжую ступай, там тебя требуют!

Колокольчик загредел, покатила тройка. Пошагал Иван Кузьмич на въезжую, а это на другой конец, километра полтора. Пришел, там заперто. Почесал в затылке и домой вернулся. Только зашел, опять колокольчик, опять зовут:

— Иван Кузьмич, ты чего же не идешь?

— Собственно говоря, я только оттуда, там заперто.

— К старосте надо, а не на въезжую!

— Собственно говоря, ладно!

Опять потопал Иван Кузьмич, не догадываясь, что три мужика, которые на завалинке возле Бадаишкина дома сидят, и есть эта самая тройка с колокольчиком. Колокольчик у них действительно был, а для пущей убедительности они даже штаны закатывали, чтобы ноги белели в темноте, будто белые чулки, как у тройки, на которой начальство из волости приезжало.

Школа в селе была одна, только для мальчиков и только трехклассная. В трех классах было человек сто пятьдесят. Я помню, мы ходили на крестовой неделе в церковь. Среди обедни мальчик Ванюшка Конагин, стоявший чуть ли не впереди всех, выворотил шапку, взял в зубы и давай трясти. Мы засмеялись. Кончилась обедня, учительница повела всех в школу. Подошла, открыла дверь, встала в дверях и давай нас кидать за волосы в школу, а волосы почти у всех были длинные, стриженные под кружок. Потом поставила на колени, и мы стояли до самой вечерни. После этого не больно хотелось озоровать.

Объяснения учительницы и заданные уроки на дом я всегда выполнял очень старательно, и хотя учеба мне давалась нелегко, в тетрадях у меня всегда были пятерки с плюсом. В особенности дело шло хорошо с чистописанием и с изучением церковнославянского языка.

Но тем не менее, несмотря на хорошее знание церковнославянского языка, со мной произошел скандал.

Шел урок, где разбирали славянский текст, написанный под титлами: б'ца (богородица), б'чен (богородицын). Учительница предложила мне прочитать какое-то изречение, которое нужно правильно читать с ударением м'ука, а я прочел: мука́. Я ведь тогда еще не знал, что есть м'ука за безбожье, за надругательство над святыми. Я знал муку́, из которой пекли хлеб и лепешки.

Учительница остервенело и с силой ударила меня линейкой по голове. Вздурлся рубец шириной в два пальца, в глазах потемнело. Я заплакал, а она говорит:

— Надо понимать божье слово!

С наступлением сильных холодов осенью и зимой нужна была теплая одежда и валяная обувь. Отец все время меня оговаривал, что я много рву одежды, много изнашиваю обуви, что я не умею ее беречь. Мачеха ему в этом тоже поддакивала: походит, мол, в школу немножко, узнает читать и писать, ну и хватит. Так и получилось, что в школу я ходил всего один год.

Сроду не забуду такой случай, было это ранним летом. Сварили свежую картошку в мундире. Развариться ей не дали, вся до единой была цельная, варили ее в полуведерном чугуне. Сели завтракать: соль, хлеб ржаной, вода в железном ржавом ковше. Мачеха ставит картошку в чугуне на стол, сверху чугуна закрыт тряпкой.

Отец крестится и протягивает руку, чтобы взять картошку. Тряпку сверху чугуна отец открывает немного, чтобы остальным не было видно, где какая картошина. После этого отец предлагает всем брать из чугуна без выбора: до дна цена одна. Рыться нечего, побыстрее поел, да и дело в сторону.

Вот так наша семья перебивалась с куска на кусок ежегодно и ежедневно. Мы, дети, росли, но работники все еще из нас были очень плохие, основная работа падала на отца и на мачеху Настасью. Дети являлись, по выражению отца, лишними ртами. И действительно, землю тогда наделяли только на мужчин. Земли всего было в трех полях — в озимом, яровом и в пару — по три четверти десятины на душу, да и эту землю отец не полностью засеивал для себя, иногда из-за недостатка семян приходилось отдавать исполу или складывать и сдавать в аренду.

Как же обходился наш отец и как мы росли и воспитывались? Кормиться на таком клочке земли было нельзя. Приходилось отцу, а вместе с ним и мне, когда я немного подрос, зарабатывать на кусок хлеба и на скудное одеяние у общества. Это в лучшем случае. В большинстве же своем работали всей семьей у кулаков.

Бывало, каждую весну отец нанимался у общества пасти лошадей, вместе с ним пас и я. От этой работы у отца почти ничего не оставалось. Все деньги уходили на выплату долгов.

Отец страшно любил пить водку, то ли с горя, то ли еще почему, но очень часто был пьяным.

С наступлением лета, страдной поры, мы свой посев старались убрать быстро, потому что был он очень мал, да и мы уже подросли. Управившись, отец брал жнитво у справных мужиков, как они себя звали, а попросту у кулаков. Эту работу работали с раннего утра и до поздней ноченьки, и бесплатно, лишь за то, что потом, зимой, кулак даст займы хлеба. «Выручали» нас зимой Дмитрий Логанович Ермаков и Иван Трофимович Меркулов.

Очень памятно, как один раз Ермаков предлагал моему отцу хлеба. Это было в тот момент, когда у нас хлеба уже не было, а купить не на что. Дмитрий Логанович подошел к нам под окно, как раз когда мы обедали, хлебали суп-ритатуй.

— Хлеб да соль, Григорий Андреевич!

— Обедать с нами, Дмитрий Логанович.

— Некогда. Спешу. У меня дела дома, молотьбу хлеба начинаю, да вот немножко силы не хватает своей. Я с просьбой к тебе. Говорят, ты нуждаешься. Зайду, мол, к Гришке, хороший он человек, помочь ему надо. Дам, бывает, хлеба до нового урожая займы.

Отец молчит, а Ермаков свое:

— Сейчас между парью, делать дома тебе нечего. Нечего делать и твоей кобыле. Пойдем ко мне с лошадей, помоги обмолотить кладь ржи. Я думаю, денька в три-четыре управимся. Молотилка у меня хорошая, только недавно купил, да и мальчонке твоему, я вижу, делать нечего, бери и его. Ты будешь солому укладывать в ометы, а он будет лошадей погонять.

Отец все еще молчал. Тогда кулак посулил:

— Приходи, дам хлеба сколько надо. Бери пудов десяток, а там, когда господь тебе уродит, привезешь.

Мачеха как заплачет, да все с причитаниями:

— Батюшка ты наш, кормилец, свет Митрий Логаныч, господь, что ли, наразумил? Выручи, Христа ради, дай хлеба, а то совсем хоть иди с сумой по миру. Сегодня доедаем последний кусок, а завтра умирай с голоду.

— Ой, господи, ведь какие грешные! Как так можно прогневить господа бога? Ладно, матушка Настасья Евдокимовна, я все устрою, но и вы делайте по-божьи. Когда повезете должок, то наберите рожь почище, от самого чела, поядренее...

Четыре дня в этот раз мы трое работали у Дмитрия Логановича за то, что он дал займы хлеба. Вот так и обходился каждый раз мой отец. Весну встретим, проводим, дожидаемся лета, лето проводим, встречаем осень, а затем снова наступает зима холодная да голодная.

Каждую осень отец нанимался у общества караулить несколько улиц. Караул заключался в том, что каждую ночь надо ходить по улицам и стучать колотушкой. Следить надо было за тем, чтобы не было пожаров. По зимам отец еще нанимался за отдельную плату у общества чистить взвозы на реке и проруби. Проруби были очень нужны; там полощут белье, поят скотину, берут воду для домашних нужд. За чистку прорубей давали «кусочки», это была непрошенная милостыня.

Мне помнится, как вместе с отцом на Гнедухе мы ездили собирать кусочки. Приходишь в дом и заявляешь:

— Кусочек прорубщику!

Давали кто полбуханки хлеба, а кто ватрушку. Должен заметить, что бедняки давали милостыньку большую и всегда сказывали спасибо: уж больно, мол, хорошо чистили проруби, воду хорошо было брать. Удобно было белье полоскать.

Что касается зажиточных вроде Ермаковых или Меркуловых, к ним и во двор не скоро попадешь. Если и впустят в дом, так с тысячей упреков и всяких нареканий: ходите, обираете нас, холод в избу таскаете, больно уж плохо чистили проруби, не за что вам подавать.

Бывало, отец со злости изругается, но только себе под нос, чтобы никто не слышал, иначе в другой раз к ним ни за чем следа не клади. Кроме всего, могут сообщить уряднику или приставу: вот, мол, какой недовольный, озлобленный на нас человек.

Помню, особенно жадным был церковный староста. Иной раз отец, когда бывал выпивши, скажет:

— Никак меня не посадят в старосты церковные. Что, я не смог с этим делом управляться? Конечно, смог бы... Я бы много не стал брать, но выпить выпил бы всегда.

Он этим хотел сказать, что церковного старосту никто не учтет. Взять небольшую сумму всегда можно, и он берет. Это ж видно: вон какой гладкохарий, голова всегда масляная, чисто и богато одет и сам и семья. У него один из лучших домов в селе.

Лошади у него как печи. Сбруя вся ременная, в бляхах, которые на солнце как жар горят. Разъезжает по зимам в легких санках, а летом в тарантасе с мягким сиденьем.

Всякий раз, как отец увидит церковного старосту, он вздыхает:

— Грешны, видно, мы. Господь нас наказывает, плохо молимся богу. Ну, ладно, мать, скоро по селу будут носить чудотворную икону, обязательно пригласим и отслужим молебен в доме. Приложимся всей семьей ко кресту господню. Может, господь-батюшка

не без милости, хоть хлебец уродится в следующем году получше, а то ведь совсем какая-то напасть на нас.

А мачеха свое:

— Стало быть, отец, мы больно уж прогневили матушку-владычицу, вот поэтому плохо у нас родится хлеб. Надо помолиться, обязательно возьмем чудотворную.

Но насколько мне помнится, молебен на дому отец заказывать не стал, наверное, нечем было платить.

Ранняя весна... Просыпаюсь утром, смотрю с полатей: отец сидит на краю топчана и вот вздыхает, и вот вздыхает. Оказывается, нужно выезжать сеять яровое, а тут, как на грех, Гнедуха ожеребилась и у мачехи на печи кто-то нет-нет да и тихонько пискнет: у нас прибыль появилась.

Спустя пару-тройку дней выезжаем сеять. Семена уже насыпаны, соха и борона положены на телегу. Перед отъездом все усаживаемся за стол. Немного сидим молча, а затем встаем все на молитву и просим бога, чтобы уродил нам пищу. Отец и мать просят об этом слезно, кладут земные поклоны.

Начинаем пахать, соха в землю не лезет, а если отец запустит ее поглубже, наша Гнедуха не тянет. Поцарапаем землю, можно сказать, надругаемся над ней и уезжаем домой: наступает пора летнего отдыха — междупарье.

Конечно, как ни мрачны эти воспоминания раннего детства, вспоминаются и праздники. Начну по порядку.

1 января, Новый год, — престол в Саконах, соседнем селе, 6 января — крещение, у нас престол. Потом масленица, самый веселый праздник: целую неделю начиная с понедельника стряпают блины, пряженцы, сдобные груздочки. Воскресенье перед масленицей называлось встречальным днем. В этот день всех молодухек, которые вышли замуж в этом году, водили на гору. Они одевались в самую хорошую одежду у кого какая была и такие нафуфыренные выходили на гору, а промывалки-бабы выходили глядеть, судить да рядить, чья молодухка лучше.

Одна говорит:

— Оринка всем хороша, да глаза больно большие, а у Пашки Тырыновой нос большущий.

Другая:

— Пашка Фадеева хороша, да больно уж щеки здоровы, к тому же нарасила.

Так и не выберут ни одной хорошей. А тем временем мужей этих молодухек валяли в снегу. Соберется артель мужиков, и ходят по домам, где есть молодые женатики. Если не спрячется, выгаскивают на улицу и зарывают в снег. Вот так и ходят, пока всех не вываляют. Я помню, гулял у Байкова двора, гляжу, идет Васька-кошатник, так Савиновых звали. В пальто нараспашку, в зеленой шерстяной рубашке, с гармонью. Подбегают к нему мужики, вырвали гармонь, взяли Ваську за руки, за ноги и зарыли в снег.

После встречального воскресенья, в понедельник, начинают кататься на санках. Все идут на гору, и старый и малый. А с пятницы начинают катанье на лошадях. Три дня гоняют лошадей, хилу и добру, сбруя тоже у кого какая. У кого санки городские, а кто в розвальнях, на которых навоз возят. Насадят детей, как горшков, полны сани, кого завернут в шубняк, кого в одеяла, и все катаются.

Отгуляли масленицу — семь недель пост. Мясо и молоко не ели не только взрослые, даже детям, которым исполнилось два года, и тем не давали молока. А потом, как семь недель отгвеют, наступает пасха — праздникам праздник и торжество из торжеств. Всю неделю звон колокольный, попы ходят с иконами по всем домам, и никакие работы в эти дни не работали, а дети ходят артелями христосоваться. Им дают яиц, и у них радости не оберешься.

Свадьбы справляли большинство осенью, как снимут урожай. Замуж выходить без венца не полагалось, считали за великий грех. Под венец собирался поезд лошадей десять—двенадцать, смотря по достаткам. Побогаче, так побольше лошадей, да и лошадок подберут одна к одной, и сбруя хорошая. И смотреть, как венчают, бегут все, набьется полная церковь.

В нашей церкви сторожем был Зотей Хохлов. Он нам давал затрешины, если кто зашумит. Я был совсем маленький, всех людей в селе не знал, и церковь для меня казалась очень далеко от дома. Но вот услышали мы, что сегодня будут венчать целых две свадьбы. Я с Алешкой Сидоровым полетел в церковь.

Людей было полно. Венчали, видать, богатых: с паникадиллом. Одну пару обвенчали, а народ не расходится. Ну, и мы тоже остались, вышли во двор, а там видим — дружка ходит с иконой и кричит:

— Батюшка-муж княгини молодой, дай-ка нам знать, кого в гости звать? — И сам же отвечает: — Бар больших, средних и меньших, крестного, крестну, сваху и подсвашье! — Передохнул да снова кричит: — Бары-бояре, будьте все по местам, как ясны соколы по гнездам, и всяк свое место не теряй, потеряешь — не пеняй!

Так я нагяделся, как венчают. Домой пришел поздно. Дома ни отца, ни матери, одна бабушка Ульяна Макарьевна. Как только увидела меня, заахала:

— Ах ты, милый сынок, да где это ты до сих пор был? Мать-то с отцом ждали, ждали да искать пошли, ах ты, шкалик ты эдакий! Я сказал, что свадьбу ходил глядеть...

Еще о праздниках. После пасхи у нас престольный праздник. В этот праздник людей в селе собиралось не одна тысяча. Еще накануне люди ехали и шли без конца. Была большая ярмарка, на ней было много разных товаров, игрушек и всякой сладни. А это для детей всего дороже.

В седьмое воскресенье после пасхи праздник — троицын день. Молодежь делала братчины, откупали избы, собирались по несколько девчат в каждой откупленной избе. Девка с парнем ходят по избе, взявшись за руки, а все поют песню. По окончании песни пара целуется, затем начинает ходить другая пара, опять поют и опять целуются. Так проходило целых два дня, в духоте сидели, прели, а находили какое-то удовольствие.

Следующее воскресенье — заговение на петров пост. В этот день провожали весну. Днем также играли в избах, а вечером все шли провожать весну. Ходили с гармошкой и с песнями из конца в конец.

Как весну проводили, начинаются полевые работы. Начинают яровые полоть и просо. Просо пололи очень подолгу, иной год до самого жнитва. В это время ходят в луга за Каму за диким луком и за столбунцами.

Мне было пятнадцать лет, когда сторел наш дом. Случилось это в мае, в избе никого не было. Невелико наше богатство и то все

сгорело, успели выгнать обгорелую кобылу, которую отец потом продал татарам за четыре рубля. Дом был не страхованный, получили всего двадцать семь рублей. Вот с этих-то рублей отец и начал снова обзаводиться хозяйством. Пошел отец к богатому мужику в ноги кланяться:

— Выручай, Федосей Васильевич!

Сидоров был мужик справный, торговлей занимался. Денег на руки он не дал, а пошел Федосей Васильевич с отцом под гору, и купили там избенку со всей выделкой (пол, потолок, косяки) за семьдесят рублей. Эти деньги отец выплачивал годов пять, работал всю зиму и лето.

Потом решил отец лошадь заводить, без лошади какой крестьянин? Купили жеребенка по второму году, зимой отец сделал салазки и стал его приучать к сбруе, а весной начал на нем полегоньку и пахать. Лошадь завели, надо как-то заводить и корову. Купили в Саконах телку за четыре рубля. Потом завели овец.

Стали понемногу постройкой обзаводиться. Поставили заднюю поветь, поставили сени, хорошие, с подклетом, а через год ворота построили, поветь дальнюю, а затем сложили из самана овчарник.

Одним словом, как говорят: нет худа без добра. После пожара отец мой словно встряхнулся, перестал пьянствовать, за ум взялся. Тут еще у отцова старшего брата остался надел на две души, он нам его отдал на время, а сам уехал на заработки. Отец под эту землю взял ссуду, купил на нее еще одну лошадь, корову и полдесятка овец. Но тут началась германская война.

В мае 1915 года меня призвали.

Я молотил у дяди Антона в Саконах, был там дня четыре, прихожу домой, а мачеха сидит, причитает:

— Милый мой сынок, видно, и до вас добираются, видно, и вам придется идти. Вчера приезжал писарь, вы уж теперь рекрута!

И вот мы начали жить по-праздному. Работать нас не стали заставлять, а тут как раз у нас в Речном ярмарка. Все, кто был призван в армию, а нас было двенадцать человек, выпили и пошли на ярмарку. Прошли главными рядами. Все было честь по чести. Завернули в ряды, которые шли возле церкви. И вот Ванька Денисов толкнул Кузьку Крапивина. Тот упал на прилавок, где старуха торговала лимонадом и петухами сахарными. У нее лоток свалился, и все разлилось и поколосось. Старуха стала ругаться. Ввязался старухин сосед, тоже торгаш. Кузька Крапивин хлоп ему подножку, и мы ушли на гору, за церковь, там играли в орлянку. Мы тоже с полчаса играли. Вдруг явился к кругу стражник и говорит:

— Где рекрута из Речного?

Мы все как один выбежали из круга и на него:

— Чего тебе надо?

Он от нас бегом. Мишка Сурков наиграл полный карман медяков, давай в него пулять. Стражник вытащит саблю из ножен, видит — мы близко подбегаем, опять ее в ножны да и бежать. Мы за ним, а ребяташки за нами бегут и забирают медяки.

Добежал он до Григория Герасимова дома, забежал во двор. Мы бросились за ним, стали шарить в сенях, в мазанке, а он, оказывается, пробежал в сарай, где была калитка в огород, и скрылся. Тем и кончились наши поиски, пошли мы к Никишке Досову еще добавлять. Посидели, выпили, пошли опять на ярмарку,

Только взошли в ярмарку, явились четыре стражника и нас, молодчиков, забрали всех, повели на взъезжую — так назывался дом, куда приезжали какие-либо начальники. Как только стемнело, нас погнали в волость, верст за двенадцать от нашего села. С нами ехали два стражника. Пришли туда уже за полночь. Остановились среди улицы. Стражники ушли начальника звать, а нам приказали не расходиться.

На подводе оказался бочонок с брагой, он был привязан сзади. Бочонок был с краном. Как только стражники ушли, мы давай прикладываться к этой браге. Пока они ходили, мы уже песни запели. Так с песнями нас сунули в каморку, мы и там пели, пока не уснули где попало.

Очнулись, когда утром к нам родители приехали, пирогов привезли. Тут совпало три праздника кряду. Мы и просидели их все в этой каморке. Вечером третьего дня нас выпустили, мы покатали домой. Подошли к селу, одного послали за гармошкой. Он быстро сбежал, принес гармошку, и мы пошли по селу среди ночи с песнями.

Пришли на самый конец, к Ошаловым. Там выпили, пошли домой, уж на свету, по пути раскидали поленницу дров у Лешаги Бегунова да у Лески-лавочкицы, опять людей на скандал навели.

17 мая нас повезли на комиссию. С комиссии отпустили еще на месяц. Незаметно прогуляли и этот месяц, повезли нас в уездный город Лаишев. Там делали нам разборку — кого куда. Игната назначили во флот, Крапивина взяли в артиллерию, а нас остальных в пехоту, в город Пензу.

Вечером отцы встретили, начали спрашивать, кого куда назначили. Там был лебяжинский Волков Михаил Иванович. Он и говорит моему отцу (они были с ним знакомы):

— У тебя куда взяли Николая?

Отец говорит:

— В Пензу.

— А наших ребят в Сибирь. Давай твоего Николая наладим туда же, там все понадежнее. Пока едут да обучаются, пройдет, глядишь, месяца три, тем временем, может, и война кончится.

Отец говорит:

— Да как же это сделать?

— А вот здесь шурин служит писарем. Одну пятерку только, — сказал Волков и подмигнул.

Отец согласился. Утром он сходил к этому писарю, когда нас собрали на занятия. Близко к обеду, гляжу, идет какой-то солдат. Открывает папку и кричит:

— Потапов Николай!

— Я!

— Идем со мной!

Пошли мы с солдатом в другую партию, которая была назначена в Сибирь. Там я увидел лебяжинских ребят Волкова Ваньку и Староверова Мишку и саконских — Мишку Баширова и Трошку Матрина. Нас поддерживали в Лаишеве еще один день. Которые в Пензу, их отправили вперед, а нас следом за ними повезли в Самару парходом. Из Самары отправили поездом, в телячьих вагонах, по сорок человек в вагоне. Ехали восемнадцать суток. Ехали вокруг Байкала, ехали тоннелями. Нам это все было интересно. Чего мы видели, в деревне-то живши? Я и на пароходе до этого ни разу не ездил. А тут на тебе — сразу и пароход, и железная дорога, и Байкал, и тоннели.

Привезли нас в Верхне-Удинск. Там в военном городке и начались занятия. Перво-наперво нам велели расстаться со своими сундучками и со всем, что в них и на нас было, чтобы ничего не оставлять, кроме сапог, если они хорошие, да белья, если оно новое.

У меня был костюм хотя бумажный, но новый. Пришлось за дарма продать перекупке и сундучок и костюм свой. Как ни жалко, а в казарму вносить не разрешали. Белье у меня было новое и сапоги кожаные тоже почти новые, сосед наш Назарыч шил на заказ за восемь рублей. Впрочем, за это заплатили: за белье и за сапоги.

Ученье нам показалось с первых дней очень тяжелым. Винтовка весит почти двенадцать фунтов, а нам казалось, что она весит пуда два. Днем жара, а ночью холодно, и так тяжело было первое время, так хотелось захворать, но никакая хворь не брала.

С занятия придешь весь, как мышонок, мокрый, ни одной нитки нет сухой, и бежишь прямо к воде. Возле казармы был родник, и была поставлена кадушка. В этой кадушке вода как слезиночка, и ледяная. Хватишь этой холодной воды ковшик, да мало одного-то, еще один, да и на голову выльешь ковшу два, но ничего не делалось.

Побыли мы там всего двенадцать дней, и нас направили в Могилев. Но когда стали подъезжать, оказалось, что Могилев занят немцами. Тогда нас направили в Орел. Ехали до Орла двадцать восемь суток. До того надоела теснота, рады бы куда-нибудь высидеться.

По дороге в Смоленск я встретил Петьку Быбыкина и Степку Горелова из Речного. Они ехали на фронт. Ну, обрадовались друг другу не знаю как. Только долго разговаривать не пришлось: их состав стал отправляться и мы тут попрощались по-русски, с поцелуями.

В Орел мы приехали уже в сентябре месяце. Нас разместили в палатках. Сначала жили в своих походных палатках. Потом, когда стало холодно, поставили большие двойные и стали топить. Но скоро и в них стали зябнуть. Нас разбили по квартирам. Но на квартирах долго жить не пришлось. В начале декабря отправили на фронт.

Привезли нас в Новоград-Волынский, к фронту. Первое время мы работали, лазили по болоту, жали камыш и носили бревна из леса километров за шесть. Возьмем дерево человек двенадцать и несем. Строили баню.

В окопах, но не на передке, мы пробыли всю зиму. И вот накануне пасхи, то есть в страстную субботу, выдали нам гостинцы, в честь праздника дали по куску кулича, а к двенадцати часам ночи повели в церковь (рядом было большое село). Отстояли заутреню, пришли в блиндаж, закусили и разговелись яйцами, похристосовались и легли спать. Думаем: сегодня-то можно и раздеться.

Легли; кто уснул, а кто еще не успел,— вбегает дежурный, закричал благим голосом:

— Пятнадцатая рота, в ружье при полном боевом!

За каких-то десять минут собрались, построились и пошли в окопы на передок. Шли, шли, остановились отдохнуть и давай доедать гостинцы, а то, дескать, убьют и все останется.

Когда стали подходить к передней линии, был уже день. Немного не дошли, остановились в лощинке, постояли с полчаса, да и пошли обратно. Шли открытым полем, думали, вот сейчас как начнет пускать тяжелые — и нам всем конец. Но дошли опять до старого места, и не было ни одного выстрела. Почему так, мы все

удивились: или в честь пасхи или что, но только пришли все неведимые.

Потом все же нас послали на смену не помню уж какому полку. Позиция нам выпала очень хорошая. Окопы были на берегу речки, тут же и деревня, церковь, вокруг церкви были большие липы, впереди речки болото, камыши километра три шириной, а за камышами ихние окопы. Вот на этом участке можно было воевать года два без смены.

Утром приходишь из караула, идешь на речку с полотенцем на шее — умываться или купаться. Немного поспим — на лодке кататься, лягушек бить или же на качелях качаться, они были на липах понаделаны.

Но скоро наш курорт кончился. Нас перебросили на другой участок, и нам пришлось ночевать перед австрийским проволочным заграждением. Вот, говорили мы между собой, завтра пойдем на приступ, какому счастливцу придется вернуться живым? Но напрасно был наш страх: австрияки ночью отступили с этого участка. Мы с восходом солнца перешли в ихние окопы, но их уже никого не было, они отступили километров на сорок. Нам пришлось их догонять.

Австрияки окопались возле деревушки Заречной, на берегу какой-то речушки. Нам эту речушку пришлось переходить во всем снаряжении, раздеваться было некогда. Которые были большого роста, те перешли, кому по грудь, кому по шейку, а мне было по верхнюю губу, и я чуть-чуть выбрался.

Вылезли из воды и тут стали наступать. Три раза они нас отбивали, на четвертый раз все же мы захватили ихние окопы. Ворвались в окопы, гляжу — на меня бежит какой-то солдатишка с бородой. Я кричу ему:

— Ты мадьяр?

— Нет, пан, словак!

Хотел было я его заколоть, но пожалел, ударил только прикладом. Он упал, а я пошел дальше.

Кончился бой, собрались мы. Осталось нас от роты всего семь человек. После этого боя мы не наступали с месяц. Числа 15 августа приказали нам наступать через болото.

Воды немного, но трясина тянулась километра четыре. Иду, а над головой: фиу, фиу... Пули, значит, свистят. Шел, шел, увидел сухую лывинку, подумал: лягу тут, немножко передохну. Не успел прилечь, как пуля стукнула, пробила вещевой мешок, ударила в бок, но убить не убила. Я повернулся на другой бок, и тут вторая пуля ударила в лопатку, которой я прикрывался, и разбила мне правую бровь. Кровь глаза заливает, утираюсь, лежу.

Ну, думаю, кажись, живой.

Лежу эдак-то, гляжу — идут два санитары. Один говорит:

— Вон наш плавает, давай вытащим на сухое.

Взяли меня за шинель, поставили и говорят:

— Тут недалеко мост, за мостом халупа, в ней перевязочный пункт.

Я пошел к этой халупе, вижу — возле нее белья ворох: и брюки, и шинели, и сапоги. Я снял с себя все, надел все новое и пошел в халупу. Там перевязали рану и на линейке отвезли в лазарет.

Ночевал я там две ночи — и в окопы, опять наступать. Потом нам дали немножко отдохнуть, а 16 сентября мы пошли в наступление, и в этом бою меня ранило в левую руку.

Дело было уже к вечеру, когда меня ранило. Влез я в воронку, выбитую снарядом, там оказался еще один раненый, тоже в руку. Мы перевязали друг друга и стали ждать темноты. Стемнело, стрельба затихла, и мы пошли к перевязочному пункту.

Нас посадили на линейку и повезли в лазарет. Едем, а прожекторы светят, как днем. Подумал: там не убило, так здесь убьют. Как шарахнет, так и повозка наша перевернется. И руку-то больно из-за тряски, а мы все кричим:

— Гони быстрее!

Доехали благополучно. Ночь переночевали, мне завязали руку в лубок и отправили на питательный пункт. На питательном пункте солдат было несколько тысяч. Мне, правда, ждать не пришлось. В тот же день подали эшелон и стали отправлять тяжелораненых. У меня рука была в лубке, поэтому пропустили в вагон. Как только поезд тронулся, мы обрадовались теплу, чистым постелям и спали как мертвые. Санитары принесут обед, поедем — и спать; ужин принесут, разбудят, поедем — и опять спать.

Куда нас только не тыкали: Киев, Орел, Курск. Напоследок в Калугу привезли.

Приехали мы туда часов в восемь вечера. Прямо из вагона на извозчика — и в госпиталь. Пролежал дней десять, сделали операцию. После операции рана не затягивалась. Месяца через два сделали вторую. Стало лучше. Всего я пролежал в госпитале четыре с половиной месяца.

Когда стала подживать рука, разрешили отпуск: кто может доехать до дому, того на один месяц домой без всякой комиссии. Я тоже стал проситься в отпуск.

Врач, Юлия Алексеевна ее звали, говорит:

— У тебя, Потапов, еще рука не зажила.

— Я там буду ездить в больницу.

— А зачем, — говорит, — тебе ехать на месяц, когда комиссия пустит самое малое на три месяца?

Все же я ее упросил, она согласилась.

— Ладно, Потапов, завтра выпишу, и поедешь в отпуск.

Я эту ночь почти всю не спал, все думал, как я поеду, как встретят, как будет рад отец... Уснул только под утро.

Утром разбудили завтракать, а мне и еда на ум не идет, все думаю про отпуск. Начали сестры звать на перевязку. Я все гляжу, когда придет Юлия Алексеевна. Ждал, ждал, так и не дождался: оказывается, заболела. Думаю: вот тебе и домой. Видно, не побывать мне дома.

Юлия Алексеевна проболела десять суток. Прихожу к ней, когда она поправилась.

— Ну как, — говорит, — дела, Потапов?

— Рука у меня, — говорю, — совсем зажила.

— Хорошо, пойдешь на комиссию.

— Ох, как, — говорю, — что-то боюсь этой комиссии, Юлия Алексеевна!

— Почему боишься?

— Да, — говорю, — не пустят.

— Пустят, — говорит, — я напишу что нужно.

Через два дня пошел я на комиссию. На комиссию раненых было человек сорок. Комиссия шла долго. Врачи все молчком, нам ничего не говорят, только попробовали мою руку разогнуть, но она ничуть не разгибалась. Ничего мне не сказали, только послали на другой стол. Там спросили:

— Какая станция, где будешь сходить?

— Казань,— говорю.

Выходим с комиссии, нас раненые спрашивают:

— Ну как?

А мы не знаем, что и ответить, потому что нам ничего не говорили. Потом один солдат — видать, тут служит — поинтересовался:

— Что спрашивали?

Один говорит:

— Меня спросили, какой части.

— Ну, значит, пойдешь обратно в часть,— говорит солдат.

Меня спросил, я ответил.

— Ты, слышь, едешь домой.

Я не верил, пока не вынесли документы, и не выкрикнули каждого по фамилии, и не сказали, кто в часть, а кто домой и на какой срок. Меня отпустили на три месяца.

Я побежал в госпиталь, ног под собой не чую. Прибежал в госпиталь, меня спрашивают:

— Ну как, Потапов, дела?

Говорю:

— На три месяца.

Все захлопали в ладоши. Одна только Клавдия не радовалась, была у нас сиделкой. У нас с ней вроде ничего не было, а почему-то ей жалко было, что еду домой.

Одежда штатская у меня, как и у других раненых, была куплена и лежала в кладовой. Нас, отпускников, было четверо. Тройку одежду принесли, а мне нет. Я спросил у сиделки, почему мне не несут одежду, а сиделка говорит: Клавдия велела прийти самому. Пришлось идти. Прихожу в кладовую, а Клавдия сидит и плачет. Говорю:

— Что с тобой?

Она ничего не сказала, подала мне одежду. Поцеловал я Клаву и пошел собираться. Собрался, попрощался со всеми, и повез нас санитар на извозчике на станцию.

Поехали. В вагон набилось столько народу, негде руку просунуть, в уборную лезли по головам. Так и ехали до самого Канаша. В Канаше вышло народу много, в вагоне сделалось свободней. Вышел и я на перрон, зашел в здание, думаю: авось в буфете чем раздобудусь.

Вдруг откуда ни возьмись человек пять молодых парней. Кричат, какими-то бумагами размахивают. Один подбежал к стене, на которой портрет царя во весь рост, и сдернул этот портрет. Я подошел, прислушался: оказывается, царя в Петрограде скинули.

Я как увидел все это, как услышал, сделалось мне уже не до буфета. Хотел я у этих парней все поточнее узнать, да поопасался: как бы под шумок не ушел мой поезд-то. Побежал к вагону, влез в него. Меня спрашивают: чего я так запыхался? Зря, говорят, бежал, отправление еще через полчаса. Посмеялись надо мной: чуждак человек, билет в кармане, поезд не уйдет.

Я сижу помалкиваю, а сказать попутчикам о том, что я на станции увидел, опасаясь. Но тут кондуктор по всем вагонам прошел и всех поздравил с революцией и с тем, что царя свергли. Потом я узнавал от мужика, который в Канаше сел в наш вагон, как же теперь будет, но он сказал, что вроде все по-старому. Только, слышь, погонны посрывают с полицейских да портреты царские снимали. Ну это-то я и без него видел.

Поезд к Казани подходит, а я думаю: как из нее выберусь? Переночую на вокзале, а утром куда? Ведь я не знаю, в какую сторону идти, чтобы в Речное попасть.

Только взошел в вокзал, ищу, где бы примоститься, слышу — кричит старик:

— Кого до Чистополя довезти?

Я обрадовался, думаю: слава богу, сколько возьмет, столько и отдам, а от этого старика не отстану. Подхожу и говорю:

— Мне до Речного.

— Вот, — говорит, — хорошо. Пойдем еще покричим, может, еще кого нет ли.

Нашелся татарин из-за Чистополя. Старик оказался змеевский, живет километров восемь от Чистополя. Он привозил зятя в Казань.

Пошли мы на постоялый, попили чайку, поели у кого что было — и до утра. Утром встали часов в пять, чайку попили, пока лошадь овес ела, и поехали.

Мороз был сильный. У старика оказался лишний тулуп и валенки. На мне были сапоги кожаные и пальто полусуконное. У татарина валенки, но пиджачок очень легкий. Старик ему дал тулуп, а мне валенки. Мы поехали и горя не видели. На другой день к обеду были уже дома.

Все спрашивают:

— Ну, как там?

Говорю:

— Стреляют, того и гляди до смерти убьют.

А любопытные бабы свое:

— Да как же тебя господь сохранил?

Я говорю:

— За сосной стоял.

Кто посмеялся, а кто и поверил. Только проводили извозчика, немного погодя пришли ребятки-годки, с которыми были вместе в Сибири. Посидели, поговорили, чайком угостились, винца в то время не было, а самогонку гнать еще не научились.

Отжил я три месяца как все равно три дня. Поехал на комиссию в Лаишев. Еще пуще боялся, как бы не взяли опять на фронт. Первый-то раз шел не знаячи, не так страшно было, а как хватил на фронте всякого страху, так уж и боязно. Но опять отпустили на два месяца. Вот тогда я и надумал жениться. Отец сказал: валяй, женись! Пошли, усватали, стали готовиться к свадьбе.

Поехали к попу насчет венца, а он говорит, что венчать нельзя, надо разрешение от воинского начальника. Тогда я поехал в Лаишев.

Пришел к воинскому начальнику, у дверей сидит какой-то вроде писаря. Он меня спросил:

— Вам что нужно?

— Надо, — говорю, — разрешение на брак.

— Давайте двадцать копеек.

Дал я ему. Он написал мне заявление и велел с часок обождать. Я пошел, погулял по городу. Прихожу. Интересуюсь, как мое заявление.

— Натё, можете жениться.

Я скорее на пароход. Приехал домой — и к попу. Неша, попова прислуга, выходит:

— Ты что?

— К батюшке, — говорю.

— Он занят, немножко посиди.

Я посидел. Гляжу, вылезает наш поп. Я встал, поздоровался.

— Ну, чего, молодец? — обращается он ко мне.

Я подал ему бумажку.

— А, это Григория Андреича сын будете? — Прочитал написанное. — Вот сейчас можно и венчать. А невеста чья?

— Добрякова, — говорю, — Василия дочка, Матрена.

— А возраст какой?

— Восемнадцатый год.

— Приезжайте, можно.

Свадьба была лихая: вина не было, самогонки тоже нет. Ни сахару, ни песку, был только ландрин. Из этого ландрина и делали бражку, на дрожжах конечно. С этой бражкой и отгуляли свадьбу.

Пока к свадьбе готовились, пока гуляли медовый месяц — а время-то все идет, не видал, как и срок подошел, — опять на комиссию. Еще пуще стало страшно ехать, пуще стало неохота: вдруг да возьмут, хотя рука моя была по-прежнему крючком, из-за этого родители Матрены не хотели даже ее за меня отдавать.

Мой страх, однако, опять развеялся: освободили меня еще на два месяца.

Начались полевые работы. Работа у нас это лето шла очень хорошо, людей в семье скопилось шесть человек. Поедем в поле — цельная телега: отец с мачехой, я с женой, сестра-невеста и младший брат Степан. Приедем, кончим ранехонько, домой собираемся, а люди и не начинали еще. Одним словом, у нас на любой работе дело шло хорошо: хоть в поле, хоть в лугах, хоть на гумне.

Окончили полевые работы, и опять мне кончается срок. Поехал. В этот раз дали мне еще два месяца. Мачеха говорит:

— После этого либо возьмут, либо по чистой отпустят. Вот увидишь.

Так и вышло, отпустили меня по чистой. Тогда все говорили, что мы задарили врача. Дело прошлое: совершенно ничего не возили. Это, по-моему, вот почему случилось.

Дело-то ведь происходило в самом конце октября 1917 года. И хотя далеко наше Речное от Петрограда, но и в наших краях узнали о том, что власть сменилась, революция произошла. Ну, а раз власть сменилась, кому дело до какого-то раненого? Вот и отпустили меня. А мне самому уезжать из Речного тоже никакого резона не получалось: жена была в положении.

К тому же перед Новым годом в село приехал агитатор из Чистополя, собрал весь народ и зачитал декрет о земле. Выходило, что весной можно будет делить землю по-новому, не только на мужиков, но и на всех баб.

Нет, никак мне нельзя было уезжать из Речного. Да и зачем? Агитатор из Чистополя больно уж хвалил будущую новую жизнь. От добра добра не ищут.

Встретили новый, 1918 год. Тут пришли к нам сватать сестру Наташу. Просватали. Вскоре была свадьба. На эту свадьбу я уже выучился самогонку гнать. Целую неделю сидел, не выходя из бани, гнал самогон, а жена моя приходила пробовать: крепка ли.

18 апреля у меня родилась дочь, которую назвали Полиной. Землю этой весной действительно начали делить заново на мужчин и на женщин. Составили приговор: запись новорожденных производить до 15 апреля. Кто позднее, в список заноситься не будут.

Отец тужит: немножко не поспела, а то бы еще душа была. Тут приходит мой дядя Петр Андреевич поглядеть новорожденную. Поглядел и говорит:

— Хорошая девочка!

— Хороша, да без души,— отвечает отец,— запись-то только до пятнадцатого апреля, а она родилась восемнадцатого.

— Сходи к Маралову да поговори, запишет, поставит задним числом,— советует дядя отцу сходить к нашему писарю.

Отец мой был такой же несмелый, как и я: как, мол, придешь, раз уж опоздали. После ухода дяди мачеха и говорит:

— Поди сходи, отец, может, и вправду запишет. Ведь не при- бьет он тебя. Запишет так запишет, а не запишет, так уйдешь.

Отец послушал, пошел к Маралову, как звали нашего сельского писаря. Пришел, а говорить не смеет. Писарь говорит:

— Что скажешь?

— Да что,— начал отец нехотя,— Павел Кузьмич, внучка у меня народилась.

— Когда?

— Восемнадцатого.

— Да,— протянул Павел Кузьмич,— приговор-то ведь только до пятнадцатого.

— Да я знаю,— говорит отец,— может, как-нибудь сделаемся?

— Ну ладно,— говорит Маралов,— привезешь мешок ржи, так и быть, запишем. Теперь все общее. Это раньше нельзя было, теперь можно.

Отец насыпал мешок ржи, вечером увез и получил на одну душу земли.

Но не получилась у нас спокойная жизнь ни в семье, ни в селе. Сестра замужем прожила недолго, месяцев восемь, и померла в ок- тябре от испанки. Была такая болезнь, очень много людей от нее померло.

За месяц с небольшим перед тем, как сестре помереть, мы с отцом и братом в лугах на делянке тальник рубили. Тут слышим — на Каме как заорут пароходы, как начнут из пушек палить.

Выбежал я на берег, за кусты спрятался, вижу — вверх по тече- нию гонят полным ходом буксирные пароходы с баржами и легкачи. А вдогонку им откуда-то от Рыбной Слободы с других пароходов стреляют из пушек. А эти огрызаются. Над одним, вижу, воздушный шар тащится, привязанный канатом. Я такие на фронте видел. Раз- глядел: в корзине двое с биноклями. У одного на плечах погоны блес- нули. Догадался: белые.

И тут с этих пароходов, над которыми воздушный шар, начали по нашему селу стрелять. Несколько домов загорелось. Братишка заплакал, отец хотел было бежать в село, а я говорю:

— Не надо. Это они по церкви метят. Думают, там наблюдатель сидит.

Отец закуривать стал, а у самого руки трясутся, никак сигарку не свернет.

— Что,— говорит,— сыны, кажись, и сюда война припожалава- ла.— Да как завяжет в бога-мать. А ведь до этого редко когда мы от него ругань слышали.

18 октября пришел приказ явиться мне в Мурзиху. Накануне мы собрались, немного выпили у Костюхи Пряснова. Я там, навер- ное, не пробыл и получаса, как меня разгасило, и я ушел домой. Пришел домой и как пласт лег без памяти. Утром везти в Мурзиху, а везти некому. Если брат повезет, больным в доме некому пить подать. Брат пошел за зятем Василием. Зять пришел, запряг лошадь, поехали мы в Мурзиху. Я надел тулуп, но и в тулупе зябну, а бе- жать нет силы. Приехали в Мурзиху прямо к берегу. В баржу

посадку не делали, ожидали комиссара. Вскоре он приехал, и мы пошли к нему жаловаться: ехать, мол, не можем, больных из нашего села четырнадцать человек. Комиссар нас отпустил до востребования. Наверное, если бы мы поехали, ни один не доехал бы до Казани в живых.

Дома прожил до 3 декабря, когда нас всех снова вызвали на комиссию. Всей-то комиссии было, пока раздевались: всех признали годными. Отправили нас в Лаишев.

На пути встретили нашего шабра Якова Бадаишкина. Он шел из германского плена в кацавейке какой-то, в ботинках с деревянными подошвами. А мороз такой, что мы в валенках зябнем. Говорю ему:

— Наверно ведь, ноги, дядя Яков, замерзли?

— Нет,— говорит,— привык ко всему. — Поинтересовался: — А вас куда это?

— Да вот,— говорю,— обратно служить.

— Валяйте,— сказал шабер,— у меня под самую завязку.

Из Лаишева нас направили в Казань. В Казани определили кого куда, я попал в команду пекарей, поскольку считался из-за ранения ограниченно годным. Кроме меня, там были: Кузька Горелов, Сергей Строкин, Семага Арзин, Никита Сапарин, Семага Куликов, Александр Чиханов, Яшка Сорочихин.

Мы там ничего не делали, никакой службы не несли, только что дров наколоть да для себя обед сварить. Паек давали неважный, не хватало, но нам харчей из дома то и дело привозили.

Прожили мы в Казани до 1 мая 1919 года. В этот день был праздничный парад, и нашей пекарне тоже пришлось идти на него. Когда комиссар Авров обходил войска казанского гарнизона, то нами он полюбовался: были мы как на подбор. Полюбовался-то полюбовался, и тогда же после праздника вышел приказ: нас, пекарей, со всем хозяйством передать Волжской военной флотилии. Она в то время шла из Нижнего Новгорода на Каму громить Колчака и ненадолго останавливалась в Казани. Подогнали к берегу баржу, погрузились мы, и буксир поволок нашу баржу в верховья. Когда мимо Мурзихи плыли, мимо Речного и Чистополя, пересмеивались: мол, мимо дома да с песнями. Но на подходах к Елабуге не до смеху сделалось.

Политком сказал: на правом берегу Камы возле Елабуги беяки сильно укрепились. Наши хотели Вятку преодолеть, да тоже ничего не вышло. Десант, которым Кожанов командовал и который на передних судах флотилии везли, тоже уперся, не дойдя Котловки: разведчики сказали, что река заминирована.

Мы услышали про это и ахнули: хорошо все-таки, что мы в середине. Я ведь видел на фронте, как на минах-то подрывались. Громыхнет — и понеслась душа в рай, куда куски, куда осколочки!

Но стояла флотилия недолго. Не все такие были, как мы, пекари. Особенно хвалили командира десантного отряда Кожанова Ивана Кузьмича. Я сначала думал, что он в годах, а оказалось — мне ровесник. Куда как лихой был. А с виду не подумаешь. Росту среднего, в черной шинели, в сапогах яловых и в кожаной фуражке. Правда, маузер сбоку болтался.

Родом, говорили, он из казаков, перед революцией во флоте служил. Строгий был, но справедливый. Зимой в одной деревне боец из его отряда гуся унес и сварил. Хозяйка пожаловалась. Кожанов приказал вора расстрелять. Баба на колени: пощади, бог с ним, с гусем-то! Еле уговорила Кожанова. Но все равно тот наказал

виновного: велел уплатить двести рублей за гуся. А гусь самый хороший в ту пору пятерку стоил.

Это мне понравилось. Думаю, это хорошо, коли начальник в обиду крестьян не дает и с мародерами эдак расправляется. Действительно, хотя гуся-то и не больно трудно вырастить, так ведь не в этом дело. Дай потачку — начнут с гуся, а чем кончится? И так еще толком не всегда разберешься, кто кого бьет и за что.

Постояли, значит, мы на якорях посереде Камы, и выходит приказ: высадить десант в Котловке, а всем другим прорываться к Елабуге. Когда у нас на барже узнали про этот приказ, мы приуныли: как же с минами-то быть? Кому охота погибать, когда кругом красота такая, берега зеленые, птицы щебечут, солнце припекает, мы рыбу приладились на удочки ловить.

Было это, как сейчас помню, утром 24 мая 1919 года. Мало кто спал в ту ночь. И у нас на барже не спали. Знали: как только рассветет, пойдем через мины. Раздумаешься об этом — и дрожь начинается. А тут соловьи заливаются — хоть бы им что. Правда, а чего им бояться? Стоим мы тихо, без огней, даже курили в рукав. Только огоньки на пароходах мигали — это они переговариваются между собой.

Только под утро задремали, пальба поднялась. Смотрим, сверху из-за поворота несколько пароходов спускаются и по нас стреляют. Но тут и наши ответили. И началось! Мы, конечно, в трюм, только в щели посматриваем. Из-за пальбы и проглядели, как наш боевой катер мины взрывал. Комиссаром на катере был Павел Старостин, он же механик. Вот он и еще семеро моряков пошли на смерть и открыли нам путь. Их даже и не хоронили, потому что нечего было: утонул катер.

Ну и обозлились моряки на Колчака! В Елабуге, я сам видел, шли в атаку в полный рост, никто не ложился и с колена не стрелял, как нас когда-то учили. Моряки, они и есть моряки. Только ведь зря они так. Из-за этого столько поубивали их. Правда, и колчаковцы не выдерживали, когда моряков видели, сразу драпали. Кто хочешь испугается, раз видит — человек смерти не боится. Моряки все как на подбор такие и были, потому как, слышь, в десантники партийных только брали.

Интересовались мы тогда: почему они добровольно на смерть идут? Узнать хотелось: может, платят кожановцам больше, чем, скажем, пехотному солдату? Да нет, харч у них такой же, как у всех, денежное довольствие тоже не наособицу. Тогда что же?

Спросили политкома. Тот усмехнулся, ответил:

— А как же? Особица у партийных есть. Первыми в атаку идти.

Можно было и не поверить этим словам, да жизнь заставила.

С этими минами еще один случай был. Шли эдак-то на барже позади всей флотилии. Вдруг на буксире гудок загудел, кричат нам:

— Тревога! Кидай якоря! Мины!

Буксир встал, и мы тоже. Столкнулись, смотрим. На буксире лодку отвязывают, двое матросов в нее, и боцман с ними. Поплыли ближе к берегу. Ну, думаю, пропадут!

Хвать, слышим, смеются в лодке-то. Рехнулись, видать, думаем, со страху-то. А матросы вдруг из воды вершу вытягивают, а в ней рыбы полно: и стерлядь и подлещики. С полпуда, не меньше было. Подъехали и нам кинули: поешьте, пекари, ушицы. Они ведь добрые, матросы-то, были.

Взяли мы Елабугу, подошли к Осе. Городок колчаковцы оста-

вили, как только десант кожановский им в спину ударил. Нагляделись и наслушались мы в Осе такого, что умирать стану — не забуду. Перед тем как нам прийти, беляки арестовали всех сочувствующих советской власти и загнали в трюмы двух барж. Баржи были деревянные, смоленые, да к тому же еще их керосином облили и подожгли. Они всю ночь горели. Люди видели: выскочит из баржи человек весь в пламени, в воду бросается. Которые сразу утонули, а кто к берегу подплывал, тех из винтовок офицерские патрули добивали.

Мы все говорили: что же это за люди — беляки? Мертвых мы их, конечно, видели. Такие же, как все. Обмундирование, правда, получше, заграничное. Винтовки другие тоже, большей частью не наши. Но ведь все остальное-то — наше! По-нашему разговаривают, а хуже зверей были. Когда мы к Перми подходили, они что устроили? Нефть из хранилищ выпустили, плоты разбили, суда подожгли, и все это вниз по течению плыло. Потом говорили: погубило от их рук на Каме больше двух сотен пароходов и барж, пристаней немало, лабазов и всякого прочего добра.

Я думал: если так дальше пойдет, ведь изведем друг друга под корень и тогда конец всему роду человеческому. Как же быть? Одно остается: быстрее кончать их надо. А для этого, раз не боец я из-за руки своей покалеченной, значит, надо стараться, чтобы хлеб получше получался. Без хлеба много не навоеешь, это я понимал, тоже ведь отломал почти полтора года на фронте.

Стараюсь. Вымешу опару как следует, дам расстояться тесту, ночью поднимусь, погляжу, чтобы не охолодало, ну и стало получаться у меня лучше других. Заметили это, и политком сказал:

— Поедешь с нами, Потапов, в Царицын.

Эх ты, думаю, вот тебе и на. Другие пекари, значит, в Казань вернутся, а мне служить, как медному котелку. Так оно и получилось. Как Колчака с Камы потурили, часть пекарей в Казань, а нас на той же барже под Царицын повели. Опять мимо дома. Поглядел на Речное, умылся слезами. А что делать-то? Ведь не станешь проситься: остановите, мол, баржу да меня на побывку пустите.

Наша флотилия подошла к Царицыну ночью. Буксир от нас ушел. Мы встали на якорь и спать полегли. На заре я вышел оправиться, поглядел, все вроде спокойно. Только спустился обратно в трюм, слышу — начали стрелять. Мы быстро вскочили, оделись, а белые как начали крыть по пристаням да по судам. Начальство убежало искать пароход, чтобы увезти баржу в безопасное место.

Пришел пароход, зацепил баржу и потащил, а нам вслед белые садят: то у кормы разорвется, то сбоку. Оттащил пароход баржу километров за десять от города, приткнул к луговому берегу и ушел.

Вечером того же дня приезжают двое на маленьком пароходе и просят у наших начальников пекарей. Наши не дают.

— Ну, раз не даете, поедем с нами, там разберемся!

Уехали и те двое и наши начальники. Мы пождали, поужинали, легли спать. Под утро — мы еще спали в трюме — политком сбежал вниз и дурным голосом закричал:

— Вставайте!

Мы выбежали в одном белье, якорь вытащили вручную, мостки взяли на баржу, за какие-нибудь пять минут все это сделали, и потащил нас пароход вверх по течению. Хорошо, что туман был, благодаря ему мы только и ушли от плена. Беляки были на берегу совсем рядом. Их остановили километрах в сорока от Саратова.

Мы прибыли в Саратов, дали нам муку и велели печь хлеб. В конце сентября я заболел дизентерией, и меня отвезли в Балашов. В лазарете вместе со мной был односельчанин Степка Горелов.

Нас выписали вместе. Когда стали писать документ, то мы сказали, что наша часть находится в Казани. Нас туда и направили. Приехали мы в Рузаевку, сели в поезд, а хлеба у нас не было. Я побежал, чтобы получить хлеб. Пока стоял в очереди, поезд ушел и мой друг уехал. Я походил, походил, поспрашивал, когда пойдет поезд в Саранск. Пассажирского не было долго, тогда я поехал товарным. Приезжаю в Саранск, гляжу — Степка закаляется на солнце не евши.

Поели, уселись в поезд и приехали в Казань. Мы со Степкой пошли в караульную роту, там было много наших односельчан: Федор Листратов, Данилка Щербаков, Пашка Сорокин, Тереха Грачев.

Из-за болезни я не брился месяца два, борода отросла большая. Когда стали оформляться, писарь спрашивает Горелова, с какого года рождения. Тот сказал. Меня тоже спросил, с какого года, я ответил, что тоже как Горелов. Тогда писарь на меня уставился и говорит:

— Что-то ты, старик, не то говоришь. Не похожи вы друг на друга.

Тогда Горелов подтвердил, что я правильно сказываю. С того дня и началась у нас новая служба. Стали ходить в караул. Потом нас послали в командировку по Казанскому уезду конские карточки проверять.

Однажды приехали в чувашскую деревню, едем, глядим — топится баня, а дело было в начале недели. Начальник отряда говорит:

— Наверно, самогонку гонят, пойдите поглядите!

Федор Листратов быстро перелез через плетень — и в баню, а там действительно мужик гонит самогонку. Мужик глаза вытаращил, испугался, не знает, что и говорить. Федор говорит:

— Налей мне!

Мужик налил ему чайную чашку, Федор выпил и быстро перелез обратно через плетень.

Начальник отряда спрашивает:

— Ну что там?

— Там роженица, товарищ начальник! — соврал Федор.

Начальник говорит:

— Поехали.

Дождались мы вечера — и к этому чувашу: Федор Листратов, Степка Горелов и я. Чуваш не знает, чем нас накормить, поставил чашку мяса, наварил яиц, поставил большую деревянную чашку самогонки. Мы, конечно, напились, наелись, спасибо сказали, и чуваш остался благодарен.

На другой день мы приехали в Семиозерную пустынь. Нам сказали, что народ там очень озорной, слышь, уже не один отряд побили. Ну, мы насторожились, а дело было часов в девять вечера.

Только слезли с подвод, на колокольне зазвонили. Мы струхнули: пропали, думаем, тревога! Сейчас соберется все село, и нам будет крах. Стоим, винтовки на припасе. Стоим минут десять, ничего нет, и звона не слышать. Минут через пять опять звон. На нас опять страх.

После узнали: на колокольне часы сами выбивают перебор каждую четверть часа, а потом еще столько ударов, сколько времени...

Однажды вызвал меня к себе командир нашей караульной роты и говорит:

— Я слышал, что из-под Чистополя родом? Вот и ладно. Оттуда как раз требуют человека. Поедешь ты!

Да не больно долгой была моя радость оттого, что я стал служить почти рядом с домом.

У жены в Чистополе жили дедушка, бабушка Акулина и брат. Я у них бывал часто. Как-то в первых числах марта прибегает ко мне в команду брат жены и говорит:

— Тебе, Николай, наказывали домой. Матрена тифом заболела.

Меня как ножом кольнули в сердце. Я тут же пошел к начальнику команды. Меня отпустили на четыре дня. Пришел, жена лежит без памяти, бредит, надо бы везти ее в больницу, а бабы, мачеха и теща, в один голос:

— Нет, нет, какая больница! Лучше уж умри на глазах, сами будем ходить, а туда как отвезешь, так и все. Оттоль ни один не вернется в живых. Пускай уж дома лежит.

Я отжил четыре дня, уехал. Только показался, начальник сразу дает задание:

— Вот хорошо, что приехал, а то некому в командировку. Весь народ в разъезде.

В этот же день я уехал в Казань, оттуда заехал в Речное. Иду по льду через Каму и думаю: приду домой, а Матрена-то здоровонька. Так мне этого хотелось, что про вешний лед забыл, иду и улыбаюсь, точно маленький или только что мы с ней поженились. А ведь на самом-то деле прожили больше двух с половиной годов. Пора бы и привыкнуть.

Взошел во двор, увидел на земле стружки. Все они мне сказали... Увидели меня мачеха и теща, заголосили, начали приговаривать:

— Как будешь жить, да с девочкой-то?

Ну, и я не стерпел, заплакал. На другой день с дочкой пошли к теще. Там посидели, погоревали. Жену схоронили в пятницу, а в понедельник я ушел в Чистополь.

Пока шел, всякое передумал. Даже вплоть до того, что руки на себя наложить. Вон береза стоит. Ремень брючный снять, удавку сделать — и готово дело.

Стою возле березы, а сам от горя даже зажмурился. Никому теперь до меня дела нет. Для отца с мачехой я отрезанный ломоть. Для дочери? Она еще мала, ей я не нужен, теща поднимет. И что же, выходит, весь век мой на этом кончится? Значит, я для этого, собственно говоря, и на свет появился? И что я своей смертью кому докажу? Увидят, на дереве болтаюсь, снимут и скажут: ну и дурак! Решил: нет, не буду свой век укорачивать...

Через две недели я снова попросился домой, меня пустили. Вышли мы с Беловым, мужиком из соседнего села, после обеда и пошли Камой, а ручьи уже бегут вовсю. Кама разлилась и подошла к Кубасу, и пришлось нам лезть водой выше пояса. Пришли к Белову домой, все с себя сняли. Родные его мне дали сухое белье — и на печь. Чайку попили, согрелись, а утром пошел я до дому.

Дело было в субботу. Дошел до своей реки Шанталки, а на ней еще лед стоял, только от краев была вода, но я хорошо прошел, сухой ногой.

Дома, как положено, сели обедать, но меня после купания разгасило, я и не стал есть. Лег и больше не встал. В среду отец меня повез в Чистополь.

Мы заехали в команду, там дали человека и на нашей же лошади на санях повезли в госпиталь... А когда встал, подошел к окну — березы стоят зеленые. Вскороги отпустили меня из госпиталя, приехал отец, и пошли мы с ним к нашему односельчанину Листратову, чтобы он взял меня к себе. Листратов-то командовал конским запасом. Земляк написал записку к командиру команды, чтобы направили меня в распоряжение командира конзапаса. Так и получилось. Тут же меня оформили и на довольствие поставили. Пошли командировки в уезды: лошадей мобилизовывать и закупать для армии.

Заставил меня взводный как-то раз дежурить по штабу. С вечера я книжку почитал, а потом уснул. Наверное, в час ночи вбегает дневальный от ворот и кричит:

— Лошади со двора убежали!

— А ты, сволочь, где был?

— Зашел в баню погреться, а цепь у калитки оборвалась, они и убежали.

— А где люди?

— Ушли загонять.

Думаю: надо идти докладывать начальнику. Вышел на улицу, слышу — шумят. Оказывается, гонят лошадей, а их было около двухсот голов. Обошлось хорошо. А дневальный, оказывается, зашел в баню еще с вечера, она была топлена, ну и уснул. Был сильный ветер, калитка была на цепи, чтобы только человек пролез, а ветер хлопал, да цепь-то и оборвалась, лошади все и дунули.

В конзапасе я и закончил свою военную службу, демобилизовался 15 мая 1921 года. Приехал домой. Что делать, куда идти? К мужикам — я еще не мужик, к ребятам — я уж не парень. Не зря говорят: лучше семь раз сгореть, чем одинова овдоветь.

Лето в тот год выдалось очень сухое, всю весну не было дождя. Как ни старались попы молиться, ничего не вымолили, одни ветры да пыль.

Разное говорили про засуху. Мельник Палкин, который возле кладбища жил, говорил, что это из-за того, что на нашем погосте схоронили Яшку-коммуниста.

— Не надо было его хоронить вместе со всеми, — баламутил мельник народ и божился: — Ей-богу, сам видел, как по ночам Яшка тучи разгоняет. Вылезет из могилы, саваном машет, тучи-то и расходятся.

Мужики соглашались с мельником, потому что видели зимой: много пены было на лошади, когда гроб с Яшей везли на кладбище; толковали, нечистая сила не давала везти.

А однажды летом в одну ночь во всем селе на усадьбах кто-то с корнями подергал табак. Оказалось, что это сделали татары из соседнего села. Они считали, что засуха из-за табака.

Как бы там ни было, а осенью ничего не уродилось. Стали мы с отцом лебеду косить, а люди глядят да смеются:

— Разве это хлеб? Нет хлеба, и это не хлеб.

Мы намолотили лебеды два сусека. Но ведь мало. Тогда мы поехали с Федором Чеботаревым в Казань менять свое барахло на картошку.

У меня был меринишка малосильный, больно уж малюсенький. Я туда-то еле добрался. Наменяли картошки пудов двадцать, думаю: как я доберусь, когда порожнем еле дотащился?

Проехали верст пять, мерин мой стал. У Федора хотя тоже меринишка небольшой, но тащит и тащит, а мой стал. Покормили немножко, тронулись. Верст пять проехали — опять стал мой мерин.

Я говорю:

— Езжай, Федор, чего меня ждать. Я, может, к рождеству приеду.

— Поеду,— говорит,— да велю тебя встречать.

Остался я один. Покормлю и еду версты четыре, опять встаю кормить. Сам есть хочу, а ничего нет, хлеба ни крошки. Разведу огонь, напеку картошки — вот и обед. Добрался к ночи до Сокуровского оврага, в нем и заночевал.

За ночь меринок у меня отдохнул. Ну, думаю, теперь я катну верст двадцать. Проехал верст шесть, он у меня опять стал. Я стегнул его, он как-то споткнулся, упал и голову под себя. Лежит и не дышит.

Ну, думаю, пропал. Уж не так жалко мерина, как жалко картошку. Выпряг я его, взял за хвост, перевалил на другую сторону. Встал мой мерин и сразу набросился на траву. Ну, думаю, слава богу, теперь я его не стану так гнать, а потихоньку. Когда доеду, тогда и ладно.

Наелся он, снова потащил. Вечером я переправился через Шуранский перевоз и у Долотовского моста заночевал.

Утром позавтракал и опять в путь. Возле Алексеевского, у мельницы, меня встретил отец на Рыжке. Тут уж мы добрались до дому, а то бы еще ночь пришлось ночевать.

Мерина мы вскоре с отцом продали и купили у Ильюхи Сорокина кобылу. Лошадь была хорошая, сильная, мы на ней ездили менять барахло за Чистополь. Это уже зимой, по первопутку. Койчего выменяли, да к тому же у нас была корова, зарезали мы бычка лет трех, свинью, трех овец, мясо было и молоко, но хлеба не спрашивай — из одной лебеды.

У кого не было ни мяса, ни молока, ни лебеды, те погибли.

Отец как-то на провесне говорит:

— Вот что, мачехе одной тяжело. Нас ведь вон сколько. Без бабы в доме — как без поганого ведра. Думай давай.

Что ему ответишь? Я думаю. Да кто же за вдовца с ребенком пойдет? И от людей совестно: голодный год, а мне жениться приспичило. Скажут: вот уж действительно паршивая скотина в ненастье обгуливается. А опять же с отцом много не поспоришь: он старший.

— Давай,— говорю,— в конце говения иди к Дарье Сапаринной.

— Так она же сирота,— возражает отец.— Лучше бы другую.

— Ладно,— говорю,— тятя. Не на базаре. А что сирота, так ценить мужа больше будет. Я у нее самый родной буду. Значит, и к дочке будет помягче.

— Верно,— отвечает отец.— Соображаешь что к чему.

Я вздохнул, да промолчал. Дарью я не зря назвал. Я ее и до этого знал. Сапарины от нашего двора наискось жили, ближе к Каме. Дом справный, хозяйство ухоженное, да вот детей, кроме Дарьи, бог Сапаринным не дал. А в голодный год Дарья отца и матери лишилась.

Она была лет на семь меня помоложе, вовсе еще юная. Я бы на нее и не взглянул, да уж больно она по отцу с матерью убивалась. По-соседски то пару-тройку ведер воды дашь, когда себе везешь, то плетень поправишь. Закваску, бывало, давал. А когда нам с отцом повезло, удалось заморную рыбу в озере взять, я тоже Дарье дал.

Она сначала дичилась меня, вроде бы даже и не больно радовалась, когда пособлять станешь. Взглянет словно сквозь синими глазницами, прошепчет: «Спасибо, дяденька!» А дяденька от этих слов точно сильнее делался.

Как-то раз мне покойница жена приснилась. Будто плывем мы с ней на лодке в Рыбную Слободу, а тут откуда ни возьмись ветер поднялся, туча из-за горы синющая выкатилась. А перед самой тучей чайка белая мечется. Мечется и кричит. Тут жена мне будто и говорит: «Смотри, не обижай Дарьюшку!» Да так явственно сказала, я даже проснулся...

Сваха вернулась от Дарьи и сказала, что Дарья не против и что коли так, надо на пасху и свадьбу играть. А чтобы все честь честью было, надо, слышь, Дарье сходить и благословенье от родителей получить.

Я было возражать: зачем девке на кладбище? Не верю я, мол, ни в черта, ни в дьявола. Нагляделся на фронте — нет никакого бога, все это болтовня глупая. Но тут отец на меня с мачехой надели: не нами начато, не нами кончится. Махнул я на них и ушел из избы. Однако самому стало невтерпех: дай, думаю, схожу послушаю, о чем да как Дарья разговаривать будет.

Пришли мы с ней на погост. А он у нас неухоженный в ту пору был. Мне и то не по себе, а Дарья шла безо всякой боязни. Подошла к двум низеньким холмикам, поклонилась, оправила могилки, да и говорит:

— Вот она здесь, круглая десятина-то. Никуда от нее не уйдешь.

И так это она, как большая, сказала, что меня проняло: верно ведь. Мечется иной, колготится, норовит побольше заграбастать, а для чего? Вот она, десятина круглая — самая большая и самая маленькая, как хочешь считай. Про себя подумал: Дарья-то, оказывается, ничуть не хуже обо всем понимает, чем я. И это мне в ней понравилось. Тут же я и о своей первой жене подумал и сказал, конечно, не вслух: пусть не обижается на меня, раз так все получилось.

Свадьбу мы сыграли на пасху. Гостей, правда, было немного, на лошадях по селу не гоняли. Обвенчались, правда, как положено, в церкви — это Дарья настояла.

Дожили мы до июня и решили с женой: надо подаваться куда-то. Говорили, в верховьях Волги сытно. Мы и поехали под Рыбинск. С нами увязались шурины Никита, свояченица Дуня и Григорий Быбыкин с семьей. Доехали до Ярославля парходом, сошли. Григорий со своим семейством в одну сторону, а мы в другую. Пошли, а куда — сами не знаем.

Пришлось дорогой просить милостыню. Бабы наши не смеют, зайдут в избу, плачут. Шурины, тот был худенький да смелый, живой рукой наберет и несет:

— Ешьте! С голоду без меня пропадете!

А я был молодой, полный, да несмелый. Зайду в дом, станут спрашивать: отколот ты? Говорю, что с голодной стороны. Ну кто даст кусок, а кто только оговорит:

— Такому молодцу работать надо, а не собирать!

Я отвечаю:

— Ведь негде работать-то.

Однажды мы зашли в деревню, а там из двора во двор икону носят. Наш Никита и наладился за этой иконой. Глядим, тащит полную сумку кусков. Пришел, вытряхнул: нате! И смеется:

— За иконой ходил, в каждом доме дают.

Отошли мы километров семьдесят от Ярославля, пришли на кузнецовскую фабрику, где вырабатывали чайную посуду, спросили насчет работы.

— Мужчин,— говорят,— нужно, а женщин нет.

Мы переночевали у рабочих. Утром пошли с Никитой на работу, а бабы — на ту сторону Волги. Там была усадьба и овцеферма.

На фабрике нас с Никитой поставили дрова резать. А бабы наши подались на овцеферму.

Увидел я мастера, который нанимал нас, говорю:

— А как бы в цех?

— Поработайте,— отвечает,— поглядим, куда вы годитесь.

В обед бабы вернулись и говорят, что на овцеферме берут мужчин и женщин. Мы больше на фабрике не стали работать. Пошли на овцеферму, и там нас приняли всех. Зарплата была небольшая. Давали сорок пять фунтов муки, два пуда картошки и пуд свеклы в месяц.

Заработали за зиму немного хлеба и картошки, весной надумали ехать домой, но на чем ехать-то? На пароходе? Так надо продать все, а с чем домой приедешь?

На овцеферме с нами работали еще четверо из соседнего села: муж с женой, парень, Мишкой звали, и старик. Старик-то говорит:

— Лодку бы.

А где ее взять? Купить? Опять сколько же за нее денег надо? Да лодку-то нам нужно большую, нас ведь восемь человек, да ба-рахло, да картошка. Решили мы съездить на ту сторону Волги поглядеть, нельзя ли там пожить какой-нибудь лодкой.

Поехали. Нашли затопленный шитик, бортов нет, видать, кто-то поймал на дрова. Мы надрали у забора возле чьей-то дачи досок и давай наводить набочени.

Один дедок из местных наблюдал за нашей работой и ехидничал:

— Интересно бы поглядеть, как вы на этом баркасе поедете?

— Дед,— говорю,— еще как!

— Едва ли. Пожалуй, ко дну поедете.

Окончили постройку, проложили, просмолили, спустили на воду. Вода и пошла во все лады, лодка в минуту стала полна. Мы стоим глядим: правда, на такой не поедешь. Затопили ее, пускай замокает. Тем временем надумали поискать еще лодку, а то на одной все равно не уехать.

— Пойдем вниз по течению,— предложил наш старик.— Хозяева вверх не пойдут, будут лодку внизу искать.

Пошли, километров шесть оттопали, видим — деревня, лодок на берегу много, одну утащили, нашли весла и поехали вверх по течению. Приехали и затопили ее в кустах, а свою вытащили, вылили всю воду, спустили обратно. Течет, но меньше, чем вчера. Стали отливать ведром. Пока отливаешь, вода не прибывает.

Наш старик говорит:

— Отливать поспеваем, значит, ехать можно.

На другой день начали перетаскивать багаж, уложили, уселись и поехали. Ехали хорошо, лодок вроде нашей было на Волге очень много, прямо целыми флотилиями плыли. День едем поодиночке, а ночью связываемся цепями в караван. Проплыли Нижний, и тут против Лыскова раздулся такой ветер, никак ехать нельзя. Мы тогда

пристали к лугам и там ночевали двое суток. Потом опять тронулись.

До камского устья плыли легко, а как пошли встречь воды, вот уж нам досталось. Встали, никак не выгребем на веслах, тогда повели бечевой.

Домой приехали на семнадцатый день. Привезли картошки, жмыху, овса. Потом стали обручи делать, платили нам за них мукой и мясом. К тому же стали американский паек давать, кукурузу, тем и прожили.

Поля в тот год были засеяны лишь одним просом. Ржи было четверть десятины, обмолотили ее на семена, а зимой ели хлеб просяной, он хотя и надоел, но все же лучше, чем лебеда.

Так и прожили зиму. Весной, 25 марта, родился сын Василий. Да не успел я порадоваться-то, через месяц помер он от глоточной болезни.

Беда одна не ходит. Перед самой пашней у нас пала лошадь. Жеребенок родился нормальный, но за ним вышла вся внутренность, и кобыла не выжила, остался жеребчик без матки. Стали его поить молоком, но пожил он только два дня, околел. Остались мы без лошади.

Корову продать? На нее лошадь не купишь, а добавлять нечем. Вот и решил я тогда уехать из Речного.

Собрались мы с Иваном Даниловым и поехали в Нижний к его свояченице. Переночевали у нее ночь, пошли в Сормово. Но напрасно сходили: кто без квартиры, того на трудовой бирже не принимали.

Вечером возвращаемся из Сормова, а ветер сильный поднялся. Мост через Оку тогда был плашкоутный, и в сильный ветер его разводили. Подошел перевоз, а у нас денег с собой ни у того, ни у другого ни копейки. Вообще-то было немного, но мы их, чтобы не истратить, оставили на квартире у свояченицы. Как быть? Кончилась посадка, гляжу — хотят отдавать чалки. Я подошел и говорю:

— А без денег когда будете сажать?

— У вас али нет денег-то?

Я ему объясняю, какое положение у нас получилось.

— Садитесь!

Мы обрадовались такому счастью и перебрались через Оку. Переночевали у свояченицы, а утром опять в Сормово. На этот раз мы все свои сбережения забрали с собой.

День был субботний. Пришли мы на биржу, оказалось, требуются люди в деревообрабатывающий цех. Мы было подумали не идти, но ждатель-то чего? Пошли в контору. За день все сделать не успели, только табельные номера получили. После часа дня времени еще много, мы пошли узнать насчет квартиры в соседнюю с Сормовом деревню. Нашли у одной тетки, договорились о плате, потопали обратно в Нижний к Ванюшкиной свояченице.

Я знал, что земляк наш Санька Самошин живет в Черноречье, недалеко от Нижнего, и вот что-то вздумалось мне поехать туда. Встал утром в воскресенье — и на вокзал. Взял билет, сел в поезд. Приехал — и айда на чернореченский завод. А завод-то был в два цеха: сернокислотный да суперфосфатный. Тут же при заводе поселок: два барака тесовых, шесть домов двухквартирных и один дом двухэтажный, он стоял возле самого суперного цеха. На Картофельной улице было четыре дома двухэтажных и на болоте несколько барачков для торфяников.

Завод был не огорожен. Я вошел в завод, дошел до этих шести домов и встал: не знаю, в котором Санька-то живет. Хвать из окошка кричат:

— Иди, Коля, сюда!

Поглядел: да кто же это? Оказывается, Санькин отец Гаврила Самошин. Я обрадовался, захожу, они обедают. Санька был дома. Посидели, поговорили, сказал, что хочу устроиться в Сормове, только, мол, дрова резать не больно нравится.

— Остайся,— говорит Санька,— я завтра поговорю с начальником цеха Дорониным, возьмет. Люди нужны на сливку купоросного масла. Галактион Ансикритович мужик хороший, попросим его, возьмет.

Я задумался: как быть? Остаться — не знаю, возьмут ли. Если не возьмут, и на Сормове упустишь. Но все же остался.

Утром Санька ушел к шести часам. Потом прибегает домой, будит меня:

— Хватит спать, пойдем на работу!

— Как,— говорю,— на работу? Сейчас?

— Да, да, сейчас же пойдем!

Ну, я быстро оделся, и пошли. Приходим в конторку, там сидит сам Доронин.

— Вот привел тебе работника, Галактион Ансикритович,— говорит Санька.

Поглядел на меня Доронин, спросил:

— Земляки, что ли?

— Да,— говорю.

— Пойдем покажу, где будешь работать. Будешь сливать в бутлы купоросное масло. Только гляди, осторожно, оно очень крепкое, ест здорово, если обольешься.

Пришли на сливку, там были Гришка Крупнов и Наумов Михаил Иванович. Вот я с ними и начал разливать кислоту. В Нижний так и не вернулся, съездил только недели через две за своим сундуком.

Иван Данилов, с которым мы из села вместе приехали в Нижний и на квартире у свояченицы которого остановились, на Сормове устроился. Сказал мне:

— Я пождал-пождал тебя, подумал: видно, не приедешь.

Простился я с ним и в Черноречье обратно. У Саньки Самошина прожил недели две, потом перешел в барак.

Питались в то время плохо: хлеб черный да картошка немая — вот и все питание. С маслом постным ел только один Гришка Крупнов. Он приехал сюда наовсе, а мы все думали, что приехали ненадолго, заработаем, скопим деньжонок, да и домой. Но потом понял я, что жить здесь придется долго, стал есть лучше.

Вскоре из барака перевели нас в дом. Сделал это Иван Иванович Винокуров, он был старостой в доме. А в том доме помещалась артель из Сергача, которая работала на складе суперфосфата, просеивала и грузила его. Никаких раздевалок в складе не было, поэтому всю грязь сергачские тащили в дом. Вечером разуваются у койки, каждый насыплет целую грудку суперфосфата, который на лаптях принесли. Вот это старосте и не нравилось, и он задумал нас перевести из барака в дом.

Задумал и сделал. Однажды вечером Иван Иванович приходит к нам в барак и говорит:

— Утром вещи забирайте и к дому. Как только сергачские выйдут, вы и заходите.

Мы так и сделали, а сергачским Иван Иванович сказал: утром собирайте свои вещи и несите в барак, потому что в доме будут ремонт делать — полы перестилать, белить стены и потолки. Сергачские послушались, очистили комнаты и ушли на работу. Как только они ушли, мы — в дом, заняли койки, положили вещи и тоже ушли на работу. На этом все переселение кончилось. Когда про эту аферу узнали, сколько скандала было: и в завком ходили и к директору. Но ничего не вышло, так мы и остались в этом доме.

Вскоре по нечаянности я обжег себе ноги кислотой. Меня на два месяца в больницу, а как тошно лежать в больнице, когда никого нет своих. В обычные дни все же ладно, а вот в воскресенье... С утра к людям идут и идут, а к тебе никого нет. Кто придет, раз никого родных здесь нет? Приходил Санька Самошин с женой, ну ведь они мне никто.

После больницы сделался я вроде совсем другим. Так думаю — из-за Маруси Пушкивой. Работала Маруся в больнице милосердной сестрой. Аккуратненькая из себя, халатик тоненько в поясе перетянут, волосы под козынку забраны. С лица строгая, а улыбнется — словно светлее сразу делается в палате. Пальцы у Маруси тонкие, совсем и не чувствуешь, как они повязку меняют. Перевязывает, а сама приговаривает:

— Потерпи, голубчик, потерпи, родной!

И боль вроде меньше делается. Расшумимся мы, бывало, вечером, перед тем как уснуть, Маруся заглянет в палату, пристыдит:

— Ну, скоро вы тут укочкаетесь?

Выглянешь ночью в коридор, а Маруся сидит, лампу газетой загородила, голову подперла обеими руками и читает. Жалко мне иной раз делается ее: на что здоровье-то губит? Подойти пожалеть бы, да неловко: чего я к ней, женатый мужик, полезу. Урезоню себя, а потом все равно жалко: вижу, переживает Маруся из-за чего-то.

То ли догадалась Маруся, что я жалею ее, то ли сказал ей кто из соседей по палате, но только стала она ко мне относиться не так, как к другим. Но скоро дело у меня на поправку пошло, выписали меня, и снова я стал работать на разливе кислоты. Тут как раз жена ко мне приехала. Погостила, правда недолго, и обратно уехала. Звала с собой, но я остался: зимой в деревне все равно нечего делать, а на заводе я все, глядишь, денег заработать смогу.

В больнице я навадился книги читать. Приносила их Маруся. Я с одним-то классом, конечно, толстые книги читать не решался. Просил сначала, чтобы доставала мне Маруся книги с буквами покрупнее и чтобы с картинками. Ну, а потом привык, стал и потолще брать.

Вернусь с работы в барак, поем, на улицу выйду, посижу возле барака, погляжу, как холостежь по тесовым мосткам с гармошкой ходит, «Сормача» распевает. К магазину схожу, где в орлянку играют. У пивного ларька потолкаюсь, погляжу, как пивом мужики балуются.

В получку на поселке куда интереснее. А все Миша Пшеничный. Кочегаром он в паросиловом цехе работал, а жил в бараке недалеко от нас. Блажь у Миши была.

В получку Миша покупал на бойне коровий желудок, или брюховицу, если по-нашему, по-сельски. Дыру в ней прорежет, наденет через голову и идет. Все собаки, которые есть в поселке, сбегаются и начинают рвать брюховицу. Миша идет, свора за ним. Собаки лают, Миша ржет, народ гогочет. Смехота.

Увидела меня Маруся Пушкива, как на Мишу рот разеваю, пристыдила: лучше бы, слышь, в народом сходил, чем такими глупостями

заниматься. В народном доме, говорит, есть библиотека и разные кружки, в которых можно с пользой проводить время.

Подумал, подумал, решил: схожу. Тем более что туда ходил знакомый токарь Яков Кожокин, он все в постановках участвовал. Узнал я у него, когда представление будет, и пошел. Косоворотку новую надел, как сейчас помню, ненадеванная была, в Нижнем на Балчуге с Дарьей своей покупал, синенькая, в мелкий белый горошек. Сапоги начистил, умылся — как следует. Весь барак смотрел: куда, мол, Потапов-то собирается, ровно на Октябрьскую. Иду, а у самого сердца колошматится: ладно ли затеял?

Нардом снаружи как наш барак. Внутри лавки поперек от стены до стены. Купил билет, прошел, сел поближе к занавесу. Над занавесом плакат: «Рабочий-хозяин строит промышленность, которой не было у капиталиста-хозяина». Прочитал я, и мне это понравилось. Впрямь я делаю то, чего даже у нашего богатея Дмитрия Логаныча в Речном не было. Да к тому же хозяев-то было раз-два — и обчелся, а нас вон сколько. Сижу, на народ поглядываю. Гляжу, столяр дядя Ваня Дудолодов, слесарь Алешка Брызгалов, кочегар Миша Лытов, Федя Вальков из ремонтно-строительного. Кто с женой, кто тоже, как я, в холостом состоянии.

Тут звонок зазвенел. Дверь в народ закрыли, а перед занавесом появился Николай Иванович Узловский, который техником был на стройке аммиачного цеха. Мы притихли, а Николай Иванович говорит, что сейчас покажут постановку под названием «Гроза». Все захлопали, ну, и я со всеми вместе. Свет в зале потушили, занавес раздвинули, и началась постановка.

Я сначала смирно сидел, думаю, не пропустить бы самое интересное. На сцене люди говорят что-то, а мне, да и не только мне, узнать хочется: кто под кого нарядился? Ну, Яшу Кожокина сразу узнал: маленький он, шустрый, нос курносый, крупный, семерым бог нес, одному достался. Глаза навывкате. Корсакова, он столяром работает, узнал тоже. Усы у обоих, бороды. Поддевки. Все честь честью. Даже картузы с лакированными козырьками где-то раздобыли.

Но потом, когда на сцену Маруся Пушкиова вышла, ее в той постановке Катериной звали, я уже перестал разглядывать, кто во что одет. Говорит Маруся подруге что-то хорошее, говорит, а у самой в голосе такая обида, такая печаль.

Забыл я, что сижу в народоме, что Маруся это не про себя говорит, а просто чужие слова повторяет. Вот, думаю, почему ты такая в больнице-то была. Ты ведь добрая, хорошая. И мучаешься ты от этого. И подруга верно говорит: не любит она Тихона, да греха боится, потому что венчанная. Ну зачем же так? Бросила бы своего курносого Тихона — Кожокина. И Кожокин хорош гусь: под каблучком у своей мамы вертится...

Когда крикнули со сцены, что утопилась Катерина, я чуть не заплакал: жалко мне сделалось Марусю Пушкиову. А народ хлопать в ладоши принялся. Тут вышли на сцену и Маруся, и Кожокин, и Корсаков и стали кланяться.

Шел я потом в барак, а в ушах у меня Марусин голос, когда она подруге своей возражает: как то есть не люблю я Тихона-то? Мне, дескать, жалко его очень. А подруга отвечает: коли жалко, так, значит, не любишь. И вышло так, что вроде бы подруга правильно говорила, хотя мне это и не нравилось, не согласен я с подругой, которая с приказчиком путалась. Но ведь и Марусю, то бишь Катерину, понять можно: люб ли ей замухрышка Кожокин, когда она увидела красавца Бармина, счетовода из главной конторы?

Одним словом, каша у меня в голове получилась. Так и не придумал я ничего. Решил — схожу после смены в народ, встречу Марусю Пушкинову, все у нее и расспрошу. Не может же быть, что если баба говорит, будто ей жаль человека, чтобы она потом к другому побежала.

Но не встретил я в тот вечер Марусю в народоме. Днем нам всем велели кончать работу и идти на собрание к главной конторе. Шли, толковали: зачем да почему так срочно собирают? Можно ведь было бы и после работы. Хвать, нельзя было откладывать, иначе не видать бы нам завода-то.

Начальник сернокислотного цеха Доронин Галактион Ансикритович так прямо и заявил:

— Серной кислоты мы сейчас даем вдесятеро меньше, чем до войны. А раз так, нечем и рабочим платить. Выход один: нужна реконструкция, потому что оборудование износилось, работать на нем дальше нельзя.

И начал Доронин перечислять, что делать надо: поднять крышу в цехе, промывное и сушильное отделения переделать, фланцевые соединения заменить на волнистые компенсаторы, новую дымовую трубу поставить.

Все верно говорит Галактион Ансикритович. Я это слышал, еще когда у него в цехе работал.

А тут из толпы кричат:

— Где денег взять на реконструкцию?

— Заработанные отдайте, кусать нечего!

— Товарищи, товарищи! — успокаивает народ Доронин Галактион Ансикритович. — Слово предоставляется товарищу из треста Фосфатотук. Ему наш завод подчинен.

Стоим, слушаем приезжего. Вроде бы все на пользу рабочему говорит, вроде бы жалеет нас.

— Если продать все, что вы тут наделали, денег как раз хватит, чтобы рассчитаться. — И ладошкой черту подводит. — Закрывать надо завод, пока не поздно.

— Верно-о! — кричат в толпе.

— Неправильно! — отвечают другие.

— Я не кончил, товарищи, — гнет свое приезжий специалист. — Тут среди вас много тех, кто только что из деревни. А легко ли ей сейчас живется, нашей деревне? Нет. Мы считаем, выгоднее не кустарями быть, а завозить все что надо из-за границы. Это будет гораздо дешевле. Понимаете? А деньги мы направим в деревню, чтобы вашим же братьям жилось легче.

Гвалт тут поднялся: кто за, а кто против. А я стою, умом раскопался: за кого кричать? Как же все-таки правильно?

— Доронин, а ты что думаешь? — спросили из толпы. — Ты партийный, ответь. Закрывать завод или как?

Тихо сделалось: шутка сказать, судьба решается. Неужто, думаю, Галактион Ансикритович против приезжего спеца пойдет, против начальства, стало быть?

— Говорить много не стану, — начал Галактион Ансикритович. — Есть диктатура рабочего класса, и этим все сказано. Как вы решите, так и будет. Любой лишь волю диктатуры исполняет, как нас партия учит... И еще вот что скажу: завод будет жить, если все мы дадим займы заработка за три месяца! Потом, конечно, со временем завод этот заем выплатит.

— Я буду жаловаться! Это неправильно! Это вразрез нашей экономической политике! — закричал приезжий.

— У нас с вами разная экономическая политика,— осадил его Доронин.— Решайте, товарищи рабочие!

Больше речей не говорили, а просто мы подняли руки: даем взаймы! Своя воля — диктатура.

Спустя неделю встретил я Марусю Пушкинову возле нардома. Рассказал, что постановка понравилась и как на собрании приезжий нас хотел пожалеть.

— Это хорошо, голубчик,— сказала Маруся,— что ты понимаешь, чем жалость от любви отличается.

И так мне от Марусиной похвалы хорошо стало, что не могу словами передать. Потом я еще не раз встречал Марусю. Один раз даже в Нижний с ней ездил на ярмарку. Ну, кто-то возьми да напиши письмо в Речное. Ясно, жена безо всяких яких потребовала: бросай Черноречье и приезжай.

Что делать? Мужика-то иной раз головой называют, когда похвалить хотят. А неизвестно, что еще главнее: голова или шея. Голова сюда, а шея в другую сторону... Стал я собираться в Речное.

В Черноречье той порой приезжали на пуск аммиачного и водородного цехов Куйбышев, Микоян и академик Бах. В самый день пуска все рабочие сфотографировались с ними на память. У меня есть такая карточка: я в четвертом ряду, второй справа, сзади академика. Это мне туда велел встать Доронин Галактион Ансикритович. Очень он не хотел, чтобы я уезжал из Черноречья, но все же я уехал.

Приехал я в Речное в самый разгар полевых работ. С полем и лугами управился хорошо, а 26 сентября по старому стилю померла моя мачеха Настасья Евдокимовна. Она померла на пятьдесят первом году жизни. Пошла наша жизнь с отцом и братьями вразлад. Нас все настраивали на раздел, а подумать бы — зачем он нам? Ну, все же решили разделиться. Был у нас тогда мерин чалый и жеребенок по третьему году, две коровы, овец с десяток.

Мне отец дал жеребенка, старую корову и двух овец. Вот с этим наделом я и ушел из отцова дома. Жеребенка я продал за сто шестьдесят пять рублей. С этими деньгами пошел с Федотом Ладыгиным на Вятку за лесом: разделился, так надо избой обзаводиться.

Это было в марте; шли, думали — скоро вскрыется Кама, а получилось наоборот: всю дорогу дул буран, да и на место пришли — все дует да мороз. Пришлось нам наняться на работу: скатывать лес, рыть траншеи, крепить гавань.

Стало таять. Мы работать кончили, нужно получить деньги, а контора в Вятских Полянах, километров за семь. Пришли туда, а нам сказали, что денег нет и не скоро будут.

— А как же быть? — говорю.— Мы люди приезжие, приехали насчет леса и ходить сюда больше не придется, дорога не сегодня-завтра рухнет.

— Овсом можете взять.

— У нас лошадей нет, куда он нам?

— Продайте возчикам — вот вам и деньги, если уж не можете ждать.

Вышли мы с Федотом из конторы и думаем: может, и вправду взять овсом? Глядим, едут два возчика. Мы им сказали про овес, они с радостью согласились, спросили только, где овес и какая цена.

— Цена казенная,— говорим,— а всего овса у нас будет пудов тридцать.

Они ответили, что заберут все. Мы вернулись в контору, и нам выписали, что причиталось. Затем пошли с возчиками в амбар, они отдали нам деньги, и направились мы с Федотом на квартиру.

Недолго пришлось ждать до воды. В пятницу подняло лед, и пока мы праздновали пасху, вода затопила все луга. Это был 1926 год. Кто помнит, вода в тот год была очень большая.

Мы начали возить купленный дом на реку Вятку. За один день все свезли на берег и два дня грузили. На третий день, едва солнце взошло, мы оттолкнулись от берега. Погода стояла теплая, безветренная, солнечная, вода вроде бы как растопилась.

После обеда, однако, начало подувать нам в борт, стало прижимать к берегу. Мы давай носовым веслом отбиваться. А берег все ближе да ближе, а ветер все сильнее да сильнее раздувается. Гляжу, на лугах вроде как бы устье речки шириной метров сто. Вода в это устье так и катит.

— Ну, Федот,— кричу,— держись крепче!

Только поравнялись с этим устьем, наш плот как швырнет, и мы мигом очутились на лугах. Мотало тут нас двое суток. Рядом стояли тополя огромные, мы сильно боялись, думали: затянет в эти тополя, так оттуда уж никак не выберешься.

На третьи сутки часа в два дня ветер затих, и нас легонько потащило по лугам. Подгреблись веслом и скоро вышли на Вятку, потом на Каму и больше нигде не приставали до самого Кубаса. От Кубаса мы хотели пройти старицей, но там ничего нельзя было разглядеть: все затоплено, разлилось, как море, и мы проплыли возле кубасских огородов. Когда добрались до своего села, старики так и ахнули: вот это моряки! Никто сроду в такую большую воду не приплывал с лесом.

Дождались мы воскресенья и стали вывозить бревна из-под горы. Пазьмо — место для избы — я купил у Петеньки Савенкова. Дом у него был совершенно сгнивший, с сенями и небольшой поветью. Заплатил за дом сто десять рублей. Пол в избе и поветь были здоровые, я их продал Дуне Самошиной за сорок рублей. За постановку дома отдал полста рублей. Делали Петр Павлович Сухотин и Андрей Федосеев.

К осени мы перешли в свою избу. Обстановка была — кровать деревянная да стол, который сделал мне Иван Байков за атласную рубашку, вот и все. Корову мы продали, деньги ухлопали тоже на постройку дома, а без коровы как жить с детьми?

У нас 26 ноября родилась дочь, которой я выбрал имя Варвара. У нее повитухой я был сам. Жена не дождалась, когда придет бабка Черкасиха, пришлось принимать мне. Родилась дочка, жена говорит — надо корову покупать. Продал я остатки леса и купил телку за четвертную. К рождеству она у нас отелилась, и хотя доила по-немногу, стали мы с молоком.

Зима была холодная, изба еще новая, окна большие, в избе холодно, спасались на печи.

Наверное, это вроде болезни у меня: как подходит весна, ехать хочется. Просто подошвы горят — так бы куда-то и подался. А тем более есть куда ехать. В газете, это мне председатель сельсовета показал, объявлено было, что стало Черноречье поселком городского типа. Я, конечно, догадывался: раз город, выходит, там и жизнь городская.

Весна. Надо бы к севу готовиться, а я хожу, руку лень поднять, словно бы в сон клонит. И в мечтах мне все Черноречье вспоминается. Нардом представляю себе до того явственно, что вижу, где

из пазов конопатка торчит и как из-под сучков на тесаных бревнах смола топится.

Иной раз Марусю Пушкинову вспомню. По-хорошему вспоминаю, безо всякого баловства. Жена, конечно, замечает, что со мной неладное что-то. Обижается, плакать примется, корит меня: о семье не думаю, о доме не пекусь. Смотри, говорит, рехнешься, чего родню-то собрал, это, значит, лоб наморщил.

Что ей сказать? Про то, как в январе позапрошлого года мы у фундамента водородного цеха Михаила Ивановича Калинина слушали? Мороз. Все заиндевело, а Калинин без шапки перед нами. «Товарищи рабочие,— говорит,— теперь на месте глухого захоластуного местечка советская власть решила построить крупный индустриальный город. Пройдет несколько лет, и вы не узнаете своего местечка!»

А то мне вдруг вспомнится, как начальник цеха Доронин Галактион Ансикритович говорит: «Слышь-ка, Николай, надо бы емкости для серной кислоты очистить. Возьмешься с напарником, пару белья выдам и трое суток отгула каждому». Чего тут раздумывать? Взались, сделали. Собрали ржавчину, грязь сгребли, за смену управились. Выдали нам по паре белья и трое суток в цех не ходили, а денежки все равно шли. Нелегко было, зато все сразу видно: что заработал, то и получил.

Кама вскрылась, и с первым парходом из Черноречья в Речное прикатил Санька Самошин. В отпуск, значит, припожаловал. Ходит по улице — кум королю, в хромовых сапогах с галошами, в суконной паре. И морда рябая светится не хуже, чем галоши.

— Привет,— говорю,— Александр Гаврилович.

— Наше вам с кисточкой,— отвечает.

— Жизнь-то как? — интересуюсь у рябого.

— На ять,— отвечает Санька и смеется.— Разве со здешней сравнить? Магазин новый открыли. Баню построили. Квартиру в фибролитовом доме дали.

— На одного?

— Пока с соседями. Потом одному обещают. Я, чай, старый производственник,— хвастается рябой и книжку показывает.

Гляжу, фото Санькино, на фото печать, и в книжечке все написано: с какого года работает, фамилия, имя, отчество. И еще: со старых производственников за квартиру берут только половину квартплаты, баня вовсе бесплатная. Заболел не дай бог — вот тебе путевка за счет завода или в первую очередь место в доме отдыха. И это не все: имеешь право два раза в месяц сходить бесплатно в кино или на постановку в народном доме. Для повышения квалификации выписывается за счет завода техническая литература на тридцать пять рублей в год. И еще там всякая всячина написана: оказывается, за счет завода имеет право съездить в командировку на любой завод и ему же выписываются на круглый год три газеты. А подо всем этим подписи директора завода Пучкова и председателя завкома Агуреева.

— Вот так,— говорит Санька.— Видал — миндал? На одном месте и камень мохом обрастает.

Я, конечно дело, понимаю, куда он гнет, досадно мне: подумай, на четыре года побольше меня работает, а столько всего привалило. Говорю ему, а Санька в ответ:

— Тут, главное, не сколько я проработал, а как. Меня ведь даже чуть не убили из-за хорошей работы.

И рассказал Санька, что в него стрелял классовый враг — чернореченский десятник Яков Горбатов, по прозвищу Яшка-генерал, ко-

торый работал на береговом хозяйстве. Ранил, а сам бежать бросился, да угодил в Чарусу — топкое место — и утонул в ней. Отлежался Санька в больнице, перевели его в водородный цех. Слышь, заработок стал лучше, и вообще жизнь налаживается.

Вынул Санька портсигар, папиросу «Наша марка» достал, меня потчует.

— Что ты,— говорю,— я сроду-то не курил.— Посмеялся над ним: — Смотри, зубы выломишь. Вон какая толстушая папироска-то.

— Ни хрена не будет,— отвечает рябой,— они у меня железные. В амбулатории поставили. Век износу не будет.

— Вот-вот,— говорю,— поработаешь в химии, так еще не то будет... Лучшая-то часть жизни так и пройдет. Или, думаешь, зря молоко бесплатно вам дают? За вредность это положено. Я знаю, сам получал.

Досадно, понимаешь, мне стало. Моложе меня по годам, а смотри ты, уже старый производственник, комнату в фибролитовом доме получил, целый мешок гостинцев привез, на курсы в Ленинград собирается ехать. Про шесть условий товарища Сталина толкует так, будто сам их придумал. Главное, верно все говорит: и про хозрасчет, и чтобы обезличку ликвидировать, и, чтобы с работы не бегали, бытовые условия создать.

Видит Санька, что вроде бы я посмеиваюсь, обозлился и говорит:

— Знаешь что, Потапов, межеумок ты. Одна нога в лапте, другая в сапоге.— И передразнил: — «Лучшая часть жизни пройдет...» А ты как бы хотел, чтобы она прошла? Кто только о себе думает, о местечке спокойном, тот отсталый человек, слабоумный и сердцем хилый!

— Чего ты, Санька, раскипятился? Уж не партийным ли заделался?

— Хотя бы и так,— отвечает Санька и даже руку мне на прощание не дает.

— А иди ты!.. — послал я его, правда не очень громко.

Больше я с Санькой об этом не разговаривал, но думать обо всем, что он рассказал, думал. Что же случилось, ежели так Саньку Самошина перевернуло? Ведь я помнил, как Доронин Галактион Ансикритович говорил, каким надо быть партийному среди рабочих: первым и лучшим.

Не успел Санькин след простыть, я засобирался в Черноречье. Дарью свою урезонил: поживи лето в селе, а осенью видно будет. За лето, мол, ты в колхозе хлеба заработаешь, а я на заводе деньжонок сколько-нисколько получу.

Прикатил в Черноречье. Пришел в главную контору, спросил, куда наш брат требуется. Требовался во фришерный цех, где азотную кислоту делают. Эх ты, думаю, тут недолго и ноги протянуть. Будут, как у Саньки, зубы железные. Да не из чего выбирать-то. К тому же мне объяснили, что таким летунам, как я, и это больно хорошо. Обижаться не стал: хоть горшком обзови, только в печку не ставь. Я свое знаю. Устроился в общежитие и начал вкалывать. Вернее и не скажешь про то, как работали мы в этом цехе.

Цех-то, впрочем, это уж больше по привычке говорили, потому как фактически ничего, кроме названия, и не осталось. Бревенчатое двухэтажное здание вовсе обветшало, нижние венцы стали трухлявыми. Но оборудованию ничего не сделалось, да и что ему сделается, если баки из хромистой стали склепаны? Когда надумали пускать

цех, его подремонтировали, подвели новые венцы вместо сгнивших, остеклили, подперли стены деревянными брусками и стали нанимать рабочих.

С чернорабочими вроде меня легко — только помани. В то время ведь еще безработные были. Инженеры тоже нашлись: пригласили ихнего брата из Донецка.

Пустили цех — и сразу план: выдавать каждый день столько-то тонн продукции. И нам объясняют: не дадим — на другом заводе план сорвется. А продукт наш не простой: без азотной кислоты порох не сделаешь и взрывчатку тоже. А за это ой как строго спрашивали! Мы в то время ответ английскому Чемберлену давали, а какой ответ получится, если вооруженному врагу будешь голым кулаком грозить?

Одним словом, надо торопиться, нельзя ждать, пока азотная кислота бесперебойно будет получаться. Собрали нас на собрание: давайте, товарищи, думать. Начальник цеха цифрами оглушивает: каждая вторая тонна — в отход. Бракуют контролеры нашу азотную кислоту. То в ней пыли полно, то масла, то откуда-то сероводород появится.

Специалист из Донецка прямо говорит: надо остановить производство, сменить трубопровод, заменить воздухозаборник, потому что все оборудование устарело. А еще лучше, слышь, если цех перенести ближе к берегу реки, там воздух чище и кирпич для стен проще подвезти.

Директор завода свое: нельзя останавливать производство. Да и не дадут денег на строительство нового цеха. Сидим, молчим. И я помалкиваю, потому что по крестьянству знаю: на леченом коне далеко не уедешь, новое производство надо строить.

Поднимается Доронин Галактион Ансикритович. Он хоть и в сернокислотном цехе работал, но к нам заходил.

Подошел Доронин к столу, за которым директор сидел, и сказал:

— Я, может, и не как специалист говорить стану, но уж простите за это, больше практикой брал.

— Говори, Галактион Ансикритович! У тебя слово — олово! Знаем тебя! — кричат из зала, и я со всеми.

— До революции в этом цехе всем делом заправлял старший мастер Патрикеев Нил Григорьевич, — сказал Доронин. — Вот я и думаю: может, его пригласить. Так и так, посмотри, Нил Григорьевич, пособи производство наладить.

— А где же его взять-то? — спросил директор. — Где он сейчас, этот самый мастер?

Тут встала тетка Настя Сухарева, она уборщицей работала, и сказала, что Патрикеев живет в Чулкове, в своем родном селе, живет хорошо: хозяйство у него справное, лошадей пара, сеет много и сад большой. И принялась рассказывать, что в двадцать первом голодном году к нему из Нижнего полно народу ездило свое добро менять на гречу, пшено и муку, которых у Нила Григорьевича как раз в ту пору немало в амбарах было. И еще тетка Настя Сухарева рассказывала, что она в ту пору тоже там была, тоже меняла на харчи свое барахло. Слышала, Нил-то Григорьевич с выбором менял: сбрую просил с бубенцами, а ложки брал только серебряные. И очень догадался, что не везут ему граммофон.

У тетки Насти глаз острый, она памятливая. Рассказала, как тогда Нил Григорьевич ее в дом пригласил. Кровать в горнице, слышь, белым пикейным одеялом застлана, возле дверей портьеры навешаны, в простенках картины хорошие, в горке посуда фарфоровая.

Обедать стал Нил Григорьевич — хозяйка ему щи в хрустальной вазе подала. И еще сказала тетка Настя, что прежде, когда в цехе работал, он ни усов, ни бороды не носил, а тут отпустил рыжую, пышную и мизинец, как благородный, оттопыривает.

— Это все ерунда,— перебил директор тетку Настю.— Главное, чтобы он согласился. Я так думаю: надо послать двух-трех товарищей и передать Патрикееву наше предложение. Пусть переезжает обратно. Условия создадим.

Тут же решили, кто поедет к Нилу Григорьевичу. Директор велел ехать Доронину, тетке Насте Сухаревой и мне: все равно, мол, тебе в цехе пока делать нечего.

Утром мы сели в поезд и приехали в Чулково. Избу Патрикеева нам указали прямо с платформы: дом — из всего села. Пять окон на улицу, крыша железная, суриком крашенная, а двор шпунтовыми досками крыт.

Нил Григорьевич встретил хорошо. Кому не приятно знать, что без тебя не могут? Пригласил нас в горницу, велел, чтобы хозяйка самовар поставила. Пока чай поспевал, Нил Григорьевич жалованьем интересовался, выспрашивал, сколько и какой мануфактуры придется, если согласится он ехать.

Доронин ему все сказал: жалованье положит инженерское, квартиру тоже дадут подходящую. И еще сказал, чтобы о харчах не беспокоился, всю семью прикрепят к итээровскому распределителю.

Я сижу, думаю: мне бы такое-то посулили — я бы на край света подался. А Нил Григорьевич вздыхает:

— Жалко вас, ребята, и тебе, Галактион Ансикритович, большое благодарствие, но не поеду.

Доронин отставил чашку с чаем, мы с теткой Настей тоже. Тетка Настя спрашивает:

— Это почему же ты не хочешь, Нил Григорьевич? Али в ноги тебе падать? Мотряй, не прежнее время. Власть-то сменилась.

— Ты властью меня не пугай, Настасья! — ответил Нил Григорьевич. — Власть, она завсегда работающего человека уважает.

— Ну ладно, ладно,— перебил его Доронин. — Почему не поедешь-то, лучше скажи.

— Почему? — переспросил Нил Григорьевич и руками вокруг показывает. — А это куда? Мебель, посуду. В мешок ведь, чай, не положишь. От хорошего к плохому идти не хочется. Здесь все бросить?! Разве на жалованье купишь потом?

Я крихчу: верно говорит. От добра добра не ищут. Но и нам без него тоже плохо. Как же тут быть? Или он должен из-за нас все свое добро нажитое по ветру-вихору ~~нустить?~~

Доронин говорит:

— Зачем же оставлять? Мы тебе вагон схлопочем. Грузи, все влезет.

Гляжу, Нил Григорьевич даже побагровел от удовольствия. Ну, думаю, теперь-то уж баста, согласится. И правда, поломался еще немного Патрикеев и попросил, чтобы мы все вместе в сельсовет сходили, подтвердили нужность его выезда из Чулково в Черноречье. Я за это его не порицал: правильно, пусть в селе знают, что за фигура Нил Григорьевич Патрикеев. Впрямь не могут без него на заводе.

У Нила Григорьевича глаз что надо. Брак в азотном цехе прекратился. Вышла цеху за это премия. И мне заплатили, и тетке Насте Сухаревой, и, конечно, старшему мастеру. Директор распорядился, чтобы Нилу Григорьевичу дали премию больше всех. И никто

в цехе не сетовал, понимали: заслуженно отмечают человека. Все подходили, поздравляли старшего мастера. Ну, и я подошел, жму ему правую, а он меня по имени-отчеству, тоже с благодарностью.

Случилось, после смены вместе через проходную вышли. Поинтересовался Нил Григорьевич, как я живу да почему с женой никогда меня не видит. Я ему объяснил: вот, мол, все хочу у начальника цеха отпроситься и съездить за семьей в Речное.

— Я похлопочу за тебя,— пообещал Нил Григорьевич.— Надо, Коля, обосновываться по-настоящему.

— Спасибо,— говорю,— Нил Григорьевич. Если ты так ко мне, так я тебе мешок яблок привезу. У нас там во-о какие!

Засмеялся старший мастер, согласие дал:

— Вези, Коля, вези! Работать нам с тобой вместе, так что и держаться надо поближе.

И впрямь выхлопотал он мне отпуск на неделю. Съездил я в Речное, привез свою Дарью с дочерью. Как и обещал, Нилу Григорьевичу — мешок яблок в подарок. Пусть знает, Потапов добра не забывает. Вскоре мне дали комнату в фибролитовом доме. Опять старший мастер похлопотал, помог мне.

Устроились, огляделись. Дарья и говорит:

— Надо бы Нила Григорьевича-то отблагодарить.

— Надо,— отвечаю,— он мне и так говорит: яблок привез, жену с детьми привез, гляди, новоселье не замотай.

— Дороговато, пожалуй, обойдется новоселье-то,— говорит жена.

— Никуда не денешься,— отвечаю.— Нил Григорьевич — сила. К нему поближе надо держаться, не весь же век мне с лопатой да метлой... Глядишь, хорошую работу даст.

— Это верно,— соглашается жена и достает из сундука премиальные.— На, трать. Хотела мануфактуры купить, да ладно уж.

Напекла моя Дарья пирогов с капустой, сварила говядины целый чугун. Я в пятом магазине колбасы купил, селедки, ситного взял, водки три бутылки. Подсчитали — на тридцать с полтиной вышло. Ничего, думаю, все оправдается.

К вечеру велел жене отвести дочку к знакомым, чтобы не мешала гостю, а сам перед концом смены сказал старшему мастеру:

— Айда, Нил Григорьевич, на новоселье ко мне. Посидим, чайку попьем.

— Вот как? — спросил Нил Григорьевич и усмехнулся.— Чайку... Ты меня зови водку пить, а не чай.

— Так ведь так говорят.

— Шучу я,— успокоил меня старший мастер,— или не понимаешь? А еще кто будет?

— Так ведь я да баба.

— Что же ты меня обижаешь, Коля? — и впрямь обиделся Нил Григорьевич.— Получается, вроде милостыню мне подаешь. Вроде, значит, откупиться от меня хочешь.

— Да в чем дело-то? — никак не могу сообразить.

— Ты же, чай, знать должен, с кем я дружу,— пояснил Нил Григорьевич.— Мастер Кикоть из аммиачного, Загвоздин Павел Иванович из хозяйства. Без них мне и праздник не в праздник.

— Зови,— согласился я и стал соображать, сколько еще нужно денег на водку.

— Это другое дело,— ответил Нил Григорьевич,— тогда придем. Все вместе после работы и пойдем. Ладно?

Пришли. С Дарьей моей за ручку поздоровались, уселись чин чинарем, о всяких новостях заговорили, потом заспорили, чей ката-

лизатор лучше в башнях Гловера, где серная кислота получается. Я слушаю с пятого на десятое, ничего уразуметь не могу. Мысли мои о том, как ловчее жене шепнуть, чтобы она за парой бутылок сбежала, пока еще магазин не закрыли.

Уселись гости за стол, а жена моя побежала за водкой, считай, еще четырех рублей нету. Налил по первой, гости выплеснули внутрь, заедать принялись, а я как истукан сижу и все думаю: сколько деньжищ-то ухлопал.

— Еще наливай, Коля! — скомандовал Нил Григорьевич. — Первая колом, вторая соколом! — Проговорил этак-то, меня хвалить стал: — Коля что надо мужик. Соображает что к чему.

Я налил всем по полной, а себе чуть — срам ведь будет, если водки не хватит. А Нил Григорьевич гостей потчует, огурцов требует, масла скоромного к пирогам. Жена на минутку подседа к столу, Нил Григорьевич тут же озоровать начал, хлопнул жену по задку и крикнул:

— Сразу видать, на яблоках росла!

Моргнул я Дарье — скройся от греха. Поняла, ушла. К полуночи гости поднялись из-за стола и по домам. Прибрал я в комнате кое-как, жена с дочкой пришла. Дочка — спать, а я не могу, Дарья тоже.

— Ладно, — говорю, — мать, перебьемся. Зато Нил Григорьевич меня обещает в подручные к слесарю поставить. Глядишь, ремесло огореваю, тогда полегче будет жить-то.

Жена вздыхает:

— Обирала он, этот Нил Григорьевич. Мне бабы порассказали про него, пока вы тут бражничали.

— Ничего, — говорю, — не бражничали... Они впрямь лакали, а я так, самую малость. А чего хоть говорят-то?

И рассказала мне Дарья, как Нил со своими дружками молодых рабочих обирает. Сыграют, скажем, свадьбу да не дай бог мастера не пригласят. Повстречает он молодожена и пеняет: чего же ты мимо мастера свадьбу сыграл? Что молодожену делать? Зовет мастера и его дружков, а это почти полведра водки, не считая закуски.

Однажды, слышь, ходили, жаловались в завком на Нила Григорьевича: обирает, заставляет магарыч ставить. А в завкоме ответили, что официальных заявлений об этих фактах не поступало. И вообще шуметь особенно-то нечего. Особо, говорят, винить мастеров не стоит. Они люди немолодые, выросли при царском строе, и души у них от этого покорены.

Выслушал я Дарью и сказал:

— Ну вот видишь как? Действительно ведь мастер не солнце, всем не угодит.

Нил Григорьевич свое слово сдержал: перевели меня в подручные к слесарю. Стал я драчевой пилой орудовать, потом шабрить научился, позднее и личная пила с надфилем от рук не отбилась. Платить мне стали больше, да не в радость. Не успеешь, бывало, от кассы отойти, Нил Григорьевич встречает:

— Ну как, Коля, получил окончаловку?

— Ага, — говорю, — премного благодарен, Нил Григорьевич.

— Из спасибо шубу не сошьешь, — как от комара, отмахивается он. — Хвостом не верти, клепку ставь!

— Хорошо, — отвечаю, — Нил Григорьевич. Вечером после смены айда ко мне.

— Хороший ты человек, Коля,— хвалит меня мастер,— редко сейчас такие люди встречаются. Обязательно зайду.

Мне от этих похвал хоть в петлю. Дома жена ворчит: получаю много, а денег не хватает. Да и сам я понимаю, не дело это — каждые две недели пьянку устраивать. Измучил меня за зиму старший мастер магарычом проклятым с каждой полочки. А что делать, ума не приложу.

Перед самой пасхой я жене слово дал: так, мол, и так, на пасху последний раз угощу мастера, а там от ворот поворот.

— Зарекалась свинья дерьмо есть! — только и сказала Дарья.

— Вот увидишь,— стоял я на своем.

Нил Григорьевич в первый день праздника пришел один. Я как увидел его, подумал: на одного-то водки хватит. Сидел он мрачный, неразговорчивый, только водку жрал и не пьянел.

— Все? — спросил он, когда я вылил ему в стакан остатки, и заорал: — Мастеру в светлый праздник жалеешь?! Не ожидал, право слово, не ожидал... Обижаешь ты меня, Коля!

— Что ты, что ты, Нил Григорьевич! — стал я его успокаивать. — Я думал, хватит одному-то. Да раз такое дело, сейчас сбегаю. Одна нога там, другая здесь.

Бегал я недолго, возвратился, гляжу — в комнате разгром, мастера нет и жена моя в слезах.

— Что такое? Где Нил Григорьевич-то? — спрашиваю у Дарьи.

— Сволочь он,— отвечает Дарья,— мало я об него ухват обломала. Паскудина.— И на меня: — Ты кого это в дом водишь?

— Погоди, погоди,— утихомириваю я жену.— Скажи толком, в чем дело?

Оказывается, только я ушел, мастер сгреб Дарью и поволок к кровати. Дарья отбивалась, а потом вырвалась, схватила ухват и давай им охобачивать мастера. Он видит, баба разъярилась, покалечить может,— убежал.

Пока Дарья рассказывала, я сидел и думал: что же это получается? Что делать? Пойти ему рожу набить? Так ведь могут мне же за хулиганство припать. Или просто меня побьют: у него друзья есть, заступятся, а мне кто поможет?

Утром на другой день старший мастер снова пожаловал, да не один, с дружками. Я увидел их в окно и запер дверь на засов. Дарье велел не подходить. Стою, дочку за плечи держу, научаю:

— Станут меня или мамку спрашивать, отвечай: нет дома никого.

Затаились, ждем. Дернулась дверь, забухали в нее, а дочка кричит:

— Папка велел сказать, никого дома нет!

Пуще прежнего забухали, заматерился мастер, грозить стал. Дочку трясет, словно в лихорадке. Дарья моя плачет. У самого ноги подгибаются, но думаю: не отворю ни за что.

— Гляди, Колька,— заорал Нил Григорьевич за дверью,— жалеть станешь, поздно будет!

Ладно, думаю, грозись, паразит! Завтра же прощай, ЧХЗ, уеду в Речное.

Поторкался еще немного Нил Григорьевич, поорал, да и ушел со своими дружками.

Короче, махнул я из Черноречья. Но не из-за мастера. В ту пору так повернули, что рабочим, у кого в деревне оставался дом и земельный надел, не положена была продуктовая карточка и все прочее из ширпотреба. И членам семьи не давали ничего.

Мы с Дарьей туда-сюда, смотрим — негоже получается. Сколько ни заработай, все на харчи уйдет. А прожиться нам никакого расчёта не было.

Написал я заявление: так и так, мол, прошу меня уволить, потому что надумал возвращаться в свое родное село. Меня не больно и удерживали: на мое место с биржи в момент желающего нашли. И я не больно тужил. Родни у меня здесь не было. Даже попрощаться-то не с кем. Хотел было к Саньке Самошину зайти, а его, оказывается, в ту пору отправили на курсы мастеров. Так и отбыл я со своим семейством в Речное.

Почти в одно время со мной в Речное вернулся Никифор Фадеев, который работал на промыслах в Баку. Фасонный такой приехал, в сапогах хромовых и с гармонью. Он от роду тупой на свет был, шурился да голову, бывало, задирает, как свинья на небо. Идет раз по проулку, на гармонии играет. А посреди проулка корова лежит. Никифор и запнулся о корову-то. Вот уж смеху и шуму было. Не знаю, по этой ли причине, а может, оттого, что другой жизни уже отведал, он не больно зажился в селе, снова в город подался.

А я взялся опять за старое: сеял, косил, жал, молотил. Заработали с женой за лето больше четырехсот трудовней, хлеба давали на трудовень подходяще, так что получили немало.

Зовут меня как-то в правление и говорят:

— Хотим, Николай Григорьевич, чтобы ты молочнотоварную ферму принял. Поезди ты, видел кое-что, поэтому, считаем, справишься.

— Спасибо,— говорю,— отчего бы не справиться. Только так скажу: ежели подучиться малость, оно лучше было бы.

— И об этом подумали,— говорят мне.— Отправляйся в район, будешь на курсах при молокозаводе учиться.

— Вот это другой коленкор.

— После Октябрьских и поезжай,— напоследок говорит председатель.

Гляжу — довольнехонек он. Да и на факте: разве плохо, что бывший рабочий возьмется за такое дело?

Иду домой, улыбаюсь: вот сейчас Дарью порадую. Смотри, куда твоего мужа сватают, понимай, не каждому доверят. Да не больно-то жена обрадовалась: рожать собралась. Побег я в правление:

— Подводу надо!

Председатель отвечает:

— С радостью бы, да ни одной лошади свободной нет. Вот агроном возвратится, бери.

— Родить неколи годить,— говорю,— али не понимаешь?

На мое счастье, тут человек из райкома партии оказался. Подкатили мы с ним к дому, усадил я Дарью, и погнали в больницу. По дороге райкомовец пристал ко мне: давай, дескать, окрестим твоего будущего ребенка по новому быту. Думаю: ведь неудобно отказывать, помог мне. Дал согласие, хотя и попенял: не надо, мол, загадывать, еще неизвестно, как все обернется. А сам подумал: отказаться-то всегда можно, да к тому же, чай, забудет десять раз райкомовец про мое обещание. Что, или ему других дел нет, кроме как заботиться о нашем ребенке?

Родила моя Дарья сына. Прикатил я за ними, тороплю, а врач: погоди, слышь, сейчас один товарищ придет. Выпивши я был в то

время на радостях, и каждый другом-приятелем казался. Подождал немного, гляжу, прикатил тот самый, кто нас с Дарьей в больницу вез. Я к нему обниматься: едем, мол, сейчас же домой, там у меня самогонка есть, гульнем по такому случаю. А он мне: пьянствовать, слышь, не нужно, а вот крестины по новому быту провести следует.

— Давай,— отвечаю,— проведем.

И тут как раз Дарья моя выходит с ребенком. Садимся мы в тарантас и в Речное. К вечеру собрание объявили. Народу в правление набилось полно. Меня и Дарью с сыном за стол усадили рядом с райкомовцем. Он встал и объявил, что собрание будет о текущем моменте, но, прежде чем начать доклад, надо провести крестины по новому быту.

Только он это произнес, оркестр наш — две балалайки и хромка — заиграл «Светит месяц». Пока играли, мне райкомовец в бок тычет: мол, говорить нужно. Я поднялся и хотел все сказать, как он меня научил. Но только сказал: «Товарищи!» — как все забыл. Стою, а вспомнить ничего путного не могу. Сколько стоять-то можно? И сказал:

— Ни в бога, ни в черта я не верю. Чепуха все это. Но поскольку ребенок есть ребенок, надо ему имя давать. А раз по новому быту крестим, выходит, не Егором надо звать, как в святцах нынче, а по-другому. Жена со мной полностью согласная. Звать будем сына Александром.

Сказал эдак-то и на райкомовца гляжу: так ли, мол? А он строчит что-то в блокноте. Тут оркестр снова заиграл, а я сел. Райкомовец кончил писать и руку поднял. Тихо стало. И райкомовец стал читать:

— «Поскольку у товарища Потапова и его жены родился сын, а он просит окрестить сына по новому быту, общее собрание колхозников совместно с партийной ячейкой и членами союза молодежи постановляет...— Тут он передохнул и опять стал читать: — Первое. Дать новорожденному имя Александр в честь брата вождя рабочих и крестьян Владимира Ильича Ленина».

Тут все в ладоши захлопали. А райкомовец снова стал читать:

— «Второе. Поручить гражданину Потапову воспитывать своего сына до четырнадцати лет в настоящем советском духе, а затем представить его в ряды РКСМ».

Тут он крепко пожал нам с Дарьей руки, а оркестр заиграл про Стеньку Разина. На этом крестины закончились. Нас с Дарьей отпустили, потому что сынишка принялся орать, и мы ушли из правления.

Я на курсы заведующих молочнотоварными фермами собираюсь, а мне письмо приносят. Гляжу на конверт: из Черноречья, от Самошина А. Г. Думаю: чего же это мне сообщить решил рябой? Читаю. Вышло, слышь, разъяснение: кто свой надел земли сдаст, тому карточку продуктовую дают. И семье тоже. Выходит, пишет Санька, зря я уехал из завода. На заводе хотят пускать новый цех, и туда нужны люди, чем брат невесть кого, лучше бы тех, которые уже работали. Одним словом, набирают в этот цех с разбором, чтобы ручательство было. Пишет: мог бы, мол, за тебя поручиться, а твой и след простыл. И еще в самом конце сообщает, что старшего мастера Нила Григорьевича уволили. Всем он стал ровно кость в горле. Собрались, слышь, в пересменку и решили: не надо такого обиралу, он только народ портит да возмущает.

Прочитал я Санькино письмо, и словно поленом меня оглоушило — ничего не слышу, ничего не соображаю. Одна только мыслишка колотится: чего же делать-то теперь? Неужели снова в Черноречье ехать?

Рассказал я жене, про что Санька пишет, а она: хватит, слышь, ни за какие, слышь, коврижки. Да и ради чего ехать? Сусеки зерном полны, дом свой, корова-первотелка. А в Черноречье что?

Слушаю я Дарью, вроде бы все верно говорит, возразить нечего, а в башке копошится: для чего же мы раньше-то в Черноречье ездили? Для чего весь огород городили?

И хоть не люблю я свои дела с чужими обсуждать, пошел с Санькиным письмом в сельсовет. Председатель и говорит: это как же так? Крестины по новому быту устроили, в заведующие фермой выдвигаем, а ты в город опять налаживаешься. Что люди скажут?

Короче говоря, хоть волком вой: и так нехорошо, и эдак негоже. Ушел я. Не помню, сколько ночей не спал. Похудел, осунулся. Дарья не выдержала:

— Черт с тобой! Поезжай, коли приспичило. Я тут останусь до весны.

Побежал чуть свет к председателю сельсовета Мигушину.

— Ферму принимать не стану, на курсы не поеду, — выпалил и стал справку для получения паспорта просить.

Мигушин поскреб в затылке, поглядел на меня, засопел, молчит. И я молчу. Мигушин и говорит:

— Думаешь, уговаривать стану? Да катись колбасой на все четыре стороны!

— И покачусь, — отвечаю. — Ты только справку мне выдай.

Председатель тут снова засопел, а потом говорит:

— Нарезь десять кубометров дров, тогда дам.

Зло меня разобрало: ах ты, думаю, выжига! Шиш тебе, а не дрова. Так и сказал, чтобы он вымогательством не занимался. Мигушину эти мои слова как об стенку горох. Плюнул я, ушел. Еще потом два раза приходил собачиться. Уперся Мигушин: нарежь дров, дам справку. Ну что с ним делать? Пришлось ехать в Алексеевские луга резать дрова. Поехали мы с Васькой Ирысовым, нарезали двадцать кубометров. Тогда и выдал нам председатель справки.

Пока я дрова пилил, чтобы председатель сельсовета справку дал, пока не раз да не два сходил в Чистополь за этим самым документом, я, конечно, обозлился. Главное ведь в том, что никто не отказывает, но и не делает ничего, чтобы еще быстрее паспорт выдали.

Сижу как-то раз с мужиками на бревнах возле церкви, а только что попусту сходил в Чистополь, и вот давай честить этих, которые волюнку тянут. Мужики кто поддакивает, кто молчит да самокрутки смолит.

— Дал бы ты, Николай, языку каши! — подзадорил кто-то. — Гляди, как бы за такие слова на Соловки не угодил.

Прикусил я язык. Может, и вправду людям в той же милиции недосуг было с бумажками возиться, когда в уездах кулачье то красного петуха пустит, то активиста убьет.

Пришел домой, поужинал, спать налаживаюсь, вдруг в окошко поскребся кто-то. Поглядел в окно: человек стоит. Накинул пальто, вышел.

— Кто это? — говорю.

— Я, дядя Николай.

Узнал: это был сын Ермакова Дмитрия Логановича, того самого, который нас хлебом «выручал». Отца раскулачили и выслали из села,

а сына не тронули, потому что он от отца отрекся и вступил в колхоз.

— Заходи в избу,— говорю,— Генашка.

— Нет,— отказался он.— Я вот чего хочу сказать.

А сам все отступает да отступает. Ну, и я за ним. Когда за угол завернули, Ермаков-то, последыш, и говорит: если, мол, хочешь поквитаться с председателем сельсовета, то лучше всего нынешней ночью — у него, слышь, жена с ребенком уехала к родным в Чистополь, так что никто не помешает.

До меня сразу-то и не дошло. А как уразумел, что Генка предлагает, аж в озноб кинуло.

— Ах ты,— говорю,— тварь! Вот ты, оказывается, какую песню поешь. А? Да я тебя!

Он оскалился и грозит:

— Ты не больно пугай! Сколько сегодня свидетелей-то было, как ты лалял советскую власть? Пойду сейчас да заявлю на тебя.

Схватил я топор, в дровосеке торчал он, да на Генку. Генка через плетень и под гору. На ходу кол выдернул, остановился, ждет. Тут жена из избы вышла: почему долго не иду? Не объяснять же ей, визг поднимет. Унес топор в сени, дверь наружную на засов закрыл.

Жена легла, а я сижу в потемках и думаю: что делать дальше? Кто я есть? Качаюсь, как ванька-встанька. Ехать надо из Речного навовсе, не жилец я здесь. Генка Ермаков, конечно, доказывать на меня не пойдет, подождет, что я стану делать. А что я? На него сообщить? Кто поверит, будто он предлагал мне с председателем сельсовета расплатиться?

Никогда еще мне не приходилось таких загадок отгадывать, как в ту ночь. Вспомнил: не очень-то верил в цехе агитатору, который в обед говорил, что надо кулачество ликвидировать как класс. Правильно, значит, говорил. Смотри, пожалели семья Ермакова, а оно чем оборачивается? Их пожалеешь, а они тебя при удобном случае в пыль сотрут.

На следующее утро в селе было только и разговоров: ночью приехали из Чистополя и забрали нескольких подкулачников. Арестовали и Генку Ермакова.

В конце марта я получил паспорт и уехал на завод. Пошел в отдел кадров насчет работы. У главной конторы встретил знакомого мастера.

— Нам надо людей,— сказал он,— давай заявление, отдам Сви-дерскому, он подпишет.

Я отдал заявление, начальник цеха Сви-дерский подписал, и стал я работать. Проработал два месяца, цех встал на реконструкцию. Дела не стало, платят мало. Я принялся просить у Сви-дерского перевод. Он говорит:

— Ищи место, я не задержу.

Я пошел к Тюрикову в аммиачный цех. Он говорит:

— Возьму, давай заявление!

Подписал он заявление, и Сви-дерский подписал, пошел я в отдел найма к Якову Ивановичу Архипову, а тот говорит:

— Некуда, там штат полный,

Я опять к Тюрикову.

— Ну что, оформил? — спрашивает.

— Нет. Архипов говорит, у вас штат полный.

— Яков Иванович,— звонит Тюриков Архипову,— почему не пропустишь? Давай за счет уборщиц,

Одним словом, сделали перевод в аммиачный цех. Жил я сперва один, потом дали мне комнату в бараке, приехала семья. С той поры я уже больше нигде не ездил из Черноречья.

Барак у нас был хороший. Все комнаты отделены перегородками. Не то что прежде, в шестом бараке, где семья от семьи ситцевыми пологами отгораживалась, а холостые, как в казарме, у всех на виду. В нашем бараке можно в комнате примус разжечь или электрическую плитку поставить, и никто в твою кастрюлю не смотрит, что и как твоя хозяйка готовит. Не хочешь в комнате готовить — ступай в общую кухню, там плита топится. А за кипятком в кубовую можно сходить, она недалеко, и ею пользуется несколько барачков. По тем временам это было очень хорошо.

Жильем мне Санька Самошин помог. Он в ту пору в завкоме профсоюза работал заместителем у Агуреева. Мне ведь, если правду говорить, не положено было жилье, я не состоял членом профсоюза. Членский-то билет у меня был, но в Речном профсоюза нет, вот я и выбыл из членов профсоюза. А Санька помог. Как только приехал в Черноречье, я пошел к Саньке.

— Помоги, — говорю, — как земляк земляку. Оформи обратно в профсоюз. И вообще, я многое передумал.

— А что именно, — спрашивает Санька и вертит мой билет, — что, говорю, передумал-то?

«Ах ты черт рябой, будь моя власть, сказал бы я, — чего задаешься? Разве я виноват, что носит меня, словно щепку в половодье?» Но промолчал, сказал:

— Александр Гаврилович, мне ведь тоже хочется, чтобы это была моя лучшая часть жизни.

Санька вздохнул, карандашом поиграл, встал, кепку натянул — айда!

Привел меня в жилищно-коммунальный отдел прямо к начальнику. Дверь чуть не пинком отворил и представил меня: вот, мол, замечательный работник, за которого он ручается и просит помочь с жильем.

— За выездом разве только, — отвечают. — В соцгороде, сами знаете, только ударникам даем.

— Ничего, что за выездом, — говорит земляк. — Все равно ведь согласен?

А у меня и звука нет. Мотаю башкой, и все. Тут мне ордер оформили, и вышли мы из жилищно-коммунального отдела. Санька и говорит:

— Понял на факте, что такое диктатура пролетариата?

— Давно, — говорю, — Александр Гаврилович. С меня причитаются... Вот только аванс получу.

Санька покрутил пальцем возле виска и потопал от меня. А я стою, моргаю: чем же не угодил?

Как только въехал в барак, я перво-наперво цугальный замок врезал в дверь. Пусть хоть и тащить у меня нечего, но что за жилье без крепкого запора? Потом стал к соседям присматриваться. Слева от меня столяр из бондарки Кобзев с семьей. Справа — слесарь Петров Николай Миронович, на опытной установке работает. Детей у него еще не было, но жена в положении ходит. Тезка мне сразу понравился: спокойный, здоровается вежливо, с почтением. И за стенкой у них всегда тихо, не то что у Кобзевых, где четверо мал мала меньше. Впрочем, когда мои приехали из Речного, уравнились

мы с Кобзевым. Но в конце концов не в шуме дело, а в том, что без детей, как это в писании говорится, человек — бесплодная смоковница.

Нравилось мне по утрам на работу ходить. Встанешь, умоешься, поешь — и в завод. Дорога туда по тесовым мосточкам. Топаешь по ним, а тут гудок. Он как раз за полчаса до смены, в половине седьмого. Это Лытов или Квадратов, знакомые кочегары из паросилового цеха, стараются. Голос у гудка басовитый, низкий, за много километров слышно, не только в нашем поселке. И в Растяпине, в Черном селе, Бабине, Петряевке, Колодкине. И на горах, за Окой, где Оленевка, Дуденево, Венец, Хабаровское, тоже слышно гудок.

Наверно, интересно утром сверху посмотреть на поселок, когда люди идут на работу. Все — пешком. На весь поселок две легковые. На одной директора завода возят, а другая у механика карбидного цеха Лопатина. Лопатина его премировал нарком Серго Орджоникидзе за то, что он изобрел самодельные электроды, и ничуть не хуже, чем заграничные. Об этом писали в газетах и даже говорили, сколько золота сберегли из-за того, что перестали покупать заграничные электроды. Очень нам всем наглядно и доступно это было: поработал человек мозгами — и пожалуйста, получи премию. А у кого в мозгах нехватка, на себя пеняй.

Потом гудело еще в одиннадцать — на обед. Через час — с обеда. И в четыре — шабаш. Домой ступай или куда хочешь. В нардом на рыбалку или за дровами в лес, к Гусиному болоту. Впрочем, нардома уже не было. Вместо него стал Дворец культуры. Каменный, большой, вокруг скверик и асфальтовые дорожки. Войдешь внутрь, пожалуйста — буфет, библиотека, зал физкультурный. А там, где кино кажут или постановку, в зрительном зале, не скамейки, как в нардоме, а кресла. И в верхней одежде в зал не пускают, сдавай в раздевалку.

Я уже знал, что Маруси Пушкиной на поселке нет. Вышла замуж и уехала то ли в Березники, то ли в Бондюжск. Это мне Яша Кожкин сказал. Потужил я, конечное дело, про себя, что не увижу ее больше никогда. Но говорить об этом ни с кем не стал. Зачем? У нее своя судьба, у меня своя.

По нашему заводу можно было географию учить. Оборудование аммиачного цеха итальянцы налаживали. Водородный цех и разделения воздуха — немцы. Цех азотной кислоты из-за океана привезли. Карбидный — из Швеции. Цианамид — опять Германия.

С одной стороны, хорошо, что буржуи нам продали все это, а с другой — худо. Почему? А вот, скажем, вышли из строя теплообменные трубы для синтеза аммиака, запасные тоже к концу подходят. Что, производство прекращать? Как бы не так. За каждую тонну аммиака директор завода лично перед Серго Орджоникидзе отчитывался по телефону. Директор сам об этом на собрании в цехе говорил. Значит, надо выход искать. Заказали трубы фирме «Шкода». А это золото. Вот чем плохо. Буржуй без золота пальцем не шевельнет.

Я как-то со своим соседом Петровым, с тезкой, значит, разговаривался. Пожаловался ему: трудно, мол, приходится — в моем возрасте да с оглоблевым институтом учиться заставляют два раза в неделю. Хочешь не хочешь, соберет начальник смены в красном уголке — и давай про то, как аппаратура устроена, как технологию соблюдать, как ремонт произвести своими силами и все такое прочее.

Выслушал меня тезка, закурил и, что называется, утешил:

— Погоди, еще не то будет. Сейчас по тридцатичасовой программе занимаетесь, а с будущего года сто часов в кружке техминимума будет.

— А ты откуда знаешь? — не поверил я.

И действительно, почему я ему верить должен, может, он пугает.

Оказалось, не врет Николай Миронович. Я и у Саньки Самошина об этом спрашивал, да и на своей, как говорится, шкуре убедился. Взялись за нашего брата здорово. После техминимума еще три месяца в кружке повышения квалификации пришлось заниматься. А которые поспособнее да пограмотнее, на курсы мастеров в Ленинград поехали. Я многих таких знал: Павел Ушаков, Андрей Филатов, Володя Смирнов, Саша Белов.

Лично я на курсы не поехал: не решился семью оставить. Потом, если по совести, я и до сего дня думаю, что лучше быть хорошим рабочим, чем абы каким мастером.

А вот сосед мой, тезка, стало быть, как только химический техникум открыли, туда заявление подал.

Я просто диву давался: когда он все успевал делать? Зайдешь иной раз по-соседски, а он с книгами и чертежами.

— Выдержит? — поинтересуешься и по своей голове с намеком постучишь.

— Выдержит, — отвечает и усмехнется, — она у меня растягивается.

С другой стороны, прицеливаешься: как, мол, насчет три пятнадцать два звонка — чепуха водки тогда столько стоила. Опять отнекивается тезка.

— Не люблю помалу. Вот закончим работу, тогда.

— А что хоть ты все делаешь? — спросил я однажды его. — Второй год живем в соседях, а как ни зайдешь к тебе, все ты занят, все полуночицаешь.

То ли время у Николая в тот вечер свободное выдалось, то ли по другой причине, разговорился он. Многое я тогда от него услышал. Такие разговоры не на каждый месяц и даже не на каждый год приходятся. За всю жизнь их немного наберется, и то если повезет.

Выходило по словам Николая, что цех опытных установок бьется сейчас, чтобы получить первую в стране мочевины. В этом месте я было засмеялся: чего, мол, тут хитрого — вделай в уборной приемные устройства и собирай сколько хочешь мочевины. Николай тоже засмеялся. Засмеялся, но объяснил, что мочевина — это совсем другое, хотя тоже содержит аммиак. Слушаю, ушами хлопаю.

Потом Николай и говорит:

— Ты родом-то откуда?

— Из Речного, с Камы. А что?

— Урожай какой там собирают?

— Сам-семь, ну, сам-восемь.

— Если применить мочевины, вдвое больше можно собрать.

Понятно?

Еще бы непонятно. Больно просто. Значит, надо быстрее побольше мочевины делать. Я так и сказал ему.

— Верно, — ответил Николай. — И мы в эту точку целимся. Тут, знаешь, брат, сколько народа бьется над этим. Начальник цеха Святухин, главный инженер Рукавишников, механик Хахалин, из Ленинграда ученый Болотов.

— Так тем более быстрее должно получаться, — настаивал я. — Вон вас сколько!

— В общем-то, ты прав,— сказал Николай.— Да вот, понимаешь, с ржавчиной в продукте бьемся. Она любую сталь в два счета съедает.

— Нержавейку поставить — и делу конец. У нас в аммиачном стоят.

— Пробовали. Из хромоникелевой пробовали. Лучше, но все равно ненадолго.

— Может, за границей купить? Раз уж тратили деньги, еще-то немного, чай, можно.

— И над этим думали. Не дают буржуи. Это, говорят, военное сырье... Нельзя на буржуев, брат, надеяться. Самим надо, самим. Понял теперь, чего я штаны по ночам просиживаю? — спросил Николай.— Ты думаешь, мне погулять не хочется? Я бы вместе с вами тоже спел: сапоги мои тово, пропускают аш два о! — Он засмеялся и посмотрел на будильник.— Однако пора бы моей супруге из кино прийти. Там, говорят, сегодня про Пата и Паташона.

— Не знаю,— ответил я.

— Чего же ты так? И культурно не растешь, и гранит науки не грызешь, шабер? Не годится, брат, не годится!

Пробормотал я что-то и ушел.

А что я мог сказать? Одно только: повезло ему, встретился он в жизни с инженером Святухиным, который начальником был в цехе опытных установок. А может быть, обоим повезло, потому что они бы каждый в одиночку столько не сделали.

Мочевина нужна была не только для удобрения. В ту пору ее больше не хватало оборонной промышленности. Без нее клей особой прочности не сделаешь, ну и еще кое-куда шел этот порошок.

На каждом заводском собрании говорили, что выход мочевины по-прежнему мал. В «Красном химике» частенько писали, как Святухин и мой сосед воюют с проклятой ржавчиной. Впрочем, соседом-то я Петрова по привычке числил. Переехал Николай Миронович в соцгород, а мне передали его комнату.

Радоваться бы нужно, что с жильем стало лучше, а я переживаю: больно уж хороший сосед-то был. Встречу Петрова в перерыве на фабрике-кухне, первым делом о ржавчине спрашиваю:

— Ну как?

— Лучше. Думаем теперь молибденовую сталь применить.

— Ты уж давай старайся, сосед!

— А то! Я уж и так стараюсь.

Распрощаемся, а я все про соседа да про Святухина думаю. Ходит этакий чистюля инженер по заводу в галстук и в белых штиблетах. С виду нет в нем ничего такого. Голова, ноги, руки. А в любом деле сообразит как лучше. Неужели, думаю, он-то с ржавчиной не справится? Очень я переживал. Даже моя Дарья и то заметила: уж не бес ли мне в ребро, потому что седина у меня как раз появилась. Объяснил ей, в чем дело. Не знаю, поверила, не знаю, нет. С полочки я купил ей кашемировый отрез на платье, это чтобы не думала ничего плохого. Ведь неладно, когда и в семейной жизни ржавчина появляется.

Со Святухиным я познакомился нечаянно, и не на работе, а на массовом гулянье. Гулянье было возле Дачного, в сосновом бору. Сосны тут высоченные, почти такие же, как мачты высоковольтной передачи через реку. Их, говорят, еще царь Петр заповедными объявил. И в наше время их не трогали, потому что защищают сосны правый берег от размыва в половодье,

Завкому нашему понравилось там гулянья устраивать. Привезут на машинах буфеты, пивом торгуют, мороженым. Духовой оркестр играет. Детишки бегают. Молодежь мячик гоняет. А взрослые группками расположатся, выпивают, закусывают, песни поют. Надое-ло в лесу — к реке спустись. Тут хорошо, посидишь на берегу — и любая хмурь пройдет.

На гулянье в тот раз я пришел с сыном. Он у меня заядлый рыбак был. Сразу подпуск наладил, червей насадил и закинул. Все не впустую время проводим: вдруг подлещик или чехонь, она крупная тут водится, пониже соляных куч, что навалены на берегу для нашего химзавода. Сидим — ждем. Пригрело солнышком, я подремывать начал, сын тоже притих.

Слышу, кто-то спускается. Оборачиваюсь с досадой — мало берега, чего к нам чалишься? Гляжу — Святухин и мальчонка с ним.

— Добрый день, рыбаки,— здороваются, и мальчонке: — Поздоровайся с дядями!

Мой фыркнул: Святухин помоложе меня, ну и сынишка его тоже, соответственно, моложе, но посерьезней моего будет, это я заметил, пока Святухин возле меня присаживался.

— Испачкаетесь,— говорю,— на белых-то брюках заметно будет.

— Не обращайтесь внимания,— отвечает Святухин.— Клюет?

— Недавно забросили.

— А как вы узнаете, когда клюнет? — Это уже сынишка его спрашивает.

— Подожду немного и выну,— объясняет мой парень.

— А если там нет ничего, зачем же вынимать?

— А если есть?

— Сигнал нужно сделать,— предлагает Святухин.— Верно говорит. Можно будет действовать уверенно.

— Конечно,— радуется сынишка Святухина отцовской подмоге.— Купить колокольчики и повесить.

— Купило притупило,— недовольно отвечает мой парень и смотрит на меня.

Я-то понимаю, чего он смотрит: просил сын денег, чтобы купить колокольчик, а я не дал, за бабловство посчитал. Но не объясняться же со Святухиным и его пацаном. Еще подумает инженер, что я жalousь. А я не люблю, когда меня чужие люди жалеют. Поэтому я и перевел разговор на другое. Спросил, как у них дела с мочевиной, объяснил, что с его товарищем мы в шабрах жили.

— Да-да,— кивает Святухин,— мне говорил Николай о вас... А дела? Идут дела.

— С ржавчиной как? — интересуюсь.

— А, с этим? — Святухин словно бы очнулся и улыбается.— Коррозия нас донимает... И главное, не поймешь, от чего зависит. Даже во время одной смены она то сильнее, то слабее. Но, кажется, узнали. Как это поют студенты химических факультетов? Сера эс, сера эс тридцать два атомный вес.

Ага, подумал я, это по твоему, стало быть, примеру сосед-то мой про аш два о да про сапоги пел.

— Значит,— говорю,— поздравить вас можно? Коли знаете, что сера тут гадит, с ней-то уж можно справиться.

— Поздравлять рано,— отвечает Святухин,— но то, что мы на верном пути, это факт. И центральная заводская лаборатория нас крепко поддержала. Посоветовали, как только начинается в колонне коррозия, вливать туда несколько литров перекиси водорода. И можете себе представить, помогло. Там ведь что происходит?

Он берет прутик и хочет что-то начертить прямо на сыром песке. Но в это время Сашка мой начинает выбирать подпуск. Сын Святухина кричит:

— Папа, папа, посмотри, рыбина!

На крючке действительно рыба — ерш чуть больше пальца.

— Невелик, — говорит Святухин.

Мне досадно: иной раз хоть чехонь хорошая возьмет, а тут одни глаза. Но надо же приободрить Сашку, и я возражаю Святухину:

— Собака большая, да ее не едят.

Он хохочет и говорит:

— Что верно, то верно!

И сын мой смеется — отец поддержал, не дал опозорить рыбацкое дело. Но больше всех доволен сын Святухина: ему отдали ерша и он посадил его в яму с водой, выкопанную в песке. На берегу снова тишина.

Святухин отходит от нас, раздевается, заходит в воду. Плышет не по-нашему, не саженками, а как-то по-лягушечьи, но быстро и совсем не шумно. Сашка негромко говорит:

— Брассом плавает. Я в книжке читал.

Потом Святухин учит плавать Сашку и своего сына, зовет искупаться меня. Но я плаваю плохо, при сыне сознаваться не хочется, отказываюсь:

— Трусов не взял. Исподнее на мне.

С берега мы уходим в лес, к буфету. Святухин берет пива, покупает по бутылке сидро ребятам. Мы усаживаемся на лужайке, а мальчишки куда-то смываются.

Святухин лежит на траве, подложив под голову руки, и смотрит в небо. Мне хочется поговорить с ним, но я не знаю о чем. Про ржавчину он мне объяснил, а что еще они делают в своем цехе, я не знаю.

Он поворачивается на бок и вздыхает:

— Хорошо-то как!

— Почаще бы выезжали, коли хорошо.

— Некогда, дорогой. Это пятилетку можно и нужно в четыре года выполнить, а как перевыполнить свою жизнь? Не думали об этом?

— А чего думать-то? Живу как получится. От людей не отстаю, вперед не вырываюсь.

— Вот это-то и неверно! — говорит Святухин. — Надо в себе эту негодную теорию выжечь. Вы понимаете, нужно успеть отдать людям то, что в тебе есть. Иначе не стоит жить. Послушайте, это нужно понять раз и навсегда. Это чертовски важно!

Я свое гну:

— Раз родился, надо жить. Многие так живут.

Святухин с сожалением смотрит на меня, встает, достает карманные часы.

— Ого, уже к вечеру. Где же наши парни?

Прежде мне думалось: чем старше человек, тем он легче во всем разбирается, ему многое делается понятным и доступным. Оказалось, совсем не так.

В аммиачном цехе я работал оператором на смешении водорода и азота, из которых и получают аммиак. Ночь-заполночь разбуди — могу сказать, какое давление нужно держать, какие вентили и задвижки и какую за какой открывать и закрывать. Главное, надо быть

внимательным и не уснуть в ночной смене. Одним словом, работал не хуже других.

Азот мы получали из воздуха. Засасывали его насосы и по трубам перегоняли к компрессорам. Потом сжимали до того, что он делался жидким, как вода. Тут уж было легко: отдели азот от кислорода и гони по трубам в аммиачный.

На бумаге-то писать все гладко, а вот что делать, если иной раз наш цех ни с того ни с сего начинало лихорадить? А все почему? Да потому что соседний, где получали азот, некачественный газ давал.

...В тот день наш начальник цеха Тюриков не вылезал от соседей, все хотел разузнать, в чем дело. Да не только он — приходили главный инженер и директор. Анализы были нехорошие: в воздухе полно примесей аммиака и окислов азота.

Слесарь, который работал в нашей смене, сходил к соседям, поговорил там, вернулся и говорит:

— Сбежались! Кумекают. Да хоть еще целая комиссия пусть приходит — все одно порядка не будет! Расее царь нужен для порядка.

— Чего он понимает в нашем деле, царь-то? — возразил я слесарю.

— А то, что ничего люди бояться не стали. Отсюда все. При царе бога боялись, а сейчас его ликвидировали. А раз бога нет, значит, и черта нет. Ну и чего же тогда человеку бояться?

— Что ты о небесном беспокоишься? — сказал тут один из наших. — Не знай оно есть, не знай нет. Тут не в этом дело. Народ съехался разный. Сам же говорил, недавно раскулаченного арестовали.

Слесарь почесал затылок и ушел. Верно, крыть-то нечем. Взяли из их деревни субчика, он все по вечерам в бараке разорялся: нет, слышь, ни бедных, ни богатых. Смерть всех приберет, и рабочих и директора, поэтому, дескать, нечего кичиться друг перед другом. Все мы равны, для этого и революцию устраивали, чтобы всех уравнять.

Раза два и я его слышал: вроде бы верно говорит про революцию и про то, что после смерти все одинаково смердят. На фронте я нагляделся, нанюхался. Но пахнут-то ведь не люди, а трупы. А если перед смертью мы все равны, на тот свет впрямь ничего с собой не возьмешь, тогда что же он на заем не хочет подписываться? И насчет революции он что-то не туда гнет. Разве можно всех уравнивать? Это обезличка получается. А нас в цехе за обезличку ой-ой как порицали. Нет, при революции никакой обезлички нет. Каждый должен отвечать за свое.

Однако земляка-слесаря не за слова арестовали. Увидели — он рваный ватник в вентиляционную трубу засунул. По колдоговору добились, сделали вентиляцию в цехе, а он, паразит, решил все испортить.

Спросили его: зачем, мол, ты это делаешь? А он вовсе несуразное несет: слышь, из-за этой трубы в цехе газом пахнет. Его посадили, а потом, правда, разобрались. В самом деле ведь неладно получилось. Заборник-то у вентиляции устроили как раз возле того места, где у соседнего цеха отходы выбрасывают.

Таких случаев тогда немало было. Да и как им не быть-то? Иной еще вчера сохой землю ковырял, а нынче к компрессору его поставили. А что там, внутри, делается у этого компрессора, никто толком не знает. Да что компрессор? Из-за ротозейства на складе

суперфосфата не закрыли пожарный кран, вода за ночь все удобре-ние испортила. В одночасье на береговом хозяйстве изломался по-грузчик, а за него золотом плачено.

Я помню, как меня самого учили. Подвел мастер к рабочему месту и говорит: если эта стрелка сюда пойдет, надо вот этот вентиль открыть, а если обратно покатится, надо закрыть, чтобы на прежнее место встала. Объяснил и спрашивает: понятно? Мотаю головой: чего, мол, не понять-то, чай, не маленький.

Бог миловал, по моей вине ничего плохого не случилось. А вот у других было. И кто тут разберется — отчего? То ли по злобе, то ли по незнанию. Конечно, от этого не легче, вред все равно есть вред.

Тогда говорили: враги не хотят, чтобы нам жилось лучше. Вот и пакостят: то крушение на железной дороге устроят, то вредитель-ство на шахтах или на заводе. Да обязательно чтобы погибло как можно больше народу. А раз так, тут и рассуждать нечего, все ясней ясного, кто есть враг.

Взять меня. Неужели я буду нарочно портить или ломать обо-рудование? Да у меня на это и рука не поднимется, хоть ты меня золотом осыпь! Значит, кто ломает или из-за кого авария случится, этот и есть шпион или вредитель. А с ними чикаться нечего.

Вот и с азотом что-то не так, думалось мне.

Пришел со смены домой, хотел после ужина спать завалиться, сын пристал:

— Скажи, папанька, в тот понедельник какая погода была?

Это, стало быть, он по естествознанию уроки учит и нужно ка-лендарь природы и разных примет заполнить: было ли солнце или пасмурно, откуда ветер дует. Сын-то, значит, в свое время не запол-нил календарь, а теперь на отца надеется, знает, что я погоду и при-меты запоминаю, даже иной раз на клочке где-нибудь записываю.

— Лодырь ты, Сашка,— говорю сыну,— вот поставит тебе неуд-учительница, стыдно будет, а я еще ремнем напорю.

— И тебе стыдно будет,— отвечает сын.

Я даже опешил:

— Это почему так?

— А потому,— объясняет сын,— ты же ударник. Нам газету «Красный химик» читали на уроке, тебя премией премировали. Учи-тельница мне говорит: гордись отцом-то.

— Вот-вот,— отвечаю,— отец ударник, а ты на чужом горбу.

— Да скажи парню-то,— вступилась жена,— жалко тебе, что ли?

Полистал я календарь, а листки мы на гвоздик нанизывали, вижу — в тот понедельник как раз Евдокия Плющиха была, 14 мар-та — первая оттепель. День стоял пасмурный, и ветер дул с полу-дён. И еще в тот понедельник в цехе с азотом неладно было.

Сашка меня тормозит, а я думаю: почему такое совпадение — как только ветер с полудён, цех барахлит?

Нарисовал сын свой календарь, раскрасил цветными каранда-шами, я похвалил, он успокоился, а я еле утра дождался. Пришел в цех и к начальнику.

— Так и так,— говорю, а сам боюсь: ну-ка на смех меня Тюри-ков поднимет при всем честном народе.— Проверить бы надо, не засасывают ли приемники воздух с отходами, когда ветер с полудён из-за Оки дует.

Начальник сказал, что я верно догадался, только пораньше бы надо, глядишь, премия бы вышла мне, а так докопались уже и без меня. Будут летом переносить воздухоприемники подальше от амми-ачного цеха.

— Дело-то не в премии,— говорю я,— значит, соображаю мало-мальски.

— Соображаешь,— отвечает Тюриков,— а вот выучился бы, еще лучше стал соображать. Знаешь, лозунг какой сейчас? Кадры, овладевшие техникой в период реконструкции, решают все. Сталин сказал.

— Знаю,— отвечаю,— да куда уж учиться? Сам-четвертый.

А начальник говорит:

— Все равно учиться надо, Потапов. Умные люди говорят, надо целый век учиться, чтобы иметь право сказать: я ничего не знаю.

Хотя и говорят, что чужой собаке на селе житья нет, а вышло, прижился я на заводе. Да ведь и то сказать: в поселке все приезжие, для всех он на время. Его и звали-то аварийным. Нет, не потому, что ветхие дома и бараки. Тут другое. Жили в поселке самые нужные на случай аварии люди. Чтобы, значит, в два счета прибежать, если что в цехе случится. Поскольку и я жил на аварийном поселке, значит, и во мне нуждались на заводе. Не зря говорил земляк Санька Самошин: на одном месте и камень мохом обрастает. Это, конечно, надо понимать, не от грязи или там от сырости, а уж просто так устроено. Да и о какой грязи можно говорить, если на поселке баня замечательная есть.

Правда, вначале, когда ее открыли, мужики не очень-то охотно ходили в нее. А которые пойдут, исподнее не снимают, конфузились попервости, так в кальсонах или в трусах мылись. Конечно, это не значит, что до бани грязными ходили. Ничего подобного, в каждом цехе душ — мойся сколько хочешь и хоть каждый день. Но разве сравнишь душ с парной?

Я любил ходить в баню с соседом Хасаном, который в карбидном цехе работал. Бывало, в воскресенье, еще гудка нет, Хасан меня будит. Белье и веник березовый с вечера припасены. Важно первым попасть, чтобы парилку приготовить. Пока раздеваюсь, Хасан, готово дело, по деревянным мосточкам в парилку шлепает. Весь он бритый: и голова, и под мышками, и вообще. Сначала-то смешно казалось, а потом привык: у каждого свой обычай.

Хасан парилку готовил по-своему. Отворял форточку в окне, наливал полтаза горячей воды и шваркал ее в каменку. Тут же вылетал в мыльный зал, ждал, пока уйдет из парилки угарный газ. А чтобы время зря не терять, заливал в тазу веник горячей водой. Вода в тазу делается темно-зеленой, всплывают пересохшие листочки. Хасан эту воду сливает, наполняет таз новой, отжимает веник, нюхает. От веника пахнет березовым листом, сеном прямо как осенью.

Я тоже орудую с веником. Главное, не торопиться. Это все равно когда бриться собираешься: если хорошо намылишь, взобьешь пену, тогда любую щетину бритва словно водой смоем.

Наконец Хасан сливает воду, стряхивает веник, наливает в таз холодной воды — и в парилку. Я за ним. Форточку закрываем и лезем на самый верх. Сидим-посиживаем. Уши жжет, в ноздрях щиплет, кожу саднит, а мы сидим. Я только на Хасана дивлюсь: как терпит? У него же голова-то бритая. А он только кряхтит: якши, слышь.

Однажды какой-то приезжий старичок зашел в парилку, а там Хасан себя веником охаживает. Старику, видно, холодно показалось, и он съехидничал: не нужно ли добавить?

— Валяй! — ответил Хасан.

Старик поддал и полез к Хасану. Однако на полпути ойкнул

и за голову держится: жаром-то егохватило по лысине. А Хасану хоть бы хны: лупит себя веником и лупит.

— Извини, гражданин, — поинтересовался старик, — не татарин будете?

Хасан, зная, не расслышал и сказал:

— Из карбидного я, бабай!

Бывший сосед мой по бараку Николай Миронович как в воду глядел: пришлось мне заниматься на курсах мастеров, да не в Черноречье, а в Ленинграде. И получилось это почти что помимо моей воли.

Вызвал меня к себе Доронин Галактион Ансикритович и говорит:

— Что-то ты и носа не кажешь?

— Да ведь, — отвечаю, — чего же я к заместителю директора так вот просто и пойду? Чай, тоже совесть есть.

— Вот и хорошо, что есть, — говорит Доронин, а сам пальцами по столу барабанит.

Я молчу, не понимаю, куда клонит Галактион Ансикритович. А он вот что: надо мне ехать на курсы мастеров в Ленинград, поскольку он меня знает, за меня может поручиться. К тому же начальник цеха говорит, что я мало-мало маракую.

— Ладно, — говорю, — Галактион Ансикритович, думать буду. С хозяйкой поговорить надо.

— Думай, конечно, а как же иначе, — говорит Доронин. — Только уж лучше-то не придумаешь, чем есть. Послезавтра и поедешь вместе с остальными товарищами.

Так я очутился в Ленинграде.

Были как раз белые ночи. По ночам фонари не горят, а светло, конспекты можно читать прямо на улице. Я иной раз так и делал: чем торчать в общегитии, устройшься где-нибудь на берегу и сидишь, учишь эту самую химию. И самому чудно делается: столько всего за день узнаешь. Вот взять воздух, например, чего уж проще-то. А вот сожми его, охлади — он жидким будет. Если весь его превратить в жидкость, то земной шар покроется слоем глубиной в десять метров. Это же представить себе только надо!

А с азотом было не так понятно. Преподаватель на курсах толкует, что если бы воздух стал из одного азота, никакой жизни на Земле не было бы. Дескать, поэтому древние люди и называли азот безжизненным. Для чего же он тогда существует, спрашивается? Почему его так много, раз он для жизни бесполезный?

Но, оказывается, если соединить тот же самый азот с другими элементами, он самый необходимый делается. Это и есть аммиак, за который нам деньги платят. А что случилось? К слову «азот» прибавили еще одно слово — и стал связанный азот.

Значит, думаю, вовсе и нет ничего лишнего и ненужного. Один и тот же азот может быть и бесполезным и нужным. Тут важно, чтобы он с другими веществами и элементами был связан.

Из Ленинграда я вернулся летом и сразу в отпуск. Жена сказала:

— В Речное бы съездить. Что там с избой-то делается? Продать хоть, если жить в селе не станем.

Съездил я в Речное, продал свои хоромы за восемьсот рублей. На что мы его только ставили? Один убыток, а у меня каждая копейка на счету была.

Хвастаться не стану, жили мы с семьей в ту пору не больно хорошо. Мясо на щи брали редко, белый хлеб — только с получки. Жена тоже поступила работать в наш аммиачный цех, где я мастером был после курсов. Потом, правда, перешла в столовую посудомойкой на соседний завод.

Всяко приходилось за это время. Картошку сажали в Петряевке и возле Черного села. Козу держали, траву из болота таскали на себе по пояс в воде. Дрова из леса — на своем горбу. В бараке сколько лет прожили, а дрова покупали только раз за все время.

Семь классов кончил мой Сашка и пристал: купи, слышь, фотографический аппарат девять на двенадцать размером, называется «Фотокор». В пионерском лагере, говорит, еще прошлое лето научился снимать и проявлять. Говорю Дарье: давай купим, глядишь, все под старость лет на кусок хлеба заработает. Дарья согласилась.

Поехали всей семьей в выходной в соцгород, где магазин промтоварный недавно открыли. Сашка как увидел на прилавке фотоаппарат, прямо весь затрясся, но взял осторожно, гармошку раздвигает, на окно нацеливается, будто весь век этим делом занимался.

Смотрю и думаю: отец в его годы тележного скрипа боялся, а этот с продавцом запросто разговаривает. Гляжу, и Дарье радостно. Когда ехали в соцгород, у меня мысль была: купить купим, необязательно за сто двадцать рублей, а подешевле. Но увидел, как сын радуется, язык не повернулся. Думаю, была не была, купим, пусть отца с матерью добром вспомянет.

— Иди, сынок, — говорю и деньги даю Сашке, — плати в кассу.

А Сашка пересчитал да и отвечает:

— Тятя, еще надо!

— Как это еще? — говорю. — Знай край да не падай. — И пригрозил: — А то и эти отберу.

— Так мне же еще бумаги надо, пластинки, проявитель.

— А ремня не надо? Вот ведь какой, дай палец — всю руку оттяпает. Ишь ты! Весь в сапаринскую родню (Дарья-то в девичестве Сапаринной была). Да ты знаешь, как деньги-то достаются?

Возле нас стал народ собираться. А я хотя и вижу, что у Сашки слезы навернулись, что Дарья тоже вот-вот заплачет, не могу удержаться.

— А-а, — говорю, — отец-то для вас дойная корова? Шалишь, мальчик! А ну пошли отсюда!

Не знаю, чем бы все это кончилось, да случился на ту пору в магазине Санька Самошин, земляк наш. Сообразил рябой, что нехорошо у нас получается, подошел и говорит:

— Здравствуй, Николай Григорьич. — И руку подает. С Дарьей тоже поручкался. Сашку моего по плечу похлопал и похвалил. — Вижу, аппарат покупаете. Вот это правильно. Без фотоаппарата что за парень?

— Какой, — говорю, — парень, Александр Гаврилович. — Но уже не шумлю: земляк-то как-никак в завкоме работает. — Ростом большой, а ума-то вот сколько!

А земляк говорит:

— Это дело наживное. — И на другое сворачивает: — Ты мне, слышь, когда-то за жильё обещал магарыч поставить.

— Было дело, — отвечаю. — Пойдем хоть сейчас.

Покачал рябой черт головой и стыдит:

— Что же, Николай Григорьич, на выпивку тебе денег не жалко, а сыну родному на дело жалеешь?

Кошусь на своих, слышат или нет, что земляк говорит, нелов-

ко же. А он свое гнет: не стоит, слышь, для детей ничего жалеть. Раз мы, их отцы, плохо жили, так пусть хоть они лучше живут. Думаю: ведь верно, пожалуй. Ну чем я отца-то своего вспомнить могу? Что у меня на память о нем осталось? Так неужели я не могу для своего сына расстараться? Да и Дарья обиделась. Черт с ними, с деньгами. Прихвачу сверхурочных, заработаю.

— Сашка,— говорю своему,— ты что же, мамкин сын, как мышь на крупу надулся? Вот еще пятерку на.— И смотрю на земляка, вижу: улыбается. Тогда и я заулыбался. Сперва-то вроде бы по-на-рочному, но когда увидел, как Сашка засиял, и у меня рот раскрылся до ушей, хоть тесемочки пришей.

Вскорости после этого Сашка снял нас с земляком. И так хорошо мы на карточке получились, просто приятно посмотреть да вспомнить, как меня люди приучали добрым быть. Конечно, этого мало, чтобы как следует целый век прожить, но без этого тоже никак не обойтись. Потом уже я Сашке ни в чем не перечил: попросит денег на лыжи или на резиновую камеру, дам обязательно, пусть лучше живет, чем его отец жил. И дочку не обижал, хотя девка особенного ничего не просила. Обязательно с пучками конфеток или мороженого покупал. Когда на кино попросит, никогда не откажу.

Девка-то моя оборотистая была: весной с подругами за Оку съезды, луку дикого, столбунцов насобирают и возле магазина продадут по пятаку пучок. А что? Ничего в этом плохого нет. Им заработок, а людям вся эта зелень в охотку. У нас так многие делали: и Сухоруковы, и Азиковы, и Пяткины. Отцы у них иной раз хвастались: еще и на четушку дочери расстараются.

Один раз я и собрался со своим семейством в луга. Грешным делом прикинул: за утро-то мы немало соберем.

В лугах хорошо: жаворонки заливаются, в полях рыба плещется. Шмели гудят, пыльцу с тальников сбивают. Щавель и дикий лук на глазах тянутся, только рви. Дарья моя с ребятами аукаются, смеются. Раскраснелись, наперегонки стараются, кошелки полнят.

— Давай, давай,— одобряю я и даже досаую: как раньше не догадался. В самом деле ведь можно много выручить.

Размечтался эдак-то да вдруг слышу — птичка какая-то выкрикивает и выкрикивает что-то. Прислушался и разобрал: вшивик, кричит птичка, вшивик!

Меня как холодной водой обдало: это ведь она мне кричит, меня осуждает. Неужели и впрямь я своих заставляю диким луком и столбунцами промышлять? Приработок — это, конечно, дело стоящее, но ведь что же я за хозяин, если семью не могу обеспечить? Что про меня на поселке скажут? Хорош гусь, в Ленинград ездил, на мастера учился — и выучился! Правильно обзывает: вшивик я и есть самый настоящий. Обозлился я и крикнул:

— Эй, давай кончайте!

— Ты что, отец? — спросила жена, когда я догнал их.— Сам же говорил, чтобы побольше.

— Хватит,— ответил я,— а то пупки развяжутся, не дотащим. Нам и это не знай куда девать.

Посмотрела Дарья, спросить, видно, о чем-то хотела, а я сделал вид, будто птичку слушаю. Послушал и спрашиваю:

— Что это она все кричит?

— Ты или не поймешь? Живи, живи! Видишь, как выговаривает.

Ну вот это еще куда ни шло, подумал я, а то ведь почудится же такое. Какой я вшивик? Хотел жене сказать, да раздумал: чего я свою слабость показывать стану?

22 июня 1941 года началась война.

Мы как раз обедали, когда по радио сказали об этом. Дарья моя сразу в слезы, на нее глядя, дочь заплакала. Сашка их успокаивать стал: нечего реветь, мы немцев в два счета поколотим, раз сунулись. И ко мне: да, тятя?

А что тятя? Говорю, зря они опять полезли, не дали пожить. Да покрепче я, конечно, припечатал. Дарья пристыдила.

— А-а,— говорю,— стыдись не стыдись, а враг-то лезет.

— Ничего,— говорит Сашка и из-за стола встает,— пусть лезет. Ты же говорил, что с ними можно сладить.

А сам к двери.

— Куда ты? — спрашивает Дарья и опять в слезы.

— Перестань! — говорит Сашка и мне объясняет: — Разве можно сейчас дома сидеть.

Убежал, ну и нам не до обеда. Дарья прямо не просыхает, нет-нет да заплачет. И мне ее жалко. Как могу утешаю.

— Чего плакать-то,— говорю.— Чай, не одни мы такие. У нас-то еще куда как лучше получается.— И объясняю ей, что Сашку пока не возьмут, пятнадцатый год идет парнишке. Будет в цехе работать. Если даже я уйду, не одна останется. Да разве убедишь?

Вышел на улицу, у крыльца мужики складчину устроили, в магазин собираются, чтобы, значит, по четвертушке взять. Подошел, поздоровался. Мужики говорят — давай трояк, в долю примем. Отказался: не тот случай, мол.

— Ты, Потапов, прямо как партийный.

— При чем тут партийный или не партийный? — отвечаю.— Сейчас мы все одинаковые.

И получилось у нас прямо настоящее собрание. А все потому, что подначили меня: чего же ты, мол, в ту войну брататься с германцем стал? Может, мол, с этим самым Гитлером и обнимался, он, слышь, ефрейтором на фронте был.

Я отвечаю, что, мол, от моего братанья им было не сладко. Небось не по одному германцу слезы пролили дома. А что недобили мы их, так это разве мыслимое дело, чтобы весь народ извести?

— Хорошо тебе теперь рассуждать,— опять наседают мужики.— Тебя на фронт не возьмут.

— Ладно,— говорю,— за чужую спину никогда не прятался. Надо будет — пойду.

Ушел в барак, надел спецовку, сказал Дарье, что пойду на завод.

Иду поселком, гляжу — и другие шагают как на работу, хотя никакой команды нам не давали. Это, видно, уже привычка. Как все равно у солдата, у которого место в строю одно и то же и когда на обед идти и когда по тревоге поднимают.

Из нашего цеха на фронт не взяли никого, всем дали броню. Директор завода так и сказал, когда некоторые хотели подать заявление с просьбой взять в армию: аммиачный цех тот же передний край. Ну, а раз передний край, стали мы работать по двенадцать часов и без выходных. К тому же редкий день, бывало, уйдешь со смены вовремя. То продукцию грузить, то в водородный цех сидерит разбирать, то генератор загружать. Только придешь домой, в постель бы лечь, а тут воздушная тревога, надо бежать в завод, потому что я был в химкоманде. Часа два-три пробудешь, пока дадут отбой. Придешь домой — когда уснешь, когда нет, смотришь, утро и опять идти на работу.

Кроме всего прочего, меня еще в ополчение командиром назначили. Пришлось вспоминать, как по-пластунски ползать, как штыком колоть, винтовку собрать-разобрать. Я даже и не знал, что умею столько всего.

Соберемся на занятия, исколем чучела, наползаемся — и перекур. Сидят мои мужики, дымят. Разговор один: скоро ли немца остановят? И поскольку я старше, ко мне: объясни, пожалуйста. Дайте, говорю, срок, за все рассчитаемся. И прежде, мол, до самой Москвы допускали, а ничего не вышло. И на этот раз у них ничего не получится.

Кто верит, а кто нет. А почему? Потому что у меня, кроме слов, настоящего-то убеждения нету. Откуда ему взяться, если мне прежде о таких вещах и говорить не приходилось.

Конечно, мне-то об этом говорили, убеждали, как и других, что у нас в стране все общее, всему мы хозяева. Но ведь как в это поверишь, когда в цехе над тобой начальник, над ним директор, над директором область — и так до самого верха. Так я примерно представлял себе все это до той поры, когда меня стали донимать вопросами. Себе-то, может, такого объяснения и хватало, да ведь не станешь такое людям говорить. Стал думать. И мало-помалу придумал: все верно. Директор наш из рабочих, начальник родом из-под Богородска, химический техникум кончил, тоже, стало быть, свой человек. А кто выше их, те из революционеров, а уж они-то, ясное дело, за рабочих жизнью не жалели.

Одним словом, хоть и совестно признаваться, но вот так вот иной раз покалякаешь с мужиками, ночью глаза потаращишь — и в разум придешь: нельзя сейчас в одиночку, время не то.

С осени карточки выдали. Но хуже от этого не стало, потому что мы с сыном получали по ним по два фунта хлеба в день. Сашку-то мы учеником в электроцех устроили. Жена и дочь, они иждивенцами числились, получали вдвое меньше. Жиров, сахару и мяса тоже выходило подходяще.

К ноябрьским праздникам немец подошел под самую Москву. Конечно, ни у кого и в мыслях не было, что сдадут Москву. Но на всякий случай нужно было готовить оборону и перед нашими заводами. От каждого цеха послали самых сильных мужиков рыть окопы. Я тоже просился, но меня не взяли. Объяснили: оставайся да еще за аппаратчика будешь, который пойдет рыть окопы. Так до самого Нового года и работал. Как говорили: фронт требует, тыл дает. И давали.

Встретил меня как-то начальник карбидного цеха, жалуется: известняк кончается, а где взять — ума не хватает.

— Еще, — говорит, — на неделю хватит, а там хоть в петлю полезай.

— Ты про петлю-то погоди, — сказал я ему.

Мы с ним на курсах в Ленинграде вместе были, он и там сильно нервничал, когда экзамен надо было сдавать.

— Хорошо, — говорит, — тебе. У тебя в смене пятеро, а мне за подсопню отвечать.

Хотел я ему сказать, что не в этом дело, у кого сколько под началом ходит, да, думаю, словами-то ему и впрямь не помочь, не нужны ему мои слова, известняк нужен.

— Ладно, — пообещал я. — Иной раз со стороны виднее.

Отмахнулся он и побежал, сердечный, к себе в цех.

Вечером я зашел в карбидный. Уж если у нас в аммиачном непривычному человеку могло показаться жарко, то что говорить

о карбидном? Все окна и двери закрыты шторами: без них, когда сливают карбид, зарево верст за пять видно. Жарища смертная. Но легкую спецовку не наденешь, можно работать только в суконной. Иначе карбидная пыль въедается в потное тело, раздражает кожу и может вызвать тяжелое отравление.

Верно Хасан говорил: карбидчикам и в парную ходить не нужно. В суконной спецовке они и так мокрехоньки от пота. За две смены спецовка делается ломкой, словно сухарь. От жары и пота рабочие то и дело припадали к бачку с водой. Вместе с потом из организма вымывалась соль. К концу смены у некоторых от обессоливания начинались судороги. Вот и на этот раз только зашел в цех, гляжу — на полу возле печи парень корчится.

— Дурной,— слышу, уговаривает парня Хасан.— Говорил тебе: меньше пей. На.— Он протянул ему чайную ложку соли. А когда рабочий заглотнул и запил соль, Хасан сказал: — Вот и занимайся зарядкой, шайтан, раз слушать не хотел!

Парень встал и пошел к печи: смена-то еще не кончилась.

Хасан спросил:

— Как жизнь в аммиачном?

— Порядок,— отвечаю.— А где начальник?

— У директора.

— Вот и приходи в гости.

— Какие теперь гости? — удивился Хасан.— По делу или так?

— Ну да, так. Просил подумать, где известняк добыть.

— И придумал?

— Не знаю,— сказал я.— Дорогу на Бабушкино чем мостили? Бутом. Если его обжечь да в дело? Формула-то одинаковая: кальций цэ о три.

— Правда,— сказал Хасан и давай меня обнимать.— Товарищи,— кричит,— его качать нужно!

— Это ты брось,— отбиваюсь я.

Знаю карбидчиков: два раза подбросят, один раз поймают.

Тут как раз начальник пришел. Говорю ему про бутовый камень. Хасан поддакивает, надо же, говорит, какой сообразительный человек. Жаль, говорит, в партию не подает.

Начальник тоже похвалил.

— По-моему,— говорит,— должно получиться. На первый сорт, конечно, не потянет, а вообще пойдет.— Руку мне жмет и говорит: — Сейчас директору позвоню.

Позвонил. Слышно в трубку, как директор забасил:

— Давай сюда Потапова!

— Иди, иди,— говорят начальник и Хасан,— хуже не будет.

Вошел к директору, он меня обнял, к столу подвел, куревом потчует, не знает, что я некурящий. Потом вынул из стола талоны на дополнительное питание: возьми, слышь, пока, а потом премию дадим. И действительно, к Новому году меня премировали: выдали новехонькую суконную спецовку, как у карбидчиков, сапоги кирзовые, тоже новые, и две пачки легкого табака.

Принес я премию домой, жена радуется:

— В воскресенье неси на толкучку. Продашь, картошки можно купить.

И соседям, слышу, хвастается:

— Смотри-ка, как повезло. По радио говорят, немцев погнали, да еще нам премия. Радость на радость.

Не зря говорили: кому война, а кому мать родна. Это я к тому, что на рынке, когда пошел свою премию продавать, встретил Нила

Григорьевича, который у нас когда-то старшим мастером работал. Я его с той самой поры не видел ни разу. Знал, что его с завода выгнали и из партии вычистили. А тут на тебе: стоит возле саней краснорожий, борода лопатой, полушубок нараспашку, трех на затылок, от лба пар валит, еле успевает Нил Григорьевич картошку отмеривать. Да еще покрикивает на очередь, чтобы, значит, не напирала, а то продавать перестанет.

Мне бы отойти к другому продавцу, а я словно застыл. Вспомнилось, как этот самый Нил Григорьевич опивал меня, над моей женой издевался. Хочу сосчитать, сколько же лет прошло с той поры, никак цифры в уме не складываются.

А очередь все ближе к саням. И я двигаюсь вместе со всеми.

Пригляделся. Картошка у Нила Григорьевича с виду хорошая, кожица серо-красная. При варке должна быть рассыпчатая, потому что росла в Чулкове на супеси. Лежит в брезентовом пологе, соломой прикрыта, а поверх еще тулуп накинута, значит, неморожена.

Отпустил Нил Григорьевич картошку женщине, что передо мной стояла, деньги в карман сунул.

— Следующий!

Тут он взглянул на меня и замер. А глаза у него, я еще с той поры помню, немигучие, темные, в оторопь, бывало, бросало от них.

— Здравствуй,— говорю,— Нил Григорьевич! Отсыпь-ка мне три меры.

— Ё мое! — изумился бывший мастер.— Погодь-ка. Ты разве живой?

Мне это обидным показалось, и я сказал:

— Еще и тебя переживу. Сыпь давай!

Кто знает, что припомнилось Нилу Григорьевичу, только он вдруг как заблажил:

— Ты, лапоть, чего командуешь? Думаешь, ряшку наел, помыкать право имеешь? — Перевел дух и опять завелся: — Да кто ты такой есть, а?

В очереди притихли, вслушиваться стали, а Нил Григорьевич еще громче:

— Я из этого лаптя человека сделал, а он мне теперь: сыпь давай! Картошечки моей хочешь? Хрен тебе, а не картошка! Людей на фронт взяли, а он три меры сразу берет.

Тут кто-то из очереди сказал:

— На барахолке спецовку и сапоги новые продавал, вот и не торгуется. Да еще две пачки табака легкого загнал.

— Вона что! — подхватил Нил Григорьевич.— Людям махорки нету досыта, а он легким табачком спекулирует?!

Тьфу ты, черт, думаю, смотри, как неладно поворачивается. Не объяснишь же всем, откуда у меня все это взялось и что некурящий я. Уйти от греха! Досадно сделалось. Что же это получается? Опять этот глот сильнее меня?

— Граждане,— говорю,— вы ему не верьте. Он еще когда из хрустальной вазы щи хлебал. В голодный год барахла черт знает сколько наменял. И теперь опять за свое.

— Ты лучше скажи, спецовку где взял! — кричат из очереди.— Такие только в карбидном делают, а ты из аммиачного.

— Ишь какой: щи, говорит, из хрустальной вазы хлебал! А тебе то что?

— Где легкий табак взял?

— В милицию надо!

— Не давай ему картошку, хозяин!

— Отойди от саней,— сказал Нил Григорьевич и опять в крик:— Душа твоя продажная! Ты еще у меня узнаешь, почему сотня грешков!

Обидно мне сделалось, разволновался, а сказать ничего не могу. В мыслях вижу, как он ломается, когда мы уговаривать его приехали, чтобы на завод возвратился; припоминаю, как он водку жрет у меня в доме; слышу, как в дверь ломится. А как все это расскажешь? Люди ведь, когда они в очереди стоят, ой как злятся! Разве будут меня слушать, больно им интересно.

Думаю эдак про себя, корю, что не ушел от греха, а тут вдруг Хасан подходит и говорит:

— Погодите брать картошку у этого. Обманывает он. У-у, шайтан!

— Это кто такой? — спросил Нил Григорьевич и на Хасана: — Разговаривать по-русски научись сперва! Вот я тебе дам «погодите брать»! Вот поглядите, люди добрые, это два мошенника! Один другого выручает.

Хасан влез на сани и сказал:

— Я купил у него картошку раньше всех. Принес домой, поставил на кухню. Смотрю, а она мокрая сделалась и пятнами пошла. Мороженая, значит.

Сказал да как швырнет картошку из сумки на воз. Думаю, сейчас в морду даст Нилу Григорьевичу. Но Хасан только сказал:

— Тьфу на твою картошку! Давай деньги назад, шайтан!

Очередь загадела, стала расходиться.

— Я сейчас милицию позову! — заматерился Нил Григорьевич и полез на Хасана.— Заодно промышляете, хулиганье!

— Отдай деньги, мужик,— сказали ему.— Тебе же хуже будет. Это из карбидного.

Нил Григорьевич швырнул деньги, отвязал лошадь от коновязи, сел в сани, а мне пригрозил:

— Ну погоди, я еще с тобой поквитаюсь!

У ворот оглянулся и опять погрозил.

— Чего это он? — спросил Хасан.— Ему бы на меня надо было, а он тебе?

— Длинная история,— ответил я.— Как-нибудь в другой раз расскажу. Пойдем вон к тому возу. Вроде из Колодкина привезли. Там хорошая родится картошка.

Купили мы с Хасаном картошку, домой пошли. Иду, думаю: сейчас расскажу своей супруге про эту встречу. Вот, мол, расхвасталась про премию, накликала, оно вон как все повернулось.

После 1 Мая вызвал меня начальник цеха и говорит:

— Ты в Ленинграде на курсах учился?

— Учился,— отвечаю.

— Вот и хорошо. Поедешь туда в командировку.

— Шутите? — спрашиваю.— Там же блокада. Не проберешься.

— Не только шучу,— отвечает начальник,— а прямо от хохотать хочется.— И лицо у него кривится. Как ни крути, а достается ему, пожалуй, побольше, чем мне: я за смену отвечаю, а у него весь цех.— Ты с Петровым в друзьях, что ли?

— С каким Петровым?

— С Николаем Мироновичем, из цеха опытных установок.

— Нет,— отвечаю, вспомнив своего давнего соседа по бараку.— Какой он мне друг? Он инженером стал, а я...

— Да не в этом дело,— говорит начальник.— Инженер, рабочий, мастер. Или не понимаешь, что один без другого не может? Короче,

поедешь в Ленинград с Петровым. Сегодня утром на оперативке директор об этом распорядился. Так и сказал: особое, слышь, задание. Ступай оформляя командировку.— И чуть не в слезы: — Самому, что ли, за мастера? Шутка сказать — недели две тебя не будет в цехе.

Добирались мы с Петровым в Ленинград через Москву. Оттуда поездом через Вологду, Череповец, Тихвин до станции Волхов. Там удалось устроиться на грузовик. Спасибо морякам Ладожской флотилии. Когда они узнали, что нам нужно в Кронштадт, хоть мы и в штатском были, согласились нас подбросить до Гостинополя.

Прибыли мы в Гостинополье. Зашли к военному коменданту. Поглядел он наши документы и сказал:

— На довольствие поставлю, но в Ленинград пока не пуцую.

Петров наседать: дело государственное, каждый день дорог, за этим грузом, который нам предстоит вывезти, Москва следит. Я тоже поддакиваю.

— Ша, граждане! — сказал комендант.— Ступайте к генералу Шилову в Управление перевозок фронта. Он тут самый главный, ему все склады и причалы подчиняются. Идите, идите! — И усмехнулся: — Хотел бы я поглядеть, как он вас в три шеи наладит!

Разыскали мы генерала Шилова на берегу возле причалов. Было это 5 мая, я хорошо помню. Все реки, через которые мы ехали сюда, давно уже вскрылись, как и подгадывали мы с Петровым: приедем в самый раз к открытию навигации, потому что груз наш на автомобиле не увезешь.

Но на Ладоге лед еще стоял. Движение автомобильное по нему было прервано: последний раз грузовики ушли в Ленинград 21 апреля. С той поры ни одного килограмма грузов в город не поступало — не выдерживал лед. Нельзя было идти и на пароходе. Ледоколов не было, а буксиру ладожский лед не по силам.

— Вот так-то, товарищи химики,— сказал генерал Шилов после того, как выслушал нас.— Загорать придется.— Он закурил и попотчевал нас с Петровым.— Устраивайтесь, будете ждать.— И поинтересовался: — Прикидывали, сколько ваш груз потянет?

— Примерно тонн по семь-восемь,— отвечает Петров.

— А габариты?

— В длину около восьми метров.

— Так,— сказал генерал,— и зачем же понадобились химикам пушечные стволы?

Сейчас, конечно, это дело не секретное, но в ту пору нельзя было о нем распространяться. Но чем можно убедить генерала, от которого судьба нашей командировки зависела? Вот и принялись мы с Петровым просвещать генерала. Больше-то, конечно, Петров, тезка мой, а я только для массовости присутствовал, как говорится.

Суть дела заключалась вот в чем. В первую военную зиму нашему заводу приказали увеличить в несколько раз выпуск мочевины, которая была нужна для обороны. А как? Нужны мощные колонны синтеза. До войны их изготавливали из особо прочной, высоколегированной стали. А где ее взять, когда все наши южные металлургические заводы захвачены немцами, а те, что эвакуированы на Урал, не сумеют варить такой металл? Да к тому же дело это долгое. Тогда Святухин предложил использовать орудийные стволы крепостной артиллерии. Они и давление могут до четырех тысяч атмосфер выдержать, и диаметр двенадцать дюймов (иными словами, около трехсот миллиметров) тоже подходит.

Сказали мы генералу, что об этом написали в Москву. А оттуда

вскоре на завод пришел ответ за подписью Сталина. В ответе было разрешение вывезти из Ленинграда два ствола.

То ли вправду мы убедили генерала, то ли ему и без нас приказ был, только начальник Управления перевозок распорядился, чтобы нам выдали военное обмундирование, поселили в землянке, где военные строители размещались, и поставили нас на все виды довольствия.

— Прямо как на курорте,— сказал я, когда старшина обмундировал нас и уведомил, что вечером можно будет сходить в баню.

— Ага,— сказал тезка, устраиваясь на нарах в землянке.— Южный берег Крыма. Видишь, сколько отдыхающих понаехало.

Я вышел из землянки и разговорился с речником, который был с западного берега, из Осиновца, куда нам нужно было прибыть.

— Ну, как там житуха-то? — спросил я у речника.

— Сейчас-то что,— сказал он,— сейчас чего речникам не жить. С восемнадцатого апреля хлебушка нам каждому на день дают сколько?

— Не знаю,— признался я,— мы недавно приехали.

— Пятьсот граммов дают,— продолжал речник.— Фунт с четвертью, стало быть. Буханочку берут и на четыре части режут. Чего не жить! А вот зимой с голоду помирали. Жили мы прямо в судах, отопления никакого. Холодно, промозгло. В сутки кусок блокадного хлеба да горсть крупы. Удастся ворону подстрелить, тогда праздник.

Речник достал из кармана черной шинели кусочек хлеба, откусил, принялся жевать, а остальное опять спрятал в карман.

— Тепла нет, света нет, а ремонтировать судно надо,— продолжал он.— Однажды капитан Лупин Иван Федотович, он на «Батуми» ходил, гвоздей четыре кило получил на складе. Их надо было отнести из Осиновца в Морье, где пароход стоял. Это километров семь. Понес. Прошел немного, чувствует — не донести. Закопал часть гвоздей в снег, заметил местечко. Опять пошел. Видит, и этот груз не снести. Снова отбавил. Одним словом, до трех разов отбавлял, потом ходил подбирал. А до войны кочергу в узел вязал... Понял, как ослаб человек?

Только 22 мая буксир «Гидротехник» удалось пробиться сквозь льды из Осиновца в Кобону. Но баржам нужно было ждать, пока озеро полностью очистится ото льда.

Мы с Петровым получили харчи на несколько суток вперед и по договоренности с капитаном парохода «Никулясы», с которым нас познакомил речник, перебрались на судно, чтобы не прозевать первый рейс. Вместе с «Никулясами» собиралось еще несколько судов.

Ночь накануне выхода я почти не спал. Недалеко от нас взрывали лед, опасались, что он может повредить суда. Да еще хотя мы и знали, что переход по озеру будет нелегкий, всего несколько часов, но мало ли что могло случиться. Вот-вот должны были начаться белые ночи. А в белую ночь пароходу не спрятаться. Не зря в фашистской листовке, которую я нашел на берегу, писали, что отныне даже птица не сможет пролететь через кольцо блокады. Я показал листовку тезке. Он прочитал ее, изорвал и выкинул за борт клочки, сказал:

— Честно говоря, мне ведь тоже умирать не хочется. Мне хочется дожить, когда Гитлера вешать будут... В жизни курице башку не рубил, а тут бы, понимаешь, табуретку из-под ног у него выбил и не поморщился! Ишь, мерзавец, хвалится: «Птица не сможет пролететь».

Закурил Николай Миронович, а потом сказал:

— Знаешь, всяко бывает: и у девушки муж умирает... Слушай меня и вникай. В случае чего Святухину расскажешь, что я тебе скажу.

— Да брось ты чудить! — говорю.

— Не брось, а слушай. Я старший, и твое дело подчиняться. Что, зря на нас форму надели? Значит, так. Не исключено, во время работы колонны коррозия будет выедать металл. Помнишь, я тебе когда-то рассказывал об этом?

— Помню, помню! — сказал я.

— Ну вот и ладно, коли помнишь. Слушай дальше. Раз мы задумали применить вместо колонн орудийные стволы, тогда и дальше нужно все делать, как в настоящей пушке. Нужно в ствол поместить что-то вроде снарядной гильзы, стакан металлический.

Я сказал:

— Верно. Если проржавеет, стакан в два счета сменить можно, а ствол целым останется.

— Молодец! — похвалил меня Николай Миронович. — Вот и договоримся: кто из нас в живых доберется домой, об этом расскажет Святухину.

— Ладно, — говорю.

Он ушел, а я устроился возле теплого котельного кожуха, пригрелся и задремал. Проснулся — совсем уже светло. Глянул — на озере вокруг ни льдинки и буксир идет с баржой оттуда, с западного берега. На палубе баржи женщины и дети копошатся. Подвели баржу к причалу, стали с нее сходить люди. Некоторых солдаты на носилках выносили: не могли ходить от слабости. Это были первые четыреста человек, вывезенные из Ленинграда в Кобону 28 мая 1942 года.

Не знаю, много ли их уцелело в тот день, потому что не успели закончить выгрузку, как объявили воздушную тревогу. Потом нам говорили — налетела почти сотня бомбовозов. Мы-то этого ничего не видели, наш пароход в это время шел из Кобоны в Осиневец.

На обратном пути мы тоже попали под бомбежку. Груз свой мы везли не на деревянной, как грозил начальник Управления перевозок, а на металлической барже. Это спасибо сопровождающему нас из Кронштадта моряку-артиллеристу.

— Не хватало еще утопить стволы в Ладоге, — сказал он начальнику осиневецкого порта. И как тот ни отнекивался (мол, ему важнее вывезти раненых и эвакуированных), морячок не соглашался. Да еще тут помог шкипер с той баржи Татьяна Шубина.

Я ее, правда, вначале за жену шкипера принял, еще даже пошутил: вот, мол, мужику лафа — при жене воюет. А хватъ, ошибся, была Татьяна в ту пору незамужняя и хоть юбку носила, но по ловкости и умению любому мужчине не уступит.

Уложили мы стволы на палубу баржи, для надежности морячок нам их цинковыми тросами увязал: на Ладоге, слышь, волна мелкая, да крутая.

Только мы с Николаем Мироновичем устроились, к причалу на грузовиках привезли детей. Бледные, тощие, ни крика, ни смеха. Они еле взобрались на баржу. А которых на руках внесли женщины-сандружинницы. Ну, конечно, и мы давай помогать. Так прямо возле стволов и положили рядками...

Мы тронулись в путь вечером. Вел нас на буксире пароход «Морской лев». Идти надо было по большой трассе между Осиневцем и Новой Ладогой. Оно хоть и вдвое дольше по времени, чем по малой трассе, но уж тут ничего не поделаешь, не своя воля. Да еще

нам сказали, что из Новой Ладogi можно быстрее отправить груз по железной дороге.

Оглянулся я туда, где остался город. Небо закатное, багровое, точно зарево там. И облака снизу словно подпаленные.

— Гляди,— сказал я Николаю Мироновичу,— словно горит.

— Похоже,— согласился он.— Значит, завтра день ветреный будет. Нам бы лишь эту ночь перебиться, а там в два счета до дома доберемся.

Хотел я ему возразить, не надо, мол, загадывать, не к добру это, но промолчал. Скажет: чего каркаешь?

Но и без моего карканья нехорошо получилось. Не успели мы словом перемолвиться, как вдруг из-за облака вынырнули самолеты. На буксире завывала сирена, и кто-то крикнул в рупор:

— Воздушная тревога!

Самолета было два. Они летели высоко, а поэтому сначала казалось — медленно. С «Морского льва» по ним стали бить из зенитной пушки и двух пулеметов.

— Видал, что делают? — крикнул Николай Миронович и выругался.— С двух сторон заходят, сводочи!

Гляжу — в самом деле один заходит с носа, чтобы в буксир угодить, а второй в баржу нацелился. От страха я зажмурился и думаю: ну, все! Сижу, голову втянул, жду. А взрывов все нет.

Я осмелел и открыл глаза. А тут как даст! Еще бы метров десять — и нам всем каюк. А так только водой обдало.

Я вскочил. Одежда — хоть выжми, в ушах звенит. Думаю: в трюм бежать надо. Рванулся было, а Николай Миронович дернул меня за полу и сказал:

— Прекрати! Тут же дети!

Я маленько опомнился. Действительно, взрослый здоровый дядя записывал, а изможденные детишки ничуть не паникуют. Только один из них выпростал из-под одеяла грязный кулачишко и угрозил.

Потом этот мальчишка посмотрел на меня и спросил:

— Дядя, а вы зачем пушки увозите?

Я даже не сообразил, что ему ответить, да Николай Миронович выручил.

— А ты про Мальчиша-Кибальчиша слышал? Знаешь, почему буржуины убили его? — спросил.

Мальчишка прошептал:

— Он военную тайну не выдал.

— Правильно,— похвалил Николай Миронович.— А ты хочешь, чтобы дядя военную тайну сказал?

Мальчишка помотал головой и перестал строго смотреть на меня. Я порылся в вещмешке и достал комок сахара. Пуще глаза берег, хотел в Черноречье отвезти.

— На,— говорю,— мальчик, угощайся. Бери, бери!

Мальчишка поглядел на комок и тихонечко сказал:

— Мне это много, а на всех мало. Спасибо, дядя!

Бот так так, изумился я. Мне ведь с детства внушали: дают — бери, а бьют — беги.

— Тогда давай тете отдадим,— сказал я.

Мальчишка подумал и согласился:

— Это можно.

А сандружинница тоже принялась отнекиваться: с какой стати ей? Ведь, слышь, небось у самого дети есть. Я говорю: вот, мол, хотел доброе дело сделать, а получился конфуз. Сандружинница

свое: никакой, слышь, неловкости нет, а просто кто пережил зиму в Ленинграде, знает что почем.

Пока мы препирались, ребятишки возле сгрудились. Один из них спросил Николая Мироновича:

— Дядя, вы тоже матрос?

— Нет,— ответил Николай Миронович.

Мальчишка на своем:

— Неправда ваша. Вы матрос, и этот дядя тоже.— И на меня указывает.

Мы переглянулись: в чем дело-то, мол? А сандружинница сказала, что зимой матросы приносили в детский дом горячую воду и на Новый год дали каждому по кусочку сахара. Вот поэтому дети и решили: раз угощают сахаром — значит, матросы.

— Добрые-то не только матросы бывают,— сказал я.

Но сказал не очень уверенно, потому что вспомнил, как нас в штабе флота принимали, как в порту помогали стволы грузить, и я еще тогда подумал: матросы очень на тех похожи, которых в гражданскую видел. И вовсе не из-за морской формы. Просто, видно, это уже порода такая. Как все равно одного тяти дети. Вот Николай Миронович и не служил никогда, а малец его за матроса признал, чует: с таким не пропадешь. Мне тоже приятно сделалось: выходит, и я на таких похожий.

Мимо прошла шкипер Таня и сказала:

— Не бойтесь, остров Сухо прошли, теперь налетов больше не будет.

Стволы, которые мы с Николаем Мироновичем в завод доставили, летом приспособили в дело. И вышла нам от директора завода денежная благодарность. Деньги отвалили немалые. Принес я их домой, отдаю своей дорогой супруге, она сперва обрадовалась, а потом говорит: где, слышь, держать-то их будем?

— Ну вот,— говорю,— не было печали... Положь в сундук. Недолго им лежать. В воскресенье поедем на барахолку.

— И то,— говорит Дарья,— Саше надо полботинки купить, дочери платье. Тебе какой-нибудь пиджак посмотрим. Говорят, из шинельного сукна бывают не очень дорого.

— А про себя-то забыла? — говорю. — Жакетку купить надо. Чай, всем хватит.

Гляжу, моя Дарья засияла: какой бабе не охота в обновке походить? Не больно ведь я ее баловал этим, все нехватки да недостатки, а тут такая денюга привалила.

Перекусили мы, мотыги подхватили и всей семьей к Петряевке, где у нас пять соток картошки было. Порадовались: картошка хорошая, скоро и подрывать можно будет. В четыре мотыги мы скореехонько управились и домой. Идем мимо клуба, а там громкоговоритель сводку передает. Остановились, послушали: фашистские самолеты бомбили Сталинград.

Услышал я и думаю: что же это получается? В гражданскую там кровь лили и нынче опять. Да кончится ли это когда-нибудь?

Пришли домой, говорю сыну:

— Ну-ка достань карту, давай посмотрим.

Гляжу — далеко немчура-то забралась. Карта маленькая, мы ее из учебника выдрали, от Волги до нашего Черноречья всего одна спичка.

Сашка стал километры считать, слышь, еще им через Волгу надо перебраться, а она там, поди, широкая.

— Верно,— говорю,— больше версты ширина.

И так я все это явственно представил, словно и не двадцать с лишком лет прошло. Я же в тех местах летом девятнадцатого был, хлеб пек для десантников.

Смотрю на карту — не увижу ли деревню Грязнуху, возле которой мы на якоре стояли. Жара была в ту пору на диво. Нам на воде невтерпеж, а как десанникам в этой Грязнухе? Вот они на ночевку и расположились кто где. Один моряк, Иваном Фроловым его звали, в бане устроился. И как уж получилось, не знаю, ночью деникинцы ворвались в село. Десантники отступили, а Иван остался. Его и схватили деникинцы.

Я Ивана знал. Очень он был сильный. Прямо богатырь. Однажды целое отделение с якорем билось, никак не могли на берегу из песка выдернуть. Иван подошел и говорит: «Что за канитель? А ну!» Взял якорь за кольцо, поднатужился и вывернул его. Помню, придет к нам, а мы сразу ему каравай тащим. Он все говорил: слышь, спать — так храпеть, есть — так буханку.

Вот, значит, его деникинцы и схватили сонного. Привязали к двум телегам и давай настегивать лошадей, чтобы они в разные стороны рванули. Ивана пополам разорвало. Тело так и лежало на улице, когда наши снова отбили село. Похоронили...

Вспомнил я про это и места себе не найду. Немчурато, ведь она не лучше деникинцев. За Волгу, думаю, их не пустят, но гнать обратно-то тоже далеко, сколько всего понадобится? Сижу эдак-то, прикидываю. Не заметил, как Сашка с дочерью ушли. Они летом всегда в сарае спали.

— Ты чего, отец,— спрашивает Дарья,— зубами-то скрипишь? Ложился бы.

— Вот-вот,— говорю,— у нас тут порядок, картошку окучиваем, в койках спим, а там?

— Так и нас прошлый год бомбили,— говорит жена.— В этом году не трогают, так слава богу говорить надо.

— Богу спасибо,— говорю,— это точно. В самый раз угадала. Свечку ему надо поставить.

Дарья смотрит на меня, не поймет, а я говорю:

— Жили мы без этой премии? Жили. Проживем? Проживем. А ее в фонд обороны.

Супруга моя молчит, но вижу — обиделась.

Спать стала укладываться. Я ей говорю:

— Помнишь, из Ленинграда кусок сахара привез? Хотел мальчишке отдать, а он не взял. Одному, слышь, много, а на всех мало. Вот и смекай.

— Ах вот ты какой,— говорит Дарья.— Чужим-то, выходит, страдаешь, а о своих детях я одна думать должна? — И в слезы.

— Пстой,— говорю,— чего ты сырость развела?

— Нечего мне стоять,— говорит супруга.— Черт, чай, с твоей премией-то. Неси, отдавай! Твои дети-то босяками ходят. Не видишь, дочь — невеста? Приданое надо. Чай, война-то не все время будет. Соображать надо.

Ну вот, думаю, опять сорок пять. Хотел как лучше, а виноватым стал. И возразить-то, главное, нечего.

Дарья видит — я молчу, еще пище расходуется.

— Целый век,— говорит,— прожил, а ума не накопил.

— Ладно,— отвечаю,— спим.

Кончилась война, первый раз за четыре года отпуск взял, передохнул месяц. К тому времени Саша женился, дочь замуж выдал, все

в заводе работаем, заработок в общий котел — чего не жить! После отмены карточек вовсе вздохнули. С жильем, правда, туго было, так целым колхозом и ютились в тех самых двух комнатныхках. Зато радостно: как пойдём на улицу или в Дом культуры, все пальцами показывают — Потаповы идут.

Хорошо-то хорошо, а вот когда скопилось на этой жилплощади нас восемь душ, когда вторую зыбку для внука пришлось повесить, не выдержал я: должны же мне квартиру дать на такую семью! Как-никак шестнадцать лет в одном только аммиачном цехе отработал. Приколол на пиджак орден и медаль, которые за выслугу лет получил, и пошел к директору завода.

Прочитал директор заявление, видит — я не вру, зря в химии орден не дают, и говорит:

— Ладно, Потапов, дам я тебе квартиру из трех комнат, только в конце сентября или в октябре.

А был я у него в июне.

— Это, — говорю, — хорошо, если бы правда.

— Дам, раз сказал, то дам!

Ну и верно, в ноябре 1950 года мы переехали в новую квартиру. Пенсию стал получать пятьдесят процентов с 1949 года, но с работы не уходил, потом 1 декабря 1956 года рассчитался, стал получать пенсию в полном размере — шестьдесят семь рублей двадцать копеек — и вот уж восьмой год не работаю. Дети — кто куда, так вот вдвоем со старухой и коротаем век, внучат пестуем.

Наших сельчан на пенсии много: Чихановых двое — Емельян да Егор, Суханов Иван, Панфилов Григорий, Савинов Александр, Зотеев Петр, Беспалов Павел, Федосеев Михаил, Федосеева Ефросинья.

На 7 ноября снег выпал. Думал, зима уже. Ока замерзла. Дудневские на базар с санками через нее переходили. А хватъ, обратно растаяло. Говорят, от спутников это и от атомной бомбы. А может, и нет.

На улице тепло, еще в осеннем ходят, а я что-то зябну. И похудел больно шибко, говорит жена.

ВАДИМ СИКОРСКИЙ

ЛИРИКА

ДРУГУ.

Светлый миг вот-вот попался —
солнце, синева... Но вдруг
ускользает из-под пальцев,
юркий, из-под самых рук.

В тучи небо вновь одето...
Памятью — пусть мгла кругом —
ты накрыл мгновенье это,
словно бабочку сачком,

к белому листу пришилил
мыслью острой, как игла.
В черный час, а не при штиле,
чтоб в душе распалась мгла,

глянь на лист: воскреснет вера,
с будущим вдруг свяжет нить.
Жизнь, которая мгновенна —
всю бы! — так же сохранить...

МАСШТАБЫ

Я привык к своей большой стране
ростом от Японии до Польши.
Рим? Париж? Нью-Йорк? — все тесно мне,
мне нужна страна на номер больше —

чтобы развернулась вся душа,
мощными своими рычагами
целые эпохи вороша,
чтоб земля гудела под ногами.

О Россия! Сколько б я над ней
думой ни летал быстрее света,
сколько бы ни прожил долгих дней —
есть еще неведомое где-то,

От задумчивых до грозных строк,
 вся от Маяковского до Блока
 обняла и запад и восток,
 развернулась родина далёко.

О, как много надо в мире мне,
 мне, хоть я не из числа колоссов...
 Но ведь даже в маленьком зерне
 есть все то, что надо для колосьев.

* *
 *

Ему тяжелый груз по силе —
 товарный в гору впер состав.
 И вдруг вагоны отцепили...
 А он, пыхтеть не перестав,

старается — жар так и пышет
 от непонятливых машин.
 Хоть груза за собой не слышит,
 не знает, что давно один.

Еще он весел: что-то значит
 для мира мощь его колес.
 И от ненужности не плачет
 вперед летящий паровоз.

Еще считает перегоны,
 и, по инерции спеша,
 ответственности за вагоны
 еще исполнена душа.

* *
 *

Мы одержимы будущим. Что будет?
 Хоть важно то, что и сегодня есть,
 Меня петух сегодняшней не будит —
 мне завтрашний не даст ни лечь, ни сесть.

Не ветром прошлого надут мой парус.
 Восходит солнце в завтрашний зенит.
 Железной давой нынешнюю ярость
 влечет к себе грядущего магнит.

Порой мне кажется, что даже зданья,
 что даже деревья моей страны —
 все, словно по закону мирозданья,
 чуть-чуть в грядущее наклонены.

И музыка здесь — гимн великий ждущим.
 И строй высоких дум, грозя упасть,
 в грядущее кренится, чтоб в грядущем
 грядущего вновь подчинила власть.

ЖИЗНЬ

Я ждал, как солнца в Заполярье,
как ждут прозрения слепцы.
Не ждал, как моря на поляне,
как реквиема мертвецы.

Ждал, как больной выздоровленья,
как води ждут в стенах тюрьмы.
Не ждал, как светопреставленья
не ждут безбожные умы.

* *
*

Все сияло весною звонкой.
Но над миром стряслась беда.
Дым, окопы, свинец, воронки,
в черных впадинах города...
Все ж люблю — ставлю кровью роспись —
жизнь, как любим мы до конца
изуродованные оспой,
но родные черты лица.

* *
*

Средь улиц городских сплетений
природы вынужденный пост:
геометрических растений
дисциплинированный рост.

Разит тоскою заточенья
из-за решеток всех садов...
И я, как диких птиц, растенья
из сада выпустить готов.

Мне хочется, как клетку с птицей,
из дома взять горшок с цветком
на волю, где весна лучится,
где корни — в поле — босиком...

Цветок насытится не хилой,
по трубам загнанной водой,
а чистой родниковой силой,
непреходяще-молодой.

* *
*

Мать живет вовсю, а малый —
как зверек. Его житье —
век охотиться за мамой,
за вниманием ее.

Он выслеживает нежность
материнских теплых рук,
а по вечерам прилежно
ловит двери каждый стук.

Он сидит, как терпеливый
птицелов, прокравшись в сад,
чтоб поймать ее счастливый,
но летящий мимо взгляд.

* *
*

И я прошел дорогой стародавней
с тяжелой ношей, взятой у отца.
Где памятник тебе, мое страданье,
не золотой — из тяжкого свинца?

Мне не нужна случайная награда.
Я был счастливым. Но когда уйду,
пускай моя затерянная радость
прибавит небу хоть одну звезду.

ЕВДОКИЯ МУХИНА

ВОСЕМЬ САНТИМЕТРОВ*

Из воспоминаний радистки-разведчицы

Впервые за всю мою военную службу в штабе от меня потребовали письменного отчета. Я была измучена, рука дрожала, к тому же с той поры, как училась в школе, больших сочинений писать не приходилось. Ловлю себя на слове «сочинение». В школе оно вовсе не означает вранье. А тут мне все время казалось, что события в моей голове путаются — никак не удавалось вспомнить, что было сперва и что потом. Увидев, что я начала писать все подробности, начсвязи приказал ограничиться самым главным. Я спросила, какие сведения из госпиталя, удалось ли спасти руку Коле Рыжику, на что получила ответ, что наш товарищ умер от заражения крови. Казалось бы, какой уж там отчет, неужели, получив такую горестную весть, я могу заниматься писаниной?

— Давай, Евдокимова, давай, — сказал начсвязи, выходя из комнаты. — Через двадцать минут все должно быть готово.

— А где майор Зубр? — спросила я. — Нам бы с ним вместе писать...

Начсвязи сердито посмотрел:

— Ты что! Каждый пишет о своем и своему начальству. Твое дело — связь. Дай объяснение, как протекали сеансы, каковы были помехи, в каком состоянии был передатчик, быстро ли откликнулся на позывные штабной оператор. И последнее — по чьему указанию бросила рацию, за которую ты несешь такую же ответственность, как и за оружие.

А я, узнав о смерти Рыжика, разрыдалась, обильно потекли слезы, дрожали плечи, лист бумаги, который мне дал начсвязи, намок. Хорошо еще пришла Даша Федоренко. Увидев, в каком я состоянии, она взяла новый лист, быстро заполнила крупными буквами и сказала:

— Вот здесь подпишись — и пошли.

— Дай хоть прочитать.

— Читай, если хочешь. На все вопросы есть ответы. Ты же ночью рассказывала... Идем, идем, тебе полагается отдых...

И правда, моя подружка в две минуты составила полный отчет обо всем, что требовалось по форме. Начсвязи остался доволен.

— Вот чинуша, — сказала я, когда мы в обнимку с Дашей отправились к берегу моря.

— Дурная, — ответила мне Даша. — Чинуша бы придирался и держал тебя три часа. А наш начальник хороший парень, знает дело,

* Окончание. Начало см. «Новый мир», 1972, №№ 11, 12; №№ 10, 11 с. г.

знает, что мы ревы, любим переживать. Вот и завел порядок: отпишись и выкатывайся. У него много точек, и за каждую он в ответе. Тот погиб, тот искалечился; еще хуже, если пропал без вести: что писать — неизвестно. А пока не напишешь отчет, новую рацию не дадут.— Даша крепко выругалась.— Вот ты не нашла Сашку Зайцева — этого я тебе не прощу... Ладно, ладно, не куксись. Лучше слушай меня: на тебе лица нет, снова стала тощей, и руки дрожат. Плохо, плохо привыкаешь к войне. Конечно, это ужас. Когда погибает такой красавец, как Генка Цыган, особенно если к тебе неравнодушен. Зато жив и здравствует Аверкий. По моим сведениям, не позже чем через неделю его отзовут из Тамани: кончается его практикантский срок...

— Что ты плетешь, Дашка? Какой практикантский срок? В Тамани пока еще фашисты...

...Удивительно нежная весна стояла в Сочи. Нам с Дашей как только вернувшись с задания разрешалось одеваться почти что не по форме: юбка, гимнастерка; мы даже береты не носили, ходили с прическами, как гражданские. Самое приятное — на ногах белые носки и тапочки. Существовал негласный приказ — пусть два-три дня отдыхают ноги. Очень заботились о ногах. Действительно, если вскоре опять выбрасываться, снова десятки километров по каменистым тропкам, а ноги у всех без исключения измучены.

Я начала было о том, какая нежная весна стояла в Сочи. Трава — сама мягкость, на деревьях молоденькая листва, клумбы, хоть они и заброшены, покрываются цветами. Солнце, ветерок, тихое море. В этом отношении наши условия на фронтовые несколько не походили. Кругом переоборудованные под госпитали дома отдыха, санатории, красивые городские здания. Но мы уюта не любили и чуть что — уходили на пляж освежить душу. Редко что напомним войну. Разве что буксир протянет баржу или пробежит, оставляя короткий след, бойкий катер. Иногда, конечно, являлись самолеты, как наши, так и немецкие.

...Мы уселись с Дашей на плоском камне, и я ее спросила, о каком таком практикантском сроке она ведет разговор. Моя подружка долго не отвечала — смотрела снисходительно. Я стала ее теребить и вот что услышала:

— Твой Аверкий, знаешь, с кем? Тебе и в голову не придет. Он ведь первый раз полетел за линию фронта. А в Тамани тот самый старик Тимофей, с которым ты практиковалась.

У меня вскипела душа:

— Как это я практиковалась? Это было подлинное задание, каждую минуту могла попасть в лапы.

— Ну и что? Нам никто не объявляет, а все-таки сперва дают вторую роль. И настоящая разведка, и в то же время проходишь вроде проверки. Разве не правильно?

Тут только до меня дошло, что когда Аверкий через Клаву послал мне привет, рядом с ним находился мой старый товарищ, а вернее сказать — второй отец. Значит, живет и действует. Я так обрадовалась, что забыла об Аверкии, которого знала всего-то три дня.

Даша это заметила и говорит:

— Я так, например, думала, что ты своего Верку любишь до беспамятства, а тебе хоть он есть, хоть его нет...

Разве я могла предполагать, что у Даши имеются свои планы. Она меня разжигала, чтобы я загорелась увидеть любимого. Удивительно — откуда могла узнать, я ведь ей не признавалась. Мне и признаваться было некогда. Помните, за день до моего возвращения из Геленджика Аверкий полетел в одну сторону, Даша в другую.

Спрашиваю:

— Неужели насчет меня говорил?

Даша смеется:

— Эх ты! Тебя видно было с той самой лекции. Как он глянет — румянишься, будто яблочко. Я ж прирожденная разведчица — проникаю на три метра вглубь. Могу не только замечать, но и предвидеть.

— Ну и что ты предвидишь?

— То, что он прилетит и вы еще сильнее будете любить друг друга и потом вместе отправитесь к партизанам... А сейчас тебе важно оттянуть срок под любым предлогом...

Я не могла понять, какой такой срок надо тянуть. От Даши не добилась. Она мне стала рассказывать, что летала с полковником Стариновым и с вновь прибывшим армейским капитаном Чепигой.

— Он очень симпатичный, решительный и боевой...

— У тебя все мужчины от двадцати до сорока симпатичные, — рассмеялась я.

Дашу невозможно смутить:

— Да, я считаю, что советские офицеры на девяносто процентов симпатичные.

— А женатые? А рядовые?

— Женатые тем более. Любого рядового я доведу до офицера. Ладно, шучу, не обращай внимания. У меня мечта — поскорее встретиться с Сашкой Зайцевым. Верю, что жив, хотя от Еремейчика определенного ответа нет.

И тут мне Даша рассказала, что радиосвязь с Еремейчиком гвердая — он соединился с группой партизанского отряда...

Душой я почему-то сопротивлялась разговору обо всем, что напоминало нашу крымскую операцию. Говорю:

— Дашенька, погоди. Помнишь, начала о Старинове и Чепиге? Куда ты с ними летала, если не секрет?

— Теперь не секрет. Мы три раза вылетали. Ты еще находилась в Сочи, а мы небольшой группой вылетали под Темрюк. Поднимемся из Адлера — погода. Туда прилетим — сплошной туман, выбрасываться невозможно.

Я вспоминаю:

— И в Крыму был туман.

Даша пригорюнилась:

— Хуже нет. Лучше бы сперва посылали на разведку погоды скоростной истребитель, а тогда уж подымались бы мы. Но истребителей на это дело не дают... Так вот, слушай. Еремейчик соединился с частью отряда Куликовского. От основных партизанских сил их отрезали фрицы. Завтра или в крайнем случае послезавтра... Нет, это пока секрет, а я узнала...

— Что ты узнала?

Даша прильнула ко мне, заглянула в глаза:

— Подруженька, расскажи о Зубре. Какой он? Хороший командир, хороший товарищ? С ним легко или тяжело? Сильно переживает? За неудачи на бойцах не отыгрывается?

Я начинаю тревожиться:

— В чем дело? Говори прямо. Наш десант считают неудачным? Майором и мною недовольны?

Даша стала серьезной:

— Сейчас в штабе идет совещание насчет второго, более крупного десанта в тот самый пункт, где были вы. Конечно, бывает невезение — дождь, туман и так далее... Я проходила и в открытое окно слышала, как твой майор кричал: «Я не прошу скидок и усталости не чувствую! Пусть во главе полетит кто другой — разведку берего-

вой подземной крепости беру на себя! Радистке необходим отдых — я отдыхать отказываюсь»,

Я вскочила:

— Сейчас же пойду к начштаба. Мне отдыха тоже не надо. Я там была, и никто другой лучше меня не сможет... Майор думает: если мала ростом и собой невидная...

Даша меня еле догнала.

— Ты что! Я ж не имела права слышать... Начсвязи видел сейчас, что ты ревела, — значит, нервы не годятся.

— При чем тут нервы, если жалко хороших ребят. Секретов от таких, как ты и я, быть не может. Идем в штаб, будем проситься лететь вместе. Ты в группе Еремейчика и вместе с ним в отряд, а я потребую от Зубра — пусть скажет, чем я слабей его. Если ты настоящая подруга, должна понять мой принцип.

— А как же Аверкий?

— Он меня первый станет презирать, если узнает, что из-за него манкирую.

— Но ты понимаешь, двух девушек в одной группе не пошлют. Тем более вторым радистом уже назначен Женька Харин...

Я уперлась ей в глаза и твердо произношу:

— Тогда знай: полетишь, только если откажут мне!

...Начальника штаба я не нашла. Побежала к подполковнику Северскому. Ворвалась в кабинет:

— Конечно, если товарищ Зубр считает меня плохой радисткой, останусь отдыхать, но и во мне есть гордость.

Майор Зубр сидел тут же. У него на лице было все отражено, весь разговор с начальством, все переживания от неудачи. А в глазах его читалась решимость. Не знаю, отдыхал ли он этой ночью. Судя по синим отекам, покоя не имел ни минуты. За одно мгновение я оценила прошлый наш вылет с его командирской точки зрения. Догадалась о мыслях, о душевных муках и упрямстве, которое засело в нем колом. Вспомнила все и не нашла, за что его упрекнуть. Чуть-чуть сердилась за то, что хвалил свою дочку, а меня называл пичужкой. Но ведь я, согласно моему прозвищу, Чижик.

Я на него бросила взгляд, показывающий готовность снова и снова вместе с ним все пережить.

Он меня понял и сказал:

— Я думал, наш Чижик устал и лететь не может. А смотри-ка, смотри — глаза горят... Пиши, товарищ подполковник, сержанта Евдокимову в приказ. Лучшего помощника не найду.

* * *

Сперва предполагалось, что во главе второй группы в район Семи Колодезей вылетит капитан Чепига — тот самый, который вместе с полковником Стариновым и моей подругой Дашей Федоренко пытался совершить выброску диверсионной группы под Темрюк. Об этом я узнала позднее, когда мы под командованием Чепиги выехали в Москву. Я бы не стала в связи с нашим вторым десантом вспоминать Чепигу, но случилось так, что в тот день меня с ним познакомила Даша. Я была в плохом настроении и очень сердилась на свою опротивевшую. Мы ругались с Дашкой. Это было на улице возле гостиницы «Сочи», где расположился штаб. На «козлике» подъехала группа командиров. Я заметила высокого бровастого майора с насупленным взглядом и назвала его про себя мрачным. Он меня вроде бы и не видел, однако я догадалась, что умеет с одного взгляда понять человека. И действительно — стрельнул из-под бровей и отвернулся. А в эту же минуту выскочил из машины капитан — живой, быстрый,

с виду ласковый. Он со всего размаху ударил по ладони Дашу Федоренко и сразу же спросил:

— Это кто? Подружка?.. Неужели Чижик? Будем знакомы — я Чепига. Даша о тебе уши прожужжала...

Он мне пожал руку, и я сразу почувствовала: вот командир собранный, сильный душой, умеющий за себя постоять, а главное — любящий людей.

Конечно, я теперь говорю так, а в то время вряд ли могла точными словами выразить свое отношение к человеку. Однако уже кое-что соображала, оценивала с пристрастием и достаточной осторожностью.

Чепига ушел, и все остальные ушли, а мы с Дашей принялись доругиваться.

Из того, что я написала раньше, получается, что Даша всем сердцем рвалась отыскать в Крыму Сашку Зайцева, которого уже давно полюбила... Увидев, как я побежала в штаб требовать, чтобы радисткой к Зубру снова назначили меня, она разозлилась. А когда я вышла из штаба и сказала, что уже включена в приказ, Дашка меня чуть не избилла.

— Теперь дела не исправишь, но зачем пороть горячку? Встретилась с Зубром? Поняла, какой он? Мы с тобой рядовые бойцы, но ведь не слепые кроты, правда? Он измучен, и ты измучена. Разве можно через день после таких потрясений лететь снова? Оспаривать решение штаба и больших командиров у нас с тобой права нет, а если пойдем скандалить, нам же и влетит. Я сегодня рано утром говорила с Зубром. Он после бессонной ночи стоял на балконе, я подошла к нему просто как девушка, а не как боец: «Не переживайте, товарищ майор!» Зубр на меня ласково посмотрел и говорит: «Вот такая, как ты, у меня дочка. Большая, сильная». Я ему в ответ: «Всю ночь сидели с Чижиком, и она мне рассказала: виноваты дождь и туман, а вы тут совершенно ни при чем». Не знаю, как мне позволил, но его утешала, а он слушал, думал. Вдруг говорит: «Нам бы с Чижиком остаться, переждать туман и засечь эту проклятую крепость. Почему я вылетел, почему не оспорил приказ?.. Но Чижик — она такая маленькая, носик заострился, а без радистки мне там делать было нечего...»

На эти слова я сильно обиделась. Получалось, что вина за неудачу на мне. Перебиваю Дашу:

— Ты спрашивала, какой он командир, какой человек. В самые тяжелые минуты вспоминает свою дочку. Пусть бы в душе вспоминал, а не вслух, и зачем сравнивать. Его дочка учится, а мы воюем. Но я не на это обижаюсь. Как можно по внешности определять, способен ли боец выдержать?! И ты с ним согласилась, что если у меня носик заострился, надо уже считать обессилевшей, считать, что потеряла комсомольский дух? Лучшая моя подруга, как ты могла? И все из-за Сашки Зайцева? Но ведь он-то на тебя ноль внимания, даже не замечал. О чем ты размышляла? Предложила, значит, со вторым десантом лететь вместо меня?

Она снисходительно посмотрела:

— При чем тут Сашка? Ты хоть соображай: он, если и жив, находится у партизан, а в группу, которая пойдет на помощь Еремейчику и партизанам, радистом заранее назначен Женька Харин. Я просилась вместо тебя с Зубром. И по одному тому, что во мне много физических сил, а ты шкелетик: хотела дать тебе отдохнуть... Нет, ты и этого не понимаешь и никогда не поймешь.

Я невольно рассмеялась:

— Не шкелетик, а скелетик. — С этими словами я ее обняла, а

потом сказала: — Спасибо тебе, признаю твои чувства. Но имей в виду — в скелетике тоже может жить комсомольский дух... Говоришь, что лететь хотела не из-за Сашки, а зачем меня ловила на том, что прилетит с задания Аверкий? Выходит, ты способна бороться с любовью, а я нет...

Наш спор еще долго длился. Мы ходили рядом плечо к плечу и дышали весной. Мы были искренними подругами и чувствовали, что не существует ничего сильнее воинской дружбы.

* * *

Вернусь назад.

Пока наша группа была в разведке, Крымский штаб партизанского движения пополнился новыми людьми. Северо-Кавказский фронт откомандировал к нам опытных десантников — разведчиков и саперов. В течение последних суток Еремейчик настойчиво просил по радио о помощи. Он, как уже я говорила, соединился с партизанскими разведчиками; их теснили немцы, им не хватало патронов, плохо было с питанием. К тому же у нашего старшины открылась старая рана, он терял силы, и никто из бойцов не умел пользоваться рацией. Положение стало критическим.

Позднее я узнала — майору Зубру и это поставили в вину: зачем, дескать, взял помощником человека, не долечившегося после ранения? Как я могла об этом узнать? Даша Федоренко всюду имела друзей. Она мне рассказала.

И вот было принято решение: не откладывая вылетать новому десанту. Предполагалось, что командиром группы будет капитан Чепига, но в последнюю минуту назначили того высокого бровастого дядьку, которого я определила как мрачного. Трудно поверить, но у него было именно это прозвище, и он им гордился. Мрачный раньше воевал в Крыму, знал районы Феодосии, Керчи, Семи Колодезей. Воинское звание у него было морское — капитан третьего ранга... Больше ничего о нем не знаю и не помню. Приказ определял, что в вылетающем десанте две самостоятельные группы. Первая, под командованием Мрачного, числом в восемнадцать бойцов (два пулеметчика, шесть саперов-минеров, один радист, один фельдшер и восемь рядовых парашютистов-автоматчиков), выбрасывается в предгорье западнее Семи Колодезей для совместных действий с ранее вылетевшим старшиной Еремейчиком и местными партизанами. Второй группе, во главе с майором Зубром и его помощником сержантом-радистом Евдокимовой и приданным им охранением из трех парашютистов-автоматчиков, предписывалось сразу же после приземления отделиться для выполнения самостоятельного задания разведывательного характера. В приказе не говорилось, что именно мы должны делать, но майор Зубр получил исчерпывающие инструкции.

На этот раз в нашей десантной команде лично мне были известны только три человека: майор Зубр, радист Женька Харин, с которым я когда-то действовала в районе Моздока, и мой товарищ по разведшколе Володька Бушуй. Его готовили на связиста, но при огромной физической силе он не мог долго работать ключом — рука отказывала. Теперь он числился просто бойцом-разведчиком. Я была рада, что его влили в группу Зубра. Все остальные, как и сам командир группы Мрачный, были из тех, кого нам прислал на подмогу штаб Северо-Кавказского фронта.

Вылет был назначен на два часа ночи. Погода стояла отменная — чистое звездное небо, свежий, сухой, бодрящий ветерок: главное, нам объявили, что на востоке Крымского полуострова тоже сухо, дождя и тумана не предвидится. Было очень приятно узнать, что вы-

брасываемся на партизанские костры. Тут дело не только в том, что летчик имеет безошибочный ориентир. Если партизаны, а в данном случае вместе с ними и группа Еремейчика, безбоязненно выкладывают костры в форме буквы «т», значит, немцев вблизи нет.

Я уже говорила — с бойцами не знакомилась. После того как сказал напутственную речь Булатов и нам позволили немного размяться, майор Зубр подвел меня к бойцам нашего охранения. Володька Бушуй мне был известен, а два других (по прозвищу, а может, и по фамилии — Сагарда и Виллой) были как братья-близнецы. Оба белобрысые и сильно курносые. При этом держались надменно — глядели сверху вниз. Я им пожала руку и резко отвернулась: пусть понимают, что я все-таки сержант и помощник командира. Вообще мне было не до них. Прислушивалась к себе, следила, чтобы не выдать усталости и нервного напряжения. Раньше никогда никому не говорила, а теперь, по прошествии стольких лет, могу сказать правду. Мне кричать хотелось и драться. Головой понимала, что бой нам не нужен, может только повредить и сорвать задание, но злость против немцев, убивших Генку Цыгана и Колю Рыжика, добралась во мне до самого горла и там кипела...

Мне в этот раз очень нравился майор Зубр. Он держался, как на параде, к начальнику штаба прощаться подошел чеканным шагом и на его улыбку не ответил. Как я это увидела и заметила при слабом свете звезд и синих ламп? У меня в эту ночь зрение было кошачье. Вот именно так я эту ночь помню... Меня иногда спрашивают: было ли какое-нибудь предчувствие и бывает ли у разведчиков? Вообще предчувствия, особенно дурные, я считаю — ерунда. И разведчик их должен гнать от себя, как шелудивых собак. Предчувствие превращает осторожность в трусость и навеивает паникерство. Сколько я устных рассказов слышала и сколько читала в книгах — везде и всюду получается, что предчувствие означает твою неуверенность. А без уверенности в себе разведчику лучше никуда не соваться.

Мне после этой выброски Володька Бушуй говорил, что, только поднявшись в самолет, уже знал, что напоремся на засаду. И он, я это видела сама, когда еще только выпрыгивал, уже держал свой автомат прижатым к плечу, готовый сейчас же начать стрельбу. Я выпрыгнула вслед за ним как замыкающая нашей второй группы. Иначе сказать — я выпрыгивала последней.

Происходило что-то ужасное. Но ведь и вся война — дело ужасное.

В первый раз, когда мы выбрасывались, я удивилась тишине. Тогда мы прыгали в черную бездну. Теперь бездна была огненной. Пламенели высокие костры, и от них, как искры, в нашу сторону, то есть на шестисотметровую высоту, веером подымались горящие строчки. Это были траассирующие пули. Красиво до невозможности. Стук мотора нашего самолета уже утонул вдали, но отчетливо было слышно: та-та-та, та-та-та. Я была нагружена не так тяжело, как в прошлый раз. Уже было понятно, что нас расстреливают, но при том, что я летела по воздуху легко и ветер меня нес, обещая долгое снижение, никак не удавалось приладить к плечу автомат. Пули визжали у самого уха и дырявили мой парашют. Внезапно я увидела метрах в пятнадцати от костров изрыгающий синие молнии задранный ствол пулемета. И лицо увидела — глаза фрица. Тут же выдернула кольцо гранаты, но не сразу бросила, замешкалась. Она взорвалась прямо над головой пулеметчика, я услышала вопль. Волна от взрыва ударила в купол парашюта, приподняла меня, и я все летела и летела; когда коснулась земли и упала на бок, не стала тянуть нижние стро-

пы, не стала гасить парашют и позволила ветру тащить меня дальше. Неужели соображала? Неужели в этом состоянии могла что-то понимать? В таких вот случаях возникают сверхскоростные мысли. Убраться из зоны огня, найти свое дерево, обрезать стропы, залечь, не обнаруживать себя, не стрелять впустую.

Слева от меня шел бой. Мрачный кричал:

— Зубр! Отходи со своими, отходи, не вмешивайся!

Когда я наконец стала собирать мысли и понимать окружающее, сразу же радостно заскакала сердце от сознания, что уничтожила пулеметчика, угрохала первого своего фрица. Это было ликование, хотелось кричать и хвастаться, я почувствовала прилив сил. Снял парашют и комбинезон, стала искать подходящее место для маскировки, но тут же сообразила: заниматься на ветру парашютом, ловить его и комкать значит попусту тратить время. Мы ведь обнаружены. При первом же сильном порыве ветра я отпустила парашют, и он улетел от меня. Залегла с автоматом и стала ждать.

Вся картина в мозгу уже сложилась: немцы пришли на костры и превосходящими силами отогнали, а может, и уничтожили Еремейчика с его ребятами и с партизанами, которые были с ним. Еще секунду спустя я услышала, что заработал наш «дегтярь». Все чаще рвались гранаты, гремело русское «ура», немцы ругались и стонали, снова Мрачный кричал, чтобы мы отходили, но моя злобная мечта в тот момент была такой: пусть враг пойдет на меня кучно, чтобы я могла перед смертью убить побольше. Однако бой уходил в гору, куда-то за костры, а в кустарнике раздалось уханье филина: нас сзывал командир группы, и я сразу вскочила; минуты не прошло — мы собрались все пятеро. Зубр только и сказал: «За мной!» — и пошел напролом через кустарник.

Как и было условлено, я топала сразу за ним, а наше охранение чуть позади.

Мы пока шли — молчали. Привал сделали минут через сорок. Зубр приказал связаться со штабом, и я молниеносно развернула рацию. Оператор ждал моих позывных, связь наладилась сразу. Оказалось, Еремейчик давно сообщил, что немцы пришли на костры. Штаб мог отменить высадку десанта, но старшина также передал, что силы преследующих не превышают взвода. И в штабе решили, что можно рискнуть. Майор Зубр диктовал, а я шифровала и передавала:

— Высадка прошла удачно. Есть раненые, есть убитые, но основная группа соединилась с Еремейчиком, нанеся тяжелый урон противнику. Бой начали с воздуха. Подавили две пулеметных точки, одну из которых уничтожила гранатой радистка Евдокимова...

Меня захлестнула гордость, но я не подала виду и продолжала передавать все, что говорил майор Зубр. Сообщила, что погода нам благоприятствует, что до наблюдательного пункта, к которому мы должны выйти, по нашим расчетам, километров сорок. По пути радируем.

До самого рассвета мы шли. Нашу группу немцы не преследовали. С наступлением утра мы оказались в сухой каменистой лощине, по которой бежало множество ручейков. В кизиловом кустарнике было легко прятаться, и майор, выставив в охранение Володьку Бушуя, всем остальным велел зарыться в прошлогоднюю листву и во что бы то ни стало уснуть.

Через два часа, в 9.00 согласно расписанию, я должна была держать связь со штабом. Меня никто не будил. Хотя и была переутомлена, проснулась за пятнадцать минут до начала сеанса. Володька Бушуй доложил мне как помощнику командира обо всем, что произошло за два часа нашего сна. Он сидел за большим валуном и в 7 ча-

сов 30 минут увидел, что по тропе метрах в трехстах от нашего убежища конвойные в форме эсэсовцев провели в направлении северо-востока рабочую команду, человек сто, с кирками, кайлами, лопатами. Конвойные были вооружены автоматами, имели при себе собак.

— Почему же ты нас не разбудил? — спросила я Бушуя.

— Зачем? Они прошли, и все. А если б я стал шевелиться сам и шевелить вас...

Он недоговорил и прижал палец к губам. Мы залегли и увидели, как быстрым шагом прошли метрах в пятидесяти от нас несколько немецких офицеров. Они возбужденно о чем-то говорили.

— Давай пустим их в расход.

Он уже прижал к плечу автомат, но я закрыла ему глаза рукой, а когда фрицы скрылись, выругала как следует и сразу же разбудила майора.

Узнав, что Бушуй своей опрометчивостью чуть нас не выдал, майор ему всыпал побольше, чем я. Оглядевшись, он сказал, что надо отсюда поскорее сматываться, но вдруг задумался и стал прислушиваться.

— Слушайте и вы! — приказал он нам.

Издали доносились голоса, крики, удары железа по камню. Где-то неподалеку велись какие-то работы. Возможно, строили автодорогу. Откуда, куда? — вот вопрос. Майор сверился с картой, посмотрел на компас, вздохнул:

— Жаль, жаль, что мы не можем этим заняться. Присмотрись, Чижик, тут вся местность изрезана скальными уступами... Ладно, бежим вниз, вон в тот лесок. Там, кажется, спокойнее.

Расположившись в лесном овражке, мы наскоро перекусили. Я связалась со штабом, передала свои координаты, передала радиogramму о непонятном строительстве и получила приказ задержаться всей группой, в течение дня провести тщательную разведку, а вечером доложить все, что узнаем. Однако нам категорически предписывалось за ночь совершить бросок и к следующему утру обязательно выйти к тем двум соснам, где мы были в прошлый раз. Кроме того, в штабе беспокоились о судьбе Женьки Харина. К Еремейчику он не попал, хотя в бою и участвовал. Неужели погиб? Это очень осложняло дело. Группа Мрачного — Еремейчика оставалась без радиста. Старшина чувствовал себя настолько плохо, что только ценой невероятных усилий провел последний радиосеанс. Он уже и ходить не мог — его несли. Надо было что-то предпринимать. Мы разошлись с первой группой никак не меньше чем на тридцать километров.

Майор озабоченно ходил, думал. Потом подозвал Сагарду и Вилюя, велел им, оставив в леске вещмешки и автоматы, пойти на разведку строительства.

— Видите каменистую высотку, заросшую можжевельником? Оттуда все должно просматриваться. Возьмите-ка мой бинокль.

Парни тут же и ушли, а мы остались втроем. Майор говорит Бушую:

— Вот что, хлопец. Ты сегодня сильно провинился...

— Так точно, провинился, постараюсь исправиться.

— Не в том дело. Боюсь, как бы не повторил.

— Этого не будет.

— Значит, не повторишь... Ты ведь когда-то учился на радиста, верно? Не совсем еще забыл?

— На «северке» работать могу, но только медленно.

Тогда майор рассказал ему, как тяжело сложились дела в группе Мрачного.

— По азимуту ходить умеешь?

— Сто раз ходил.

— Задача — мышкой проскользнуть мимо этих строителей, найти след наших ребят и дуть на полный ход, догнать обязательно...

Я еще не остыла после утреннего случая, злилась на Бушуя. Говорю майору:

— Товарищ Зубр, пошлите лучше меня. Надо ведь не только пройти и догнать, надо жить остаться. А наш Володька любит пошуметь.

Бушуй покосился на меня:

— Заткнись, мелочь!

Майор побледнел от бешенства:

— Боец Бушуй! (Володька встал навытяжку.) Извинитесь перед сержантом Евдокимовой, сейчас же. Какой вы разведчик, где ваша выдержанность!

Володька переломил себя, говорит:

— Прости, Чижик. Покипели, и ладно. Лучше проверь меня на своем «северке», смогу ли работать.

Я проверила. Медведь в цирке быстрее бы работал. Но я видела — Бушуй не симулирует. Он весь взмок от старательности. Ему бы не радиоключом, а молотом постукивать. Передавал хорошо, технику знал. Конечно, лучше такой радист, чем никакого...

Перед уходом Бушуй меня расцеловал.

— Еще раз прости, что обозвал мелочью. Ты хорошая деваха, это все знают.

Майор похлопал его по плечу, а потом расчувствовался и обнял:

— Я в тебя верю, Бушуй!

Володька ушел светлым днем один черт знает куда. А что было делать, надо — и пошел...

Часа через два возвратились Сагарда с Вилюем. По их словам получалась какая-то ерундовина. Немцы согнали в пустынную каменистую местность кучу народа. Там и крестьяне и военнопленные. Что-то строят, но что — понять невозможно. Ни о какой дороге речи быть не может. Группы работают на каменистых плоских уступах на разной высоте. Ни одного грузовика, никаких механизмов, лопата да кирка. На лошадах и осликах тропами вьюком доставляют фанеру, свертки брезента и рубероида, доски и слезги. Где-то корчуют кустарник, укладывают длинными скирдами, а сверху затягивают брезентом, где-то ставят что-то вроде барачков без стен и торопятся покрыть фанерой и толем, где-то красят прямо по голой скале...

Все это было очень загадочно. Сколько мы ни ломали головы, ни до чего додуматься не могли.

Майор хотел было сам ползти на ту высотку, откуда смотрели Сагарда с Вилюем, да вдруг как хлопнет себя по лбу:

— Все понятно. Отдыхайте, ребята. Пусть чуть стемнеет, отправимся на свой пункт назначения к двум соснам.— Он даже развеселился. Говорит:— Эх вы, липовые разведчики. Думайте сами — ничего вам не скажу.

Только вечером, когда я держала связь со штабом, командир передал такую радиограмму: «Северо-восточнее Семи Колодезей, в квадрате таком-то, противник возводит в пустынной скальной местности ложные объекты для отвлечения нашей бомбардировочной авиации».

— Точно,— сказали Сагарда с Вилюем.— Именно так. Декорации. Здорово вы их разгадали, товарищ майор. Это ж надо!

В штабе были довольны тем, что майор выяснил, чем занимаются на горных уступах фрицы, и тем, что он послал вдогонку первой группе Владимира Бушуя. Еремейчик пропустил уже два сеанса связи, значит, дела его плохи.

* * *

Я в Крыму не бывала. Знала его по рассказам людей, видела на цветных открытках дворцы и парки. Помнила по школьным урокам, что, как и у нас на Кавказе, есть там горы, леса, сады, виноградники... Я в Крыму так и не побывала, не удалось туда съездить — за всю жизнь не осуществила эту свою мечту.

Как же не побывала, если сражалась в Крыму против фашистов? Дважды вылетала в разведку — только и всего..

Камни, глина, сосняк, кизилковый кустарник, колючий можжевельник и длинные иглы шиповника, красные его ягоды с ворсистыми семенами... Я с детских лет набивала карманы крупными ягодами, могла их на ходу, не глядя разламывать, выбрасывать ногтем семена, а кисленькую сочную кожурку с наслаждением жевать. С голодухи я даже насытиться могла шиповником.

Шиповник растет везде — и под Нальчиком, и в Крыму, и на Украине, и в Польше, да и в срединной России. Только на Севере ягоды против южных помельче — мякоти мало.

Что это я о шиповнике, с какой такой стати вспомнила?

Наверно, потому вспомнила о нем и заговорила, что Крым я иначе как через колючки и занозы чувствовать не могу. И еще всем телом помню длинные сухие плети мартовских виноградников. Как мы вслепую пробирались сквозь них, как спотыкались и падали, и ругаться было нельзя — разве что тихим шепотом.

Крым меня встречал камнями, крутыми уступами, туманами, пылью взрывов. А все ж таки эту землю я всем сердцем чувствовала своей, родной.

Может быть, это лишние слова в моих воспоминаниях? Нет, лишними признать не хочу. Надо ж понимать не только руками, ногами и пузом, на котором ползала, надо и душой понимать. Душа моя в Крыму до краев была наполнена злостью. Хуже всего злилась не от царапин и ушибов, не от безмерной усталости, не от голода и жажды — хуже всего душа кипела от безрезультатности.

И майор Зубр болел тем же: неужели опять без толку, впустую, зря?..

...В ту ночь, когда мы шли на свой старый наблюдательный пункт к двум соснам на краю обрыва, нам северо-восточный ветер дул в спину. Мы от него страшное дело как мерзли, зато высохла земля — глина на виноградниках под ногой не проваливалась. Разорвались тучи, и звезды хоть немного освещали нам путь. Виноградники попадались часто, и где-то за ними мерещились дома. А может, хаты или сакли — не знаю, как они в том районе именовались и жил ли в них хоть кто-нибудь. Время от времени раздавались выстрелы. То взлетала невесть откуда ракета, то строчил пугливый автомат. Не боевая стрельба, а так — от тоски, от страха. Нам люди не встречались, и мы их не хотели бы встретить — ни чужих, ни своих. Майор Зубр на коротком привале сказал:

— Эх, ребята, только бы нам не опоздать!

Командир один понимал, что говорит, остальным до поры знать не полагалось. А я, хоть и считалась его помощницей, тоже пока ходила в остальных. Пусть бы даже не говорил. Видно было, как он торопится, усталый, измученный, по нашим меркам пожилой человек. Ему было под сорок. Сагарда и Виллой между собой иначе как стариком его не называли. Полковые разведчики, они бы от души обрадовались отправиться на поимку языка, единственно в этом видели подвиг и удачу, еще не понимали, что есть для нас истинная удача. Майор Зубр догадался об их мыслях и сказал:

— И не вздумайте! Нам язык ни к чему.

Сагарда с Вилюем за это его посчитали трусом.

Мы тропами ходить избегали, а продираясь сквозь кустарник, сильно шумели... Когда-то под Нальчиком я тоже продиралась меж зарослями кизила, но тогда была одна. Пройду немного и остановлюсь, прислушаюсь, не ломится ли кто по моему следу. Вчетвером ходить ночью очень тревожно — каждый шумит. Допустим, я остановлюсь послушать, а ведь другие трое идут. Думаешь — вдруг не они, вдруг чужой приноровился за нами. Переключку делать невозможно и перегукиваться тоже... Меня это беспокоило. Но вот после четырехчасового похода, когда мы приблизились к опасной зоне, майор Зубр нас собрал для такого указания:

— Сейчас опять начнется обширный кустарник. Дальше пойдем так: я впереди, а вы за мной гуськом. Далеко не отрываться... Но в этих проклятых колдобинах дистанцию выдерживать не всегда удастся. Поэтому через определенный промежуток нужно, чтобы все разом остановились. Тогда будет ясно — шум, треснувшая ветка не от нас, а от чужого. Как останавливаться одновременно? Можно в уме отсчитать секунды. Шестьдесят секунд прошло — стоп, молчи, не шевелись и знай: из своих никто не шевелится. Как отмерять секунды? У вас у всех есть светящиеся часы. На них смотреть — это получится комедия, мы все зароемся носом. Я предлагаю петть в уме «Молодую гвардию». Как песня кончается — остановка. Возражения есть?

Я говорю:

— Но ведь вы, товарищ майор, не очень молодой. Может, лучше «Интернационал»?

На этом согласились. Устроили короткую спевку, чтобы все четверо взяли один ритм. Хоть пели шепотом, получилось хорошо. Потом пели молча. В голове звучит музыка революционного марша, и мы идем. Вперед, все вперед. Приходилось сбегать по круче и подыматься, а все равно нас держал в ритме партийный гимн. Как только песня кончалась, останавливались и прислушивались. И снова шли, и снова пели. Но только про себя, только в уме.

Вскоре вышли к долгому пустынному полю. Не виноградник и не пахотная земля, а скорей всего пастбище. Майор велел лечь и отдыхать пятнадцать минут. Ни о чем не думать, смотреть звезды и этим успокаиваться. Так мы лежали, прижавшись друг к другу, и каждый старался не уснуть. Ровно через пятнадцать минут командир нас поднял.

— Имейте в виду — поле заминировано. Идите точно по моему следу.

— Чтобы всем взорваться вместе? — спросил Сагарда.

— Нет, не за этим. Просто я знаю, в каком порядке немцы ставят мины. Немцы без системы не могут...

Майор Зубр провел нас через поле сложным зигзагом. Удачно прошли. А я подумала, что если бы взорвались — действительно лучше всем вместе.

Мы вышли в редкий молодой сосняк, за которым начался можжевеловый кустарник. По нему пришлось ползти и через каждые десять минут останавливаться.

Уже светлело небо, близка была наша цель. Я готова была молиться, чтобы не прилетела сорока.

* * *

В серовато-голубых утренних сумерках обозначалась двойная крона сосны. Она была мне как родная. Ее ветер трепал и клонил, я видела ее упорство и вспомнила, как майор Зубр в прошлый раз мне сказал: «Это мы с тобой раздвоенное дерево». Он лежал со мной

рядом, я слышала его дыхание, а Сагарда с Вилюем, хоть и лежали позади нас не дальше чем в метре, дышали бесшумно, и я их не понимала, не чувствовала. Они мне были чужеродны, хотя и свои русские молодые ребята. У них разведочная природа была другой, я их побаивалась: вдруг придумают что-нибудь опрометчивое.

Все мы хотели спать, все мы хотели есть, но еще больше хотели закончить дело. Это нас объединяло. Но пока что один лишь майор Зубр точно знал, что нужно делать дальше.

Ветер нас морозил, и мы охоченели.

Майор смотрел в бинокль. А что было смотреть? Ясно было, что это наша площадка, с которой мы взлетали. С нами в тот раз был Коля Рыжик, мы его обмывали и берегли, а он потом умер в госпитале. Он своим прыжком на плечи Зубру спас ему жизнь, а сам в конце концов погиб. Я очень хорошо помнила его золотые зубы.

Мы лежим, у меня мысли путаются, я коченею и обмороженными губами шепчу майору:

— Товарищ командир, на той стороне площадки лежат в кустах наши вещмешки и моя рация...

Он смотрит в бинокль и тихим голосом спрашивает:

— Ну и что?

Я не знаю, что отвечать, и говорю:

— Военное имущество.

Майор в ответ почему-то смеется. Солнце подымается в небо. Все кругом становится красным. Майор шепчет:

— Ко мне поближе, голова к голове. Смотрите, кто-то ползет.

На каменистую площадку, на ту самую, с которой мы три дня назад взлетели, подымаются со стороны виноградников два немецких солдата в зеленых шинелях. Уже достаточно светло, чтобы видеть их сытые красные морды. Они в шапках. Раньше им шапки не полагались, но холод заставил подражать русским. Уши на шапках опущены и аккуратно подвязаны. Я думала — за ними подымутся и другие солдаты. Нет, только двое.

— Посмотри в бинокль,— шепчет мне майор.

Я говорю:

— Мне и так хорошо видно. Дайте ребятам, пусть посмотрят.

Сагарда с Вилюем посмотрели по очереди.

— Пила и топор,— говорит Сагарда.

Действительно, один немец, среднего роста, нес на плече двуручную пилу. Другой, низенький и толстенький, держал в руке топор. Кроме того, у каждого автомат.

Солнце подымается выше, и утро бледнеет. Ветер дует все такой же сильный.

— Вот задача,— говорит майор Зубр,— нам надо спуститься и выйти на кромку обрыва, а эти двое нам мешают.

Сагарда и Вилюю вскинули автоматы.

— Отставить! — командует майор.— Наблюдайте, что они станут делать.

Немцы старались продвигаться спиной к ветру. Оба как по команде подняли воротники шинелей. Нас четверо, у нас автоматы, пистолеты, гранаты, а немцев всего двое. У нас имеются и финки — можем подкрасться и тихую прирезать. Они оба посторонние всей природе, это не их земля и не их солнце. Они даже идти не могут, пятятся против ветра.

— Ребята,— говорит майор,— их трогать нельзя, просто невозможно... Чижик,— обращается он ко мне, и я вижу, какие синие у него губы,— способна ты в этих условиях развернуть рацию?

— Будет сделано!

Связь со штабом мгновенная — меня ждали. Принимаю радиogramму: «Четыре катера вышли и через час будут в ваших водах. Наблюдают за морем!»

Я ничего не поняла, доложила майору Зубру. Он мне говорит:

— Порядок!

Потом подманил Сагарду и Вилюя, стал нам объяснять задачу:

— Где-то за виноградниками обширные карстовые пещеры. В них замаскированы немецкие противодесантные орудия. Не менее пятнадцати батарей. Иначе говоря — подземная крепость. Обнаружить ее до сих пор не удалось. Бойцы Сагарда и Вилюй! Вы будете нас защищать. А мы с Чижиком должны засесть огонь немецких батарей. В эти воды вышли наши корабли. Как только они приблизятся, фашисты, боясь морского десанта, откроют стрельбу и обнаружат себя. Мы нанесем на карту и вызовем авиацию... Кому что не ясно?

— Плохой обзор,— говорит Сагарда.

— Виден только крохотный кусочек моря,— говорит Вилюй.

Майор продолжает шептать:

— Необходимо выйти на кромку обрыва, ради этого мы сюда шли.

Он нам пока не приказывает ничего, мы должны сами соображать. Лежим и дрожим от холода и напряжения. Тем временем два немецких солдата спокойно подходят к сосне и прилаживаются ее пилить.

Командир говорит:

— Сосны были ориентиром, здесь садился наш самолет, эта площадка — и наблюдательный и сборный пункт. Немцы наверняка видели, как мы с Чижиком здесь приняли самолет и отсюда взлетели — вот и додумались послать солдат спилить деревья.

Я дополняю слова командира:

— Не деревья, а дерево. Раздвоенное.

Майор Зубр меня поправляет:

— Два сросшихся дерева.

Сагарда и Вилюй слезно просят:

— Позвольте, товарищ командир, мы этих фрицев тихо возьмем. Мы их вам доставим.

Майор злится:

— Опять не поняли! — Он объясняет, что этого делать нельзя. — Если там, внизу, в крепости, увидят, что сосны не свалены, это будет означать, что солдатам кто-то помешал, ориентир остался. Сюда пришлют целый взвод, а нам бой не нужен, нам нужно вызвать бомбардировщики и все это гнездо уничтожить...

Два фрица, два плохих солдата, лениво пилят сосну, еле движутся. Они пилят на высоте груди. Я, девчонка, и то понимаю — не работа, а халтура. Мне жалко, что гибнет красота, что исчезает наш ориентир, мне противно смотреть, как два нескладных фрица еле-еле шевелятся. У них пила гнется, они пилить не умеют.

Время идет. Двадцать минут, полчаса. Вилюй круто матерится и говорит:

— Нам бы с Сагардой эту пилу! Пойдем, что ли, поможем...

Смешно, а смеяться не хочется. Скоро все сохнем от холода. Но вот сосна кренится, вот она падает, и я начинаю плакать. Мужчины смотрят: с чего вдруг слезы?

Немцы по очереди рубят топором сучья. Складывают в кучу, разжигают огромный костер. Им все можно. Небось сигнализируют своим командирам, что работа сделана. Минут десять они греются у

костра, потом бросают все и бегут вниз. Им, видно, подали какой-то сигнал. Майор ждет минуту, другую.

— Айда, ребята, к костру!

Это был живительный костер, неожиданное разведочное счастье. Красавица сосна ценой жизни обогрела нас, приютила и накормила. Как могла накормить? Очень просто — впервые за двое суток мы разогрели консервы и вскипятили воду в красноармейском котелке. Дым от хвои, высокий и густой, прятал нас от немцев. Когда поели, майор Зубр приказал мне лечь с ним рядом на край обрыва, приладить рацию и связаться со штабом. Сагарда и Вилюй по его указанию нашли в можжевельнике и притащили мой старый «северок» и три вещмешка. В них было шесть банок консервов, сухари, запасные диски для автоматов.

— Прикрывайте нас, ребята. Следите, чтобы ни снизу, ни сверху никто не мог к нам с Чижиком приблизиться.

* * *

Оператор передал, что на мои позывные может откликнуться «морской охотник». Майор Зубр объяснил, что так называется наш быстроходный катер... Море было темно-зеленым, пенились барашки высоких волн. До самого горизонта бурное море, и больше ничего. Отогревшись у костра, я теперь то и дело чихала. На каждый мой чих, отрывая глаза от бинокля, поворачивался командир. Наконец сказал с раздражением:

— Неужели вас не учили? Сильно прижмите пальцем верхнюю губу под носом — чих прекратится.

Меня перестало удивлять, что Зубр, как и другие командиры, говорит «ты» или «вы» в зависимости от настроения. Мне больше нравилось «ты». «Вы» отчуждало и вроде бы наказывало. По совету Зубра я нажала верхнюю губу, но это не помогло. Я чихала не громче кошки. И все-таки боялась: вдруг привлеку внимание немцев. Конечно, это ерунда — свистит ветер, шуршат можжевельниковые кусты, мой чих в сравнении с этим шумом ничтожен.

Штаб передал, что катера появятся в наших водах через час; прошло уже полтора, а в море по-прежнему ничего не видно. Опять выхожу в эфир:

— Я «Чижик», я «Чижик», я «Чижик»!

На своей волне слышу отклик:

— Я «Толстяк», я «Толстяк». Смотрите катера не с востока, а с запада. Сообщите ориентиры участка наблюдений, в каком месте нам приблизиться. Двух сосен не видим. Я «Толстяк», перехожу на прием.

Майор ничуть не удивился:

— Катера сделали круг по открытому морю. Ты понимаешь? Нарочно заходят с запада — оттуда немцы наших кораблей не ждут.

Он беглым шагом перешел к правой части обрыва и приказал мне вместе с моим «северком» следовать за ним. Сагарде и Вилюю велел повысить внимание.

Я вышла в эфир, но были сильные помехи. Связь с Толстяком стала затруднительной. Все-таки до меня донеслось:

— Я «Толстяк», я «Толстяк», ждем ориентиры. Видимость прекрасная, сосен на кромке берега нигде нет.

Майор приказал передать, что сосны спилены, пусть ориентируются по кошаре. Но я возразила:

— Развалины кошары и кромка берега издали должны сливаться...

Майор все время наблюдал за морем и вдруг закричал:

— Вижу наш катер! Морской разведчик с красным флагом!

Кричу майору:

— Ориентир! Какой нашим катерам дать ориентир?

Моя рука на ключе сильно мерзла, это мешало работать. Но когда перешли на другую сторону, чувствую — холод стал меньше.

Говорю:

— Кажется, ветер ослаб, товарищ Зубр.

— Ослаб? Ну и что?

— Прикажите Сагарде и Вилюю рубить можжевельник и бросать в костер. Дыму будет много. Я передам, что наш ориентир — черный дым костра.

— Рубите можжевельник! — приказал майор нашему охранению.

— К нам ползут по склону, — докладывает Сагарда.

— Пусть Вилюй рубит можжевельник и бросает в костер, а ты, Сагарда, когда немцы приблизятся, открывай точный прицельный огонь.

Можжевельник не хотел разгораться и от этого еще сильнее дымил. Я передала Толстяку, что наш ориентир — черный дым костра; восточнее крутизны, с которой мы ведем наблюдение, отлогий берег, где-то на нем или за ним фашистская крепость.

Проклятый ветер, хоть и стал слабее, гнул столб дыма, и я боялась, что впередсмотрящий не обнаружит его с катера.

— Видим дым! — передал мне Толстяк.

Корабли стали подходить все ближе. Откуда-то из-под земли ударил залп тяжелых орудий.

Корабли приближались, и залпы участились.

— Следи, откуда стреляют, — торопливо приказал майор. — Я ношу на карту. От берега не ближе двухсот метров. Верно?

— Точно! — подтверждаю я.

Фашисты открыли бешеный огонь. Мы слышали свист снарядов и видели, как фонтанами поднимается вода возле наших катеров.

Майор Зубр кричит:

— Передай Толстяку — пусть уходят! Все в порядке. Расположение подземных батарей я нанес на карту.

Скрываясь в шлейфе дымовой завесы, наши юркие катера исчезли в открытом море.

От внезапно наступившей тишины звенело в ушах. Только теперь мы услышали стрельбу наших автоматчиков Сагарды и Вилюя.

Цепочка немцев нехотя по-пластунски взбиралась по косогору.

Майор закончил чертить, заложил чертеж в планшет и кинул мне. Потом заорал, забыв от волнения свою интеллигентность:

— Хватай рацию, огибай площадку, прячься в верхнем кустарнике, немедля докладывай штабу квадрат крепости!

Он залег за камнем и принялся отстреливаться от нападающих фашистов. Я видела, как один за другим скатывались убитые и раненые фрицы.

— Не смотри, уходи! — кричал майор, а я не могла преодолеть оцепенения.

Рослый немецкий солдат выбрался из можжевельника и побежал ко мне, растопырив руки и улыбаясь от радости, что поймал радистку. Я выстрелила по нему в упор из пистолета. Он завыл и покатился вниз.

Выполняя приказ, я, наклонившись, обогнула площадку, спрятавшись в кустах и, развернув рацию, передала в штаб в соответствии с чертежом майора точные координаты подземных батарей. Предупредила, что сосны больше нет — спилена.

— Значит, осталась одна? — запросили из штаба.

— Раздвоенного дерева больше нет, — сообщила я. — Квадрат для бомбометания справа от обрыва, в двухстах метрах от берега. Вам понятно?

— Понятно, понятно. Уходите выше, дальше! На бомбежку вылетает эскадрилья «ПЕ-два». Позывные флагманского стрелка-радиста — «Ветер». Ему даны и ваши позывные...

Оторвавшись от рации, я увидела, что Сагарда и Виллой ведут под руки майора Зубра.

— Пустите, я сам! — кричал командир и пытался от них вырваться. По лицу его лилась кровь.

— Ложитесь, все ложитесь! — закричал Сагарда, и майор вместе с нами бросился на землю.

Человек пятнадцать немцев метались по площадке, стреляя из автоматов во все стороны. Какой-то унтер затапывал и разбрасывал огонь костра. Трое фрицев с радостным гиканьем пинали ногами наши старые вещмешки. Найдя мой прежний «северок» и забыв об опасности, они принялись его разглядывать. Открыв огонь из автоматов, мы с Сагардой и Виллоем расстреляли четырех солдат, заставив остальных залечь.

Майор приказал нам ползти выше и прекратить стрельбу. У него была разорвана шапка — тяжелая струя черной крови заливала правый глаз.

— Товарищ Зубр, вы ранены?

Это был глупый вопрос, но сам собой вырвался.

— Ничего такого... Слушайте меня... Чижик, не лезь с перевязкой!.. Слушайте меня: за кромкой высокого берега почти отвесный спуск к морю. Внизу крупные камни. Туда, только туда! Пройдем по воде — нас не отыщут собаки...

Бросив своих раненых, немцы поползли в нашу сторону, но мы повернули по кустарнику к крутизне и, сцепившись руками, полезли с сорокаметровой высоты. Сперва нам везло. Хватаясь за корни, мы быстро спускались. Вдруг Виллой поскользнулся, и мы посыпались в море. Никто не расшибся, но все поцарапались и порвались. Нам удалось спрятаться за большим черным камнем. Мы стояли по пояс в воде, нас заливали волны. У майора все сильнее бежала по щеке кровь.

Глядя одним глазом, он осматривался кругом.

— За мной! — услышали мы команду.

Майор повел нас к скальному выступу, и мы все четверо, сжавшись в комок, уселись под ним. Сверху мы были не видны, нас могли обнаружить только со стороны моря. С нас обильно текла вода, мы еле сдерживали дрожь.

Было слышно, как немцы бегают по краю обрыва и что-то кричат. Минут через десять воцарилась тишина. Обследовав берег, Сагарда нашел глубокую сухую выемку.

— Чижик, смотри, — сказал майор. — Вот что такое карстовая пещера. Эта для артиллерии не годится. Тут тесно. А там, где расположились вражеские батареи... там, надо полагать, и высоко и широко. Видела, какой мощный залп...

— Товарищ командир, вы все говорите и говорите, скиньте шапку, дайте осмотреть рану...

— Назад! — Он был не в себе, глаза горели. — Моя рана не убежит, проверь рацию, проверь питание!

Хорошо, что я застегнула футляры — рация и батареи действовали, шкала осветилась. Закрепив антенну на сухой лозе какого-то ползучего растения, я больше получаса вызывала штаб.

Командир снял шапку и окунул голову и лицо в ледяную морскую воду. Помывшись, он вырвал из рук Сагарды бинт и принялся сам себя перевязывать. Кровь теперь текла медленно.

— Смотрите, чтобы не внести заражение! — крикнула я.

— Виллой! — подозвал к себе бойца охранения командир. — Заслони меня от этой дурехи. А вы, Евдокимова, ищите связь и в другие дела не суйтесь.

Сагарда закричал:

— Вижу в небе эскадрилью «петляковых», над ними «яки». Ур-ра!

— Не ори! — прервал его майор Зубр. — Чего разорался? Отодвинься, дай смотреть! Чижик, лезь в пещеру, береги себя и рацию!

Гул самолетов нарастал, они были видны отчетливо. Я надела наушники и сразу услышала позывные стрелка-радиста:

— Я «Ветер», я «Ветер», нахожусь над целью...

Отвечаю:

— Я «Чижик». Вас вижу. Цель правее обрыва, в двухстах метрах вглубь от берега...

Торопливо и яростно залаяли зенитные орудия, и сразу же начали взрываться наши бомбы. Тряслась земля. С обрыва сыпались в море огромные камни. Трое моих товарищей на четвереньках вернулись в пещеру, с них потоками бежала вода. Майор Зубр, утирая окровавленное лицо шапкой, орал:

— Забились, как крысы в нору. Ничего не видим, не знаем. Сагарда! Ищи обход для подъема!..

Снова загрелись взрывы и затряслась земля. Виллой сказал:

— Отбомбилось второе звено, сейчас пойдет третье...

Сагарда ушел по узкой прибрежной полоске, мимо него сыпались камни. Он вернулся минут через пять и сказал, что нашел место, по которому можно подняться.

И снова мы услышали вой пикирующих бомбардировщиков, а потом тяжелый грохот взрывов.

— «Пешечки», милые «пешечки», — любовно произнес майор.

Я думала, он бредит. Только потом узнала, что «пешечками» он называет наши «ПЕ-2».

Не знаю, откуда взялись силы. Минут через двадцать мы вскарабкались на крутой берег и оказались на той самой площадке, где вели бой. Ни одного живого немца тут не было.

— То-то же! — воскликнул майор и с размаху сел на землю. — Перевязывай меня, Чижик, теперь перевязывай.

Все лицо и вся шея у него были в крови.

Сагарда закричал:

— Наши заходят на новый круг!

Майор скомандовал:

— Ложись за камни! Чижик, лови волну!

Я ничего не успела. Увидела взрыв огромной мощи и сразу же открыла рот. Так меня учили. И правда, открывать рот помогает — не так глохнешь.

Майор с восторгом в голос кричал:

— Бомба попала в склад снарядов! Лежите плотно, зарывайтесь в землю!

Наши самолеты улетели, а взрывы не прекращались. От возникшего пожара взрывались один за другим склады снарядов. В небо поднялась черная гуча.

Когда наконец наступила тишина, майор сказал:

— Я вас поздравляю, ребята!

Он кричал, а мы его еле слышали. Голова у него была окровавлена, волосы слиплись, правая сторона лица покрылась темной коркой. И все-таки он видел, соображал, радовался. Я промыла ему голову тремя флягами воды, только тогда майор Зубр стал похож на самого себя. Рана была поверхностной. Пуля содрала кожу, черепа не задела. И все же крови наш командир потерял немало.

Солнце не грело, с моря несло холодом. Нигде не видно было ни одного немца. В том месте, где, по нашим расчетам, располагалась крепость, лежала черная громада камней. В бинокль можно было разглядеть обломки орудий и разбросанные тела солдат. Если кто и остался жив, все попрятались.

Я тщательно перевязала голову майора, но шапку его не нашла. Мы все были насквозь мокрые, нам было неприятно шевелиться.

Вдруг командир говорит:

— Давайте разожжем костер — была не была! Пусть только полезут, мы их угостим.

Пока разжигали огонь, я связалась со штабом и доложила обстановку. На той же волне объявился радист морского разведчика:

— Я «Толстяк», я «Толстяк», вижу дым...

На этот раз четверка наших катеров приблизилась чуть ли не к самому берегу. Из развалин крепости раздался залп, но не повторился. Один залп двух или трех орудий. Ждала, ждала — из крепости больше не стреляли.

Я слышала, как Толстяк докладывал штабу о результатах авиационной бомбежки. Потом из штаба вызвали меня и передали Зубру и всей его группе благодарность командования. Сообщили также, что с наступлением темноты за нами вылетит пара самолетов «У-2».

Я стала докладывать майору, а он вроде бы не слышал — смотрел и не реагировал. Закрыв глаза и повалился на бок, но тут же и вскочил. Я снова доложила, а он снова повалился и опять вскочил — как ванька-встанька. Было жутко: не иначе он падал от слабости и потери крови. Смотрю — и Сагарда с Вилюем, хоть и не раненные, обняв свои автоматы, легли в тепле костра на землю. Уснули, как младенцы. Не поели, не попили, им ничего не было нужно — спать, спать, спать.

А я была полна энергии. При том, что все тело было измучено, избито, исцарапано, я жила подъемом души, неведомым напряжением. Вот и майор спит, слышен его храп. Мне стало не по себе — на всем каменном пространстве бодрствую я одна. Согрелась, обсохла, чего-то жду. Мои товарищи спят. Уже завалилось солнце, темнело. Я решила промяться — пошла гулять по площадке. То есть по той самой полянке, куда в прошлый раз прилетал за нами самолет. Во мне возникли воспоминания — нелепая смерть сильного и красивого Цыгана, исчезновение двух наших товарищей, мучения Рыжика. Все было мимолетно, главное же мое чувство заключалось в том, что в этой каменной пустыне я одинока. Хожу ногами, чувствую землю, а что это такое — не понимаю... Хожу, хожу и вдруг вижу то, что давно бы пора увидеть, — площадка усыпана камнями. Большими и маленькими, крупными и средними осколками. Откуда? Вот штука. Скорее всего когда был большой взрыв, сюда просыпался камнепад. Мы были тут же и не заметили — все четверо не обратили внимания. Неужели так сильно оглохли?.. Как могло получиться, что нас не задело? Мне стало очень страшно: выходит, камни могли убить, а мы даже не обратили внимания. Все спят, некому сказать. Я стала бормотать, чтобы проверить, слышу ли себя. Рассмеялась — ведь только что работала на рации, а потом говорила с майором. Значит, глухота была мимолетной. При том, что была почти ненормальной, хватило

сообразительности понять: самолет сюда сесть не может, обязательно разобьется. Что же делать? Что же нам делать? У нас ведь не хватит сил до ночи расчистить площадку. Тут не только камни, тут еще валяются убитые фрицы. Я насчитала девять трупов. Потом прилежно взялась снимать с них автоматы и перетаскивать к нашему полупотухшему костру... Пробовала будить Сагарду с Вилюем. Они от меня отмахивались. Тогда я взялась за майора Зубра. Не открывая глаз, он сказал: «Женечка, Женя» — и улыбнулся.

Я поняла: он не меня так называет, а видит во сне любимую дочку. Думаю: ладно, если такой хороший сон, пусть спит. Прикрыла его плащ-палаткой, а сама взялась отстукивать ключом:

— Я «Чижик», я «Чижик», я «Чижик».

В это время передавали вечернюю сводку Совинформбюро. На Кубани наши войска заняли несколько населенных пунктов. При взятии районного центра Красноармейская истребили свыше четырехсот гитлеровцев, захватили триста пятнадцать автомашин... Думаю: Кубань рядом, рукой подать. Идут, значит, бои на подступах к Крыму. Там бьют немцев, и мы бьем... Меня охватила гордость. Ловлю себя на том, что улыбаюсь. Стала еще прилежнее выстукивать:

— Я «Чижик», я «Чижик», я «Чижик»...

...Уже совсем стемнело, когда я добилась связи с оператором штаба. Слава богу, самолеты за нами еще не вылетели. Мне пообещали, что будут искать способа нас вызволить. Еще через полчаса мне сообщили, что действующая неподалеку от Феодосийского залива подводная лодка к 21 часу подойдет к нашему берегу. Сигналы: две красные и одна зеленая ракеты.

Я стала будить Сагарду с Вилюем:

— Эй вы, курносые, просыпайтесь!

Трудно поверить, но я оставалась бодрой. Откуда только брались силы. Не иначе во мне жил дух победы. Сагарда с Вилюем еле продрали глаза, смотрели хмуро. Но как увидели, что я улыбаюсь, вскочили и давай отряхиваться от грязи.

...Майор Зубр еле поднялся.

— Чертовски трещит голова, ребята.

Осторожно поддерживая командира под руки, мы стали спускаться к виноградникам, которые лежали между крепостью и морем. Где-то в полной тьме выла собака. В одном месте я споткнулась обо что-то мягкое. Посветила фонариком: труп фашистского унтера. Хотела и с него снять автомат, но махнула рукой. Мы и без того тащили четыре своих и шесть немецких.

— Бросайте их, ребята,— сказал майор.

А я говорю:

— Жалко, товарищ Зубр.

Тут со стороны моря полетели ракеты — две красные и одна зеленая. Мы ответили тем же. Спускаемся к тихому морю. Я только сейчас заметила, что ветра нет и море почти гладкое; слышны далекие голоса, русская речь. Меня от волнения стал бить озноб, лязгаю зубами. Майор Зубр тянет меня к себе и безмолвно показывает на воду. Что он видел, не знаю. Я услышала всплеск весел. Кто-то мигнул фонариком. Я тоже мигнула. Вскоре что-то зашуршало по гравию. Я поняла — подошла резиновая лодка. Двое выпрыгнули в воду и, громко чавкая сапогами, пошли куда-то в сторону.

— Где-то здесь,— сказал один.— Ведь мы плыли прямо на сигналы.

Второй простуженным голосом ответил:

— А ну свистни тихонько...

Майор Зубр, смеясь, говорит:

— Эй, товарищ, можешь во всю удаль свистеть. Фрицы пока что успокоились.

Раздался пароль, а я забыла отклик. Мне по рации сообщили, а у меня из головы вылетело: ни пароль, ни отклик записывать не полагается.

Голос из темноты повторил:

— Сильный ветер...

Это был пароль, а отклик я так вспомнить и не могла.

Майор говорит:

— Ребята, кто ж из русских тут может быть, кроме нас?

— Руки вверх! — заорал голос из темноты.

Тут я вспомнила отклик:

— И вода холодная.

Тогда все стали обниматься. Потом долго грузили немецкие автоматы и все наше имущество. Мою рацию отнял у меня какой-то матрос. Мы еле вскарабкались. Я уселась прямо на дно и чувствовала, как внизу бьется живая морская волна. Матросы дружно взялись за весла. Мы плыли долго, не меньше получаса. Вся моя бодрость куда-то пропала, и я уткнулась в колени не то Сагарде, не то Вилюю. Но вот и подводная лодка. Мы поднимаемся по сходням, спускаемся в тускло освещенный железный квадрат. Пахнет карболкой и чем-то еще. Я падаю на чьи-то руки, иду коридором, слышу шум моторов. Потом меня заставили снять сапоги и бушлат, куда-то уложили... Не знаю, сколько прошло времени. Когда стали будить, я ругалась и отбивалась руками и ногами...

...Мы прибыли в Геленджик, на ту самую пристань, откуда я уплывала на барже. Вот и опять стоит нефтеналивная посудина. Екнуло сердце...

Часа два околачивались в Геленджике, потом за нами пришла машина. В распоряжение своего штаба мы прибыли к ужину. Ребята нас встретили шумно и радостно. Хлопая по плечу товарища, Сагарда кричит:

— Вот мы, Петька, и дома!

— Да, Митя, живы! Кто мог думать, что будем ужинать и вообще вернемся.

— Ах вы черти! — кричу я. — Выдали военную тайну. Значит, ты Петя, а ты Митя?

— Э, Чижик! Теперь и ты не Чижик, а какая-нибудь Маша или Паша, — шутят они.

Им что. Они полковые разведчики, прозвища им дали на один вылет.

— Нет, — говорю. — Я Женя Чижик навсегда!

— Ну уж и навсегда. Война-то ведь идет к концу...

Я тяжело вздохнула.

* * *

Когда я проснулась, в комнате никого не было, снаружи по стеклу потоком лила вода, я сунула руку под подушку, чтобы посмотреть на часы; они стояли. Если б меня спросили, как себя чувствую, сравнила бы себя не со скелетиком, а с мокрой тряпкой. Помню, что ходила в баню, но сил было так мало, что вымылась кое-как. Теперь надо бы снова помыться, но вылезать из-под одеяла не хотелось. Разведчикам, вернувшимся с задания, отсыпаться не возбранялось, начальство нас жалело. Все-таки я поднялась, но так все болело — и руки, и ноги, и спина, и шея, — что я тут же и повалилась обратно. Потом слышала сквозь сон, что кто-то возле меня стоит. Я понимала, что не девушка, а парень. Он спрашивал, я что-то отвечала. Вроде бы никого кругом не было. Вполне возможно, мои подружки нарочно

ушли. Этот мужчина или парень, не знаю кто, меня поцеловал и со мной попрощался. Вдруг до меня дошло, что голос был Аверкия. Тут я вскочила как полоумная, закричала:

— Верка, Ава!

Мне никто не откликнулся.

Хотела бежать, но была в одной рубашке... К нам на второй этаж парням заходить строжайше воспрещалось, и я подумала, что мне приснилось. Преодолевая боль во всем теле, я торопливо оделась. Все сильней лил дождь, и от этого темнело. Кучей ввалились девчонки, и первой меня стала обнимать Даша. Она меня тискала и целовала, а я ей говорила:

— Пусти, мне нужно бежать, здесь только что был Аверкий!

Этим я себя выдала перед всеми девчонками, но они и не подумали удивляться. Они меня разглядывали и жалели, что так ужасно исхудала, старались утешить, будто со мной что-то случилось; я их не понимала.

Оказалось же вот что. Действительно они тайно пропустили ко мне Аверкия, который должен был немедленно уезжать: его ждала внизу машина. Девчонки не знали, куда его направляют. На что уж Даша была проницательной и умела подладиться к начальнику связи, который ей доверял и ее уважал, на этот раз о том, куда поехал Аверкий, никто никому не сказал ни слова.

Было шесть вечера. Даша меня утащила на крыльцо. Только она взялась рассказывать, смотрим — подкатывает «виллис» и вылезает Женька Харин. Грязный, измятый, измученный. Шатаюсь от усталости, он поднимался по ступенькам и нас не замечал. Мне было совершенно непонятно, откуда он мог взяться. Ведь пропал без вести, майор Зубр послал вместо него вдогонку группе Мрачного — Еремейчика Володьку Бушуя. Конечно, я оставила Дашу и кинулась к Женьке. Стала его ощупывать, заглядывать в глаза. Он мне улыбался несчастной улыбкой и повторял: «Чижик, Чижик, Чижик», будто сам себе не верил, что видит меня.

Даша говорит:

— Пусть идет отдыхать.

А он как заорет на Дашу:

— Иди сама отдыхай, мне надо с Чижиком!

Моя подружка дернула плечом и, обиженная, ушла.

В глубине гостиничного сада стояла беседка. Мы там уединились с Женькой, и он мне торопливо рассказал:

— Я только из штаба. Там мне промыли косточки. Кажется, рассказал понятно. Со мной было вот что. Помнишь, еще над кострами в воздухе начался бой. Меня ветром унесло за кустарник, и так удачно, что я видел все. Как идет сражение и как наши насаждают на немцев. Я обрезал и скомкал парашют, больше ничего не успел. Немцы отступали в мою сторону, и я пустил в дело автомат: бил в упор. Тут кто-то швырнул гранату — не знаю, наш или фриц. Меня оглушило. Я очнулся, может быть, через час в глубокой каменной яме. Дико трещала голова и тянуло на рвоту. Кругом полная тишина. Глеют угли от костров, но возле них пусто. Мои часы остановились. Перед глазами все вертелось, меня колотил озноб. Дополз до костров, чуть согрелся и попытался наладить связь с Еремейчиком, с тобой, со штабом. Никто на мои позывные не откликался. Где-то вдали стали стрелять. Впечатление такое, будто стрельба кругом, но не приближается, а удаляется. В глазах двоится и троится. Раны на теле и на голове не было. Я понял, что контужен. Руки дрожали, может, потому позывные и не получались... Я тебе скажу одно: лучше бы убило. Контузия дает такое чувство, будто навсегда превратился в идиота. Я у

костров сидел открыто, совершенно беспечно — меня кто угодно мог бы схватить или пристрелить. Сутки, не меньше, я был на полном виду и раза два или три пытался выйти в эфир. Потом заснул, а проснувшись стал соображать и понял, что нужно уходить и стремиться вверх: только туда могли уйти Мрачный с Еремейчиком... Пойми, Чижик, я был такой, что никого не боялся, потерял осторожность, ломился через кусты, падал, подымался, шумел, как медведь. Сегодня на рассвете, когда начался дождь...

— Никакого дождя не было, — прервала его я.

— Я тебе говорю — начался дождь. Вас-то в Крыму уже не было. Сегодня на рассвете я вдруг в полном сознании получил из штаба отклик на свой позывные. Объяснил свое состояние, и мне приказали искать гладкую площадку. Сообщили, что Мрачный и Еремейчик соединились с главными силами партизан и что там нашелся Сашка Зайцев. У него кончилось питание для радики, потому-то он и не держал связь...

Я выскочила из беседки и стала кричать:

— Даша, Даша!

Женька Харин кинулся за мной:

— Зачем тебе Даша?

— Даша, Даша! — продолжала я кричать, пока она не явилась на мой крик. — Иди сюда. Сашка Зайцев нашелся, ты хоть понимаешь?

— Давно знаю...

Я даже разозлилась:

— Все-то ты знаешь... А где Бушуй? — спросила я у Даши и у Женьки Харина.

Он о Бушуйе ничего не знал, а Даша сразу ответила:

— Пропал без вести. Авось найдется. — Потом стала ругать Женьку Харина: — Как тебе не стыдно гнать меня от разговора. А я-то всем твердила: Женька не тот парень, чтобы погибнуть. Дурак ты. Я из-за тебя столько волновалась, боялась, что не пошлют самолет... Вали отдыхай, ты и сейчас контуженный, охота нам говорить с контуженным...

Теперь Женька ушел обиженный, и Даша уселась со мной в беседке и стала говорить, говорить, говорить. Ой, сколько я от нее узнала.

Узнала, что майор Зубр лежит в госпитале. Ничего особенного, но голова трещит ужасно. Узнала, что Еремейчик у партизан — жив и поправляется, а Саша Зайцев умудрился передать мне привет через оператора.

Спрашиваю:

— Дашенька, как же вы меня не добудились?

— Мы пустили Аверкия, это он не добудился. Нам сказал, что ты во сне упоминала каких-то парней — Сагарду, Вилюя, Бушуя; его ни разу не назвала. Он определенно обиделся...

— А ты не обиделась, что Саша Зайцев не тебе, а мне послал привет?

— Что толку. Все равно скоро отсюда уезжаю.

— Куда?

— За кудыкину гору. В Москву еду... Думаешь, шучу? Нисколько не шучу. Меня записали полковник Старинов и капитан Чепига.

Я не успела расспросить Дашу. Прибежали из штаба и велели идти к начальнику Школы.

* * *

Был темный вечер, и лил сплошной дождь, а я с радостью отправилась в штаб. Считала, что заслуживаю похвалы, душа нуждалась в поощрении... У двери сидели Сагарда с Вилюем — такие же исху-

давшие, как и я. Они были вялые и тоскливые, будто вернулись не с удачной операции, а с перегрузки дров. Я им улыбнулась.

Сагарда говорит:

— Ну и сильна ты, девка: после всего, чего натерпелась, способна улыбаться.

Открылась дверь, и нас пригласили. Раньше такого не бывало. В кабинете собрались все командиры: начальник Крымского штаба партизанского движения, начальник Школы, начальник связи, начальник оперативного отдела и еще человека три. Они были в новой форме и с погонами, а мы раньше погоны никогда не видели. Все было очень торжественно: командиры нас принимали стоя. Начальник Крымского штаба партизанского движения поздравил с успешной операцией и каждому пожал руку. Все офицеры нам пожали руки, а потом уселись и нас тоже усадили всех троих на диване — мы оказались в центре внимания.

Начальник штаба сказал, что принято решение представить майора Зубра и бойцов его разведгруппы к правительственной награде. Тут же он сообщил, что майор себя чувствует хорошо, не позднее чем через неделю его обещают из госпиталя выписать. Потом наступило молчание — говорить было не о чем... Мы поблагодарили и вскочили с дивана, чтобы уходить.

Все разошлись, а меня начальник штаба пригласил к себе. Мне почудилось что-то неладное. Однако начался разговор хорошо:

— Товарищ Зубр очень высокого о вас мнения. Он жалеет, что судьба вас разлучает и вам уже вряд ли удастся вместе вылетать в тыл врага...

Тут произошла заминка — я уставилась на треугольничек письма, которое лежало на столе. Бумага зеленоватая и шершавая — точно в-точь на какой мне писал мой папка.

Екнуло сердце. Я давно не имела весточки из дома. Последний раз получила месяца полтора назад. Да и сама писала не часто. Приходилось врать. Родители знали, что служу медсестрой в госпитале, они интересовались обстановкой, спрашивали, как повышаю квалификацию, научилась ли делать уколы и перевязывать, не боюсь ли крови. Им интересно было, кто мои подруги. В последнем письме папка забеспокоился — вдруг влюбилась в инвалида, и предупредил, что такое замужество случается от жалости: у нас соседка Антик Аракелова ходила в военный госпиталь читать раненым газеты и привезла домой безногого, который до войны был кузнецом, а теперь только и делает, что плачет о своей ноге. Что можно ответить на такое письмо? Я не считала, что папка прав. Хоть я и не медсестра, но случись такое с Аверкием — неужели бы от него отказалась!

...Значит, так. Стоит начальник Крымского штаба партизанского движения, смотрит на письмо, потом на меня. Он чуть улыбается, и что-то в его улыбке загадочное.

— Сержант Евдокимова, мы вас все поздравили, а я от своего имени готов еще раз поздравить. Вы уже не первый раз показываете пример личного мужества, преданности родине и высокой квалификации... А тут, понимаете, что-то не очень хорошо. Вам ведь известно, что существует военная цензура, у нас особенно строгая? Вы же по роду службы дали присягу хранить тайну. Об этом помните?

Я ответила, что помню, и начштаба продолжал:

— Обычно я личной перепиской не интересуюсь. Но вот это письмо... Кажется, от вашего отца, не так ли? Цензор отчеркнул одно место, прочитайте его, пожалуйста.

С этими словами он передал мне в руки письмо моего папки, и

я сразу же обратила внимание на отчеркнутые строчки и жирный вопросительный знак.

Вот какие были строчки:

«Доченька, твоя старшая сестра Мотя, которая еще раньше тебя вступила в ряды Красной Армии, хотя она и вполне взрослая, пока что не торопится выскакать замуж. А если б она даже и захотела пойти в загс, обязательно бы сообщила нам. Потому что так делает всякая девушка, если она уважает своих родителей. И мы бы ей перечить не стали, просто бы поздравили от всей души, поскольку нашла себе пару по любви и согласию. А что сделала ты? Только достигла совершеннолетия и сразу же втайне от нас сочелась... Может, ты не захотела по какой-то причине об этом факте писать. Так, значит, теперь ты Евдокимова? Что ж, не знаю, поздравлять тебя или как... Кто он, твой муженек, пришли хоть его фото...»

Начштаба ждал, что я скажу. Мне стало нехорошо. Дрожали руки и ноги. Говорю:

— Делайте что хотите — я не виновата. Спросите начальника связи — он вам подтвердит. Я ему все докладывала. По вине оператора штаба я села не на моторный баркас, а на баржу, где оказался знакомый парень, который когда-то ухаживал за Мотей. Он меня узнал, а поскольку был обросший, я его не признала и назвалась, как и положено по службе, Евдокимовой. Тогда матрос вошел в амбицию, на меня разозлился. Скорей всего оказалось так, что, встретившись в Батуми с моей сестрой, взял ее на пушку: твоя, мол, сестренка вышла замуж и стала Евдокимовой... В тот день, когда я вернулась с практики, меня тут же назначили радистом-разведчиком в распоряжение майора Зубра, а потом выбросили в Крым. И еще раз выбросили. Неужели по одному тому, что меня признал сухумский парень, наш советский моряк, меня бы не послали в разведку?

Начштаба задумчиво отвечает:

— Хорошо, у вас все обошлось благополучно... Вообще-то ничего особенного не случилось, ваше личное дело в полном порядке, болтушкой вы никогда не были... Менять псевдоним? Но вы всем известны как Жена Чижик. Вас знают, о ваших выбросках люди слышаны... Послушайте, Евдокимова, мы тут посоветовались с товарищами. А что, если послать вас в один из партизанских отрядов?.. Там ведь условия конспирации иные.

Я вспыхнула:

— Это моя мечта!

— Да... но придется переучиваться. Дело в том, что «северок» хоть и прекрасная портативная рация, в партизанских условиях то и дело подводит. Садятся аккумуляторы — и пиши пропало. Мы из-за этого потеряли связь с Александром Зайцевым, а значит, и с большим партизанским отрядом. Это дорого стоило. Погибло много людей. А вот РПО-два работает от движка и даже от ручного привода — этой рации батареи не нужны... Так вот, Чижик, принято решение послать группу радистов-разведчиков, а также и минеров, в Москву на курсы при Центральном штабе партизанского движения. Едут Евгений Харин, Дарья Федоренко и еще несколько человек. Если вы согласны...

— Согласна, согласна! — чуть только не закричала я.

Начштаба пожал мне руку и сообщил, что я буду включена в группу под командованием капитана Чепиги.

— Вы, кажется, с ним знакомы?

— Знакома, знакома...

У меня от радости перехватило дыхание. Так мне хотелось побежать и найти Дашу, сказать, что я тоже еду.

* * *

Я даже не знала, что между Сочи и Сухуми в военные годы наши саперные части пробили в горах туннели и поезда теперь могли идти напрямиком на Тбилиси, а оттуда на Баку и дальше в сторону Москвы.

Через неделю после моего разговора с начальником Крымского штаба наш эшелон тронулся в путь. На каждой большой станции мы стояли сутки, а то и больше. Когда подъехали к Гудаутам, я пошла к капитану Чепиге — попросила разрешить мне и моей подруге Даше Федоренко сбежать во время остановки в Сухуми ко мне домой повидать родных. Я была почти уверена — он мне откажет. Мы ведь по-прежнему считались разведчицами, и могло быть, что меня узнают соседи или знакомые, и опять начнется волынка. Но Чепига сам сказал: поскольку мы едем в Москву готовиться в партизанские радисты, конспирацию можно ослабить.

— Идите, девочки, но, чур, к рассвету как штык быть на месте.

Вот и родной город. Поздним вечером наш поезд медленно подходит к вокзалу. Сердце мое стучит сильнее, чем в крымских выбросках. Я соскочила на ходу, Даша за мной. Вдруг слышим, нас зовет Чепига, протягивает из окна объемистый сверток:

— Возьми, Чижик, пригодится. А теперь шагайте быстрее, одна нога здесь, другая там. Привет родным.

Мы с Дашей стучали по дороге кирзовыми сапожищами. Бушлаты пришлось скинуть — в них было жарко. Вот и знакомый мост. Тут все — каждое деревце, каждый кустик — напоминает детство. В любом доме знакомые...

На минуту остановились: у меня прервалось дыхание. Даша говорит:

— Ну теперь-то ты не скроешься — узнаю твое настоящее имя. — И вдруг как заплачет.

Я испугалась:

— Ты чего?

Сколько помню — не видела ее плачущей. Что могло случиться?

— Не обращай внимания, — говорит Даша и сквозь слезы бранится. — Проклятые нервы. Ты сейчас увидишься с родными, а я не знаю, живы ли мои: они на оккупированной территории. Ну да ладно, пошли...

Я умоляю Дашу не проговориться — не назвать меня Женей. Она в ответ:

— Вот дуреха! Ты ведь до сих пор не сказала своего настоящего имени.

Шепчу ей:

— Я Дуся, Дуся, Евдокия. Евдокия Афанасьевна Мельникова. Запоминай. Если ошибешься — повторно произойдет скандал. Мне еще придется отбрехиваться. До сих пор не знаю, что стану врать. Имей в виду — мы с тобой медсестры... Нет, что я, — мы уже фельдшерицы. Я писала, что окончила дополнительные курсы.

Подходим к дому. Отец с матерью рано ложатся. Прислушиваемся — за дверями тихо. Принохиваюсь сквозь щелку двери — съестным не пахнет, кажется, что дом нежилой. Только собралась стучать — в кустах кто-то зашевелился. Я включила фонарик, смотрю — бежит моя младшая сеструха Вера. Тогда я осветила себя, чтобы поняла, кто пришел. Кричу ей шепотом:

— Подожди обниматься... Верочка, Верусенька... Где папа и мама?

— Дома, где же.

Конечно, у меня мелькнуло подозрение, что в кустах Вера была не одна. Вот номер. Неужели провожал какой-нибудь парнишка?

Я уходила в армию — Верка считалась девчонкой... Но эти мысли так, мимолетные.

Даша стоит в стороне. Я Верку расцеловала и зажала ей рот ладонью:

— Молчок. Слушай меня. Как это получилось, что папка мне написал?.. Он мне написал с обидой, будто я вышла замуж, а ему не сообщила...

— А то нет?

— Вам Мотя написала?

— При чем тут Мотя? Я теперь в городе на курсах кройки и шитья. Иду по набережной — навстречу морячок. Оказывается, Сережка Маргелашвили. Говорит, видел тебя в военной форме и ты ему назвалась Евдокимовой Евгенией Ивановной. Спрашиваю: как так? А он делает таинственное лицо и больше ни гугу. Я рассказала папе с мамой — они решили, что ты замуж вышла.

У меня камень с души. Теперь все проще. Говорю сестренке:

— Ах, дурочка. Значит, все от тебя пошло... Ни за кого я не вышла. Понимаешь, была в Геленджике, торопилась в госпиталь к раненым. Вдруг какой-то небритый: «Дуся, Дуся!» Говорю ему: «Вы, товарищ, ошиблись, никакая я не Дуся, а Евдокимова Евгения Ивановна». С легу сочинила и сказала, чтобы не приставал. Потом-то я сообразила, что Серго, но было поздно. А он, наверное, обиделся и набодтал тебе.

Так мы перешептываемся с сестренкой. Рядом открытое окно. Вижу, белеет фигура:

— Верка, домой!.. Ты с кем? — И вдруг как закричит: — Старуха, просыпайся, зажигай лампу! Дуся, Дусенька приехала!

Чиркнув спичкой, он сам, не дожидаясь матери, запаливает лампу. Я вбегаю в дом и при тусклом свете вижу сидящую на кровати маму. Прижимаюсь к ней и целую, целую дорогое морщинистое лицо. Отец суетится по комнате — босой, в нательном белье. Я вижу его волнение, он что-то ищет, хлопает дверцами шкафчика. Не поцеловал меня, не поздоровался с Дашей. Когда отец волнуется, он быстро-быстро моргает. Вот и сейчас так: моргает и никого не видит. Я догадалась — ему хочется нас накормить, угостить, да нечем. Мы с Дашей развернули чепигинский сверток; в нем было несколько банок консервов, хлеб, сухое молоко, пакет сахара. Отец достал чайник с виноградным вином. У него оно свое, со своего виноградника. Посидели, поговорили. Отец с матерью сильно состарились, а Вера выросла и расцвела. Отец нас поставил спинами друг к другу. Оказалось, что я все-таки выше.

— Смотри-ка, мать, наша Дуся в армии на казенном харче подросла! — Потом подвел меня к дверному косяку, где у него были зарубки, отмерил плотницким метром. — Елки-палки! Это ж надо! Вытянулась на целых восемь сантиметров. Ну, ты здорова стала, Евдокия! Нет, в Евгении не годишься. Евдоха ты и есть Евдоха.

Я со смехом говорю:

— Папа, это Серго намутил. Верочка мне рассказала. А какой мой рост? Сто пятьдесят семь? Так ведь все равно я у вас останусь самой маленькой. Вера меня обязательно перерастет. Вот посмотри на подружку мою Дашеньку. Сила. Не то что я. В нашем медсестринском деле, когда приходится перетаскивать раненых, переворачивать с боку на бок... Я именно от этих физических упражнений стала чутьточку крепче. А так-то меня в госпитале называют Чижик, птичка-невеличка...

Мама смотрит, щурится. Очень она состарилась. Вот сейчас выпила домашнего вина, чуть порозовела, улыбается:

— Дусенька, ты насовсем, что ли, приехала?

— Ишь чего захотела,— говорит отец.— Разве пустят сейчас нас совсем, когда конца войны еще не видно. Далеко зашел гад. В прошлом году к нам в горы, в село Псху забрался. Очень тревожно было тогда. Фашист рвался через перевал к Сухуми. Не вышло. Турнули его с Кавказа. Дай бог, чтобы наши поскорее разгромили врага, да и войне бы конец. Хорошо, дочка, ты фельдшер, раненых лечишь, солдатские муки облегчаешь.

— Ты прав, отец. Работать нам в госпитале приходится много, но не опасно. На фронт нас не пошлют, едем в Москву, в хорошее, спокойное место.

Мать заулыбалась, вроде поверила. Который раз я говорю своим старикам неправду. Нехорошо на душе, но иначе нельзя.

Далеко за полночь легли спать.

Мы с Дашей крепко заснули, а отец и мать проговорили до самой зари о чем-то своем, тревожном.

Рано утром мы выпили чаю и побежали на вокзал. Отец пошел нас провожать. Мама осталась вся в слезах. Отец отчитывает ее, сердится:

— Ну, старая, чего заголосила? Нет чтоб дочку проводить подобру-поздорову, а ты своими причитаниями душу ей расстраиваешь. Разве будет она спокойна, когда мы ее так провожаем?

Отец уходит с Дашей вперед, размахивая руками и браня маму.

Прижавшись в последний раз к груди мамы, крепко ее целую и бегу.

Не дойдя до вокзала, я отвела папку в сторону и говорю:

— Дальше вам с Верочкой ходить не надо, будем прощаться. Там стоит военный эшелон и вас к нему не подпустят.

Папка грустно посмотрел и, обняв меня, так сказал:

— Доченька, милая, прости меня, дурака, что я сгоряча написал глупое письмо. От начальства небось попало?

— За что?

— А за то, что упомянул твое секретное имя. Я тебя вчера вечером и под утро нюхал: не пахнет от тебя госпиталем, а пахнет от тебя порохом. Понимаю отлично, кто ты есть. Понимаю и благословляю. Ты куда? С фронта на фронт?.. Вот смотрю скрюченный твой пальчик — он в изгибе почернел и приплюснулся. Это от спускового крючка... Тебя еще не ранило? Бог миловал?

Вот когда я кинулась на шею своему старичку и целовала его со слезами. А он спросил:

— Кто муж-то твой, а, товарищ Евдокимова? Небось гражданин Автомат?.. Ладно, маме и Верке ничего не скажу. Держись, Женя!

Напоследок и Даша расцеловала моего папку. Одна Вера по своей молодости не догадалась, с чего это мы перемигиваемся, как заговорщики, радостно переглядываемся, на что-то друг другу намекая.

Пора расставаться. Я смотрю на сторбленную фигуру отца. Он машет мне на прощанье фуражкой. Может, вижу его в последний раз. Присев на корточки, плачет, уткнув лицо в колени, Верка. Я тоже не удержала слез, горько заплакала и побежала.

* * *

...Поезд, вынырнув из туннеля, катит над берегом моря. Я уныло гляжу в маленькое окошко на келасурский морской пляж и удаляющийся город. Девушки молча сидят.

Первая заговорила Ада Паршина:

— Хватит, Чижик, разводить тоску.

Даша тоже вздыхала — расстроилась вместе со мной.

Поезд наш еле тащился, нас подолгу держали на каждом полустанке. Десять дней мы ехали до Баку. Начался апрель. Ночью дул холодный ветер, и утром не хотелось вылезать из-под теплых бушлатов. Город Баку предстал перед нами закопченный, в маскировочных пятнах. словно и здесь прокатилась война. Весь он такой был или только возле вокзала, не знаю. Двое суток наш эшелон стоял в этом мрачном Баку. Выкупались в вагоне-бане и поехали мимо гор, по степи-равнине...

...В Москву я попала впервые в жизни. Хоть город и был размазан маскировочными щитами, я видела и чувствовала его красоту. Хотелось побыть тут как можно дольше, но разгуливать нам особо не пришлось. На третий день по прибытии определились на курсы, где учеба шла каждый день, включая воскресенья.

Как только мы приехали, выяснилось: Центральный штаб партизанского движения расформирован, а курсы радистов и минеров переданы Украинскому штабу. Нам сразу же сказали, что обратно в Крым не полетим, там, мол, и без нас справятся, а по окончании всех пошлют на оккупированную часть Украины.

Вскоре все были распределены по группам. Командиром специального отряда был назначен капитан Чепига. Женьку Харина и меня он попросил включить в свою группу. Ему в этом не отказали, и я была очень рада: как-никак знакомый командир, симпатичный и, до всему видать, боевой.

Мы с Женькой принялись изучать шифр и новую радиостанцию РГО-2 с приводом для передачи. Свой безотказный «северок» я беру с собой на всякий случай, мне ужасно не хотелось с ним расстаться.

Проходим переподготовку. Требования куда как строже, чем были в нашей разведшколе. Оно и понятно: командование знает, что имеет дело не с какими-то деточками, а с сознательными и обожженными войной разведчиками.

С Дашей нас разлучили. Она рвалась на оккупированную часть Украины с тайной надеждой отыскать своих родных. Может, поэтому слишком старалась и ее отметили как радистку наивысшей квалификации, а в результате оставили в Москве при штабе оператором.

К концу июня сформировалась наша группа в двенадцать человек. Командир — Владимир Павлович Чепига, начальник штаба — Виктор Васильевич Транквилицкий... Что толку перечислять людей, я с ними познакомилась пока что поверхностно, а узнала после выброски. Один лишь Женька Харин да еще командир наш Чепига были по-настоящему близкими людьми, но Чепигу я еще в бою не видела и относилась к нему хоть и с душевным теплом, но по разведочной привычке с настороженностью: боевая практика научила меня судить о людях только после испытания огнем.

22 июня, в день, когда все отмечали начало войны с гитлеровцами, нас вывезли на Внуковский аэродром. Место выброски было известно — черниговские леса. Нам рассказали, что это прославленные партизанские места, где начали свою деятельность отряды Героя Советского Союза Алексея Федорова.

Москва все еще подвергалась налетам, особенно по ночам. И вот в одну из ночей нас повезли на аэродром. Воздушная тревога началась, когда подъехали к парашютному складу. Не обращая внимания на сирену, неподвижно стоит часовая.

Машина вплотную подошла к складу. Еле разыскав его начальника, мы выбрали двенадцать парашютов и погрузили в кузов полуторки. Я чувствовала безотчетную радость, что лечу к партизанам. Нас будут выбрасывать на костры.

Этим все были довольны — и в Украинском штабе партизанского движения и на аэродроме. Действительно, чего лучше! Вот только я да Женька Харин поехали — вспомнили наш последний вылет, когда костры подвели. Но мы с ним переглянулись и никому ни слова не сказали. Не всегда же такая беда, правда? А так-то выброска на костры имеет огромное преимущество перед выброской по карте. По своему характеру я быстро успокоилась. Мало того — развеселилась. Как-никак впервые летела в настоящий отряд, в крепкий коллектив. В прошлый раз мы выбрасывались выручать товарищей, а тут нас пригласили костры бывалых партизан.

...Как мы торопились из Москвы на аэродром, как спешили вытащить из склада все необходимое снаряжение — заставили всех работать под бомбежкой. И вдруг — на тебе! — нас задержали и расселили в палатках. Три дня мы жили на обочине аэродрома, питались в столовой летчиков. Остальное время бегали, ползали, стреляли по мишеням, пропадали от тоски. Начальство говорит: нет сообщения от партизан... вроде бы они где-то на марше. Как станут лагерем и подберут площадку, радируют нам координаты. Успокаивая нас, Чепига сам заметно волновался.

Наконец-то в один из вечеров группе было приказано готовиться к полету. Была получена радиограмма, что отряд расположился под селом Сорокошичи Черниговской области. Его командир Салай примет самолет на костры. В тот же вечер мы с радостью покинули палатки и побежали грузиться.

Навешиваем на себя парашюты, вещмешки, оружие, забираемся в самолет и сразу же отрываемся от земли. Сидеть неудобно. Справа рация, слева питание к ней, сзади автомат, а впереди под самым носом тяжелый вещмешок. Да и все навьючены и вооружены до зубов. Раньше при каждом прыжке я волновалась. Сейчас мне даже весело. Как увижу нахмуренные лица ребят — смех берет. Согнувшись, они пыхтят под тяжестью груза. Женька что-то ерзает, летчики то один, то другой выходят из своей кабины проверять наше самочувствие... Летим уже три часа. Самолет набирает высоту: стало покалывать в висках и в носу; в ушах какие-то щелчки — они все учащаются. Я сразу не поняла, что за щелчки. Приподнялась и увидела в иллюминатор, как рвутся зенитные снаряды. Это немцы хотят нас сбить. Черта с два собьют. Над линией фронта мы летели на высоте три тысячи метров... Чувствуем — наш самолет пошел на снижение. Второй пилот и объявляет:

— Скоро Чернигов.

Чепига жмет мою руку: дескать, не бойся. А я ни капельки не боюсь, только бы поскорей прыгать и освободиться от груза.

Самолет круто развертывается над лесом. Сигнал к выбросу. Становимся друг за дружкой. Чепига первый, я за ним, за мной начальник штаба Транквилицкий, дальше Женька Харин и все остальные. В отблеске костров шевелятся людские тени. Кажется, совсем близко земля. Мы цепляемся карабинами за кольца. Опять я не дотянулась до кольца и нет сил нажать пластинку карабина. Выросла на восемь сантиметров, а все равно коротка. Мне помогает второй пилот. Я плотнее прижимаюсь к Чепиге. Сильный разворот самолета кидает меня в сторону, еле успеваю ухватиться за фалу вытяжного троса. Открываются двери, врывается сильный удар ветра. Тронув меня локтем, Чепига шагает в темноту. Я ваюсь за ним и чуть не сажусь верхом на его спину, но... пролетаю мимо. Что такое? И вдруг соображаю: нет привычного толчка от раскрывшегося парашюта. Чем-то больно царапнуло по лицу. Слетел вещмешок, за ним шлем. Похоже, я кувыркнулась вниз головой. Ясно вижу приближающийся

лес и его синие очертания. Молнией пронесется мысль: получился перехлест строп, купол не набрал воздуха... Может, оторвалась фала вытяжного троса и только благодаря порыву ветра часть купола вырвалась на свободу. Захлебываюсь воздухом, еле успеваю закрыть лицо руками и... слышу треск сучьев. Они больно царапают руки и лицо. Чувствую, что повисла вниз головой. Открываю глаза, но ничего не вижу. Гребу руками по колючей хвое. Напрягаю все силы, чтобы оторваться от того, на чем повисла, или хотя бы подтянуться кверху. Но не могу. На голову давит упаковка с батареями, ее плотно прижимает какая-то ветка. На спине автомат — он давит на затылок. Тяну на себя ветки, какие только попадают под руку. Диск автомата при каждом движении лупит по башке. Я не кричу. Мне и на ум не приходит кричать. Сознание затуманено. Отчетливо понимаю одно: вниз головой долго не провисишь. В горле спазмы, дышать трудно, резкая боль в глазах... Ах, если б была подо мной ветка, на которую можно бы опереться хоть плечом. Но ветки нет. Значит, надо любым способом освобождаться от того, что меня держит. Дотягиваюсь до финки, вынимаю из ножен, зажимаю в зубах, хватаюсь рукой за подвесную систему и режу ножные обхваты сперва справа, потом слева. Ремни сползают под горло. Нечем дышать. Теперь я настоящий удушенник. Размахиваю над головой финкой, чтобы перерезать верхние стропы. Что-то перерезала, от чего-то освободилась, соскальзываю ниже, но вишу. Все-таки вишу. Еще один взмах финкой над головой и... лечу спиной вниз.

Что было потом — не помню.

Очнулась и первое, что почувствовала — резкая тошнота, пересохло в горле: пить, пить, пить... Где я? Открою глаза — верхушки сосен переворачиваются, качаются, куда-то плывут. Закрою глаза — изнутри меня выворачивает. Вот бы напиться. Пробую шевельнуться, но сил никаких. Однако сознание потихоньку возвращается. Вспомнила костры, которые видела из самолета, вспомнила, что кто-то из десантников сказал: «Час ночи». А ведь теперь светло. Открываю глаза. Солнце играет у вершин деревьев. Еще раз пробую пошевелиться, но мешает резкая боль в спине и в голове. И тут вдруг впервые понимаю: я упала и расшиблась, кажется сильно. Глянув на крону сосны, я увидела полураскрывшийся купол своего парашюта с обрезанными стропами. Они покачивались из стороны в сторону. Впечатление точь-в-точь как в море, когда нырнешь и смотришь сквозь толщу воды на большую медузу с ее длинными щупальцами... Это значит — голова моя не в порядке. Вместе с жалостью к себе являются сладкие воспоминания детства, счастливые, теплые и в то же время расслабляющие. Злюсь и корю себя: «Ишь размечталась. Ты ж не в сказке, а на земле. Ну-ка давай живи, действуй!..» Накапливаю силы и ощупываю себя. Грудные обхваты плотно держатся, на них обрезки строп. Ножные обхваты тут же висят перерезанные. Я повторяю в уме свой ночной поединок с зависшим полуоткрытым парашютом... Толку-то! Жить надо — вот в чем задача. Возникать, воскресать, стрелять врага... Где здесь враг? Не слышно ни врага, ни друзей. Чересчур все спокойно и красиво, тихо и мирно. Неужели правда я на партизанской земле, в тылу врага? Чудно!

Пошевеливая вокруг себя руками, нащупываю влажный мох. От этого со страшной силой вспыхивает жажда. Мажу ладошками по губам и вроде бы лучше. Лучше. Лучше! Мелькает сознательная мысль-приказ: немедленно прятать рацию и шифр. И, послушная приказу, ползу. Дикая боль в спине, но я ползу. Куда? Да вот бугорок. Это заросшая мхом кочка. Ой какая хорошая! Под ней можно закопать и рацию и шифр. Закопать и запрятать... Опять дикая боль в

спине. Наверное, я упала на диск автомата. Как бы не перешибла позвоночник... «Черта с два ты бы тогда двигалась!» И тут я обрадовалась, чуть не расхохоталась: думаю, соображаю, могу соображать... Левая нога разбухла, будто налилась свинцом. Закусив губы ползу к кочке и тычусь носом в пушистый мох. Он весь покрыт росой, как бисером. Я с жадностью впитываю в себя эту влагу. Чуть горьковатая, она щиплет мне горло, но не могу оторваться, тяну в себя вместе с пушинками мха... Стало легче. Финкой подрезала мох у пня, подняла его, как угол одеяла, накрыла шифр и рацию... Конечно, маскировка не ахти какая, да на первый случай сойдет. И вновь я ползу, подбираюсь к сосне, чтобы попробовать поднять свое побитое тело. Обхватив липкий ствол руками, я начинаю подниматься, опираясь на правую ногу. От напряжения кружится голова, сильно тошнит. И все же я поднимаюсь во весь рост... Только собралась шагнуть, меня подкашивает невыносимая боль в позвоночнике, и я падаю на бок.

Сколько так лежала — не знаю. Очнулась, когда солнце висело над верхушками сосен. Его лучи пронизывали лесную чащобу и достигали земли. Как зачарованная вглядываюсь в красоту окружающей природы. Меж деревьями высоко в небе летают птицы. Приятно успокаивая меня, шумит лес. Высоченные сосны покачиваются и тихонько поскрипывают. На молодом подлеске шелестит хвоя. А все вместе почему-то напоминает мне море. Будто волны шумят, накатываясь одна на другую. Является мысль, что, пожалуй, я умру в этой спокойной красоте. Нет! Нет-нет! Я ругаю себя за слабость. Ведь мы выбрасывались в эти леса для большого дела. Ведь я уже взрослая. Я выросла на восемь сантиметров. Неужели только стала длиннее? Неужели только вытянулась, а сильнее духом не стала?!

Где-то гремит одинокий выстрел. Наш условный сигнал — два выстрела или два коротких свистка. Достая пистолет и снимаю предохранитель. Лежу, прислушиваюсь. Голову поднять не могу — она бессильно падает на кочку. Вдруг голоса, опять выстрел, второй. Что это? Мне послышалось? Нет, это наши сигналы. Вытянула дрожащую руку с пистолетом и дважды выстрелила. Повернуться не могу.

— Ребята, смотрите, парашют. Чижик где-то близко.

— Да здесь никого нет, только парашют с обрезанными стропами.

— Вот кто-то за деревом лежит.

Я узнаю голос Женьки Харина. Чуть приподнимаю голову и вижу — ноги, ноги, ноги... Надо мной склоняются Гранквилицкий, Чепига, еще какие-то двое неизвестных...

— Приподнимите меня, приподнимите!

Мне кажется, что я ору во всю глотку, но меня спрашивают:

— Что, что? Говори громче.

— Приподнимите, — повтсряю я, но когда чьи-то заботливые руки поднимают мне голову, я кричу так сильно, что сама себе становлюсь противна.

И опять меня опускают:

— Что, Чижик, что, милый? Больно?

А я успела заметить — народу-то, народу! Тут и старик с бородой, тут и парни, и девчонки. Тут какие-то... в немецкой форме. От их вида меня опять стало тошнить. Долго я потом привыкала к тому, что партизаны носят немецкие мундиры. Мне к губам подносят флягу с водой. Пью, пью, не могу оторваться. Потом осторожно-осторожно десятки рук перекачивают меня на плащ-палатку, потом несут, а мне очень стыдно своей беспомощности.

И вот уж я в отряде Салая. Он сам в папахе с красной лентой

склоняется надо мной. Тут и Чепига. Но Чепига обыкновенный — нет у него ни папахи, ни красной партизанской ленточки.

Был жаркий июньский день. Повозку с сеном, на которой уложили меня заботливые салаевские партизаны, вкатили в тень пушистой сосны. Под головой у меня оказалась мягкая подушка. Вот уж чудо так чудо! За всю свою разведческую жизнь в тылу врага подушки не знала... Пришел пожилой доктор с красной ленточкой на фуражке и с красным крестом на рукаве. С ним толстая старушка в белом халате, она назвалась тетей Маришей. Доктор пока поверхностно меня осмотрел, покачал головой и принялся срезать ножом все лишнее: грудной обхват, ремень автомата, а потом и голенище сапога...

— Что вы делаете! — с ужасом воскликнула я. — Сапог... Где я потом возьму сапог?

Все кругом расхохотались, а доктор сказал:

— Ох, не скоро тебе понадобится на этой ноге сапог.

— Что, и ногу хотите отрезать? — испугалась я.

— Успокойся, все будет в порядке. Ну-ка, тетя Мариша, принесите-ка нам шины... Ладно, пока погодите, надо ее со всех сторон осмотреть. Любопытных попрошу из кабинета удалиться!

Ну и шутник был этот доктор! Какой уж кабинет. Госпиталь под открытым небом.

Доктор понимает, что моему командиру надо со мной поговорить. Он берет тетю Маришу под руку, отводит, и я слышу, как шепчет ей:

— У нас где-то там есть муравьиный спирт.

Я жду, что скажет Чепига, а сама думаю: «Куда я попала? Кажется, и в самом деле в сказку попала».

— Эх, Чижик, Чижик! Как же так получилось? — спрашивает Чепига.

— А вот так и получилось. Парашют оказался неисправным, перехлест строп.

— Это мне понятно, а вот непонятно, почему укладчики так халатно относятся к своему делу. Надо об этом сообщить в штаб.

— Владимир Павлович, сейчас этим горю не поможешь. И виновного вряд ли найдешь...

— Ничего, Чижик, не горюй! Мы тебя скоро поставим на ноги. Все будет хорошо.

Вскоре тетя Мариша принесла растирание, а доктор какие-то палки. Я с удивлением смотрела на них.

— Это шины для ноги, — сказал Чепига. — У тебя перелом, надо установить кость правильно, а потом наложить шины.

Лежу на животе. Подняв гимнастерку, доктор взглянул на спину и охнул:

— Какой черный бугор! Сильный ушиб позвоночника. Потерпи немного. Молодая еще, рассосется. Еще попрыгаешь с парашютом.

Резко запахло самогоном. Тетя Мариша полила из бутылки мутноватую жидкость на ладонь и прикоснулась к моей спине. Она гладила своей шершавой ладонью. Вначале легонько, а потом все сильней и сильней. От боли я вскрикнула и потеряла сознание. Очнулась, когда солнце уже закатывалось за большим роскошным дубом, стоявшим в стороне от повозки. Под ним разбил палатку Женька Харин. Лежала я уже вся перевязанная. Нога моя в шинах и забинтована парашютной тканью. Увидев, что я очнулась, Чепига и доктор подсади ко мне. В стороне, немного смущаясь, стоял Женька. Я попросила пить. Врач проверил пульс.

— Слабая очень, надо дать ей меду с березовым соком. Хорошо помогает,

Уже стемнело. Снова тетя Мариша принялась растирать мне спину. На этот раз я не теряла сознания, но меня прошибло от боли до семи потов...

...День ото дня я чувствую себя лучше, стала садиться на повозке, а потом с наступлением ночи при помощи часового или Женьки училась потихоньку ходить.

Стояли мы недалеко от соединения Попудренко. У них был свой аэродром, с которого на Большую землю отправляли раненых.

Однажды и меня чуть не отправили. Спасибо Женьке — он мне сказал, что я включена в списки. Ладно, я им покажу списки! Вот подходит Чепига:

— Чижик, собирайся, едем на аэродром, самолет доставит тебя в Москву в госпиталь.

Накопив злость, прыгаю с повозки и кричу ему прямо в лицо:

— Нет, никуда не полечу! Ишь чего захотели! Я не маленькая, чтобы так, за здорово живешь, решать мою судьбу. Кость на ноге уже срастается...

— Так ведь криво срастается,— говорит Чепига.

— Ну и что? Пусть криво. Ходить смогу, и ладно. К вашему сведению, я уже давно хожу, давно практикуюсь. Только по ночам. Спросите у часовых, они вам подтвердят. Вот увидите — завтра же начну работать в свои сеансы.

Разинув от удивления рот, Чепига сказал:

— Ну, затарахтела тарыхтелка. Не полетишь, не надо. А насчет ночной ходьбы это ты напрасно, подожди немного.— И вдруг посмотрел на меня боком, будто петух.— Да никуда я тебя не отпущу. Вылечим своими силами.

Похлопав меня по плечу, он уходит, напевая свою любимую песенку:

Шла машина из Тамбова,
Под горой котенок спал.
Да и го-го!!!
«Уходи! — кричит машина. —
А то хвостик отдавлю!»
Да и го-го!!!

Эта песенка длинная, и поет ее Чепига только в хорошем настроении. Может, он пел ее своим двум ребятишкам, что остались на Большой земле? Может, он намекает, что мне хвостик отдавила военная машина? Ну и пусть. Я тихо себе говорю: «Спасибо вам, товарищ Чепига, никогда, никогда не забуду доброту вашего сердца».

Вижу, из-за кустов выходит Женька Харин.

— Что, Чижик, оставили тебя? Вот и хорошо! Выходи завтра на связь, я тебе помогу.

На другой день рано утром медленно пробираюсь к Женькиной палатке и думаю: надо бы попросить ребят подкатить сюда мою повозку. Харин, подвинувшись, уступает мне место у радики. Я берусь за ключ. Немного волнуюсь, рука дрожит. Начинаю выстукивать свой позывной.

* * *

С отрядом я прошла на костылях через всю Украину, а потом воевала как полноправная партизанка и в братской Польше.

Но это особая тема. Когда-нибудь напишу свою партизанскую книгу.

Литературная запись ЕВГ. БОСНЯЦКОГО.

ИЗ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В ЖАНРЕ ЦЫ

Цы — один из основных жанров китайской классической поэзии. Его истоки находят­ся в устном народном творчестве и неразрывно связаны с ним.

На русский язык слово «цы» переводится по-разному: романс, ария, строфы, стансы. Но все эти иноязычные термины лишь весьма приблизительно отражают специфику данного жанра.

Ранние цы — это небольшие лирические стихотворения в две-три строфы, написанные по образцу или, как принято говорить, на мотив какой-либо полюбившейся поэту песни. Именно мотив или мелодия, а их насчитывается несколько сот, определяют размер и другие особенности цы: количество строф в стихотворении, строго определенное чередование строк с неодинаковым числом иероглифов в каждой строке, наличие рефренов, зачинов, повторов и др. Название многих мелодий не отражает содержания стихотворений, исполнявшихся на их мотив, а зачастую противоречит ему: так, в публикуемых стихотворениях «Веселая мелодия» порой слышится грусть. Название некоторых мелодий, например «Пусамань», не поддается точному переводу. Самое же главное, что отличает цы от других поэтических жанров китайской поэзии, это их неразрывная связь с музыкой. Не случайно в течение первых двух-трех столетий со времени появления цы они были в основном достоянием музыкантов и певичек, исполнялись под аккомпанемент музыкальных инструментов с подмостков импровизированных театров, в трактирах и на постоялых дворах. Многие авторы цы остались неизвестными.

Большой популярности и быстрому распространению цы способствовали их демократические традиции, унаследованные от народной песни, живой образный язык. В них нашли отражение думы и чувства простого люда — крестьян, рыбаков, ремесленников. Цы повествуют о любви, разлуке, горькой участи женщин феодального общества, о тяжелой солдатской доле. Многие цы посвящены природе.

Со временем цы получили широкое хождение также и в феодально-аристократической среде, стали модой. Ни одна дружеская компания «золотой молодежи» не обходилась без того, чтобы ее участники не блеснули умением экспромтом слагать цы или хотя бы исполнить цы, написанное знаменитым поэтом. Разумеется, здесь в ущерб содержанию отдавалось предпочтение изысканной, рафинированной поэзии.

Уже в годы Танской династии VII—X века все больше профессиональных поэтов пробуют свою кисть в жанре цы (Ли Бо, Бо Цзюй-и, Ван Цзянь, Дай Шу-лунь, Вэй Ин-у, Вэнь Тин-юнь и другие). В эпоху Пяти Династий (907—959) и в сунском Китае в X—XIII веках поэзия в жанре цы основательно потеснила все другие поэтические жанры. Знаменитые Ли Юй, Лю Юн, Ли Цин-чжао, Синь Ци-ци творили преимущественно в этом жанре, доведя его до совершенства. В творчестве многих поэтов эпохи Сун цы от простых, незатейливых стихотворений эволюционировали к поэзии большого гражданского звучания, отражавшей всю сложность и противоречивость эпохи «великих потрясений», вызванных крайним обострением социальных противоречий и бесконечными нашествиями на Китай кочевых племен. Особую группу цы теперь составляет философская и патриотическая лирика; значительно увеличились цы в своем объеме, и ввиду многоплановости содержания их можно было бы назвать лирическими поэмами.

Чем дальше от истоков, тем слабее связь цы с музыкой. Мотивы, на которые создавались ранние цы, все чаще предавались забвению, а затем и вовсе были утрачены. Цы уже не пелись, а декламировались как обычные стихотворения. Однако даже теперь дает о себе знать их прежняя связь с музыкой: при чтении цы невольно напрягается слух, как бы улавливая звучание мелодии, доносящейся до нас эхом через лабиринты эпох и преграды расстояний.

* *
*

Вдали луна —
Как слиток серебра,
Подернутый прозрачной пеленою.
Порывы ветра
За полночь резвей...
Скорей же, ветер,
Облака развей,
Неблагодарного
Пусть осветит луною!

Мелодия «Вспоминая Цзяннань»

ЛИ БО

* *
*

Словно затканый в пряди тумана,
Лес вдали, различимый едва.
Бережит в моем сердце раны
Гор холодная синева.

А на башне высокой
Все пронизано мглой,
Где стою одиноко
Со своею тоской.

И на мрамор ступеней
Устремляется взгляд...
Шум возник в отдаленье —
Птицы в гнезда спешат.

А моя где дорога,
Та, что к дому ведет?
И беседок как много
Впереди еще ждет!..

Мелодия «Пусамань»,

БО ЦЗЮЙ-И

* *
*

Мчится Бяньшуй,
Мчится Сышуй —
На Гуачжоу мчатся,
Где переправа с седых времен,
Где горы Ушаня со всех сторон,
Грусть навевая, толпятся.

Мыслей смятенье,
Смятение чувств,
И так до тех пор, я знаю,
Пока не ступлю на порог родной...
На башне один стою под луной,
Стою и вздыхаю.

Мелодия «Всегда думая друг о друге».

ВАН ЦЗЯНЬ

* *
*

Круглый веер,
Круглый веер,
Красавица молодая
Тобою лицо прикрывает.

Три года прошло,
И поблекла совсем
Яшма румяных щек.
Потолковать о сянь и гуань
С кем она может еще?

Сянь и гуань,
Сянь и гуань...
Позаросла весенней травой
Дорога на Чжаоян!

«Веселая мелодия».

ВЭЙ ИН-У

* *
*

Млечный Путь,
Млечный Путь
Льет в предрассветную пору
Свет на осенний город.

В печали наверх поднимаюсь
И вдаль
Гляжу с мечтой о тебе.
На юг и на север
Нас развести
Угодно было судьбе.

Нас развести,
Нас развести...
Путь Млечный на ясном небе,
Но нет нам друг к другу пути!

«Веселая мелодия».

ДАЙ ШУ-ЛУНЬ

* *
*

Трава на заставе,
Трава на заставе —
Всюду трава на заставе.
А годы солдата старят.

На север от гор
И на юг от гор
В сумерках белый снег.
На тысячу ли
И на тысячи ли
Месяца яркий свет.

Яркий свет,
Яркий свет...
Звуки хуской свирели —
От них мне покоя нет.

«Веселая мелодия».

ВЭНЬ ТИН-ЮНЬ

* *
*

Встрепенулся в испуге
Гусь на отмели южной.
А на тысячу ли в округе
Снег завьюжил.

Повод яшмовый,
Удила,
С острием золоченым
Стрела.
Что ни год —
То поход.

Скорбь разлуки разлита
В разрисованной башне,
Где за ширмой расшитой
Одиноко и страшно...
Полыхая, в саду
Абрикосы цветут.

Мелодия «Ропот чужеземки».

ЛИ ЮЙ

* *
*

Гор гряда
И еще гряда,
И неба простор над ними.
В дымке прозрачной стынет поток,
Лодка — как будто кленовый листок,
В чужой стороне гонимый.

Цвели хризантемы —
И отцвели.
Гусь в вышине крылатый
Вернуться с заставы спешит дотемна.
Ветер за шторою. Млеет луна.
И мне только нет возврата.

Мелодия «Всегда гумая груг о груге».

ЦИНЬ ГУАНЬ

* *
* *

Верно, ночь никогда не пройдет,
Двор почтовый — как омут реки.
Ветер мечется у ворот,
Но на створах засовы крепки.

Я проснулся. Лампада горит.
Рядом мышь — глаз не сводит с огня.
Выпал иней, предвестник зари,
Холодком охватило меня.

Мне теперь
Не заснуть все равно,
Все равно
Ни за что не заснуть...
Кони фыркают за стеной,
Я постель покидаю — и в путь!

Мелодия «Словно сон».

ЧЖУ ДУНЬ-ЖУ

Строфы о рыбаке

От суеты мирской
Ушел, не страшась молвы.
То трезв, а то снова пьян —
Случается когда как.
В бамбуковой шляпе своей,
В зеленом плаще из травы,
Иней и снег привык
Смело встречать рыбак.

Ветер утихнет едва —
С удочкой вечером он.
И наверху и внизу
Месяца волшебство.
Что небо и что река —
Мир в синеву погружен,
Где разве что гусь порой
Возникнет — и нет его!

Мелодия «Хорошее рядом с нами».

ЛИ ЦИН-ЧЖАО

Гуйхуа

В своем неярком, палевом уборе
Ты — кроткое и нежное создание.
Пускай в тени ты держишься, но всюду
Разносится твое благоуханье.

Зачем тебе цвет голубого неба,
Зачем тебе пунцовая окраска!
Среди цветов, растущих в поднебесной,
Считаешься ты первой не напрасно.

Ревнует мэйхуа,
И хризантема
Вздыхает, недовольная судьбою,
Когда в беседке
В Праздник Полнолуния
Все восхищаются одной тобою.

Наверное, не слишком понимали
И чувствовали красоту поэты,
Что незамеченною ты осталась
И не была до сей поры воспета.

Мелодия «Когда вещает кукушка».

ЛЮ ЮН

* *
* *

Погода хмурая,
Льдом отливают тучи.
Отчалил с отмели
Мой утлый челн.
Как листик с дерева,
В водоворот кипучий
Упал и затерялся
Среди волн.

Так много скал
И падей миновал я,
Пучины и ручьи
Пересекал...
Вдруг ветер с гор повеял,
Тише стало,
Спадает, усмирясь,
За валом вал.

Я слышу, спорят
Странники с торговцем,
Взметнулись ввысь
На джонках паруса.
Как будто скопы
В оперенье пестром

Снуют на переправе
Без конца.

Трактиры
С ярко-красными флажками,
Дома друг к другу
В сизой дымке льнут.
Ряды деревьев
В инее сверкают,
В лучах заката
Лодки с рыбаками,
Что, возвращаясь,
В колотушки бьют.

Увядший лотос
Лепестки роняет,
От дряхлой ивы
Распростерлась тень.
На берегу
Гуляют, моют пряжу
Подружки
Из соседних деревень.
Завидев путника,
Они о нем судачат
И от него, смутясь,
Улыбки прячут.

Все это
Будит рой воспоминаний...
Как я легко
Оставил терем твой
И, неприкаянный,
Дни провожу в скитаньях,
Подобно ряске,
Сорванной волной.

Вздыхаю я:
Что может быть порукой
Той встречи,
Что условлена была?
И сетую,
Терзаемый разлукой:
Год скоро,
Как расстались мы с подругой,
А встреча состояться не могла.

Мои глаза
Слезами застилают.
Неведом путь к тебе,
Священный град...
Крик издалека
Лебединой стаи,
В безбрежном небе
Гаснущий закат.

ПРИМЕЧАНИЯ

В старину на больших трактах Китая сооружались беседки для отдыха путников. Поэт хочет сказать, что обратный путь долг и не скоро еще вернется он домой.

Бяньшуй и Сышуй — реки на юге Китая.

Гуачжоу — город в провинции Цзянсу, на реке Янцзыцзян.

Ушань — горы в южном Китае.

Поэт, уроженец провинции Шаньси (северо-западный Китай), глядя на пейзаж чужого края, тоскует по родным местам.

Сянь и гуань — соответственно струнные и духовые инструменты. «Потолковать о сянь и гуань» — поговорить о музыке и поэзии.

«Звуки хуской свирели...» Речь идет о музыке племен некитайской национальности, населявших приграничные районы на севере Китая.

«Гор гряда...» Поэт Ли Юй был последним императором Южной Тан (937—975), прекратившей свое существование после ее захвата государством Сун. Оказавшись в положении «почетного пленника» при сунском дворе, поэт скорбит о безвозвратно утраченной родине.

Гуйхуа — коричное дерево из семейства лавровых. Как видно из легенд, лунный рельеф представлялся древним китайцам в виде ветвистой гуйхуа, под сенью которой заяц толчет в ступе порошок долголетия. Праздник Полнолуния приходится на девятый день девятого месяца по китайскому лунному календарю. В этот день поздней осени население совершало прогулки, любуясь озаренным луной пейзажем.

Мэйхуа — вид декоративной сливы. Цветет ранней весной до наступления тепла, прежде всех других деревьев. Излюбленный образ в китайской литературе, символизирующий благородство, стойкость и непреклонность духа.

Хризантема. Цветет до поздней осени, когда многие другие цветы погибают от заморозков. Символизирует примерно те же качества, что и мэйхуа.

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

*Дважды Герой Советского Союза,
Маршал Советского Союза*
А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ *

В ГНЕЗДЕ ПРУССКОГО МИЛИТАРИЗМА

О владение Восточной Пруссией — цитаделью германского милитаризма — составило важную страницу завершающего этапа войны в Европе. Фашистское командование придавало большое значение удержанию Пруссии — главнейшего стратегического плацдарма для нападения на СССР и Польшу. С этого плацдарма было совершено нападение на Россию в 1914 году. Отсюда кайзеровские войска пытались нанести удар по Петрограду в 1918 году. Отсюда двинулись фашистские полчища в 1941 году.

На протяжении 1941—1945 годов Восточная Пруссия имела важное экономическое, политическое и стратегическое значение для немецкого верховного командования. Здесь в глубоких подземных убежищах под Растенбургом вплоть до 1944 года располагалась ставка Гитлера, прозванная самими фашистами «Wolfschanze» — «Волчья яма». Теперь Восточная Пруссия должна была прочно прикрыть подступы к центральным районам Германии. На ее территории и в прилегающих к ней районах северной части Польши возвели ряд укреплений, сильных в инженерном отношении фронтальных и отсечных позиций, а также крупные узлы обороны, насыщенные долговременными сооружениями. Старые крепости в значительной мере модернизировали; все сооружения прочно связали между собой в фортификационном и огневом отношении. Общая глубина инженерного оборудования достигла здесь ста пятидесяти—двухсот километров. Особенности рельефа Восточной Пруссии — озера, реки, болота и каналы, — развитая сеть железных и шоссейных дорог, крепкие каменные постройки в значительной степени способствовали обороне. К 1945 году восточнопруссские укрепленные районы и полосы обороны со включенными в них крепостями, сочетавшиеся с естественными препятствиями, не уступали по своей мощи западногерманской «линии Зигфрида», а на отдельных участках превосходили ее. Особенно сильно была развита в инженерном отношении оборона на основном для нас направлении — Гумбиннен, Инстербург, Кенигсберг.

Фашистское командование, опираясь на столь мощные укрепления, рассчитывало во что бы то ни стало остановить продвижение наших войск. Здесь сосредоточилась крупная группировка войск, воссозданная после разгрома в Белоруссии группы армий «Центр» (с 26 января 1945 года она стала называться группа армий «Север»), — 3-я танковая, 4-я и 2-я армии. К середине января 1945 года в нее входила 41 дивизия (34 пехотных, 3 танковых, 4 моторизованных), одна бригада общей численностью в 580 тысяч солдат и офицеров и 200 тысяч фольксштурмовцев. Они имели 8200 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий, 515 самолетов 6-го воздушного флота. Возглав-

* Окончание. Начало см. «Новый мир», №№ 4, 5, 7, 8, 10 с. г.

ляли эту группу армий генерал-полковник Л. Рендулич, а затем генерал-полковник В. Вейс.

Началась Восточно-Прусская операция 13 января 1945 года войсками III Белорусского фронта (командующий — генерал армии И. Д. Черняховский, член Военного совета — генерал-лейтенант В. Е. Макаров, начальник штаба — генерал-полковник А. П. Покровский) и II Белорусского фронта (командующий — Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, член Военного совета — генерал-лейтенант И. К. Субботин, начальник штаба — генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов). Войска III Белорусского фронта занимали к тому времени исходное положение по линии Сударги — Пилькален — Гольдан — Августов; II Белорусского — по рекам Бобр (Бабжа) и Нарев, до Сероцка на Буге включительно, с плацдармами на западном берегу Нарева у Рожан и у Сероцка. В состав обоих фронтов входили 14 общевойсковых, одна танковая, две воздушные армии, 6 танковых, механизированных и кавалерийских корпусов. Общая численность участвовавших в операции войск к тому времени составляла около 1 600 тысяч человек, имевших на вооружении 21 500 орудий и минометов, около 3800 танков и самоходных артиллерийских установок и свыше 3 тысяч самолетов. Таким образом, на восточнопрусском направлении и в Северной Польше наши войска превосходили противника в живой силе в 2,7 раза, в артиллерии — в 2,6, в танках — в 4,7, в самолетах — в 2,9 раза.

Как же планировалась эта операция? В первых числах ноября 1944 года Г. К. Жукова и меня вызвали в Москву. 5 ноября войска III Белорусского в связи с неудачными попытками ворваться в пределы Восточной Пруссии получили приказ перейти к жесткой обороне в Южной Литве. За мной директивой от 8 ноября Ставка оставила руководство операциями I и II Прибалтийских фронтов, действовавших в Северной Литве и в Латвии. В ноябре 1944 года в Генштабе, в Ставке шла разработка плана на зимне-весеннюю кампанию 1945 года.

Восточнопрусскую группировку гитлеровцев нужно было разгромить во что бы то ни стало, ибо это освобождало армии II Белорусского фронта для действий на основном направлении и снимало угрозу флангового удара в Восточной Пруссии по провавшимся на этом направлении советским войскам.

Общая цель операции заключалась в том, чтобы отсечь армии группы «Центр», оборонявшиеся в Восточной Пруссии, от остальных фашистских сил, прижать их к морю, расчленить и уничтожить по частям, полностью очистить от врага территорию Восточной Пруссии. Успех такой операции в стратегическом отношении был исключительно важен и имел значение не только для хода общего наступления советских войск зимою 1945 года, но и для исхода Великой Отечественной войны в целом.

Войска III и II Белорусских фронтов должны были согласованными концентрическими ударами отсечь восточнопрусскую группировку врага от его основных сил и прижать к морю. Далее войскам III Белорусского и I Прибалтийского фронтов предстояло окружить вражеские войска и уничтожить их по частям. При этом из III Белорусского в I Прибалтийский фронт, а из II Белорусского в III Белорусский должна была передаваться часть войск. Ставка посылала на эти фронты дополнительные войсковые усиления из своего резерва. Предполагалось, что в ходе операции II Белорусский фронт в тесном взаимодействии с I Белорусским будет перенацелен для действий на основном направлении — через Восточную Померанию на Штеттин. В соответствии с произведенными Генеральным штабом расчетами, операция намечалась на середину января 1945 года.

12 ноября 1944 года Г. К. Жукова назначили командующим I Белорусским фронтом, К. К. Рокоссовского — II Белорусским. Руководство операциями всех Белорусских фронтов, а следовательно, подготовкой и проведением Восточно-Прусской операции перешло непосредственно к Верховному Главнокомандующему. Поэтому командующие войсками фронтов для согласования принятого Ставкой плана операции вызывались непосредственно к Верховному. Мне не пришлось быть участником этих встреч, так как я находился в Прибалтике. О ходе подготовки операции и руководстве фронтами со стороны Ставки рассказывают следующие директивы. Командующему III Белорусским фронтом от 3 декабря приказывалось: провести наступательную операцию с целью разгрома тильзитско-инстербургской группировки противника и через десять—

двенадцать дней овладеть рубежом Немонин — Жаргиллен — Норкиттен — Даркемен — Гольдан. Затем, прочно обеспечивая главную группировку фронта с юга, развивать наступление на Кенигсберг по обоим берегам реки Преголя, имея главные силы на ее южном берегу.

Главный удар силами четырех общевойсковых армий и двух танковых корпусов фронт, согласно директиве, должен нанести из района севернее Шталлупенен, Гумбиннен, в общем направлении на Маллвишкён, Ауловенен, Велау.

Во втором эшелоне фронт должен иметь одну армию с танковым корпусом и использовать ее после прорыва для наращивания удара на главном направлении.

Действия главной группировки войск Ставка предписывала обеспечить с севера, со стороны Немана, обороной одного стрелкового корпуса 39-й армии и наступлением ее главных сил в направлении Тильзит; с юга — обороной 28-й армии южнее Вальтеркемен и наступлением части ее сил из-за левого фланга участка прорыва в общем направлении на Даркемен. 31-я армия должна была прочно оборонять занимаемый ею фронт к югу от Гольдан. Танковые корпуса приказывалось использовать для развития успеха после прорыва на главном направлении¹.

Командующий II Белорусским фронтом директивой Ставки от 28 ноября обязывался подготовить и провести операцию по разгрому пшемысльско-млавской группировки противника и не позднее десятого—одиннадцатого дня наступления овладеть рубежом Мышинец — Вилленберг — м. Бержунь — Плоцк и в дальнейшем наступать в направлении на Ново Място, Мариенбург. Главный удар наносили четыре общевойсковые, одна танковая армии и один танковый корпус от Рожан, через Млаву, в направлении на Лидзбарк; во втором эшелоне фронта находилась одна армия, которая вводилась после прорыва с рожанского плацдарма. Она должна была свернуть оборону противника перед правым крылом фронта и обезопасить главную группировку от удара врага с севера. Второй удар две общевойсковые армии и один танковый корпус наносили южнее, с сероцкого плацдарма, в направлении на Плоньск и Бельск. Кроме того, содействуя I Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника, часть сил левого крыла II Белорусского фронта должна была наступать в обход Модлина с запада, чтобы не допустить отхода варшавской группировки за Вислу, и форсировать Вислу западнее Модлина.

Краснознаменному Балтийскому флоту (командующий — адмирал В. Ф. Трибуц, член Военного совета — вице-адмирал Н. К. Смирнов, начальник штаба — контр-адмирал А. Н. Петров) Ставка приказывала всемерно содействовать войскам фронтов, наступающим вдоль морского побережья.

Командующий III Белорусским фронтом Черняховский решил нанести главный удар на Инстербург, Велау (ударная группировка: 39-я армия генерал-лейтенанта И. И. Людникова, 5-я генерал-полковника Н. И. Крылова, 28-я генерал-лейтенанта А. А. Лучинского, 11-я гвардейская генерал-полковника К. Н. Галицкого, 1-й и 2-й гвардейские танковые корпуса). 2-я гвардейская армия генерал-лейтенанта П. Г. Чанчибадзе наносила вспомогательный удар. 31-я армия генерал-полковника В. В. Глаголева (с 17 января ею командовал генерал-лейтенант П. Г. Шафранов) должна была обороной на широком фронте обеспечить левое крыло и быть готовой перейти в наступление в направлении от Сувалок на Летцен. Действовавшая севернее всех, на левом крыле I Прибалтийского фронта, 43-я армия генерал-полковника А. П. Белобородова ударом на Тильзит содействовала наступлению III Белорусского фронта. С воздуха наземные войска поддерживала 1-я воздушная армия генерал-полковника Т. Т. Хрюкина и 3-я воздушная армия генерала Н. Ф. Папавина.

Во II Белорусском фронте главный удар наносили 3-я армия генерал-полковника А. В. Горбатова, 48-я генерал-полковника Н. И. Гусева, 2-я ударная генерал-полковника И. И. Федюнинского и 5-я гвардейская танковая генерал-полковника танковых войск В. Т. Вольского. С севера их удар обеспечивался наступлением на Ортельсбург 49-й армией генерал-лейтенанта И. Т. Гришина и обороной на широком фронте самой правого фланговой 50-й армией генерал-лейтенанта И. В. Болдина (затем ею командовал генерал-лейтенант Ф. П. Озеров). Второй удар наносили на левом крыле фронта в направ-

¹ Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, лл. 231--232.

лении на Грауденц (Грудзендз) и Торн (Торунь) 65-я армия генерал-полковника П. И. Батова и 70-я генерал-полковника В. С. Попова. Их задача — прикрыть наступление наших войск на варшавско-берлинском направлении. 4-я воздушная армия генерал-полковника авиации К. А. Вершинина поддерживала сухопутные войска с воздуха.

Начали наступление фронты успешно (III Белорусский — 13 января, II Белорусский — 14 января). Этому во многом содействовала сильнейшая артподготовка. Замечу попутно, что Восточно-Прусская операция по расходу боеприпасов вообще не имела себе равных в истории войн. Два фронта получили 13,3 миллиона снарядов и мин, 620 миллионов патронов, 2,2 миллиона ручных гранат. Только за 13—14 января войска III Белорусского фронта израсходовали более тысячи вагонов основных номенклатур боеприпасов, а войска II Белорусского лишь за 14 января — свыше 950 вагонов. Всего же оба фронта израсходовали более 15 тысяч вагонов боеприпасов. Для перегрузки их из вагонов и подачи в войска потребовалось (в перерасчете на 2,5-тонные автомашины) около 100 тысяч автомобилей.

К 18 января немецкие войска, несмотря на отчаянное сопротивление, потерпели тяжелое поражение на направлениях главных ударов наших армий и начали отступать от рубежа к рубежу, постоянно вводя в бой свежие силы. 21 января 1945 года К. К. Рокоссовский получил директиву Ставки о продолжении наступления на Дойч-Айлау и Мариенбург, с тем чтобы не позднее 2—4 февраля овладеть Эльбингом, Торном и отрезать противнику все пути отхода из Восточной Пруссии к Одеру. В дальнейшем следовало действовать основными силами в полосе между Данцигом и Штеттином. До конца января, ведя упорнейшие бои, II и III Белорусские фронты не сумели выполнить все задачи, поставленные Верховным Главнокомандованием. Но они нанесли врагу серьезный урон, потеснили его и овладели значительной частью Восточной Пруссии. Войска II Белорусского фронта, выйдя к заливу Фришес-Хафф, отделенному косой от Данцигской бухты, и войска III Белорусского, выйдя к морю севернее и южнее Кенигсберга, отрезали восточнопрусскую группировку от остальных немецко-фашистских сил и расчленили уцелевшие от разгрома войска группы армий «Север» на три части. 4 дивизии противника были прижаты к морю на Земландском полуострове, 5 дивизий с крепостными частями заблокированы в Кенигсберге, до 20 дивизий окружены юго-западнее Кенигсберга. Одновременно I Прибалтийский фронт, обеспечивавший с севера действия III Белорусского фронта, овладел 28 января крупным морским портом Мемель (Клайпеда). Таким образом, немецко-фашистское командование почти полностью лишилось возможности наносить удары из Восточной Пруссии по советским войскам, наступавшим на берлинском направлении. Противник нес тяжелые потери. На первом этапе Восточно-Прусской операции в плен было взято до 52 тысяч солдат и офицеров, захвачено много вооружения и боевой техники. Красная Армия освободила из восточнопрусских концентрационных лагерей до 68 тысяч граждан многих стран Европы.

Таковы итоги первого этапа Восточно-Прусской операции.

Мне приходилось читать в некоторых книгах упреки в адрес Ставки и Генерального штаба по поводу якобы недостаточных темпов реализации замыслов оперативных планов на этом этапе. Было бы неверно утверждать, что Ставка и Генеральный штаб не допускали ошибок. Совершались они и при проведении Восточно-Прусской операции. Допустим, нам не удалось предотвратить отход главных сил 2-й немецкой армии за Вислу, в Восточную Померанию. Этот упрек в адрес тогдашних работников Ставки и Генштаба справедлив. Но не следует приписывать Ставке и Генштабу то, что они не принимали мер к ускорению темпов проведения операции. Это противоречит истине. Не обосновано обвинение Ставки и Генерального штаба также в том, что они, планируя Восточно-Прусскую операцию, с самого начала всецело возлагали задачу ликвидации восточнопрусской группировки немцев лишь на III Белорусский фронт, а основные усилия II Белорусского направляли не против этой группировки и не на взаимодействие с III, а с I Белорусским фронтом, решавшим задачи на варшавско-берлинском направлении. Несправедливо упрекать Ставку и за то, что только в ходе операции, когда выявилось, что III Белорусский фронт не сможет справиться с возложенной на него задачей, она была вынуждена в начале двадцатых чисел января повернуть основные силы II Белорусского фронта на север или даже на северо-восток. Это

решение, как утверждают некоторые, явилось для II Белорусского фронта не только крайне неожиданным, но и поставило его в исключительно трудное положение. Архивные документы — директивы Ставки, которые легли в основу планирования и проведения данной операции, — убедительно доказывают несостоятельность таких обвинений.

В связи с тем, что Ставка приняла решение о переходе Прибалтийских фронтов к временной обороне, а И. В. Сталин и А. И. Антонов отбыли на Ялтинскую конференцию глав великих держав, мне приказали возвратиться к выполнению обязанностей начальника Генерального штаба и заместителя наркома обороны. Руководство операциями Прибалтийских фронтов возложили на командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова.

6 февраля II Прибалтийский фронт вобрал в себя войска I Прибалтийского, управление которого, в свою очередь, приняло 43-ю, 39-ю и 11-ю гвардейскую армии из III Белорусского фронта, получившего 50-ю, 3-ю, 48-ю, 5-ю гвардейскую танковую армии и 8-й гвардейский танковый корпус II Белорусского фронта. Суть этих перестановок, которыми мне пришлось заниматься, заключалась в том, чтобы армии II Белорусского фронта могли уделить основное внимание Северной Германии. Теперь армии II Белорусского фронта, выйдя на Вислу к югу от Мариенбурга, как и намечалось первоначальным планом, перенацеливались Ставкой для действий непосредственно в Померании. 8 февраля с согласия Сталина (полученного из Ялты по телефону) я дал К. К. Рокоссовскому следующую директиву: «1. Центром и левым крылом фронта (2-я ударная армия, 65-я, 49-я, 70-я армии, 1-й гвардейский танковый корпус, 8-й механизированный корпус, 3-й гвардейский кавалерийский корпус и не менее четырех арtdивизий прорыва) 10 февраля перейти в наступление к западу от реки Вислы, Диршау, Берент, Руммельсбург, Нойштеттин. 2. В дальнейшем, с подходом 19-й армии, развивать наступление в общем направлении на Штеттин, овладеть районом Данциг, Гдыня и очистить от противника побережье вплоть до Померанской бухты»².

С 10 февраля начался второй этап боевых действий советских войск в Восточной Пруссии — ликвидация изолированных группировок немецко-фашистских войск. Выпонение этих задач Верховное Главнокомандование возложило на III Белорусский и I Прибалтийский фронты. Кроме упомянутых перемещений, из Прибалтики к Инстербургу перебрасывалось управление 3-й воздушной армии. Туда же, поближе к району боевых действий, переезжало и управление I Прибалтийского фронта. По директиве Ставки от 9 февраля, войска III Белорусского фронта должны были закончить ликвидацию хейльсбергской группировки противника, оборонявшейся к югу от Кенигсберга, к 20—25 февраля. Балтийский флот активными действиями обязан был сорвать снабжение курляндских и восточнопрусских войск врага, цеплявшегося за каждый метр земли. Нам стало известно, что немецкие войска, действовавшие в Восточной Пруссии, получили задачу упорно оборонять занимаемые ими районы, чтобы как можно дольше сковывать здесь советские войска и не допустить их переброски на берлинское направление. Особое внимание при этом фашистское командование уделяло обороне Хейльсбергского укрепленного района, крепости Кенигсберг и военно-морской базы Пиллау.

Ликвидация хейльсбергской группировки началась 10 февраля и проходила в исключительно тяжелых условиях. Хейльсбергский укрепленный район имел свыше 900 железобетонных и множество дерево-земляных оборонительных сооружений, а также противотанковые и противопехотные заграждения. С упорством обреченных цепляясь за каждый рубеж, за каждое укрепление, гитлеровцы стремились задержать наше продвижение вперед. Войска III Белорусского фронта, утомленные ожесточенными боями, несли большие потери. Это снижало их ударную силу. 15 февраля в докладе на мое имя об этом сообщал К. К. Рокоссовский. Восполнить потери к началу второго этапа операции не удалось, так как основное внимание советское командование уделяло, естественно, берлинскому направлению. Обстановку осложняла резко ухудшившаяся погода. Действия наших войск приняли весьма напряженный и довольно затяжной характер. Преодолевая одну оборонительную позицию за другой, они медлен-

² Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 39, л. 25.

но продвигались вперед, стремясь расколоть хейльсбергскую группировку на части, но желаемого успеха не имели.

В ночь на 18 февраля Сталин после моего сообщения о положении дел в Восточной Пруссии порекомендовал мне выехать туда для помощи войскам и командованию, подчеркнув, что быстрая ликвидация врага в Восточной Пруссии позволила бы нам за счет войск I Прибалтийского и III Белорусского фронтов, во-первых, усилить основное, берлинское направление и, во-вторых, освободить необходимую часть войск для подготовки их к переброске на Дальний Восток... Он посоветовал мне заранее наметить для этой цели две-три лучшие армии и предупредил, что через два-три месяца после капитуляции Германии я могу быть послан для руководства боевыми действиями на Дальнем Востоке. (Забегая вперед, скажу, что действительно две из трех общевойсковых армий, направленных в мае — июне 1945 года с запада на восток — 5-я и 39-я, — были взяты из состава войск, действовавших в Восточной Пруссии.)

Приняв рекомендацию продолжать работу в Восточной Пруссии, я попросил Сталина освободить меня от должности начальника Генерального штаба, мотивируя это тем, что с 1943 года большую часть времени нахожусь непосредственно на фронте, выполняя задания Ставки, в Москве бываю лишь по вызову. Я высказался за то, чтобы утвердить в этой должности фактически исполняющего ее моего первого заместителя А. И. Антонова, оставив за мной лишь должность заместителя наркома обороны. Помню, Сталин с удивлением спросил: «А разве вас не обидит такое решение?» Услышав мой ответ, он обратился к находившемуся там же Антонову и поинтересовался, как он относится к моему предложению. Алексей Иннокентьевич сказал, что не разделяет его. Сталин пообещал подумать, а пока подписал директиву Ставки, согласно которой я как ее представитель обязан взять на себя с 22 февраля руководство боевыми действиями III Белорусского и I Прибалтийского фронтов³. В заключение Сталин спросил, когда я смогу отправиться на фронт. Я назвал следующий день. Верховный разрешил мне дня два побыть с семьей, сходить в театр, а 19-го вечером накануне отъезда просил вновь зайти к нему.

Разговор происходил ночью. А днем 18 февраля пришло известие, что в районе города Мельзак смертельно ранен И. Д. Черняховский. В правительственном извещении говорилось: «18 февраля скончался от тяжелого ранения, полученного на поле боя в Восточной Пруссии, командующий III Белорусским фронтом генерал армии Черняховский Иван Данилович — верный сын большевистской партии и один из лучших руководителей Красной Армии. В лице товарища Черняховского государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Великой Отечественной войны...»

Я узнал о смерти Ивана Даниловича, находясь в Большом театре. Во время спектакля ко мне тихо подошел мой адъютант П. Г. Копылов и сказал, что меня просит к телефону Сталин. Он-то и сообщил мне эту горестную весть и сказал, что Ставка намерена поставить меня во главе III Белорусского фронта.

Утрату Ивана Даниловича я переживал очень тяжело. Я близко и хорошо знал его, ценил в нем отличного полководца, беспредельной честности коммуниста, исключительной души человека. Наше первое знакомство состоялось в январе 1943 года при подготовке и проведении Воронежско-Касторненской операции. И. Д. Черняховский командовал тогда 60-й армией. Начав довольно робко свою первую наступательную армейскую операцию, он в крайне неблагоприятных погодных условиях быстро овладел собой и, взяв в руки армию, блестяще выполнил поставленную задачу, освободив в первый же день Воронеж. Еще более блистательным результатом оперативного руководства со стороны молодого командарма явились боевые действия его армии при взятии Курска: город был взят в течение суток.

Особенно сблизила нас с Иваном Даниловичем общая работа в Белоруссии. Она протекала в атмосфере взаимного доверия, уважения и желания помочь друг другу. Черняховский возглавлял один из ведущих фронтов — III Белорусский. То была первая фронтальная операция, которую проводил самый молодой в Красной Армии, исключительно талантливый и энергичный командующий фронтом.

³ Архив МО СССР. ф. 132-А, оп. 2642, д. 39, л. 31.

Хорошее знание войск, многообразной и сложной боевой техники, умелое использование опыта других, глубокие теоретические знания позволяли Черняховскому отлично управлять войсками, входившими в состав его фронта, решать сложнейшие задачи, которые ставило перед ним Верховное Главнокомандование. В бою Черняховский находился на наиболее ответственных участках, внимательно следя за действиями своих войск и противника. Он прислушивался к мнению не только непосредственных помощников, но и подчиненных. Смело использовал все новое и полезное в обучении войск и организации боя. Солдаты, офицеры и генералы любили своего командующего прежде всего за человечность и заботу о них, за отвагу и бесстрашие, за твердость и настойчивость при проведении в жизнь решений, за прямоту и простоту в обращении, за гуманность и выдержку, за требовательность к себе и к подчиненным. Да, он был строг и требователен. Но никогда не позволял себе унижать достоинство подчиненного...

Вечером 19 февраля перед отъездом на фронт я был у Сталина. Он дал мне ряд полезных советов и указаний, касающихся предстоявшей работы. Прощаясь, пожелал мне и войскам победы и успехов. В приемной А. Н. Поскребышев вручил мне два пакета. В одном из них лежал приказ Ставки от 18 февраля. В нем говорилось: «1. Ввиду смерти командующего войсками III Белорусского фронта генерала армии Черняховского И. Д., последовавшей от тяжелого ранения, назначить командующим войсками III Белорусского фронта Маршала Советского Союза Василевского А. М. Маршалу Василевскому вступить в командование войсками фронта не позже 21 февраля с. г. 2. До прибытия на фронт Маршала Василевского исполнение обязанностей командующего войсками фронта возложить на начальника штаба фронта генерал-полковника Покровского. 3. Приказ Ставки Верховного Главнокомандования от 17.2 о возложении на Маршала Советского Союза Василевского руководства действиями I Прибалтийского и III Белорусского фронтов отменить»⁴.

Во втором пакете я обнаружил документ, который оказался для меня неожиданным,— постановление ГКО о том, что во изменение постановления ГКО от 10 июля 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил утверждается в следующем составе: Верховный Главнокомандующий и нарком обороны — Маршал Советского Союза Сталин И. В., заместитель наркома обороны — Маршал Советского Союза Жуков Г. К., заместитель наркома обороны — Маршал Советского Союза Василевский А. М., заместитель наркома обороны — генерал армии Булганин Н. А., начальник Генерального штаба — генерал армии Антонов А. И., главноком Морского Флота — Адмирал флота Кузнецов Н. Г. Недоумевая, я спросил Поскребышева, чем вызвано это постановление. Ведь на протяжении почти всей войны я, будучи начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны, официально не состоял членом Ставки. Не были членами Ставки ни один из нынешних командующих фронтами за исключением Г. К. Жукова. Поскребышев, улыбнувшись, ответил, что он знает об этом ровно столько же, сколько и я...

20 февраля я прибыл в Восточную Пруссию, в штаб III Белорусского фронта и 21 февраля вступил в командование. Моя непосредственная работа в войсках этого фронта на протяжении почти всей Белорусской операции летом 1944 года позволила мне быстро освоиться на новом поприще, так как я отлично знал не только руководящий состав фронтового управления, но также армейское и корпусное командование большинства армий, входивших во фронт.

Обстановка под Кенигсбергом была тогда достаточно сложной. Пока III Белорусский вел затяжные бои по уничтожению хейльсбергской группировки противника, I Прибалтийский действовал на Земландском полуострове и под самим Кенигсбергом. Чтобы не расплыть наши силы, Верховное Главнокомандование 17 февраля приказало командующему I Прибалтийским фронтом И. Х. Баграмяну организовать прочную оборону вокруг Кенигсберга, сосредоточив основные усилия на ликвидации с 20 по 27 февраля земландской группировки противника. Но фашисты упредили наше наступление. Пополнив оперативную группу «Земланд» войсками, переброшенными по морю

⁴ Там же, л. 40. В некоторых трудах встречается неверное утверждение, будто я был назначен на должность командующего III Белорусским фронтом в первые дни Восточно-Прусской операции.

из Курляндии, 13 февраля гитлеровцы с целью деблокирования кенигсбергской группировки нанесли два внезапных встречных удара: из Кенигсберга и с Земландского полуострова. После трехдневных ожесточенных боев им удалось отгеснить наши войска и создать коридор, соединивший кенигсбергскую группировку с земландской.

Учитывая это, а также потому, что операции по ликвидации здесь вражеских группировок в целом вообще требовали единого руководства, Ставка Верховного Главнокомандования приняла 21 февраля решение передать войска, действовавшие в Восточной Пруссии, III Белорусскому фронту, возложив на него в дальнейшем ответственность за ликвидацию всех находившихся там соединений противника. I Прибалтийский фронт с 24 часов 24 февраля 1945 года упразднился, а его войска, переименованные в Земландскую группу, включались в состав III Белорусского фронта. Генерал армии И. Х. Баграмян был назначен командующим Земландской группой войск и одновременно заместителем командующего III Белорусским фронтом. Начальник штаба I Прибалтийского фронта генерал-полковник В. В. Курасов стал начальником штаба Земландской группы, член Военного совета фронта генерал-лейтенант М. В. Рудаков — соответственно членом Военного совета этой группы войск. Таким образом, в состав объединенного III Белорусского фронта теперь вошли 2-я гвардейская, 43-я, 39-я, 5-я, 56-я, 11-я гвардейская, 31-я, 28-я, 3-я и 48-я общевойсковые армии, 1-я и 3-я воздушные армии.

До конца февраля шли напряженные бои. Гитлеровские войска и с ними отряды СА (служба безопасности при рейхсфюрере СС), СА (штурмовики), СС ФТ (военные группы охранников), молодежные спортгруппы «Сила через радость», ФС (добровольные стражники), подразделения НСНКК (фашистские моторизованные группы), ЗИПО (полиция безопасности) и ГФП (тайная полевая полиция) ожесточенно сопротивлялись.

Советские войска несли серьезные потери. Резко сократился боевой состав частей, снизилась ударная сила фронта. Пополнение почти не поступало, так как Советское Верховное Главнокомандование по-прежнему все усилия направляло на берлинское направление. Большие затруднения были и с материальным обеспечением войск, особенно со снабжением горючим. Тылы значительно отстали и не могли своевременно обеспечивать войска. Между тем в составе группы армий «Север», оборонявшей Восточную Пруссию, все еще насчитывалось около 30 дивизий, из них 11 оборонялись на Земландском полуострове и в Кенигсберге, а 19 — южнее и юго-западнее Кенигсберга.

Эти обстоятельства вынудили нас временно прекратить активные бои на Земландском полуострове, с тем чтобы начать последовательную ликвидацию других группировок врага: сначала разгромить наиболее крупную хейльсбергскую, затем, перестроив войска, нанести последовательные, хорошо подготовленные удары по кенигсбергской и, наконец, по земландской группировке. Операция затягивалась. Но другого выхода у командования фронта не было. Чтобы расчлнить и затем уничтожить хейльсбергскую группировку, решили нанести два одновременных рассекающих удара в общем направлении на Хайлигенбайль с востока и юго-востока. Наши воздушные армии должны были помочь наземным войскам решить эту нелегкую задачу. Двадцать дней, с 22 февраля по 12 марта, войска готовились к наступлению. Принимались все меры к тому, чтобы пополнить боевой состав частей и соединений, накопить боеприпасы, велась тщательная разведка.

Во второй половине марта, действуя в условиях весенней распутицы и сплошных туманов, наши войска сумели реализовать свой замысел, расчленив и разгромив гитлеровцев, занимавших Хейльсбергский укрепленный район. В ходе двухнедельных ожесточенных боев уничтожили более 93 тысяч и взяли в плен 46 тысяч немецких солдат и офицеров, захватили 600 танков и штурмовых орудий, 3560 полевых орудий, 1440 минометов, 128 самолетов⁵.

На очередь дня встала задача разгрома кенигсбергской группировки врага.

Никогда не забыть сражения на южном берегу залива Фришес-Хафф. Распутица вывела реки из берегов и превратила всю местность в болото. По колено в грязи советские войска сквозь огонь и дым пробивались в середину фашистской группировки. Пытаясь оторваться от наших воинов, противник в панике бросился к баржам, лод-

⁵ Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, лл 112--113.

кам, пароходам и потом взорвал дамбу. Под хлынувшими на равнину волнами остались тысячи гитлеровских солдат. А те, что уцелели, попали под огонь советских войск. Наши летчики обстреливали уходящие в море суда с фашистами.

В гарнизон Кенигсберга входили тогда четыре пехотных дивизии, ряд отдельных полков, крепостные части, охранные подразделения, отряды фольксштурмовцев — около 130 тысяч солдат, почти 4 тысячи орудий и минометов, более 100 танков и штурмовых орудий. На аэродромах Земландского полуострова базировалось 170 самолетов. По распоряжению коменданта крепости аэродром построили прямо в городе.

Помимо внешнего оборонительного обвода, преодоленного нашими войсками во время январских боев, гитлеровцы создали еще три оборонительные позиции с долговременными сооружениями и противотанковыми препятствиями. Первая, оборудованная в шести—восемь километрах от центра города, состояла из нескольких линий сплошных заграждений и минных полей. На ней находилось полтора десятка старых, но еще очень прочных фортов, в каждом из которых размещался солидный гарнизон. По городским окраинам проходила вторая позиция, включавшая в себя каменные здания, баррикады и железобетонные огневые точки. Третью позицию, опоясывающую центральную часть города, составляли главным образом бастионы, развалины, башни и крепкие постройки. В самом центре Кенигсберга находилась старинная цитадель, вмещавшая несколько тысяч человек. Этот внутренний гарнизон был укомплектован наиболее оголтелыми фашистами.

План разгрома кенигсбергской группировки состоял в том, чтобы мощными ударами с севера и юга по сходящимся направлениям рассеять силы гарнизона и штурмом овладеть городом. Для сковывания земландской группировки врага из района Кенигсберга планировался вспомогательный удар в западном направлении, в сторону Пиллау (Балтийск). Для проведения штурмовой операции привлекались войска, входившие в Земландскую группу: 43-я, 50-я, 11-я гвардейская и 39-я армии. Основная роль при штурме города отводилась огню артиллерии всех калибров, включая орудия особой мощности, а также действиям авиации, которая должна была сопровождать войска и полностью деморализовать обороняющегося противника.

Ставка предоставила фронту дополнительные, наиболее мощные средства подавления из Резерва Верховного Главнокомандования. К началу штурма фронт имел 5 тысяч орудий и минометов, 47 процентов из них составляли орудия тяжелые, затем большой и особой мощности — калибром от 203 до 305 миллиметров. Для обстрела наиболее важных целей, а также для того, чтобы не дать противнику эвакуировать войска и технику по Кенигсбергскому морскому каналу, предназначались 5 морских железнодорожных батарей (одиннадцать 130-миллиметровых и четыре 180-миллиметровых орудий, последние с дальностью стрельбы до тридцати четырех километров). Наступавшим на город наземным войскам помогали выделенные в подчинение командирам стрелковых дивизий орудия крупных калибров (152- и 203-миллиметровые) и 160-миллиметровые минометы. Для разрушений особо прочных зданий, построек и инженерных сооружений создавались корпусные и дивизионные группы, которым придали орудия особой мощности и реактивную артиллерию. Штурмовые войсковые группы также до предела насыщались артиллерией: у них имелось до 70 процентов дивизионной артиллерии, а в ряде случаев и тяжелые орудия.

К операции привлекались две воздушные армии III Белорусского фронта, авиация Ленинградского и II Белорусского фронтов, Краснознаменного Балтийского флота и тяжелые бомбардировщики 18-й воздушной армии авиации дальнего действия под руководством Главного маршала авиации А. Е. Голованова. В штурме Кенигсберга участвовало 2500 самолетов. Ни днем, ни ночью они не прекращали своих действий. И тогда трудно было представить, что на свете бывает тишина. Общее руководство авиацией осуществлял командующий Военно-Воздушными Силами Красной Армии Главный маршал авиации А. А. Новиков.

Подготовка к штурму Кенигсберга велась одновременно с ликвидацией хейльсбергской группировки врага. Руководители подготовкой войск к штурму командование и штаб Земландской группы войск во главе с командующим группой генералом армии И. Х. Баграмяном. В середине марта командование III Белорусского фронта совместно с командованием Земландской группы войск тщательно проанализировали и приняли

за основу разработанный командованием группы план штурма Кенигсберга. 16 марта Верховному Главнокомандующему направили донесение, в котором подробно излагалась обстановка в Восточной Пруссии. Мы еще раз подчеркнули, что с потерей этого укрепленного района дальнейшее упорное сопротивление противника на Земландском полуострове теряет смысл или, по крайней мере, свое значение.

В донесении детально перечислялись все пункты плана предстоящего штурма, задачи, стоявшие перед 2-й гвардейской, 43-й, 39-й, 5-й, 50-й, 11-й гвардейской армиями, назывались все основные средства усиления, направленные к участию в штурме. Далее излагался план самой операции.

«...Всю операцию... провести в три следующих этапа: первый этап — подготовительный. В ходе этого этапа провести мероприятия: а) всесторонне и наиболее полно вскрыть группировку и систему обороны противника, точно определив места огневых точек, фортификационных сооружений и заграждений противника; б) частичными активными действиями подготовить и улучшить исходное положение для войск в предстоящей операции; в) подготовить аэродромы для авиации; г) скрытно вывести и сосредоточить войска 50-й, 5-й и 2-й гвардейской армий; д) доукомплектовать стрелковые дивизии, назначенные для наступления, и довести их численность до 3000—3600 человек; е) накопить боеприпасы и довести их до установленных норм; ж) тщательно и всесторонне подготовить весь офицерский состав и войска к выполнению задач в предстоящей операции; з) провести ряд мероприятий по дезориентированию противника; и) в течение последних четырех дней перед началом операции провести авиационное и артиллерийское наступление с целью предварительного разрушения важнейших фортификационных сооружений Кенигсбергского укрепленного района. К этому наступлению привлечь авиационный корпус «ТУ-2», всю авиацию 3-й и 1-й воздушных армий и артиллерию большой мощности; к) иметь войска в полной готовности для перехода в немедленное наступление на тот случай, если противник в период нашей подготовки начнет эвакуацию своих войск из Кенигсбергского района.

Второй этап — прорыв оборонительной полосы противника, его внешнего обвода и выход войск на рубеж: северной группы — Поерштитен, Моссеннен, ст. Повайен, Клайн Хайдекруг, Наутцинкель, Иудиттен, Лавскен, Трагхаймер, Ротенштайн, Кведнау; южной группы (11-я гвардейская армия) — Шернфлис, Шпайхерсдорф, По-нарт, Хавштром. Продолжительность этапа — одни сутки.

Третий этап — развитие прорыва, штурм города Кенигсберг, овладение городом и выход войск на рубеж: Мюле-Тиренберг, платф. Компенен, Коббельбуде, Гросс Хайдекруг и далее северный берег залива Фриш Гаф. Продолжительность этапа — четыре дня.

Считаю возможным операцию начать через 8—10 дней после ликвидации восточнопрусской группировки противника, если он до начала этого срока не начнет эвакуацию своих войск из района Кенигсберга. В последнем случае наступление начнется немедленно всеми наличными силами.

Вся группировка войск в предстоящей операции на Земландском полуострове создается за счет дополнительного выделения сил и средств III Белорусского фронта»⁶.

Далее перечислялся состав этих сил и давалась заявка на вооружение, боевую технику, боеприпасы и горюче-смазочные материалы. Подписали донесение я, Макаров и Покровский.

На следующий день Ставка сообщила, что наши соображения утверждены. Разгром восточнопрусской группировки противника юго-западнее Кенигсберга предлагалось закончить не позднее 28 марта. В ночь на 18 марта во время телефонного разговора с И. В. Сталиным я доложил ему, что эти сроки нереальны. Ликвидация хейльсбергской группировки будет закончена 25—28 марта. На перегруппировку войск потребуется около трех-четырёх дней. Поэтому я просил разрешения начать артиллерийское и авиационное наступление в первых числах апреля. Верховный согласился, порекомендовал мне привлечь к участию в операции авиацию II Белорусского фронта, Балтийского флота и 18-й воздушной армии (авиация дальнего действия) и обещал прислать мне на помощь Главных маршалов авиации А. А. Новикова и А. Е. Голованова.

⁶ Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2630, д. 43 лл. 432—437.

25 марта войска III Белорусского фронта овладели городом Хайлингенбайль — последним опорным пунктом обороны фашистов на побережье залива Фришес-Хафф, а к 29 марта закончили ликвидацию хейльсбергской группировки. После этого все наше внимание переключилось на кенигсбергскую группировку. В конце марта в интересах единоначалия при управлении войсками фронта Ставка приняла решение упразднить Земландскую группу войск. Управление группы (бывшее управление I Прибалтийского фронта) с незадействованными частями связи, частями охраны и тылами надлежало не позже 15 апреля вывести в резерв Ставки в район Инстербурга. Генерал армии Баграмян оставался заместителем командующего III Белорусским фронтом.

Перед началом штурма наши артиллерия и авиация в течение четырех дней разрушали долговременные оборонительные сооружения крепости. Нам были известны все детали обороны. На абсолютно точном макете города командиры всех степеней отработали шаг за шагом план штурма. Исключительно большую работу провел штаб фронта во главе с генерал-полковником А. П. Покровским. Войска тренировались в отбитых у врага дотах, рвах и траншеях, изучая тактику уличных боев.

6 апреля установилась ясная погода. После мощной артиллерийской подготовки начался штурм. Пехота и танки под прикрытием сокрушительного огневого вала атаковали противника. Во второй половине дня во всю силу начала действовать и наша авиация. С юга летели самолеты 1-й, с востока — 3-й, с севера — 15-й воздушных армий, с запада — авиация Краснознаменного Балтийского флота и со всех сторон — авиация дальнего действия. Я побывал в эти дни в войсках 43-й, 39-й и 11-й гвардейской армий. Всюду советские воины смело и без малейших колебаний шли на штурм вражеской твердыни. Опергруппу «Земланд» сковала 2-я гвардейская. 5-ю армию мы перебросили из южных пригородов к северо-западной части города, где находились 39-я армия, отрезавшая Кенигсберг от Земландского полуострова ударом с севера на юг, и 43-я, прорывавшаяся с северо-запада к центру города. С севера действовали два корпуса 50-й армии, а третий корпус перекрыл подступы к городу с востока. С юга наносила удар 11-я гвардейская армия.

Враг упорно сопротивлялся, перебрасывая к Кенигсбергу с Земландского полуострова резервные пехотные и противотанковые части. Однако уже в течение первого дня боев наши войска, продвинувшись на три-четыре километра, заняли и блокировали несколько фортов, очистили от врага до полутора десятка прилегающих к городу населенных пунктов и перерезали железную дорогу. Кенигсберга фактически уже не существовало. Немцы лихорадочно возводили новые укрепления, баррикадировали улицы, взрывали мосты. Гарнизону крепости держаться любой ценой. В ночь на 7 апреля фашистское командование попыталось наладить нарушенное управление и привести в порядок свои потрепанные части. С утра 7 апреля развернулись жаркие и в пригородах и в самом Кенигсберге бои. Отчаявшийся враг предпринимал яростные контратаки, бросая в бой наскоро сколоченные отряды фольксштурма. Гитлеровцы проводили спешную перегруппировку сил и вводили в бой последние резервы, перебрасывая их с участка на участок. Но все попытки остановить штурмующих терпели неудачи. Второй день борьбы за город оказался решающим. Мы продвинулись еще на три-четыре километра, овладели тремя мощными фортами и заняли 130 кварталов.

Активно действовали наши авиация и артиллерия. Только за один день 7 апреля наша авиация произвела более 4700 самолето-вылетов и сбросила на укрепления противника свыше 1500 тонн бомб. Сражение не утихло ни на час. Под прикрытием темноты наши части атаковали заранее разведанные объекты. Дорогу открывали саперы. Одновременно осуществляла бомбардировку наша авиация, совершившая в ночь на 8 апреля до 1800 самолето-вылетов. С грохотом рушились железобетонные укрепления, вспыхивали пожары. Обреченный враг бешено сопротивлялся, переходил в контратаки. Но в пламени, дыму и пыли советские солдаты шли напролом. Преодолев упорное сопротивление врага на внутреннем оборонительном обводе крепости, 43-я армия очистила северо-западную часть города. Одновременно 11-я гвардейская, наступая с юга, форсировала реку Преголя. Теперь вести артиллерийско-минометный огонь было опасно: можно ударить по своим. Пришлось артиллерии замолчать, и воины-герои весь последний день штурма стреляли практически лишь из личного оружия, бросаясь в рукопашные схватки. И вот кольцо окружения сомкнулось в западной части города.

Остатки гарнизона отрезаны от опергруппы «Земланд». К концу третьего дня штурма было занято 300 кварталов старой крепости.

8 апреля, стремясь избежать бесцельных жертв, я, как командующий III Белорусским фронтом, обратился к немецким генералам, офицерам и солдатам кенигсбергской группы войск с предложением сложить оружие. Однако фашисты продолжали сопротивляться. С утра 9 апреля бои разгорелись с новой силой. 5 тысяч наших орудий и минометов, 1500 самолетов нанесли сокрушительный удар по крепости. Гитлеровцы начали сдаваться в плен целыми подразделениями. К исходу четвертых суток непрерывных боев Кенигсберг пал.

На допросе в штабе фронта комендант Кенигсберга генерал Отто Лаш говорил: «Солдаты и офицеры крепости в первые два дня держались стойко, но русские превосходили нас силами и брали верх. Они сумели скрытно сосредоточить такое количество артиллерии и самолетов, массированное применение которых разрушило укрепления крепости и деморализовало солдат и офицеров. Мы полностью потеряли управление войсками. Выходя из укреплений на улицу, чтобы связаться со штабами частей, мы не знали, куда идти, совершенно теряя ориентировку — настолько разрушенный и пылающий город изменил свой вид. Никак нельзя было предполагать, что такая крепость, как Кенигсберг, столь быстро падет. Русское командование хорошо работало и прекрасно осуществило эту операцию. Под Кенигсбергом мы потеряли всю сто-тысячную армию. Потеря Кенигсберга — это утрата крупнейшей крепости и немецкого оплота на Востоке».

Гитлер не мог примириться с потерей города, объявленного им лучшей немецкой крепостью за всю историю Германии и «абсолютно неприступным бастионом немецкого духа», и в бессильной ярости приговорил Лаши заочно к смертной казни.

В городе и пригородах советские войска захватили около 92 тысяч пленных (в том числе 1800 офицеров и генералов), свыше 3,5 тысячи орудий и минометов, около 130 самолетов и 90 танков, множество автомашин, тягачей и тракторов, большое количество различных складов со всевозможным имуществом.

Пока подсчитывались трофеи, в Москву полетело радостное донесение. И в ночь на 10 апреля 1945 года столица салютовала доблести, отваге и мастерству героев штурма Кенигсберга двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из 324 орудий. В боях за Кенигсберг советские воины вновь проявили изумительную стойкость, бесстрашие, массовый героизм. Как и повсюду, во главе штурмующих войск первыми шли коммунисты и комсомолы. За беспримерные подвиги около 200 человек были удостоены звания Героя Советского Союза. Назову некоторых из них: рядовые А. Н. Бордунов, А. А. Людниченко, В. П. Миронов, П. Е. Королев, И. Н. Федосов, старшины А. Т. Сучков, А. Е. Черемухин, И. П. Чиликин, лейтенанты И. П. Сидоров, парторг роты Г. Ф. Молочинский, командир батареи А. П. Шубин, командир взвода С. А. Мельников, комсорг батальона А. М. Яналов, командир пулеметной роты Н. А. Катин, командиры стрелковых дивизий генерал-майоры И. Д. Бурмаков и М. А. Пронин, командующий артиллерией 11-й гвардейской армии генерал-лейтенант П. С. Семенов, командиры корпусов генерал-лейтенант М. Н. Завадовский, генерал-майор С. С. Гурьев и многие другие. Командующий 43-й армией генерал-лейтенант А. П. Белобородов и летчик гвардии старший лейтенант П. Я. Головачев были награждены второй медалью Золотая Звезда. Тысячи воинов получили ордена, десятки тысяч — медали. Правительственных наград удостоились многие полки и дивизии, а 98 частям и соединениям присвоили почетное звание Кенигсбергских. Учрежденную в июне 1945 года медаль «За взятие Кенигсберга» вручили всем участникам борьбы за столицу Восточной Пруссии. Над этими тремя словами, высеченными на медали, сияет звезда, а под ними изображена лавровая ветка как символ мира, воцарившегося на бывшей земле тевтонских разбойников.

После взятия Кенигсберга в Восточной Пруссии оставалась только земландская группировка врага, имевшая в своем составе 8 дивизий, в том числе одну танковую. 11 апреля я вновь обратился к вражеским войскам с предложением прекратить безнадежное сопротивление. Вот текст этого обращения:

«Немецким генералам, офицерам и солдатам, оставшимся на Земланде! От командующего советскими войсками III Белорусского фронта ~~Маршала~~ Советского Союза **Василевского**.

Вам хорошо известно, что вся немецкая армия потерпела полный разгром. Русские — под Берлином и в Вене. Союзные войска — в 300 км восточнее Рейна. Союзники — уже в Бремене, Ганновере, Брауншвейге, подошли к Лейпцигу и Мюнхену. Половина Германии — в руках советских и союзных войск. Одна из сильнейших крепостей Германии Кенигсберг пала в три дня. Комендант крепости генерал пехоты Отто Лаш принял предложенные мною условия капитуляции и сдался с большей частью гарнизона. Всего сдались в плен 92 000 немецких солдат, 1819 офицеров и 4 генерала.

Немецкие офицеры и солдаты, оставшиеся на Земланде! Сейчас, после Кенигсберга, последнего оплота немецких войск в Восточной Пруссии, ваше положение совершенно безнадежно. Помощи вам никто не пришлет. 450 км отделяют вас от линии фронта, проходящей у Штеттина. Морские пути на запад перерезаны советскими подводными лодками. Вы — в глубоком тылу советских войск. Положение ваше безвыходное. Против вас — многократно превосходящие силы Красной Армии. Сила — на нашей стороне, и ваше сопротивление не имеет никакого смысла. Оно поведет только к вашей гибели и к многочисленным жертвам среди скопившегося в районе Пиллау гражданского населения.

Чтобы избежать ненужного кровопролития, я требую от вас: в течение 24 часов сложить оружие, прекратить сопротивление и сдаться в плен. Всем генералам, офицерам и солдатам, которые прекратят сопротивление, гарантируются жизнь, достаточное питание и возвращение на родину после войны. Всем раненым и больным будет немедленно оказана медицинская помощь. Я обещаю всем сдавшимся достойное солдат обращение. Мирным жителям будет разрешено вернуться в свои города и села, к мирному труду.

Эти условия одинаково действительны для соединений, полков, подразделений, групп и одиночек. Если мое требование сдаться не будет выполнено в срок 24 часа, вы рискуете быть уничтоженными. Немецкие офицеры и солдаты! Если ваше командование не примет мой ультиматум, действуйте самостоятельно. Спасайте свою жизнь, сдавайтесь в плен. Командующий советскими войсками III Белорусского фронта Маршал Советского Союза Василевский. 24 часа по московскому времени. 11 апреля 1945 года»⁷.

Ответа на это обращение не последовало. И утром 13 апреля наши войска возобновили наступление. Сосредоточив вдвое превосходящие силы, фронт наносил главный удар в центре, в общем направлении на Фишгаузен, с целью расчленения немецкой группировки и последующего уничтожения ее по частям. С севера на юг плечом к плечу стояли 2-я и 11-я гвардейские, 5-я, 39-я и 43-я армии. В первый же день наступления оборона противника была прорвана. Не выдержав удара, гитлеровцы 14 апреля начали отход. 17 апреля войска III Белорусского фронта после очередного ожесточенного боя овладели Фишгаузенем. Задача по очищению от противника Земландского полуострова в основном решена. Личный представитель Гитлера гаулейтер Эрих Кох на ледоколе, всю зиму простоявшем наготове, удрал с Земланда в Данию, приказав солдатам биться до последнего. 25 апреля войска III Белорусского фронта при активном участии Балтийского флота овладели крепостью и портом Пиллау (Балтийск) — последним опорным пунктом врага на Земландском полуострове.

Восточно-Прусская операция, проведенная в исключительно сложных условиях, явилась одним из показателей огромной боевой мощи Советских Вооруженных Сил и зрелости военного искусства. Она обогатила Красную Армию новым опытом борьбы с сильным врагом, опиравшимся на отлично подготовленную и глубоко развитую в инженерном и огневом отношении оборону в крайне выгодной для него местности. Советским войскам приходилось решать задачу окружения и ликвидации неприятеля на большой площади, прижимая его одновременно к Балтийскому морю и к заливам в районе Кенигсберга. Такая обстановка вынуждала нас прибегать в основном к фронтальным ударам и, как правило, лишала возможности вести действия только на окружение. Это порождало многие трудности, с которыми приходилось считаться при организации и осуществлении операции. Ведущую роль в ней сыграли мощная артилле-

⁷ Архив МО СССР, ф. 32, оп. 11306, д. 91, лл. 200--201.

рия и сильная бомбардировочная авиация. Опыт их применения во взаимодействии с наступающими войсками интересен и поучителен.

Полезен также опыт, который извлекли наземные войска и Балтийский флот из совместных действий на протяжении всей операции. Блокируя побережье Восточной Пруссии, флот наносил удары по важнейшим морским коммуникациям. Особенно активную помощь оказал он наземным войскам в борьбе за Кенигсберг и военно-морскую базу Пиллау (Балтийск). Следует особо отметить напряженный труд работников войскового, армейского и фронтового тыла. Большая удаленность района боевых действий от основных экономических центров СССР, разрушенные врагом железные дороги, недостаток в вагонах и средствах тяги, неизбежность перегрузки всех эшелонов, направлявшихся в войска, потребовали от работников тыла и железнодорожников предельной мобилизации сил, подлинной самоотверженности. С начала Восточно-Прусской операции перед железнодорожными войсками были поставлены три задачи: восстановить железнодорожный путь и все объекты на направлении Гумбиннен—Инстербург — Кенигсберг; перевести участок Шталлупенен — Гумбиннен на союзную колею с организацией здесь перегрузочного района; срочно восстановить трофейный железнодорожный транспорт и организовать правильную и мобильную его эксплуатацию. Темпы выполнения этих работ играли для фронта исключительную роль.

При подготовке штурма Кенигсберга поток воинских эшелонов значительно возрос, западноевропейского подвижного состава было явно недостаточно. Железнодорожники в срочном порядке переводили на широкую колею весь путь до Кенигсберга. Настоящий трудовой героизм проявили они в ходе боев за Кенигсберг. Уже на третий день после овладения городом наши войска приняли эшелоны, пришедшие сюда по союзной колее. Выполняя задания партии и правительства, железнодорожные войска трудились под прямым огнем врага, а иногда принимали участие и в отражении его контратак. Вот несколько цифр. Во время боевых действий в Восточной Пруссии на направлении III Белорусского фронта было уложено, восстановлено и перешито 552 километра главных и станционных путей, восстановлено и введено в действие 64 моста, 5 железнодорожных узлов и 6 пунктов водоснабжения. За ними — напряженный, полный риска труд...

Итак, восточнопрусская цитадель германского империализма пала! Решением Потсдамской конференции глав союзных держав по антигитлеровской коалиции Кенигсберг и прилегающие к нему районы переданы Советскому Союзу, а остальные области Восточной Пруссии вошли в состав Польской Народной Республики. 25 февраля 1947 года Контрольный совет в Германии, учрежденный державами-победительницами как орган верховной власти в этой стране, единогласно от имени США, Англии, Франции и СССР принял закон о ликвидации Прусского государства. Так было покончено и с форпостом германской агрессии. А город Кенигсберг, бывшая столица прусских королей, носит теперь имя славного ветерана ленинской гвардии Михаила Ивановича Калинина.

На восточнопрусской границе встретил 22 июня 1941 года войну командир 28-й танковой дивизии полковник И. Д. Черняховский. Здесь после трех с половиной лет борьбы за освобождение родины от фашистского агрессора он отдал свою жизнь. Ныне имя дважды Героя Советского Союза Черняховского носит бывший Инстербург, над которым 22 января 1945 года взвилось красное знамя черняховцев.

Блестяще сражался при штурме Кенигсберга 16-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора С. С. Гурьева, ставшего под стенами древней рыцарской крепости Героем Советского Союза. Следующий шаг гвардейцы его корпуса сделали к морской цитадели Пиллау, и на подступах к ней оборвалась жизнь Степана Савельевича. В память о нем прежний Нойхаузен переименован в Гурьевск.

Именем заместителя командира краснознаменного корпуса С. К. Нестерова, погибшего в Восточной Пруссии, назван бывший Шталлупенен.

В январе 1945 года под Гумбинненом немецкая пехота, артиллерия и танки пытались отбросить наступавшие советские войска назад, к Литве. Здесь героически сражалась группа бойцов во главе с капитаном С. И. Гусевым. В местном рукопашном бою на подступах к Гумбиннену Сергей Иванович погиб. А через три дня его батальон первым ворвался в Гумбиннен, ставший ныне городом Гусев.

Из Калининграда вдоль Вислинского залива тянется железная дорога. В одном месте она подступает к берегу совсем близко. Когда-то немецкие военные колонисты, изгнав отсюда славян-вармиев, переделали Вармию в Эрменланд и основали возле восточных дюн залива селение Людвигсорт. В марте 1945 года за двое суток до взятия его нашей танковой ротой от прямого попадания вражеского снаряда здесь погиб ее командир Иван Мартынович Ладушкин. Его имя и носит теперь это селение, на краю которого находится могила славного воина.

Именем капитана П. И. Романова назван Побетген. Здесь сражался до последней капли крови Петр Ильич Романов, командир батальона 182-й стрелковой дивизии.

А бывший город Хайлигенбайль носит имя Н. В. Мамонова. Возглавляемый им 331-й стрелковый полк наряду с другими нашими частями взломал у этого города мощный узел вражеского сопротивления. Николай Васильевич погиб смертью героя, спасая жизнь своего подчиненного. Прах гвардии подполковника Мамонова перевезен в город его имени.

Ушли в прошлое годы войны. А подвиги героев живут. Живут в названиях улиц, городов, пароходов.

Занятый делами и заботами III Белорусского фронта, я лишь издали имел возможность следить за тем, как развертывалась Берлинская операция. Теперь о ней написано немало исследований, мемуаров. Но и до сих пор это крупнейшее событие второй мировой войны привлекает к себе внимание как военных историков, так и читателей. В результате Берлинской операции разгромлена немецко-фашистская группировка, насчитывавшая около миллиона солдат и офицеров. Столица гитлеровской Германии пала, и через несколько дней был подписан акт о безоговорочной капитуляции.

Размышляя над ходом Берлинской операции, я отмечаю в ней ряд характерных особенностей. Прежде всего краткий срок подготовки — всего две недели. Вспомним, что такие операции, как Сталинградская, Белорусская, Яско-Кишиневская, Висло-Одерская, готовились не менее одного-двух месяцев. Темпы подготовки и осуществления Берлинской операции свидетельствуют о том, что советская военная экономика и Вооруженные Силы достигли к 1945 году такого уровня, который и позволил сделать то, что ранее показалось бы чудом.

Второй особенностью является оригинальность положенного в ее основу стратегического замысла. Войска трех фронтов — II Белорусского (К. К. Рокоссовский), I Белорусского (Г. К. Жуков) и I Украинского (И. С. Конев) наносили одновременно шесть ударов на трехсоткилометровом фронте. Гитлеровские армии были скованы сразу на всем одерско-нейсенском оборонительном рубеже. Окружение для немецких войск не могло быть неожиданным. И тем не менее маневр на окружение был проведен и доведен до конца. Это явилось новым шагом в развитии военного искусства.

Создавая наступательные группировки, способные быстро взламывать сильную и глубоко эшелонированную оборону неприятеля, наше Верховное Главнокомандование привлекло к участию в них весьма крупные бронетанковые силы. На различных этапах Берлинской операции с нашей стороны в сражениях участвовали 4 танковые армии, 10 отдельных танковых и механизированных корпусов, 16 отдельных танковых и самоходно-артиллерийских бригад, свыше 80 отдельных танковых и самоходно-артиллерийских полков. Особого внимания заслуживают методы использования танковых армий. В тесном взаимодействии с общевойсковыми эти армии прорывали все три оборонительные полосы одерско-нейсенского рубежа, действовали самостоятельно при осуществлении маневра на окружение берлинской группировки с севера и юга, участвовали в штурме Берлина, сохраняя собственные полосы действий. Опыт этой операции еще раз убедительно показал нецелесообразность применения крупных танковых соединений в сражении за большой населенный пункт: они теряют здесь свои главные преимущества — ударную силу и маневренность.

Много интересного дала для военного искусства битва за Берлин в использовании артиллерии, авиации, радиолокационных средств, в организации материально-технического обеспечения войск и работы тыла.

Несмотря на огромный размах Берлинской операции, стратегическое руководство и координация действий трех фронтов (19 общевойсковых, 4 воздушные и 4 тан-

ковые армии) осуществлялись на высоком уровне. Ставка и Генеральный штаб умело спланировали операцию и твердо руководили войсками в ходе битвы. Верховное Главнокомандование взяло управление фронтами целиком на себя непосредственно из Москвы...

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Даже в самые трудные для нас месяцы на советско-германском фронте мы вынуждены были держать на дальневосточной границе 30—40 дивизий. Находившаяся в Маньчжурии Квантунская армия, постоянно нацеленная на наш Дальний Восток, за лето 1941 года удвоила свои силы. 25 ноября 1941 года в Берлине был возобновлен Антикоминтерновский пакт Германии и ее союзников, в том числе Японии. Советско-японский договор о нейтралитете, подписанный в апреле 1941 года, по указаниям из Токио постоянно нарушался. В декабре 1941 года японцы обстреляли наши торговые суда «Симферополь», «Сергей Лазо», «Свирьстрой» и «Кречет», а «Перекоп» и «Майкоп» потопили.

По новому варианту плана военных действий против СССР, разработанному в Токио в 1942 году, предусматривалось отторжение от Советского Союза нашего Дальнего Востока и Сибири. Однако крах гитлеровской группировки под Сталинградом смещал планы не только Берлина, но и Токио.

Даже ведя сражения с американскими войсками, японцы две трети своих танков, половину артиллерии и отборные императорские дивизии держали в Квантунской армии. И хотя наши победы в 1943—1944 годах заставили японцев забыть о своем обязательстве перед Берлином нанести удар по СССР, они продолжали осуществлять резко антисоветский и агрессивный внешнеполитический курс. К 1945 году число задержанных японцами советских торговых судов достигло 173. Дипломатический аппарат Японии в СССР активно занимался сбором шпионской информации. Бактериологический институт при Квантунской армии (так называемый Маньчжурский отряд № 731) готовился к массовому применению бактериологического оружия против СССР, МНР и Китая.

Советское правительство сознавало всю важность ликвидации очага войны на Дальнем Востоке, упрочения там наших границ и видело свой долг в том, чтобы поддержать народы Восточной и Юго-Восточной Азии в их национально-освободительной борьбе против японского ига.

Москва была верна союзническому долгу. Еще на Тегеранской конференции глав трех держав в декабре 1943 года советская делегация дала нашим союзникам принципиальное согласие на помощь в войне с Японией. На Ялтинской конференции в феврале 1945 года было подписано «Соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока».

После Ялтинской конференции подготовка к войне с Японией в Ставке Верховного Главнокомандования и особенно в Генеральном штабе резко активизировалась.

По окончании Восточно-Прусской операции меня отозвали с III Белорусского фронта. 27 апреля Генеральный штаб приступил к разработке плана войны с Японией. А. И. Антонов, начальник Оперативного управления С. М. Штеменко и генерал Н. А. Ломов уже многое успели сделать. Первоначальные расчеты сосредоточения наших войск в Приамурье и Приморье были сделаны еще осенью 1944 года. Но до Ялтинской конференции никакой детализации плана войны против империалистической Японии не производилось.

25 апреля 1943 года командующим войсками Дальневосточного фронта назначили моего хорошего товарища и сослуживца генерал-полковника М. А. Пуркаева. Он сменил генерала армии И. Р. Апанасенко, которого направили стажироваться на Воронежский фронт в должности заместителя командующего фронтом. Иосиф Родионович Апанасенко погиб во время Белгородско-Харьковской операции.

В июне 1943 года заместителя начальника штаба Дальневосточного фронта генерал-майора Н. А. Ломова перевели в Оперативное управление Генштаба, а на его место назначили генерал-майора Ф. И. Шевченко.

В марте—апреле 1945 года Генштаб приступил к разработке оперативно-стратегического плана войны с Японией. Проводилось обновление материальной части в войсках Дальнего Востока. Туда направили 670 танков «Т-34» и другую боевую технику. Тогда же Ставка окончательно определила и утвердила для переброски с запада на восток войска, имевшие опыт боевых действий в природных условиях, сходных с условиями на Дальнем Востоке. В Забайкалье переводилась 39-я армия генерал-полковника И. И. Людникова, 53-я армия генерал-полковника И. М. Манагарова, 6-я гвардейская танковая армия генерал-полковника танковых войск А. Г. Кравченко, в Приморье — 5-я армия генерал-полковника Н. И. Крылова.

5 апреля 1945 года Советское правительство через народного комиссара иностранных дел заявило японскому послу в Москве о денонсировании Пакта о нейтралитете между Японией и СССР.

Главной военно-стратегической целью дальневосточной кампании являлся разгром основной ударной силы японского империализма — Квантунской армии, и освобождение от японских захватчиков северо-восточных провинций Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи. Успешное решение этой задачи резко ускорило капитуляцию Японии.

Квантунская армия, возглавляемая опытным японским генералом армии Отодзо Ямада и начальником штаба генерал-лейтенантом Хипосабуро Хата, составляла основу японских вооруженных сил в Маньчжурии и Корее. Вместе с марионеточными войсками местных правителей Маньчжоу-Го, Внутренней Монголии и провинции Суйюань она насчитывала свыше 1,2 миллиона человек, хотя по количеству боевой техники заметно уступала к началу советско-японской войны нашим Вооруженным Силам. В ее состав входили три фронта: 1-й (Восточно-Маньчжурский), развернутый вдоль границ нашего Приморья (5-я армия генерал-лейтенанта Симадзу и 3-я армия генерал-лейтенанта Суруками — 10 пехотных дивизий и одна пехотная бригада); 3-й (Западно-Маньчжурский) фронт (44-я армия генерал-лейтенанта Хонго и 30-я армия генерал-лейтенанта Яда — 8 пехотных дивизий, 3 пехотные и одна танковая бригады), предназначенный для действий на монголо-маньчжурском направлении; 17-й фронт (34-я и 59-я армии — 9 пехотных дивизий), располагавшийся в районе портов Кореи и составлявший резерв командующего Квантунской армией. 4-я отдельная армия генерал-лейтенанта Уэмура состояла из трех пехотных дивизий и четырех пехотных бригад и использовалась для действий на северо-восточных границах Маньчжурии. С воздуха Маньчжурию прикрывала 2-я воздушная, а Корею — 5-я воздушная армии. На Южном Сахалине и Курильских островах был развернут 5-й фронт в составе трех дивизий, бригады и авиационного полка.

Эти силы опирались на богатые материальные, продовольственные и сырьевые ресурсы Маньчжурии и Кореи и на маньчжурскую военную промышленность, производившую в основном все необходимое для жизни и боевой деятельности войск Квантунской армии. На территории, занимаемой войсками Квантунской армии, находилось 13 700 километров железных и 22 тысячи километров автомобильных дорог, 400 аэродромов, 870 крупных военных складов и хорошо оборудованные военные городки, рассчитанные на армию в 1,5 миллиона человек.

На территории Маньчжурии по границам с нами и Монгольской Народной Республикой японские милитаристы создали 17 укрепленных районов, из них 8 на востоке против советского Приморья. Каждый укрепленный район достигал до сорока километров в глубину и двадцать — сто километров по фронту. Все они предназначались не только для усиления обороны, но и для создания более выгодных условий для сосредоточения и развертывания войск. Линия пограничных укрепленных районов состояла из трех позиций. Четыре укрепленных района были построены в Корее и один против Северного Сахалина. Острова Курильской гряды прикрывались береговыми артиллерийскими батареями, укрытыми в железобетонные сооружения, и воинскими гарнизонами, обеспеченными также довольно развитыми долговременными оборонительными сооружениями.

Замысел руководителей империалистической Японии сводился к тому, чтобы не допустить высадки американско-английских войск на Японские острова и надежно оборонять свои завоевания в Китае и Корее. Отвергнув Потсдамскую декларацию, пред-

ложенную ей США, Англией и Китаем, Япония решила продолжать войну. В этом своем решении она опиралась на сильную сухопутную армию и мощную военную промышленность. В составе вооруженных сил Японии к лету 1945 года с учетом Квантунской армии имелось свыше 7 миллионов человек, более 10 тысяч самолетов и около 500 боевых кораблей.

Было совершенно очевидно, что союзники не в состоянии своими силами быстро принудить Японию к капитуляции. Правительства США и Англии хорошо понимали, что исход войны на Тихом океане зависел прежде всего от разгрома сухопутных сил Японии на азиатском континенте. Они справедливо признавали, что для вторжения на японские острова им потребуется армия численностью около 7 миллионов, а война без вступления в нее Советского Союза продлится не менее восемнадцати месяцев после поражения Германии и потребует огромных жертв. Как известно, в разрабатывавшихся в те времена планах вторжения в Японию предусматривалась высадка 6-й американской армии и морской пехоты на остров Кюсю в ноябре, а 8-й и 10-й армий на остров Хонсю (Хондо) — в марте 1946 года. Во время Потсдамской конференции глав великих держав И. В. Сталин подтвердил, что Советский Союз объявит Японии войну точно через три месяца после капитуляции Германии.

Еще перед Ялтинской конференцией Верховный Главнокомандующий предложил мне и Антонову подумать над сокращением срока подготовки военной кампании против Японии. Обсудив вопрос вместе с начальником тыла Красной Армии генералом А. В. Хрулевым, мы пришли к выводу, что это возможно лишь в случае, если на Дальний Восток не будет перебрасываться войсковой автотранспорт. Частичное разрешение проблемы было найдено, когда американцы предложили свои услуги по доставке автотранспорта в наши дальневосточные порты.

Согласно принятому Советским Верховным Главнокомандованием стратегическому плану, предусматривалось использовать выгодную для нас конфигурацию советско-маньчжурской границы и нанести сокрушительные удары по японским войскам, находившимся в Маньчжурии и Корее, в трех направлениях; два основных встречных удара — со стороны Забайкалья, то есть со стороны восточного выступа территории Монгольской Народной Республики, и из Советского Приморья, вспомогательный — из района юго-западнее Хабаровска. Цель — окружить главные силы Квантунской армии и уничтожить их.

Для выполнения этих стратегических задач на Дальнем Востоке предусматривалось развернуть три фронта:

Забайкальский фронт на западной границе Маньчжурии (командующий — Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, член Военного совета — генерал-лейтенант А. Н. Тевченков, начальник штаба — генерал армии М. В. Захаров) — 6-я гвардейская танковая армия (командующий — генерал-полковник танковых войск А. Г. Кравченко), 39-я армия (командующий — генерал-полковник И. И. Людников), 17-я армия (командующий — генерал-лейтенант А. И. Данилов), 53-я армия (командующий — генерал-полковник И. М. Манагаров), 36-я армия (командующий — генерал-лейтенант А. А. Лучинский), смешанная конно-механизированная группа советско-монгольских войск (командующий — генерал-полковник И. А. Плиев) и 12-я воздушная армия (командующий — маршал авиации С. А. Худяков);

I Дальневосточный фронт на восточной границе Маньчжурии (командующий — Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, член Военного совета — генерал-полковник Т. Ф. Штыков, начальник штаба — генерал-лейтенант А. Н. Крутиков) — 1-я Краснознаменная армия (командующий — генерал-полковник А. П. Белобородов), 5-я армия (командующий — генерал-полковник Н. И. Крылов), 25-я армия (командующий — генерал-полковник И. М. Чистяков), 35-я армия (командующий — генерал-лейтенант Н. Д. Захватаев), 10-й механизированный корпус (командир — генерал-лейтенант танковых войск И. Д. Васильев) и 9-я воздушная армия (командующий — генерал-полковник авиации И. М. Соколов);

II Дальневосточный фронт на северо-восточной границе Маньчжурии (командующий — генерал армии М. А. Пуркаев, член Военного совета — генерал-лейтенант Д. С. Леонов, начальник штаба — генерал-лейтенант Ф. И. Шевченко) — 15-я армия (командующий — генерал-лейтенант С. К. Мамонов), 2-я Краснознаменная армия (ко-

манующий — генерал-лейтенант танковых войск М. Ф. Терехин], 16-я армия (командующий — генерал-лейтенант Л. Г. Черемисов), Камчатский оборонительный район (командующий — генерал-майор А. Р. Гнечко) и 10-я воздушная армия (командующий — генерал-полковник авиации П. Ф. Жигарев).

К участию в кампании привлекались силы Тихоокеанского флота (командующий — адмирал И. С. Юмашев, член Военного совета — генерал-лейтенант береговой службы С. Е. Захаров, начальник штаба — вице-адмирал А. С. Фролов) и Краснознаменной Амурской военно-речной флотилии (командующий — контр-адмирал Н. В. Антонов).

Учитывая большую удаленность дальневосточного театра, его огромную территорию, сложные природные условия, а также необходимость наиболее целесообразно и своевременно использовать Тихоокеанский флот в интересах всех трех фронтов, Государственный Комитет Обороны создал для стратегического руководства военными действиями Главное Командование советских войск на Дальнем Востоке. Возглавить это Командование поручили мне, членом Военного совета был назначен генерал-лейтенант И. В. Шикин, начальником штаба — генерал-полковник С. П. Иванов. Вместе со мной Ставка направила на Дальний Восток командующего ВВС Красной Армии Главного маршала авиации А. А. Новикова, заместителя начальника войск связи генерал-полковника войск связи Н. Д. Псурцева, заместителя командующего артиллерией маршала артиллерии М. Н. Чистякова, заместителя начальника тыла генерал-полковника В. И. Виноградова и некоторых других крупных работников Наркомата обороны.

Создание Главного Командования на Дальнем Востоке как органа стратегического руководства войсками, на мой взгляд, себя оправдало. Наличие такого органа давало возможность оперативно проводить в жизнь указания Верховного Главнокомандующего, учитывать все изменения в оперативно-стратегической и военно-политической обстановке и своевременно реагировать на них, а также оказывать фронтам на месте необходимую помощь. Связь Верховного Главнокомандующего со мной и с действующими фронтами была прямой и повседневной даже тогда, когда И. В. Сталин находился на Потсдамской конференции.

До 5 августа в целях секретности I Дальневосточный фронт именовался Приморской группой, которую с апреля 1945 года возглавляло бывшее командование Карельского фронта, II Дальневосточный фронт — Дальневосточным фронтом, а штаб Главного командующего советскими войсками на Дальнем Востоке — оперативной группой генерал-полковника Васильева.

В течение весны и лета шла группировка наших войск на Дальнем Востоке. В директиве К. А. Мерецкову от 19 марта Ставка назвала в составе Приморской группы войск лишь три общевойсковые армии — 1-ю Краснознаменную, 25-ю и 35-ю⁸. Цели, которые ставились тогда перед Приморской группой войск, носили еще оборонительный характер. В директиве от 26 марта Ставка приказывала «не допустить вторжения противника на территорию Советского Союза» и «обеспечить сосредоточение новых сил в Приморье», прикрыть иманское, лесозаводское, спасское и ворошиловское направления и ряд приморских районов, «разработать подробный план обороны» и представить его в Генштаб не позднее 15 мая. Оборонительные задачи ставились тогда и в директиве Пуркаеву.

С мая по июль на Дальний Восток прибыли четыре армии (5-я, 39-я, 53-я и 6-я гвардейская танковая), с ними 27 дивизий, 12 бригад, ряд отдельных соединений и специальных частей и много боевой техники. К началу войны в составе Забайкальского, I и II Дальневосточных фронтов с учетом группировки войск, привлеченной от Монгольской народно-революционной армии, было 4 танковых и механизированных корпуса, 80 стрелковых, кавалерийских и танковых дивизий, 30 бригад и т. д. — свыше 1,5 миллиона человек, 26 тысяч орудий и минометов, 5,5 тысячи танков и САУ, свыше 3,8 тысячи боевых самолетов.

Ставка планировала осуществить после начала кампании три операции. Одну, Хингано-Мукденскую, должны были провести войска Забайкальского фронта совместно с войсками Монгольской Народной Республики. Преодолев Большой Хинганский хребет, им предстояло нанести удар главными силами на Мукден. Вторую, Харбинско-Ги-

⁸ Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 13, лл. 225—228.

ринскую, обязан был осуществить из Приморья I Дальневосточный фронт, нанося главные удары на города Харбин и Гирич. Эти две операции являлись основными. Нанося встречные удары и соединяясь в сердце Маньчжурии, они должны были рассечь Квантунскую армию и подорвать тем самым основу ее боевой мощи. Вспомогательную Сунгарийскую операцию поручали II Дальневосточному фронту, сковывавшему Квантунскую армию ударом из Приамурья.

II и I Дальневосточные фронты обязывались теснейшим образом взаимодействовать с нашими дальневосточными военно-морскими силами, непосредственное руководство которыми было возложено Ставкой на главнокомандующего Военно-Морскими Силами адмирала флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова. Николай Герасимович, начавший свою службу в годы гражданской войны матросом, получил затем два высших военно-морских образования. Он был командиром крейсера, нашим военно-морским аташе в республиканской Испании, командующим Тихоокеанским флотом, наркомом ВМФ СССР. Н. Г. Кузнецов — один из видных советских военно-морских деятелей.

Первоначально перед Тихоокеанским военно-морским флотом и флотилиями стояли также сугубо оборонительные задачи. Директивы наступательного характера, в частности о высадке десантов в Корею, на Южном Сахалине и Курильских островах, поступили уже после начала боевых действий. Амурская военная флотилия в оперативном отношении подчинялась II Дальневосточному фронту.

Весь июнь и в первых числах июля мы в Генеральном штабе уточняли с командующими фронтами план дальневосточной кампании. К 27 июня Генеральный штаб, исходя из принятых Ставкой стратегических решений, полностью завершил отработку директив для фронтов. 28 июня их утвердила Ставка. В директиве командующему Забайкальским фронтом приказывалось: стремительным вторжением в Центральную Маньчжурию во взаимодействии с войсками Приморской группы и Дальневосточного фронта разгромить Квантунскую армию и овладеть районом Чифы, Мукден, Чанчунь, Чжаланьтунь; операцию построить на внезапности удара и использовании подвижных соединений фронта, в первую очередь 6-й гвардейской танковой армии⁹. Директива, адресованная командующему Приморской группой войск, требовала вторжением в Центральную Маньчжурию совместно с войсками Забайкальского и Дальневосточного фронтов разгромить Квантунскую армию и овладеть районом Харбин, Чаньчунь, Сейсин¹⁰. Командующий Дальневосточным фронтом обязывался активно содействовать войскам Забайкальского фронта и Приморской группы в разгроме Квантунской армии и овладении районом Харбин¹¹.

5 июля я прибыл в Читу и вручил директиву Ставки командующему Забайкальским фронтом. В те же дни директивы доставили командующим Приморской группой войск и Дальневосточным фронтом.

В первые же дни мы с Р. Я. Малиновским побывали на основных участках Забайкальского фронта, провели ряд рекогносцировок, ознакомились с войсками, обсудили обстановку с командованием армий, корпусов и с командирами дивизий. В результате в ранее принятые решения внесли существенные изменения и сократили сроки выполнения войсками основных задач, предусмотренных директивой. Так, мы нашли возможным форсировать Большой Хинган 6-й гвардейской танковой армией не на десятый день операции, как это планировалось, а не позднее пятого дня. Значительно сократили сроки выхода общевойсковых армий на Маньчжурскую равнину. Овладение укрепленным районом Хайлар 36-й армией наметили не на двенадцатый, а на десятый день операции. В дальнейшем ей предстояло наступать на Цицикар. 53-ю армию поставили чуть правее и в затылок 6-й гвардейской танковой армии и приказали неотступно следовать за ней. На пять дней сократили первоначальные сроки и для войск, действовавших на правом крыле фронта, в частности для 17-й армии, которая должна была захватить район Дабаньшан, преодолев Большой Хинган. Предусматривалось также значительно сократить сроки выхода конно-механизированной группы монгольско-советских войск в районе Калгана и Долоннора. Все эти изменения Ставка утвердила. Аналогичную работу проделали командование, штабы и политуправления Приморской

⁹ Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 13, лл. 247—250.

¹⁰ Там же, лл. 241—243.

¹¹ Там же, лл. 238—240.

группы войск и Дальневосточного фронта. В течение июля под руководством наиболее опытных командиров проводились общевойсковые учения по тематике, близкой к боевым задачам, которые им предстояло решать. Огромную работу провели фронты по улучшению материально-технического обеспечения операции.

16 июля ко мне в штаб войск Дальнего Востока, находившийся в двадцати пяти километрах юго-западнее Читы, позвонил из Потсдама И. В. Сталин. Он спросил, как идет подготовка к операции, и поинтересовался, нельзя ли ее дней на десять ускорить. Я доложил, что сосредоточение войск и подвоз всего самого необходимого не позволят сделать этого, и просил оставить прежний срок. Сталин дал на это согласие. Почему Сталин ставил вопрос об ускорении сроков, мне неизвестно. Известно другое: накануне открытия Потсдамской конференции американцы провели первое испытание атомной бомбы в США, а через неделю, 24 июля, участник конференции, исполнявший обязанности президента, бывший вице-президент Г. Трумэн отдал приказ командующему стратегическими военно-воздушными силами США сбросить в начале августа 1945 года атомную бомбу на один из следующих японских городов: Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки. Получив в Потсдаме сообщение о результатах испытания бомбы, Трумэн попытался оказать политический нажим на советскую делегацию. Но он встретил с ее стороны спокойную уверенность и сдержанную твердость.

16 июля в момент разговора со мной Сталин, по-видимому, не мог знать о том, что за несколько часов до этого в Лос-Аламосе взорвался «Толстяк» (кодовое название испытываемой бомбы). Надо полагать, интересуясь сроками начала операции, он руководствовался не этим фактом, а общими военно-политическими соображениями.

30 июля 1945 года приказом Ставки Верховного Главнокомандования я официально назначался Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке с подчинением мне с 1 августа Забайкальского и Дальневосточного фронтов, Приморской группы войск и Тихоокеанского флота¹². 2 августа на мое имя поступила следующая директива: «Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: с 5 августа 1945 г. переименовать: 1. Приморскую группу войск (командующий — Маршал Советского Союза Мерецков К. А.) — в I Дальневосточный фронт. 2. Дальневосточный фронт (командующий — генерал армии Пуркаев М. А.) — во II Дальневосточный фронт. 3. Оперативную группу генерал-полковника Васильева — в штаб Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке. 4. Назначить начальником штаба Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке генерал-полковника Иванова С. П.»¹³.

7 августа поступила новая директива. «Войскам Забайкальского, I и II Дальневосточных фронтов, — гласила она, — 9 августа начать боевые действия для выполнения задач, поставленных директивами Ставки от 28 июня; боевые действия авиации всех фронтов начать с утра 9 августа; наземным войскам Забайкальского и I Дальневосточного фронтов границу Маньчжурии перейти утром 9 августа; II Дальневосточному фронту — по моему указанию, Тихоокеанскому флоту перейти в оперативную готовность номер один, приступить к постановке минных заграждений, одиночное судодходство прекратить, транспорты направить в пункты сосредоточения, а в дальнейшем организовать судодходство конвоями под охраной военных кораблей, подводные лодки развернуть, боевые действия флота начать с утра 9 августа»¹⁴.

Боевые действия фронтов развернулись и осуществлялись в следующем оперативном построении. Во фронте Р. Я. Малиновского: Монгольская народно-революционная армия маршала Хорлоина Чойбалсана наносила удар от Сайн-Шанда в пустыне Гоби по войскам князя Де Вана и суйюаньской армейской группы в направлении Калгана (Чжанцзякэу); смешанная советско-монгольская конно-механизированная группа генерал-полковника И. А. Плиева — из Северной Гоби в направлении города Долоннор (Долунь); 17-я армия генерал-лейтенанта А. И. Данилова — от Югодзыр-Хида на Чифын с целью разгрома войск левого крыла 44-й японской армии. В результате успешного решения этого замысла Квантунская армия была изолирована от войск японского Северного флота, действовавшего в районе Бейпина (Пекина), и потеряла воз-

¹² Там же, д. 39, л. 155.

¹³ Там же, л. 161.

¹⁴ Там же, лл. 162—163.

возможность получить помощь с юга. 53-я армия генерал-полковника И. М. Мангарова и 6-я гвардейская танковая армия генерал-полковника танковых войск А. Г. Кравченко от Мамага наступали на Муқден (Шаньян), местопребывание штаба японского 3-го фронта, нанося удар по правому крылу 44-й армии. 39-я армия генерал-полковника И. И. Людникова из Тамцак-Булакского выступа, громя 30-ю и левое крыло 4-й отдельной японской армий, продвигалась вдоль железной дороги на Чанчунь (Синьцзин), где находился штаб Квантунской армии, а ей навстречу с востока выходила 5-я армия I Дальневосточного фронта. 36-я армия генерал-лейтенанта А. А. Лучинского из Даури через Хайлар наносила удар на Цицикар по центру 4-й отдельной армии. С воздуха Забайкальский фронт поддерживала 12-я воздушная армия маршала авиации С. А. Худякова.

Войска Машиновского шли по труднопроходимой местности. Даже у самих китайцев и японцев не имелось необходимых карт, и наша картографическая служба немало потрудились, чтобы обеспечить командиров необходимыми пособиями. Враг не предполагал, что советские войска сумеют за неделю пройти сотни километров в тяжелейших условиях. Элемент неожиданности был столь велик, а удар, полученный Квантунской армией с северо-запада, так силен, что она после него уже не смогла оправиться.

Во фронте Пуркаева: 6 небольших войсковых группировок фронта прикрывали железную дорогу в Забайкалье от устья реки Шилки до устья Зеи; 2-я Краснознаменная армия генерал-лейтенанта танковых войск М. Ф. Терехина с Бурейнского плато через Малый Хинган продвигалась с севера в направлении Цицикара; 15-я армия генерал-лейтенанта С. К. Мамонова из Биробиджана вдоль течения Сунгари наступала на Харбин; 5-й отдельный стрелковый корпус генерал-майора И. З. Пашкова от Бикина, параллельно войскам Мамонова, шел с боями на Боли; 16-я армия генерал-лейтенанта Л. Г. Черемисова наносила удар из Северного Сахалина по Южному; воинские части Камчатского оборонительного района генерал-майора А. Р. Гнечко овладевали (согласно моему приказу от 15 августа) Курильскими островами. С воздуха войска фронта поддерживала 10-я воздушная армия генерал-полковника авиации Н. Ф. Жигарева.

Этот фронт теснейшим образом взаимодействовал с флотом и двумя флотилиями. Моряки и речники участвовали в высадке десантов на Курилах и Южном Сахалине, в форсировании Амура и Уссури, в боевых действиях на реке Сунгари. Интересной страницей сражений на Сахалине является также выброска нашего парашютного десанта в Тайохара (Южно-Сахалинске), чего противник никак не ожидал. Не менее изумительной по быстроте, ловкости и смелости выполнения являлась высадка морских десантов на острова Итуруп, Кунашир и Шикотан.

Во фронте Мерещкова: 35-я армия генерал-лейтенанта Н. Д. Захватаева от Губерова и Лесозаводска наносила удар на Линьксу; 1-я Краснознаменная армия генерал-полковника А. П. Белобородова от озера Ханка через Мулин и Муданьцзян (штаб I фронта) наступала на Харбин, где соединялась с 15-й армией, 5-я армия генерал-полковника Н. И. Крылова прорывалась от Гродекова на Гири. 25-я армия генерал-полковника И. М. Чистякова продвигалась через Ванцин (штаб 3-й армии), с поворотом на Яньцзи, к Корее и затем берегом Японского моря выходила к знаменитой тридцать восьмой параллели, ставшей позднее границей между КНДР и Южной Кореей, нанося удар по 17-му фронту. С воздуха войска фронта поддерживала 9-я воздушная армия генерал-полковника авиации И. М. Соколова. 10-й мехкорпус генерал-лейтенанта танковых войск И. Д. Васильева вел бой в полосе 5-й армии.

С этим фронтом взаимодействовала основная часть сил Тихоокеанского флота, базировавшаяся во Владивостоке. Согласованные операции подвижных частей с суши и десантников с моря по овладению корейскими портами Юки, Расин, Сайсин и Гензан (Вонсан) были быстрыми и удачными. Отличились парашютисты, высадившиеся в Харбине, Гирине и Хамхынге — в далеком вражеском тылу. Царившая в японских войсках растерянность, вызванная поражением Квантунской армии на фронте, облегчила нам выполнение ответственных заданий.

10 августа в войну вступила Монгольская Народная Республика. Наше совместное наступление развивалось успешно с первых же часов. Внезапность и сила первоначальных ударов позволили советским войскам сразу же захватить инициативу. В прави-

тельстве Японии начало военных операций Советским Союзом вызвало панику. «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза,— заявил 9 августа премьер-министр Судзуки,— ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»¹⁵. Таким образом, именно действия Советских Вооруженных Сил, по признанию японского руководства, а не атомная бомбардировка городов Японии американскими самолетами, произведенная 6 и 9 августа, решили судьбу Японии и ускорили окончание второй мировой войны.

На мраморной плите в центре небольшого парка города Нагасаки высечено: «Здесь эпицентр взрыва. 9 августа 1945 года в 11.02 минуты с американского бомбардировщика «Б-29» на город была сброшена атомная бомба, взорвавшаяся на высоте 500 метров. Тепловая волна, температура в 3000 градусов и радиактивное заражение превратили всю близлежащую зону в пепел и смерть. Треть города была разрушена полностью, 78 000 человек погибло, более 75 000 было ранено».

Массовое уничтожение населения японских городов не диктовалось никакой военной необходимостью. Цель этой чудовищной бомбардировки заключалась в том, чтобы запугать весь мир и заставить его склониться перед американским атомным шантажом. Атомная бомба была для тогдашнего президента Соединенных Штатов Гарри Трумэна не столько актом конца второй мировой войны, сколько первым шагом в «холодной войне» против СССР.

Наступление советских войск проходило в условиях упорного сопротивления врага. Тем не менее на всех основных направлениях советские войска отлично справлялись с выполнением поставленных задач. Передовые части Забайкальского фронта уже к 11 августа подошли к западным склонам Большого Хингана, а подвижные войска главной группировки преодолели его и вышли на Центрально-Маньчжурскую равнину. Форсирование Хинганского хребта явилось выдающимся подвигом. К исходу 14 августа войска Забайкальского фронта, пройдя расстояние от двухсот пятидесяти до четырехсот километров, вышли в центральные районы Маньчжурии и продолжали продвигаться к ее столице Чанчуню и крупному промышленному центру Мукдену. За это время войска I Дальневосточного фронта в условиях труднопроходимой горно-таежной местности, прорвав сильную полосу обороны и овладев семью мощными укрепленными районами, продвинулись в глубь Маньчжурии на сто двадцать — сто пятьдесят километров и завязали бой за город Муданьцзян. Войска II Дальневосточного фронта вели бои на подступах к Цицикару и Цзямусы. Таким образом, уже к исходу шестых суток нашего наступления Квантунская армия оказалась расчлененной на части.

Столь высокие темпы наступления советских войск, действовавших на отдельных, разобщенных операционных направлениях, стали возможны лишь благодаря тщательно продуманной группировке войск, знанию природных особенностей местности и характера системы обороны врага на каждом операционном направлении, широкому и смелому использованию танковых, механизированных и конных соединений, внезапности нападения, высокому наступательному порыву, решительным до дерзости и исключительно умелым действиям, отваге и массовому героизму воинов Красной Армии и моряков.

Огромную помощь войскам на протяжении всей кампании оказывали пограничники. В первые же дни Маньчжурской операции они вместе с полевыми войсками атаковывали и ликвидировали многочисленные пограничные опорные пункты врага и его укрепленные районы. В процессе дальнейших боев погранвойска принимали активное участие в преследовании противника, охраняли коммуникации, штабы, важные объекты и тыловые районы полевых войск. В то же время сформированные в первые дни войны на Дальнем Востоке из погранвойск специальные отряды прикрывали, вернее сказать — обороняли по заданию фронтового командования значительные участки фронта, позволяя тем самым высвобождать полевые войска и использовать их на основных операционных направлениях. Неоценимую помощь оказали пограничники и в борьбе с диверсионными и разведывательными группами врага.

Насколько решительно, самоотверженно и умело действовали воины-пограничники на протяжении всей кампании Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке, го-

¹⁵ Иноуэ Киеси, Ононоги Синдзабуро, Судзуки Сеси. История современной Японии. М. 1955, стр. 264.

ворит хотя бы такой пример. Только один Джалинский пограничный отряд под командованием Л. К. Попова уже в первом бою уничтожил 50 японцев, из них 13 офицеров, и 150 взял в плен. В последующем джалинцы ликвидировали пограничный полицейский отряд, 2 районных и 11 малых пограничных отряда, 3 погранпоста, 9 отдельных войсковых групп, 2 парохода. Перед фронтом наступления отряд полностью очистил от противника территорию в четыреста двадцать семь километров по фронту и восемьдесят — девяносто километров в глубину, занял 24 населенных пункта, в том числе один город. При этом пограничный отряд Попова захватил большие трофеи; вооружение, боеприпасы, 8 продовольственных и вещевых складов, 4 баржи с грузом и один пароход. Так же воевали с японскими милитаристами и другие пограничные отряды Забайкалья и Дальнего Востока под командованием замечательных генералов П. И. Зырянова, А. А. Никифорова, М. Н. Шишкарева и других.

Перед лицом неминуемого военного поражения 14 августа правительство Японии приняло решение капитулировать. На следующий день пал кабинет премьера Судзуки. Однако войска Квантунской армии продолжали упорно сопротивляться. В связи с этим 16 августа в советской печати было опубликовано разъяснение Генерального штаба Красной Армии, в котором говорилось: «1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции. Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет. 2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться. 3. Ввиду изложенного вооруженные силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии»¹⁶.

В последующие дни советские войска, развивая наступление, стремительно наращивали его темпы. На стокилометровом участке Забайкальского фронта: конно-механизированная группа Плиева выходила к Калгану и Чэнде (Жэхе); 17-я армия через Чифын рвалась к берегам Ляодунского залива; 6-я гвардейская танковая армия, испытывая большие трудности в связи с перебоями в снабжении, настойчиво решала основную задачу фронта по захвату Мукдена; 39-я армия, восстанавливая разрушенные врагом при отходе мосты и железнодорожные пути, продвигалась через Таоань на Чанчунь. Как раз в те дни в разрыв, образовавшийся между 17-й и 39-й армиями, решением командующего фронтом была введена из второго эшелона 53-я армия для наступления через Кайлу на Фусинь. В результате войска Забайкальского фронта к исходу 19 августа вышли в районы Чифын, Чанчунь, Мукден, Кайтун и Цицикар. Это означало, что в Квантунскую армию вбит с запада гигантский клин наших Вооруженных Сил на площади примерно в 0,6 миллиона квадратных километров.

Войска I Дальневосточного фронта также продолжали развивать наступление. 35-я армия 16 августа вышла на железную дорогу Цзямусы — Тумынь в районе Боли и тем самым прочно обеспечила правый фланг главной группировки фронта, отрезав японскую 4-ю отдельную армию, отходившую перед войсками II Дальневосточного фронта на юг, от муданьцзянской группировки. В это время 1-я Краснознаменная и 5-я армии вели ожесточенные бои за крупный узел железных и шоссейных дорог, важный административно-политический центр Муданьцзян. Яростно обороняясь, противник неоднократно переходил в контратаки, но 16 августа город пал. В этих боях Квантунская армия потеряла более 40 тысяч солдат и офицеров. 25-я армия совместно с 10-м механизированным корпусом в тот же день овладела городом Ванцин, прикрывавшим подступы к Гирину и северным районам Кореи. Одновременно ее войска совместно с морским десантом овладели крупной военно-морской базой Сейсин и вышли на коммуникации 3-й японской армии, отсекая войска 17-го фронта от 1-го фронта и от побережья Японского моря. Уже к исходу первой недели войны была полностью разгромлена 5-я японская армия и нанесен большой урон 3-й армии и другим войскам 1-го фронта. Попытка противника любой ценой не допустить выхода наших войск на Центрально-Маньчжурскую равнину и к Северной Корее провалилась.

¹⁶ «Правда», 16 августа 1945 года.

Войска II Дальневосточного фронта за эти дни овладели городом Цзямусы и во взаимодействии с Краснознаменной Амурской военной флотилией наступали вдоль Сунгари на Харбин. Советская авиация господствовала в воздухе на всем театре военных действий. Тихоокеанский флот прочно закрепил за собой побережье Северной Кореи. Квантунская армия терпела сокрушительное поражение.

17 августа, окончательно потеряв управление разрозненными войсками и осознавая бессмысленность дальнейшего сопротивления, главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада Отодзо отдал приказ начать переговоры с советским главнокомандованием на Дальнем Востоке. В 15 часов того же дня по радио было передано следующее заявление штаба Квантунской армии: «Для того чтобы достичь быстрой реализации приказа о прекращении военных действий, мы, командование Квантунской армии, сегодня утром издали приказ, чтобы самолеты с нашими представителями были направлены 17 августа между 10 и 14 часами (по токийскому времени) в следующие города: Муданьцзян, Мишань, Мулин для установления контакта с командованием Красной Армии. Штаб Квантунской армии желает, чтобы эта мера не вызвала каких-либо недоразумений»¹⁷.

В 17 часов 17 августа от главнокомандующего Квантунской армией приняли радиogramму о том, что он отдал японским войскам приказ немедленно прекратить военные действия и сдать оружие советским войскам, а в 19 часов в распоряжение войск I Дальневосточного фронта с японского самолета сбросили два вымпела с обращением штаба 1-го фронта Квантунской армии о прекращении военных действий. Однако на большинстве участков японские войска продолжали не только оказывать сопротивление, но местами переходили в контратаки. В связи с этим я вынужден был тогда же передать генералу Ямада следующую радиogramму: «Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причем ни слова не сказано о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков советско-японского фронта. Предлагаю командующему войсками Квантунской армии с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен. Указанный выше срок дается для того, чтобы штаб Квантунской армии мог довести приказ о прекращении сопротивления и сдаче в плен до всех своих войск. Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия».

Одновременно я приказал командующему I Дальневосточным фронтом выслать офицеров штаба на аэродромы Муданьцзяна и Мулина, уполномочив их сообщить представителям штаба Квантунской армии, что военные действия советских войск будут прекращены лишь тогда, когда японские войска начнут сдаваться в плен. Такая мера была вызвана тем, что многие японские воинские части и гарнизоны из-за потери связи либо не получили приказа Ямада, либо отказались выполнять его. 18 августа в 3 часа 30 минут Ямада ответил по радио советскому главнокомандованию о готовности выполнить все условия капитуляции. 18 августа на многих участках фронта японские части начали сдаваться в плен.

Чтобы ускорить разоружение капитулировавших японских войск и освобождение захваченных ими территорий, 18 августа я отдал следующий приказ войскам Забайкальского, I и II Дальневосточных фронтов: «В связи с тем, что сопротивление японцев сломлено, а тяжелое состояние дорог сильно препятствует быстрому продвижению главных сил наших войск при выполнении поставленных задач, необходимо для немедленного захвата городов Чанчунь, Мукден, Гирин и Харбин перейти к действиям специально сформированных, быстроподвижных и хорошо оснащенных отрядов. Эти же отряды или подобные им использовать и для решения последующих задач, не боясь резкого отрыва их от своих главных сил»¹⁸.

Такие отряды создавались во всех армиях Забайкальского и I Дальневосточного фронтов из танковых частей, стрелковых подразделений, посаженных на автомашины, и подразделений самоходной и истребительно-противотанковой артиллерии. Для захва-

¹⁷ Архив МО СССР, ф. 220, оп. 29358, д. 2, л. 143.

¹⁸ Там же, лл. 155—156.

та важных и промышленных объектов и приема капитуляции их гарнизонов были высажены воздушные десанты в Мукдене, Чанчуне, Порт-Артуре, Дальнем, Харбине и Гирине. Вслед за воздушными десантами в Мукден, Чанчунь, Порт-Артур и Дальний вступили передовые отряды, а затем части и соединения 6-й гвардейской танковой армии. Японские военнослужащие, застигнутые врасплох, сдавались в плен.

Одной из самых колоритных фигур среди пленных был маньчжурский император Генри Пу И. В 1933 году в возрасте двадцати семи лет этот представитель Цинской династии был произведен японскими хозяевами в императора Маньчжурии и стал на самом деле их марионеткой. Его неотлучным спутником и постоянным советником был назначен японский генерал Иоснока. При императоре имелось японское посольство, которое возглавлял командующий Квантунской армией. Когда 17 августа 1945 года наше воздушно-десантное подразделение приземлилось на мукденском аэродроме, Пу И со свитой, включая его японских советников, уже готовился улететь в Японию, но вместо этого был вынужден сдаться в плен советским военнослужащим. Вскоре его доставили в СССР, где он прожил около пяти лет, а затем был передан властям Китайской Народной Республики по их просьбе. До 1959 года он содержался в лагере для почетных заключенных, вел вольготный образ жизни, позже был амнистирован пекинским правительством, стал депутатом Всекитайского народного политического консультативного совета, начал работать в ботаническом саду Академии наук КНР и писать свои мемуары. В 1967 году китайская печать сообщила о его смерти.

18 августа в Харбине воздушный десант под командованием заместителя начальника штаба I Дальневосточного фронта генерал-майора Г. А. Шелахова неожиданно встретил на аэродроме начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хата Хипосабуро. При переговорах с ним Шелахов предложил ему для согласования вопросов, связанных с капитуляцией всей Квантунской армии, в сопровождении лиц, выбранных по усмотрению японского командования, на нашем самолете отправиться на КП командующего I Дальневосточным фронтом. Хата принял это предложение, и 19 августа в 15 часов 30 минут по дальневосточному времени там произошла наша встреча с Хата и японским консулом в Харбине Миякава.

Мы с К. А. Мерецковым предъявили Хата конкретные требования о порядке капитуляции, указали сборные пункты приема военнопленных, маршруты движения и время. Он принял все условия. Невыполнение некоторыми японскими частями и подразделениями приказа о сдаче оружия Хата объяснил тем, что командование Квантунской армии не смогло вовремя довести приказ о капитуляции, так как на второй день наступления Красной Армии штаб Квантунской армии потерял управление войсками. Далее мы предупредили Хата, что японские войска должны сдаваться организованно, вместе со своими офицерами и что в первые дни капитуляции забота о питании пленных ложится на японское руководство. Войска обязаны переходить к нам с кухнями и запасами продовольствия, японские генералы — являться со своими адъютантами и необходимыми личными вещами. Было также заявлено, что мы гарантируем гуманное отношение не только к высшим чинам, но и ко всем военнопленным.

Характерно, что Хата просил разрешить до прихода частей Красной Армии в отдельных районах Маньчжурии и Кореи оставить у японских солдат оружие, поскольку «население там ненадежное». Японцы явно боялись своих вчерашних полурабов — китайцев, маньчжур, монголов и корейцев, которых они жестоко угнетали. Мы ответили, что советское командование обеспечит полный порядок на территории, занятой Красной Армией, и не допустит никаких незаконных эксцессов. Затем мы распорядились о предстоящих встречах советских офицеров с японским командованием, о том, какие самолеты при этом надлежит использовать, и уточнили, кто из штаба Квантунской армии куда будет направлен. Хата попросил оставить в распоряжении японского командования необходимый транспорт и средства связи, чтобы быстрее передать войскам указание советского командования. Просьба была удовлетворена. После уточнения деталей капитуляции Квантунской армии Хата и сопровождавшие его лица получили разрешение отбыть на нашем самолете в сопровождении советских офицеров в свой штаб.

В течение всех переговоров Хата большинство его спутников выглядели довольно жалко. От «самурайской» самоуверенности не осталось и следа. Вчерашние надменные

распорядители Маньчжурии держались покорно, даже униженно, при каждой нашей фразе поспешно кивали головами. Видно, они были и психологически надломлены.

С 19 августа японские войска почти повсеместно начали капитулировать. У нас в плену оказалось 148 японских генералов, 594 тысячи офицеров и солдат. К концу августа полностью закончилось разоружение Квантунской армии и других сил противника, располагавшихся в Маньчжурии и Северной Корее. Успешно завершались операции по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов.

Военная кампания Вооруженных Сил СССР на Дальнем Востоке увенчалась блестящей победой. Ее итоги трудно переоценить. Официально кампания длилась двадцать четыре дня, а боевые действия практически вдвое меньше. Наголову разбиты ударные силы врага. Японские империалисты лишились плацдармов для агрессии и основных своих баз снабжения сырьем и оружием в Китае, Корее и на Южном Сахалине. Крах Квантунской армии ускорил капитуляцию Японии в целом. Окончание войны на Дальнем Востоке спасло от гибели сотни тысяч американских и английских солдат, избавило миллионы японских граждан от неисчислимых жертв и страданий и предотвратило дальнейшее истребление и ограбление японскими оккупантами народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

В результате разгрома Японии создались благоприятные условия для победы народных революций в Китае, Северной Корее и во Вьетнаме. Мао Цзэ-дун, когда-то считавшийся с исторической правдой, писал в августе 1945 года: «Красная Армия пришла помочь китайскому народу изгнать агрессоров. Такого примера еще не было в истории Китая. Влияние этого события неопределимо». Без решающей помощи Советского Союза китайский народ не смог бы так быстро сбросить японских милитаристов и добиться освобождения своей страны.

Разгром японского милитаризма — одной из ударных сил мировой реакции — способствовал мощному подъему национально-освободительного движения во всей Азии. 17 августа была провозглашена независимая Индонезийская Республика. 2 сентября, когда японский министр иностранных дел Сигемицу Мамору и начальник генштаба Умэдзу Есидзиро подписывали акт о безоговорочной капитуляции, президент Хо Ши Мин провозгласил Демократическую Республику Вьетнам. 12 октября лаосские патриоты провозгласили Патет-Лао (свободную «страну Лао»).

Победа, одержанная нашими Вооруженными Силами на Дальнем Востоке, явилась ярким свидетельством могущества социалистического общественного и государственного строя, великой организующей роли Коммунистической партии, новым торжеством советского военного искусства. Родина достойно оценила подвиг своих воинов. 87 воинов стали Героями или дважды Героями Советского Союза. Свыше 300 тысяч человек получили ордена и медали. Многие соединения и части удостоились почетных наименований Курильских, Сахалинских, Уссурийских, Харбинских, Амурских, Хинганских, Мукденских. Всем участникам войны с Японией вручили медаль «За победу над Японией».

Т. А. ТОЛСТАЯ-СУХОТИНА

ВБЛИЗИ ОТЦА

Из дневника

Автор публикуемого дневника — старшая дочь Л. Н. Толстого Татьяна Львовна Толстая, в замужестве Сухотина. Она родилась в Ясной Поляне в 1864 году и на протяжении почти полувека была одним из самых близких Толстому людей.

Свой дневник Татьяна Львовна начала в четырнадцатилетнем возрасте и вела на протяжении почти шестидесяти лет. В годы ее юности его иногда читал Лев Николаевич, который и сам вел дневники и поощрял к этому детей. Прямое влияние отца сказалось в том, что дневник Татьяны Львовны носит предельно искренний, исповедальный характер. Вместе с тем он содержит ценнейшие сведения об отце, о семье, об эпохе. Наряду с дневниками самого Толстого и его жены он является одним из самых драгоценных источников сведений о жизни великого писателя.

Татьяна Львовна росла под неустанным нравственным влиянием отца, и это одна из важнейших тем ее дневника. Как она сама писала в старости, ее записи интересны «отношением отца, т. е. Л. Толстого, к дочери», в них «поучительно видеть, как из очень пустой девушки вышло существо мыслящее и стремящееся к добру». Действительно, по дневнику можно проследить становление и развитие незаурядной личности дочери писателя, а заодно и ту атмосферу любви и радости, которая на первых порах царяла в семье Толстых.

Дневник Татьяны Львовны воспроизводит жизнь дома Толстого начиная с 80-х годов прошлого века, с того времени, когда необходимость отдать погротивших детей в школу заставила писателя переехать в Москву.

О двадцати годах жизни Толстого в Москве мы знаем по его письмам, дневникам и записным книжкам, по многочисленным мемуарам современников. Дневник Татьяны Львовны дополняет их новыми ценными сведениями. Таковы, например, записи о переезде семьи, о быте хамовнического дома, о друзьях и гостях писателя, о его творческой и общественной деятельности, наконец, об исподволь нараставшем отчуждении между родителями, об отказе Толстого от собственности, о разделе имущества в 1891 году и многие другие.

Особенно драгоценны для нас страницы дневника, где Толстой показан в его повседневной жизни, в общении с родными и близкими. Как часто мы встречались в мемуарах о писателе со стремлением изобразить его этаким витающим в небесах «мудрецом», отрешенным от жизни елейным старцем, для которого повседневные интересы и заботы людей ничего не значат. Со страниц дневника его дочери встает иной образ Толстого — человека земного, деятельного, энергичного, живущего всеми горестями и радостями своего времени, а главное, простого, гоступного, человеческого. Всемирно известный писатель, к голосу которого прислушивался весь мир, он в обыденной жизни был душевен, обходителен, ничто человеческое не было ему чуждо.

Дневник — жанр субъективный, даже интимный. И поэтому вполне естественно, что автор, особенно в молодые годы, сосредоточен в нем на себе, на своих раздумьях и переживаниях. Многие страницы дневника посвящены личным интересам Татьяны Львовны, ее увлечениям, друзьям и близким, ее все расширяющемуся взгляду на вещи и явления. Но особенность публикуемых записей в том, что все они озарены светом могучей личности Толстого. Наиболее это видно на тех страницах, где великий писатель выступает тончайшим знатоком души, искренним другом и духовным наставником своей дочери.

Постепенно, с годами, преданная дочь писателя становится и его верным другом, единомышленником и помощником. Татьяна Львовна не только беседовала с отцом о его произведениях в период их творческого рождения (таких, как «Царство божие внутри вас», «Что такое искусство?», «Письма о голоде»), но и многократно переписывала их,

держала связь с редакциями и т. п. Татьяна Львовна — первая из членов семьи, кто до появления у Толстого личного секретаря с радостью выполнял эти обязанности, отвечая по его поручению на письма, подбирая для него литературу и т. д., и это еще более укрепляло ее внутреннюю связь с отцом. Особенно это заметно в записях 1891 года, когда Татьяна Львовна делала с отцом тяготы и лишения жизни в Рязанской губернии, в гуще голодающих крестьян, или в записи 1898 года, когда она по его поручению ездила в Петербург, где имела свидание с всеильным К. П. Победоносцевым по поводу насильно отнятых у сектантов детей. На этих и многих других страницах дневника перед нами серьезный, вдумчивый и даровитый человек, который сознательно выбрал свой жизненный путь и идет по нему не отклоняясь.

Велико значение дневника Т. А. Толстой и для прояснения духовной и семейной трагедии, которую писателю суждено было пережить в последний период его жизни. После глубокого идейного перелома 80-х годов Толстой все чаще и настойчивее выражал волю отдать свои писания в безвозмездное пользование народа, а землю — ясно-полянским крестьянам.

В эти годы, как это явствует из писем писателя и многих мемуарных источников, благотворная роль Татьяны Львовны была особенно велика. Она огна с ее умом и душевным тактом умела вносить в семью дух примирения. «Я убежден,— пишет секретарь и друг Толстого В. Ф. Булгаков,— что если бы в 1910 г. Татьяна Львовна жила постоянно в Ясной Поляне, то она нашла бы способы предотвратить тяжелую семейную драму, стоившую жизни Толстому».

В 1910 году, когда Толстой ушел из Ясной Поляны, Татьяна Львовна была одним из немногих членов семьи, кто отнесся к нему с полным пониманием. Она же после его кончины первая выполнила его волю: отказалась от собственности, передала принадежавшуюся ей часть земли крестьянам.

Одаренная, талантливая натура, Татьяна Львовна в молодости с успехом занималась живописью, и отец ее к этому всячески поощрял. По настойчивым советам ее учителей Репина и Ге она часто рисовала отца и создала целую галерею его зарисовок и портретов, в числе которых и знаменитый портрет карандашом, который считается самым похожим из всех изображений писателя (хранится в Государственном музее Л. Н. Толстого).

Незаурядные способности Татьяны Львовны сказались и в ее литературных опытах, например в талантливом очерке по земельному вопросу, который она в 1909 году под псевдонимом И. П. Полилов прислала Толстому на отзыв. Не подозревая мистификации, Толстой ответил «Полилову» письмом, полным горячего одобрения. Печатью таланта отмечены и ее широкоизвестные мемуары «Друзья и гости Ясной Поляны», «О том, как мы с отцом решали земельный вопрос», «Об уходе и смерти Толстого» и др. К этим превосходным мемуарам примыкает и публикуемый дневник.

Жизнь Т. А. Толстой не сложилась счастливо. Вскоре после смерти любимого отца она потеряла мужа и осталась огна с восьмилетней дочерью — Татьяной. (Дев Николаевич очень любил свою внучку и ласково называл ее Татьяной Татьяновной.) Скучая по дому, она вскоре вернулась из имения мужа в Ясную Поляну, где и провела ближайшие годы.

После Октябрьской революции Татьяна Львовна вместе с Софьей Андреевной целиком отдала себя сохранению для народа литературного наследия писателя, а также его дома и усадьбы.

В 1920 году Т. А. Толстая переехала в Москву, где организовала детскую художественную школу. Одновременно она активно включилась в работу толстовского музея, а с 1923 года стала его директором.

Увлеченная желанием широко пропагандировать наследие отца, Т. А. Толстая выехала в 1925 году за границу и провела несколько лет в странах Западной Европы, там она выступала с лекциями.

Последующие годы своей жизни Татьяна Львовна провела в Италии, где доныне проживает ее единственная дочь, вышедшая замуж за римского юриста Леонарда Альбертини. Привязанная к дочери и внукам, Т. А. Толстая с разрешения Советского правительства осталась в Италии, но всеми силами души тянулась в Россию, в родную Ясную Поляну.

На чужбине Татьяна Львовна помнила о своем долге перед родиной, перед отцом. На свои скудные средства она кропотливо собирала и приобретала в Европе драгоценные материалы и документы, рукописи и письма отца. Вскоре в ее доме образовался своеобразный толстовский музей, который она непрерывно пополняла новыми приобретениями. Эти ценнейшие коллекции она сумела сохранить и при фашистской диктатуре Муссолини, как она с гордостью сохранила и свой заграничный советский паспорт. Собранные ею музейные ценности Татьяна Львовна в годы второй мировой войны завещала Славянскому институту в Париже для передачи их на родину.

Т. А. Толстая умерла в 1950 году в Риме. Ее дочь и внуки являются добрыми друзьями нашей страны.

Записи из дневника Т. А. Толстой публикуются (с сокращениями) по тексту, собственноручно переданному ею в свое время другу и биографу Толстого Н. Н. Гусеву и хранящемуся в отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого. В полном виде дневник сохранился в семье Т. М. Альбертини в Риме и был издан в 1962 году в

Париже в переводе на французский язык, с предисловием Андре Моруа. Однако в текст французского издания не вошли записи 1891 года — периода пребывания Т. А. Толстой с отцом в Рязанской губернии на голоде. Эти записи публикуются нами по двум подлинным тетрадам, хранящимся в Москве в архиве писателя.

В целом дневник Т. А. Толстой русскому читателю неизвестен. В разное время у нас увидели свет лишь отдельные, разрозненные, незначительные по объему записи (они в настоящую публикацию не вошли).

А. Шифман.

1880 год

11 февраля. Ясная Поляна.

Прошлую неделю очень мало училась, все читала «Войну и мир», нынче только кончила.

7 марта. Пятница.

Вчера получила от Нади письмо. Вечером села ей отвечать. Спросила, уехала ли «она», т. е. «первая» (так Наденька с Россой называют Левичского-офицера, который за Россой ухаживает ¹) в Москву. Пока писала, папá пришел, посмотрел, что я пишу. Я покраснела. Папа, я видела, очень не понравилось, но он только сказал: «Что тебе ва дело до всех этих Левичких?»

Нынче утром пришел и говорит мне: «Я, говорит, о тебе вчера думал, мне больно и как-то оскорбительно, что ты с Надей офицеров пишешь» ². Я знаю, чего бы он желал, — он хотел бы, чтобы я была княжной Марьей, чтобы я не думала совсем о веселье, об Дельвигах, об К. К. и, если бы это было возможно, чтобы я не ездила больше в Тулу, но теперь поздно, зачем меня в первый раз возили туда? Но я сама теперь не хочу думать обо всех тульских, я очень рада, что не видала К. К. Я теперь больше не влюблена.

1882 год

29 мая. Пятница. Ясная Поляна.

Папа вчера ночью приехал и привез чудесный план, как пристроить арнаутовский дом ³. Мне главное, чтобы зала была большая, чтоб танцевать, и чтобы комнаты папа с мама были бы по их вкусу, а то будут ворчать.

Нынче вечером папа говорил о том, за какого рода человека он бы хотел меня отдать замуж. Говорит, непременно за человека выдающегося чем-нибудь, только не светского. «Как, говорит, если мазурку хорошо танцует, значит, никуда не годится». По-моему, тоже.

5 июня. Суббота.

На днях опять решили не ехать в Москву. Так как маленьким очевидный вред, а Илье ⁴ очень сомнительную пользу приносит жизнь в Москве, то мама и говорит, что все выгоды и приятные стороны московской жизни не перевешивают неприятных сторон. Итак, мне предоставили решить вопрос, так как папа говорит, что он поедет для того, чтобы сделать кому-нибудь удовольствие, а мама говорит, что она равнодушна. А я не возьму на себя перетаскать всех для своего удовольствия. Каково же мне будет видеть, что папа скучает, Машу ⁵ портят на разных детских вечерах, Леля ⁶ в гимназии забывает и языки и музыку, малыши теряют свою свежесть — и все из-за меня?

Я так и сказала папа, что мне моей школы ужасно жалко, на что мне папа сказал, что он постарается заманить к нам какого-нибудь художника, и потом я думаю, что мне иногда будет жалко света и ужасно будет хотеться наряжаться и плясать.

6 июня.

Нынче я не музыканила, потому что папа нездоров, и не писала так, бог знает почему. Доктор сказал, что у Алеши ⁷ совсем не воспаление легких, просто лихорадка, такие же, как у папа и у мама.

Я много нынче об мама думала, как ей трудно за Алешей ходить и день и ночь, за папа тоже; Алеша выспаться не дает, да еще сама больна. Я воображаю, если бы я была на ее месте, я бы легла в постель и заперлась бы ото всех.

24 июня. Четверг.

Папа в Москве. Арнаутовку покупает. Он уже раз был, но Арнаутов вдруг ~~за-~~просил и папа вернулся.

28 июня. Понедельник.

Папа приехал из Москвы — там проболел, но дом арнаутовский купил и велел строить.

...Нынче вечером мама с папа ходили вдвоем гулять, было очень трогательно; когда пришли, то я предложила папа протанцевать что-нибудь, Сережа⁸ сел за фортепьяно, и мы с ним прошлись мазуркой.

12 июля. Понедельник.

Папа так расхулил портрет тети Тани⁹, что у меня руки отнялись, и тетя Таня говорит, что ей и позировать охота отпала. А я сидеть и писать у нее ужасно люблю. Сидим мы, я пишу, и разговариваем о детях, об их воспитании, о женском вопросе, на котором теперь тетенька помешана, о живописи, о художниках...

Если я умру, то, во-первых, я у всех без исключения попрошу простить меня, а особенно мама, которой от меня горя было больше всех.

Я редко об этом думаю, но когда думаю, то мне делается совестно за то, что я жила и никому пользы от меня не было, приятного тоже мало, а неприятного много. Это не от воспитания — я такая вышла, другая бы больше исполняла то, что папа говорит, но мне все это так трудно, и хотя я всегда согласна с тем, что папа говорит, и иногда я даже все хочу исполнить, и с восторгом думаю, как было бы хорошо, и вдруг какие-нибудь бантики и платья разрушают все.

Меня замечательно воспитали хорошо, т. е. свободы давали как раз сколько нужно, и укрощали тоже в меру. Теперь мне совсем предоставлено воспитываться самой, и я часто стараюсь себя сделать лучше, но у меня ужасно мало силы воли, и так часто я, помня, что это гадко, делаю разные ошибки. Больше всего меня мучает, что я на Дуняшу сержусь, но с некоторых пор это стало реже, а именно с тех пор, как я стала стараться представить себя на ее месте. Такая простая вещь мне никогда раньше в голову не приходила. Как это гадко и противно, что за мной бог знает за что, за семнадцатилетней девчонкой, должна ходить 35-летняя женщина и исполнять все мои капризы за то, что ей платят деньги, на которые тоже я никакого права не имею.

29 августа. Понедельник.

Теперь у меня спит big Маша¹⁰ в комнате. На другой день после отъезда Мани¹¹ Илюша стал сильно нездоров. Послали за доктором, и он сказал, что у него тиф. Его перевели наверх в балконную комнату. У меня сделался флюс, и папа меня лечил — дела мне припарки из уксуса, соли, спирта и отрубей, которые мне очень помогли.

Раз я лежу у Илюши в комнате с ужасной болью; Илья тоже стонет от жара, как вдруг входит папа; спросил — как мы? И говорит: «Даже смешно». И вдруг мы все трое стали так хохотать, что папа сел и чуть не повалился от хохота на пол, а я не помню, когда я так хохотала во всей своей жизни, и Илья тоже.

На днях папа с мама ужасно поссорились из-за пустяков. Мама стала упрекать папа, что он не помогает и т. д., и кончилось тем, что папа ночевал у себя в кабинете будто бы для того, чтобы ему не мешала спать мама, которая поминутно вставала к Илье. Но на другой день последовало примирение.

Лежа говорит, что нечаянно вошел в кабинет и видел, что оба плачут. Теперь они между собой так ласковы и нежны, как уж давно не были. Папа обещал больше входить во все семейные дела и выражать свою волю, чего мама так и хочет.

31 августа. Среда.

Пила у тетеньки кофе и писала ее. Я начала сначала, и выходит почти хорошо. Папа не нахвалится, и все одобряют.

12 сентября. Воскресенье. 5-ый час.

Недавно папа вечером спорил с мама и тетей Таней и очень хорошо говорил о том, как он находит хорошим жить, как богатство мешает быть хорошим. Уж мама

нас гнала спать, и мы с Машей и тетей Таней уже уходили, но он поймал нас, и мы еще простояли и говорили почти целый час. Он говорит, что главная часть нашей жизни проходит в том, чтобы стараться быть похожими на Фифи Долгорукую¹² и что мы жертвуем самыми хорошими чувствами для какого-нибудь платья. Я ему сказала, что я со всем этим согласна и что я умом все это понимаю и желала бы жить хорошо, но что душа моя остается совсем равнодушной ко всему хорошему, а вместе с тем так и запрыгает, когда мне обещают новое платье или новую шляпу. Папа говорит: «Тогда носи платья, какие хочешь, башмаки от Шопенгауэра (это он Шумахера¹³ так называет), кокетничай с Колей Кислинским и т. д., но принцип, который ты поняла и имеешь в голове, все-таки сделает свое».

Мне многое еще оставалось его спросить, но от слез не могла говорить. И ведь ничего такого плачевного не было, правда? Разве только то, что я такая безнадежная дрянь, что всякое исправление для меня немислимо.

13 сентября. Понедельник. Около 10 часов утра.

Папа правду говорит, что когда девушка видит молодого человека и наоборот, то всегда приходит в голову: «А может быть, это самая она или самый он и есть».

17 сентября. Около 10-ти часов вечера.

Только что пришла из людской, где справляют именины мама. Им купили гармонию и утешения, и они там пляшут, меня их пляс привел в восторг. Арина-скотница чудно пляшет — пройдет этак плавно, потом остановится, плечами поведет, и живо повернется, и опять пойдет плясать. Мне ужасно хотелось тоже пойти, но вышло бы неловко, и они бы это почувствовали. Как ни красивы вальс и мазурка, но это несравненно и лише, и красивее, и идет прямо от души, а главное, оригинальнее — всякий в своей пляске высказывает свой характер. И хорошо то, что этому учить нельзя, у всякого своя особенная манера.

23 сентября. Четверг. 10 часов утра.

Приехала с охоты. Мы ездили: папа, Леля и я с борзыми, ездили далеко, за Ясенки, и затравили двух зайцев. Одного папа подозрил, и мы все трое приехали и видели, как он лежал. Ужасно весело! Я ни одного не подняла. Двух протравили. Я была в таком восторге оттого, что меня взяли, что не могла рот стянуть на место, все он у меня до ушей расходился от удовольствия. Мы поехали в 12 часов и приехали в 8 вечера. Я совсем не чувствую себя разбитой.

Папа приехал в понедельник с Лелькой. Поливанов¹⁴ советовал его оставить в третьем классе, но папа предпочел его из гимназии взять и учить дома. Мама сначала была недовольна, но теперь, кажется, помирилась с этим. Мне было очень приятно папа увидеть, и он такой милый и трогательный, покупает там, в Москве, стульчики и кареты. Я была ему рада тоже и потому, что он всегда мне напоминает, что хорошо и что дурно, т. е. не то что напоминает, а при нем я ясно чувствую, о чем стоит думать и беспокоиться и о чем нет, что важно в жизни и что пустяки.

Папа, должно быть, едет назад в понедельник, а мы в следующий понедельник.

10 октября. Воскресенье. Москва.

Вот уже три дня как мы в Москве. Последнее время в Ясной было почти что скучно, и хотя я хваюсь, что мне никогда не бывает скучно, но без красок, без фортепьяно, без книг, с флюсом, делать было нечего, и я очень была противна и не в духе.

Мы приехали в Арнаутовку вечером, подъезд был освещен, зала тоже, обед был накрыт, и на столе фрукты в вазе, вообще первое впечатление было самое великолепное, везде светло, просторно и во всем видно, что папа все обдумал и старался все устроить как можно лучше, чего он вполне достиг. Я была очень тронута его заботами о нас, и это тем более мило, что это на него не похоже. Наш дом чудесный, я не нахожу в нем никаких недостатков, на которые можно было бы обратить внимание. А уж моя комната и сад — восхищение!

Я одному рада, это то, что я чувствую, что буду совершенно равнодушна к то-

му, если я буду хуже других одета, что лошади будут хуже, чем у других, и вообще мне ни за что внешнее не будет стыдно, как бывало в прошлом году. И не потому, что в нынешнем году будет лучше, а просто потому, что я почувствовала, что это не важно в жизни и что, как папа говорит, стыдно иметь, а не стыдно не иметь.

2 ноября. Вторник. Москва.

Опять я в этом гадком, злом и недовольном духе, который меня так часто мучает и так трудно его побороть. А нынче утром была в таком блаженном духе, в который меня привели рисунки, которые я нынче смотрела. Это рисунки Linzen Meuer'a к «Фаусту» Гёте. Я пришла в такой экстаз, что, ехавши домой, я не могла удержать улыбки удовольствия все время. Там были также рисунки героинь известнейших русских романов, но не так хорошо сделаны, — там была Лиза, Татьяна, Наташа, Вера из «Обрыва», Матрена из «Записок охотника» и Вера из «Героя нашего времени». Эти последние сделаны черным карандашом Андриолли. Фауст же нарисован углем, и как хорошо! Как смело, твердо и вместе с тем как мягко. Вот для чего я хотела бы иметь много денег — хоть бы не самые картины, а фотографии купить.

...Наша школа¹⁵ началась в прошлый понедельник. Мы не нашли места, и Александр Захарович¹⁶ сказал, что если мы найдем натуру, то можно посадить в проход. Тогда папа пошел и в кабаке нашел натурщика довольно интересного, которого мы теперь в «купе» и рисуем. Мы все стараемся устроить вечерние классы, но не удается. Суриков было обещал, да отказался, теперь мы хотим пригласить Прянишникову — вот хорошо было бы!

...Сегодня мама получила от Тургенева рассказ для дяди Пети, «Перепелку», которую дядя Петя издает вместе с рассказами папа¹⁷.

17 декабря. Пятница. 2 часа дня.

Нынче мой этюд подвинулся, и Прянишников¹⁸ немножко поправил. Я что-то стала равнодушна к живописи, это меня огорчает — к чему же я не равнодушна более или менее?

29 декабря. Среда. 11 часов вечера.

Нет, я в Москве совсем испортилась, хотя никогда во мне много хорошего не было, но я чувствую, что это малое теперь совсем исчезло. И какие теперь мои интересы? Танцы, приемные дни, туалеты, кокетство со всеми, кого ни встречу, и даже мои несчастные кисти и палитра лежат без употребления, хотя мне Прянишников поставил прехорошенькую «Nature morte». Но мне эта лень надоела — завтра я велела себя разбудить пораньше и буду рисовать до приема.

Перед праздниками в школе был экзамен, и я получила второй номер за этюд с девочки — он вышел хорош, и папа очень понравился. Если бы я много работала, я уверена, что я бы могла хорошо рисовать и писать — меня бог способностями не обидел.

На днях мы с мама поссорились, и как почти всегда — из-за детей... Боже мой, какой у меня ужасный характер. И главное, то трудно, что я одна должна над ним работать, только папа помогает, и то мало.

1883 год

29 апреля. Пятница.

Завтра мы едем в Ясную. Я не рада, я даже себе этого представить не могу. Я чувствую, что главная причина того, что мне не хочется уезжать, это то, что здесь останутся все знакомые и что я целое лето никого не увижу и ничего ни о ком не услышу.

2 мая. Понедельник. Ясная Поляна.

Мы в Ясной; я очень счастлива и довольна.

Сегодня папа хвалил «Сумасшедшего» Репина¹⁹, и, по-моему тоже, это замечательная вещь. Как натурально, живо и правдиво! А как написано! Репин — и мастер и художник.

31 июля. Воскресенье.

Папа приехал из Самары²⁰ такой здоровый, свежий, веселый и стал опять ближе с нами жить. Мы с ним покос убрали, т. е. он косил, а мы растрясали и потом копнили сено. Он целыми днями косил, мы ему обед возили и убрали несколько возов сена. Это для одной вдовы в деревне, у нее муж недавно умер и ей некому работать было.

Недавно, когда Коля был, мы устроили целый бал и к котильону нашли бантиков. Все танцевали, даже папа и мама и супруги Кузминские.

1886 год

26 марта. Среда. Москва.

Сегодня вечером я в умилении от папа. Пошли мы с ним после обеда к Самариным²¹ за книгами для переделки в маленькие чертковские издания²². Довел он меня туда. Я спросила то, что нужно было, посидела с Соней²³, и минут через десять папа воротился за мной. На улице он купил для малышей гипсовую церковь и за купол нес ее. Мы попросили его войти хоть в переднюю, чтобы сказать, что я остануть провести вечер у Сони, а он как будто конфузился своей церкви — так это было мило и умильно. Я осталась у Сони.

4 апреля. Пятница.

Вчера провела вечер у дяди Сережи²⁴ очень приятно — были Лопатины²⁵, Сухотин и т. д. Папа за мной пришел, и мы пошли домой пешком. Чудная была лунная ночь, и я жалела, что мы так скоро дошли.

4 августа.

Здесь живет дедушка Ге²⁶, и мы много с ним беседуем.

11 августа. Понедельник.

Теперь я только желаю, чтобы папа поскорее выздоровел. У него рожа на ноге, жар сильный, и он, бедный, очень страдает²⁷. Я смотрела сейчас, как ему перевязывали ногу, чтобы так же перевязать ногу Алене Королевне²⁸, у которой то же самое. Я убедилась, что смотреть на это гораздо ужаснее, чем самой перевязывать, и мне ничего не стоило Аленину грязную ногу мазать и завязывать. Пропать больных на деревне, которых мы стараемся на ноги поставить, и некоторые выздоравливают — один только Спиридонов мальчик, кажется, умирает. Он весь пухнет, у него диссентерия.

Сейчас папа спит, и потому я свободна. Когда он проснется, я буду ему письма писать.

5 октября.

Ге — один из редких художников, в произведениях которых видно вдохновение. Форма иногда немного груба и не отделана, но это оттого, что он перестал хорошо видеть, а содержание в его вещах всегда удивительно сильно и трогательно. Когда он развесил свои эскизы углем (иллюстрации к Евангелию) и рассказывал нам смысл их, то что-то мне подступило к горлу, мне плакать хотелось от восторга, и даже казалось, что слезы — это мало слишком, что есть какое-то высшее выражение своего умиления и восторга, не словами и не слезами. Так же я чувствовала, когда читала «Чем люди живы», когда в университете читала «Много ли человеку земли нужно», когда я целый день провела в Третьяковской галерее перед «Христом в пустыне» Крамского и каждый раз, как я читаю или вижу что-нибудь прекрасное.

22 ноября. Суббота. 12-ый час ночи.

Все думала о маме сегодня, и мне ее ужасно жалко. Она мучается, работает, чтобы доставать деньги, которые хотя мы и считаем, т. е. я, Илья и Маша, ненужными, а все-таки требуем в виде платья и всяких вещей, и ее постоянно раздражает это наше противоречие. Мне ужасно бывает грустно, что она так против всего хорошего,

т. е. того, что папа считает хорошим, и что и есть хорошее, и так раздражается против всех, кто старается изменить свою жизнь к лучшему.

Нет, все это слишком сильно, а что есть — это то, что она не любит идеалов папа и, я чувствую, что ее постоянно сердит то, что есть люди, которые хотят жить хорошо и не так, как она считает хорошим. Впрочем, я пишу чепуху — я падаю от усталости и чувствую, что выходит похоже на осуждение там, где я чувствую только любовь, нежность и жалость... Завтра утром едем в Москву.

1888 год

17 февраля. Среда.

Мне обидно, что у папа сидит всякий народ, а я, которой он больше всех нужен, не смею подойти к нему. Странные у нас отношения: часто я знаю, что он себя чувствует одиноким и был бы рад моей ласке, но какой-то глупый, ложный стыд удерживает меня от того, чтобы пойти к нему. Вот сегодня у меня такой longing for him *, а я знаю, что если бы он сейчас вошел, я стала бы говорить о том, где была и что делала, и не показала бы ему ни уголка своей души. Еще что меня удерживает — это зависть к Маше. Я часто злюсь на нее и уверяю себя, что она «подлизывается» и потому я еще резче противоречу папа, чтобы доказать, что из-за его одобрения не буду поддакивать. Коли я это пишу, то, значит, я сознаю, что я не права, но на деле как-то трудно выйти из этого тона.

Об чем я плачу? Это глупо и стыдно. Сейчас приходил Левка, и потому, что он долго не выходил, я пришла в такую ярость, что чуть не бросила в него чернильницей, и разревелась. Хороша я буду жена!

Папа говорит, что кто любит, как следует, только тогда выйдет замуж или женится, когда уверен, что он сделает счастливым любимого человека. Поэтому мне долго еще нельзя выйти замуж...

Я последнее время запустила себя и потому стала чаще сердиться. Было время, когда я чувствовала, что ничего и никто не в состоянии меня рассердить, а теперь обратное.

17 марта.

Еще потому я ни с кем не близка, что у меня установился презрительный взгляд на людей, которые не разделяют взглядов папа на жизнь, а к его последователям я не близка, потому что очень плоха, слаба, и поэтому их высота меня раздражает, озлобляет. И я, чтобы доказать, что я к ним не подлаживаюсь, говорю в их присутствии все, что противно их взглядам. Но все это не главное: надо сделаться всем нужной и никогда не сердиться.

Папа правду говорит, что всегда некогда, когда ничего не делаешь, а когда начнешь что-нибудь делать, времени кажется ужасно много.

Я сегодня шила, писала письма, вязала, и еще целый вечер передо мной свободный.

24 декабря.

Папа сегодня сказал хорошую вещь (это совсем не кстати, но напишу, чтобы не забыть): что если бы люди перестали судить и наказывать, то все усилия, которые теперь тратятся на это, употребились бы на то, чтобы нравственно воздействовать на людей, и, наверное, это было бы успешнее. Разумеется, это справедливо — разве наказания могут исправить человека? Мне так ясно, что это невозможно, что я удивляюсь тем, которые этого не видят.

1889 год

15 февраля. Среда. 11 часов утра.

Все мне открыто — могу слушать хорошую музыку, видеть хорошие картины, могу знать художников, могу сама сделаться художницей, потому что мало того что мне дана возможность видеть и слушать, — говорят (но справедливо ли?), что мне даны

* Ощущение, что ему это очень нужно (англ.).

средства самой творить. Право, я очень счастлива и могла бы быть еще более, если бы была лучше, разумнее, строже к себе и вообще умнее.

18 февраля. Суббота. Масленица.

Сегодня утром у папа был какой-то юнкер поговорить о религии. Папа нам потом рассказывал, что он говорил с ним очень хорошо, и папа особенно осторожно общался с ним, чтобы не слишком резко осудить то, во что его учили верить. Поднялся вопрос о вине. Юнкер сказал, что не пьет. Папа пригласил его поступить в Общество трезвости, но он ответил, что находит необходимым угощать. Папа спросил — почему? «Да вот, например, когда Скобелеву понадобилось перерезать целое население и солдаты отказывались это сделать, ему необходимо было их напоить, чтобы они пошли на это». Папа несколько дней не мог забыть этого и всем рассказывал.

5 марта. Воскресенье.

Моя живопись тоже меня пугает — что из нее выйдет? Убью много времени, труда, а никогда не дойду до того, чтобы быть в состоянии сказать посредством ее что-нибудь хорошее людям. Да я и не довольно хороший человек для этого. Папа вчера написал маленькую статью об искусстве²⁹, и по ней я увидела, как мало шансов мне сделаться художником. Не надо мечтать об этом.

19 ноября. Воскресенье. Ясная Поляна.

Страшно боюсь тоски. Еще ее нет, но она надо мной висит, и я чувствую, что когда она захватит меня, то будет очень плохо. Главное — это одиночество, которое я гораздо более чувствую здесь, в своей семье, чем с чужими. Все это от разлада, который, как ни старайся его не видеть, лезет наружу каждую минуту.

За обедом мама упрекает папа в том, что на его корреспонденцию выходит слишком много денег, что пишут (он и Маша) и посылают все пустяки. Папа сидит и молчит. Маша тоже. Маша больна — жар и кашель. Ест одни картошки. Мама предлагает ей выписать воды, чтобы пить с горячим молоком. Маша коротко отвечает, что не будет ничего пить. Теперь она лежит одна в своей комнате, мама, конечно, не идет к ней, потому что все равно Маша не послушается ни одного совета и с досадой будет отвечать ей.

Надо поскорее понужнее дело, чтобы всей уйти в него и не заботиться ни о каких отношениях. Это ужасно разрывает душу — быть между людьми, которые ненавидят друг друга.

1890 год

11 июня. Ясная Поляна.

Ге привез сюда свою картину «Христос перед Пилатом», которая теперь стоит у нас в зале. Папа очень ценит ее и хлопочет о том, чтобы она была послана в Америку и была хорошо принята там, и для этого мы с ним пишем многим своим знакомым в разные города Соединенных Штатов³⁰. Я ее больше люблю после того, как сжилась с ней. Раз даже, стоя с Ге перед ней и говоря о Христе, мне представилось, что он живой, и я не удивилась этому, а, глядя ему в глаза, поняла его.

...Папа сегодня говорил, что единственная работа, которую человек должен делать, это, осознав всю свою мерзость, стараться от нее избавиться. Но мерзость свою надо сознать совершенно искренно, сознавая не только в недостатках, которые считаются простительными (некоторые даже похвальными), а всего себя осудить без страха и жалости к себе.

10 августа.

...Села за мою новую и очень интересную работу, которую папа мне дал. Она состоит в том, чтобы вести дневник всех полученных писем, интересных газет, журналов и книг и по числам их вписывать в тетрадь.

В три часа мы поехали купаться, и на купальне мы встретили Ругина с одним еще «темным»³¹. Вечером пришел еще Пастухов, да еще Рахманов, так что у папа собралась целая толпа «темных», что бывает (странное совпадение) всегда, как только мама уезжает из дому.

23 сентября.

Сегодня с утра шел снег, но таял, дойдя до земли. Вчера приехал дедушка Ге, и сегодня так как воскресенье и у нас с Машей нет уроков, то я просила ее позировать, чтобы написать ее. Мне особенно хотелось писать при Ге, чтобы он давал мне советы.

Общими силами мы одели Машу, поставили, приготовили все, и Ге велел мне начинать контур. Я сделала, он поправил, потом велел мне быстро намалевать. Я подмала фон, платье, волосы, лоб — он пришел посмотреть, все перемалевал и увлекся, стал сам писать и только изредка довольно слабо предлагал мне продолжать. Но я отказалась, во-первых, для того, чтобы не препятствовать тому, чтобы вышел хороший портрет, и потом потому, что смотреть, как он пишет, так же полезно, как писать самой, даже более, а главное, потому, что по чужому подмалевку писать невозможно. Он понимает, почему он что клал и что он готовится положить сверху, а другому этого угадать нельзя.

13 октября.

Сегодня утром папа мне диктовал свою статью по поводу одной американской брошюры — «Диана»³², — в которой он говорит, что то влечение, которое существует между мужчиной и женщиной, совсем не должно удовлетворяться браком, а что оно совершенно удовлетворяется духовным общением.

17 октября.

Нынче весь день были разные разговоры, наводящие на серьезные мысли. Были Зиновьевы³³, отец и дочь, и Надя много рассказывала про свою жизнь, как ей бывает неприятно и унизительно до слез покупать разные платья и наряды и как многое в их доме ее коробит. Потом вечером, когда уехали гости, говорили о том, кто во что верит. Вера сказала, что она не верит в бога, и Алексей Митрофанович³⁴ протянул ей руку и объявил, что он тоже атеист. Папа на это сказал, что все равно, во что люди верят и что они думают о будущей жизни, о божественности Христа, о том, куда пойдет душа после смерти, и т. д., а важно то, чтобы люди знали, что хорошо и что дурно.

25 октября.

После завтрака мы пошли с Машей и Верой пробежаться и зашли на деревню сказать нашим ученикам, что мы до понедельника не будем учить, так как собирались в Пирогово (впрочем, дождь и приезд Левы помешали нам).

На деревне мы встретили мама, которая возвращалась с поездки к Сереже и Илье. Мы вернулись и пили с ней чай. Она рассказывала, что Сережа в очень хорошем настроении, живет аккуратно и целомудренно. По этому поводу мама рассказала, что Сережа ей говорил, что почти все его товарищи, а именно: Всеволожские, оба Ольсуфьевы, Татаринов, Львов, Орлов и еще кто-то, все — совершенно чистой и целомудренной жизни. Это меня очень удивило и так обрадовало, что я целый день об этом думаю. Это должно быть так же естественно, как целомудренность девушек, но мы так не привыкли это слышать, что этому радуешься как счастливому исключению.

У нас последнее время много об этом говорят и читают, потому что с тех пор, как появилась «Крейцера соната», папа получает целые возы книг об этом вопросе. Сегодня почта принесла пропасть брошюр, которые я просмотрела и которые показались мне очень дельными, и журнал «The Alpha» * — все это из Вашингтона.

Сегодня приехал формовщик отливать бюст папа из гипса³⁵, и дедушка очень взволнован, все ходит смотреть, как идет дело. Утром папа что-то говорил ему, а дедушка только смотрел ему в лицо, не слушал и вдруг закричал: «Складка! складка!» — и побежал в тот дом смотреть, есть ли она на бюсте.

4 ноября. Москва.

Папа эти дни так нежен и ласков с нами, девочками, что не могу без восторга говорить и думать о нем. Я часто думаю о его смерти и спрашиваю себя, что про-

* «Альфа» (англ.).

изойдет с нами или с ним, чтобы не так чувствовать все отчаяние и тупую безнадежность, когда это случится. Разве что выйдешь замуж, то отвыкнешь от него, но, во-первых, зачем выходить замуж, когда он тут, а во-вторых, если и выйдешь, то будет страшный страх потерять с ним связь и будешь стараться более, чем когда живешь с ним, сохранить ту нить, по которой мы чувствуем друг друга.

Я это пишу и думаю: как часто бывает то, что целыми неделями я живу совершенно без всякого общения с ним и даже пропадает потребность этого общения. Это обыкновенно бывает тогда, когда я сознательно и даже иногда умышленно живу так, как *с* этого не одобряет, и с особенной храбростью подчеркиваю свой протест. Это обыкновенно бывает, когда кто-нибудь из его последователей окажется несостоятельным и только компрометирует его учение. Тогда мне бывает ужасно досадно, что папа их защищает, и тогда я стараюсь доказать, что я к числу этих «темных» не принадлежу. А иногда просто что-нибудь меня затянет в пустую жизнь, и тогда просто из добросовестности ее экзажированно* выставляешь напоказ, и выходит, как будто хвастаешь ею.

Мне стало завидно, что папа так нежен и заботлив к Маше (она нездорова), и я чувствовала себя одинокой и нелюбимой, и мне даже захотелось пойти простудиться, чтобы испытать папашину нежность ко мне.

27 ноября. Вторник. Москва.

Послезавтра еду домой. Должна сказать, что с радостью заберусь под крыло папа, если только он меня не оттолкнет. Мама тоже со мной нежна, и я рада буду ее видеть.

15 декабря.

Сейчас 10 часов. Через драпировки сквозит лунный свет, папа лежит у меня на диване и читает газету. Сейчас идем наверх чай пить.

17 декабря.

Вторая серия мыслей вчера была по поводу разговора, который папа имел с мамой третьего дня ночью. Он возник вот почему: Ив. Ал.³⁶ поймал мужиков в краже посадки, и их присудили к шести неделям в острог. Они приходили просить, чтобы их помиловали, и мама сказала, что ничего не хочет и не может для них сделать. Папа, после того как узнал об этом, сделался страшно мрачным, и вот третьего дня ночью он с мамой имел крупный разговор, и он опять убеждал маму все раздать и говорил, что она пожалеет после его смерти, что не сделала этого для счастья их и всех детей.

Он говорил, что видит только два выхода для своего спокойствия: один — это уйти из дома, о чем он думал и думает, а другой — отдать всю землю мужикам и право издания его сочинений в общую собственность. Он говорил маме, что если бы у нее была вера, она сделала бы это из убеждения, и если бы была любовь к нему, то из-за нее она сделала бы это, и, наконец, если бы было уважение к нему, она постаралась бы оставить все как есть, не делая ему таких неприятностей, как эта. Все это мне вчера мама рассказывала и очень была всем этим убита.

Я должна сказать, что почти всегда мне ее более жаль, чем папа, в этих случаях, хотя страшно больно, жалко их обоих, и недоумеваешь, зачем они вдруг порождают так много горя для себя и для нас всех. Мама мне более жалка, потому что, во-первых, она ни во что не верит — ни в свое, ни в папашину; во-вторых, она более одинока, потому что, так как она говорит и делает много неразумного, конечно, все дети на стороне папы, и она больно чувствует свое одиночество; и потом, она больше любит папу, чем он ее, и рада, как девочка, всякому его ласковому слову. Главное ее несчастье в том, что она так нелогична и этим дает так много удобного материала для осуждения ее.

Лева был очень огорчен всей этой историей и говорил, чтобы отдать все к черту и *que cela finisse***.

* Преувеличенно (франц.).

** Только бы это кончилось (франц.).

таки думаю, что никакой разницы не было бы. Лева продолжал бы университет на стипендию, Сережа продолжал бы служить, Илья пошел бы в управляющие, Маша вышла бы замуж за Пошу, детей бы распихали по заведениям, я ушла бы в гувернантки, мама завела бы какой-нибудь пансион, папа бы, верно, жил с Машей и Пошей. В сущности, из-за внешнего положения ничего бы не изменилось; все бы мы остались с теми же идеалами и стремлениями, только, пожалуй, в некоторых бы родилось озлобление за то, что их поставили в это положение.

По-моему, вопрос теперь разрешен наилучшим образом³⁷. Зла никакого не сделано, у папа нет никакой собственности, другим он предоставляет делать, что они хотят, говоря свое мнение и показывая настоящий путь. Я понимаю, что ему минутами бывает очень тяжело, и мне особенно жалко, когда он этого не говорит, а я это вижу, особенно когда на него возводят какие-нибудь глупые, жестокие обвинения вроде рассказов о том, какие бывают у него неприличные маскарады и какой он любезный хозяин при этом, — но ведь как он ни живи, всегда найдутся люди, не понимающие и осуждающие его.

1891 год

13 мая. Ясная. 2 часа дня.

Папа — единственное утешение и поддержка в моей жизни, и я часто мучаюсь тем, что мало доставляю ему радости. (Вот как хорошо писать свой дневник, — последняя фраза пришла случайно и напомнила мне мою обязанность, — и так часто бывает, что, написавши на бумаге, укрепляешь в себе какую-нибудь мысль.)

Еще меня мучает мысль о его смерти, и я призываю на помощь все, что во мне есть религиозного, весь свой ум, логику, чтобы найти этому объяснение и сказать себе, что это не страшно, а если не радостно, то, по крайней мере, естественно. Третье, что и мучает и радует меня, — это то, что папа такого высокого мнения обо мне: он думает, что я и петь могу, и писать, и живописать. Он часто говорит, что он не понимает, отчего я не пою, а когда я послала свой рассказ в «Родник»³⁸ и его не приняли, он рассердился и сказал, что удивительно, какие бездарности стоят во главе редакций. Потом он несколько раз говорил мне, чтобы я готовила картину к будущей выставке. А Мишу Олсуфьева³⁹ за то, что он не любит меня, он называет «болваном» и удивляется, чего еще ему надо. Мне все это очень приятно, но у меня вечный страх, что вдруг он увидит, как я плоха, и откажется от меня. С ним это может быть, потому что он очень неровен в своих привязанностях.

На страстной неделе все братья съехались, потому что решили делиться. Этого хотел папа, а то, конечно, никто не стал бы этого делать. Все-таки ему это было очень неприятно, и раз, когда братья и я зашли к нему в кабинет просить, чтобы он сделал нам оценку всего, он, не дождавшись, чтобы мы спросили, что нам нужно, стал быстро говорить: «Да, да, я знаю, надо, чтобы я подписал, что я от всего отказываюсь в вашу пользу...» Он сказал нам это потому, что это было для него самое неприятное, — ему очень тяжело подписывать и дарить то, что он давно уже не считает своим, потому что, даря, он как будто признает это своей собственностью. Это было так жалко, потому что он был как осужденный, который спешит всунуть голову в петлю, которой, он знает, ему не миновать. А мы трое были эта петля. Мне было ужасно больно быть ему неприятной, но я знаю, что этот раздел уничтожит так много неприятностей между Ильей и мамой, что я считала своим долгом участвовать в нем.

Я завидовала Маше в том, что она не входила ни во что и отказалась взять свою часть, и я самым добросовестным образом старалась обдумать то, как мне поступить. И пришла вот к чему: во-первых, я не имею права не брать своей части, потому что я знаю, что все равно мне ее отделят и напишут на имя мамы, которая будет давать мне доход с нее и, кроме того, хлопотать за меня. А во-вторых, у меня еще столько требований и так мало от меня пользы, что я сяду кому-нибудь на шею и буду тому в тягость. Мне прежде надо заботиться о том, чтобы уменьшить требования, а от денег отделаться всегда успею. Еще я так плохо умею обходиться с тем, что у меня есть, и так часто я желаю побольше денег, что куда мне отказываться от своей части!

22 мая.

Вчера вечером я была на террасе у Кузминских, и у них завязался оживленный разговор о цвете лица. Тетя Таня говорила, что она профессор по цвету лица и что она советует то-то и то-то. Я хотела сказать им, что с тех пор, как они приехали, они расстроили нам всю жизнь, и что ни спокойной семейной жизни, ни живого разговора, ни чтения вслух при них ни разу не было, и что это очень тяжело, но воздержалась от этого и ушла к себе.

Да, мне очень обидно, а главное, то, что теперь у нас меньше общения с папа. Недавно у него болели глаза, и он позвал меня в кабинет писать ему под диктовку, и он со мной начал новую повесть⁴⁰. Начинается с того, что Марья Александровна, мать огромного семейства, под старость лет осталась одинока и пошла жить при монастыре. Папа мне сказал, чтобы я ему написала, как она выходила замуж, но где же мне, я даже не могу себе представить, как я могла бы это сделать. Теперь, с приездом Кузминских, я стала гораздо реже его видеть и не могу на это не роптать.

По утрам я пишу «Князя Блохина»⁴¹, но без большого увлечения. Выходит средне, но папа хвалит и удивляется, как я могу схватить позу, и говорит, что я могу писать жанровые картинки. А я опять начинаю думать: зачем? И какие картины я буду писать? Что я могу сказать другим поучительного и нового? А без этого искусство не имеет смысла...

7 июня.

Вчера я кончила переписывать для папа его теперешнюю работу⁴², и она произвела на меня совершенно обратное впечатление. Я пришла в восторг от этого сочинения, в такой восторг, что плакать хотелось, и показалось так радостно и желательно изо всех сил стараться жить для бога. Одно, что меня испугало в этом сочинении, это то, что я в нем нашла слишком много утешений и оправданий в своей эгоистической жизни.

26 октября. Ясная Поляна.

Мы накануне нашего отъезда на Дон⁴³. Меня не радует наша поездка, и у меня никакой нет энергии. Это потому, что я нахожу, что действия папа непоследовательны и что ему непристойно распоряжаться деньгами, принимать жертвования и брать деньги у мамы, которой он только что их отдал. Я думаю, что он сам это увидит.

Он говорит и пишет, и я это тоже думаю, что все бедствие народа происходит оттого, что он ограблен и доведен до этого состояния нами, помещиками, и что все дело состоит в том, чтобы перестать грабить народ. Это, конечно, справедливо, и папа сделал то, что он говорит, — он перестал грабить. По-моему, ему больше и нечего делать. А брать у других эти награбленные деньги и распоряжаться ими, по-моему, ему не следует. Тут, мне кажется, есть бессознательное чувство страха перед тем, что его будут бранить за равнодушие и нежелание сделать что-нибудь для голодных более положительнее, чем отречение самому от собственности.

Я его несколько не осуждаю, и возможно, что я перемену свое мнение, но пока мне грустно, потому что я вижу, что он делает то, в чем, мне кажется, он раскается, и я в этом — участница. Я понимаю, что он хочет жить среди голодающих, но мне кажется, что его дело было бы только то, которое он и делает, — это увидеть и узнать то, что он может, писать и говорить об этом, общаться с народом насколько можно.

Еще мне грустно то, что мама в Москве очень беспокойна и нервна и осталась одна с малышами. Лева в данную минуту здесь и в одно время с нами едет в Самару.

Да, еще что меня огорчает — папа говорит, что если нам нужны будут деньги, то он что-нибудь напишет в журнал и возьмет деньги⁴⁴. Я ему не говорю, что я думаю, потому что, может быть, я не права, а если он сам будет это думать, то, во всяком случае, пока он до этого не додумается, он со мной не согласится. Он слишком на биду, все слишком строго его судят, чтобы ему можно было выбирать

second best*. Особенно когда у него уже есть first best**. Если бы я одна действовала, то с какой энергией я взялась бы second best, не имея first best, а с ним вместе не хочется делать то, что с ним не гармонирует. Я рада, что у меня нет чувства осуждения и неприязни к нему за это, а только недоумение и страх за то, что он ошибается. А может быть, и я? Это гораздо вероятнее.

29 октября. Бегичевка.

Третьего дня приехали на станцию Клеточки, и так как был метель, мы там переночевали на постоялом дворе. Вечером на меня напала ужасная тоска — беспокойство за мама и жалость к ней и беспокойство за папа. Он кашлял, у него был насморк, и от вагонной жары он совсем осовел и тоже был уныл и мрачен. Я написала письмо мама, пошла на станцию его опускать, и темная ночь, ветер, который распахивал и рвал с плеч шубу, еще больше навели на меня тоску. И обстановка угнетательно подействовала на меня: гадкие олеографии на стенах, безобразная мебель и обои, глупые книги. Я думала с замиранием сердца, что есть же на свете Репин, буду же я опять жить так, что все, что есть нового, интересного, все — папа и мы — будем видеть, пользоваться этим, и еще тем, что все это будет нам объяснено и как на подносе поднесено папа.

Утром меня утешило то, что было тепло и тихо, и папа приободрился. В девять часов мы выехали: папа, Иван Иванович⁴⁵ и старуха, которую они подвозили в одних санях, а мы четыре — Маша, Вера⁴⁶, я и Марья Кирилловна⁴⁷ — в другой, самаринской тройке. Снегу — чуть-чуть, и тот ветром весь сметен в лощины, лошади наши измучились ужасно, и мы устали от толчков, от жары, потому что оделись как самоеды, так что мы в этот день ничего не сделали.

Вечером пришел Мордвинов⁴⁸, и говорили все вместе о том, что делать. Папа надоумил меня затеять работы для баб, о чем я сегодня с ними и говорила. У меня была эта мысль давно, без всякого голода, и, может быть, начавши это дело тут, я и в Ясной и в окрестных деревнях сделаю то же самое. Потом Иван Иванович поручил нам школу. Нынешнюю зиму мужики не в состоянии содержать учителя, поэтому, пока мы тут, мы учим. Я на это не смотрю серьезно — если время будет, то я займусь этим. Это будет средство ближе сойтись с народом и узнать правду о голоде. Иван Иванович показал нам записи тех столовых, или «сиротских призрений», как они тут называются, которые они открыли. По ним видно, что прокормить человека, кормя его два раза в день, стоит от 95 коп. до 1 р. 30 коп. в месяц. Ходит в эти столовые от 15 до 30 человек.

Часам к девяти Мордвинов ушел, и мы пошли раскладывать свои вещи. Нам, девочкам, определили две комнаты в пристройке, а папа приготовили кабинет Ивана Ивановича, из которого он, впрочем, сегодня перебрался, так как не хотел лишать Ивана Ивановича его комнаты, а ему в маленькой удобнее, меньше убирать и дальше от шума...

Кончивши кофе, мы было пошли с Верой на деревню, но нас задержали школьники, которые пришли нам показаться. Мы с некоторыми прошли в школу — маленькая грязная изба с земляным полом, — я там разобрала книги, поговорила с мальчиками, и пошли в «сиротское призревание».

...Раскрытая изба. Я вошла — страшный дым и угар, а вместе с тем холодно. Я поговорила с хозяйкой о моей идее покупать им лен, чтобы прясть холсты, которые бы я постаралась сбывать в Москве, и она и старуха, которая в это время пришла обедать, отнеслись очень сочувственно к этому. Мы сделали расчеты (которые еще надо будет проверить) о том, сколько нужно льна на сколько аршин, поговорили о том, где его купить, и я стала расспрашивать их о голоде. Тут еще пришли несколько старух. Потом та, с которой я сперва разговорилась, повела меня в избу, в которой она живет. Изба большая, каменная, тоже так холодно, что дыхание видно. На столе самовар, чашки, сидит старик, еще свежий, его сын, жена сына, румяная полная баба, и брат его. Я спросила, почему у них так холодно, но они как будто удивились этому вопросу, верно, привыкли к такой температуре. Я спросила,

* Второстепенное добро (англ.).

** Первостепенное добро (англ.).

чем топят. Торфом. Но торф плохой, как земля, так что его надо разжигать дровами. Дрова покупают кто побогаче, а то топят картофельной ботвой, собранным навозом, листьями, щепками — кое-чем. Я спросила, почему они в обеденный час пьют чай. Они ответили, что хлеба нет — есть нечего, так уж чай пьют. Чай фруктовый — маленькая коробка за 5 коп.

Сюда еще пришли несколько баб, и все румяные и здоровые на вид. Хлеба ни у кого нет, и что хуже всего — его негде купить. Соседка рассказывала, что продала наемни последних четырех кур по 20 коп., послала за хлебом, да нигде поблизости не нашли. Предпочитают покупать хлеб печеный, так как торфом трудно растопить печь до нужной для хлебов жары. Другая баба по моей просьбе принесла показать ломоть хлеба с лебедой. Хлеб черен, но не очень горек — есть можно. «И много у вас такого хлеба?» — «Последняя крошка»...

...До обеда пошла я на Горки — это деревня в полуверсте отсюда. Там в «сиротском призрении» уже шел обед. Это устроено так же, как и в Бегичевке, у вдовы. Маленькая курная изба, довольно теплая. За столом больше десятка детей, чинно подставляя хлеб под ложку, хлебали свекольник. Дети миленькие, довольно здоровые, но у некоторых взрослое серьезное выражение лица, которое бывает у детей, много испытывавших нужды. Тут же стояли старухи и дожидались своей очереди. Я заговорила о том, как они живут, сделала несколько вопросов. Одна старуха стала отвечать мне, рассказывать, как ей плохо, что нигде не подают да еще упрекают — это ей было очень обидно. Рассказывала, что только и жива этой столовой и что до обеда бывает очень голодно, так как дома нечего есть. «Кабы тут не кормили, то хоть рой яму побольше да ложись в нее все вместе»...

...Приехала Маша и рассказала несколько интересных вещей, между прочим, что дети сперва не хотели верить, что хлеб с лебедой, — хлеб, говорили, что это земля, кидали его и плакали. Теперь привыкли. Еще она говорит, что там много изб уже без крыш — их уже протопили и теперь начинают ломать дворы и ими топить.

31 октября. 10 часов утра.

Вчера встала часов в 8. Немножко переписывала для папа⁴⁹, скроила себе бумазейную кофту и пошла с Марьей Кирилловной в Екатерининское. Сперва нам показали дорогу не в то Екатерининское, в которое мы хотели идти, и мы даром слезили на Горки и назад. Погода была прекрасная, солнце светило, и морозило. Снегу все нет. Перешли мы опять Дон, вошли в деревню, и я спросила первых попавшихся трех ребят, где «сиротское призрение». «Пойдемте, — говорят, — мы сами туда идем».

Двое мальчиков лет от 10 до 12 и девочка много поменьше, которая, всунувши руки в рукава, бежала около них. Крошечные ножонки в маленьких чуных. Пока мы шли на тот край деревни, где столовая, дети забежали еще за другими детьми, и, пока мы дошли, уже собралось детей 10. Все одеты очень плохо. Особенно трое детей из двора Соловьевых. На них оборванные казинетовые поддевички, которые от локтя и от талии в лохмотьях. Старшая девочка ведет четырехлетнего брата за руку. Другую ручонку он засунул за пазуху, лицо синее и испуганное, тоже рысью поспевает за сестрой.

Пришли мы в «сиротское призрение» — там уже народу пропасть набралось. Эта деревня большая, 76 дворов, и многим отказывают в «сиротском призрении». Тут же на лавке стонет больная, кривая старуха...

По дороге прошли мимо мужика, который веял гречиху, другой с бабой молотили овес. Я с ними поговорила — они говорят, что это последнее, и что это оставят на семена. Из одной избы вышла баба, как все тут, очень коротко одетая, сарафан чуть ниже колен, босая. Я с ней поговорила и вошла к ней в избу. Тут сидит ее муж и трехлетняя дочка. Двое детей ушли в «призрение» обедать. Девочка бледная, все время хнычет и показывает пальцами куда-то, точно просит чего-то. Я спросила, обедали ли. «Нет еще». — «А что есть будете?» — «Хлеб». — «Какой, покажите». Хозяйка принесла черный, как земля, хлеб с лебедой. «Ну а девочке что?» — «А девочке картошки есть». Она вынула из печки на блюде глиняном несколько картошек и очистила одну девочке. Та стала ее есть, но не перестала хныкать. Лицо у нее

грустное и взрослое. Баба говорит, что она была хорошенькая, веселая, ходила уже и даже рысью бегала, а теперь перестала. Я спросила, больна ли она чем-нибудь. «Нет, — говорит, — помилуй Бог, а так себе, все плачет». Я с бабой поговорила о моем плане насчет холстов, и она так же сочувственно отнеслась к этому, как и другие. От нее пошли мы домой и только зашли к старосте спросить, где, по его мнению, можно устроить еще «призрение». Тут еще старуха пришла просить ее принять есть.

..После обеда Ив. Ив. дал нам списки лиц, судьбу которых он поручил нам узнать для того, чтобы о них дать сведения в Красный Крест. Я взяла список екатерининских бедных и пошла опять туда. Надо было узнать положение трех семей.

Первая мне показалась не особенно жалка. Однодворец с женой, матерью и четырьмя детьми, один болен. Топить нечем, есть нечего, но в избе тепло и на столе лежит полковриги хлеба с отрубями. Он жил прежде у Ивана Ивановича, но теперь на заводе работы нет и ему негде достать заработок. Тут я встретила бабу, которую утром видела в столовой. Она повела меня к себе в избу. Изба крошечная, в одно окно, холодно так, что дыхание видно. «Чем же ты топишь?» — «Катятями, набрала с осени да теперь по решету и топлю». — «А их-то хоть осталось?» — «Да есть еще на потолке». Лавок нет, одна скамейка. Пока я у нее сидела, влетела ее дочь с криком и сердитым плачем: «Издохла-а!» Руки у нее были синие, и она, сложивши пальцы, старалась их во рту согреть. Мать сейчас же стала ее обшаривать, так как девочка только что пришла с мельницы, куда ходила просить. За пазухой у нее нашелся кусок пеньки и в кармане другой — муки никто не дал...

От нее пошли мы к старику со старухой. Они двое живут в избе, он на печке лежит — болен. Изба тоже очень мала, темна и холодна. Они безземельные, так что и у них ничего нет.

6 ноября. 11 часов утра.

Дела тут так много, что я начинаю приходить в уныние: все нуждаются, все несчастны, а помочь невозможно. Чтобы поставить на ноги всех, надо на каждый двор сотни рублей, и то многие от лени и пьянства опять дойдут до того же. Тут много нужды не от неурожая этого года, а от тяжелой жизни. Дело все в том, как папа говорит, что существует такое огромное разделение между мужиками и господами и что господа держат мужиков в таком рабстве, что им совсем нет простора в их действиях. Я думаю, что такое положение дел, какое теперь, недалеко останется таким и как бы нынешний год не повернул дела кругом!..

Тут часто слышится ропот на господ, на земство и даже на «императора», как вчера сказал один мужик, говоря, что ему до нас дела нет, хоть мы все издыхай с голода. Еще известие в этом роде привез вчера Иван Иванович. Ему рассказывали, что несколько мужиков из соседней к Писареву⁵⁰ деревни собрали 20 рублей и поехали в Москву жаловаться на него Сергею Александровичу⁵¹. Говорят, их за это засадили. А тут еще вышел этот идиотский и жестокий циркуляр, который Зиновьев всем рассылает, о том, чтобы земство помогало только тем мужикам, которые этого заслуживают, и лишало бы помощи тех, которые откажутся от каких бы то ни было предлагаемых работ. Так что если мужика будут нанимать ехать отсюда до Клекоток (30 верст) за двугривенный и он сочтет это невыгодным, то его надо лишить всякой помощи и оставить умереть с голода. Это ужасно, что эти люди, сидя в своих кабинетах, измышляют. И ведь эти меры применяются на мужиках, которые во сто раз умнее всех Зиновьевых и Дурново⁵² и с которыми обращаются, как с маленькими детьми, рассуждая, заслуживают ли они карамельки или нет.

Получила в прошлую почту письмо от Репина. Он пишет, что мои письма для него большая радость. Я бы желала знать: такая же ли, как его письма для меня? Как он ко мне относится и что обо мне думает — мне это очень интересно.

Мне он очень интересен как художник и мил как человек. Но я чувствую, что хотя я ему — друг, он мне другом быть не может. Да он, верно, и не хочет. Ему льстит мое участие в нем и дружба к нему, льстит, что я дочь папа и что через меня у него отношения с папа поддерживаются, и, кажется, он считает меня умной. Я всем этим довольна.

В Ясной под конец его пребывания тетя Таня стала намекать на то, что у него больше, чем простое участие ко мне, и что он уезжает от этого. Зоя говорила то же самое, и мне самой минутами казалось, что в наших отношениях было что-то не то. Но теперь через переписку мы установили те отношения, которые желательны, и ни за что их не потеряю. Он пишет мне о своих картинах — как мне интересно, что он думает и чувствует, пишу их.

Сегодня метель, но все-таки придется идти в Екатерининское открывать столовую. Как много жалких людей! Редкий день Маша или Вера не ревут, и меня, хотя я и потверже, иногда пробирает. На днях вошла к мужику в избу — пропасть детей, есть совсем нечего. В этот день с утра не ели. Протопили стену избы, вместо которой мужик подвел мазаную каменную. «Сколько детей у тебя?» — «Шестеро». — «Что же нынче ели?» — «Ничего с утра не ели, пошел мальчик побираться, вот его ждем». — «Как же это? Детей-то жалко». — «Об них-то и тоска, касатка». Мужик отвернулся и зарыдал.

7 ноября 1891. 11 часов утра.

Только что приехали от Мордвиновых, где ночевали, так как от метели не могли двинуться. Тут пошли пешком по Дону против ветра, по сильной метели, а оттуда уже нельзя было добраться.

...Мама написала письмо в «Русские ведомости»⁵³, вследствие которого в один день ей принесли около 400 рублей, да еще Страхов дал сто. Кроме того, поспектакльная плата с «Плодов просвещения», которые дают полные сборы каждый день, определена тоже в пользу голодающих. Но самые грандиозные пожертвования придут к нам, вероятно, из Англии, так как папа получил письмо, в котором ему предлагают принимать английские пожертвования. Папа написал, что он согласен и что те деньги, которые не понадобятся тут, он передаст в земства более нуждающихся губерний. И мне опять не нравится сочетание папа с деньгами. Je uа quelque chose qui cloche *. Совет богатой девушке — сжечь 200 тысяч — гораздо более гармонирует с его взглядами. А тут есть компромисс, хотя я ясно не могу выразить, в чем он заключается.

...Вчера и сегодня я ничего не сделала — это меня мучает. Целых два дня людям быть голодными из-за того, что мне беспокойно было вчера отпустить папа одного к Мордвиновым, а сегодня совестно второй раз велеть закладывать, — это не резон, и если только возможно будет, то после обеда я пойду или поеду в Екатерининское открыть столовую.

Метель сильна так, что, пожалуй, меня не отпустят, — ну, тогда надо написать то, что я хотела, в газеты, о том, как я намерена употреблять присланные деньги. Я уже получила денежное объявление на 6 рублей. Тут надо самолюбие и литературу откинуть, а написать попроще и как можно правдивее все, что я вижу, потому что это необходимо нужно. Во-первых, многие, которые говорят, что нет голода, узнают, насколько он есть, во-вторых, на деле испробовав такой способ помощи, как столовые, надо сообщить о нем подробности, и, может быть, другие последуют нашему примеру. А в-третьих, может быть, это вызовет в некоторых жалость и желание помочь, что всегда желательно.

Тут страшно холодно, так что даже писать трудно.

8 ноября. 10 часов вечера.

Мама пишет о том, что статью папа пропустили⁵⁴, она обедала со Страховым у Фета, где читали и очень одобрили эту статью.

Приехали из Москвы Ваня и Петя Раевские⁵⁵ и И. Ал. Бергер. Мама пишет с ними, что все четверо детей — в жару, но что Филатов⁵⁶ говорит, что это инфлюэнца, которая через три дня совершенно пройдет.

Мама принесли более 3-х тысяч рублей, и она присылает нам: тысячу от Морозова и 273 р. за статью папа в «Русских ведомостях». Меня опьяняет это количество денег, но и неприятно — куда мы их все денем, как распределим?

* В этом есть что-то зазорное (франц.).

Папа ввел в здешнем «призрении» овсяный кисель, который имел большой успех. Он питателен и дешев, так что мы хотим везде его ввести. Сегодня Иван Иванович нашел купить дрова, чему очень рад, а то торфом не умеют топить, а может быть, и нельзя. Иван Иванович выписал пекаря из Епифани и делает разные пробы хлеба с суррогатами. Самый лучший вышел с картофелем — на 2 пуда муки 1 пуд картофеля, который предварительно варят и протирают, и выходит чудесный хлеб. Нам его подадут к обеду, и разница с чистым хлебом незаметна. Выгода его в том, что он дешевле и что тогда как картофель нельзя перевозить в мороз, хлеб — можно. Пробовали печь хлеб с свекловичными отбросками, которые на сахарных заводах продаются по 2 коп. за пуд и которые содержат в себе много питательного, но первая проба не вышла, хлеб сел и вышел мокрый; а теперь пробуем из них варить борщ. Был поднят вопрос о том, можно ли варить мерзлый картофель и свеклу, сделали пробу, и вышло, что если не оттаивать, а прямо варить, то разницы нет с мерзлым.

Многому научит нынешний год. Чем только он кончится?

9 ноября. 2 ч. дня.

Мне никогда не было так стыдно быть богатой, как это время, когда приходят ко мне старухи и кланяются в ноги из-за двугривенного или куска хлеба. А у меня в столе сотни рублей, от которых зависит их судьба. Нет, не следует иметь денег, что-то тут не то. Недаром так стыдно всегда иметь дело с деньгами.

17 ноября. Воскресенье. 12 ч. ночи.

У меня жар — 38,4, но состояние довольно приятное. В голове какой-то гул — вуу, вуу, и виски стучат. Днем у меня так сильно болела спина, что я, лежа на постели, плакала от боли, нетерпения и злобы. Папа пришел, попросил Марью Кирилловну растереть меня, после чего я заснула.

Вчера вечером папа, он ⁵⁷, Богоявленский ⁵⁸, Чистяков ⁵⁹ и я много говорили о том, что ждет Россию, и хотя папа говорит, что сколько мы ни старайся, а все же впереди крушение, меня это не приводит в уныние. Слушая других и сама соображая, я не могу с этим не согласиться, а все-таки есть какая-то надежда на то, что если побольше людей будет выбиваться из сил, чтобы сделать что-нибудь, то найдутся еще люди, которые последуют их примеру, и, может быть, крушение минует. Меня пугает то, что эта бедность и голод есть способ для очень многих поработить себе людей, и кончится это тем, что или опять будут рабы хуже крепостных, или будет восстание, что, по моему, по духу времени, вероятно.

Я вчера разговаривала со всеми этими людьми и подумала, что ведь только очень недавно я стала на положение большой — серьезные люди сообщают мне свои мнения и взгляды и спрашивают мои. Положим, я очень недавно стала их иметь сама.

Папа стал часто говорить и пишет в своих письмах, что дело, которое он делает, не то, а что это уступка. Я этому рада — значит, я не ошиблась.

Пожертвования мы продолжаем получать, и меня это все пугает. У нас теперь 17 столовых.

...Мне дети особенно жалки. Вчера я ходила провеживать троих, которые вторую неделю больны рвотой и поносом. Лежат все рядом на печи такие покорные, жалкие, бледные. Мать — вдова. Сегодня она приходила ко мне, я ей дала круп, чаю, баранок, лекарства и гривенник на хлеб, и при каждой вещи, которую я давала, она принималась все сильнее и сильнее плакать. Жалкий, жалкий народ! Меня удивляет его покорность, но и ей, я думаю, придет конец.

...У меня последние дни пропало то тяжелое чувство — беспокойство, которое было в первые дни приезда сюда. Это было просто беспокойство за мама. Теперь она спокойна и здорова, и у меня прошло это. Я соскучилась по ней и по детям и съездила бы в Москву, но мама не велит мне оставлять папа, да и скоро мы все, вероятно, съездим. Я боюсь в Москве увлечься учением живописи и не пожелать вернуться сюда, но я себя принужу, если это случится.

1893 год

10 июля.

Сегодня более чем когда-либо я убедилась в том, что талант не может развиваться без врожденной способности к усиленной и напряженной работе. Я не знала ни одного талантливого человека, который бы не работал над формой своего искусства усиленно, напряженно, ежедневно. Ближе всего я видела, как папа одну фразу переделывает по нескольку раз — то так, то иначе, то опять так, и так без конца, — и как Репин над своей живописью поступает таким же образом. Поэтому я думаю, что никогда я не добьюсь какой бы то ни было степени совершенства; у меня нет этой способности, нет того, чтобы я придавала форме такое значение. Я часто удивляюсь, что в папа это так сильно. Я это объясняю тем, что когда любишь содержание, то хочется его облечь в самую совершенную форму.

6 сентября.

Папа говорит, что в живописи, музыке и литературе есть по одному большому «sham»*. В живописи — Рафаэль, в музыке — Вагнер, а в литературе — Шекспир.

4 декабря. Москва.

Папа давно мне говорил, и Женья⁶⁰ писал в своем дневнике, что проверять себя всегда можно тем, чтобы представить себе, что последний день живешь на свете, но я это плохо умею. Никак не умею представить себе, что вдруг я умру, меня не будет...

28 декабря.

Вчера вечером он⁶¹ пришел ко мне в комнату и между прочим рассказывал, что ходил с папа гулять и жаловался ему на то, что скучно жить, т. е. не скучно, а что жизнь не призывает, не захватывает, как будто ее нет. Папа ему ответил, что иногда так живешь — без борьбы — целый год или годá только для одной минуты. Это правда.

1894 год

24 января. Гриневка⁶².

Вчера на станции долго сомневались, ехать ли нам, так как сильно мело. Мы оба были в нерешительности и как-то вяло решили ехать.

Но как только мы выехали, на меня напал ужасный страх и тоска. Во-первых, мы забыли валенки папа, он был в одних башмаках и калошах. Как поехали мы: вьюга, темнота, то сугробы, то голая земля, ветер свистит, снег так и крутит, — я ужасно оробела и стала себя упрекать в том, что я с своими эгоистическими мыслями совсем о папа не забочусь, забыла его валенки, не настояла, чтобы остаться ночевать. Я боялась, что придется вылезать из саней, он простудится и заболевает, и думала: «Вот мне наказание за мой эгоизм».

Но все обошлось благополучно. Нам было тепло, вешки были видны, и мы успокоились и разговаривали.

Говорили о предполагаемых гонениях на «Посредник»⁶³. Папа говорил, что как нам непонятны люди правительственные, так им непонятны и, кроме того, страшны такие люди, как посредниковцы, которые почти ничего не потеряют, если их сошлют или заключат. Они ничем не дорожат, ничего у них нельзя отнять, ни удобств никаких, ни вина, ни папирос, ни женщин; поэтому у них нет ничего, из-за чего они пошли бы на компромиссы и чем можно было бы их подкупить.

26 января.

Сейчас говорили долго с папа. Но не могли говорить всю, потому что меня душили слезы и я не могла отвечать то, что хотела. Он говорил про свое писание, что он от близости смерти совершенно свободно к нему относится и об одном только думает, чтобы писать то, что он знает и что другие не знают, — и так как ему не мешают ни тщеславие, ни страх, ни что-либо подобное, то ему это легко. И что вообще надо так к жизни относиться. Не помню, как он вызвал меня на то, чтобы я сказала ему про себя,

* Притворщик (англ.).

что меня мучает больше всего раздвоение, которое я постоянно испытываю. Например, у меня давно готовится решение к вопросу о собственности и что совершенно искренно и сознательно я хотела бы и считаю нужным от нее освободиться, а вместе с этим вдруг мелькнет мысль о том, что я буду делать такие портреты, за которые мне будут платить тысячу рублей, и вдруг завидно, что у кого-нибудь хорошие лошади и т. д. И постоянно так. Здесь, глядя на этих детей⁶⁴, много думаю о воспитании, и тут опять все мои мысли путаются и дwoятся. Папа говорит, чтобы об этом не отчаиваться и что это только значит, что происходит работа.

Потом почему-то (ужасно я тупа сегодня, ничего не помню, а хочется записать, что папа говорил) перешли на разговор о любви и замужестве. Я сказала, что в этом вопросе то же самое, как с деньгами, и папа спросил: «Что же тверже?» Я сказала, что в любви тверже. Он обрадовался, переспросил и потом сказал, что мы, девушки, недостаточно ценим своей чистоты, что мы представить себе не можем, какое это падение и для мужчины и для женщины, это физическое отношение, и что это на всю жизнь дает отпечаток. Я ему сказала, что я это знаю и всегда чувствовала — сначала инстинктивно, а потом более сознательно, и что всегда буду рада, что не вышла замуж. Папа говорит: «А сама всегда готова влюбиться». Я сказала, что это правда, но что я себя никогда не допустила до этого.

Папа говорит, что ему иногда жалко меня, что я не испытала радостей замужества и материнства особенно, что просто хотелось бы мне дать пососать этот леденец. Но я думаю, что я не могла бы им наслаждаться.

Этот разговор меня успокоил и утешил, точно погладил по головке. Иду спать. Мне жаль, что я очень поглупела за это время. Жизнь одна только, а я ее так бесполезно трачу.

27 января. Четверг.

Папа сегодня говорит мне: «Таня, отчего мне так грустно?» Я ничего не могла сказать ему, но упрекнула себя в том, что это я на него навожу тоску, бессознательно, гипнотически.

Папа со мной очень ласков, спрашивает: «Отчего ты худеешь?» Сейчас убеждал меня поесть что-нибудь, выпить молока, велел Соне⁶⁵ кормить меня — «а то она чахнет» — и потрепал меня по затылку.

29 января.

Папа вчера велел нам петь. Сейчас Соня придет, и я буду ей аккомпанировать. У нее милый голос, и первые дни она мне душу растерзала.

Папа написал Леве хорошее письмо, которое я списала.

На днях мы с ним на дворе встретились и разговорились, и оказалось, что мы думали о том же самом. Т.е. нас поразило количество рабов, работающих на господ. И здесь это особенно поразило нас, потому что мы оба смотрим на Илью почти как на ребенка, а в его власти — люди серьезные, терпеливые, заморенные, и от него зависит делать с ними, что он хочет. Я подумала, что в Овсянникове⁶⁶ моим именем властвует там Ив. Ал., и (это) опять навело на мысли о собственности и о том, что нужно непременно от нее отделаться. Я знаю, что мне было бы гораздо легче и радостнее, сделав это, но почему-то страшно на это решиться. Страшно, главное, оттого, что я думаю, что я вдруг перестану думать, как теперь, и мне будет жаль того, что я сделала⁶⁷.

31 января.

Сейчас говорили с папа о его дневниках. Просила его дать мне когда-нибудь которые-нибудь из них прочесть, и он сказал «да», хотя пишет их так, чтобы никому не читать. Я спросила: «А после смерти?» Он сказал: «Тогда, разумеется». Соня говорит: «Только не печатать?» Папа говорит: «Не знаю». Я: «Это завещается мне и Маше?» Папа: «И Черткову». Папа говорит, что никто, как Чертков и Русанов⁶⁸, его не понимают, Русанов более с художественной стороны, Чертков — с моральной. И что Чертков даже с излишним уважением все подбирает, что его касается, но зато ничего не упустит.

Потом мы почему-то говорили о моих романах, и папа считал моих женихов — насчитали десяток. Папа порадовался, что я так благополучно прошла мимо них всех, и пожелал мне того же вперед.

Чувствую, что из меня понемногу выходит все московское утомление, от него я здесь отдыхаю и переживаю дни совсем апатичные, вялые, пустые. Папа говорит, что внутренняя работа происходит иногда очень глубоко и неощутительна, пока она совершается. Велел мне не унывать. Но я не унываю и сказала ему это.

С ужасом думаю о Москве. Опять это напряжение нервов с утра до ночи. Рисование, в которое все-таки кладешь все, что есть, внимания и напряжения; дела папа — переписка, разные проверки, иногда переводы; и в промежутки — гости без конца. Придешь из школы — ни пообедать спокойно, ни прочесть что-нибудь, ни письма написать, ничего не дадут. Только и одиночества что идешь с Мясницкой домой пешком. Папа говорит, что надо видеть и ценить преимущества этой общественной жизни. А мне жалко, что жизнь так проходит пустая, никому не нужная и еще тяжелая.

3 февраля. Ясная Поляна.

Вчера в 12-ом часу были здесь. Привез нас Родивонч на паре веселых кобыл. Здесь встретили нас Маша, Мария Александровна и Хохлов⁶⁹ с самоваром и овсянкой. Очень было приятно въехать в Ясную. «Прешпект», лошади, дом, комнаты — все так привычно и мило.

...Ходила сегодня к колодезю по Заказу и радовалась на жизнь. Встретила мужиков, которые возят теперь в огромном количестве дрова из Засеки — здоровые, румяные, простые, — после Хохлова это успокоительно. Полька Балхяна, Константин Ромашкин, Пашка Давыдов⁷⁰ — красивые, веселые...

5 февраля. Ясная Поляна.

Ходили все — и папа — поздравлять Агафью Михайловну⁷¹ с именинами. Я осталась последняя, одна, и все расспрашивала ее про мать папа⁷². Она говорит, что она была на меня больше, чем на всех других, похожа, но поменьше ростом. Скорее полная. Постоянно говорит про нее, что она была «заучена». Знала языки, прекрасно играла на фортепьяно. Браниться не умела.

Как это досадно, что такая беспомощность в том, чтобы вызвать то, что было прежде. Со временем будут такие совершенные фотографии, фонографы и т. д., что человека всегда восстановить можно будет...

5 февраля. 12 часов ночи.

Да, я в плохом духе. Сегодня опять испытывала ревность к Маше за папа. Если он войдет к ней, а ко мне не зайдет, то мне неприятно. И мне кажется, что он меня не любит, что я скучна, и хочется для него сделаться забавной и красивой даже. Как глупо! Это чувство ревности для меня совсем новое, и странно, что я чувствую его только к Маше. Неужели мне придется испытать все дурные человеческие чувства?

9 февраля.

Я все ловлю себя на том, что постоянно хочется перестать быть строгой к себе. А тут еще дедушка Ге, который с азартом проповедует то, что он любит слабеньких, и папа туда же говорил, что он любит пьяненьких, потому что они смиренны и униженны. Поша, который позволяет себе размякать при Маше, заставляет нас петь романсы в два голоса, не отходит от нее, смотрит ей в глаза и млеет.

Дедушка кричит, что надо жить, надо любить, надо обмирать при виде красоты — что это Бог! т. е. красота. И что он ненавидит людей, которые говорят нравовучения вроде: «Братья, перестаньте есть мясо», которые — совершенства; что этих надо на церковные стены приколачивать вместо образов. Говорит, что для него восторг, когда он видит молодую девушку и рядом человека, который ее любит. Я знаю, что многое он говорил из красноречия и для того, чтобы поразить Марию Александровну, которая ахала и кричала: «Какая мерзость!» — но многое из этого он действительно думает, а в некотором он прав. Именно в том, что говорил папа, что одни рассуждения без внутреннего влечения ничего не стоят и ни к чему другому не приводят, кроме фальши. Будет вроде этого человека, который взял больного, чтобы ухаживать за ним, делать доброе дело, и доконал его до того, что тот просил его бросить, дать хоть умереть, но оставить в покое. Из этого не следует то, чтобы не стараться совершенствоваться, распусться и отдаваться своим инстинктам.

Я постоянно радуюсь на то, что около меня стоит человек, который так беспощадно строг к себе и который меня этим не заражает. Очень люблю его, и люблю хорошо, так, как папа вчера говорил о своей любви к Лева. Что малейшее изменение его внутренней жизни, взглядов ему чувствительно, он следит за ним и видит всякое колебание, и ему больно за отступление и радостно за приближение его к истине, но что о его физическом состоянии он совсем не думает и не может заботиться. И говорил о том, что есть другая любовь, которая заботится о том только, чтобы человек был здоров, одет, сыт. Иногда эти два рода любви сходятся, но следовало бы ко всем относиться так, как он к Лева. Потом засмеялся и говорит: «А вот меня огорчает, что у Тани зубы падают».

16 февраля. В вагоне между Смоленском и Варшавой, по дороге в Париж.

Три дня тому назад и в мыслях не имела ехать в Париж, а вот пришлось⁷³... Провожали меня папа, мама, Маша, Коля Оболенский⁷⁴ и Дунаев⁷⁵. Взяли билет, посадили меня в дамское отделение 2-го класса, в котором я оказалась совсем одна. Рядом, в мужском отделении, двое мужчин.

Я все время не робела, но после третьего звонка душа упала. Страшно было оставлять своих стариков, которые оба на ниточке висят, и потом оба они так за меня тревожились, что и меня заразили — не за себя, а за них же. Меня удивило, что папа так беспокоился.

17 февраля. Париж.

Что-то делается в Москве? И что Лева?

В Москве жаль было оставлять тоже Ге. Я его люблю... Он привез картину «Распятие», которая производит на всех громадное впечатление. Два креста, и не креста, а Т, третьего не видно, так что Христос не в центре картины, а центр находится между ним и разбойником. Представлена та минута, когда Христос умирает. Уже это не живой человек, а вместе с тем голова еще поднята и тело еще не совсем ослабло. Разбойник повернул к нему голову, и видя, что этот человек — единственный, который когда-либо сказал ему слово любви,— умирает, что он лишается этого друга, которого только что приобрел, он в ужасе, и у него вырывается крик отчаяния.

Это очень сильно и ново. Оба распятые человека стоят на земле. Разбойник не пригвожден, а прикручен веревками. Он очень хорошо написан, но я должна сказать, что на меня это не произвело сильного впечатления. Мне это жаль. Это потеря свежести, душевной впечатлительности. Папа расплакался, увидав это, и они с Ге обнимались в прихожей, и оба плакали.

25 февраля.

Из дома получаем ежедневные письма.

Здесь я понимаю более чем когда-либо, почему со всего света стекается народ к папа. Нигде нет такого света, как он распространяет, и если где есть звездочки, то они зажглись от него же. Сегодня Лева говорил, что его звали к Золя, но я подумала—зачем к нему идти, что он может сказать нового, интересного и поучительного? И так все знаменитости здешние.

16 марта. Москва.

Читала в «Северном вестнике» отрывок письма Тургенева к Анненкову о «Войне и мире». Тургенев хвалит художественную сторону и порицает психологическую, как и подобает истинному эстету⁷⁶.

Папа писал мне в Париж, что ему хочется написать изложение христианского учения для детей, но потом он замолчал. Вероятно, не пишет. Все водится с Тулоном⁷⁷, который ни ему, ни кому другому особенно не нравится. Там очень много хорошего, но мне всегда грустно, когда его тон недружелюбный и полемический. Как мне хотелось, чтобы он написал вещь, вполне чистую от спора и полемики, и вложил бы туда всю любовь, красоту и умиление, которые у него всегда так прекрасно выходят и так трогают, потому что они искренни, и у него этого так много в сердце. Неужели я увижу его? Мне все страшно, что что-нибудь случится, что этому помешает.

3 апреля.

Приехал Поша от Чертковых, привез известие, что завтра папа с Машей приедут, и письмо мне от папа⁷⁸. Письмо длинное, писанное в три приема, по ночам, и ужасно огорченное. Он боится увидеть меня и мое душевное состояние, боится, что я буду бороться с собой из-за любви к нему и страха общего мнения, и, видно, ему очень, очень больно и обидно. А мне страшно, что с меня так быстро и легко соскочило все мое увлечение.

Мне придется сказать папа хуже того, что он предполагает, т. е. что опасности для меня нет никакой, а что была игра в любовь. Это было бессознательно, пока это продолжалось; и только изредка бывали минуты, когда я чувствовала, что надо было себя подгипнотизировать, чтобы поддерживать это чувство, а теперь, когда мне захотелось, чтобы это прошло, я увидела, что нечему проходить — ничего нет.

11 апреля.

Ярошенко приехал писать папа⁷⁹. Завтра начнет.

11 мая. Ясная Поляна.

Последний дневник мой папа весь прочел, и я чувствую, что он разочаровался во мне. Он мне сказал, что я перестала ему «импозировать», как прежде, но я вижу под этим то, что он перестал меня уважать и стал немного меньше любить. Я всю жизнь чувствовала, что он во мне обманывается, считает меня лучше, чем я есть, и боялась и желала, чтобы у него открылись глаза, и вот теперь я жалею и радуюсь тому, что это произошло. Но сейчас плачу, пиша это. Он увидел, что я глупая и слабая; и хотя хорошо, что его иллюзии кончились, мне жаль его отношения.

15 мая.

Ге говорит — да и все (я этого не думаю), — что папа меня гораздо больше Маши любит. В последний раз, как я писала дневник, только что я кончила, он вошел и спросил, что я пишу. Я сказала, что дневник. Он спросил: о чем? Я стала ему говорить и вдруг разрыдалась. Он очень перепугался и смутился и стал утешать меня, что он нисколько не изменился ко мне, что то, что он во мне знает, то любит по-прежнему, и что его радует, что мы его любим, что это очень хорошо и что он никогда этому не верит. Говорил, что, прочтя мой дневник, он увидел, что я перестала ему «импозировать», что я такая самоуверенная всегда и что-то еще. Маша услышала из своей комнаты мой дикий рев и пришла посмотреть, что со мной.

3 июня. Ясная Поляна.

На днях с папа разговаривали. Он видел, что я скучаю, и утешал меня. Говорил мне, чтобы я не унывала, что я еще настолько привлекательна, что могу еще не отчаиваться. Говорил, что ничего нет в Евгении Ивановиче⁸⁰, что бы я могла любить. Мне совсем не этого от него нужно было — я всегда от него жду и желаю строгости. Я хочу, чтобы он мне говорил, что совсем мне не нужно любви, что ее, наверное, больше не будет и не должно быть. Я себе это постоянно говорю, но в слабые минуты чувствую себя одинокой и пугаюсь этому.

Вокруг много арестов и обысков. Булыгин сидит в Крапивне на две недели за отказ вести своих лошадей для записывания. Кудрявцев в тюрьме за переписку сочинений папа. Сопощко в Петербурге арестован, мы не знаем за что⁸¹. Должно быть, и до нас дело дойдет. Я этого жду без страха и даже почти с некоторой долей радости. Но вернее всего, что нас не тронут, а теперь доберутся до посредниковцев, и этого я боюсь.

Я думаю, что для меня хороша была бы такая встрепка, а то я стала изнеженна, эгоистична и озбочена собой до бесконечности. Страшнее всего мне за мама в этом случае — она очень страдала бы и у нее не было бы даже того утешения, что она терпит это во имя своих верований. Папа часто говорит, что был бы рад гонениям, но я думаю, что и ему это было бы тяжело.

22 июня.

Папа вчера сказал, что ему все кажется, что что-то должно кончиться, разрушиться и что, наверное, в этой пристройке никто жить не будет. Я тоже думала на

этих днях и представляла себе эту пристройку с заколоченными окнами, без рам. Возможно, что нас сошлют.

1896 год

7 апреля. Воскресенье. Москва.

Вечером было трое: Танеев⁸², Гржимали⁸³ и Эрлих⁸⁴. Играли трио Гайдна и два трио Бетховена, и Гржимали и Танеев играли сонату Бетховена. Играли дивно. Я думаю, они нигде так не стараются играть, как для папа.

С папа я что-то не близка.

8 апреля.

С папа лучше. Сейчас он рассказывал мне и Сухотину о философе Spig'e⁸⁵, которым он теперь очень увлекается. Ему дочь Spig'a прислала четыре книги своего отца, находя, что в его мыслях много общего с мыслями папа.

19 апреля.

Папа написал письма двум министрам — Муравьеву⁸⁶ и Горемыкину⁸⁷, с просьбой перенести гонения за его сочинения на него с тех, которые за них теперь преследуются. Хорошее письмо (они оба одинаковы), без задора, простое и умное. На этих днях еще два ареста...

У меня за последнее время как-то притупилось чувство сострадания и возмущения на такие случаи — слишком их много. Что могут думать и чувствовать люди, участвующие в этих гонениях? Или они слишком заняты разными коронациями, обедами, мундирами, производствами, чтобы на минуту одуматься?..

Вчера были на «Зигфриде»... Папа недосидел второго акта и с бранью, которая продолжалась и нынче вечером с Сергеем Ивановичем, убежал из театра. Мне тоже было невыносимо скучно и утомительно, но я просидела до конца и никогда больше ничего вагнеровского не пойду слушать.

...Папа сегодня читал новый рассказ Чехова «Дом с мезонином». И мне было неприятно, что я чуяла в нем действительность и что героиня его — 17-летняя девочка. Вот Чехов — это человек, к которому я могла бы дико привязаться. Мне с первой встречи никогда никто так в душу не проникал. Я ходила в воскресенье к Петровским, чтобы видеть его портрет. А его я видела только два раза в жизни.

7 мая. Ясная Поляна.

Папа совсем отказался от велосипедной езды. Я рада этому за него, потому что знаю, как радостно лишиться себя чего-нибудь, и за себя, что мы не будем так беспокоиться, целыми вечерами ждать его в дождь, посылать за ним во все стороны...

11 мая. Гельсингфорс.

9-го выехала со скорым из Ясной, оставив Машу в сильном жару, с головной болью, и папа, немного растерянного от своего одиночества, с большой Машей.

...Мы пробыли в Петербурге с утра до вечера, купили Мише smoking на свадьбу, съездили в консульство, на пароходство и к баронессе Иксуль... Она рассказала, что Горемыкин, который ей родственник, сказал ей, что получил письмо от папа, и на ее вопрос, «какого содержания?», сказал: «Вызов правительству». Она спросила его, будет ли он отвечать, на что он ответил отрицательно. Она говорит, что правительством считается очень вредным учение папа, потому что результатом его являются отказы от военной службы. А как поступать в таких случаях, оно не знает...

4 августа.

Получила сейчас по телефону открытые письма от мама, Маши и папа. От папа следующее: «Хочется тебе написать, глупая, беспокойная Таня. Если душе хорошо, то и на свете все хорошо. Вот постараемся это сделать. Я стараюсь, и ты старайся. Вот и хорошо будет. Целую тебя нежно, твои седые волосы. Л. Т.».

1897 год

15 марта.

О папа думаю с болью. Дурно я плачу за любовь ко мне. Сегодня думала о нем с нежностью и благодарностью. Если я не унываю, если я стараюсь быть нравственной и честной, то главным образом благодаря ему. Если бы не его любовь, я впала бы в беспросветное отчаяние и, конечно, было бы в тысячу раз хуже, чем теперь.

24 марта.

Приехавши из Калуги, получила письмо от папа. Такое нежное и доброе, что не могла без слез читать его, и, перечитывая, каждый раз плачу. Да, это такой соперник моим любящим, которого никто не победил.

17 июня.

Папа сегодня подписал статью об искусстве, но я думаю, что до полного окончания еще долго ⁸⁸.

2 августа. Ясная Поляна.

Переписываю старые иностранные письма папа и испытываю умиление над его глубокими мыслями, выраженными часто наивно от недостаточного знания английского языка и написанными с орфографическими ошибками. Некоторые переписаны мелким почерком мама, а некоторые ею исправлены.

Странное сочетание этих двух людей! Редко можно встретить людей таких различных и вместе с тем так крепко привязанных друг к другу. В самые ее лучшие минуты, когда она хочет следовать за ним и старается выразить его мысли и взгляды, удивляешься мама, как мало она его понимает и как далеко от действительности ее представление о его взглядах. В дурные минуты я сержусь на нее за это, но это жестоко и бессмысленно.

1898 год

4 февраля. Москва ⁸⁹.

На днях приехала из Петербурга, где была по делам «Посредника»...

Видела Репина. Завтракала у него... Он все работает над своим «Искушением» ⁹⁰, которого мы видели у него прошлой зимой и которое папа советует ему бросить. Репин все просит папа дать ему сюжет. Он приезжал с этим в Москву, потом писал мне об этом и еще несколько раз напоминал мне об этом, пока я была в Петербурге. Вчера папа говорил, что ему пришел в голову один сюжет, который, впрочем, его не вполне удовлетворяет. Это момент, когда ведут декабристов на виселицы. Молодой Бестужев-Рюмин увлекся Муравьевым-Апостолом — скорее личностью его, чем идеями,— и все время шел с ним заодно и только перед казнью ослабел, заплакал, и Муравьев обнял его, и они пошли так вдвоем к виселице...

Прожила я в Петербурге неделю и собиралась уже ехать домой, как получила от папа телеграмму следующего содержания: «В Петербург едут самарские молокане. Останься, помоги им» ⁹¹...

Так как дело, очевидно, зависело от Победоносцева, то я решила пойти прямо к нему...

Войдя в переднюю, я сказала швейцару доложить Константину Петровичу, что графиня Толстая хочет его видеть. Швейцар спросил: «Татьяна Львовна?» Я сказала: «Да». «Пожалуйста, они вас ждут». Я прошла в кабинет, в который готчас же вошел Победоносцев.

Он выше ростом, чем я ожидала, бодрый и поворотливый. Он протянул мне руку, подвинул стул и спросил, чем может мне служить. Я поблагодарила его за то, что он меня принял, и сказала, что отец ко мне прислал молокан с поручением помочь им. Я ему рассказала их дела и откуда они.

— Ах, да, да, я знаю,— сказал Победоносцев,— самарский архиерей переусердствовал. Я сейчас напишу губернатору об этом. Знаю, знаю. Вы только скажите мне их имена, и я сейчас напишу.

И он вскочил и пошел торопливыми шагами к письменному столу. Я была так

ошеломлена быстротой, с которой он согласился исполнить мою просьбу, что совсем растерялась, тем более что у меня было с собой черновое прошение молокан, но имен их на нем не было. Я это ему сказала, прибавив, что я никак не ожидала такого быстрого результата своей просьбы, а надеялась только на то, что он посоветует мне, что мне предпринять. Тут я ему сказала, что крестьяне хотят подавать прошение на высочайшее имя, прочла его ему и спросила, советует ли он его все-таки подавать. Он прослушал прошение следующего содержания:

«Ваше императорское Величество, Всемилостивый Государь!

1897 г., апреля 21, в деревню нашу приехал урядник и потребовал нашего единственного сына, мальчика пяти лет, чтобы увезти его в город. Мальчик в это время был болен, в сильном жару, и мы не дали его уряднику. На другой день, в полдень, приехал становой пристав и потребовал опять нашего мальчика, угрожая нам в случае сопротивления тюрьмою. Больного мальчика взяли и увезли в город. В городе мне и жене моей объявили, что отняли у нас сына потому, что мы перешли из православия в молоканство в 1884 году и что ребенка нам отдадут только тогда, когда мы вернемся в православие. То же нам объявили в монастыре, куда свезли нашего ребенка. Когда же мы объяснили в монастыре, что мы исповедуем ту веру, которую считаем истинной и нужной для спасения нашей бессмертной души, и не можем изменить ей даже ради возвращения нам нашего детища, то нас перестали пускать к нашему мальчику и допустили в последний раз только на несколько минут.

Полагая, что дело это совершенно противно закону и помимо воли Вашего Величества, умоляем вас, Всемилостивейший Государь, приказать исправить совершенное над нами беззаконие и возвратить нам наше единственное детище».

Прослушав это прошение, Победоносцев сказал, что незачем его подавать, что об этом деле довольно говорили и писали и что, во всяком случае, дело это придет к нему и решение его будет зависеть от него. Потом он сказал, что слышал, что детям в монастырях так хорошо, что они домой не хотят идти.

Я сказала, что это может быть, но что для родителей большое горе — лишение своих детей.

— Да, да, я понимаю. Это все архиерей самарский усердствовал; у шестнадцати родителей отняты дети. У нас и закона такого нет..

А я только что видела этот закон у Кони⁹² и не удержалась, чтобы не сказать:

— Винавата, этот закон, кажется, существует, но, к счастью, не бывал применен.

— Да, да. Так вы пришлите мне имена молокан, и я напишу в Самару.

Я подумала, не надо ли еще что-нибудь спросить, и так как ничего больше не пришло в голову, я встала и простилась. Победоносцев проводил меня до лестницы, спросил, надолго ли я в Петербурге, у кого я остановилась, и наверху лестницы опять простился со мной. Вдруг, когда я уже сошла вниз и стала надевать шубу, он опять вышел и окликнул меня:

— Вас зовут?

— Татьяной.

— По отчеству?

— Львовной.

— Так вы дочь Льва Толстого?

— Да.

— Так вы знаменитая Татьяна?

Я расхохоталась и сказала, что до сих пор я этого не знала.

— Ну, до свидания.

Я ушла и всю дорогу домой хохотала и придумывала, зачем он притворился, что не знал, с кем говорил, когда швейцар назвал меня по имени, кроме того, я сказала, что отец прислал молокан, и он сам сказал, что о них столько было говорено и писано...

Кони, который на другой день утром пришел ко мне, объяснил это тем, что если бы Победоносцев признал меня за дочь Толстого, то ему было бы неловко не сказать мне о нем ничего, и тогда ему пришлось бы сказать о том, что он знает о письме папа к царю, и о том, что это дело давно в сенате, и пришлось бы дать объяснение, почему до сих пор ни от кого нет ответа. А так, разговаривая с незнакомой барыш-

ней, ему было удобнее сразу покончить это дело. Может быть, он даже был рад тому, что я обратилась прямо к нему и дала ему этим возможность сразу прекратить дело.

Придя домой, я выписала молокан и послала с ними письмо к Победоносцеву, в котором прошу его ответить мне, у кого и когда молокане могут получить ответ и кто даст им полномочия взять своих детей обратно. Он принял молокан... и прислал мне следующее письмо:

«Милостивая государыня Татьяна Львовна! Я советовал крестьянам не проживать здесь в ожидании, а ехать обратно и справиться о деле разве в Самаре у губернатора, которому написал о них сегодня же, и думаю, что, по всей вероятности, детей возвратят им. Покорнейший слуга К. Победоносцев».

Молокане третьего дня проехали мимо Москвы в Самару, и теперь нам остается только ждать результата письма Победоносцева к самарскому губернатору.

Между прочим, он им сказал, чтобы они не беспокоились о своих детях, говоря, что им в монастырях еще лучше, чем дома, и что сами дети не желают оттуда уходить. На это один из молокан ответил ему, что можно птицу так приучить к клетке, что, если ее выпустить, она назад в нее полетит, но что из этого не значит, чтобы неволя была лучше свободы.

5 февраля.

...Папа читает Heine и вчера говорил одно стихотворение, которое выучил наизусть.

«Что такое искусство?» напечатано отдельной книгой (1-ый выпуск) изданием «Посредника». В одну неделю разошлось 5000 экз.

8 марта.

Папа получил от молокан письмо, что детей им вернули.

1900 год

3 ноября. Кочеты⁹³.

Вчера уехал отсюда папа с Юл. Ив. Игумновой. Прожил от 18 октября до вчерашнего дня. Странное у меня было к нему чувство: совестно своей измены⁹⁴ без раскаяния в ней. Совсем мало говорила с ним по душе. Я боялась, что он осуждает меня, может скорбеть о моем замужестве. А вызывать его на признание в этом казалось бесполезным, потому что вряд ли он это высказал бы мне, а если и высказал бы, то мне было бы слишком больно это выслушать.

1901 год

9 ноября. Гаспра.

Папа болен⁹⁵: у него лихорадка. У него сидят доктора Альтшуллер⁹⁶ и Елпатьевский⁹⁷.

10 ноября.

Папа лучше. Он сидел на своем верхнем балконе. У него был духоборец, который бросил своих канадских братьев, был в Якутске и теперь не знает, что ему делать. Жалеет о том, что уехал из Канады⁹⁸.

24 ноября.

Папа очень страдает от ревматизмов.

30 ноября.

Папа жалуется на боли в руках и ногах.

13 декабря.

Папа приехал из Ялты.

Вечером.

Папа приехал из Ялты, где пробыл 6 дней, потому что не мог вернуться от слабости сердца. Были перебои, и Альтшуллер так испугался, что приготовил камфару для вырыскивания.

23 декабря.

Папа гораздо лучше. Болей ревматических и лихорадки нет, и сердце хорошо.

1903 год

20 октября. Ясная Поляна.

Вчера вечером папа читал нам свою статью против Шекспира⁹⁹. Слушали Бутурлин Алек. Серг., Зося Стахович¹⁰⁰ и мы. После этого Зося с папа спорила, и сегодня утром, еще раз пересмотревши кое-что из Шекспира, папа с некоторыми ее замечаниями согласился.

По вечерам играем с папа в винт, а днями я очень занята копированием моего портрета для Миши и разбиранием разных писем к папа для моих воспоминаний.

Сегодня вечером был Миша-брат на два часа. Играл с Сашей на балалайке и гитаре, а потом напевал разные романсы, между прочим, один своего сочинения на Линыны слова, которые очень понравились папа.

Папа со мной удивительно ласков, смеется моим шуткам и называет меня *coquelin aine* *.

1904 год

5 января. Ясная Поляна.

За день до нас был в Ясной Брайан (американец, социалист, кандидат в президенты Соед. Штатов). Он очень понравился папа. Писать о нем не буду, так как с чужих слов боюсь быть неточной. Иду спать.

16 февраля.

Война с Японией. В России воздушевление и патриотический энтузиазм. У меня уныние оттого, что еще возможна война...

Папа ездит верхом в Тулу за телеграммами.

18 июля.

15-го убили бомбой министра внутренних дел Плеве. Трудно этому не радоваться...

Был у нас на днях спасшийся командир с погибшего «Петропавловска» (Яковлев). Человек симпатичный, видимо, простой и правдивый, но еще не проснувшийся к духовным требованиям.

14 октября. Кочеты.

17 сентября выехала с Мишей и Алей из Ясной Поляны в Петербург.. В Петербурге была у своего старого знакомого, теперешнего директора Департамента полиции Алекс. Ал. Лопухина, чтобы просить о возвращении Дашкевича¹⁰¹ в Россию. В разговоре Лопухин сказал, что «решено не преследовать толстовство». Каково! Это Святополк-Мирский¹⁰² и Лопухин, которого я знала с первого курса университета ничтожным, неинтересным мальчиком, решили, что можно «толстовство не преследовать».

Просила я также и за Бирюкова и за Черткова, и Лопухин обещал дать Бирюкову возможность вернуться и снять с него гласный надзор полиции.

..Папа здоров, бодр, собирает мудрецов. Не читает газет уже с месяц. Долго ли протерпит?

23 октября.

Вчера были здесь два интересных посетителя: 1) датчанин, идущий на пари пешком без копейки денег из Владивостока в Копенгаген. Он должен был пройти это расстояние в один год, но вчера истек срок и он проиграл. Берет только провизию для пропитания.

2) Священник, бывший тюремный. Сначала папа обошелся с ним холодно, но потом, вероятно, не желая отнестись к нему с пренебрежением, поговорил с ним серьезно. Он, вероятно, ездит с надеждой обратить папа, а может быть, и с полицей-

* Старый петушок (франц.).

скими целями. Когда я одна осталась с ним за чаем, он старался и меня обратить, но я ему сказала, что для того, чтобы отшатнуться от православной церкви, достаточно знать о тех гонениях на веру, которые она производит, и о тех жестокостях, которые она делает во имя Христа. Приемы его очень примитивные; для того, чтобы действовать простотой и искренностью, он недостаточно непосредствен и недостаточно сам верит.

...Пишу копию и переписываю письма к папа разных людей. Вчера нашли неизданные письма Тургенева к папа, начиная с 56-го года.

18 ноября.

Сегодня от Саша письмо, в котором она пишет, что читала папа мои письма о Ге и что папа велел мне сказать, что, в общем, хорошо и что он отчеркнул места, которые ему особенно понравились, но что можно сократить, выпустив отзывы рецензентов о его картинах...

1905 год

13 октября.

По вечерам читаем «Поединок» Куприна, причем больше всех читает папа. Ему нравится, и он находит, что Куприн талантливее Горького.

22 октября.

Вчера приехал Н. Н. Гусев¹⁰³ из Москвы и Тулы и рассказывал очень печальные и тревожные новости. Идет и в Москве и в Туле война «патриотов» или «черносотенцев» с революционерами и социал-демократами. В Туле тут еще примешался еврейский вопрос, и, по словам Гусева, вчера в Туле была перепалка, при которой убито до 40 человек.

В этот день как Миша был в Орле, происходило то же самое, и тоже с человеческими жертвами.

Папа уехал в Басово, чтобы на шоссе узнавать от возвращающихся из Тулы о новостях.

1909 год

8 июня (с. Кочеты).

Сегодня в 7 часов вечера приехали папа, мама, Гусев, Душан Петрович Маковицкий¹⁰⁴ и Илья Васильевич¹⁰⁵.

Папа бодр, всем интересуется. Говорил мне по секрету, что хочет писать художественное.

10 декабря.

Уехал папа из Кочетов 3 июля. Мне кажется, ему было хорошо у нас: было мало посетителей, никто не вмешивался в его умственную работу, не понукал его и не распоряжался им. Он был совершенно свободен, а кругом себя чувствовал любовь, ласку и желание каждого ему угодить.

Мне все время хотелось сделать ему один вопрос, но я не смела и ждала случая, когда это выйдет легко и естественно. И это вышло, когда я провожала его на Мценск. Мы ехали вдвоем в маленькой коляске тройкой, и он очень восхищался и погодой, и местностью, и лошадьми, и спокойствием коляски. И кое-что расспрашивал меня о моей жизни. Как-то спросил меня о чем-то, начавши фразу со слов: «Я хотел спросить у тебя об одной интимной вещи...». Когда я ему ответила (я даже не помню сейчас, о чем он спрашивал, мне было очень легко ему ответить), я ему сказала:

— Вот и мне хочется спросить у тебя об одной интимной вещи.

— Что такое? Я тебе с удовольствием отвечу.

— Почему ты хочешь, чтобы после твоей смерти твои наследники отказались бы от права литературной собственности и от земли?

— А почему ты знаешь, что я этого хочу?

— Ты сам раз при мне сказал: «На что мои сыновья надеются? Ведь если на книги...» — и не докончил. И я поняла, что ты хочешь сделать завещание в этом духе. (Кроме этого, мне Саша показывала выраженное в дневнике его это же желание, но чтобы не подводить Саша, я не сказала об этом.)

— А почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Потому что я боюсь, что твое желание, чтобы мои братья сделали то, чего ты не сделал, не возбудило бы дурного чувства. Ты сам не сделал этого и при жизни не просишь наследников это сделать.

— Да, но я думаю, что смерть моя смягчит их.

— Тогда пусть они сами это сделают. Все знают, что ты всю жизнь желал этого, и те, которые хотят и могут, пусть сделают это добровольно.

— Да ведь, собственно, завещания у меня нет. Я это записал как желание. По закону оно необязательно.

— Я знаю. Но тем, кто не будет в силах подчиниться этому желанию, будет тяжело идти против него, когда оно так категорически выражено.

— Да, да, я подумаю. Я тебе очень благодарен, что ты мне сказала. Я посмотрю, где у меня записано...

На этом разговор остановился, и мы перешли на другие темы.

Как-то зашел разговор о том, что иногда для блага одних забываешь о других. Я говорю:

— Да, вот как с вопросом, о котором мы говорили...

— Какой вопрос?

— Да вот ты хотел бы, чтобы братья отдали землю мужикам, для мужиков...

— Ах нет! Это, я должен признаться, из-за реабилитации... Впрочем, какая тут реабилитация?

Я повторила:

— Какая тут реабилитация? Скажут: сам не сделал, а от детей потребовал...

— Да, да, конечно.

Потом в Ясной, когда я там была в июле и общее настроение было очень тяжелое, он мне как-то сказал, что ему страшно тяжела земельная собственность. Я была поражена.

— Папа! Да ведь ты ничем не владеешь!

— Как? А Ясной Поляной?

— Да нет! Ты же ее передал своим наследникам, как и все остальное.

Он меня остановил и сказал:

— Ну, расскажи же мне все, как обстоят дела.

И я ему рассказала, как Ясная сперва была им отдана мама и Ваничке¹⁰⁶ пополам и как по смерти Ванички его часть перешла пятерым братьям. Он слушал с большим вниманием и только переспрашивал меня — наверное ли я знаю то, что говорю? Я это утверждала наверное и предлагала дать ему доказательство.

В конце разговора я сказала ему, что он, вероятно, очень рад, что это так, но он сказал: «Нет, я хотел делать дарственную мужикам...»

Это был один из тех периодов, когда он особенно сильно и болезненно ощущал всю тяжесть своей жизни в относительной роскоши, тогда как всей душой хотел жить просто.

1910 год

5 февраля. Ясная Поляна.

Несколько дней тому назад у нас в Ясной открыли народную библиотеку. Павел Долгоруков¹⁰⁷ приезжал для этого и говорил речь, обращенную к папа. Было неловко, и папа это чувствовал. И вообще он к этой библиотеке отнесся холодно, сказав, что это «пустяки».

22 июня. Кочеты.

Папа пробыл в Кочетах с 2 по 20 мая. 7 мая приехал Чертков и пробыл до отъезда папа. Мама приехала после него и уехала до него, 15-го.

Папа наслаждался отсутствием просителей и посетителей и общим дружелюбным, спокойным настроением: ему в Ясной особенно тяжело, и, пробывши у меня 18 дней, теперь уехал к Черткову. Грустно сказать, и он и мама испытывают приятное облегчение от разлуки. Я писала длинное письмо мама, стараясь мягко, с любовью объяснить ей всю бессмысленность ее хозяйничанья, но получила от нее в ответ

письмо, в котором она пишет, что ничего трагичного нет, папа нисколько не страдает и что почему после 48 лет их совместной жизни мы выдумали, что как будто что-то случилось. Я увидела еще раз, что то, чего она 25 лет (назад) не понимала, так и остается для нее непонятым. А как раз сегодня я нашла письмо, в котором в 1906 году я ей писала приблизительно то же, что и в нынешнем. Но тогда я этого письма не послала.

Была в Ясной от 2 до 5 июня. Разговаривала с папа о мама. Он всегда неохотно и редко говорит с нами, детьми, о ней. Но тут ему было так тяжело, что он открыто говорил со мной. И со мной, мне кажется, ему легче, чем с кем-либо, говорить о ней, потому что он знает, что я ее не осуждаю, а жалею. Он говорил, что единственная цель его жизни — это жить со всеми в любви, тем более с ней после полувека совместной жизни, но что это ему трудно.

Я как-то постучалась к нему, он не пустил меня и спросил: что нужно? Я сказала, что не докончила читать его пьесу. Он очень взволнованно ответил, что читать нечего, что это очень плохо и вообще все гадко. Я спросила: что гадко? «Гадко, на душе гадко. Надо уйти отсюда, это единственное, что возможно делать». Оказывается, возвращаясь домой с прогулки, он наткнулся на черкеса, который привел старика Прокофия за то, что тот поднял какие-то сухие макушки.

Я ушла. И когда мама пришла ко мне в комнату, я ей сказала, что папа очень расстроен и почему. Пока мы говорили, он вошел и сказал мне, что он шел с тем, чтобы просить меня ничего не говорить о его словах; что все хорошо, ничего не случилось.

А я нарочно сказала мама. А то бывает так, что он ничего не скажет, но делается мрачным, молчаливым и недобрим, и мама приписывает это просто дурному расположению духа от болезни желудка или печени, а не тому, что он глубоко страдает и борется с собой, с своим желанием уйти и бросить всю эту ненавистную жизнь.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Надя, Росса, Левицкий, а также упоминаемые ниже Дельвиги, К. К. (Коля Кислинский) — молодые люди, московские и тульские знакомые Татьяны Львовны.

² Татьяна Львовна увлеклась рисованием, писала портреты своих знакомых.

³ Дом владельца И. А. Арнаутова в Москве по Долго-Хамовническому переулку, № 15. Толстой покупал его, намереваясь переехать с семьей в Москву. Толстые проживали в нем (по зимам) до 1902 года. В настоящее время здесь мемориальный Дом-музей.

⁴ Илья Львович (1866—1933) — сын Л. Н. Толстого.

⁵ Мария Львовна (1871—1906) — дочь Л. Н. Толстого.

⁶ Лев Львович (1869—1945) — сын Л. Н. Толстого.

⁷ Алексей Львович (1881—1886) — сын Л. Н. Толстого.

⁸ Сергей Львович (1863—1947) — старший сын Л. Н. Толстого.

⁹ Кузминская Татьяна Андреевна, урожденная Верс (1846—1925), — сестра Софьи Андреевны Толстой; впоследствии автор воспоминаний «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне».

¹⁰ Кузминская Мария Александровна (1869—1923) — дочь Т. А. Кузминской.

¹¹ Олсуфьева М. А. — подруга Татьяны Львовны.

¹² Придуманное Толстым шуточное прозвище для пустой великосветской барышни.

¹³ Шумахер — владелец модного магазина в Москве на Кузнецком Мосту.

¹⁴ Поливанов Л. И. — педагог, директор частной гимназии на Пречистенке (ныне улица Кропоткина). Здесь учились сыновья Толстого — Илья и Лев.

¹⁵ Имеется в виду училище живописи, ваяния и зодчества в Москве, на Мясницкой улице, где Татьяна Львовна училась с 1881 года.

¹⁶ Александр Захарович — служитель.

¹⁷ Рассказ «Перепелка» был прислан И. С. Тургеневым по просьбе С. А. Толстой для журнала «Детский отдых», издававшегося ее братом П. А. Версом. В журнале, однако, рассказ напечатан не был. В 1883 году он вышел отдельным изданием вместе с рассказом Л. Н. Толстого «Чем люди живы» (изд. П. А. Верса и Л. Д. Оболенского).

¹⁸ Прянишников Илларион Михайлович (1840—1894) — художник.

¹⁹ Имеется в виду картина И. Репина «Поприщин» (1882).

²⁰ С 21 мая по 28 июня 1883 года Л. Н. Толстой находился в Самарской губернии, где лечился кумысом.

²¹ Семья писателя и общественного деятеля Д. Ф. Самарина (1831—1901).

²² Дешевые книжки для простонародного чтения. Их выпускало в свет близкое Толстому издательство «Посредник», которым руководил В. Г. Чертков.

- ²³ Софья Дмитриевна — дочь Д. Ф. Самарина.
- ²⁴ Толстой Сергей Николаевич (1826—1904) — старший брат Л. Н. Толстого.
- ²⁵ Лопатины: Лев Михайлович, профессор философии, и Владимир Михайлович, юрист, — московские знакомые Толстого.
- ²⁶ Ге Н. Н. (1831—1894) — художник.
- ²⁷ Убирая сено для яснополянской вдовы Анисьи Копыловой, Лев Николаевич тяжело ушиб ногу. Болезнь длилась несколько месяцев.
- ²⁸ Алена Королевна — яснополянская крестьянка.
- ²⁹ Одна из подготовительных заметок к трактату «Что такое искусство?».
- ³⁰ Позднее картина Н. Н. Ге получила название «Что есть истина?».
- ³¹ «Темные» — прозвище, данное Софьей Андреевной простонародным последователям Толстого в отличие от своих светских знакомых.
- ³² Книга американского врача «„Диана“». Психологический очерк о половых отношениях для вступивших в брак мужчин и женщин».
- ³³ Зиновьев Н. А. — тульский губернатор.
- ³⁴ Новиков Алексей Митрофанович — учитель детей Толстого. В 1891—1892 годах — помощник Толстого на голоде.
- ³⁵ Осенью 1890 года Н. Н. Ге вылепил бюст Толстого. Бюст находится в музее-усадьбе Ясная Поляна.
- ³⁶ Бергер Иван Александрович — управляющий в Ясной Поляне.
- ³⁷ Чтобы полностью отказаться от собственности, Толстой в это время задумал раздел своего имущества среди членов его семьи. Раздел был подписан и окончательно оформлен 7 июля 1892 года.
- ³⁸ «Родник» — детский журнал. Татьяна Львовна послала туда свой рассказ «Учитель музыки».
- ³⁹ Олсуфьев Михаил Адамович (1860—1918) — близкий знакомый семьи Толстых, товарищ С. Л. Толстого по университету.
- ⁴⁰ Повесть «Отец Сергей». Это начало было позднее изменено.
- ⁴¹ Князь Блохин — яснополянский крестьянин Григорий Федотович Блохин, помещанный на том, что он князь.
- ⁴² Толстой в это время напряженно работал над трактатом «Царство божие внутри вас».
- ⁴³ Начало 1890-х годов было отмечено тяжелым всенародным бедствием — недородом. В 1891—1893 годах Толстой, поселившись со своими помощниками в центре голодающего края — в селе Бегицевке Рязанской губернии, — возглавил широкое общественное движение в помощь голодавшим крестьянам.
- ⁴⁴ Наряду с отказом от собственности на имущество Толстой в 1891 году отказался и от гонорара за свои последние сочинения. Его намерение возобновить получение гонорара в пользу голодающих шло, по мнению Татьяны Львовны, вразрез с его прежним, более правильным решением.
- ⁴⁵ Раевский Иван Иванович (1835—1891) — помещик Рязанской губернии, активный помощник Толстого на голоде.
- ⁴⁶ Вера Кузминская.
- ⁴⁷ Кузнецова Мария Кирилловна — горничная.
- ⁴⁸ Мордвинов Иван Николаевич (1854—1917) — зять И. И. Раевского.
- ⁴⁹ Находясь в гуще голодающих крестьян, Толстой написал серию статей «Письма о голоде». Здесь речь идет о первой статье «Страшный вопрос».
- ⁵⁰ Писарев Р. А. (1850—1906) — земский деятель.
- ⁵¹ Сергей Александрович — великий князь, московский генерал-губернатор.
- ⁵² Дурново И. Н. — министр внутренних дел.
- ⁵³ 3 ноября 1891 года на страницах «Русских ведомостей» появилось открытое письмо С. А. Толстой с призывом о пожертвованиях в пользу голодающих.
- ⁵⁴ Статья «Страшный вопрос» появилась в газете «Русские ведомости» 6 ноября 1891 года.
- ⁵⁵ Раевские И. И. и П. И. — сыновья И. И. Раевского. Они помогали Толстому на голоде.
- ⁵⁶ Филатов Н. Ф. — детский врач в Москве.
- ⁵⁷ Имеется в виду приехавший в Бегицевку земский деятель Н. Т. Владимиров.
- ⁵⁸ Богоявленский Н. Е. — земский врач.
- ⁵⁹ Чистяков М. Н. — управляющий имением Черткова в Ржевске.
- ⁶⁰ Жена — Е. И. Попов (1864—1938), близкий друг Т. Л. Толстой, сотрудник издательства «Посредник».
- ⁶¹ Попов Е. И.
- ⁶² Гриневка — имение Ильи Львовича Толстого в Чернышевском уезде Тульской губернии.
- ⁶³ За издание неугодных правительству книжек, в том числе запрещенных сочинений Толстого, издательство «Посредник» подвергалось гонениям, а его сотрудники — арестам и ссылкам.
- ⁶⁴ Имеются в виду избалованные дети Ильи Львовича Толстого.

⁵⁵ Толстая Софья Николаевна, урожденная Философова (1867—1934), — жена И. Л. Толстого.

⁵⁶ Овсянниково — усадьба Т. Л. Толстой в пяти верстах от Ясной Поляны.

⁵⁷ Впоследствии Т. Л. Толстая передала принадлежавшую ей землю и лес крестьянам.

⁵⁸ Русанов Г. А. (1845—1907) — близкий друг семьи Толстых.

⁵⁹ Хохлов П. Г. — студент, последователь учения Толстого.

⁶⁰ Балхина П., Ромашкин К., Давыдов П. — яснополяские крестьяне.

⁶¹ Агафья Михайловна — в молодости крепостная, горничная бабки Толстого Пелагеи Николаевны.

⁶² Толстая Марья Николаевна, урожденная Волконская (1790—1830).

⁶³ Т. Л. Толстая срочно выехала в Париж по вызову брата Льва Львовича, который там заболел.

⁶⁴ Оболенский Николай Леонидович (1872—1934) — с 1897 года муж Марии Львовны Толстой.

⁶⁵ Дунаев А. Н. — близкий знакомый Толстого.

⁶⁶ Имеются в виду критические замечания И. С. Тургенева о первых двух частях «Войны и мира» в его письме к П. В. Анненкову от 26 (14) февраля 1868 года. После выхода в свет романа в целом Тургенев переменял свое мнение и дал ему самую высокую оценку.

⁶⁷ Речь идет о статье «Христианство и патриотизм», направленной против шумихи в казенной печати по поводу заключения франко-русского союза и прибытия в октябре 1893 года русской эскадры в Тулон.

⁶⁸ Письмо к Татьяне Львовне касается ее личных отношений с Е. И. Поповым.

⁶⁹ Художник Н. А. Ярошенко (1846—1898) написал портрет Л. Н. Толстого. Портрет находится в Русском музее (Ленинград).

⁷⁰ Попов Е. И.

⁷¹ Булыгин М. В., Кудрявцев Д. Р., Сопочко М. А. — последователи учения Толстого.

⁷² Танеев С. И. (1856—1915) — композитор.

⁷³ Гржимали И. В. (1844—1915) — скрипач и педагог.

⁷⁴ Эрлих Р. И. (1866—1924) — виолончелист.

⁷⁵ Шпир А. А. (1837—1890) — философи-идеалист.

⁷⁶ Муравьев Н. В. — министр юстиции.

⁷⁷ Горемыкин И. Л. — министр внутренних дел.

⁷⁸ Имеется в виду трактат «Что такое искусство?». Закончен в 1898 году.

⁷⁹ Эта запись опубликована (с сокращениями) в сборнике «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников». В 2-х томах. М. 1955, т. II, стр. 74—76.

⁸⁰ Позднее эта картина на библейские темы названа «Иди за мною, сатана».

⁸¹ По распоряжению свыше полицейские власти Самарской губернии насильно отобрали у сектантов-крестьян Чипелева, Болотина и Самошкина их малолетних детей и передали в монастырь для воспитания в православном духе. Л. Н. Толстой направил по этому поводу резкое письмо Николаю П.

⁸² Кони А. Ф. (1844—1927) — судебный деятель, близкий знакомый Л. Н. Толстого. Т. Л. Толстая советовалась с ним по делу молокан.

⁸³ Кочеты — имение М. С. Сухотина в Новосильском уезде Тульской губернии.

⁸⁴ Имеется в виду выход замуж Т. Л. Толстой за М. С. Сухотина. Л. Н. Толстой относился к этому браку неодобрительно.

⁸⁵ Эта и последующая записи вызваны тяжелой болезнью Л. Н. Толстого, длившейся более года. По совету врачей Толстой направился в Крым, где находился до 25 июня 1902 года.

⁸⁶ Альтшуллер И. Н. (1870—1943) — крымский врач, друг А. П. Чехова.

⁸⁷ Елпатьевский С. Я. (1854—1933) — врач и писатель.

⁸⁸ При содействии Л. Н. Толстого в 1898 году переселилось в Канаду несколько тысяч сектантов-духоборов, жестоко преследовавшихся царским правительством.

⁸⁹ Статья «О Шекспире и о драме».

⁹⁰ Стахович С. А. (1862—1942) — близкая знакомая семьи Толстых.

⁹¹ Дашкевич Л. В. — юрист, земский деятель, автор статей, осуждающих реформы Столыпина.

⁹² Святополк-Мирский П. Д. — товарищ министра внутренних дел.

⁹³ Гусев Н. Н. (1882—1967) — секретарь и биограф Л. Н. Толстого.

⁹⁴ Маковицкий Д. П. (1866—1921) — домашний врач Л. Н. Толстого.

⁹⁵ Сидорков И. В. — слуга в доме Толстого.

⁹⁶ Иван Львович (1888—1895) — сын Л. Н. Толстого.

⁹⁷ Долгоруков П. Д. — общественный деятель, либерал.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

Н. СМЕЛЯКОВ,
лауреат Ленинской премии

ДЕЛОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Записки заместителя министра внешней торговли¹

Из окон внешней торговли видно многое. Речь, конечно, идет не об окнах, которые имеются в центральном здании Министерства внешней торговли на Смоленской площади в Москве. Речь идет о том, что особенно заметно при контактах с деловыми людьми из всех стран мира, о возможности наблюдать непосредственно за жизнью государств и наций, их промышленностью, сельским хозяйством, культурой, экономикой, образом жизни и многим другим, что доступно работникам внешнеторговых организаций.

Мне пришлось неоднократно заниматься вопросами внешней торговли. В 1941 году — в Германии, где я работал в системе торгпредства, в 50-х годах — в Соединенных Штатах Америки в качестве председателя Амторга, в последующие годы — в Министерстве внешней торговли СССР — на посту заместителя министра. Кроме того, за годы работы на самых различных участках промышленности контакты с внешнеторговыми организациями поддерживались постоянно. Это было связано с экспортом наших товаров и с приобретением по импорту необходимых машин, оборудования и т. д. В основу этой главы положены многолетние размышления над фактами, связанными с внешней торговлей нашей страны и других государств.

Лето 1973 года вошло в историю весьма примечательными и памятными событиями, связанными с нормализацией советско-американских отношений, улучшением отношений между СССР и ФРГ, другими важными событиями, значение которых также трудно переоценить. Этому во многом способствовал апрельский (1973) Пленум ЦК КПСС, выдвинувший перед нашей внешней политикой задачу международного масштаба: сделать необратимыми позитивные сдвиги, происходящие в мировой обстановке.

Визит в США Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, успешные советско-американские переговоры, в результате которых подписаны важнейшие документы и соглашения, закрепляют происходящую нормализацию отношений между двумя крупнейшими государствами мира, стабилизируют эти отношения, создают предпосылки для их дальнейшего расширения и углубления.

На встрече в Вашингтоне с представителями деловых кругов США 22 июня 1973 года Л. И. Брежнев, касаясь переговоров, состоявшихся между советскими и американскими руководителями, сказал, что важное место в них наряду с политическими проблемами, мерами по предотвращению ядерной войны и ограничению стратегических вооружений заняли также вопросы развития экономических отношений между СССР и США.

¹ Н. Н. Смеляков — автор книги «Деловая Америка». Его новая книга «С чего начинается Родина» готовится к изданию в Политиздате. Глава из нее публикуется в этом номере.

«У нас с президентом Никсоном, конечно, не было конкретного разговора о том, с какой именно компанией Советскому Союзу лучше сотрудничать,— сказал Л. И. Брежнев.— Но у нас было полное единогласие в том, что обе стороны должны дать новый импульс и максимальную поддержку деловым кругам США и соответствующим ведомствам и учреждениям Советского Союза в их усилиях открыть новую, широкую дорогу для взаимовыгодного сотрудничества и торговли. В том, что здесь есть большие возможности, нет ни малейшего сомнения. СССР и США — страны с крупнейшими экономическими потенциалами. Мы обладаем огромными природными богатствами. Мы честно признаем, что в чем-то вы, американцы, идете впереди. Но в чем-то мы опередили вас. И если мы соединим свои усилия и подойдем к вопросу широко, масштабно, имея в виду долговременную, лет на двадцать, перспективу, то убедимся в том, что открываются огромные возможности. Думаю, что они есть практически во всех сферах, во всех отраслях — в одних меньше, в других больше,— но такие возможности, несомненно, есть. И мы,— продолжал Л. И. Брежнев,— полны решимости эти возможности реализовать. Могу сказать вам, что, рассматривая не так давно положение в области внешнеэкономических связей СССР на высоком форуме, каким является Пленум ЦК КПСС, мы пришли к такому выводу: сегодня нас не может удовлетворять то, чего мы добились. Был поставлен вопрос о резком расширении этих связей. Скажу откровенно, мы остро критиковали многие наши ведомства, занимающиеся этим делом, за отсутствие масштабности, робость, устаревшие представления, за недостатки в их работе. Но с той же откровенностью я хотел бы здесь, не за спиной, а в лицо, покритиковать и американских деловых людей, которых мы со времен В. И. Ленина уважаем именно за деловитость, покритиковать за то, что и они подчас не проявляют должной смелости и масштабности, живут устаревшими представлениями».

С некоторыми из деловых людей Америки, присутствовавшими на этой встрече с Генеральным секретарем ЦК КПСС, мне довелось быть знакомым в бытность свою председателем Амторга, а также встречаться с ними в ходе последующих поездок в эту страну уже в качестве заместителя министра внешней торговли СССР. Именно это знание позволяет надеяться, что мешавший нам прежде айсберг «холодной войны» будет окончательно растоплен.

Мне особенно хочется подчеркнуть значение документа «Основы взаимоотношений между СССР и США», подписанного от имени СССР Л. И. Брежневым и от имени США Р. Никсоном в мае 1972 года. В статье VII этого документа отмечается, что обе страны рассматривают торгово-экономические связи как важный и необходимый элемент улучшения двусторонних отношений и будут активно содействовать сотрудничеству между организациями и предприятиями наших стран и заключению соответствующих соглашений и контрактов, в том числе долгосрочных.

Очевидно, чтобы лучше представить себе значение улучшения отношений между СССР и США, почувствовать их влияние на развитие, в частности, внешней торговли, следует совершить небольшой экскурс в прошлое.

Первую торговую сделку с США Советская Россия заключила в 1922 году. Ее объектом была покупка американского мыловаренного завода стоимостью 40 тысяч долларов. Говорят, лиха беда начало. И в самом деле, в годы предвоенных пятилеток объем советско-американской торговли вырос до нескольких сотен миллионов долларов в год. В первый послевоенный год мы были готовы разместить заказы в США на пять миллиардов долларов. «Холодная война» заморозила и разрушила советско-американское сотрудничество на долгие годы. Приведу достаточно красноречивую цифру: в 1953 году весь американский экспорт в СССР составлял 19 тысяч долларов.

Без цифр не обойтись и в дальнейшем разговоре, поэтому прошу отнестись к этому обстоятельству с пониманием, что иной раз цифра заменяет не одну страницу текста. В 1972 году товарооборот между СССР и США составил около 540 миллионов долларов. В совместном советско-американском коммюнике говорится, что две страны должны поставить своей целью довести общий объем торговли за следующие три года до двух-трех миллиардов долларов.

Не скрою, мы с огромным одобрением отнеслись к подписанию контракта с американской компанией «Оксидентал петролеум», по которому предусматриваются в

течение двадцати лет взаимные поставки на сумму 8 миллиардов долларов для строительства в нашей стране комплекса предприятий, вырабатывающих удобрения для сельского хозяйства. Возглавляет эту фирму крупный бизнесмен Арманд Хаммер, давнишний сторонник торговли с нашей страной, действия которого одобрял В. И. Ленин.

В июне 1973 года, когда мне довелось побывать еще раз в Америке, я прочитал в «Уолл-стрит джорнел» примечательные слова президента компании «Сатра» («Советско-американская торговля») Ара Оцтемеля. Этот предприниматель практически был чуть ли не единственным, кто в течение всей «холодной войны» поддерживал коммерческие отношения между Америкой и Советским Союзом. Вот что он писал: «Торговля с Советским Союзом теперь считается респектабельным занятием. А ведь совсем недавно то, чем я занимался, рассматривалось как антипатриотическая деятельность». Отвечая на вопрос, что могли бы предложить русские на американском рынке, Оцтемель сказал, что Советский Союз способен весьма успешно конкурировать с другими поставщиками таких товаров широкого потребления, как автомобили, радиоприемники, текстиль и оптические приборы.

Могу добавить: «Сатра» уже объявила о том, что намерена с 1975 года начать продажу в США малолитражного автомобиля, выпускаемого Волжским автозаводом. Эта же фирма собирается продавать велосипеды советского производства и уверена, что американский рынок сможет принять до 100 тысяч этих машин ежегодно.

Хочу привести еще одно свидетельство растущего интереса американских покупателей к советским товарам. Нынешней весной в одном из крупнейших выставочных залов Нью-Йорка проходил международный автомобильный салон. Трудно было удивить чем-либо посетителей этой выставки. И тем не менее, как свидетельствовали газеты и рассказывали сотрудники нашего торгпредства, подлинным открытием для американцев стал советский стенд, где демонстрировалась автомашина «Лада» («Жигули»), а также легковой автомобиль повышенной проходимости «УАЗ-469Б». Советские машины впервые представлены на выставке в Соединенных Штатах — факт знаменательный, значительный. Что же думали американцы о советской продукции? — с таким вопросом обратился советский журналист к некоторым посетителям.

— Мне импонирует прежде всего то, что «Лада», судя по всему, весьма экономичная машина, — ответил Г. Эйв, преподаватель одного из нью-йоркских колледжей. — Расход бензина из расчета один галлон на тридцать миль — это совсем немного. А ведь важность этого показателя очевидна, если учесть высокую стоимость бензина и надвигающийся на нас энергетический кризис.

Пожилой посетитель, представившийся служащим корпорации «Форд моторс», не менее получаса досконально изучал «Ладу». Имени своего собеседник не называл: этого требует этика его фирмы.

— Однако как специалист я с большим интересом ознакомился с автомашиной. Мне хотелось бы отметить три основных достоинства «Лады» — прочность, экономичность и надежность в эксплуатации. Кроме того, важен тот факт, что автомобиль, выпущенный русскими, предлагается для продажи в Соединенных Штатах. Я убежден, что, когда «Лада» поступит на американский автомобильный рынок, она найдет здесь многих покупателей...

Пояснения у советского стенда давали представители торговой фирмы «Сатра», которая в соответствии с договоренностью с советскими внешнеторговыми организациями будет заниматься рекламой и сбытом «Лады» в Соединенных Штатах. Представитель компании выразил уверенность в том, что советская автомашина будет пользоваться популярностью в стране в силу ее высоких технических качеств. Особый интерес, по его словам, «Лада» представляет для жителей северных районов страны, поскольку она весьма надежна в эксплуатации при низких температурах.

У фермеров и специалистов сельского хозяйства — а их было немало среди посетителей выставки — большой интерес вызвал и «УАЗ-469Б», рекламируемый здесь как вездеход. У этой машины еще нет своего «коммерческого имени». В связи с этим «Сатра» с согласия представителей советских внешнеторговых организаций устроила любопытный конкурс. Посетителям предлагается придумать «имя» автомобилю. Автор наиболее интересной идеи ждет бесплатная туристическая поездка в Советский

Союз. Эта инициатива вызвала огромный интерес у американцев. Уже в первые дни объемистый ящик для предложений был заполнен до отказа. Представители фирмы, которым удалось «подсмотреть» некоторые из предложений гостей выставки, уверяют, что наиболее часто встречающимся вариантом «имени» машины стало русское слово «товарищ». «По секрету» сотрудники фирмы сообщили, что они не будут возражать, если таким именем нарекут советский автомобиль.

Ныне в США все реже раздаются суждения, что, мол, торговля Америки с Советским Союзом выгодна лишь нам и что США, дескать, нечего покупать в Советской России. Этот созданный недоброжелателями миф рассеивают даже официальные американские лица. Так, опубликованный в июне специальной исследовательской группой конгресса доклад опровергает распространяемые определенными кругами в США домыслы о малоперспективности советско-американской торговли. «Советские внешне-торговые организации продемонстрировали способность экспортировать современное оборудование и промышленные товары... Целые отрасли советской промышленности разработали современные технологические процессы, будучи лишенными технической информации из западных стран. Эти технологические новинки могут оказаться очень ценными для американских фирм»,— констатируют авторы доклада. «Бизнесмены в Соединенных Штатах и других высокоразвитых странах уже проявляют интерес к передовой советской технологии в таких областях, как металлообработка, станкостроение, электроника, энергетические установки, производство алюминия, добыча полезных ископаемых, и других. Существует немало важных новых форм двустороннего сотрудничества, такие, как совместные промышленные проекты, совместный сбыт продукции, соглашения по лицензиям»,— говорится в докладе.

В Соединенных Штатах в условиях острой конкуренции особую роль получает новейшая технология, революционизирующая определенную отрасль производства. И все большее число американских промышленников обращают внимание на достижения советской науки и техники, все охотнее приобретают права на их использование у себя в стране.

Так, в частности, в Соединенных Штатах в алюминиевой промышленности существует 12 фирм-производителей, из которых три («Алкоа», «Рейнольдс» и «Кайзер») вырабатывают 85 процентов металла. Группа ведущих специалистов Белокалитвинского металлургического завода осуществила пуск установок по советской лицензии на заводах «Рейнольдса», затем на фирме «Кайзер». Возможно, до конца года установки советского производства появятся еще на ряде американских промышленных предприятий такого же типа. Американских специалистов прельстила простота и доступность новой технологии, которая состоит в том, что литье алюминиевых слитков производится не в металлическом катализаторе, а в электромагнитном контуре, в результате чего металл как бы повисает в воздухе. Отсутствие контакта застывающего металла с металлической поверхностью позволяет металлургам на основе запатентованного более чем в 20 странах советского метода получать слитки, которые не требуют дополнительной дорогостоящей механической обработки перед их прокаткой.

— Во время моего первого визита в СССР в семьдесят первом году,— сказал Луис Рейнольдс, президент компании «Рейнольдс»,— на меня произвел огромное впечатление научно-исследовательский алюминиевый центр в Ленинграде. Если все две тысячи инженеров столь же компетентны, как те десять — пятнадцать, с которыми нам пришлось беседовать, то я не удивлюсь, если строящиеся сейчас новые алюминиевые предприятия в Средней Азии и Сибири будут отвечать самым современным требованиям. Вот почему, — кивнул он в сторону своих коллег,— я откровенно порекомендовал им подумать о приобретении двух-трех советских технологических процессов, войти в тесный контакт с вашими специалистами.

В прошлом году три месяца провели в Техасе наши специалисты-магнетики, осуществлявшие шефнадзор за монтажом электролизов по советской лицензии фирмы «Америкэн магнезиум».

— Ваши ребята произвели на нас потрясающее впечатление,— рассказывал нашему представителю президент компании.— Работать по двенадцать—шестнадцать часов в сутки, хотя их к этому никто и не принуждал,— такого здесь не делал никто. Целеуст-

ремленности и одержимости в самом хорошем смысле этого слова нужно нам учиться у русских инженеров.

Советские инженеры из Ленинграда и Запорожья добились таких показателей магниевых электролизов, которых еще не знала магниевая промышленность Америки.

Чуть ли не каждый день приносит нам новые свидетельства того, что наиболее прогрессивные государственные деятели и деловые люди Соединенных Штатов понимают выгоды торговых и экономических связей с Советским Союзом. Американские фирмы учреждают свои представительства в Москве. В их числе «Пуллман», «Оксидентал петролеум», «Чейз Манхэттен», «Дженерал электрик» и другие. Ведущие финансисты готовы принять участие в развитии коммерческих контактов с нашей страной. Президент экспортно-импортного банка Г. Кернс, побывав в нашей стране, заявил:

— Советская и американская экономики являются самыми мощными в мире, у них много общих интересов. Каждая из них может дополнить другую во многих областях, и это открывает широкие возможности для развития торговли между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Мне думается, что нынешний поворот к лучшему в советско-американских отношениях, помимо того, что он уже принес человечеству, дает нам право надеяться на еще более привлекательную перспективу в будущем. Мы видим сегодня в этом убедительное подтверждение ленинской мысли о том, что улучшение политических отношений способствует более полному использованию возможностей для торгово-экономического сотрудничества между странами с различным социальным строем.

На XXIV съезде партии товарищ Л. И. Брежнев отмечал: «Большим резервом повышения экономической эффективности народного хозяйства является совершенствование системы внешнеэкономических отношений».

Во внешнеэкономических связях Советского Союза центральное место принадлежит торговле с социалистическими государствами. Это объясняется в первую очередь общностью целей, стоящих перед социалистическими странами, взаимоотношения между которыми строятся на основе марксистско-ленинских принципов, на основе социалистического интернационализма. Эти отношения освящены братской дружбой, безусловным взаимовыгодным сотрудничеством, взаимопомощью, подлинным равноправием и взаимным доверием.

Объем внешней торговли с социалистическими странами в 1972 году превысил 16,8 миллиарда рублей и возрос по сравнению с 1965 годом в 1,7 раза. Доля социалистических стран составляет, таким образом, 65 процентов всего внешнеторгового оборота СССР. Одним из решающих факторов роста нашей внешней торговли является прежде всего успешное осуществление комплексной программы развития социалистической экономической интеграции, принятой два года назад социалистическими государствами — членами СЭВ. Торговый оборот Советского Союза с этими странами в минувшем году составил свыше 15,5 миллиарда рублей. Экономические отношения стран — членов СЭВ все в большей мере базируются на координации их народнохозяйственных планов, специализации и кооперировании производства, что ведет, естественно, к интенсивному торговому обмену.

Что мы покупаем у стран — членов СЭВ? В минувшем году Советский Союз закупил у них почти на 3,5 миллиарда рублей машин и оборудования. Это станки и приборы, оборудование для химической, текстильной, пищевой, целлюлозно-бумажной и других отраслей промышленности, морские и речные суда, железнодорожный подвижной состав, электромоторы, сельскохозяйственные машины и т. д.

Во все возрастающих объемах страны СЭВ поставляют нам товары народного потребления и полуфабрикаты для их производства. В 1972 году они экспортировали в Советский Союз, например, на 560 миллионов рублей одежды и белья, около 40 миллионов пар кожаной обуви, 120 миллионов метров тканей, более чем на 200 миллионов рублей мебели, 800 миллионов штук яиц.

В общей сложности советский импорт из стран — членов СЭВ в денежном выражении составил в 1972 году около 8 миллиардов рублей. В свою очередь, СССР продал им товаров на 7,5 миллиарда рублей. Свыше 26 процентов нашего экспорта в эти страны составляют машины и оборудование,

Для государств — членов СЭВ огромное значение имеют советские поставки нефти и нефтепродуктов, проката, хлопка, железной и марганцевой руды, каменного угля, лесоматериалов. За счет наших поставок эти страны почти полностью удовлетворяют свои импортные потребности в нефти и чугуна, на три четверти — в нефтепродуктах, металлопрокате, фосфорных удобрениях, более чем на три пятых — в хлопке, каменном угле, марганцевой руде, до 90 процентов — в железной руде и до 80 процентов в лесоматериале.

Летом 1973 года в Праге состоялась очередная, XXVII сессия СЭВ, проводившая свою работу с участием глав правительств. Проанализировав первые итоги осуществления комплексной программы, сессия выявила новые резервы для дальнейшего повышения эффективности интеграционных процессов в социалистическом содружестве и наметила конкретные меры для реализации этих резервов.

Политбюро ЦК КПСС и Совет Министров СССР, рассмотрев отчет делегации Советского Союза об итогах XXVII сессии СЭВ, отметили, что успехи в реализации комплексной программы социалистической экономической интеграции полностью подтверждают правильность линии братских коммунистических и рабочих партий на более тесное объединение усилий стран — членов СЭВ в строительстве социализма и коммунизма.

Успешно развивалась за два года нынешней пятилетки наша торговля и с другими социалистическими странами, не являющимися членами СЭВ: ДРВ, КНДР, Югославией. В прошлом году товарооборот с ними соответственно составил — 117, 380 и 570 миллионов рублей.

В 1973 году еще более укрепились наши торгово-экономические связи на взаимовыгодной основе с развивающимися странами. Внешнеторговый оборот с ними возрос с 3,1 до 3,4 миллиарда рублей. Особенно значительны наши торговые связи с Индией, АРЕ, Афганистаном, Ираком, Сирией, Ираном, Алжиром, Марокко, Турцией, Бангладеш и Пакистаном.

Важнейшей статьёй нашего экспорта в эти страны являются машины и оборудование. В свою очередь, СССР ввозит из развивающихся стран натуральный каучук, хлопок, кожевенное сырье, рис, кофе, какао, фрукты, а также нефть и газ. Все больше в нашем импорте из этих стран появляется продукция их молодой промышленности — тканей, швейных изделий, обуви, трикотажа.

В мире происходит поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности. Широкое признание получили принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем — так оценил нынешнюю международную обстановку апрельский (1973) Пленум ЦК КПСС. Следует подчеркнуть, что сама эта обстановка вызвана прежде всего успешным осуществлением Центральным Комитетом нашей партии программы мира, принятой XXIV съездом, значительным укреплением единства братских стран социализма.

В 1972 году наш товарооборот с промышленно развитыми капиталистическими странами увеличился по сравнению с предшествующим годом на 15,6 процента и достиг 5,9 миллиарда рублей. К слову сказать, вот как выглядят наши торговые партнеры из промышленно развитых капиталистических стран по объему торгового оборота в миллионах рублей. ФРГ — 827, Япония — 815, Финляндия — 602, Англия — 557, Франция — 554, Италия — 463, Канада — 300, Нидерланды — 222, Швеция — 188, Австрия — 163 и т. д.

Практически все, что нами ввозится из промышленных изделий, Советский Союз может производить сам, но благодаря международному разделению труда импортную продукцию мы получаем с меньшими затратами общественного труда. В этом состоит эффективность внешней торговли, широко используемой для решения задач девятой пятилетки, и прежде всего ее главной задачи — повышения уровня благосостояния советского народа. На базе импортного оборудования, например, обеспечивается значительный прирост мощностей по производству тканей, трикотажа, обуви, мясной и молочной продукции и других товаров народного потребления. Кроме того, свыше 40 процентов нашего импорта составляют непосредственно товары народного потребления и сырье для их производства.

Еще в древнее время говорили: «Или торговать, или воевать». Торговля — это первая операция, за которой идут политические акции. Торговлю можно сравнить с иглой, вслед за которой тянется политическая нить. Но оторвать одно от другого невозможно — успеха не будет.

Внешняя торговля служит не только экономическим целям, измеряемым валютой, — она является связующим звеном для сближения людей, народов, государств, в том числе с различными социальными структурами. Она создает благоприятный климат для решения политических вопросов.

Внешняя торговля — средство для обмена опытом, важнейшее орудие по организации разделения труда и по использованию ее плодов. И это не просто обмен визитными карточками, как принято иногда говорить.

В первые годы Советской республики с нами торговало всего несколько государств. В 1973 году более 100 стран торговали с Советским Союзом. Кануло в вечность время, когда мы ограничивались экспортом пеньки, леса, зерна, сала, пушнины, рогожных кулей и сорочьих перьев. Впрочем, и в 20-е годы делались попытки вывозить полуфабрикаты, если так можно назвать чугуны, канаты пеньковые, льняные ткани, произведения русских умельцев-кустарей. Но было это в весьма малых дозах.

Только с развитием советской промышленности начались, сперва небольшие, поставки за границу некоторых видов машин. Затем это приобрело все больший размах. И теперь с каждым годом внешнеторговые организации страны все более ускоренно развивают экспорт советских машинотехнических изделий. Вместе с тем мы не отказываемся от экспорта традиционных видов сырья и полуфабрикатов. Но и тут наблюдается совершенно определенная тенденция к их облагораживанию, повышению качества и степени обработки.

Совершенно очевидно, что экспорт машин и оборудования, предметов длительного пользования, готовых изделий экономически выгоднее, нежели продажа сырья. Поставками нашего оборудования и машин в социалистические страны мы оказываем существенную помощь строительству нового общества, помогаем развивать народное хозяйство этих стран. Экспорт машин и оборудования в развивающиеся страны также способствует решению крупных экономических и политических проблем: создает национальную промышленность, кадры и способствует росту независимой экономики этих стран. Тем самым Советский Союз содействует борьбе народов развивающихся стран против неокOLONиализма всех оттенков.

В целом экспорт советских машин и оборудования — прежде всего показатель зрелости определенных разделов нашей промышленности, техники, науки, наших кадров.

Можно проводить большую работу по модернизации промышленного предприятия, вкладывать значительные средства, создавать новые машины и даже быть довольным своей деятельностью, преждевременно называя отдельные результаты успехом. Но все же весьма полезно проверить вновь созданную машину на арене мирового рынка. Даже с учетом специфики последнего, искажений конъюнктурного порядка и окраски конкурентной борьбы мы ближе всего окажемся к объективной оценке технико-экономического и эстетического уровня нашей машины, ибо не зря сказано: все познается в сравнении.

Конечно, международный рынок не является единственным видом аттестации продукции страны. Но он безусловно один из наиважнейших. Кто с этим не желает считаться, тот, как говорится, приобретет в конечном счете сны и шишки. Было бы мало печали, если бы дело касалось только снъяков и шишек того или иного недалекого хозяйственника. Но в конечном счете страдает наше государство. Повторю еще раз: любую машину исключительно важно проверить не только на фоне народного хозяйства СССР, а на ринге мировой техники и экономики. Эта аттестация всегда беспощадна и часто может быть обидна до слез для экспортера и производителя. Тут сказывается настоящая борьба не только товаров как таковых. Здесь идет соревнование результатов труда в условиях научно-технического прогресса.

«Можно без преувеличения сказать, — говорит Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — что именно в этой области, в области научно-технического прогресса, пролегал сегодня один из главных фронтов исторического соревнования

двух систем. Для нашей партии это делает дальнейшее интенсивное развитие науки и техники и широкое внедрение в производство последних научно-технических достижений не только центральной экономической, но важной политической задачей».

Занимаясь более десяти лет экспортом машин и оборудования, я могу с большой долей достоверности сказать, что, если машина не годна для экспорта, если ее не покупают на мировом рынке, она, как правило, не нужна и для нашего народного хозяйства. Применение подобной машины, правда, возможно в нашей стране, но в конечном счете оно, как правило, является убыточным. Прав министр внешней торговли Н. С. Патолитчев, утверждая, что производство устаревшего оборудования означает воспроизводство технической отсталости. Таким образом, успешное решение промышленности и научно-техническими учреждениями вопросов, связанных с конкурентоспособностью наших машин на мировом рынке, является главной основой экспорта машинотехнических изделий.

К этому следует добавить, что за редким исключением любая машина, признанная на зарубежном рынке конкурентоспособной, как правило, будет нужна и в нашем народном хозяйстве. Поэтому конкурентоспособность на внешнем рынке отражает интересы Советского государства и внутри страны.

По мере развития народного хозяйства в целом, в индустрии в частности, увеличивался советский экспорт машин и оборудования. Вначале это были мизерные цифры. Первая поставка оборудования за границу состоялась в 1921—1922 годах на 100 тысяч рублей. В 1934—1940 годы экспорт машин и оборудования составил уже 45,2 миллиона рублей. В годы Отечественной войны (1941—1945) экспорт оборудования составил 15,1 миллиона рублей, в том числе в 1945 году — 10,7 миллиона рублей. Эта сумма складывалась из стоимости трех тысяч грузовых автомобилей и 150 тракторов, отправленных нами в молодье страны народной демократии.

В первые годы после войны экспорт машин не мог достигнуть значительных размеров, так как наша промышленность восстанавливалась от военных потрясений. Потребовалось несколько лет, прежде чем машиностроение стало давать на внешний рынок ощутимое количество продукции. Несмотря на это, поставка на экспорт машин и оборудования за три года (1946, 1947 и 1948) превзошла весь довоенный и военный периоды (1918—1945), вместе взятые. Затем начался непрерывный рост вывоза за границу советских машин и оборудования: в 1950 году экспорт составил 191,3 миллиона рублей, через десять лет он перевалил уже за миллиард рублей, а в 1972 году достиг более чем трех миллиардов рублей.

В экспортных спецификациях ныне прочно утвердились такие виды оборудования, как экскаваторы, гидравлические турбины, самолеты и вертолеты, морские и речные суда, тепловозы, прокатные станы, установки непрерывной разливки стали, дорожные машины, автоматические металлорежущие станки, электроника, приборы, металлургические, химические комплексные предприятия и т. д.

В настоящее время за рубежом работает более одного миллиона грузовых и легковых автомобилей нашего производства, четверть миллиона тракторов, около 50 тысяч металлорежущих станков, более 10 тысяч экскаваторов, около двух тысяч самолетов и вертолетов, более 25 тысяч дорожно-строительных машин. Из числа культурно-бытовых приборов заслуживают упоминания кино- и фотоаппараты, их продано за рубежом около трех миллионов, и часы — более 50 миллионов штук. Сотни предприятий, построенных Советским Союзом, работают в самых различных странах.

Вырос удельный вес машин, оборудования и транспортных средств в общем советском экспорте. В 1972 году он составил около четверти всего объема нашего вывоза за границу. Это большая заслуга советской промышленности, советского рабочего класса, инженерно-технического персонала, научных работников, строителей, плановых органов, работников транспорта — всех звеньев советской экономической системы, руководимой партией и государством. Долю своего труда в развитии этой важной и сложной статьи советского экспорта вложили и внешнеторговые работники.

Для нашей страны увеличение и улучшение структуры экспорта означает значительное движение вперед, результат больших усилий партии и народа. Наше положение на мировом рынке прочно.

Общий рост товарооборота Советского Союза достиг в 1972 году 26 миллиардов

рублей, прирост составил по сравнению с 1971 годом 10 процентов. До конца пятилетки в соответствии с Директивами XXIV съезда КПСС объем внешнеторгового оборота возрастет до 30 миллиардов рублей.

Следует отметить, что структура экспорта год от года улучшается. Возрастает доля вывоза машин и оборудования, а также других готовых изделий по сравнению с долей сырьевых товаров, ибо мы понимаем, что на сырьевых товарах далеко не уедешь.

Развитие мировой внешней торговли оказывает существенное влияние на каждую страну в отдельности. За 60-е годы товарооборот капиталистических стран продолжал существенно расти. Этот рост составил около 8 процентов в среднем за год против 6 процентов во второй половине 50-х годов. Тенденция эта не менялась, хотя были отдельные колебания го годам. По темпу увеличение международного товарооборота превосходило рост валового продукта капиталистического мира в 1,5 раза, а рост промышленного производства в 1,2 раза. Капиталистическая экономика развивалась ускоренно. Послевоенная фаза циклического подъема была, пожалуй, самая продолжительная.

Отдельные страны имели особенно высокий среднегодовой темп развития внешней торговли: Япония — около 15 процентов, Италия — 11,8 процента, Канада — 13 процентов, ФРГ — 9,7 процента, Франция — 9,3 процента. Надо сказать, что внешняя торговля помогала ослаблять остроту кризиса в отдельных капиталистических странах. Пусть это временный эффект, но такое явление наблюдалось. Например, спад в США (1960—1961) не коснулся Западной Европы, и этим воспользовались американцы, увеличив туда свой экспорт.

Для нас также важно знать, что в эти годы значительно усилилась роль капиталистических государств по стимулированию внешней торговли, и особенно экспорта. Ослаблялись всевозможные торгово-политические ограничения, в том числе таможенные пошлины. Все большую роль играла экономическая интеграция. Международное разделение труда приобретало все больший размах. Этому, несомненно, способствовала научно-техническая революция.

Образование замкнутых экономических группировок, как ЕАСТ (Европейская ассоциация свободной торговли) и ЕЭС (Европейское экономическое сообщество) имеет не только экономические цели. Тут налицо и политические интересы империалистических государств, которые пытаются объединить свои усилия, чтобы противостоять растущему могуществу мира социализма и национально-освободительному движению.

В этот период сильно изменилась товарная структура мирового капиталистического рынка. Наибольшее развитие получила торговля машинами, готовыми изделиями и химическими товарами. Удельный вес продовольствия, сырья, топлива уменьшился.

Тенденцию увеличения торговли оборудованием и готовыми изделиями можно считать долгосрочной. Этому способствует ускорение обновления и расширения основного капитала в высокоразвитых индустриальных странах на почве современной научно-технической революции. На самом высоком подъеме находилась наука и техника в машиностроении. Сыграла свою роль индустриализация развивающихся стран, механизация сельского хозяйства и его химизация.

Высокоразвитые в промышленном отношении страны не только продают машины и оборудование, но и покупают их в значительных размерах. Встречные поставки не случайность в международной торговле. Это выражение более глубокого процесса международной специализации в обрабатывающей промышленности, обновление ассортимента товаров как результат действий научно-технической революции.

По этой причине я как-то вступил в спор с группой канадских бизнесменов и с послом господином Фордом, который при первом знакомстве со мной сказал, что он не тот Форд, который богат и живет в США, что он просто однофамилец. Канадцы утверждали, что для торговли между нашими странами нет основы, так как экономика их весьма сходна между собою. Но как мне показалось в результате длительной беседы, собеседники сняли свое, по крайней мере, чрезвычайно категорическое утверждение. И в самом деле, трудно найти две страны, которые не могут между собой торговать.

Сокращение транспортных издержек за счет более совершенных специальных судов, железнодорожных вагонов, контейнерных перевозок, механизация портов, развитие автомобильных перевозок на машинах большой грузоподъемности и экономичности, расширение сети современных автомобильных дорог и, наконец, развитие грузовой авиации сыграло здесь не последнюю роль.

Развивающиеся страны также увеличивают экспорт готовых изделий и машин. Пусть пока объем продажи машин и оборудования незначителен, но он имеет принципиальное значение. Что касается экспорта готовых изделий, то он обрел ощутимый результат, вызвавший, с другой стороны, сокращение ввоза их в эти страны.

Для таких государств 60-е годы явились периодом относительно ускоренного использования машин и оборудования. Удельный вес закупок оборудования в общем импорте составляет около 30 процентов, что говорит само за себя.

Советский Союз поставляет развивающимся странам большое количество машин и других товаров. Но главная заслуга нашей страны заключается в помощи по созданию в развивающихся странах национальной промышленности, что, собственно, и обеспечивает поступательный рост производства и вывоза готовых изделий.

Чтобы не быть односторонним в изложении вопроса о мировой капиталистической торговле, надо упомянуть положение с сырьевыми товарами. По данным статистического управления ООН, сырье, экспортируемое из развитых стран, вздорожало в среднем на 11 процентов, а сырье из развивающихся стран подешевело на один процент. Капиталистические монополии без всякой пощады проводят в жизнь подобное соотношение в ценах, которое наносит ущерб развивающимся странам в сумме 1,8—2,8 миллиарда долларов в год. Это составляет примерно 40 процентов от государственной помощи, полученной этими странами за данный период из промышленных капиталистических стран.

Таким образом, империалистические державы и их монополии не собираются уменьшать экономические и политические доходы, ведя неравноправную торговлю с развивающимися странами. Они стремятся к усилению эксплуатации развивающихся стран.

60-е годы памяты развитием торговли между Востоком и Западом, между государствами с различными социально-экономическими системами. Здесь действовали объективные законы, которые определяют поведение той и другой стороны. Экономическое сотрудничество между социалистическими и капиталистическими странами стало фактом, вытекающим из объективной необходимости.

Дискриминация торговли с социалистическими странами все еще продолжает иметь место со стороны ряда капиталистических стран Западной Европы. Замкнутые группировки типа «Общего рынка» тормозят развитие внешней торговли. Деятельность таких группировок своим острием направлена прежде всего против социалистических стран. Но нуждаясь в торговле, эти же группировки вынуждены предпринимать некоторые шаги для уменьшения дискриминации. Правда, многие из этих шагов носят сугубо условный, временный или символический характер, не дают твердой уверенности в развитии нормальных торговых отношений между социалистическими и капиталистическими странами Западной Европы.

Иногда дискриминация наших товаров имеет форму весьма элегантную, но едкую по смыслу. Например, некоторые конкурирующие с нами фирмы, производящие часы, говорят, что «советские часы самые быстроходные».

Швейцарская фирма «Омега» известна как хорошая компания по производству часов. Будучи в середине 60-х годов на заводе этой фирмы и беседуя с ее руководством, я на свой вопрос, почему они с недавних пор стали пускать советских специалистов на часовые заводы, получил ответ, что фирма «Омега» не считает наши заводы своими конкурентами по часам, что советские часы менее точны, что у нас хуже поставлено техническое обслуживание и реклама.

В известной мере это было правильно в первый период нашего выхода на рынок. Но в голосе швейцарских фирм уже тогда слышались нотки беспокойства в связи с выходом Советского Союза со своими часами на мировой рынок.

Некоторые англичане, имеющие дело с нашим Экспортлесом, остряли: «Пока русский лес стоит на корню, он конкурентоспособен», намекая на то, что мы иногда поставляем лес плохо разделанный и высушенный, без увязки в пакеты.

Против советского экспорта машин и оборудования, приборов и многих других товаров конкуренты устраивают настоящие цунами. Но надо прямо сказать, что эти волны разбиваются о растущую мощь и авторитет нашей промышленности и о неприступные скалы монополии внешней торговли Советского Союза.

А вот еще один вид дискриминации советской продукции. Когда в 1970 году проходило ралли Лондон—Мехико, наши легковые автомобили «Москвич-412» показали довольно хорошие результаты. Юркие и выносливые «Москвичи» с успехом преодолевали самые трудные участки пути и уверенно приближались к цели. В пути попался очень трудный участок дороги, точнее — это было бездорожье. «Москвичи» с тем же успехом начали его преодолевать, и тогда французские газеты запестрели аршинными шапками: «Вышедшие из моды «Москвичи» попали в свою стихию». Но как ни пиши, на что ни намекай, а «Москвичи-412» всей командой прибыли в Мехико и заняли призовое место. В октябре 1971 года «Москвичи», участвуя в ралли «Тур Европы-71», прошли четырнадцать тысяч километров и завоевали первый приз — золотой кубок. Новая марка автомашины, наша «Лада», — серебряный кубок.

Первым внешнеторговым документом, который от имени Советского правительства мне пришлось подписывать, было соглашение с главой торговой делегации Бразилии в ранге посла Э. П. Барбоза Да Сильва. Произошло это в конце 1960 года. Между нашими странами еще не были установлены дипломатические отношения. Торговые дела настойчиво пробивали дорогу к нормализации отношений с этой великой страной Южной Америки. Бразильцы прилетели на специальном самолете, привезли много экспонатов из числа своих товаров, рассчитанных на вывоз, и устроили небольшую выставку, которую осматривал А. И. Микоян, в ту пору первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. Среди бразильских экспонатов были всякие диковинные вещи и, конечно, кофе в самых различных видах. Расчет иностранных гостей был прост: найти покупателя на свой главный товар — кофе, так как сбыт его был затруднен. От продажи кофе зависела судьба многих бразильцев, имеющих отношение к его выращиванию и производству.

В тот период потребление кофе в Советском Союзе составляло едва ли пять тысяч тонн в год, а бразильцы предлагали как минимум 60 тысяч. Нам это не подходило. Мы мотивировали свой отказ тем, что наше население больше привыкло к чаю, чем к кофе, и что чай издавна главный наш напиток. Барбоза Да Сильва привел в пример англичан, которые-де, мол, пьют очень много и чаю и кофе. Тут он сделал паузу и добавил, что англичане пьют также в достаточно больших количествах виски.

Тогда был приведен довод, что к бразильскому кофе наш покупатель не привык, так как если мы и покупали кофе, то в других странах. Но глава торговой делегации Бразилии тут же предложил устроить бесплатное угощение своим кофе в Москве, Ленинграде и других городах. Бразильские негодья выразили готовность устраивать дегустации кофе за их счет в течение ряда лет, чтобы приучить советских людей пить этот прекрасный напиток.

Одним словом, после длительных переговоров была записана поставка бразильского кофе в 1960 году — 20, в 1961-м — 30 и в 1962-м — 40 тысяч тонн.

Среди бразильских товаров были и такие, которые интересовали советскую сторону: глицерин, кожевенное сырье и другие. Бразильцы рассказали о прекрасной железной руде с содержанием железа более 60 процентов и не требующей обогащения.

В конце концов было подписано торговое соглашение между двумя большими государствами. Затем мне довелось дважды быть в Бразилии. Один раз с миссией доброй воли как депутату Верховного Совета СССР и второй — как главе торговой делегации Министерства внешней торговли для проверки выполнения торгового соглашения и определения новых путей развития экономических связей между Бразилией и Советским Союзом. Во время второго посещения между нашими странами были уже установлены дипломатические отношения. В Бразилии работал в то время советский посол С. С. Михайлов, обаятельный человек и крупный специалист по странам Латинской Америки, дипломат советской школы. Торговым представителем — И. Г. Писарец.

Несмотря на многочисленные трудности на пути расширения торговли между нашими странами из-за сложного внутреннего политического положения в самой Бра-

зилии, экономическое сотрудничество развивается. В 1970 году подписан долгосрочный контракт на строительство и поставку оборудования крупной гидравлической электростанции в Бразилии. Ведутся переговоры и по другим объектам.

Вообще говоря, в период работы в Министерстве внешней торговли мне многократно доводилось подписывать по поручению правительства различные торговые соглашения с другими странами. Чувство ответственности охватывало меня каждый раз, когда по поручению правительства я ставил свою подпись на особой, для этих целей предназначенной роскошной бумаге, в солидных, прошнурованных и опечатанных сургучом папках. В эти минуты я вспоминал людей, которые своим трудом создавали те ценности, что мне поручено передать иностранному государству, чтобы в обмен получить другие, нужные нашему народному хозяйству товары. И всегда я задавал себе один и тот же вопрос: а все ли правильно сделал, не потерял ли народную трудовую копейку? Беря перо для подписи документов, я ощущал эту минуту как момент перед боем, когда еще и еще раз проверяешь, все ли готово, не сделано ли какой оплошности.

Примером нормальных торгово-экономических отношений может служить сотрудничество между развивающимися и социалистическими странами. Большинство развивающихся стран быстро осознало преимущества торговли с социалистическими странами, хотя на пути к этому было немало препятствий, создаваемых иностранными монополиями и империалистическими государствами. Наблюдается динамичность развития торговли между социалистическими и развивающимися странами.

В 1973 году Советский Союз имел соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве с 45 развивающимися странами. Объем внешней торговли с ними в минувшем году составил 3 миллиарда 351 миллион рублей, в том числе на долю экспорта пришлось два миллиарда рублей.

Особо ощутимую помощь развивающиеся страны получают в виде машин и оборудования, в том числе транспортных средств. Если в 1955 году машины и транспортные средства составляли 26 процентов, то ныне доля оборудования перевалила за 40 процентов. Круг развивающихся стран, с которыми социалистические государства поддерживают свои внешнеэкономические связи, весьма широк, и он непрерывно раздвигает свои границы. Экономические связи социалистических стран с развивающимися странами коренным образом отличаются от связей капиталистических стран. Монополисты и крупные фирмы меньше всего заботятся о том, чтобы содействовать образованию национальной промышленности, организуют в лучшем случае в таких странах лишь сборочные заводы автомобилей, тракторов, холодильников и других машин. Но главная масса деталей для сборки этих машин и оборудования поставляется все же из страны-продавца. При определенной обстановке капиталист в любой момент может прекратить поставку узлов и деталей и остановить производство зависящих от него заводов.

За рубежом существует такое понятие, как «прогрессивная» сборка. Она заключается в том, чтобы развивающаяся страна-покупатель, собирая машины из готовых узлов и деталей продавца, постепенно готовилась бы с его помощью к самостоятельному производству их на месте, силами национальной промышленности. Удельный вес узлов и деталей собственного производства должен все увеличиваться: один, пять, двадцать, семьдесят процентов и выше, пока не достигнет ста процентов, то есть полной самостоятельности данного производства.

Мне довелось, изучая проблему, наблюдать заводы в Иране, Бразилии, Алжире и других странах. Могу засвидетельствовать: мне не удалось найти даже одно такое предприятие, где бы фирма высокоразвитой капиталистической страны выполнила свои обязательства по налаживанию производства хотя бы подавляющего большинства деталей и узлов машин. Редко удельный вес собственного изготовления деталей и узлов на таких предприятиях достигает 40—50 процентов. Но даже когда он превосходит эти цифры, то и тогда продавец оставляет за собой поставку самых сложных и дорогостоящих деталей и узлов, например мотора к автомобилю. Таким образом, продавец фактически держит рычаги управления сборочным заводом в своих руках и получает главную часть дохода. Иногда поставщик проводит незначительную модернизацию ма-

шины, и тогда дело организации «прогрессивной» сборки начинается, по существу, сначала, как в старой русской сказке: «Было мочало — начнем сначала».

В контрактах на так называемую прогрессивную сборку опытные продавцы выторговывают для себя различные льготы, мотивируя это тем, что якобы помогают создавать национальную промышленность страны-покупателя.

Выгоду дает также различие в таможенных пошлинах в развивающихся странах. В АРЕ, например, таможенная пошлина на готовые тракторы 40 процентов, а в разобранном состоянии — 5. На грузовые автомобили соответственно — 40 и 15, на легковые автомобили — 70 и 17, на телевизоры и радиоприемники — 50 и 5.

В конечном результате, несмотря на расходы по упаковке и распаковке разобранных машин, а также с учетом последующей их сборки, стоимость их будет ниже и, следовательно, даст выгоду производителю.

За время зарубежных поездок мне лишь изредка доводилось видеть завод, производящий средства производства, который был бы построен при содействии капиталистической фирмы высокоразвитой в промышленном отношении страны. И в то же время достаточно общеизвестны факты, когда Советский Союз строит предприятия тяжелой и энергетической промышленности в слаборазвитых странах. К числу их относятся Асуанская ГЭС в АРЕ, металлургический комплекс в Исфагане, наконец, Бхилайский металлургический завод в Индии, за сооружением которого я наблюдал в период, когда почти все предприятие уже работало.

По заводу мы ходили вместе с Н. В. Голдиным, советским руководителем этой гигантской стройки. Был конец мая, но уже наступила довольно сильная жара, непривычная для нас, москвичей. Однако это не помешало нам в течение двух дней осмотреть весь завод. Кое-где еще что-то достраивалось, но уже работали доменные и мартеновские печи, прокатные цехи, вспомогательные службы. Глядел я на завод и, откровенно говоря, немного завидовал индийцам: нам ведь никто с такой душой не помогал строить промышленность. Наш же интернациональный долг повелевает помогать великому индийскому народу.

А сколько трудов было положено для обучения индийцев, чаще всего вегетарианцев, слабосильных для тяжелой работы на плавильных печах! Я наблюдал, как на огромной мартеновской печи работают несколько человек наших во главе со сталеваром. С ними вместе должны работать индийские рабочие. Их по количеству значительно больше, но они чаще отдыхают, нежели работают, группами сидят и лежат на площадке. И конечно, не потому, что у них не хватает трудолюбия. Нужно время, чтобы втянуться в совершенно новую для них работу, освоить ее приемы. Но наши ребята нигде не подкачают. Со сталевара и его подручных течет ручьями пот, они изнемогают от жары, от непрерывного напряжения, но обеспечивают работу печи, строго по графику выпускают плавки. Работают с воодушевлением и задором, с нужным тактом и выдержкой. Они достойно представляют Советскую страну, и их труд, их поведение имеет, пожалуй, не меньшее значение, чем деятельность любых дипломатов.

Создание подобного завода — это только одна сторона дела. Ведь если Индия наладит у себя производство металла, значит, она его не будет покупать у нас.

Именно поэтому капиталисты никогда не станут выращивать себе конкурентов.

— Вот так советские коммерсанты, — скажет и ухмыльнется американец, — возведи металлургический завод в Индии, чтобы лишиться такого емкого и выгодного рынка! Удивительны эти русские! Они думают или не думают, когда берутся за такое дело?

— Думаем, крепко думаем, — ответит советский человек. — Возводя этот завод, мы и рассчитывали уйти с рынка. Не на словах, а на деле оказать помощь Индии в создании национальной промышленности — основы ее экономической независимости.

Таков метод сотрудничества не одного Советского Союза, но и других социалистических стран. Он не вредит, а помогает делу экономического сотрудничества и торговли. К примеру, торговля социалистических стран с Индией развивается весьма успешно. К 1965—1966 годам индийский экспорт на рынки этих стран достиг 304 миллионов долларов, иными словами — уровня ее прежних главных торговых партнеров, США и Англии. Доля социалистических стран в экспорте Индии увеличилась за 1956—

1966 годы с одного до 18 процентов. Не менее важно и то, что доля экспорта готовых изделий и полуфабрикатов возросла практически с нуля до 30 процентов. Если же вести речь о торговле между Советским Союзом и Индией, то в 1971 году ее объем составил 372 миллиона рублей. Помимо своих традиционных товаров — кожаного сырья, табака, чая, мешков и джутовой ткани, ковровых изделий, — Индия продает нам товары широкого потребления и изделия своей тяжелой промышленности, в том числе прокат черных металлов, машины, оборудование, кабели и тому подобное.

Гибкие формы расчетов, режим наибольшего благоприятствования, долгосрочные соглашения, добрая воля служат хорошим инструментом для развития торгово-экономических отношений между социалистическими и развивающимися странами.

К этому следует добавить большой объем экономического и технического содействия развивающимся странам.

Таким образом, из окна внешней торговли видно, что в обстановке существования двух мировых систем, социалистической и капиталистической, развивающиеся страны получают помощь из стран социализма, рассчитанную на создание независимой экономики в возможно короткий срок и при минимальных затратах валюты. Займы империалистических государств, их субсидии в виде так называемой помощи ставят иные цели, в том числе сохранение и закрепление зависимого положения экономики развивающихся стран, вывоз дешевого валютного сырья и самой валюты.

Много раз мне, так же как и другим товарищам, приходится отвечать на вопросы о целесообразности и обоснованности такой щедрой помощи Советского Союза другим странам, в то время как наша страна сама нуждается в металлургических заводах, электростанциях, дорогах, текстильных фабриках, во всем том, что переходит советскую границу и становится собственностью арабов, индийцев, афганцев и других.

Ответ может быть один: такова природа Советского государства, основанного на ленинских принципах интернационализма и братства между народами. Помощь нашего народа тем и ценна, что она оказывается не от излишков материальных средств в стране, а от чистого сердца друга, который в трудную минуту готов оказать помощь народу, борющемуся за свое существование, готов отказать себе в чем-то, но дать часть другу, разделить, как говорится, кусок хлеба.

Особенность нашей внешней торговли ныне такова, что наибольшие трудности мы испытываем в области экспорта оборудования, особенно в высокоразвитые страны. По мере становления отечественной промышленности росла необходимость научиться продавать за границу машины, оборудование и другие машинотехнические изделия. Первые же шаги в этом направлении показали, что у нас не было ни кадров, обученных приемам внешней торговли, ни экспортных товаров, ни опорных баз, отвечающих требованиям мирового рынка. Начав торговать машинами и оборудованием теми же методами, как, допустим, лесом, мы оказались в затруднительном положении. Между тем высокоразвитые капиталистические страны давно работали на рынке с этими товарами, накопили большой опыт как в коммерческих операциях, так и в производстве машин и оборудования. Прежде всего у них были знающие, обученные кадры всего комплекса внешней торговли. Они владели опытом и понимали особенности товара, приобрели специализацию.

Нам нельзя выходить на мировой рынок в смиренной рубашке наших внутренних привычек и традиций планирования, производства, транспортировки, опираясь лишь на законы внутреннего рынка. Нужно быть на уровне требований мирового рынка. Овладение этим уровнем не нанесет никакого ущерба ни нашему плановому хозяйству, ни законам социалистического производства, ни тем более коммунистической идеологии. Зато подобный принцип многому нас обучит и сделает более сильными в конкурентной борьбе с капитализмом.

Пока мы рассуждали, что такие запасные части к машинам и оборудованию, фирмы высокоразвитых капиталистических стран уже создали целую систему технического обслуживания со складами запасных частей и ремонтными мастерскими, разработали нормативы на техническое обслуживание, создали школы обучения специалистов, выпустили необходимое количество технической документации, приспособленной

к различным странам, изданной на всех основных языках мира, организовали особую службу по оказанию платной технической помощи, наладили производство специального инструмента и оборудования для сервиса, образовали разветвленную сбытовую сеть.

Пока наша промышленность начала внимательно, хоть и не очень охотно слушать заявления работников наших внешнеэкономических организаций об особых требованиях к экспортным поставкам машин, пока перешла к обещаниям начать их выполнять, капиталистические фирмы создали машины и оборудование с учетом особенностей работы в тропических условиях, на каменистых или песчаных грунтах, на использовании местного сырья, иной характеристики питания машин электрическим током, то есть делали большие шаги в направлении развития своего экспорта машин.

Пока мы поняли, что, прежде чем выходить на рынок, надо его изучить, определив, какие машины куда можно и какие нельзя поставлять, как организовать всю эту работу, капиталистические фирмы создали целую науку по этому вопросу, увязав в единое целое производство, рекламу и коммерческую деятельность. Появилось новое понятие, хотя еще не совсем сформированное, — «маркетинг»².

Пока наши плановые и сбытовые органы судили-рядили, сколько и каких машин можно дать для продажи и нельзя ли давать поменьше, а получать побольше валюты, не выделяя нужного количества запасных частей; пока они спорили, а не унижает ли наше достоинство, если товары для экспорта будут делаться лучше, чем для себя; нельзя ли обойтись теми машинами, которые и у нас плохо берут; нельзя ли не выделять на экспорт оборудование, пользующееся спросом внутри страны, — высокоразвитые капиталистические страны заняли рынки, оседлали их, укрепились на них, пустили коммерческие корни, развили экспорт машин и оборудования в огромном масштабе, приспособили свою промышленность к удовлетворению спроса на международном рынке, монополизировали целые отрасли, чтобы работать на экспорт.

Пока наши финансовые органы, в том числе Банк для внешней торговли, с пьедестала высокого служебного положения читали нам лекции, как торговать без предоставления кредита, как обойтись без складских запасов товаров любых форм конSIGNации; пока доказывали необходимость не вкладывать капиталы для создания мощностей технического обслуживания, с предубеждением формулировали вопрос, а зачем нужно так долго (десять лет!) хранить запасную часть к металлорежущему станку или автомобилю, снятым с производства, и тут же давали на сей вопрос отрицательный ответ, не дослушав до конца наши объяснения, — тем временем капиталисты создали сеть многочисленных банков, способствующих развитию экспорта, разработали более гибкие формы кредитов, в том числе их длительность, повысили материальную заинтересованность в развитии экспорта.

Пока наши транспортные организации, то есть морской, речной флот и авиация, железнодорожники и автомобилисты, спорили, кто из них главный с точки зрения тонно-километров, у кого должна находиться фрахтовая служба, кому бы уступить мало удобный для перевозки груз и как бы сохранить за собой такой товар, который не требует большой заботы, как бы избежать возни с машинами и оборудованием вроде неуклюжих автомобильных кранов, экскаваторов, вертолетов, различных автомобилей, громоздких прессов и металлорежущих станков, тракторов, запасных частей, хрупких телевизоров; пока они читали друг другу лекции о контейнерных перевозках, о многоэтажной перевозке легковых автомобилей и о том, что у них самый большой грузооборот в мире, — капиталисты существенно снизили транспортные расходы, организовали регулярные линии судов по перевозке контейнеров, завели специальные суда, платформы, автомобили для перевозки колесной техники и других машин, реконструировали порты, создали удобства экспортеру, разработали и организовали перевозку по принципу «от двери до двери», ускорили доставку грузов с надежной сохранностью, сами стали больше зарабатывать и снизили транспортные расходы клиента.

Пока мы обсуждали целесообразность создания специализированных внешнеэкономических организаций по экспорту основных типов машин и оборудования, торговались об их численности, спорили, нужны ли товарные ресурсы на несколько лет вперед, до-

² Маркетинг (англ.) — организация сбыта товаров на внешнем рынке.

бавить ли еще страницу по оборудованию в бюллетень иностранной коммерческой информации и на какой доlose печатать; пока выяснили вопрос, нужна ли реклама в широком смысле этого слова; пока рассматривали вопрос переподготовки внешнеторговых кадров, доказывая различным службам эту простейшую истину; пока прикидывали, должны ли выезжать работники промышленности за границу и как часто, пока искали пути взаимодействия внешнеторговых организаций с промышленностью, — капиталистические страны уже выпускали массовыми тиражами всевозможную рекламную и познавательную по торговым делам литературу, организовали сотни коммерческих школ, наладили переподготовку кадров, создали многочисленный специализированный сбытовой оперативный аппарат, способный собраться и выехать в течение нескольких часов в любую страну.

Вообще, пока мы накапливали свой опыт, нередко игнорируя чужой, время быстро летело, а дело развития экспорта машин и оборудования двигалось у нас медленнее, чем мы того желали.

Пока мы в 1968 году подбирались к объему экспорта машин и оборудования в два миллиарда долларов, мировой экспорт этих товаров, согласно данным, опубликованным союзом западногерманских машиностроительных фирм, возрос в том году на 9 процентов и достиг почти 29 миллиардов долларов.

Международная торговля капиталистических стран машинами и оборудованием возросла с 14,7 миллиарда долларов в 1955-м до 76 миллиардов долларов в 1970 году.

Говоря о торговле нашими машинами и оборудованием, можно привести следующие данные: объем закупок за 1946—1967 годы увеличился в 13,3 раза, достигнув в конце этого периода 2,6 миллиарда рублей; в 1972 году эта цифра возросла до 4,6 миллиарда рублей; вывоз из СССР машин и оборудования за тот же период вырос более чем в 50 раз, достигнув в 1972 году трех миллиардов рублей; около 35 процентов объема экспортируемых нами машин и оборудования составляют комплексные поставки в виде предприятий, электростанций и т. д.

И все же, если сравнивать по удельному весу экспорт машин и оборудования в общем объеме экспорта, Советский Союз уступает некоторым высокоразвитым в промышленном отношении капиталистическим и социалистическим странам. В чем же причина?

Успех экспорта такого товара, как машины и оборудование, зависит от многих факторов. Главный из них — конкурентоспособность на мировом рынке. Это понятие весьма емкое, и оно включает в себя не только уровень развития науки и техники в стране, где производится этот товар, но и многое другое. Конкурентоспособность — это сложный сплав из большого количества составляющих элементов, которые придают товару нужные свойства, удовлетворяющие покупателя в период перед покупкой, во время и после нее. Поэтому в этот сплав входит не только сам товар как таковой. Здесь имеет большое значение состояние конъюнктуры рынка, мобильность промышленности, совершенство коммерческих приемов, реклама и многое другое.

Нельзя скидывать со счета уровень себестоимости изготовления товаров. Систематическое снижение затрат на производство — одна из основ эффективности экспорта. Недаром снижение себестоимости в переводе с итальянского звучит буквально как «укрощение себестоимости». Играет, естественно, роль и политическая обстановка как в мире, так и во взаимоотношениях между торгующими странами. Политическая окраска нередко бывает решающим фактором торговой сделки. И все же, несмотря на это, конкурентоспособность самих машин и оборудования является важнейшим фактором.

Вряд ли кто будет отрицать, что конкурентоспособность в известном смысле отражает не только промышленную, но и общую культуру страны-поставщика, ее экономику, науку, социальную структуру и даже историю.

Подлинная проверка боеспособности армии, как известно, производится только на войне, а не на маневрах или при инспектировании. Конкурентоспособность промышленной армии оценивается только на мировом рынке, а не на внутренних ярмарках, выставках или на внутреннем базаре. Война не интересуется, сколько отличников боевой и политической подготовки было в части по отметкам командира, война дает оценку в бою. Мировой рынок не менее беспощаден, нежели война, и его не касается, сколько мероприятий мы провели в промышленности, скольким изделиям мы присвоили

Знак качества, сколько внедрили новых стандартов. Мерилом конкурентоспособности товара является результат борьбы на арене международного рынка.

Продолжая эту аналогию, можно сказать, что как во время войны требовалась непрерывная и быстрая перестройка промышленности на новые виды вооружения, необходимые фронту, так и в мирное время (условно, конечно) по отношению к гражданской продукции требования мирового рынка возрастают с той же стремительностью и беспощадностью. «Торг дружбы не знает» — говорит старинная русская пословица.

Никак нельзя упрощать подход к конкуренции товаров на международном рынке. Здесь необходим классовый подход, ибо конкуренция, по существу, это борьба между социализмом и капитализмом. В ней сказывается все: культура общая и промышленная, грамотность общая и техническая, идеология и сознание людей, социальный строй и политика, уровень науки и техники.

Быть конкурентоспособным, если говорить об условиях капиталистической страны, часто не под силу даже крупной фирме. В этом месте удобно сказать, что капиталистические промышленно развитые государства, понимая значение экспорта вообще и машин в частности, принимают для получения активного внешнеторгового платежного баланса самые энергичные меры содействия экспорту. Повышение конкурентоспособности промышленной продукции стоит недешево, а скорее очень дорого как фирме, так и государству, но оно окупается сторицей.

Занимаясь вопросами экспорта машин и оборудования, я старался изучить опыт других стран и творчески его использовать. Бывая в других странах, превращаясь, таким образом, в своего рода путешественника, я всегда помнил наставления великого английского ученого Исаака Ньютона, изложенные в письме к секретарю Королевского общества кембриджцу Астону в 1669 году и, по-моему, еще нынче не потерявшие своей свежести. В письме говорится, что дело путешественника учиться, а не учить, что надо следить за политикой, благосостоянием и государственными делами наций, насколько это возможно для отдельного путешественника; узнать о торговле и примечательных товарах, изучать законы и обычаи, поскольку они отличаются от наших, торговлю и искусство, насколько они выше или ниже, чем у нас. Ньютон ничего не забыл в своем наставлении. Он с равным вниманием рекомендовал изучать деяния людей, наиболее замечательных в каждой нации по уму, учености и уважению, наблюдать механизмы и способы управления кораблями, продукты природы, извлечение металлов и минералов и их очищение, цены съестных припасов и других предметов, главные продукты данной страны.

В общем, Ньютоном затрагивались главные вопросы. Многие из них имеют отношение к непосредственному изучению товаров и торговли, или, говоря на современном языке, конъюнктуры и особенностей рынка.

Каждый раз, как только я собираюсь пересечь границу, отправляясь по делам в другие страны, на память мне приходит не закон всемирного тяготения, а именно это письмо Исаака Ньютона, ибо в нем практического смысла несколько не меньше, чем в знаменитом законе.

Одним словом, все, что касается экспорта машин и оборудования, определяет программу моего пребывания за границей или на заводах Советского Союза. Не скрою, мной движет желание выяснить, почему при такой мощной промышленности, как в СССР, и в первую очередь машиностроении, экспорт машин и оборудования продолжал оставаться на сравнительно невысоком уровне, а наши продажи в промышленно высокоразвитые капиталистические страны еще недостаточны.

Но я не только стремился найти причины, но и отыскать более широкие дороги в направлении развития экспорта машин и оборудования в размерах, достойных нашей родины. Пока мы еще пользуемся узкими, извилистыми тропами, пролегающими по труднопроходимому рельефу мирового рынка. Конечно, готовой дороги нет, ее надо проложить, и это ничуть не проще, чем строить современную автомобильную дорогу типа «хай-вей» или «автобан» по болотам и крутым склонам.

Речь прежде всего идет о стимулировании экспорта машин и оборудования. 60-е годы у нас характерны тем, что такое стимулирование почти отсутствовало. К сожалению, и до последнего времени экспорт машин, оборудования и запасных частей к ним на некоторых заводах считают синонимом своего рода наказания. В самом деле,

требования к продукции с точки зрения технико-экономического уровня, качества, эстетики, четкости выполнения сроков поставки, удовлетворения особых требований покупателя (за которые он платит), организации технического обслуживания до конца жизни поставленных машин, их упаковки и транспортировки дают много забот исполнителю заказа.

Материальная, административная и иная ответственность за экспортные поставки делает экспорт в наших условиях малопопулярным. Не сразу и вспомнишь, чтобы кто-нибудь из директоров заводов сделал предложение Министерству внешней торговли о дополнительной сверхплановой поставке на экспорт автомобилей, тракторов, металло-режущих станков или других машин. В конце 60-х годов, после введения некоторых дополнительных средств поощрения, мы ожидали массового поступления таких инициативных предложений. Дело, однако, ограничивалось единичными случаями. К сожалению, мало что изменилось и сегодня.

В моей книге «Деловая Америка» (второе издание) в главе о техническом обслуживании машин и оборудования сделан прозрачный намек на то, что наши производители машин уподобляются кукушке, которая кладет свои яйца в чужие гнезда, спихивая заботу о потомстве на чужие плечи. Многие из работников промышленности, поняв, что это относится к ним, выражали несогласие. Некоторые даже обиделись на меня как на автора книги и, несмотря на добрые в прошлом отношения, перестали здороваться, а наши встречи утратили теплоту. Третьи просто не ощутили важности главной мысли о том, что за свою продукцию, за свое детище, должны отвечать и заботиться его прародители, заботиться и после того, как машина уйдет к покупателю. Эти товарищи по-прежнему улыбаются при встрече и хвалили книгу.

Что касается первых, то их можно понять. Они хорошо представляли себе весь объем гигантской работы, связанной с техническим обслуживанием и неприспособленностью к нему. Они фактически больше боялись взяться за техническое обслуживание, чем не соглашались, так как любому инженеру ясна роль технического обслуживания. Говоря о вторых и третьих, я не сокрушаюсь. В этом случае время — самый лучший лекарь, а жизнь — лучший учитель. Все придет в свой час.

Между тем существование технического обслуживания наших машин как внутри страны, так и за рубежом требует активного вмешательства в решение этой важнейшей проблемы. Без надлежащего технического обслуживания невозможно дальнейшее расширение экспорта машин и оборудования, так же как и эксплуатация их. Общеизвестно, что технического обслуживания не требуется при продаже сырья, продовольствия и полуфабрикатов. И это не вызывает нужды в особых разъяснениях. Но повторять прописные истины по вопросу технического обслуживания, к сожалению, приходится. Вот некоторые из них:

если хочешь быть экспортером, будь им, но прежде организуй техническое обслуживание;

выигрывает на рынке тот, кто имеет к моменту продажи машины комплекс служб технического сервиса;

нет ничего более вредного для дела, чем, продав машину экспортеру, не позаботиться о запасных частях к ней;

успех заключается не в количестве проданных, а в количестве исправных машин, находящихся у покупателя;

склад запасных частей без наличия оных уподобляется незаряженному ружью; три дела однажды начавши — проектирование машины, ее производство и продажу, — трудно считать разумным, если не позаботиться о запасных частях к ней;

сделав лишнюю запасную часть, не пользующуюся сегодня спросом, ты сделал ошибку; не выполнив срочного заказа на поставку необходимой запасной детали, ты совершил преступление.

Выше уже говорилось, что уровень умения торговать внутри страны сказывается на внешней торговле. Еще более справедливо звучит это правило относительно технического обслуживания. Нарушение правила «кто производит (машину), тот и обслуживает (ее)» — самая тяжелая и разрушительная болезнь.

Именно отрыв технического обслуживания от производства, который наблюдается в большинстве случаев у нас внутри страны, мешает по-настоящему организовать сер-

вис за границей. И это несмотря на то, что имеются решения, по которым производитель отвечает за техническое обслуживание своей продукции за границей. Подобная недисциплинированность объясняется тем, что слишком глубокие корни пустила привычка производителя не считать себя обязанным организовывать техническое обслуживание машин, которые он породил, которым дал жизнь.

Сложность технического сервиса даже при правильной организации его не оставляет сомнений. Главное в нем — снабжение запасными частями. Для этого нужна четкая организация обеспечения запасными частями в необходимых количествах, номенклатуре и по времени. Это настоящая наука.

Она трактуется, например, что совсем недопустимо, чтобы запчасти распылялись по многим потребителям, а не складировались по системе строго определенных категорий складов. Для обеспечения запасными частями автомобилей, тракторов, сельскохозяйственных машин, мотоциклов, поставленных советской промышленностью за границу, создается система складов: центральный, на головных заводах-поставщиках, в морских портах в Советском Союзе; периферийных, диллеровских — за границей.

Некоторые автомобильные заводы создали или завершают организацию хороших складов. К ним относится Горьковский автомобильный завод, Московский автомобильный завод имени Лихачева, Московский завод имени Ленинского комсомола и др. Центральный склад запасных частей Министерства внешней торговли (Запчастьэкспорт), построенный несколько лет назад в Москве, можно считать для 70-х годов современным. Он занимает площадь около 22 тысяч квадратных метров, имеет парк контейнеров различной величины численностью более 50 тысяч. Оборудован электронно-вычислительными машинами, небольшой типографией, приспособлениями для консервации, машинами для упаковки, маркировки, взвешивания, транспортировки, погрузки и разгрузки. Имеет железнодорожные и автомобильные въезды. Здесь имеются высотные стеллажи с подъемниками. К подобному объекту никак не пристает слово «склад». Это настоящее предприятие, мозгом которого является электронно-вычислительная машина.

Устройством складов, их работой интересуются очень многие работники советской промышленности и сельского хозяйства. В частности, центральный склад Запчастьэкспорт едва отбивается от посетителей. Можно быть уверенным, что раз к этому проявляется интерес, в Советском Союзе будут склады не только такие, но и лучшие. Мне известно, что некоторые склады запасных частей уже возведены и работают. В частности, хороший склад имеет Россельхозтехника под Москвой, на станции Лобня.

Но все это только начало огромной работы по организации технического обслуживания в стране. Участок деятельности, который носит имя технического сервиса, мало привлекает желающих. Тут трудно блеснуть досрочным выполнением плана по номенклатуре и количеству, всегда могут оказаться те или иные недопоставки и упущения, всегда найдутся суровые критики и ценители, часто далеко стоящие от понимания специфики этой работы.

Запасные части — это не тот товар, по которому действует правило согласования сроков между покупателем и производителем, как на готовые машины. Запасные части поставляются в сроки, которые диктуют работающие у покупателя. Иначе говоря, сроки определяет покупатель, а производитель их исполняет. Пока эта истина не овладеет теми, кто производит машины и запасные части, до тех пор технический сервис будет благим пожеланием, не более.

Проблем и кочек на пути к широкому экспорту машин и оборудования, к повышению конкурентоспособности на мировом рынке достаточно много. Посмотрим, как преодолевают подобные препятствия капиталисты, поднаоревшие в этом деле.

Стимулирование экспорта машин и оборудования из промышленно развитых капиталистических стран проводится государством, его органами в самых различных направлениях. Некоторые из них заслуживают особого внимания.

Так, например, ускоренная амортизация оборудования в предприятиях капиталистических, повышенные амортизационные отчисления, покрывающие стоимость оборудования гораздо раньше его физического износа, дают немалые стимулы повышению могущества монополий. Во-первых, форсированные амортизационные отчисления

обеспечиваются снижением подоходного налога путем искусственного уменьшения прибыли, подлежащей обложению налогом. Во-вторых, повышенные амортизационные отчисления дают возможность капиталисту-предпринимателю быстрее обновлять оборудование и техническую оснастку своего предприятия, вводить самую передовую, по последнему слову науки и техники поставленную технологию и на ее основе производить самую конкурентоспособную продукцию. В результате повышенных норм амортизационных отчислений капиталист повышает свои прибыли, закрепляет свои позиции на рынках, в том числе на внешних. Чем крупнее капиталистические монополии, чем сильнее их влияние на государственный аппарат, тем полнее и успешнее пользуются они такими мерами для усиления своих экономических позиций. Те страны, где наиболее сильна зависимость государственного аппарата от капиталистических монополий, где наиболее последовательно господствует афоризм Генри Форда «что полезно для Форда, то полезно для США», проводят наиболее гибкую политику поощрения экспорта и приспособления промышленности к требованиям внешней торговли,— эти страны дают наибольшие нормы амортизационных отчислений.

Особенно заметны ускоренные амортизационные отчисления в ФРГ и Японии. По законам Японии до 1960 года, стоимость машин, срок жизни которых определен в десять лет, списывалась в первый год на 50 процентов, за три года на 75 процентов, а за четыре года на 85 процентов. Только 15 процентов оставалось на последующие шесть лет. После 1960 года произошли некоторые изменения, в частности норма списания в первый год снижена с 50 до 33 процентов, но зато был сокращен на 20 процентов срок службы машин. Это увеличило темп списания, и японские монополии получили дополнительные выгоды в размере 20 миллиардов иен.

В ФРГ предпринимателям разрешалось сверх нормальных ежегодных десятипроцентных отчислений со стоимости машин (при десятилетнем сроке службы машин) производить дополнительные списания в первые два года эксплуатации в размере 50 процентов. Таким образом, на последующие восемь лет приходилось всего 30 процентов. Несмотря на некоторые ограничения, введенные в этом отношении, практика ускоренного списания продолжалась. По новым правилам за первые три года эксплуатации машины списывалось 64,2 процента, а за первые пять лет 81,6 процента. Выходит, что амортизационные отчисления были в несколько раз выше фактического износа основного капитала.

Смысл всех этих операций состоит в том, чтобы создать условия ускоренного технического прогресса на предприятиях монополий. Таким образом, вместо уплаты налога в государственный бюджет монополисты имеют возможность эти средства направлять на систематическую, причем ускоренную, замену установленного оборудования задолго до его физического и при первых признаках морального износа. В интересах повышения конкурентоспособности на внешнем рынке определенных отраслей и, следовательно, монополий, по существу, нарушается принцип постепенного перенесения стоимости основных фондов на производимый продукт по мере их износа.

Имевшее место до недавнего времени утверждение некоторых наших экономистов о том, что в условиях социалистического хозяйства амортизация возмещает только материальный или физический износ основных фондов и не возмещает так называемого морального износа и что последний процесс присущ лишь капиталистическому хозяйству, недостаточно точно. Оно приводит к некоторым неправильным выводам и действиям, тормозящим повышение конкурентоспособности наших машин и оборудования, приводит к экономическому ущербу в народном хозяйстве.

Дело в том, что когда К. Маркс в ходе своих рассуждений временно оставлял в стороне моральное «снашивание», это вовсе не означало, что он его не признавал. Более того, в том же «Капитале» сказано, что, «кроме материального износа, машина подвергается, так сказать, и моральному износу. Она утрачивает меновую стоимость, по мере того как машины такой же конструкции начинают воспроизводиться дешевле или лучшие машины вступают с ней в конкуренцию»³. А это означает, что наступает момент, когда машины морально изношенные, хотя физически еще вполне пригодные к работе, должны заменяться новыми, более совершенными, так как прежние машины становится экономически использовать невыгодно.

³ К. Маркс, Капитал. М. 1969, т. 1, стр. 415.

Требования научно-технической революции, необходимость идти в ногу с мировым техническим прогрессом, а где можно и опережать его, ставят перед нашей страной вопрос о всемерном стимулировании непрерывной модернизации наших предприятий. А между тем наши средние нормы амортизационных отчислений малоподвижны и не соответствуют размаху и темпам технического прогресса, который требует значительно более существенных и быстрых изменений.

Сентябрьский (1965) Пленум ЦК КПСС принял решение, в соответствии с которым установлен новый порядок использования амортизационных отчислений, создающий лучшие условия для более быстрого совершенствования и модернизации оборудования в нашей промышленности. Дело, следовательно, в том, чтобы придать значительно больший размах и более решительную ориентировку на учет не только физического, но морального износа оборудования, как это предусматривается в Директивах XXIV съезда партии по девятому пятилетнему плану.

Не менее сильное воздействие в капиталистических странах оказывает освобождение экспортируемых товаров от внутренних налогов с оборота или возмещение их при экспорте там, где они взимаются. Для экспортера, по существу, это та же выгода, толкающая его на развитие экспорта.

Существуют и другие виды поощрения экспорта. В США, например, учреждена президентская награда. Ее присуждает министерство торговли фирмам, которые внесли важный вклад в расширение экспорта. Обладателям этой награды разрешается вывешивать над своим помещением национальный флаг. В Японии за большие достижения в области экспорта фирмы или их руководители награждаются благодарственным письмом от имени премьер-министра либо орденом. В Англии с 1965 года введена система королевских наград тоже за выдающиеся достижения в области увеличения экспорта. Награды присуждаются королевой по представлению премьер-министра. Эти виды поощрения носят как бы моральный и рекламный характер, они играют свою положительную роль, повышая к тому же авторитет фирмы-экспортера.

О разнообразии приемов содействия экспорту говорит и такой факт. Западногерманские технические школы работают в Тебризе, Кабуле, Бейруте, Багдаде, Каире, Сингапуре. В этих школах ежегодно обучается свыше 10 тысяч специалистов. Для этого правительство предусматривает специальный фонд в сумме около 200 миллионов марок по бюджету министерства иностранных дел. Другие страны делают примерно то же самое, а США еще в больших масштабах. В конце концов все это способствует захвату рынков сбыта товаров и капитала, источников сырья.

Можно было бы привести и другие данные о содействии экспорту машин и оборудования, которые, кстати говоря, мало публикуются в иностранной печати. Многие из подобных действий засекречиваются, чтобы не давать лишние козыри в руки конкурентов.

Забота о развитии экспорта, чтобы он существенно превышал импорт, мучает, можно сказать, любое государство. Это легко понять. Дело в том, что самая элементарная технология покупок требует валюты. Для этого сначала ее надо заработать, то есть экспортировать товары. Дело это, однако, трудное, охотников заниматься этим меньше, чем выступать в роли покупателя.

Мне приходилось слышать сравнение, что экспортер и импортер подобны официанту и клиенту за столом ресторана. Первый должен ухаживать за вторым, зато второй расплачивается. Наши продуценты иногда говорят, что экспорт — это своего рода наказание, а импорт — премия. В ряде наших организаций заметна совершенно явная тенденция только покупать. Но покупать за рубежом тоже непросто, если строго сохранять интересы своей страны. Важно, чтобы жить по средствам, а это значит тратить меньше, чем зарабатываешь. Казалось бы, что это истина. Но в жизни получается не всегда так.

Главное состоит в том, чтобы развивать эффективный экспорт. Это относится в первую голову к машинам, оборудованию и готовым изделиям. А экспорт начинается не с самого производства, хотя примат его сохраняется, а гораздо раньше — с научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок. Утверждение о том, что рынком владеет производитель товаров, на сегодня и, видимо, на ближайшее завтра остается верным. Но производство конкурентоспособных товаров базируется на развитии

науки и техники, на культуре страны в целом. Это особенно заметно ныне, в период научно-технической революции.

Первая скрипка в оркестре производства материальных ценностей принадлежит научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности. И здесь важно, с одной стороны, сколько страна в состоянии тратить и сколько фактически расходует на эти цели и, что важнее всего, как умеет снимать урожай от этих вложений.

Разумеется, это не догма. Так, в частности, если говорить о Японии, одной из высокоразвитых капиталистических стран, то успеха в развитии промышленности и экономики, следовательно, и на мировом рынке она добилась другим путем. Ей было не под силу начинать с организации самостоятельных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ даже в меньшем объеме, чем США. Ее выбор остановился на использовании чужого опыта, особенно американского. Началось небывалое по масштабам и разнообразию форм изучение и применение зарубежной технической мысли. Тут и покупка лицензий, и так называемое «ноу хау»⁴, использование приобретенных образцов продукции, приглашение иностранных специалистов, обучение своих специалистов за границей у самых лучших фирм, тщательное изучение выставок, конференций, симпозиумов, иностранной литературы, система командирования на зарубежные заводы, умелое проникновение к конкурентам, членство в самых разнообразных технических обществах. Седовласый технический опыт Европы и Америки был запряжен в японскую колесницу и стал движущей силой ее экономики.

Сегодня Япония заполонила мир своими товарами, в том числе новыми, которые успешно теснят другие страны и даже лидеров капиталистических государств. Все увеличивающаяся продажа японских легковых автомобилей в Соединенные Штаты говорит о многом. За последние несколько лет экспорт японских легковых автомобилей вырос в 78 раз, грузовых автомобилей — в 10,8 раза.

Среди наших торговых партнеров и конкурентов по машиностроительной продукции Япония занимает особое место. Эта страна интересна не только с точки зрения внешнеэкономических отношений. Динамика ее развития более всего видна, пожалуй, именно из окна внешней торговли. Можно с полным основанием сказать, что в этой стране научно-техническая революция проходит более бурно, чем в любой другой капиталистической стране.

Суперделовая Япония — так можно сказать о ней, когда мы говорим о могущественном конкуренте на мировом рынке, каким является сегодня это островное государство с населением в 100 с лишним миллионов человек, расположенное на площади в 372 тысячи квадратных километров, без каких-либо существенных природных богатств, кроме изобилия морской воды, нередких землетрясений и цунами, частых тайфунов и необычайно энергичных, невысокого роста людей со своими традициями, навыками и законами. Ее народ пережил множество войн, ощутил на своем теле ударные волны первых атомных бомб, сброшенных американской военщиной. Разгром японской армии во второй мировой войне тяжело отразился на японском народе. Казалось, невозможно было подняться после такого поражения, выбраться из тупика, в который завели японский народ его политические вожди и военные предводители, мечтавшие о мировом господстве, об эксплуатации китайцев, корейцев, монголов, русских и других народов.

Но каковы бы ни были ошибки и просчеты капиталистических руководителей, народ всегда оказывался силой, которая способна возродить любое государство после самых тяжелых материальных и моральных разрушений и потрясений. Так случилось и с Японией. Не сломали дух японского народа ни ожоги атомных бомб, ни американская оккупация.

В настоящее время Япония является второй, после США, по уровню экономи-

⁴ «Ноу хау» (англ.) буквально означает «знаю как». Под этим термином подразумевается новая форма долгосрочного обмена, включающая последние достижения современной техники, опыт, секреты и навыки производства. Иными словами, «ноу хау» — общий комплекс технических знаний и производственного опыта, необходимых для изготовления того или иного продукта или воспроизведения производственного процесса.

ческого развития державой капиталистического мира. Но Япония жаждет большего. Она тянется на второе место в мире вообще, пытаясь обогнать Советский Союз.

Вот поэтому если мы часто говорим «деловая Америка», очевидно, можно сказать «суперделовая Япония». Все основания для этого есть. Одним словом, на арене мирового рынка имеется конкурент, который решительно, довольно бесцеремонно и энергично работает локтями, чтобы занять место, на котором, казалось, прочно сидели Англия, ФРГ, Франция, Италия.

Совершенно очевиден японский натиск на внешний рынок. Натиск организован таким образом, что приобрел огромную силу. Торговая тактика Японии столь же своеобразна, сколько и сокрушительна для конкурентов. Взаимодействию правительства и делового мира позавидует любое капиталистическое государство. Как правило, премьер-министр Японии является главой высшего торгового совета. Он лично руководит экспортным наступлением, разрабатывая цели и планы действий по принципу «товар— страна», то есть «привязывая» каждый вид продукции к соответствующей стране. Этим же занимается высший торговый совет, состоящий из 30 членов, укомплектованный не только представителями основных министерств, но и крупных частных предприятий. Этот совет, кроме ряда других функций, планирует темп развития главных направлений внешней торговли.

Некоторые видные политические деятели других капиталистических стран утверждают:

— Мы убеждаемся в том, что японцы добиваются с помощью торговли результатов, которых им не удалось добиться путем войны.

В арсенале торговой тактики Японии имеет место прием, заключающийся в том, что гигантские торговые дома под покровительством государства, под эгидой финансового капитала все чаще объединяются с соперниками и с фабрикантами, чтобы с еще большей силой проникать на иностранные рынки.

Особенности тактических направлений Японии в области внешней торговли позволяют координировать действия отдельных крупных торговых фирм и производителей на том или ином рынке. Создание экспортных картелей объединяет усилия отдельных компаний, которые обычно, конкурируя в самой Японии, действуют на внешних рынках сообща, устанавливают единый уровень цен, единую тактику и стратегию. Отличие от обычных подобных монополий заключается в том, что бюро по торговле и развитию министерства внешней торговли и промышленности может запретить любой компании, не являющейся членом картеля, выбрасывать на рынок товар по более низкой цене.

Под флагом экономической «иностранной помощи» развивающимся странам за границей создаются, по существу, японские предприятия с японским оборудованием и с использованием дешевой местной рабочей силы. Подобные японские филиалы, как правило, не конкурируют с японскими фирмами на главных рынках в развитых индустриальных странах. Торговые фирмы все время совершенствуют свою коммерческую деятельность, постоянно укрепляют конкурентоспособность японских товаров.

Когда японские торговые фирмы участвуют в объявленных международных торгах на какое-либо оборудование, Япония выступает как одно целое и фирмы опять-таки не конкурируют между собой. Подобная характеристика принадлежит управляющему компанией «Мицубиси», а ему-то, очевидно, лучше других известно положение дел в стране. Правительство поощряет такую сплоченность японских компаний, на которую дельцы охотно идут, так как подобная практика помогает в конечном итоге получать долгосрочные кредиты и больше иностранных заказов. Подобная консолидация есть не что иное, как проявление сути волчьих законов капитализма.

Нельзя сбрасывать со счетов национальные особенности Японии, живучесть сил, которые стремятся компенсировать себя за военное поражение, желание во что бы то ни стало занять ведущее место среди высокоразвитых в промышленном отношении стран. Япония является как бы наглядной иллюстрацией парадоксальной исторической закономерности: страны, потерпевшие поражение, иной раз оправляются, а затем развиваются темпами значительно более высокими, нежели страны, одерживавшие над ними победу.

Хорошо известно, что темпы экономического развития в значительной степени за-

висят от нормы накопления основного капитала. По сравнению с другими капиталистическими странами Япония имеет наиболее яркую динамичность накопления основного капитала. В 1955 году его доля в валовом национальном продукте составляла около 18 процентов, в 1965-м — 30 с лишним процентов, а в 1969-м поднялась до 36,6 процента.

Главным направлением капиталовложений Япония избрала машиностроение. Если в 1955 году затраты фирм на приобретение машин, станков и оборудования составляли 48,7 процента общей суммы капиталовложений в основные фонды, то в 1969 году — 59,2 процента. Иначе говоря, наблюдалась тенденция возрастания удельного веса затрат на эту отрасль промышленности. Она сохраняется и ныне.

Когда несколько лет назад мне довелось посетить Японию, я побывал в первую очередь на заводах по производству металлорежущих станков, на судостроениях, видел изготовление приборов, часов и некоторых других механизмов. Всюду был замечен процесс насыщения действующих предприятий новым оборудованием. В старых производственных помещениях оборудование заменялось на более совершенное. Наряду со строительством промышленных предприятий непрерывно модернизировались старые заводы. В этом отношении Япония опережала даже Соединенные Штаты.

В Японии, чтобы достичь одного процента прироста валового национального продукта, нужно в среднем израсходовать его менее трех процентов в форме вложений в основной капитал, в то время как в Англии для той же цели нужно затратить 6 процентов. Это обстоятельство имеет первостепенное значение для успеха борьбы Японии за то, чтобы занять место под солнцем, иначе говоря, втиснуться на мировой рынок, играя роль клина между мощными, опытными конкурентами.

Если для разделки крупных гранитных или мраморных глыб издревле пользовались деревянным клином, разбухавшим при постепенном повышении его влажности, то в завоевании рынка Японией роль клина играл прогресс техники и технологии изготовления продукции, увеличение на этой базе производства, по существу, во всех отраслях промышленности.

Поразительным темпом японцы развивали такие ключевые позиции индустрии, как металлорежущие станки, электроэнергия, автомобили, стальной прокат, алюминий, судостроение и др. И все это на фоне того, что Япония ввозит большое количество сырья и полуфабрикатов. За счет внутренних возможностей она удовлетворяет свои потребности по железной руде на 8—9 процентов, вольфрама — на 25 процентов, хромовых руд — на 10—15 процентов, олова — на 4,4 процента, асбеста — на 9 процентов и т. д. Не забудем, что источники снабжения сырьем и топливом удалены от Японии иногда на тысячи километров.

Вот почему так громко и убедительно звучит истина Страны восходящего солнца: «Чтобы жить, японцы должны торговать». Под давлением этой беспощадной истины японцы вынуждены были найти в себе силы организовать первоклассную внешнюю торговлю. Однако стабильность экономики Японии, каким бы талантом, опытом и навыками ни обладали японцы, перманентно будет зависеть от конъюнктуры мирового рынка, от противоречий с Соединенными Штатами. Всем хорошо известны мысли В. И. Ленина о том, что при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы, при капитализме нельзя делить иначе, как «по силе». А сила изменяется с ходом экономического развития.

В ряде отраслей японцы, используя успехи в технике и технологии машиностроения, в химии, электронике и некоторых других, уменьшают относительную зависимость от импорта. Но это касается главным образом готовых изделий, промышленного оборудования. Сырье и топливо по-прежнему для Японии ахиллесова пята.

Самым характерным признаком научно-технического прогресса является, несомненно, рост производительности труда. Он аккумулирует в себе ряд факторов, играющих главную роль. В Японии этими факторами являются коренная реконструкция технической базы промышленности, высокий образовательный уровень и квалификация рабочих и инженерно-технического персонала, трудолюбие, жесткая дисциплина труда, почти полное отсутствие текучести рабочей силы на предприятиях, огромное внимание к вопросам организации и управления производством. Следует особо выделить умение японцев быстро внедрять в производство достижения отечественной и зарубежной тех-

ники, а также короткие сроки капитального строительства и максимальное ускорение выпуска промышленной продукции.

Мои личные наблюдения подтверждают эти выводы. Так, в частности, завод по производству силикальцита по советской лицензии японцы возвели в течение немногим больше шести месяцев. Такое предприятие некоторые наши организации строят в течение двух и более лет.

Что касается дисциплины на промышленных предприятиях, то ее строгое поддержание я замечал всюду, хотя прямо скажу, что японцы старались не пускать нас на некоторые предприятия. В частности, я ждал почти пять дней разрешения посетить часовой завод. И все из-за того, что японцы считают нас серьезными конкурентами по этому товару. Наконец приглашение было получено. Идем на завод. В приемной директора завода, кроме секретаря, никого. Вдоль стены расположено несколько аквариумов. Они сделаны со знанием дела и большим искусством. Морское дно, водоросли и, конечно, всевозможные ярко-красные, золотистые и с синим отливом рыбки. Еле заметные пузырьки воздуха поступают в воду из невидимого источника. Сделана подсветка. Все, как полагается для аквариума. Но была и особенность: на дне аквариумов лежали часы, которые производятся на этом заводе. Часы показывали точное время. Никаких рекламных надписей. Все ясно и без слов — часы отличного качества.

На заводе нельзя было встретить ни одного человека вне рабочего места, куда-то идущего, что-то несущего или разговаривающего с соседом. На сборочном конвейере работают молодые девушки (пожилых и старых рабочих сюда не берут) в белых, удобных для работы костюмах и головных уборах. Они трудятся, не обращая внимания на делегацию, которая проходила вдоль конвейера. Ни одна из работниц и глазом не повела, а не то что повернула голову в нашу сторону. Их касалась только работа, которая выполняется ими с большим вниманием и тщательностью. Мне объяснили, что японцы до фанатизма аккуратны и внимательны при исполнении служебных обязанностей. Каждый рабочий дорожит местом, старается как можно лучше выполнить операции, точно соблюдать инструкции и предписанный технологический процесс. Это положительно сказывается прежде всего на качестве продукции.

Как-то я ходил по механообрабатывающему цеху японского станкостроительного завода в сопровождении руководителя фирмы. Со мной были крупные специалисты машиностроения, председатель всесоюзного объединения Станкоимпорт И. М. Маслов и торговый представитель Советского Союза в Японии М. В. Губанов. Мы вглядывались в обработанные поверхности отливок станин, корпусов коробок перемены передач и другие детали, чтобы определить уровень их качества. Нам было известно, особенно мне как литейщику, где можно ожидать дефектов литья. Но обнаружить их мы не могли. Руководитель фирмы, заметив наши старания, предупредил, что гости напрасно тратят время и портят глаза, так как литье с дефектами сюда никогда не попадает. Поставщик отливок в нужных местах делает предварительную механическую обработку сам.

— Значит, все бракованные детали остаются у заготовительной фирмы? — спросил один из моих спутников.

— Да, конечно, — последовал ответ главы фирмы. — Но и в наших литейных цехах трудно найти дефекты, а фирма-производитель обеспечивает очень высокое качество продукции. Иначе мы не покупали бы у нее заготовки.

После этого я вооружился очками и стал придирчиво рассматривать обработанные отливки, залезая рукой в полость отливки, в углы, межреберное пространство. Но результат тот же: отливки оказались чистые, на них никаких следов пригара или земли, на обработанной поверхности — ни единой раковины. Можно было радоваться за рабочих и инженеров, которые так хорошо справлялись со своим делом. Но в то же время мы были удручены, зная, что на многих наших заводах литейные цехи не получают такого высокого устойчивого качества изделий, даже на таких, как московский «Станколит», да простят мне заводские товарищи это замечание.

Можно предположить, что получение высококачественных отливок объяснялось отличной техникой оснащения литейного цеха, механизацией или даже автоматизацией. Но оказалось, что это самый рядовой цех с обычным оборудованием, каким распола-

гает и большинство наших литейных цехов и стержневых машин, печей,— одним словом, ничего особенного. Главное заключалось в незыблемости технологии, в ее точнейшем соблюдении, употреблении исходных материалов только таких, которые годами испытаны и не могут быть заменены без особого на то разрешения и предварительной проверки. Разумеется, не последнее место в этом отводится жесткой трудовой дисциплине.

Особое впечатление на меня произвело следующее явление: если рабочий сделал брак и заявил об этом мастеру, его не наказывают. Если же он утаит брак, его беспощадно накажут вплоть до увольнения с завода. Как мне рассказывали, при этом профсоюзы не встанут на защиту этого рабочего.

Известно, что труднее сохранить дисциплину, если работа идет в третью смену. Но японцы сумели преодолеть эту трудность. Значительная часть мелких металлургических заводов работает в ночную смену. Это объясняется тем, что они ведут выплавку стали в электропечах и получают весьма льготные ночные тарифы на электрическую энергию. По сообщениям электрических компаний, ночные тарифы снижаются иногда в 10—12 раз.

Можно привести немало фактов, которые способствовали быстрому развитию промышленности Японии. Как уже говорилось, одним из самых интересных и решающих факторов является использование зарубежного технического опыта. Впрочем, делают это все государства, но такого супермассового заимствования, какое мы встречаем в Японии, нет ни в одной другой стране. Главное здесь — экономия времени, сокращение пути к цели, экономия материальных, денежных и людских ресурсов, скачок от отсталости к вершинам современного технического прогресса.

Для правильной оценки масштаба заимствования японцами новой техники надо отметить расходы на приобретение лицензий. Если до 1960 года выплаты в виде лицензионных вознаграждений, выплачиваемых японскими фирмами в пользу иностранных фирм — продавцов лицензий, не превышали 100 миллионов долларов, то в 1968 году платежи достигли суммы в 314 миллионов долларов. Всего в 1950—1968 годы за пользование иностранными лицензиями японские фирмы выплатили 1780 миллионов долларов. На долю США приходится около 60 процентов всего импорта лицензий в Японию. Что касается закупок лицензий японскими фирмами в социалистических странах, то они весьма скромны, их количество за тот же период составило 17, в том числе 9 лицензий приобретено в СССР.

Обычно когда заходит речь о высоких темпах технического прогресса в Японии, главное внимание обращается на решительные действия Японии по закупке иностранного опыта в самых различных видах. Это в известной мере правильно. Но важно то, что японцы незамедлительно внедряют совершенные технологические процессы, современные конструкции машин, осваивают получение новых материалов.

Экономическая выгодность использования иностранного опыта очевидна, поэтому деятельность частных фирм в этой области находится под контролем государства. Государственный аппарат приспособлен к быстрому рассмотрению вопросов приобретения лицензий и достаточно эффективен, чтобы фильтровать дублирование закупок. По некоторым данным, в период 1950—1963 годов Япония израсходовала на закупку лицензий 650 миллионов долларов, выпустив на этой основе продукции на 13 миллиардов долларов, получив огромный экономический эффект. И тут дело не только в этом. Сэкономлено время — ценнейший товар. Потери времени трудно восполнимы при самых высоких затратах, если использовать обычный прием вложений на собственные научно-технические и опытно-конструкторские работы. Классический путь, которым шли многие державы, японцы игнорировали. Они пошли по другой дороге. Этот путь тоже непростой, но он самый короткий и эффективный не только для национальной экономики, но и для проникновения на мировой рынок с конкурентоспособными товарами.

Японцам приписывается высокая дисциплина, умеренность в быту, трудолюбие, стремление во что бы то ни стало получить образование, умение быстро схватывать полезное у других народов, национализм и др. Все это близко к истине. Но когда говорят, что они только копируют чужие изобретения, машины и технологию, имея при этом в виду, что частные фирмы не тратят деньги на научно-исследовательские и

опытно-конструкторские работы, с этим нельзя согласиться. Японцы, покупая лицензию или «ноу хау» и базируясь на этом, умело совершенствуют купленное изобретение, нередко превосходя его. Они ведут и собственные разработки. Чужие изобретения и лицензии часто используются как трамплин для прыжка вперед. Их проекты сверхмощных танкеров в 100, 200, 300, 500 и более тысяч тонн водоизмещением и само строительство этих судов говорит о собственно японской технической зрелости. Цикл строительства крупных судов подобного типа, пожалуй, самый короткий в мире.

Анализ показывает, что японцы развернули серьезную самостоятельную научно-исследовательскую и проектно-конструкторскую работу. Иногда создается впечатление, что японцы, делая крен на прикладное значение указанной деятельности, как бы упускают из виду так называемые фундаментальные науки. Но это не совсем так. Со всей определенностью можно установить, что развитие собственных научно-технических исследований в Японии пошло быстро в гору. Непрерывно растут расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, опережая по темпам рост национального дохода. Если в 1960 году доля этих расходов от национального дохода составляла 1,4 процента, то в 1968 году достигла почти двух процентов. Правда, это ниже, чем в США, Англии, ФРГ и Франции. Но темп роста затрат по этой статье в Японии все же достаточно высок.

Теперь японцы сами все больше и больше продают лицензии за границу. Кончился посев, созрел урожай, и теперь начинается его жатва, емкостей же для его складирования в Японии хватает. В течение 1967—1968 годов сумма поступлений от продажи лицензий составила 61 миллион долларов, в том числе за 1968 год — 34 миллиона долларов, то есть более 25 процентов всех поступлений за восемнадцать лет. Лицензии продаются не только в развивающиеся страны (54 процента), но и в высокоразвитые в промышленном отношении страны (44 процента).

Главным объектом целенаправленной деятельности японских предпринимателей является стремление выйти на рынок и занять там твердое место. По существу, вся экономическая система Японии — это мощный аппарат, ориентированный на экспорт.

— Практически это наш долг — расширять экспорт,— говорят японские бизнесмены.

При этом большинство фабрикантов занимаются только производством, а торговцы покупают сырье и продают готовую продукцию внутри страны и за границей. Как посредники, крупные торговые компании получают барыши за счет большого оборота. В обмен на комиссионные торговые дома обеспечивают фабрикантам рост сбыта товаров и помогают им своевременным предоставлением кредитов.

Японские торговые компании вносят свой эффективный вклад в расширение экспорта. Как главные посредники по сбыту всей продукции, эти огромные компании мобилизуют усилия фабрикантов, банков и правительства и стоят в авангарде наступления Японии на мировые рынки. На долю 10 крупнейших торговых домов приходится примерно 50 процентов экспорта страны и 65 процентов импорта. Вместе с небольшими специализированными фирмами они осуществляют более 70 процентов всех торговых операций за границей. Энергичные представители торговых компаний работают повсюду, выискивая возможности для японских фабрикантов. Например, японские торговые агенты в Индонезии ездят на небольшие заводы далеко от столицы и бесплатно раздают там шариковые ручки, зажигалки и другие рекламные подарки в надежде продать оборудование этим отдельным заводам. Представители торговых домов — это глаза и уши японской промышленности. Так рассказывает о японской практике внешней торговли американец Луис Краара, и с ним нельзя не согласиться.

Следует подчеркнуть, что современная коммерческая работа экспортеров машин и оборудования вообще немислима без широко разветвленной заграничной сбытовой сети. Опыт показывает, что такая сеть имеет разнообразные формы: смешанные и собственные компании, диллеры, агенты, субагенты, дистрибьютеры и пр. Однако все эти виды сбытовых фирм имеют одну общую черту — они являются промежуточным звеном между экспортером-производителем и потребителем. Отличие состоит только в разной степени принадлежности экспортеру.

Это утверждение основано как на личных наблюдениях, так и на работах наше-

го Научно-исследовательского конъюнктурного института Министерства внешней торговли и подобного рода зарубежных организаций.

Основная часть машин и оборудования реализуется на внешних рынках через аппарат посредников. Все остальное — продажа напрямую специального оборудования индивидуального изготовления, торговля лицензиями вместе с оборудованием, работа по системе кооперации, формы отношений экспортеров с дочерними компаниями и филиалами — все это скорее является исключением, чем правилом.

Главная задача производителя заключается в организации технического обновления, обеспечении преимуществ в конкурентной борьбе и в модернизации управленческой сферой производства. В конечном итоге это изготовление конкурентоспособного товара.

По крайней мере, мне кажется, так идет разделение труда между бытовиком-торговцем и производителем, то есть осуществляется специализация. Формы ее меняются, а существо остается — каждый должен заниматься своим делом.

В Японии весьма заметен так называемый процесс диверсификации управления, который внешне как бы является нарушением специализации промышленного производства. Например, судостроительные фирмы начинают выпускать автомобили, станки, турбины, котлы, строительные машины, металлургические проникают в область производства вторичных продуктов химической промышленности. Однако здесь фактически нет никакого нарушения специализации, так как создаются новые организации, филиалы фирмы, отпочковываются дочерние фирмы с узкоспециализированным производством. Подобные явления приходилось наблюдать в ФРГ, Франции, США, Финляндии. Само собою разумеется, что автомобили не делают на стапелях и не спускаются по слипу.

В условиях капиталистического производства и рынка — неравномерности их развития, резких колебаний в деятельности отдельных отраслей промышленности и неустойчивости в экономике, неуверенности в завтрашнем дне — продуценты пытаются застраховать себя от серьезных потрясений. Падение в развитии одной отрасли иногда возможно компенсировать временным процветанием другой.

Об оснащении металлургического производства и, следовательно, конкурентоспособности его продукции говорит факт исключительно быстрого распространения в Японии непрерывного способа разлива стали. Об этом же свидетельствует оборудование всех заводов вакуумными спектрографами для проведения экспресс-анализов проб металла и шлака, взятых по ходу плавки, что обеспечивает быстрое получение результатов анализа. Наличие прокатных станов с автоматической регулировкой толщины при прокатке, станов с быстрой перестройкой и многое другое явственно говорит о непрекращающемся наступлении все более современных технологических методов и приемов в металлургии. В 1957—1970 годах конвертерный способ выплавки стали увеличился в 55 раз, электропечной почти в четыре раза, а мартеновский примерно всего лишь в полтора раза. Широкому кругу специалистов известны преимущества выплавки стали в конвертерах, в том числе известно и то, что издержки производства при этом способе ниже мартеновского на 60 процентов.

Поскольку в свое время на заводе «Красное Сормово» я занимался производством вагонных колес, надо ли говорить, какое впечатление произвело на меня оборудование на заводе фирмы «Сумитомо металиндистриес» в Осака, которое изготавливает одно колесо (по конструкции — цельное вместе с бандажом) за сорок пять секунд.

Япония старается продавать за границу металл в изделиях, в готовой продукции. Это повышает эффективность внешней торговли. Ожого 13 процентов стали было израсходовано на готовые изделия (машины, суда и т. п.), которые затем были экспортированы. В 70-е годы косвенный экспорт достиг 40 процентов стоимости всего экспорта стали, хотя вес стали, содержащейся в экспортируемых изделиях, не превышает и 10 процентов всего выплавленного черного металла.

Таким образом, дело не только в том, что Япония, по словам специалистов, будет ежегодно выплавлять 100 миллионов тонн стали на 100 миллионов человек населения. Для промышленности машиностроения, в том числе для нужд экспорта, нужен не только объем производства, но и надлежащее его содержание. Подобный вывод как никог-

да важен именно для нас, так как это будет определять нашу экономику и экспорт в самое ближайшее время.

В конце 1966 года я встречался с делегацией японских металлургов, которые посетили Советский Союз в связи с изучением вопросов непрерывной разливки стали. Японские бизнесмены, причем высокопоставленные, не жалели времени на изучение чужого опыта. Во главе делегации был представитель фирмы «Кобе стил», которая купила у нас лицензию на процесс непрерывной разливки стали и построила несколько установок по нашим чертежам. Меня заинтересовала численность и особенно состав группы. Их было 10 человек. Они представляли фирмы Японии, которые все вместе производили в год около 30 миллионов тонн стали. По тому времени это составляло более половины всего выпуска. Японские специалисты осмотрели некоторые наши заводы и высказали, в общем, положительное мнение, как гости хлебосольным хозяевам.

Обсуждая вопросы развития японской металлургии, они активно и с восточной готовностью отвечали на мои вопросы. В частности, они сказали, что собираются построить металлургический завод с полным циклом производства, мощностью по выплавке чугуна в 12 миллионов тонн в год, что для строительства и пуска завода мощностью в три миллиона тонн в год им обычно требуется не более двух лет, в том числе полгода на проектирование, которое идет параллельно со строительством.

Товарооборот внешней торговли Японии, следуя за развитием экономики и промышленности, быстро растет при опережающих темпах экспорта. В 1968 году товарооборот внешней торговли составил около 26 миллиардов долларов против 22 в 1967 году. Основная доля товарооборота — более половины — идет с развитыми в промышленном отношении капиталистическими странами. Наименьший товарооборот был у Японии с социалистическими странами. В 1968 году — немногим больше 6 процентов от общего товарооборота.

Растет и торговля между Японией и Советским Союзом. Экспорт СССР в Японию в 1970 году выражался в 341,4 и импорт в 310,9 миллиона рублей. В 1972 году эти цифры соответственно: экспорт — 381,7, импорт — 433,9 миллиона рублей. Продавая нам оборудование в виде комплектных заводов, линий, установок, японцы стараются выполнить любые разумные требования советских специалистов по новым элементам этого оборудования. Если у них самих этого нет, они тут же приобретают необходимые агрегаты, установки, приборы, технологию у фирм других стран. Они, как правило, не говорят «нет», они работают, чтобы произнести «да».

Еще одним нашим крупным торговым партнером среди развитых капиталистических стран является Федеративная Республика Германии.

Послевоенное развитие ФРГ знаменательно тем, что с помощью американских капиталов, знаменитого «плана Маршалла», усилий, конечно, самих немцев были построены новые производственные помещения и установлено новейшее оборудование. По мере быстрого развития промышленности возрастал объем внешней торговли, вначале главным образом с капиталистическими, а затем и с социалистическими странами, в том числе с Советским Союзом. В 1972 году объем торговли между СССР и ФРГ составил 827,3 миллиона рублей, в том числе советский экспорт в ФРГ — 255,9 миллиона рублей.

Визит в 1973 году в ФРГ Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнев и его переговоры с канцлером В. Брандтом, несомненно, окажут дальнейшее влияние на развитие советско-западногерманской торговли. К числу наиболее значительных торговых сделок последнего времени следует отнести соглашение о совместном строительстве крупного металлургического комплекса в районе Курской магнитной аномалии.

Внешняя торговля ФРГ в последние годы развивалась довольно быстро. В 1969 году товарооборот вырос в 2,3 раза по сравнению с 1960 годом. Важно отметить, что в течение этого периода экспорт превышал импорт и это создавало благоприятные условия для развития экономики страны.

Как уже указывалось, первая замена и пополнение новым оборудованием произошло в годы после окончания войны. Вторая серьезная и в более широком масштабе

модернизация началась в 60-е годы. В конце этого периода обновление основного капитала в главных отраслях экономики приняло массовый характер. Рост мощностей происходил с большой скоростью, на базе достижений современной науки и техники. Нехватка квалифицированной рабочей силы вызвала усиление рационализации производства, внедрение автоматизации и комплексной механизации.

Если говорить об оценке характера капитальных вложений, то бросаются в глаза следующие обстоятельства.

При общем росте в 1969 году капитальных вложений в экономику страны на 17,8 процента вложение средств в оборудование увеличилось на 26,8, а в строительство — всего лишь на 9,5 процента. Таким образом, очевидно явное преимущество, которое дается замене оборудования. Наибольший рост капитальных вложений наблюдался в 1969 году в машиностроение и металлообработку — на 37 процентов. В 70-е годы такая тенденция в основном сохранилась. Это способствовало производству и вывозу за границу машин и оборудования. В то же время импорт оборудования в ФРГ быстро растет. В 1969 году он вырос на 31 процент. Ввозится главным образом то, что невыгодно делать внутри страны. Советский Союз продает в ФРГ некоторое количество металлорежущего оборудования, главным образом универсального, суда и судовое оборудование, самолеты, нефть, лес и т. д.

Следует сказать, что крупносерийное производство ряда моделей металлорежущих станков у нас делает эту продукцию конкурентоспособной. Нельзя привести ни одного завода, даже в самых развитых в промышленном отношении странах, который был бы на таком же уровне производства станков, каков он на московском заводе «Красный пролетарий». Здесь настоящее крупносерийное изготовление станков со сборкой их на поточной линии.

Успешной продаже советских станков способствовало и то обстоятельство, что всеоюзное объединение Станкоимпорт имеет в Европе несколько складов металлорежущих станков и технических центров, обеспечивающих покупателя работающими станками продажу их прямо со склада, предпродажный сервис, бесплатный шефмонтаж и техническую помощь в гарантийный период, так же как и поставку запасных частей. Маневрирование складскими запасами в Италии, Австрии, Финляндии, ФРГ и других странах дает возможность удовлетворить запросы фирм-покупателей. Наличие советских специалистов в сочетании с усилиями наших торговых агентов дает хорошие результаты в высокоразвитых в промышленном отношении странах.

Продолжая разговор о ФРГ, следует отметить, что в Кельне, например, имеется склад советских металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования агентами фирмы «Гертнер и Бурмайстер». Его площадь — четыре тысячи квадратных метров, с мостовым краном, складом запасных частей, демонстрационным залом, стендами для проверки станков под нагрузкой.

В ФРГ с успехом продаются советские шарикоподшипники, режущий инструмент и электромоторы: агентская фирма «Магра» хорошо организует запродажи, имеет отличный склад товаров, расширив его в 1970 году до 10 тысяч квадратных метров. У фирмы самое современное конторское оборудование и технология.

Но как бы ни говорили о западногерманском импорте, самого внимательного изучения заслуживает их экспорт машин и оборудования. В 1969 году вывоз машин и оборудования вырос в ФРГ на 17 процентов. Уже в 1968 году доля этих товаров в общем экспорте составила 50 процентов. Это соотношение сохранилось и в 1969 году.

Федеральное правительство Западной Германии, как об этом частично говорилось ранее, всячески способствует экспорту. Манипуляции, связанные с изменением валютного курса западногерманской марки, в основном были использованы для создания лучших условий экспортерам в их конкурентной борьбе на внешних рынках. Эти же манипуляции ухудшили позиции импортеров ФРГ, но превалирующее значение экспорта определило валютную политику этой страны.

Для расширения экспорта, особенно машин и оборудования, применяется форма так называемой технической «помощи» развивающимся странам. Экспансия западногерманских монополий в развивающиеся страны прикрывается тем же флагом, какой применяют японские и иные капиталистические экспортеры. Политически это обставлено весьма ловко и звучит как помощь, хотя истинная помощь оказывается не раз-

вивающимся странам Африки, Южной Америки и др., а самим монополиям в облегчении им выполнения роли экспортера. К этому следует добавить форсирование экспорта капитала в форме прямых капитальных вложений, что является самым сильным шагом в части проникновения западногерманских монополий в экономику других стран.

ФРГ стоит на втором месте, после США, если говорить об объеме экспорта машин и оборудования. Правда, по темпам роста экспорта этой группы товаров на первом месте стоит Италия, затем Франция и Япония. Они добились роста в 1969 году соответственно 30, 28 и 25 процентов.

Если бы меня спросили, какая страна среди высокоразвитых капиталистических государств занимает первое место по совершенству выпускаемого оборудования и машин, я бы вначале назвал Соединенные Штаты и вслед затем ФРГ. По крайней мере это твердо можно сказать в отношении средств производства. В области производства металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования ФРГ все 60-е годы находится на втором месте, после США. Вряд ли можно предположить, что она уступит в ближайшие годы свое место японцам, которые ее догоняют по темпам роста производства, но пока не имеют ни такого масштаба мощностей, ни общей культуры промышленности.

Если говорить об экспорте металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования, то среди капиталистических стран ФРГ твердо занимает первое место уже в течение длительного времени. Федеративная Республика Германии экспортирует широкую гамму металлорежущих станков, а начиная с 1969 года — станки с программным управлением.

Деловые немцы из ФРГ обладают умением приспособить свою продукцию к рынку. Если американский рынок требует устройства дожигания выхлопных газов в глушителе легковой автомашины, западногерманская фирма немедленно организовала его производство, испытала в условиях, соответствующих месту жизни покупателя, и получила разрешение поставлять автомобили в США.

Вспомнились баталии с работниками нашей промышленности по этим проблемам. Требовалось, например, поставлять на экспорт мерительный инструмент в дюймовой системе вместо нашей метрической. Возникла острейшая проблема. Нужно было экспортировать электрооборудование на напряжение и частоту тока, отличную от нашей стандартной,— опять проблема. Покупатель желал получить сверло, покрытое лаком, а не нашей масляной смазкой,— и вновь проблема. Во многих странах покупатели требуют грузовые автомашины, как правило, с дизельным двигателем, мы делаем ряд марок с бензиновым,— дополнительная проблема. И так без конца. Товар должен быть адаптирован, то есть приспособлен к данному рынку, сделан с учетом требований рынка.

Самым простым и неременным законом для экспортера должны явиться не очень хитрые правила: нельзя предлагать наждачную бумагу вместо туалетной, предлагать надо товар не тот, который есть у продавца, а тот, который нужен покупателю. Мне могут сказать, что это слишком примитивно. Ответу: зато правильно.

Несколько слов об экспорте автомобилей. Мировой капиталистический рынок автомобилей в течение уже длительного периода прочно удерживает наименование активного рынка. Спрос на автомобили наблюдается повсеместно. Развитие их производства идет все возрастающим темпом. Сегодня мы наблюдаем фазу наивысшего расцвета капиталистического автомобильного рынка. Этот расцвет, правда, породил новые проблемы перед человечеством. Люди задыхаются от выхлопных газов, гибнут от аварий и катастроф на улицах и дорогах. Число жертв по масштабам близко к жертвам современных локальных войн.

Все новый круг стран втягивается в сферу гигантского автомобильного потока. Автомобиль, несмотря ни на что, создает большие удобства для человека. Теперь уже ни люди, ни экономика, ни армия не могут обойтись без этого транспорта.

Для автомобилей строят удобные шоссе, дороги, гаражи, одновременно специалисты вырабатывают новые правила движения и совершенствуют их конструкции

Для повышения безопасности, ведут большую исследовательскую работу, усиливают надзор.

В последние годы конструкторы автомобилей добились значительных усовершенствований тормозов, шпин, рулевого управления, интерьера. Иначе и быть не может. На современных зарубежных дорогах уже сейчас скорость легковых машин считается вполне нормальной в сто шестьдесят километров в час. Все чаще и чаще выкатывают на шоссе дорожные легковые машины со скоростью в сто восемьдесят, а грузовые — сто тридцать и более километров в час.

Можно привести длинный список различных усовершенствований машин, но, пожалуй, это утомит читателя, особенно того, кто пока не имеет личного автомобиля и лишь с отвращением дышит воздухом с примесью выхлопных газов да слышит шум чужого автомобиля. Поэтому из удобств стоит упомянуть лишь кондиционирование воздуха внутри салона, дисковые тормоза, автоматические трансмиссии, электронные схемы зажигания, транзисторные радиоприемники с кассетным проигрывателем, радиосвязь и различное специальное оборудование вплоть до холодильника и телевизора.

Выпуск легковых автомобилей в семи основных странах-производителях (США, ФРГ, Япония, Франция, Англия, Италия и Канада), на долю которых приходится около 93 процентов капиталистического производства легковых машин, составил в 1969 году более 20 миллионов. В США наблюдалось некоторое падение производства легковых автомашин, имело место колебание и в других странах семерки, но это не изменило и поныне характера общей тенденции роста производства.

Наиболее устойчивый и относительно более высокий рост производства наблюдается по грузовым автомобилям, хотя неравномерность в отдельные годы сохранялась.

Наибольшим спросом на мировом рынке по-прежнему пользуются специализированные грузовые автомобили, особенно повышенных весовых категорий, предназначенные для перевозки жидкостей, пищевых продуктов, горюче-смазочных и строительных материалов, скота, большегрузных контейнеров, изделий машиностроения и т. п.

Широким и все расширяющимся спросом пользуются седельные тягачи для автопоездов повышенной грузоподъемности и тягачи-контейнеровозы, грузовые прицепы и полуприцепы, в том числе комбинированные, приспособленные для одновременной перевозки различных грузов. Исключительно разнообразна модификация выпускаемых грузовых автомобилей, отличающихся от базовых моделей подкатным мостом, типом платформ, вспомогательным оборудованием.

Для нас особый интерес представляет подкатной мост. Он дает возможность использовать машины большой грузоподъемности на дорогах, где имеются ограничения допустимой нагрузки на одну ось автомобиля. Подкатной мост также повышает проходимость машины. Это важно не только для нашего народного хозяйства, но и для экспорта.

Следует отметить, что экспорт грузовых автомобилей увеличился во всех основных странах-производителях. Особенно возрос вывоз тяжелых и сверхтяжелых специализированных грузовых автомобилей, а также автобусов малой и повышенной грузоподъемности. Ряд капиталистических стран, например Англия, Италия, Франция и Швеция, внес изменения в дорожное и налоговое законодательство в сторону увеличения максимально допустимых нагрузок на оси автомобиля. Это способствовало повышению доли этих машин в общем объеме мирового экспорта.

Подобная мера могла быть принята, очевидно, в связи с улучшением дорожного хозяйства вообще, появлением новых, более мощных дорог в частности.

В большинстве стран мира накопился огромный парк автомобилей, что вызывает гигантский экспорт запасных частей. Хотя данные по этому разделу торговли почти не публикуются, объем и номенклатура поставок, несомненно, составляют важнейшую статью бизнеса. В самом деле, парк автомобилей капиталистических стран на начало 1969 года составлял: легковых автомобилей 166 миллионов.

Наш экспорт автомобилей вместе с запасными частями в общем объеме поставок машин и оборудования занимает одно из ведущих мест среди других товаров. Расширение Московского автомобильного завода имени Ленинского комсомола, создание автомобильного завода в Ижевске, расширение автозавода в Запорожье и, нако-

нец, строительство гиганта в Тольятти создают условия развития и экспорта легковых автомобилей уже в текущем пятилетии. Это обстоятельство не мешает росту парка легковых автомобилей внутри страны. По грузовым автомобилям ощутимого увеличения экспорта не предвидится, пока не осуществится строительство нового завода на Каме. Решающим фактором будет, конечно, конкурентоспособность наших автомобилей и организация их технического обслуживания.

Коснусь вопроса внешнеторговой рекламы. Если спросить любого человека, что такое реклама и зачем она нужна, он не задумываясь произнесет бытующую у нас фразу: «Реклама — двигатель торговли». Но этим будет дан ответ только на часть вопроса, и то не совсем точно. Главную роль в торговле, разумеется, все же играет производство товаров и их потребительская ценность.

Вместе с тем реклама при сбыте товаров играет все более важную роль. Заглянув в словарь, мы обнаружим, что слово «реклама» — латинского происхождения, означает «выкрикиваю» и имеет значение как популяризация товаров, зрелищ, услуг и т. д. В сфере торговли реклама развилась в мощное средство пропаганды товаров. Мировой рынок взял ее на вооружение как обязательную принадлежность организации торговли. Ежегодные расходы на нее в наше время достигают в капиталистическом мире свыше 25 миллиардов долларов. Этих денег хватило бы на содержание в течение года некоторых стран или прокладки шоссейных дорог протяженностью примерно двести — двести пятьдесят тысяч километров.

Посредством рекламы продавец информирует покупателя, обращает его внимание на отличительные черты своего товара, стремится убедить покупателя в преимуществах товара, возбуждает спрос на него. Для выполнения этой задачи и расходуются в основном огромные средства, в том числе и когда товар поставляется на экспорт. Для той же цели потребовалось создать специальную науку о рекламе и соответствующую промышленность. Реклама должна учитывать многообразие товаров, их быструю сменяемость, традиции, психологию и многое-многое другое. Нужны специалисты рекламного дела. Тут не обойдешься простым объявлением «Пейте советское шампанское» или «Летайте самолетами», как мы до сих пор это делали. Спрос на специалистов по рекламе стремительно растет. Для удовлетворения спроса организуются новые учебные заведения как в капиталистических, так и в социалистических странах.

Чтобы представить себе серьезность подготовки кадров, способных заниматься этой отраслью, приведу перечень предметов, которые преподаются в техникуме прикладного искусства в ГДР. Он готовит экономистов в области планирования, организации и оформления рекламы для промышленности, внешней и внутренней торговли, художников-графиков. Продолжительность обучения от двух до пяти лет. Каждый год в обязательном порядке проводится месячная практика. Вот что изучают будущие специалисты: наука о рекламе, психология рекламы, экономика внешней торговли, методы рекламы, юридические вопросы рекламы, планирование и статистика рекламы, экономика производства, оформление рекламы, язык рекламы и конструкция, рисование и оформление выставок, строительное дело, технический рисунок, графика, эскизы. Во время производственной практики студенты знакомятся со способами печатания, типографией, цинкографией, фотографированием, литографированием, глубокой печатью, офсетной и высокой печатью, трафаретной печатью, репродуцированием, товароведением, оформлением товаров.

Легко убедиться, что программа обучения весьма глубока и разнообразна. Можно было бы привести массу примеров подобного рода. Но теперь во всем мире этот вопрос уже не является дискуссионным. Правда, у нас еще есть люди, которые считают, что без рекламы можно обойтись, что есть более важные вопросы. По этой причине практически у нас нет настоящего учебного заведения, которое готовило бы таких специалистов. Почти во всех учебных заведениях нет хотя бы самого короткого курса, пусть даже факультативного. В Академии внешней торговли этот курс состоит из нескольких часов, без всяких практических занятий.

Кажется, простое дело — написать объявление о новом товаре, всего-то несколько слов, подобрать иллюстрацию и отдать в типографию для исполнения. Но подо-

брать немного веских слов труднее, чем написать длинный невыразительный текст. Тут сделщина не помощник, а враг. Между тем наши многие издания базируются на сделщине, естественно, в ущерб качеству, то есть эффективности.

Многие наши работники рекламы не владеют ее специфическим языком — кратким, ясным, выразительным, бьющим каждой буквой в цель. Текст должен быть рассчитан на определенную категорию читателей, на потенциального покупателя, отражать сам товар и должен твердо следовать правилу: «Стреляйте отдельно в каждую птицу, а не сразу во всю стаю».

Казалось бы, еще более простой вопрос — дать название товару. Но это может сказать только неосведомленный человек. Во многих странах объявляют конкурсы с большими премиями, чтобы присвоить достойное имя товару — краткое, хорошо звучащее, в том числе на иностранных языках, выразительное и быстро запоминающееся. Иному заводу ничего не стоит дать такое название, которое никак не может ужиться в сознании зарубежного покупателя. Например: украинские автомобилестроители назвали свой легковой автомобиль «Запорожец». Все вроде хорошо. Оно соответствует знаменитому городу Запорожье и напоминает нам историю Запорожской Сечи и многое другое. Но на финском языке это звучит примерно как «свиной хвостик». Произнести же слово «Запорожец» могут свободно в самом Запорожье, но никак не в скандинавских странах. Пришлось подбирать новое название для экспорта. Эта машина названа «Ялта».

Легковому автомобилю, выпускаемому Волжским автозаводом, дали название «Жигули». Жигули нам всем хорошо знакомы. Эти красивые горы любят даже те, кто не пьет «жигулевское» пиво. Но на других языках звучание этого красивого имени совпадает с названием малоподходящим, например: на французском языке «жиголе» обозначает сутенер, «жигу» — дылда. На арабском языке имеется пять сходных по созвучию слов, которые обозначают: «джагули» — глупец, неуч; «загули» — фальшивый, поддельный; «джугуль» — крайне невежественный. В скандинавских странах таких звуков, как «ж» и «з», нет. Пришлось переименовать в «Ладу».

Мы иногда весьма упрощенно подходим к опубликованию технических и других статей в печати, которые нередко мешают экспорту, не говоря уж о материальных потерях нашего государства. Преждевременная публикация о каком-либо изобретении весьма вредна. Попробуйте продать потом лицензию на эту принципиально новую машину или технологию. Это все равно что стеречь конюшню, из которой давно украли лошадей.

Зарубежные конкуренты хорошо осведомлены о событиях, которые происходят в нашей стране. Они внимательно читают наши газеты и журналы и делают из этого выводы. Преждевременные сообщения в нашей печати о новых машинах, находящихся еще порой на чертежной доске, или о выпуске первого экспериментального нового образца немедленно сказываются на уменьшении спроса на прежние машины, которые еще продолжают производиться и которые мы продаем. Это особенно касается автомобилей, мотоциклов, телевизоров, часов, фотоаппаратов и прочих товаров.

Психология рекламы — довольно хитрая штука. В Париже проводили такой опыт. В магазине выставляли два платья из одинакового материала, того же самого фасона и размера. Отличались они только ценой. Большинство брало платье за более высокую цену.

А разве это не реклама, когда во французском ресторане подается вино в бутылке, на поверхности которой лежит толстый слой пыли и плесени, чтобы создать впечатление старого и дорогого, а в действительности дешевого вина. Я подозреваю, что французы владеют патентом, как покрывать пылью бутылки.

Насколько серьезно занимаются наши конкуренты за рубежом печатной рекламой, можно видеть хотя бы из следующего примера. В 1969 году в США издан сборник под названием «400 лучших рекламных объявлений 1968». Во вступительной статье сообщается, что издатели использовали для определения наиболее популярных рекламных объявлений года электронно-вычислительную машину. В нее было заложено 8 500 тысяч интервью по 85 тысячам рекламных объявлений. Анализом было охвачено 200 миллионов покупателей. В результате получилось, по существу, очень хорошее учебное пособие.

Советская реклама, советская печать, телевидение, радио, кино имеют свою идеологическую основу, свои социально-экономические принципы, и они незыблемы.

Товар с надписью «Сделано в СССР» несет в себе идеологическую нагрузку, показ частички технической культуры тех, кто его производит. Поддержание хорошего мнения о заводе, о продукции с такой маркой, расширение его популярности — одна из задач нашей печати, за которой следят не только советские, но и зарубежные покупатели, а особенно конкуренты. Но кто нам мешает освоить в творческом плане опыт других стран, тактические приемы и методы рекламирования товаров, технических услуг? Реклама внутри нашей страны будет наверняка более быстро развиваться.

Ранее мною уже упоминалось понятие «маркетинг». Реклама является его неотъемлемым составным элементом. Изучение и организация рынка сбыта — сложное дело. Оно требует высокой квалификации, сочетания усилий производителя и его агента по сбыту. Анализ потребительского спроса, экономической структуры, национальных, религиозных особенностей и громада других элементов делают эту работу непростой. Правильная оценка и учет требований рынка и есть свидетельство уровня квалификации тех, кто изучал рынок.

Часто приводят такой пример, имеющий отношение к этой проблеме. Одна из стран — производитель обуви командировала в Африку двух работников, чтобы они изучили рынок и внесли соответствующие предложения. После истечения некоторого времени, когда знакомство с обстановкой произошло, агенты побывали в различных местах Африки и послали производителю свои доклады и предложения. Первый агент сообщил, что для продажи обуви никаких условий нет — в Африке все ходят босыми. Второй же доложил, что для продажи обуви имеются хорошие условия — в Африке все ходят босыми.

Если отбросить налет иронии и шутки, в приведенном примере таится мысль: любой рынок надо не только знать, но уметь использовать и организовать.

Для этого требуется исключительная мобильность как коммерсантов, так и производителей. Далеко не каждому предприятию можно доверить изготавливать продукцию на экспорт. Нужна более высокая в техническом отношении подготовленность завода и его работников.

Заканчивая разговор, связанный с экспортом машин и оборудования, сделаем некоторые выводы.

Главное заключается в том, что в настоящее время для успешного сбыта этих товаров недостаточно иметь производственные мощности. В условиях научно-технической революции очень важна постановка исследований, проектирование и конструирование, освоение производства и сбыта продукции, технического обслуживания и инженерной помощи. Причем все это должно быть увязано с фактором времени. Кто быстро перестраивает производство, отражая требования покупателя, кто предлагает в наиболее полном виде целенаправленные технические услуги, кто заботится о завтрашнем дне, тот прежде других окажется победителем на мировом рынке. Длительный успех требует серьезных прогнозов, определения долгосрочных тенденций и соответствующей подготовки производства и коммерческой службы, то есть всего комплекса мер.

Экспорт машин и оборудования — нелегкое дело, но он поднимает культуру промышленного производства, укрепляет мускулатуру производителя и, если хотите, добавляет и углубляет извилины в мозгу. Экспорт машинотехнических изделий иной раз портит нервы производителю, снижает его настроение, но зато повышает качество товаров, в том числе и для внутреннего рынка.

Этот раздел внешней торговли позволяет правильно оценить, где мы находимся по сравнению с нашими конкурентами, делает более ясным, что следует сделать в народном хозяйстве, особенно в промышленности.

Экспорт машин и оборудования — хорошее лекарство от бахвальства и зазнайства. В известном смысле слова он лакмусовая бумажка для определения качества этих товаров.

Экспорт других товаров требует тоже большой энергии, изобретательности и умения. Надо очень много работать, чтобы постоянно увеличивать экспортные товарные

ресурсы. Тут не должно быть пассивных участников. Ценным товаром может оказаться не только нефть, или зерно, или нечто подобное. Для мирового рынка могут представить интерес живопись и палехская шкатулка, старинное ружье и отходы шлака металлургического производства, расшитое украинское полотенце и серебристая лисица, почтовая марка и корабль на подводных крыльях и многое другое. За примерами ходить далеко не требуется.

Чехословацкие торговцы хорошо организуют продажу права на отстрел диких животных и птиц в специальных лесных хозяйствах. Товарищи из ГДР поставляют в Африку живых львов, которые разводятся в зоопарках страны. Удивительный факт: лев, проданный в Африку, и не подозревал, что возвращается к себе на родину. Польские товарищи успешно продают ветчину. Они ее умеют делать хорошо — не только по вкусу. Для того чтобы ее продавать, например, в Соединенные Штаты, нужно, чтобы ее размеры соответствовали габаритам буханки американского хлеба. И это не каприз покупателя. Приготовление сэндвича в таком случае упрощается и становится делом секунд. Если не соблюдать указанного правила, сбыт ветчины упадет.

Экспортные ресурсы находятся в непрерывном движении, совершенствовании. Для их изыскания и формирования внешнеторговым работникам надо знать конъюнктуру рынка и возможности нашего народного хозяйства.

Сырье, приведенное в нужное состояние товарности, является и будет являться важным экспортным ресурсом Советского государства. В том же случае, если сырье будет превращено в полуфабрикат, естественно, с соответствующим вложением труда, эффективность его будет, как правило, повышаться. Здесь можно привести массу примеров: обогащение железной руды в виде концентрата, окатышей; переработка нефти в различные ее продукты — бензин, керосин, масла, дизельное топливо; хлопок, превращенный в ткань, и т. п.

Коснусь некоторых проблем второй стороны внешней торговли — импорта. Со стороны некоторых экспортеров нередко можно услышать, что покупать легче, чем продавать. Доля правды тут есть. Но все ли так просто в делах закупок за границей? Всегда ли мы покупаем те товары, которые нужны народному хозяйству? Нельзя ли обойтись без некоторых из них, чтобы израсходовать валюту на товары, без которых действительно не может нормально развиваться страна? Вопросы эти не простые, и ответы на них в своем большинстве выходят за рамки компетенции только внешнеторговых организаций.

В то же время завозится из-за границы значительное количество товаров, которые или могут быть легко заменены на отечественные, или вовсе без них можно обойтись. Стоит ли, например, тратить сотни миллионов рублей на приобретение заморского табака? Разве нельзя обойтись своим, пусть другого качества, или вообще бросить курить? Конечно, я рискую попасть в немилость у клана курильщиков. Но я был в свое время курильщиком, выкуривал килограммы махорки и другого табака. Давно уже бросил заниматься этим никчемным и вредным для себя и других делом. Я готов держать ответ перед армией курильщиков, пусть они узнают, что на заморский табак за пять лет тратится несколько сот миллионов рублей валюты. На эти сотни миллионов можно строить целые заводы, фабрики, в конце концов, купить многое из числа очень необходимого для наших людей и страны — пусть это будут заморские фрукты вроде лимонов и апельсинов.

Коммунистическая партия непрерывно заботилась о правильном развитии внешней торговли, преодолевая всяческие тенденции к расходованию валюты на второстепенные нужды. Без этого не было бы у нас индустриализации, не имели бы мы к началу Великой Отечественной войны такой промышленности, которая в конечном итоге обеспечила победу нашему народу в единоборстве с германским фашизмом.

Промышленности Советского Союза 70-х годов под силу выполнение любых самых сложных задач, в том числе производство конкурентоспособных экспортных товаров, что обеспечит положительный внешнеторговый платежный баланс. Только на этой основе может развиваться импорт необходимых машин, оборудования, приборов, некоторых видов сырья и полуфабрикатов, лицензий. Мы должны исключать из меню импорта все, что мы можем делать сами, хотя бы даже с большими расходами на произ-

водство, чем на покупку за границей, если в конечном счете это выгоднее Советскому Союзу. Очевидно, следует более быстро развивать производство предметов широкого потребления обязательно на базе специализации и широкого кооперирования.

Это не исключает вообще некоторые покупки за рубежом, особенно из социалистических стран, каких-либо товаров широкого потребления. Известен тот факт, что товары разных стран на любом внутреннем рынке оживляют торговлю, делают более полным и разнообразным ассортимент товаров. Соблюдая разумную меру и пропорцию, импорт отдельных товаров можно осуществлять с пользой для Советского государства, памятуя при этом, что обеспечение трудящихся предметами широкого потребления зависит все-таки не от того, сколько мы закупим их за границей, а от того, сколько и какого качества произведем у себя. Разве можно закупить все необходимое для страны с населением в четверть миллиарда человек?

Конечно, мы вынуждены будем и впредь ввозить такие товары, как каучук натуральный, кофе, какао-бобы, пробковую кору, пальмисту, цитрусовые и т. п. Но импорт трансформаторной стали, белой жести и некоторых других товаров в прямом смысле тормозит технический прогресс. Пора, давно пора нашей промышленности производить не пресловутые тонны, а такой прокат, который нужен стране, хотя он и более трудоемок по изготовлению. Подобные действия расслабляют мускулы промышленности, ее специалистов, научных организаций и строителей. Развить вкус к импортным товарам куда проще, чем организовать производство отечественных товаров.

При всех этих рассуждениях необходимо не забывать, что в покрытие расходов по импорту Советский Союз экспортирует весьма ценные для страны товары, о чем говорилось выше.

Совершенно понятно, что нельзя сразу, руководствуясь только одним желанием, отказаться от импорта ряда товаров. Однако в плановом хозяйстве, каким является наша страна, необходимы совершенно конкретные меры нормализации импорта товаров.

Внешняя торговля — важная отрасль народного хозяйства. С каждым годом роль и значение внешней торговли в строительстве коммунизма будет расти. Она шагает вместе со всем народным хозяйством в нужном ритме и направлении.

Внешняя торговля, без всякого сомнения, будет играть все возрастающую роль как средство приобщения к мировой науке, технике и культуре, как самый короткий путь к получению преимуществ, вытекающих из международного разделения труда. Эти обстоятельства будут неуклонно от нас требовать все новых усилий в развитии экспорта и импорта.

Самое важное для нас заключается в том, что монополия внешней торговли и конкурентоспособность советских товаров были и остаются фундаментом всей нашей коммерческой деятельности на мировом рынке. Это две главные силы, которые выводят Советский Союз на международный рынок. Умение торговать — третья сила для успешной работы за рубежом. По-прежнему мы должны неустанно учиться торговать, учиться и у друзей и у врагов, как этого требовал от нас Владимир Ильич Ленин.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ВЛАДИМИР КАНТОРОВИЧ

ПРАВДА ПУБЛИЦИСТИКИ

(О факте и вымысле)

В нас теперь часто пишут, что документ теснит и едва ли не вытесняет литературу вымысла. Что жизнь в последние десятилетия дает совершенно необычный материал, который не в состоянии была бы создать никакая самая богатая фантазия (С. С. Смирнов). Что будущее за документальностью или за гениальной подделкой под документ (Майя Ганина). Наконец, в одном популяризаторском труде по эстетике разъясняется, что самая плодотворная тенденция развития реалистической литературы есть точное воспроизведение действительного события, когда авторский вымысел в рассказе начисто отсутствует¹.

Итак, согласно этим высказываниям, факт вообще полномочнее вымысла. А как же быть в таком случае с фантазией художника?

Но вот высказывания иного рода. Константин Федин: бог искусства — воображение. Вера Панова обрушивает свой гнев на литераторов, которые под натиском примитивных документалистов начинают бояться обвинений в «сочинительстве»: как будто мы не сочинители — а кто же мы тогда? Писцы? Стенографы? Фотографы? А. Твардовский подметил самую суть поэтического вымысла: «Да, литература подтверждает и утверждает действительность...

¹ Тот же автор, доктор философских наук А. Велик, признает особым достоинством поэмы А. Твардовского «За далью — даль» то, что ее лирический герой «совершает не условное путешествие в Н-ском направлении, а едет в поезде из Москвы во Владивосток, останавливается на станциях, обозначенных на карте».

но литература, как и другие искусства, способна подтверждать только то, что не является навязанным жизни извне, а что составляет ее существо и правду, органическое и закономерное следствие ее поступательного движения».

Со времен наскальной живописи и первобытных тамтамов искусство служило и средством коммуникаций и методом познания мира, причем говорило оно всегда на своем языке. Вечен интерес к личности этого языка, вечны попытки раскрыть его законы (язык искусства изменчив, постоянно усложняется, значит, никогда не превратятся эти законы в рецепты, пользуясь которыми бездарные писатели — или машины — смогут создавать шедевры). Всегда сохраняют острую актуальность — для исследователей художников и опереживающих читателей — сопоставления в параллельных рядах: правды жизни и правды искусства; живой действительности и отражения ее в литературе (конечно же, не зеркального!); факта и порожденного воображением художника образа.

В разные эпохи, в разных жанрах факт соотносится с образом, документ — с воплощенным в произведении воображением художника по-своему. Но одно несомненно: искусство не фиксация факта, не копирование действительности. «Оно есть отображение одной реальности в другую, то есть всегда перевод» (Ю. Лотман). Факты жизни не копируются буквально, они опосредствованы, пропущены через личностное сознание художника, соотносены с традициями культуры, выражены при помощи иных знаковых символов (другим языком). Мало того, произведения искусства, как и

другие надстроечные явления, могут (через обратные связи) воздействовать на базис, способствуя или препятствуя общественному прогрессу.

Мне дорога метафора нашего психолога Л. Выготского: «Искусство относится к жизни, как вино к винограду». В «вине искусства» формальные элементы — такие, как метафора, образ, синтаксис, стиль, сюжет и др., — практически неотделимы от содержания и от социальной нагрузки, которую они несут в художественных произведениях (наглядно это выражено у Ю. Лотмана в «Анализе поэтического текста», — «Просвещение», 1972). Современное советское искусствоведение рассматривает содержание и форму как две стороны эстетического целого, не допуская никаких отступлений от этого принципа даже ради социологического анализа.

В периодике говорилось, что, например, интересные и значительные статьи А. Янова о социологии литературы, драматургии, кино сильно проигрывают из-за того, что автор часто отстраняется в своем анализе от эстетики разбираемых произведений. Возможно ли так? Если игнорировать художественность, а говорить только о «содержании», то к чему избирать объектом анализа произведения искусства?

Нельзя спорить: в послевоенные годы интерес к «факту», к документальной в своей основе литературе, повысился неизмеримо. Это относится к дневникам, воспоминаниям, мемуарам и прочим свидетельским показаниям бывалых людей и участников исторических событий, к так называемой «деловой» литературе, к путешествиям, к относительно новому жанру, представляющему, по С. Эйзенштейну, «монтаж документов» («Судебное разбирательство» Вейса, «Дело Ошпенгеймера», фильм М. Ромма «Обыкновенный фашизм» и др.). Этим же можно объяснить выросший интерес читающей публики к очерку, к эссе, к так называемой документальной повести, если она не подделка под факты, а отбор и осмысление их. Кроме того, документ как никогда раньше стал глубоко проникать в ткань художественных произведений традиционных жанров, многих современных романов, повестей и рассказов, тем более фильмов.

Спрашивается, каковы же причины повышенного интереса к фактам, к документальному жанру (я имею в виду тот, кото-

рый сохраняет свою органическую связь с художественной литературой, искусством)?

Я думаю, во многом сказался присущий нашей эпохе гигантский рост информации. Ее влияние несомненно испытало искусство. Обилие и интенсивность информации, потребность в ней определяет сегодня весь габитус человека. Норберу Винеру принадлежит полшутливый афоризм: действительно жить — это значит жить, располагая правильной информацией. Наш ученый академик А. Берг, размышляя о кибернетике, развивает ту же мысль: «Информационная, стимулирующая мышление связь с внешним миром так же необходима, как пища и тепло, мало того — как наличие тех энергетических полей, в которых происходит вся жизнедеятельность людей на нашей планете».

Для какого-то круга эстетически слабо подготовленных читателей художественная книга становится в один ряд с научно-популярной литературой. Она должна быть не менее содержательной и не отягощенной загадочным смыслом, каким часто становится художественный образ. При этом эстетическая структура книги не обладает в глазах такого читателя самостоятельной ценностью. Отсюда рождается спрос на малохудожественные и даже антихудожественные «исторические романы»², на литературно обработанные материалы того рода, которые прежде публиковались в разделах «Смесь», а теперь издаются для огромной аудитории в книгах типа «Эврика». Несомненно, мы встречаем обширную категорию читателей, которые в доступной им художественной литературе ценят именно «фактический материал». (Впрочем, встречаемся мы также и с читателем, видимо до крайности утомленным «информационным взрывом» и обрушивающимся на его сознание потоком свежей информации. Этот в эстетическом отношении мало искушенный читатель ищет в художественной литературе отдыха от информации, которая требовала бы размышлений, анализа.)

Быстро развиваются художественно-документальные жанры, всегда занимавшие исключительное место в русской литературе, — очерк, эссе, мемуары.

В 30-е годы, в 50-е, во второй половине 60-х годов очерк видишь на передовой

² Об одной из ветвей подобной литературы, о «популяризаторском» историческом романе, я писал в № 4 «Вопросов литературы» за 1971 год.

лнии искусства. Оговорюсь, что речь идет об очерке — литературно-художественном жанре, далеком от идей и практики фактографии. По словам Лидии Гинзбург, документальными эти произведения делают близость их к жизни и «установка на подлинность», а литературными — их эстетическая организованность.

У нас издано за последние годы немало исследований о взаимовлиянии, которое оказывают друг на друга рассказ и очерк, роман и очерк (книга А. Г. Цейтлина «Становление реализма в русской литературе», работы Б. Костелянца, Т. Якимович и других).

Замечено, что внутри документально-художественных жанров происходит определенная эволюция в направлении, все более уводящем от фактографии. Если взять очерки 50—60-х годов и сравнить их с очерками 30-х годов, то станет очевидным: так называемые «описательные» очерки с их преимущественно фактологической основой отступили на второй, если не на третий план. Даже «путевые очерки» сегодня приобрели характер мировоззренческих; наблюдаемые во время путешествий факты после тщательного отбора чаще всего становятся поводом для лирических откровений и философских обобщений. Очерк нравов нацелен в основном на раскрытие социальной психологии разных слоев советского общества. Лучшие из литературных портретов пытаются раскрыть личность героя, отнюдь не ограничиваясь производственными, профессиональными характеристиками. Эссе, которые заняли наконец и в нашей литературе заметное место, включают в себя как поток жизни, так и понятия, выводы из многих наук, оплодотворяющих друг друга, это жанр синтетический. Для художественных очерков 50—60-х годов характерен в первую очередь акцент личностный; читатель получает факты (а очерк всегда фактичен), отобранные, воспринятые, осмысленные этим художником-документалистом. Выдающееся место в очерке начинает занимать писательская публицистика («заметки писателя», «дневники», «проблемный очерк»), избыточная аллюзиями на большие и малые события эпохи.

И при всем том рядом с художественно-документальным очерком, все полнее проявляющим свою принадлежность к Поэзии, нельзя не отметить обилия чисто «документалистских» произведений.

Здесь дают о себе знать разные, в сущности, направления. С одной стороны, это писательские изыскания, не выходящие, казалось бы, из сферы фактов, причем авторы этих произведений будто бы не задаются никакими самостоятельными художественными задачами, даже любят декларировать это. Наиболее характерное произведение такого рода — «Герои Брестской крепости» С. С. Смирнова, пафос которого — в воссоздании «что было» и «как было». Автор вернул народу память о подвиге, множеству людей — честь; это ли не писательское деяние! Но описание событий героической защиты Брестской крепости постоянно перемежается с ходом розысков С. С. Смирнова, и уже потому на «объективистском» произведении лежит явственная печать творческой личности автора. Этим во многом предопределено то, что герои брестской защиты наделены характерами, психологией, а картины боев воссозданы с большой художественной силой, поднимаясь (в словесном варианте) до уровня батальных панорам Ф. Рубо, М. Грекова, П. Соколова-Скала.

Уместно назвать рядом с С. С. Смирновым книги и других писателей, также работающих на строго документальном материале, — М. Галлая, А. Старкова, А. Аграновского; в документальных книгах последнего особенно ярко проявляется личность писателя, вступающая в прямое общение с читателем. Характерно для всех произведений этого рода, что их авторы как бы заряжаются каждый раз новой «сверхзадачей», широко распахивая тематические ворота своих книг.

Другую, весьма обильную, но, увы, малоплодотворную, струю в документальной литературе создают произведения, казалось бы, отличающиеся от первых только качественно: талантом, литературным опытом их авторов. Однако это не единственная причина того, что такие книги остаются фактически вне литературы, больше того — как правило, не имеют читателей, пылятся на полках библиотек, списываются книготорговцами в макулатуру. Авторы этой категории строго придерживаются фактов, документов не только в своих «декларациях», но и на деле начисто отказывают себе в праве на вымысел, даже на подчиненный глубокому смыслу отбор фактов, даже на личный авторский комментарий к ним (патетические штампы не в счет). Если это портреты прославленных людей, то

обычно они не поднимаются над уровнем биографий, написанных ремесленниками. Если это путевой очерк, то он содержит лишь описание увиденного края без всякого полета фантазии, без аналогий, без обобщений. Если это публицистика, то, сколько бы ее ни украшали словесные метафоры и всякие журналистские блески, она проходит мимо проблем, понимаемых в писательской публицистике как нерешенные вопросы, как человеческая боль, затронувшая душу писателя (и читателя)... Опыт литературы доказывает нам, что отказ от вымысла, запрет на раскрытие своей авторской личности выводит из рамок искусства даже произведения незаурядных авторов (подобное случилось с опытной и одно время весьма популярной писательницей Зинаидой Рихтер).

На стыке с художественно-документальными жанрами занимают свое место мемуары. Они заслуженно привлекают внимание читателей, хотя не имеют непосредственного отношения к художественной литературе. Таковы, скажем, мемуары маршала Г. Жукова, выполняющие прямую информационную и научную функции, хотя нельзя не заметить, что эта книга содержит еще и набросок автопортрета (это свойство любого мемуара в отличие от объективного исторического исследования). Читатель подвергается обаянию достоверности: ведь о событиях войны рассказывает не простой участник, а человек, в большой степени влиявший на весь ее ход. Следует признать вслед за литературоведом Л. Гинзбург, что литература, не включенная в традиционный ряд (в нашем случае — свидетельства бывалых людей), иногда так же остро проникает в душевную жизнь читателя!

Существует и другая категория воспоминаний. Еще Белинский заметил, что мемуары, если они написаны мастером, составляют как бы свою грань в области романа. Современный исследователь подметил, что документальная литература, в том числе мемуарная, не пересаживает готовый характер — как всякая художественная литература, она его строит.

Подводя черту этим размышлениям о документально-художественных жанрах, к числу которых я отношу также «Черные сухари» Е. Драбкиной, «Отблеск костра» Ю. Трифонова, «Отечество» В. Пескова, «Бездну» Л. Гинзбурга, «Постоянство» Ю. Полухина, «Берлин, май 1945»

Ел. Ржевской, «Мастера» К. Михайловской, «Берлинскую тетрадь» А. Медникова, еще раз отмечу, что лучшие произведения этого рода обнаруживаешь в самой стремнине бурного потока художественной литературы, но никак не в лагере описательства и фактографии.

Критика, естественно, не остается к этим явлениям безучастной. В 60-х и начале 70-х годов состоялся ряд дискуссий по проблемам документальной литературы: «Жизненный материал и художественное обобщение» (1966), «Публицистика — передний край литературы» (1970), «Права и обязанности документалиста» (1971), «Публицистика и современность» (1973) — эти дискуссии печатались на страницах «Вопросов литературы»; «Литература, документ, факт» (1966, в «Иностранной литературе»), «О природе публицистики» (60-е годы, в «Вестнике» и «Ученых записках» МГУ). Кроме того, в печати за последнее время появились интересные статьи на ту же тему Лидии Гинзбург, Ю. Манна, П. Палиевского, С. Залыгина и других.

Гражданская и общественная активность писателей, их пристальное внимание к актуальным проблемам социалистической действительности, прямое участие в борьбе за рубежи пятилетки вызвали в наши дни новую волну художественной публицистики. Но отсюда и повышенные требования к произведениям документальных жанров. В марте этого года состоялся представительный всесоюзный пленум писательской организации, посвященный теме «Писатель и пятилетка». Из обстоятельного доклада Г. Маркова я сразу же выделю тезис, имеющий принципиальное значение. «Наверное, ныне уже никому не придет в голову, ¹ говорилось в докладе, — тщательно вымерять, каково соотношение фактов и вымысла в «Ледовой книге» Ю. Смуула, в «Капле росы» и «Владимирских проселках» В. Солоухина, в «Липягах» С. Крутилина или книгах Е. Дороша, и решать на этом основании, принадлежат или не принадлежат художественной литературе названные произведения. Тем не менее мы вновь и вновь встречаемся с бесплодной классификацией очерков на «документальные (невыводимые)» и «беллетристические (художественные)», с проведением по рангу публицистики обычных газетно-информационных материалов, с пренебрежительным отношением к публицистичности худо-

жественного стиля как индивидуальной творческой манере писателя». (Разрядка моя.— В. К.)

Несомненно, выступления писателей и критиков способствовали прояснению истины, ввели в оборот большое число литературных фактов и обобщений, порой облаченных в острую форму, часто опирающихся на личный творческий опыт. Теперь всякий, кто будет обдумывать проблему документализма, по крайней мере не станет заново изобретать велосипед.

Но споры отнюдь не завершены. Напротив. Декларации некоторых литераторов, с которых я начал эту статью, выражены достаточно общо и как-то не вызывают потребности в споре. Совсем иной характер носят два-три выступления по тому же вопросу, скажем, литературоведа П. Палиевского, появившиеся в печати за последние несколько лет. В них видится заявка на целостную концепцию документализма. Именно поэтому я хочу коснуться их, сразу же отметив, что по ходу исследования, продиктованного л о ж н ы м и, на мой взгляд, послылками, этот ученый делает в то же время ряд талантливых наблюдений и даже открытий. Нельзя не согласиться с Палиевским, что самый факт резких критических нападок на устоявшиеся литературоведческие категории (скажем, и на художественный образ) оказывается исключительно выгоден обобщенному знанию — конечно, при условии, что развертывается подлинная дискуссия о существовании новой, предлагаемой тем или иным автором концепции. Что ж, сам Палиевский выступает со своими идеями о факте и документе действительно на концепционном уровне.

Его теория документализма в конечном счете противопоставляет факт, документ художественному образу, искусству. Формально у него нет такого противопоставления: художественный образ, по крайней мере в историческом прошлом и в будущем, не ниспровергается, но рядом с ним (а практически н а д н и м) появляется образ столь же художественный, однако порожденный самой жизнью, — ф а к т, обладающий «сам по себе» эстетическими свойствами такими же, как вымышленный писателем образ. Художественное начало-де заключено в нем самом и должно дать выход таланту самой жизни. Автор не требует, нет, даже не допускает вмешатель-

ства мысли художника, «навязывания» какого-то смысла факту!

Но разве не очевидно, что документалисту в этом случае предстоит ограничиться лишь фиксацией подходящих жизненных фактов, то есть выступить в конечном счете копиистом? Между тем самому Палиевскому принадлежат горячие филиппики по адресу тех критиков, которые пытаются навязать писателям п о д р а ж а н и е, но они адресованы авторам художественной (вымышленной) литературы. У документалистов прямо противоположная, что ли, функция...

Мне важно подчеркнуть, что в данном случае мы встретились именно с концепцией, пусть и очерченной эскизно. Однако в ней отчетливо прослеживаются неприемлемые, и в первую очередь для писателей, работающих в художественной публицистике. Притом сколько бы Палиевский ни сткрещивался от родства с «лефами» (правда, он выступал против них в печати как против модернистов), в позитивной части «новый документализм» во многом совпадает с прежними идеями «литературы факта», хотя сегодня уже не пытается начисто упразднить литературу художественного вымысла.

Первое выступление Палиевского, в котором он пересмотрел существующие взгляды на факт, документ и их связи с литературой, произошло за «круглым столом» на страницах журнала «Иностранная литература» (1966, № 8).

Вкратце идеи выступления П. Палиевского, открывшего дискуссию, можно свести к следующему.

Сам факт воспринимается теперь зрителем, слушателем, свидетелем как образ, несколько не уступающий литературному. Благодаря неслыханной интензивности жизни, ее драматизму стали вскрываться поверхности, обнажая «на изломе мир, превосходящий своей насыщенностью и сосредоточением любые предположения» (читай: художественный вымысел). Тем более потенциальные читатели обогащены теперь огромным личным и историческим опытом. Все они грамотны, среди них много мыслящих и художественно развитых людей. Современные средства информации предоставляют им обильную пищу. Радио, кино и телевизор наблюдают и записывают столько мгновений, выражений, интонаций, типовых жестов и оригинальностей, что ими пользуются, не ожидая, пока те займут

свое место в сюжете. Этот язык как бы получил свою письменность: киноленты, звукозаписи, телеэкран. Читатель сегодня тоже «в своем роде художник». Он способен художественно увидеть представленный ему факт, будоражащий мысль.

Отсюда коренной вывод: факт может теперь прозвучать как образ и без посредников — писателей, художников.

Представление о фактах только как о материале, как видно, стало устаревать. Документ не только проник во все жанры, но становится организатором художественного целого (в произведениях документальной литературы). Особое преимущество документального образа в том, что он «не имеет замыкающей способности», не связан ни с какой предудказанной мыслью, не зависит от выравнивающего стили и в полной мере индивидуален; на нем расплывается по швам любой стереотип. Документальные образы берут силу из самодвижения жизни, в них выливается сам смысл события, тогда как профессиональная литература чаще ведет атаку на смысл (?).

Свои тезисы Палиевский подкрепил рядом литературных иллюстраций. Я еще вернусь к его взглядам на творчество Горького, Шолохова (в связи с другим выступлением, относящимся к концу 1972 года), на книгу литовского писателя Балиса Сруоги, узника фашистского лагеря смерти.

Завершается выступление за «круглым столом» утверждением, что между документальным и вымышленным образами нет принципиальной вражды. Но тем не менее, замечает автор, документальная стихия вряд ли покорится целиком литературе художественного вымысла, вряд ли «обратится снова в молчаливый материал».

Парадоксы, прозвучавшие за «круглым столом» журнала, еще можно было объяснить сознательным желанием зачинателя дискуссии облечь вступительное слово в самую острую форму, чтобы вызвать споры, призванные так или иначе объяснить бурно растущее внимание читателя к документальным литературным жанрам.

Но спустя некоторое время в теоретическом двухтомнике Института мировой литературы «Проблемы художественной формы социалистического реализма» («Наука», 1971) появилась обширная работа П. Палиевского, текстуально посторяющая доклад, напечатанный в «Иностранной литературе», и развивающая его положения главным образом за счет иллюстраций, заимствован-

ных из жизни и из литературы. А спустя год в кратком сообщении «Мировое значение М. Шолохова», напечатанном в качестве материала к научной конференции «Советская литература и мировой литературный процесс», можно было обнаружить известные отголоски усвоенной автором методологии.

Тем более необходима последовательная полемика с основными тезисами Палиевского.

Мнимый объективизм факта противопоставляется вымышленному литературному образу; это один из мифов, лежащих в основе документалистской концепции Палиевского.

Мы знаем из психологии (это направление разрабатывает у нас школа профессора Узнадзе), что готовность человека к выбору и восприятию информации во многом предудказана сложившейся у него «установкой». А вообще отбор фактов, наблюдений, да и собственных впечатлений не что иное, как первичный творческий акт. Однако о каком отсутствии предудказывающей мысли можно говорить, если факт выразительный, тем более звучащий как художественный образ, должен быть предварительно извлечен из миллиона фактов и фактиков или, по крайней мере, замечен, выделен?

Так ли автономна от авторского вмешательства действительность, изображаемая в книгах без вымысла? — усомнился в свое время Н. Атаров. «Во многих любимых мною книгах их авторы, как бы не дожидаясь архитектурного проекта, ставят вроде бы как попало рабочие леса, а я еще лучше угадываю по ним божественный замысел самого здания».

Интересно, что этот тезис Палиевского вызвал критику ученых Института мировой литературы имени Горького. В другом издании ИМЛИ («Жанрово-стилевые искания современной советской прозы»), выпущенном одновременно с двухтомником, Н. Дикущина активно защищает художественную сущность документальных жанров и возражает против мысли, будто бы «документ» снимает проблему субъективности творчества. Палиевский, по словам критика, возвращается к идеям Э. Э. Киша о репортаже и к Лефу. А в обстоятельной статье в «Звезде» (1973, № 3) Г. Белая говорит, что перенасыщенное скепсисом отношение Палиевского к мысли только как к

узурпации жизненного материала не может не вызвать внутреннего сопротивления.

Но, пожалуй, лучшим ответом Палиевского в этом смысле могли бы стать свидетельства самих очеркистов, работающих преимущественно, если не исключительно, на строго документальном адресном материале. Например, Анатолий Аграновский неоднократно признавал, что он, как любой очеркист, все равно в той или иной степени сочиняет своих героев хотя бы потому, что отбирает детали, черты, осмысливает явление, формирует свою точку зрения и т. д. и т. п. На страницах «Вопросов литературы» Иракий Андроников весьма убедительно говорил о субъективности «объективно написанного» портрета: «Ведь достаточно сдвинуть вместе три остроумных реплики вашего собеседника, сказанные в получасовой беседе, и он получится у вас остроумцем. Три недоуменных вопроса, три «старомодных» выражения, выдвинутые на первое место, очертят облик человека неуверенного или не вполне современного. Если же к этому прибавить ироническую интонацию по отношению к самому «разыскателю»... то мера перевоссоздания действительности, я думаю, покажется ясной» (несмотря на то, что все сделано на научной и документальной основе).

Но если не существует «объективности» факта, к которому будто бы не прикасался свидетель или писатель-документалист, то как же сохранить всю цепь аргументов?

Другой момент в теории Палиевского касается образа жизни в XX веке, якобы обусловившего созревание факта до уровня образа, который содержит все черты художественности. Это утверждение исторично уже потому, что игнорирует в конечном счете то обстоятельство, что человек не объект, а субъект социально-психологических перемен, он сам непрерывно меняется, способен адаптироваться ко всему, в том числе и к информационному взрыву.

По Палиевскому, факт сам наделен всеми свойствами художественного образа. Факты рождены самодвижением жизни. Они не только обладают всеми свойствами художественного образа, но плюсируют «еще такие, которые неизвестны и которыми всегда наполнена реальная жизнь». Художественный смысл наступает изнутри самого материала. Факты перестают служить молчаливым материалом для литературы,

сами они — образы, способные организовать художественное целое.

Мне кажется, эта мысль неубедительна, ошибочна сразу с нескольких точек зрения. Вот они. Опять-таки в который раз следует подчеркнуть, что отдельные события, единичные факты, представшие перед нами в ореоле художественности, не сами по себе репрезентативны, такими их сделал отбор свидетелем или документалистом. Напрашивается аналогия с одной из проблем материалистической эстетики. Заложены ли в материальной природе — в пейзаже или биологической борьбе видов — принципы прекрасного? Руководствуется ли природа эстетическими принципами? Или же, как утверждал Маркс, человеческая сущность природы — только для общественного человека? Аналогия еще не доказательство. Но очевидно, что наблюдение и факт звучат как художественный образ не по самой своей сути, а в результате напряженной работы человеческой мысли.

Далее. Взаимоотношения двух действительностей — жизни и «эстетической реальности» — разрабатываются в литературоведении, в особенности за последние годы, весьма тщательно. Выводы таких исследований опровергают тезисы Палиевского. В частности, тот же самый двухтомник ИМЛИ «Проблемы художественной формы», куда входит и статья Палиевского, прозвучавшая известным диссонансом, уделяет специфическое внимание надстроечным явлениям, когда последние испытывают не только решающее влияние базиса, но и взаимовлияние литературных традиций, «износа» или самоисчерпания форм, воздействия творческих индивидуальностей и пр.

Многое в историческом плане объясняет замечание Лидии Гинзбург о том, что «реализм снял или затушевал границу между организованным повествованием и «человеческим документом». Впрочем, документалист (например, мемуарист) прокладывает дорогу от факта к его значению, и в факте тогда пробуждается эстетическая жизнь, он становится формой, образом, представителем идеи. Речь идет не о стилистических украшениях и внешней образности, оговаривается Л. Гинзбург, слова могут оставаться неукрашенными, нагими, как говорил Пушкин, но в них «должно возникнуть качество художественного образа». Правда, документальная литература, переводя жизнь на свой (литературный, образный) язык, как бы бе-

рет на себя обязательство сохранить природу жизненных фактов.

Сходные взгляды на факт и документ высказал писатель С. Залыгин («Вопросы литературы», 1970, № 2), опубликовавший свой доклад на финско-советском симпозиуме. Документалист, пишет он, выступает как следователь по особо важным делам человечества. Он бесстрашно утверждает и разоблачает, не скрывая своей завербованности, и уже поэтому его произведения воздействуют на читателя эмоционально. Художественное произведение почти всегда факт плюс отношение к нему, прежде всего выраженное в вымысле (домысле), в развитии этого факта, в объяснении его, в подчеркивании нравственной и социальной сути проблемы.

Вот и кинодокументалист Р. Кармен выражает радость, что телевидение все активнее берет на себя информативную функцию, работает методом телерепортажа, высвобождая силы документалистов для осмысливания явлений действительности, для создания обобщенных ярких образов современности на киноэкране.

Как видим, Палиевскому нелегко найти адептов своей концепции.

Наконец, вряд ли нужно ставить знак тождества между эмоциональным восприятием факта и восприятием художественного образа. Правомерно ли, осмысленно ли сравнивать потрясения мир слова правительственного сообщения о вторжении гитлеровских полчищ с художественным образом, с литературой, скажем с «Войной и миром», чтобы заняться пустопорожними рассуждениями насчет того, не потеснил ли факт такого грандиозного значения силу и значение искусства?!

Словно бы забыто, что все факты нашего бытия воспринимаются сознанием обшественного человека, расширенным, углубленным, преобразенным с помощью того же искусства, которое сопровождало человека почти на всем его историческом пути (найденным памятникам наскальной живописи исполнилось тридцать тысяч лет)...

Обнаруживается связь, правда не столь уж элементарно прямая, между теоретическими посылками и практикой литературоведа — хотя бы в выступлении о творчестве Мих. Шолохова. Из сообщения П. Палиевского на научной конференции ИМЛИ (1972) может создаться впечатление, что автор «Тихого Дона» увидел в революции

преобладание стихийного начала, а это совершенно неправомерно сближает Шолохова с такими писателями, как Б. Пильняк и Артем Веселый; что главные герои «Тихого Дона» будто бы растворяются в массе, в активно действующем народе. Главное же — критик приглушил пафос гуманизма, прозвучавший в романе; на первый план выпячен жестокий и даже свирепый реализм Шолохова, у которого смерть всего лишь «какая-то метла в жизненном доме». Мало того, именно в этой жестокости литературоведа, преклоняющийся перед фактом жизни, видит конструктивный, положительный элемент: «...на дне разрыва поднимается странным образом нечто скрепляющее все заново, и, может быть, прочнее, чем прежде».

На это прокрустово ложе концепции, продиктованной возвеличением факта, выступающего как художественный образ именно в формах самой жизни, не укладывается прежде всего сам «Тихий Дон». Нисколько не напоминает метлу, выметающую сор, отжившее, та смерть, которая унесла Аксинью. Вспомним чувства Григория, ослепительно сияющий диск черного солнца, увиденный им в этот час в небе. Потеря Аксиньи стала толчком для конечного решения судьбы Григория Мелехова.

Совсем искусствен пример Палиевского, взятый из романа «По ком звонит колокол». Аксинье, которую не сторбатил трагедия юности (изнасилование отцом, убийство отца братьями на ее глазах) и она потом прожила яркую женскую жизнь, Палиевский противопоставляет поруганную Марию, которую будто бы ничто не могло возродить к жизни и не подымет даже рыцарское внимание. Но мы, читатели, помним эти поэтичные, сильнейшие в наследстве Хемингуэя страницы: их прямой смысл — противоположный!

В цитированной выше статье Г. Беляя очень уместно заметила: «Тождественность форм искусства и форм действительности явилась, по сути дела, нарушением естественных, гармонических отношений между искусством и действительностью, попранием прав искусства, его природы, его специфической органики».

Немалое место в концепции П. Палиевского занимают литературные иллюстрации. Но если стряхнуть с себя обаяние комментария, то обнаружишь, что они не подтверждают, а скорее опровергают тезисы автора.

Литовский писатель Балис Сруога опубликовал книгу «Лес богов» — о штургофском лагере смерти, через который прошел. Сруога вернул фактам их самостоятельное художественное значение, утверждает Палиевский, это произошло именно потому, что писатель не допустил, чтобы действительность была поглощена настроениями гнева, отвращения, обвинения, призыва. Читая: «В «документе» факт должен быть весом и художествен сам по себе»; вот это-то и добился Б. Сруога. Он проявил объективный, чуть ли не научный интерес к невероятному, что совершалось вокруг него, что было «выше и трагедии, и комедии, и гнева, и сострадания», что «трудно было понять и что не могло быть примером, но что все-таки было».

Я прочитал книгу Балиса Сруоги, вспомнил другие талантливые книги о фашистских концлагерях, восстановил в памяти рассказы, услышанные из уст бывших узников. Убежден, что «Лес богов» как раз самая писательская книга из всех тех, которые пришлось читать про плен и лагерь смерти у Гитлера. Все, что написано в этой книге, увидено, пережито, изображено по-сруоговски. Читатель никогда не забудет, как автор рассказал о самом безумном, что ему пришлось пережить. Даже о поедании трупов, о пытках, о самых гнусных мотивах злодеяний эсэсовцев Сруога повествует — это кажется невыносимым! — с... юмором. Факты, которые трудно принять в человеческое сознание, обретают благодаря неповторимой авторской манере особый, быть может еще более трагический, характер повседневности. Никто из писавших на эту тему не посмел взять на вооружение юмор, никто не зашел так далеко по пути отбора и освещения наблюдаемых фактов, тем самым переводя события на язык искусства. Мне кажется загадочным, что для иллюстрации своего тезиса, будто драматические документы современной жизни вовсе не нуждаются в посредничестве художника, Палиевский выбрал именно «Лес богов».

Другой литературный пример Палиевского (я полагаю, вынужденный) — творчество Горького. Есть какая-то недоговоренность в том, как оценена исследователем стихия факта, проникая в литературу вместе с Горьким. Внутри художественного мира писателя, утверждает критик, «факт вышел в равноправие» с личностью автора, отвоёвал себе позицию, где он мог отстаивать свое,

а писатель свое. Горький нашел способ сделать факт художественным: им стали выдающиеся индивидуальности реальных людей (далее следуют мысли, которые разделяю и я: «История фабрик и заводов», предпринятая по его инициативе, не сохранила горьковского захватывающего интереса к человеческому, а принцип лефовского «монтажа» побуждал сочетать документальные отрывки так, чтобы они доказывали заданный тезис).

Для взглядов Горького на роль факта и вымысла характерны многие его высказывания, например ответ К. Федину, который недоумевал, почему страницы романа «Города и годы», содержавшие чистый вымысел, приняты читателем лучше тех, где изложены наблюдения и факты. В письме Горького читаем: «...«Чистый вымысел производит большее впечатление на читателя», — пишете вы. Мысль — верная, но выражена — не точно. Лепендин, Шенау, мордва — все это не «чистый вымысел», а именно та подлинная реальность, которую создает лишь искусство, та «вытяжка» из действительности, тот ее стусок, который получается в результате таинственной работы воображения художника. Если вы — художник, все, что вы когда-либо узнали, будет вами, но незаметно для вас, превращено в то, что вы назвали «чистым вымыслом»... Цените ваше воображение, не стесняйтесь ничем и никак его свободу... «Действительность» для вас только материал, какова бы она ни была».

Алексей Максимович любил повторять «презрительные верные» слова Бальзака «глупо, как факт», добавляя, что глупый факт, из которого не извлечен заложенный в нем смысл, — это сырой факт жизни, не осознанный художником. Но, пожалуй, главное для понимания горьковского отношения к факту не озорное заявление из его письма к С. Т. Григорьеву («...лично я никогда не любил фактов и с величайшим удовольствием искажал их»), а очень серьезная позиция писателя: плохо, когда «автор рассматривает факты, стоя на одной плоскости с ними». В «Климе Самгине» Горький погрузился в пучину фактов и, однако, не стал их пленником — таков справедливый вывод И. Вайнберга в книге «За горьковской строкой», расследовавшего множество фактов, изображенных или только упомянутых в этом романе.

Я не знаю другого писателя, который в своем творчестве был бы дальше от идей

фактографии, чем А. М. Горький³. В двадцать четвертом томе сочинений встречаем у писателя категорические суждения, безусловно неприемлемые для Палиевского. Например: «...«Художественность» без «вымысла» — невозможна, не существует»; или: «...ВЫМЫСЛЫ И ДОМЫСЛЫ поднимают человека над животными»...

Я думаю, что подобная гальванизация левых идей о факте (хотя бы изложенная по-новому) у Палиевского так или иначе связана с эпохой кино и телевидения. Новые технические средства массовых коммуникаций — фотообъективы, кино и телекамеры — безмерно приблизили к нам мир действительности и одновременно навязали представление, что за чувственно воспринимаемыми нами слайдами или кинокадрами — в движении, со звуком, в цвете, только что без запаха — стоят факты жизни, сами по себе обладающие художественностью.

П. Палиевский надеется, что телевидение откажется от «разыгрываемых и подстроенных событий» и перейдет к новому виду полезного созерцания: камеру станут надолго устанавливать на улицах чужой столицы, в диком лесу, на освещенных глубинах моря. «Никакие учебники и фильмы не смогли бы соперничать с этим в расширении кругозора» (опять: факты, да еще без всякого отбора, способны якобы затмить даже фильмы, то есть искусство!).

Эта аберрация овладевает иногда и литераторами, искушенными в работе с художественным образом. Так, например, меня поразила одна из иллюстраций к книге В. Огнева «Экран — поэзия факта» («Искусство», 1971). В «Железной скульптуре» видишь два поврежденных дерева. Между тяжелоранеными стволами зависла, поднятая слепой взрывной силой, гряда железных прутьев и труб, сплетенных в причудливый узор, прямо-таки по Браку или

Поллоку. На втором плане еще продолжает бой, различаешь орудие, фигуры трех воинов в завихренном от разрывов горячем воздухе. И под этим кадром набраны слова, принадлежащие В. Огневу: «Нет! Мучительно перекрученное железо — не искусством, а войной созданный символ».

К литературно-критическим выступлениям этого автора я привык относиться с интересом и уважением. И в книге о кино нашел интересные мысли, например такую: «Зрелый реализм сегодняшней прозы не изолирует, не «укрупняет» факт, а старается представить его в естественном потоке жизни. Наблюдение становится одним из конструктивных моментов метода». Но, помимо подписи под военным кадром, менястораживает общее примирительное отношение автора к левовой теории факта. Огнев признает, что она как теория была опровергнута жизнью, но будто бы «смело продвинула практику» в сторону «яростного сближения искусства с действительностью», придала «долгую инерцию новаторским поискам в этом направлении». Да ничего подобного по литературе того времени никак не проследишь! Идея С. Третьякова и других если и были кем-то восприняты и реализованы, то разве что посредственной журналистикой, — литература, художественный очерк пошли по иному пути. Правда, в журнале «Леф» печатались статьи Эйзенштейна и Дзиги Вертова о кино, а также исследования «опоязовцев». Но это были, так сказать, «побочные дети любви». Немыслимо подвести единую теоретическую базу сразу и под вульгарно-социологическое отрицание художественной литературы, и под глубокие, но формалистические изыскания в сфере стилистики, и под действительные открытия в искусстве кино (и все в одном журнале!).

Не эта ли снисходительность В. Огнева к взглядам «Лефа» на литературу подсказала критику мысль (правда, не столь категорично звучащую, как у Палиевского), будто факт — сам по себе художественный образ, его просто надо «подсмотреть» и он затмит любые образы, созданные искусством?

Киноязык продолжает развиваться. Великие современные достижения фото-, кино-, звукотехники. Но все это не снимает проблемы субъективного видения мира, творчества, напротив — открывает перед художником небывалые возможности выражения своего «я». По сознательному преображе-

³ Некоторые ранние замечания Горького об информационной природе очерка, взятые на вооружение теоретиками журналистики для того лишь, чтобы брандмауером отделить очерк от художественной литературы, продиктованы были сиюминутными практическими задачами. Они опровергаются творчеством самого писателя, но также более поздними его теоретическими высказываниями, например известным письмом редактору «Литературной учебы» А. Каменеву. К фактографии Горький был нетерпим, ибо, по собственному его признанию, ему «чуждо мрачное подчинение злему хаосу фактов».

нию природы фотография и кинематография давно оставили позади себя приземленную живопись натуралистического направления. Мне, например, запомнился на одной фотовыставке этюд Вдовиных — «Мокрый снег», полностью выдержанный в духе импрессионистских полотен. Книжка фотозагадок кинооператора Родэ наглядно показывала, чего можно добиться, снимая предметы в различных ракурсах. М. Пришвин в «Каляевке» рассказал, как сфотографировал речушку Кончуру, в которой в самых глубоких местах воды по колено; он удивился изображению на снимке — среди пустыни текла могучая река. А объяснялось все просто: он снял пейзаж с низкой точки и в кадре не оказалось ни единого масштабного предмета — ни дома, ни дерева, ни даже куста.

Истинные художники по-прежнему отстаивают творческое отношение к факту. Кино, в том числе документальное, не является исключением. Михаил Ромм так ответил на вопрос, в чем видит особенности «Обыкновенного фашизма»: «К документу я приложил методы и задачи игрового фильма — эйзенштейновский «монтаж аттракционов» — монтаж ударных, впечатляющих кусков; организацию сюжетов, наконец, задачу вскрыть психологию — только не отдельного человека, а социального явления».

Словом, почти все, чем располагает искусство (литература, живопись, кино), противоречит новым или обновленным идеям «документализма».

Остается подвести черту под нашими размышлениями.

Какова та общая посылка, обязательная для столь различных авторов, как лэфовские сторонники «литературы факта», как практики-документалисты, влюбленные в факты и внезапно начинающие «теоретизировать», как литературовед П. Палиевский с его рафинированной концепцией, потребовавшей множества оговорок?

Для возвеличивания факта и противопоставления его искусству (на худой конец, приравнения факта к художественному образу) всем перечисленным авторам, как мне кажется, необходимо признание, что литература отражает действительность зеркально и в достижении этой своей цели несовершенна. Как известно, таков тезис эстетики Чернышевского. Искусство хоть и отражает жизнь и питается наблюдениями над действительностью, но не может, в ко-

нечном счете, соревноваться с самой действительностью.

Между тем мы хорошо знаем, это не раз отмечено нашими теоретиками литературы, что Ленин, комментируя одну из работ Фейербаха, выделил слова: «Искусство не требует признания его произведений за действительность»⁴.

В другом ленинском конспекте (Аристотелевой «Метафизики») есть интересная запись: она не формулирует принципов теории отражения, но содержит образные и точные характеристики работы мыслителя и поэта. В этой записи отмечено, что действительность отражается не зеркально, в противном случае она была бы подобна «простому, непосредственному, зеркально-мертвому акту»; самое обобщение, создание слепка с действительности как понятия (очевидно, и образа.— В. К.) есть процесс не только сложный, но еще «раздвоенный, зигзагообразный», в этом процессе заложена даже «возможность отлета фантазии от жизни»⁵.

Концепция документализма, наделяющая факт всеми свойствами художественного образа и даже в некоторых отношениях подымающая его над продуктами человеческого (художественного) мышления, вымысла, на деле есть упрощенное представление о процессах, происходящих в сознании, выраженных в творчестве. Настаивая на тождестве факта с образом, литературовед пренебрегает всем тем непростым, раздвоенным, зигзагообразным процессом создания художественного образа, тающим в себе даже «отлет» фантазии от действительности, как замечено в «Философских тетрадах». И ведь все это непременно происходит при переводе явлений жизни на язык искусства.

Сформулировано множество определений публицистики, вокруг них и поныне ведутся споры. Мне же вспоминаются меткие слова книговеда и библиографа, русского просветителя Н. А. Рубакина. Они не претендуют на дефиницию. Однако точно обозначают и суть современности и самое назначение публицистики. Вот эти слова: «Публицистика — это... печатное слово человека, принимающего близко к сердцу интересы своего времени». И еще: «Это — отзвук текущей жизни в душе писателя».

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 53.

⁵ Там же, стр. 330.

Вот, оказывается, когда уже называли публициста писателем! Подчеркивали чувство ответственности литератора за ход «текущей жизни», эмоциональный характер его печатного слова!

Сейчас мы видим, как новые времена и новые задачи искусства углубили эти определения. В докладе Г. Маркова на пленуме «Писатель и пятилетка» отмечается, что «публицистичность свойственна самому типу художественного мышления советского писателя». Тем самым Г. Марков справедливо расширяет рамки публицистики, включая в них гражданскую поэзию и эпические жанры...

Интересно, что на том же пленуме Е. Евтушенко назвал родоначальником нашей писательской публицистики Пушкина, добавив, что именно он ввел в этот жанр интимное (личностное), эмоциональное начало. Однако сила воздействия публицистики на читателей достигается лишь при условии, что автор остается на почве искусства, изъясняется на языке литературы, не становится, подобно П. Палиевскому, фетишизировать «факт»...

Писатель-публицист не решит своей задачи, если пойдет путем копирования действительности, если в поле его зрения останутся факты, так и не освещенные собственным отношением к ним (вспомним слова С. Залыгина). На том же пленуме Афанасий Салынский бросил упрек массо-

вому очерку за то, что он часто поверхностен, бесконфликтен, комплиментарен, между тем как, по словам драматурга, подлинная писательская публицистика есть и следование жизни, в котором должна присутствовать и своя, авторская точка зрения на нерешенные вопросы действительности.

Сегодня перед писателями стоит задача исключительного масштаба, огромного значения — и для процессов, происходящих в жизни, и для самой литературы. Произведения художественной публицистики, документальные жанры должны вобрать в себя, отразить главные жизненные процессы, намечающиеся тенденции, создать вокруг себя, как это всегда делала настоящая литература, нравственную атмосферу (К. Симонов). Задачи эти для советской литературы традиционные. На разных этапах нашей истории было замечено: тесные связи художника с многогранной жизнью народа обычно выводят его на магистраль творческой жизни.

Мне думается, эта мысль должна неизменно освещать и работу критиков, пишущих о современной публицистике — о ее традициях и ее новых, трудных задачах и перспективах, о книгах и авторах. Все эти наши споры и рассуждения в конечном счете должны быть устремлены к главному, чем живет сегодня большая писательская публицистика.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Дмитрий Ковалев. Долгое солнце. — **В. Камянов.** Грани общения. — **Р. Орлова.** Страсти по Фолкнеру.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Л. Леонтьев. Первый опыт. — **И. Дрейцер.** Зодчество страны Суоми. — **А. Панченко.** Культура средневековья и современность. — **А. Куров.** В основе — расизм.

Литература и искусство

ДОЛГОЕ СОЛНЦЕ

С. Данилов, Звучание тайги. М. «Советская Россия», 1972. 334 стр.

Стихи видного якутского поэта, лауреата Горьковской премии Семена Данилова переводили многие и разные русские поэты. И среди них едва ли не каждый — самобытный поэт, не обделенный лица не общим выраженьем (М. Светлов и Я. Смеляков, М. Львов и В. Тушнова, С. Липкин и Н. Старшинов). Но вот проблема: когда самобытного автора переводят разные и многие, как не отнестись к его книге с некоторой опаской? Не раздробилось ли то, что цельно в нем? Не проступают ли в стихах ярче всего черты самого переводившего? (О безликости в этом случае как-то меньше думаешь: она, по-моему, чаще всего там, где переводит человек бесталанный, лишь набивший на этом деле руку; сглаживает и обезличивает тот, кто сам безлико и гладко пишет.)

О лирике Семена Данилова, отобранной им для книги «Звучание тайги», прежде всего хочется сказать: она несомненно даниловская, естественно-цельная. Сквозь то, что, возможно, и привнес в стихи каждый из переводчиков, определенно и четко проступают, я бы сказал, настойчивые черты якутского поэта. Когда-то, переводя его книгу «Лунный лось», я в последний момент подумал: может, что-то не так, не точно доношу без знания-то языка подлин-

ника, — и поставил: «Вольный перевод». Сейчас, сравнивая свои переводы с переводами других товарищей, я узнаю все его же, Семена Данилова, строку и мысль. У всех нас, как раз но мы ни пишем сами (а стало быть, и переводим), он в книге все тот же, все такой же. В чем тут причина?

Семен Данилов остается самим собой и в переводах, наверно, потому, что в своем стихе прост и точен, подчеркнута «неизысканная» его поэзия может обмануть скользкий взгляд, показаться традиционной (а такое в устах некоторых ценителей поэзии звучит как синоним заурядности); но в этой преданной приверженности к традиционному, если хотите, прежде всего и обнаруживается свой характер, своя манера письма, своя психология творчества этого самобытного художника. Потому что истоки традиции — народные, а кажущиеся «прописи» ее никогда не бывают прописными: его, поэта, собственный человеческий характер как бы сливается с этим народным нравственно и философски и своя, почерпнутая из кровной жизни суть проступает резко сквозь индивидуальность переводчика. Если есть во взаимопонимании двух поэтов главное — соответствие нравственное, житейское, тогда эта естественность передается и читателю.

сердце его крошится от любви и его, как песок побережий, уносят веселые волны ее...

Бережной и нежной грусти полны эти мудрые строки. И с образом любимой воз-

никает образ все той же якутской земли, родины, которой, собственно, и посвящена эта книга, обаятельная и цельная.

Дмитрий КОВАЛЕВ.

ГРАНИ ОБЩЕНИЯ

Вл. Гусев. *Огонь в синеве*. М. «Советская Россия». 1973. 320 стр.

«Я видел, как определялись капли росы на траве, и вслед за этим той же силой внутренней ритмики улетающая в небеса моя мысль стала искать на земле определения и воплощения...» Так писал и так чувствовал Пришвин, для которого радость приобщения к быстротечному и ближайшему в жизни природы была одновременно радостью подключения ближайшего к отдаленному, «капельного» к бескрайнему. Этот столь характерный для Пришвина союз микронаблюдательности с широтой лирико-философского зрения, когда мысль не просто оперирует природным явлением, но и находит здесь свою «внутреннюю ритмику», стал все чаще проглядывать в работах наших прозаиков.

Читая, допустим, «Привычное дело» В. Белова, «Время нашей доброты» И. Друцэ, «Последний срок» В. Распутина, «Белый пароход» Ч. Айтматова, «Дачную местность» А. Битова, «Второе путешествие Каипа» Т. Пулатова, «Буйволицу» Г. Матевосяна, мы отдаем себе более или менее ясный отчет, почему в этих вещах так много неба, так широки обозримые пространства и почему равнодушные к пространству здесь как бы нравственная норма, залог доброй репутации героя. Но видя что к чему в рамках одного, другого, третьего сюжета, мы можем лишь предположительно судить об истоках их близости. Авторы этих книг не очень склонны теоретизировать о своем опыте, а критике еще предстоит разобраться в самом факте отчетливой переключки столь не схожих по манере вещей.

Издательство «Советская Россия» выпустило в свет цикл пьес В. Владимира Гусева «Огонь в синеве», где совсем нетрудно различить черты уже известного нам стилового направления. Мысль В. Гусева так упорно оборачивается «на себя», исследуя собственную базу, что «Огонь в синеве» становится как бы невольным коммента-

рием ко всей группе лирико-философских произведений. Фабульные построения у Гусева на самых скромных ролях и нередко уступают место «открытой» авторской речи. Картина по нынешним временам не столь уж редкая? Разумеется. Но проза Гусева свободна от щегольства модной «раскованностью» формы. Если вести родословную этой прозы, то верней всего — от пришвинской «Журавлиной родины», где сочиненная история об инженер-мелиораторе подана с попутным обнажением ее основы — житейской и литературной. Вернитесь к строкам из Пришвина, которые стоят в начале рецензии (они из «Журавлиной родины»). В них как бы намечен духовный контур «Огня в синеве». Поэтическая мысль Гусева, пожалуй, с равным упорством силится охватить обозримый мир как единство и, выделив из широких связей мельчайший фрагмент, «воплотиться», выверить на этом «капельном» уровне собственный ритм, отладить структуру.

Об упорстве стоит сказать особо. Гусевский герой-повествователь молодой литератор Алексей Осенин, как определяет один из его друзей, «напряжен по складу ума». Духовная «напряженность» отличает и других персонажей книги, будь то гуманист или служители «точных» наук. Их внутренняя задача — не просто воспринять или взять на заметку факт, но пробиться к его живому ядру, не просто осознать ту или иную тенденцию, но ощутить ее материальную плотность. На наших глазах ищущий разум как бы проходит чувственную выучку. По очень строгой программе, где природные впечатления (в диапазоне от «капельного» до «космического») стоят вплотную к практике деловых и личных отношений. Практика, таким образом, находится под неотступным контролем сознания и при видимой своей ровности словно бы усваивает его напряжен-

ность. Отсюда особый вес и особые права контекста в гусевской прозе.

Любовь инженера-радиофизика к своим приборам в лаборатории, «к своему углу, и к своей работе, и к своему столу» здесь может быть трактована как «великое чувство» («Игра без обмана») без всякого риска вызвать у нас недоверие к столь высокому слогу: мы знаем, по какому духовному счету оценивает инженер свой труд. Или взять подробности иного плана, по внешним признакам — очеркового. Повествователь рассказывает о своей поездке в Монголию («Красное и синее»). Рассказ выдержан в жанре путевого блокнота. Вот красочное описание скачек, рядом раздумья о буддизме, портреты фабричных работников из Улан-Батора, запись о встречах с монгольскими литераторами. А за этим? Все тот же напряженный интерес к духовной основе фактов. В разнообразии встреч и контактов рассказчику открывается, в частности, «особая жизненная энергия» людей сегодняшней Монголии, нацеленная на усвоение, даже «впитывание» культуры нашей страны и культурного опыта других народов Запада. Впрочем, повествователь сам шел навстречу такому открытию. И оно не случайно в центре его монгольских впечатлений: ведь и за пределами путевого очерка авторскую мысль неизменно влечет ситуация преодоленной замкнутости, живые признаки все той же «энергии» познания... Таким образом, и очерковая подробность здесь на поверку не столь уж проста.

Как уже сказано, фабульной остроты в гусевской прозе почти нет, персонажи не бранятся и не братаются. А между тем для каждого из них (или пусть многих) рядовая, бесконфликтная практика деловых, приятельских и т. п. контактов — весьма строгая проверка готовности... К общению особой духовной прочности, когда отпадают будничные помехи и есть кровная нужда каждого в каждом. Стоит нам, например, прислушаться к разговорам Алексея Осенина с его напарником по зимней вылазке в заповедник «посмотреть на кабанов» («Олень в тумане»), чтобы почувствовать: дело не в кабанах или предвкушении «лесного безмолвия». Дело в тайной надежде каждого открыть заветную глубину другого и себя заодно проверить, соприкоснувшись с этой глубиной.

По существу, вся повесть питается энергией из этой «сети» общения, где очень высоко сдержанная напряженность. Малей-

ший крен в логику, цепляние за слово, собой предложенного ритма грозят разомкнуть «сеть». Разговор идет, как шахматная партия, вслепую. От каждого требуется чуть ли не гроссмейстерский класс. Главная тема, волнующая обоих (она, кстати, прослушивается во всех повестях цикла), — «как при нынешнем индустриализме... массовости, при нынешней информации» избежать перевеса «внешнего человека» над «внутренним»? Собеседники отлично чувствуют, что, обсуждая тему, надо быть вровень с ней. Поблажки героям здесь исключены, но исключен и жест безнадежности — «где, мол, вам!». Развертывая подобного рода диалоги, автор предельно чутко именно к моментам понимания.

Рассказчик о себе: «Я не спросил: «Что о хорошо?» — а только ответил: «Да. Это да». И, как бы спеша вскочить в уходящий вагон, я добавил...».

О себе в другом вместе: «Он сказал это... в тот самый миг, когда я как бы поставил точку в своих ощущениях, размышлениях; даже не в этот миг, а с той неуловимой, необходимой, мгновенной паузой, которая как раз требуется для того, чтобы поставить точку. Я покосился на него и повел плечом; и что-то прошло между нами».

Кажется, повествовательный пласт лег наоборот, подтекст встал на место текста — так крупно дан здесь микромир душевных связей, так подробен психологический фон общения. А острые вспышки тревоги, что нить вдруг оборвется («...как бы спеша вскочить в уходящий вагон...»), старание удержать важный оттенок, выраженное самой стилистикой повторов и уточнений... Все это живая предметность, а если по Пришвину — «определение и воплощение» авторских раздумий о «нынешнем индустриализме» и о том запасе прочности, каким сегодня должны обладать «тонкие матери»...

Для гусевского героя характерны слова-символы: «нить», «прямая». Они выражают его упорное стремление соединять в едином слитном чувствовании близкое с отдаленным, будничное с возвышенно-поэтическим. Сквозная нить проходит через многочисленные встречи повествователя с прошлым. Одна из таких историй — эпизод давней поездки с однокурсниками «на картошку» («Свет и тени заката»). Ситуация вроде бы типовая, и у нее наготове эстетическая «подсказка» писателю. Что от него требуется? Крепкая прорисовка характеров и

бытового антуража, местный колорит, умелое сочетание серьезного с «уморой». Гусев, однако, проходит сквозь «фактурность», сквозь внешний колорит, выводя на передний план подспудное — те моменты душевной сосредоточенности, когда ребята увидели мир деревни как бы поверх ее «экзотики». На передний план выходит и другое — теплота встречного интереса деревни к «пришлым», к «шумной ватаге». Опять чуткое натяжение «нити», пристальный взгляд на «поле» общения. Но есть и другой повод остановиться на этом эпизоде.

В самой острой его точке вдруг звучит диссонирующая нота — прозаические слова студентки, не уловившей чужого настроения. «Зачем, зачем она это сказала. Зачем оборвала нить» — такова реакция рассказчика. Досада на помеху выглядит в высшей степени непосредственной и правдивой. Но... не делает ли она повествователя этакой принцессой на горошине? И вообще есть ли гарантия, что в данном случае где тонко, там не рвется и представленный нам тип мировосприятия обещает единство мысли и действия? Вопрос, можно сказать, самый гусевский. Упомянутое единство писатель искал и не нашел в герое ранней своей повести «Душа-Наташа», тоже Алексею Осенине, искал в Симоне Боливаре, которому посвящена его недавняя повесть «Горизонты свободы», ищет и теперь.

Гусевский Боливар, хотя его и отличает, по характерному слову автора, «маниакальная любовь к неощутимому», натура пламенная, всей сутью своей нацеленная на действие. Чистая пытливость духа как-то отстает, отслаивается от наступательных свойств Боливара, чьи поступки вытекают из осязаемых факторов — политических, моральных, оперативных. Впрочем, Гусев и не спешит нас уверить, что герой «Горизонтов...» воплотил в себе искомую гармонию. Нет, его подход к решению задачи выглядит, пожалуй, пробным. И вот теперь новый подступ все к той же задаче.

«Я люблю, чтобы в реальной жизни все без обмана, чтоб... если, положим, ты держишь «сопротивление» и сейчас вот вставишь его куда надо, так уж и знаешь, что по экрану тут же пойдут круги и всем очевидно, что дело сделано. Я люблю катать в руках тяжелые вещи, люблю... железо, блестящие слитки сплошного металла» — так говорит о себе Саша Каманин, радиофизик и одновременно вратарь-любитель,

друг Алексея Осенина, взявший слово вместо него («Игра без обмана»). В заведомо деятельном характере Боливара Гусев стремился обнажить поэтический слой. Теперь сквозь заведомую тонкость, острую впечатлительность своего молодого современника он настойчиво разглядывает черты его житейской прочности. «Махина, неловкая груда костей и мяса» — так «смотрится» Саша. И при этом внутренним своим строем он чутко повернут к «таинственной зелени тополей» и синеющему «вверху мирозданию в августовской дымке», повернут к той великой идее братства, которая, по его словам, «одна лишь и может по-настоящему одушевить... человечество». Каждым своим поступком он хотел бы присягнуть на верность этой идее. Помните формулу «напряжен по складу ума»? Применима она и здесь. Саша Каманин — типично гусевский герой, выросший на одной духовной почве с Осениным. И Сашин порыв, сердечное одушевление сродни осенинской «напряженности». Герой «Игры без обмана», если угодно, тот же Осенин, только уставший сдерживать в себе романтика.

В. Гусев известен читателю и как прозаик и как литературный критик. За последние годы в работах Гусева-критика можно заметить его острый интерес к теории и практике романтизма. Интерес, как сегодня выясняется, отнюдь не узкопрофессиональный. Романтична ли нынешняя проза Гусева? Безусловно. Только это романтизм, я бы сказал, второго плана авторской речи, свободный от своих броских стиливых примет. О чем бы ни была речь автора, она, в сущности, об одном — о высших законах братства, которыми гусевские герои меряют любую практику общения.

Невольно оглядываемся на традицию. Уже полувековую. Идущую от поэзии 20-х годов с ее планетарными масштабами, пафосом «единого человеческого общечеловечья», всесветной спаянности душ на «краснофлагой» основе. Ощутима ли эта традиция в гусевской прозе? Ощутима, и сильно. Только ведь, с другой-то стороны, нам вряд ли удастся представить себе Владимира Маяковского углубленным в чтение «Календаря природы» либо в натурфилософские раздумья о единстве микро- и макрокосма. Романтизм 20-х годов отбрасывал прочь от своего русла любую поэтизацию «равнодушной природы», равно как и философскую созерцательность. И вот открывая книгу В. Гусева, мы с интересом обнаруживаем,

что сегодня Маяковский способен отлично сотрудничать с Пришвиным. Над таким фактом поневоле задумаешься...

Теперь вернемся к реализму, которому в книге Гусева совсем не во вред соседство с романтическим пафосом. Так вот, реалистический взгляд на вещи подсказывает Гусеву, что пример Саши Каманина (не говоря уж о более рефлексивном Осенине) еще не решение проблемы прочного сплава «мысль—действие». Отчего так? По той хотя бы причине, что Саше приходится сознательно «поднимать» себя до нужного тонаса общительности и душевной цельности. Где же в таком случае решение? Окончательного, претворенного в «пример» у Гусева нет. Есть поиски (и это не так уж мало!). А если взглянуть на соседей Гусева по литературному ряду? Кто из их персонажей чувствует мир природы и себя в этом мире с той же примерно остротой и силой, какая воплощена (или пусть заявлена) в характерах Осенина и Каманина? Прежде всего люди, кровно близкие к земле. Иван Африканович у В. Белова, старуха Анна у В. Распутина, дед Момун у Ч. Айтматова, Онакий Карабуш у И. Друца, рыбак Каип у Т. Пулатова и т. д. Связь «духовного» с «деятельным» в этих случаях изначальна. И, став предметом искусства, она отнюдь не противится чисто поэтическому освещению.

С героями Гусева обстоит по-иному. Главней из них, Осенин,— литератор, и, возведя себя ненароком в гармонический сан, он сразу же превратится в пошловатого Нарцисса. Да и вообще нет в русской литературе такой традиции — объявлять высшим мерилom духовности «профессионала» духа. Но зато осенины с их острой самооглядкой, упорным правдоискательством многое объясняют как в себе, так и вокруг себя. В частности, осенинский самоанализ прочертил весьма любопытный мостик между лирико-философскими (условно — «пришвинскими») мотивами в современной прозе и более традиционной для нее темой людского единения. По внутреннему самочувствию Осенина, глубина духовного братства сегодня предполагает глубину сердечного интереса каждого к поэтической стороне жизни. Конечно, осенинский максимализм при желании можно высмеивать либо оспаривать. Но согласимся: внимания он заслуживает хотя бы в силу все тех же «нитей», идущих от него к самым различным сферам нашей нравственной жизни. Разве

чуткость человека к природному не становится у нас на глазах свойством общественно необходимым? Разве уровень сегодняшнего общения не предполагает всемерную активизацию унаследованных нами культурных ценностей?.. На подобного рода вопросах как раз и сосредоточен герой Гусева.

Осенин слишком высоко парит над практическими нуждами дня? Пожалуй. Но для нас совсем не закрыт практический подход к его «парению». Вернитесь к уже упоминавшемуся разговору из повести «Олень в тумане». Приятели ведут речь о Руссо, Толстом, Мелвилле, о чувстве природы, духовном потенциале США и Европы, об идее братства, вроде бы оставаясь на уровне «общих категорий». И вдруг, прорывом,— затаенное, то, что «держат в уме»: мысль о людях старшего поколения, которые «умирали под танками, с бутылкой в руках, с разодранным от торжествующего крика ртом, горели в Майданеках». В этот момент из сферы подтекста выходит наружу не просто «духовная» — гражданственная мотивировка раздумий о братстве и его нравственном обеспечении. Перед мысленным взором гусевских героев, чье детство лишь краем задела война, — братство, скрепленное огнем. Вот он, внутренний ориентир и вместе очень важный стимул к поискам новых каналов и новых резервов духовного общения.

Память о войне производит явную или незримую работу почти во всех перечисленных мной книгах, где сама интенсивность, острота мировосприятия есть, помимо прочего, равнение на образец. Образец и собирательный пример высокого напряжения душ, оставленный нам военной страдой.

«Мой порыв куда-то, что не есть самописание, настолько силен, что я, видимо, теряю ощущение формы и сути гармонии» — таково одно из авторских признаний В. Гусева. Что касается «порыва», то именно он подлинный и самый интересный «герой» «Огня в синеве». Его энергия делает сборник чутким проявителем идущих сегодня вширь весьма влиятельных нравственных процессов. Что же до «формы», то, к счастью, Гусев далек от позиции «как у меня вышло, так и свято». Его систему свободных переходов от лирических монологов к эпизодам «из прошлого», а от них к подробной биографии чувств можно назвать бессюжетной. А можно и по-другому —

досюжетной. Авторская потребность дать неостывшему «порыву» поскорей закреплиться в слове так велика, что слово выговорилось впрямую, прорвав не очень прочную канву сюжета. Именно выговорилось. Горячий монолог произнесен. Прямая встреча автора с аудиторией состоялась. Новые опыты в той же манере могут

стать повторением пройденного. Для тонко намеченных «нитей», кажется, настала пора вписаться в более твердые рамки сюжета. Впрочем, трезвые слова В. Гусева о «форме» и «сути гармонии» в этом смысле достаточно обнадеживают.

В. КАМЯНОВ.

СТРАСТИ ПО ФОЛКНЕРУ

Уильям Фолкнер. Шум и ярость. Роман. Перевод с английского О. Сороки. Предисловие Г. Злобина. «Иностранная литература», 1973, №№ 1, 2.

Жизнь человека, говорит Макбет, — «расказанная полоумным повесть — она шумна и яростна и ничего не значит».

Эти трагические слова дали название фолкнеровскому роману. Книга и впрямь низвергается на читателей с шумом и яростью: еще пытаешься продолжать обычное существование, но в твою жизнь уже ворвалось нечто, и всё не литературное, скорее сродни природным стихиям, тебя уже опрокинул поток.

Чтение Фолкнера — труд и творчество. В труде возникает наслаждение, но не всегда и не сразу. Одним, вероятно, достаточно настроиться на «фолкнеровскую» волну. Другим надо сделать немалое усилие, надо вместе с автором и переводчиком (а точнее бы сказать, соавтором русского текста) поднимать глыбы фраз, периодов, частей, прорываясь к смыслу.

Впрочем, мы подготовлены к «Шуму и ярости». Подготовлены не только переведенными у нас ранее книгами самого Фолкнера — трилогией о Сноупсах, «Осквернителем праха», «Солдатской наградой», «Реквиемом по монахине», «Сарторисом», — но и его учителями, прежде всего Шекспиром и Достоевским, и соратниками и последователями (сознательными и бессознательными) — Платоновым, Бёлем...

Поднимаешься вместе с автором, и сквозь разрозненные, не связанные по первому впечатлению куски, похожие на детские рисунки, возникает целое. Это произошло именно в семье Компсонов, именно на Юге США, именно в указанное время (июнь 1910 года, апрель 1928 года) — история конкретная и вместе с тем всеобщая, как миф.

Можно эту историю пересказать и так:

обедневший род Компсонов, во главе — умный и циничный человек, адвокат в отставку, почитатель древних поэтов, спивается, рано умирает. Мать давно приучила себя к роли несчастной больной. У Компсонов осталось еще несколько негров-слуг, но в доме царит запустение, колонны особняка давно облупились. В семье трое сыновей: старшего, Квентина, отправили в Гарвардский университет (для этого пришлось продать последнее семейное достояние — луг), он проучился год и кончил самоубийством; Бенджи — идиот (в тридцать три года — как трехлетний ребенок); Джейсон — малоудачливый бизнесмен, после смерти отца и самоубийства брата он становится хозяином, домашним деспотом. Их сестра Кэджи сбежала едва ли не с первым встречным, забеременела, ее срочно выдали замуж, муж ее выгнал. Дочь Кэджи воспитывается у бабушки и дяди Джейсона, а самой Кэджи нет возврата в отчий дом, она «опозорена», ей нельзя даже видиться с дочерью.

Есть читатели и на родине Фолкнера и у нас, которые с недоумением и обидой спрашивают: почему бы и не изложить эту историю в ее логической и временной последовательности? Сегодня, сорок лет спустя, когда уже существует много томная «фолкнериана», когда едва ли не каждый эпизод «Шума и ярости» сопоставлен с другими, прокомментирован филологически, филологически, — сегодня легче ответить на подобные вопросы, чем тогда, когда автор должен был еще убеждать первых своих читателей; легче сказать, что стиль романа, как и его композиция, не авторские причуды, не нарочно придуманные ребусы — роман Фолкнера мог быть написан только так.

А русские читатели воспринимают роман сегодня впервые, и, какова бы ни была подготовка, книга оглушает, ошеломляет.

Роман — квартет, четыре внятно различимых голоса, четыре части.

Первый голос — Бенджи. Сын-идиот — страшное горе для родителей, даже мать говорит: «Покарал меня господь ребенком...». Бенджи — тягость для окружающих, его называют «остолоп», «идиотина», «дурачок», «придурак» (одно из немногих русских слов, неоправданных, на мой взгляд, в данном контексте). Но Бенджи не только объект (презрения ли, жалости ли) — он субъект повествования. И ему дано постичь то, что скрыто от многих и многих. «Он знает больше, чем люди думают», — замечает негр Роскус. Недоразвитость мозга восполнена обостренностью органов чувств. «Руки не слышат калитки совсем, но пахнет ярким холодом». Разве руки могут слышать, разве холод может пахнуть, может быть ярким? Может. Переводчик совершенно прав, прибегая к ассоциациям русской поэзии. И Фолкнера нам помогает понять то ранний Маяковский («...мама лежит там, а на лбу болезнь — белой тряпкой»), то Ахматова (сравните, например. «Привольем пахнет дикий мед...»), то Пастернак.

Бенджи обостренно воспринимает не только мир физический, но и нравственный. Он горюет без Кэдди как никто другой. Он предчувствует смерть. Своя боль (его оскопляет брат), горе родных, мировое горе выражены у него, им, с огромной силой. Отчуждение, как сказали бы мы сегодня, невозможность понять даже самых близких. Особенно близких. «И снова раздался плач. Бена, звук безнадежный и длинный. Шум. Ничего более. Как если бы — игрой соединения планет — все горе, утеснение всех времен обрело на миг голос».

Второй голос — Квентина, единственного интеллигента в семье и одного из немногих в фолкнеровской Йокнапатофе. Он горе мира осознает. И литературно выражает. В ужасе перед морем бедствий, в ужасе от того, что не спас сестру, от неконкретной, безнадежной тоски он и кончает самоубийством. Бенджи отчасти защищен броней безумия, а Квентину нет защиты, он не унаследовал отцовского цинизма, он не может приспособиться к бедам, еще менее — сразиться с ними. Его натура воплощена в иной лексике и в ином ритме, в плавных, более логически связанных пе-

риодах. Хотя у Квентина такие фразы, как «ветер шестибалльный, и по реке льдины косяками, как грязные овцы», заставляют вспомнить часто повторявшиеся Фолкнером слова: «Я не писатель, я фермер».

Утонченный интеллект и безумие — не разные ли это полюса? Но Квентин — родной брат Бенджи и в своем тяготении к сестре, и так ли уж далек философ, да еще перед самоубийством, от блаженного?

Из Компсонов проще всех Джейсон — средоточие злобной зависти. Именно в теме Джейсона воплощена в романе Фолкнера непосредственная социальность: он выжимает каждый цент, он издевается над неграми, обворовывает сестру и племянницу, умудряясь на украденных деньгах нажить еще и некий нравственный капитал: ведь он подсовывает слепо верящей в него матери какие-то бумажки, которые она бросает в огонь, считая, что гордо отказывается от денег «падшей» дочери. С Джейсоном связан и шум времени (роман написан в 1929 году, близился крах, начало всемирного экономического кризиса), и в книге — акции, перестук телеграфа, игра на повышение, на понижение... Джейсон ведет себя подобно Сноупсам, но Фолкнер не дал Флему Сноупсу внутреннего монолога. Джейсон сложнее. Есть у него нечто вроде истерического самоутверждения: вся семья ненормальная, а я докажу, что я нормальный. Он причиняет страдания другим, но радости при этом не испытывает, и ему тошно. Пожалуй, писатель дал даже ему частицу себя — не ноты ли авторского голоса слышатся в ожесточении, подозрительности, порою ненависти провинциального жителя к Нью-Йорку?

Все три брата тянутся к сестре, мучаются ее судьбой, любят ее, у Джейсона притяжение сплетено с ненавистью.

Кэдди — болевой центр. Сама же она, как и Юла Сноупс, существо пассивное, способное раздавать себя, дарить сочувствие, без которого задыхаются и Бенджи и Квентин. Потому, видимо, внутреннего монолога Кэдди в романе нет... Рассказано о ней, но не ею.

К четвертой, авторской, части стягиваются обогащенными мотивы предшествующих частей, проясняется многое, прежде казавшееся бессмысленным. Голос автора перебивается голосом Дилси, старой негрятянки, истинной хранительницы очага. Руками Дилси сделано все, что еще делается в этом доме — завтрак, обед, ужин, тепло, поря-

док, забота о детях. Как и Лукас Бичем («Осквернитель праха»), Дилси воплощает укорененность негров. В беспросветной компсоновской ночи она еще воплощает и свет и любовь. Но любовь строгую, гораздо более избирательную, чем любовь Кэджи, и вовсе не сервильную. Дилси — «антимэмми», она противоположна фольклорной толстой кормилице. Она яростно и открыто ненавидит Джейсона, жалеет, едва скрывая презрение, свою хозяйку, заботится о Бенджи — это она на свои деньги купила именнинный торт и поставила, как положено, 33 свечи, это она защищает сначала Кэджи, а потом ее дочь. В Дилси олицетворены добродетели старого Юга, столь ценимые Фолкнером-идеологом. Мир для нее — вовсе не лишняя смысла история, рассказанная idiotом, поступки человеческие остаются. И потом когда-нибудь назовут ее имя, а ей «только отозваться: „Здесь я,“». Она твердо знает, что ее поступкам ведется счет, но она и сама судья. Ощущают это все, формулирует Квентин: «Внезапными острыми струйками прорываются они вот этак в жизнь хозяев, на мгновение беря белый факт в черное кольцо неоспоримой правды, как под микроскоп; все же остальное время они — лишь голоса, смех, беспричинный с твоей точки зрения, и слезы, тоже без причин».

Квентин понимает особый ход поведения Дилси: беспричинность — это «с твоей точки зрения», причем эта точка зрения ограничена, а негритянка Дилси владеет «неоспоримой правдой», что отнюдь не привилегия всех негров, — Ластер, например, приставленный к Бенджи, жестоко над ним издевается.

Дилси изображена многомерно — и в бытовом освещении (вот она держит «за горлышко грелку, как зарезанную курицу») и в торжественном (она идет в церковь на пасхальную службу, ведет за собой Бенджи, преодолевая неодобрение своих соплеменников, и молодых негров). Эпизод с церковью несет надежду, свет, музыку. Фолкнер верен здесь и художественной правде и собственно исторической. Негритянская церковь на Юге издавна не только место встречи с богом, но и место встречи человека с человеком. Церковь — убежище, центр сопротивления. Только в церкви угнетеннейший из угнетенных ощущал себя не рабом, а личностью. Священником был Нат Тернер, черный Спартак, вождь негритянского восстания 1831 года. Свя-

щенник Мартин Лютер Кинг начал с того, что возглавил в 1955 году бойкот автобусов в городе Монтомери...

Торжественное шествие в негритянскую церковь усиливается контрапунктом — как деловито, бездушно, бездуховно бегут на молитву студенты Гарварда.

В американской критике давно отмечено «русское» качество фолкнеровской прозы. «Шум и ярость» считается одной из наиболее «русских» его книг. Он сам многократно говорил, сколь многим он обязан русской литературе XIX века, Достоевскому прежде всего. «Братья Карамазовы» стояли у него на полке около письменного стола. Безмерность страданий — вот что Фолкнер видел в книгах русских классиков¹, и это также помогает нашим читателям проникнуть в сложнейшую фолкнеровскую вселенную, почувствовать, при всех различиях, родство с ним.

Мир в романе «Шум и ярость» еще не застыл, недосоздан, творение продолжается. Один из первых американских исследователей Фолкнера, Малькольм Каули, тонко заметил, что каждая книга писателя — срез не с бревна, а с растущего дерева. В 1946 году Каули составил «Избранное» Фолкнера. В этой книге, пожалуй, впервые так явно предстали величие и суть замысла, взаимосвязанность отдельных романов и рассказов, то, что сегодня называется «сагой Йокнапатофы». Для этой книги Фолкнер предложил написать поясняющее предисловие (необходимое в пояснениях ощущалась и самим автором). Оно называется «1699—1945. Компсоны». О героях романа, уже шестнадцать лет к тому времени как изданного, Фолкнер написал как о живых людях — они меняются, с ними нечто происходит и позже, как происходило и раньше, до начала романа, — как в сагах, былинах, легендах. Последняя фраза в этих авторкомментариях, где Фолкнер говорит о судьбах своих персонажей-негров, о Дилси — «они выдюжили»; для писателя эта способность едва ли не главная мера человека.

В фолкнеровском мире нет линейности времени: «сегодня» не следует неизбежно за «вчера», а «завтра» не идет за «сегодня» —

¹ Впрочем, не только. Слова Достоевского из рассказа «Сон смешного человека» «...перескакиваешь через пространство и время и через законы бытия и рассудка, и оставаешься лишь на точках, о которых грезит сердце» кое-что поясняют и в источниках стиля Фолкнера,

они перемешиваются, сосуществуют, меняются местами. Время то стремительно летит, то вовсе останавливается. Да и кому из героев этой книги, кроме разве что Джейсона, важны равные промежутки, называемые часами, днями, годами?

Прочитав до конца, можно восстановить «романное» время: три дня 1928 года (в романе они расположены опять же не последовательно — 7, 6, 8 апреля) и один день 1910 года, день самоубийства Квентина.

Три дня апреля — дни пасхальные; Бенджи тридцать три года. Мучаются все — таков уж удел человеческий, мучаются, распятые немотой, безлюбием, тоской, даже собственной отъединяющей алчностью. Так Фолкнер самой общезначимой легендой о

страстях, о страданиях усиливает, возвышает страдания братьев Компсонов.

Эта общезначимость и в лексике, во фразах, парящих, как бы уходящих за пределы страницы. «Голос Бена гремел и раскатывался. Квини тронула с места, мерный перестук копыт возобновился, и тут же Бен замолк. Ластер оглянулся быстро на него и снова задержал вожжами. Над цветком, сломанно поникшим из руки, взгляд Бена был опять пуст, и синь, и светел, а фасады и карнизы уже вновь плыли слева направо; столбы и деревья, окна, двери и вывески — все на своих назначенных местах».

Здесь иной отсчет времени, иное измерение.

Р. ОРЛОВА,

Политика и наука

ПЕРВЫЙ ОПЫТ

История политической экономии социализма. Очерни. Издательство Ленинградского университета. 1972. 382 стр.

Изучение каких-либо явлений природы или общественной жизни не будет достаточно полным и законченным, если оно не охватывает исторического развития научных представлений о данном круге явлений. Это относится, естественно, и к такой науке, как политическая экономия социализма.

В наше время, когда миллионы советских тружеников всех профессий и специальностей по зову Коммунистической партии овладевают экономическими знаниями, чрезвычайно вырос интерес самых широких кругов общественности к политической экономии социализма, в том числе и к ее истории. Проблемы, которые еще недавно привлекали внимание лишь ограниченного числа специалистов, сейчас оживленно обсуждают рабочие и деятели культуры, партийные работники и инженеры, колхозники и ученые-естественники, руководители хозяйства и педагоги.

Политическая экономия социализма вызывает живейший интерес не только в социалистических странах, но и во всем современном мире. Это объясняется и новизной ее предмета, и тем, что в социалисти-

ческом обществе, где экономика, как и другие стороны социальной жизни, строится и развивается на научной основе, экономическая наука играет принципиально новую, качественно отличную роль по сравнению с той ролью, какую она играла при любом ранее существовавшем строе общественной жизни.

Не только друзья социализма, но и его недруги обсуждают сегодня работы экономистов, выходящие в течение всего периода существования Советского Союза. Извлекаются на свет божий труды, относящиеся подчас к первым этапам социалистического строительства, к 20-м и 30-м годам. При этом наши идеологические противники сплошь и рядом толкуют вкривь и вкось процесс формирования марксистско-ленинской политической экономии социализма, поднимают на щит ее врагов, изображая их как представителей подлинной науки и попутно извращая взгляды экономистов-марксистов, разработывавших научные основы политики ленинской партии.

Словом, многие явления современной жизни ставят на повестку дня вопрос о необходимости глубоко исследовать исто-

рию политической экономии социализма. Между тем серьезных работ советских ученых, посвященных этой тематике, до обидного мало. И потому следует приветствовать появление первого опыта такого исследования, каким является рассматриваемая нами книга.

Эта работа представляет собой коллективный труд кафедры политической экономии Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при Ленинградском университете.

Структура книги в основном воспроизводит построение вузовского курса политической экономии, ее отдельные главы посвящены темам этого курса. Такое построение, представляя известное удобство для преподавателей, а также для учащихся, имеет вместе с тем существенные недостатки. Каждая из рассматриваемых проблем исследуется в отдельности на протяжении определенного периода (к тому же в некоторых главах берутся либо только 20-е, либо 20-е и 30-е годы), оторванно от других тем. В результате процесс развития политической экономии социализма в его единстве и целостности раскрывается недостаточно полно и всесторонне. Кроме того, такая структура приводит к неизбежным повторениям: в ряде глав речь идет об одних и тех же исторических событиях, об одних и тех же трудах экономистов, проблемах, спорах, дискуссиях. По-видимому, в дальнейших работах стоит учесть издержки, связанные с подобной структурой исследования.

Однако не это, на наш взгляд, следует считать решающим при оценке монографии в целом. Авторский коллектив, поставив перед собой нелегкую задачу — дать историю советской экономической мысли, попытался в основном правильно, с марксистско-ленинских, партийных позиций подойти к ее решению.

История политической экономии социализма рассматривается в книге как «исторический процесс ее становления и развития, представленный в весьма сложной и противоречивой форме движения экономической мысли, отражающей закономерный процесс становления и развития социалистического способа производства». Справедливо подчеркивается, что политическая экономия социализма как наука создавалась в сложных исторических условиях. Ее становление связано с борьбой «подчас прямо противоположных взглядов, выра-

жавших позиции столь же противоположных классов».

В этой связи разъясняется важность классового, партийного подхода к проблемам истории советской экономической науки, важность принципа историзма. Такое напоминание весьма своевременно, ибо в иных работах развитие экономических взглядов и концепций рассматривается без должного учета реальной политической обстановки данного периода, соотношения классовых сил, борьбы партии против буржуазной идеологии и антиленинских группировок.

Политическая экономия социализма не могла появиться на свет вполне готовой, как Афина из головы Зевса. Последовательными ступеньками в историческом процессе ее формирования были курсы теории советского хозяйства, а затем экономической политики.

В книге показано, что краеугольные камни политической экономии социализма заложены в произведениях Маркса и Энгельса, огромное значение для ее разработки имеют труды Ленина, особенно послеоктябрьского периода. Все развитие этой науки неразрывно связано с многогранной практической и теоретической деятельностью ленинской партии, с многочисленными работами научных кадров партии — советских экономистов-марксистов. Авторы стремились с достаточной полнотой осветить источники развития политической экономии социализма, но едва ли следует удивляться, а тем более ставить им в вину, что это удалось не всегда. Думается, следовало бы подробнее остановиться на некоторых важнейших документах партии, прежде всего на Программе партии, принятой XXII съездом КПСС, а также на выдвинутых партией на пороге второй пятилетки «шести условиях» победы и мероприятиях по совершенствованию хозяйственного механизма развитого социалистического общества, осуществляемых в нашей стране начиная с мартовского и сентябрьского Пленумов ЦК 1965 года.

Что касается работ советских экономистов, то, на наш взгляд, заслуживает одобрения решимость вернуть истории экономической мысли имена и труды ряда незаслуженно забытых и полузабытых экономистов, таких, как В. Милютин, Л. Крицман, Г. Крумин, М. Савельев, Н. Осинский, Э. Квиринг, а также Б. Борилин, А. Мендельсон, В. Мотылев, Казбек Бутаев и другие. В то же время надо было бы, пожалуй, полней ос-

ветить борьбу экономистов-марксистов против буржуазных идеологов, проповедников реставрации капитализма — Базарова, Громана, Кондратьева, Чайнова, Юровского. В некоторых разделах книги чрезмерно много места занимает разбор малозначительных, случайных журнальных статей; это относится, в частности, к главе о производительных силах. В отдельных местах использованы архивные материалы; приходится сожалеть, однако, что не привлечены материалы по подготовке учебника политической экономии — свыше десятка макетов учебника, вышедших в 1938—1941 и в 1946—1950 годах на правах рукописи небольшими тиражами.

В монографии исследуется сложный, во многом противоречивый и извилистый путь выработки представлений о предмете политической экономии социализма, о ее методе и структуре, о характере и содержании ее законов и категорий, о способе их применения и использования в практике строительства социализма и коммунизма. Анализ показывает, что процесс этот и поныне далек от завершения, его дальнейшее развитие связано с обобщением все нового практического опыта чрезвычайно динамичной экономики. Это относится, в частности, к таким важнейшим проблемам, как основной экономический закон социализма, теория и практика социалистического планирования, товарно-денежные отношения, эффективность производства, проблемы распределения и другие.

В первые послереволюционные годы констатируется в книге, «считалось общепризнанным, что политическая экономия должна ограничиваться изучением капиталистического способа производства». Такое «узкое» представление о предмете политической экономии было ошибочным. Авторы исследуют вопрос о причинах отрицательного отношения к разработке политической экономии социализма в советской экономической науке 20-х годов. В монографии отмечается, что «узкое» представление появилось под влиянием идей некоторых теоретиков довоенного Второго Интернационала (Р. Люксембург, Р. Гильфердинг), а также неокантианского деления наук на теоретические (номотетические), описательные (идеографические) и практические (нормативные). Думается, определенную роль в формировании такого рода взглядов сыграли также выступления А. Богданова и его единомышленников, которые утверждали,

будто существуют «вечные, железные», неизменные экономические законы, обязательные как для капитализма, так и для социализма.

В монографии отчетливо показано, что решающее значение для преодоления ошибочной ограничительной концепции политической экономии имело опубликование в 1929 году критических замечаний Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». Одновременно серьезное исследование процесса формирования политической экономии социализма раскрывает несостоятельность взглядов тех авторов, которые склонны рисовать в сплошных темных тонах развитие советской экономической мысли в 20-е годы и в сплошных розовых — ее развитие в следующее десятилетие.

Дело обстоит значительно сложнее. «В 20-е и в начале 30-х годов различным аспектам проблемы предмета политэкономии было посвящено немало дискуссий», — напоминают авторы и отмечают, что, хотя не все эти дискуссии были одинаково плодотворными, в целом они сыграли положительную роль. В другом месте авторы пишут: «В развитии экономической теории социализма... можно проследить несколько этапов. Основа для этого развития создается в 20-е годы». Опровергая утверждение буржуазного критика о «незрелости» советской экономической науки, они констатируют, что, «несмотря на всю сложность социально-экономической обстановки переходного периода, он был плодотворен для развития экономической мысли. Советские экономисты-марксисты, опираясь на научную методологию, не только отстаивали чистоту марксистско-ленинской экономической теории, но и внесли свой достойный вклад в становление ее нового раздела — политической экономии социализма». Справедливо полагая, что развитие теории хозяйственного расчета является важнейшей составной частью становления политической экономии социализма, авторы пишут: «Связь хозяйственного расчета с рынком, рыночными методами хозяйствования в начальный период нэпа была очевидной. На этой основе уже тогда была высказана мысль о связи хозяйственного расчета с законом стоимости».

В то же время нельзя не согласиться и с таким замечанием: «В истории советской политической экономии были периоды, когда под предлогом борьбы со схоластикой и сближения науки с практикой социалисти-

ческого строительства значение изучения методологических вопросов принижалось. Но как раз в такие именно периоды политическая экономия в наибольшей степени отставала от требований жизни». Далее отмечается: «Довольно широкое распространение в экономической науке 30-х годов получил субъективизм», «Субъективизм в экономической науке 30-х годов проявился в трактовке... важнейших теоретических проблем», «На протяжении всех 30-х годов в советской экономической науке речь шла лишь о «товарных формах», из которых выхолащивалось их специфическое стоимостное экономическое содержание», «Категория рынка и его конъюнктура не признавались вообще. Экономисты избегали даже употребить термин «рынок» как нечто, порочащее социализм. Отрицалась и проблема реализации общественного продукта при социализме». Вместе с тем в 30-е годы были разработаны и осуществлены планы первых пятилеток, явившихся неоценимым вкладом в теорию и практику социалистического строительства.

Важное принципиальное значение имеет четкое утверждение о том, что политическая экономия социализма как наука в отличие от политической экономии капитализма ставит во главу угла всемерную разработку путей повышения эффективности общественного производства. К сожалению, до сих пор еще не изжито полностью мнение, что проблемы эффективности производства относятся к сфере экономической политики, а политическую экономию якобы нельзя «перегружать» практическими вопросами такого рода. Подобный подход мешает укреплению связи политической экономии социализма с хозяйственной практикой, снижает действенность экономической теории. Поэтому внесение ясности в этот вопрос нельзя не приветствовать.

«Было бы неправильно полагать, — пишут авторы, — что только теперь в теории и на практике решается задача повышения эффективности общественного производства и что раньше, особенно в довоенные годы, экономические обоснования подменялись волевыми административными методами. В действительности на всех этапах социалистического строительства в нашей стране вопросам повышения эффективности производства уделялось первостепенное внимание». Разбор различных представлений о критериях эффективности производства резюмируется следующим образом: «Наи-

более убедительным является мнение тех экономистов, которые под критерием эффективности социалистического производства понимают рост производительности общественного труда». Иными словами, повышение эффективности производства означает повышение производительности труда, в чем Ленин видел самое важное, самое главное для победы нового общественного строя.

В монографии решительно отвергаются негативное отношение и упрощенный подход к проблемам товарного производства при социализме. «Пожалуй, — говорится во введении, — ничто не доставляло столько трудностей, а подчас и серьезных огорчений советским экономистам, как проблема товарно-денежных отношений... Но независимо от того, признавались или отрицались те или иные категории и законы товарного производства, в реальной жизни они прокладывали себе дорогу и невольно в конечном счете становились объектом научного исследования». Отмечая, что анализ и освещение категорий товарного производства и своеобразного механизма действия его законов при социализме занимали по своим масштабам первое место в нашей экономической литературе, авторы утверждают, что от степени и глубины разработки этих проблем зависел научный уровень политической экономии социализма.

В главе о товарно-денежных отношениях и законе стоимости сделана попытка обрисовать развитие взглядов советских экономистов на проблемы товарного производства при социализме в неразрывной связи с процессом совершенствования методов социалистического хозяйствования, убедительно показано значение экономической реформы для распространения научного подхода к оценке роли товарно-денежных отношений и закона стоимости в социалистической экономике. Вместе с тем отмечается, что «одним из непреходящих условий успеха реформы является окончательное преодоление отживших свой век догм и заблуждений, подозрительного отношения к закону стоимости как к чему-то чуждому природе социалистического способа производства».

Однако эти догмы и заблуждения отличаются большой живучестью, и некоторые экономисты продолжают настаивать на них, несмотря на то, что они отвергнуты практическим опытом. Другие же предпочитают «усесться между двумя стульями», воз-

ражая как сторонникам устаревших взглядов, отрицающим товарное производство и закон стоимости, так и поборникам трезвого подхода к оценке товарного производства при социализме. Тем важнее ясная позиция в этих вопросах, изложенная в рецензируемой работе.

Социалистическое производство, утверждают авторы монографии, развивается планомерно, но плановые решения обосновываются при помощи стоимостных расчетов и проверяются рынком. Отсюда следует вывод, что «план и рынок — непосредственно общественный и товарный характер производства — не антиподы, они не исключают друг друга». При социализме товары суть носители социалистических производственных отношений. «Утверждать противоположное — это значит закрывать глаза на очевидные факты или рассматривать социалистическую экономику сквозь призму буржуазных производственных отношений». Отмечая, что планомерность и товарность не антиподы, ибо антиподом планомерности является стихийность, авторы пишут: «Планомерность — всеобщий тип связи в социалистическом хозяйстве, товарность — всеобщая форма этой связи». Отрицание товарного характера социалистического производства, недооценка и даже отрицание действия закона стоимости закрывают путь к пониманию принципов и задач хозяйственной реформы.

Признание товарного характера социалистического производства требует отказа от некоторых устаревших взглядов, все еще бытующих в экономической литературе. К их числу относится утверждение, что «капитализм будто бы представляет собой высшую форму товарного производства», далее — «будто сфера действия товарного производства и закона стоимости при социализме ограничена и что закон стоимости

якобы не участвует в регулировании развития социалистического производства». В противовес таким ошибочным взглядам в монографии дается реалистическая оценка роли закона стоимости: «Закон стоимости представляет собой неотъемлемую часть системы законов социалистического хозяйства, и потому действует он не стихийно, а планомерно. По этой причине не правы авторы, противопоставляющие закон стоимости закону планомерного развития народного хозяйства и другим экономическим законам социализма».

Признание товарного характера социалистического хозяйства служит предпосылкой к правильному пониманию важнейших проблем политической экономии социализма. Это относится прежде всего к хозрасчету. При рассмотрении хозрасчета надо видеть его связь с «социалистическим товарным производством». Развитие теории хозрасчета «есть не что иное, как противоречивый процесс познания хозрасчета и комплекса взаимосвязанных с ним экономических категорий, таких, как стоимость, цена, прибыль, рынок, план, предприятие, управление, интерес и т. д.».

История политической экономии социализма — наука новая, молодая. Успешная разработка ее проблем, призванная содействовать глубокому познанию экономических законов и категорий социализма, требует серьезного, добросовестного труда ученых. Внимательное знакомство с рецензируемой монографией показывает, что ее авторы понимают сложность и масштабность задач, стоящих перед этой наукой. Именно такой подход и обеспечил успех коллективного труда ленинградских экономистов.

Л. ЛЕОНТЬЕВ,
член-корреспондент АН СССР.

ЗОДЧЕСТВО СТРАНЫ СУОМИ

А. Иконников. Новая архитектура Финляндии. М. Стройиздат. 1972. 143 стр.

Во многих трудах по теории архитектуры высказывается мнение, что в наш век происходит «растворение» национальных школ зодчества в среднем уровне международного стандарта. Именно по этой причине идеологи функционализма еще в 30-е годы определяли это направление как «интернациональный стиль».

И хотя конформистские тенденции в современной архитектуре действительно очень сильны, развитие ярких национальных школ делает сомнительной всеобщность такого вывода.

Вспомним успехи современной архитектуры Японии. А совершенно неповторимое бразильское зодчество, расцвеченное щед-

рым талантом Оскара Пиймйера. И наконец, самобытная финская архитектура, чей международный авторитет чрезвычайно высок.

Успехи нашего северного соседа тем более удивительны, что урбанизация страны Суоми началась значительно позднее других европейских государств — лишь в конце 60-х годов XIX столетия.

Что же делает финскую архитектуру такой притягательной? В чем ее своеобразие? На эти и многие другие вопросы отвечает интересное исследование А. Иконникова, в основу которого положены непосредственные наблюдения автора и материалы, собранные им во время посещений Финляндии.

Изложение основных проблем финской архитектуры и градостроительства предваряет обстоятельный анализ истоков и традиций современного зодчества этой страны.

Рассматривая общие тенденции развития культуры нации от средневековья до начала нашего столетия, автор отмечает выдающуюся роль в истории финского зодчества архитекторов Г. Гезеллиуса, А. Линдгрена и особенно Элиела Сааринена, ставшего впоследствии, после эмиграции из Финляндии, одним из ведущих мастеров США.

«Как известно миру, — цитирует автор архитектора Кирмо Миккола, — наиболее важное в финской архитектуре в каждый период ее развития — некоторые выдающиеся личности с их исключительными произведениями — церквями, административными зданиями, особняками — и образ нации, живущей в мистическом единстве с природой...»

Это взаимодействие природы и архитектуры, как и виртуозное использование дерева и таких нетрадиционных материалов, как медь, керамика, создают то очарование, которое, по признанию Кирмо Миккола, ослепляет наблюдателей, скрывает недостатки планировки.

В книге рассмотрены основные проблемы расселения и градостроительства современной Финляндии, обусловленные сложившейся диспропорцией в развитии отдельных экономических районов страны и неравномерным ростом населения в этих районах.

Едва ли не самых значительных успехов в градостроении финские архитекторы достигли при комплексной застройке западных пригородов Хельсинки — Отаниеми и Тапиолы. По замыслу авторов, в последней предполагалось установить «социальное

равновесие» путем смешанного расселения различных общественных групп. «Равновесие», естественно, не установилось из-за высокой стоимости жилья в городе-саде.

Интересен реализованный при застройке Тапиолы принцип зонирования. Каждый микрорайон представляет собой замкнутый комплекс. Дома в пределах этого комплекса формируются в небольшие группы, создаваемые одним архитектором, что предопределяет разнообразие форм застройки при стилевом единстве частей.

В отдельную зону собраны предприятия легкой промышленности, не создающие вредностей.

Наиболее интересная часть монографии — главы, которые посвящены творческим направлениям в архитектуре, состоянию жилищного строительства и развитию типов общественных и промышленных зданий.

Приведа обзор основных тенденций в развитии архитектуры после второй мировой войны, автор подробно анализирует творчество ведущего мастера страны Алвара Аалто. Этот зодчий провозгласил своей целью создание гуманистической архитектуры, позволяющей восстановить связь между природой и человеком. Он считает, что «настоящая архитектура — только та, для которой человек стоит в центре внимания. С его трагедией и комедией — вместе». Авторитет Аалто, его репутация большого художника определили влияние зодчего на архитекторов Западной Европы.

Столь же обстоятельно дан в книге разбор творчества В. Ревелла, супругов К. и Х. Сирен, Р. Пиетиля, А. Руусувуори.

Природно-топографические и демографические особенности Финляндии, предопределившие основу метода финского зодчества, не могли не сказаться прежде всего на архитектуре жилищ. Она более последовательно реалистична, чем архитектура зданий любых других типов.

Для творчества всех архитекторов страны, занимающихся жилыми зданиями, характерно стремление обеспечить гибкость планировочных схем. Очень своеобразны идеи организации квартир в многосекционных домах. Композиционная связь жилья с ландшафтом, экономическая целесообразность — это те общие цели, которые объединяют мастеров различных творческих направлений.

Столь значительному многообразию форм в архитектуре финского жилища способствовало также еще одно обстоятельство.

Индустриальное домостроение развивается здесь очень медленно. Правда, уже сейчас, отмечает автор, его влияние «некоторые архитекторы стремятся претворить в специфические формы и приемы композиции, органически ввести его в систему, охватывающую все стороны архитектуры».

Своеобразен подход финских архитекторов к проектированию школьных построек. Здесь их путь отмечен многими интересными находками. Не может не заинтересовать тип зальной школы, в котором отражен принцип компактной организации помещений вокруг внутреннего пространственного ядра.

Оригинальны объемно-планировочные решения зданий высших учебных заведений. Здесь прежде всего следует отметить комплекс Политехнического института в Отаниemi, созданный Аалто, университеты в Турку и Тампере.

Вызывают восхищение концертный зал и музей Сибелиуса в Турку. Очень оригинальное решение памятника этому композитору в одном из парков Хельсинки.

Завершается исследование кратким обзором достижений промышленной архитектуры Финляндии.

А. Иконников обнаруживает глубокое знание исследуемого материала. Издание богато иллюстрировано. Большинство фотографий выполнено самим автором. Достоин похвалы полиграфическое оформление книги.

Недостатки? Может быть, некоторая фрагментарность изложения проблемы ансамбля в современном финском зодчестве. Да еще вопросов градостроительства. Впрочем, последнее является отражением избыточности градостроительных концепций даже ведущих финских мастеров. И об этом хорошо сказано в книге.

...Когда Элиел Сааринен в 1914 году построил центральный вокзал в Хельсинки, Европа впервые обратила внимание на архитектуру маленькой страны с очень скупой и неприветливой природой.

Если вести отсчет с этого вокзала, зодчество страны Суоми проделало очень большой путь, на котором было много интересных обретений. Книга А. Иконникова дает достаточно полное представление об этом.

И. ДРЕЙЦЕР.

Кемерово.

КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М. «Искусство», 1972. 318 стр.

Еще сравнительно недавно унаследованная нами старинная европейская культура как бы делилась на два разряда — живую и мертвую. В сущности, только ценности античного мира и Ренессанса не считались устаревшими. Культура других эпох — например, средневековья — зачислялась по музейному ведомству, воспринималась как экспонат, любопытный своей древностью и экзотичностью, но мертвый, оставляющий равнодушным современного потребителя искусства (даже более или менее квалифицированного) и интересный только для специалистов.

В последние десятилетия это пренебрежение оказалось поколебленным. Возьмем для примера древнюю Русь. Прежде всего произошло открытие живописи: ею не только восхищаются — ей подражают. Затем «заговорила» средневековая литература. Широкий читатель, раньше знавший одну

«Слово о полку Игореве», смог оценить гениальную прозу Аввакума, словесное изящество агиографии, сатиру и новеллу XVII века, высокую силлабику и раешную поэзию с ее изощренной рифмовой техникой. На наших глазах происходит воскрешение древнерусской музыки.

Эта переоценка вполне закономерна, ибо теперь мы знаем, что развитие искусства — не только история достижений, но и история утрат. У искусства другая судьба, нежели у техники. В искусстве умирает только бездарное; талантливое живет вечно. «Между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии составались и каждый день заменяются другими, — писал Пушкин, — произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны. Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно — виноват

то уж, верно, дарование стихотворца, а не век, ушедший от него вперед».

Воскрешение старинной культуры — результат интенсивного развития наук гуманитарного цикла. В свою очередь, такое воскрешение ставит перед гуманитариями новые и очень нелегкие задачи: если прежде они сосредоточивались на фиксации повторяющихся явлений, на поисках общих, «надвременных» законов эволюции культуры, то теперь насущно необходимо познание специфики ушедших в прошлое феноменов и эпох. Причем дело не в «местном колорите», который некогда так занимал романтиков, не в реставрации кулис исторической драмы. Речь идет о сложном явлении — о «модели мира» той или иной эпохи. В этом плане весьма поучительна книга А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры», в которой предложено исследование средневековья как имманентной системы, сделана попытка «вскрыть его собственную внутреннюю структуру, остерегаясь навязывать ему наши, современные оценки».

Средневековую «модель мира» А. Я. Гуревич конструирует из нескольких универсальных компонентов, относящихся к космической и социальной сферам. С одной стороны, это категории времени и пространства, а с другой — право, богатство, труд и собственность. Объединение разноплановых категорий в данном случае оправдано, более того — оно необходимо: коль скоро существует специфически средневековая «модель мира», то «стиль эпохи» должен в той или иной мере сказаться в различных и, казалось бы, автономных областях духовной и социальной жизни. Здесь уместно сделать одну существенную оговорку.

А. Я. Гуревич, как кажется, склонен отождествлять понятия «мышление» и «мировоззрение». Во всяком случае, он употребляет эти термины в одном синонимическом ряду без оговорок. С этим трудно согласиться хотя бы по той причине, что мышление — это категория логическая, а мировоззрение — идеологическая. Если бы у средневекового европейца было какое-то особое мышление, тогда его духовная жизнь осталась бы для нас книгой за семью печатями. Но мы отважно стараемся понять культуру давно прошедших времен — и делаем это не без успеха, о чем свидетельствует та же рецензируемая работа.

В науке средних веков одним из автори-

тетов был Аристотель — и до сей поры мы пользуемся логическими законами, которые он сформулировал. Конечно, средневековые авторы руководствовались не столько «Аналитиками», сколько «Риторикой» Аристотеля, не отделяя строго логического силлогизма от риторического. Однако общие принципы построения умозаключений и доказательств были одинаковыми и в ту далекую эпоху и сейчас. Изменилась аксиоматика: для средневекового автора, например, посылкой силлогизма была любая цитата из Писания, из отцов и учителей церкви, в истинность которой он свято верил. Аксиоматика — это и есть мировоззрение, ибо «модель мира» образуется из набора аксиом.

Как же выглядит средневековая «модель мира» в изложении автора? Разумеется, пересказать его увлекательную книгу в короткой рецензии нельзя, да и нужды нет — читатель сам может ее оценить. Я останавливаюсь только на некоторых принципиальных моментах.

У средневековых людей была безмятежная уверенность в том, что они обладают истиной. Считая бога производящей силой и целью земного существования, они выстроили на этой фундаментальной аксиоме всеобъемлющую систему. Каждый элемент мироздания — небесная сфера и светила, стихии и человек, живая и неживая природа — имел, помимо видимой оболочки, умопостигаемый духовный смысл, находился в незримой связи с миром высших существ. Все, вместе взятое, обнимала мысль о торжестве провидения, о благоустроенности миропорядка, в котором всякая частность — лишь кирпичик строго рассчитанного здания, лишь отпечаток вечной идеи.

Человек, живое подобие творца, вселенной, воспринимался как «малый мир», как аналогия космоса, и телесная оболочка его души приравнивалась к стихиям и элементам. Голова человека подобна небу, господствующему над водами и твердью; легкие — воздуху, который поддерживает птиц и облака, извергает дождь и снег; печень — это реки, моря и океан; кости и мышцы — камни и земля. Этот универсализм, эта вселенская гармония — одно из наиболее характерных качеств средневековой культуры, и отнюдь не случайно в то время круг считался символом совершенства.

Гармоничный мир незыблем и потому в принципе неподвижен. Земная жизнь чело-

века — лишь короткий эпизод, предшествующий жизни вечной. В одной из популярных в средние века притч рассказано о человеке, который спасался на дереве от беснующегося единорога и огнедышащего змия. Осмотревшись, он увидел двух мышей, белую и черную, которые без устали грызли корни дерева. Эта картина толкуется так: дерево есть жизнь человека, его недолгий путь, обрываемый косой смерти, а белая и черная мыши — череда дней и ночей, немолчаливое и быстротекущее время. Если земное существование — бледная тень вечности, сон и наваждение, если оно иллюзорно, то перемены и преобразования нельзя считать чем-то желанным, полезным и благодетельным. Новое — только повторение старого. «Бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое». Но это было уже в веках, бывших прежде нас». Эти знаменитые слова из Екклесиаста можно считать девизом, который очень точно отображает консерватизм средневековой культуры.

Хотя жизнь человека и не обладала абсолютной, самодовлеющей ценностью, но от его поведения на земле, определяемого свободной волей, зависело то, какова будет его вечная жизнь. Поэтому красноречие и агиография, история и поэзия, живопись и архитектура были буквально перенасыщены назидательностью, имели целью не только (и не столько) эстетическое переживание, сколько заботу о духовном здоровье человека. Дидактизм, слиянность эстетического и эстетического начал — также определяющая черта средневековья.

О чем бы ни повествовал средневековый автор — о государе или подвижнике, о нашествии иноплемеников, о ратном подвиге или постройке храма, о солнечном затмении, неурочном половодье или бедствиях народа во время моровой язвы, — он всегда стремился подчеркнуть сакральную сущность отдельных событий. Иначе говоря, он писал о смысле человеческой жизни. Эта общая для изобразительного и словесного творчества тема, эта постоянная точка, с которой наблюдатель обзирал историческое бытие бранных людей, придавала средневековому искусству в целом величавость и соразмерную торжественность, превращала его в единый ансамбль. Ощущение монументального величия — это, быть может, самое сильное ощущение из тех, которые охватывают человека XX столетия при созерцании средневековых памятников. И не одно обаяние старины в нем

повинно: самые основы средневековой культуры его предопределяют. Ибо «прекрасное должно быть величаво», как сказал Пушкин.

Окончив этим вольный пересказ некоторых положений рецензируемой книги, я позволю себе сделать несколько второстепенных критических примечаний.

Когда исследователь составляет семантический инвентарь того или иного культурного среза, то мы, конечно, не можем требовать от него исчерпывающего перечня характерных для этого поля категорий. Однако мы вправе ожидать, что в предложенном нам «наборе» представлены действительно адекватные определенной культурной эпохе доминанты. Между тем глава «Средневековые представления о богатстве и труде» вызывает сомнения именно в этом плане. Я вовсе не собираюсь утверждать, что в отношении средневековых людей к собственности, взятом в некой идеальной форме, не было ничего своеобразного. В средние века, например, не только ростовщичество, но и торговля считались постыдным занятием. Купцов-горожан принято было презирать, и не случайно писали, что основатель первого города на земле — Каин. Эта особенность общественного настроения объясняет, почему феодалам так легко было не платить долги: никто не сочувствовал заимодавцам. Однако достаточно ли специфических отличий такого рода для того, чтобы воззрения на богатство и труд непременно вводить в средневековую «модель мира»? Мне кажется, что тот материал, который приведен в книге, все-таки не позволяет ответить на этот вопрос утвердительно.

Античное общество, пишет А. Я. Гуревич, не признавало высокого достоинства физического труда, ставя превыше всего благородную праздность. В средние века, напротив, восторжествовал постулат христианства «не трудящийся да не ест» и труд был объявлен нравственной заслугой. Что касается античности, то такая ее характеристика слишком суммарна. Вот что говорит по этому поводу Ф. Х. Кессиди в книге «От мифа к логосу» (М. 1972): «Распространенное мнение о «презрении к труду» со стороны свободных граждан греческих полисов (по крайней мере если говорить о периоде классики) не выдерживает критики. И на заре греческой культуры, и в период ее расцвета не труд, а безделье считалось позорным». Здесь же приводится

иллюстративный материал: из «панегириста труда» Гесиода, из Гомера — у него цари пашут и пасут стада, а жены их ткут, — из законов Солона, который, по словам Плутарха, «вменил в обязанность Ареопагу наблюдать, на какие средства живет каждый гражданин, и наказывать праздных». Христианство родилось не в средние века. Лозунгу «не трудящийся да не ест» удалось завоевать античный мир не в последнюю очередь потому, что в этом мире существовала плюралистская, противоречивая концепция труда.

Противоречивый плюрализм присущ и средневековой идеологии. В саду Эдемском первый человек не заботился о хлебе насущном, добывать пищу в поте лица своего ему пришлось после грехопадения. Значит, труд — проклятье, кара господня. Христос никогда не трудился. «Будьте как птицы небесные, — учил он. — Они не сеют, не жнут, не собирают в житницу». С другой стороны, труд необходим и благословен, он обуздывает плоть и служит порукой нравственного совершенства.

Именно поэтому средневековье принято называть цивилизацией труда. А. Я. Гуревич показывает, что этой эпохе введомы поэтизация труда, что она выработала также своеобразную «теологию труда»: творец вселенной — первый работник, «архитектор мира», «В Ланском соборе бог изображен в образе работника: он считает на пальцах дни, необходимые для творения, отдыхая от проделанной работы». Нельзя ли в таком случае самый плюрализм в отношении к труду считать доминантой средневековой культуры? Как мне кажется, нельзя. Дело в том, что плюрализм характерен не только для средних веков — он характерен и для античности и для нового времени. Это и не позволяет занести его в разряд средневековых «категорий».

Аналогичные мысли вызывает раздел о богатстве. Здесь, впрочем, мне хотелось бы обратить внимание на иной момент, касающийся методики исследования. В имманентном изучении любой культурной системы не обойтись без сравнительного материала, ибо специфика познается в сопоставлении с другими системами. Обычно средневековье противопоставляют античности. Автор вполне обоснованно указывает на другую точку отсчета — на северо-европейское варварство, которое он знает глубоко и досконально. Как раз

глава о богатстве демонстрирует, насколько плодотворно обращение к варварству. «Богатство, полученное от войны, — пишет А. Я. Гуревич, — приобретало значение социального отличия. В варварском обществе оно было не средством товарного обмена и не источником накопления, не столько пушкатель в оборот, сколько выполняло важную знаковую функцию». Эту концепцию в общих чертах перенял и рыцарство: сеньор, подобно конунгу и ярлу, считал, что «богатство — знак, свидетельствующий о доблести, щедрости, широте натуры... Высший момент наслаждения богатством — его расточение в присутствии максимального числа людей, участвующих в его поглощении, получающих долю от щедрот сеньора».

При всем том очевидно, что провести четкую границу между варварством и средневековьем очень трудно. Столь же трудно отделить средние века от античной эпохи. Только переход от язычества к христианству очерчивается выпукло и отчетливо. Всегда существует опасность объявить оригинальной идеей какую-нибудь унаследованную аксиому. Чтобы избежать этой опасности, было бы полезно опираться не только на предшествующие, но и на последующие системы — в данном случае на Ренессанс, который сознательно порывал со средневековым мирозерцанием. Автор рецензируемого труда не стал поверять свою концепцию Ренессансом. Я далек от того, чтобы вменить ему это в вину: любую работу должно оценивать по тому, что в ней сделано (сделал же он много), а не по тому, что могло быть сделано. Однако я думаю, что такая проверка устранила бы некоторые сомнения.

Наконец последнее замечание. Автор с оговорками, но, в сущности, равноправно пользуется и сочинениями утилитарного профиля и памятниками словесного искусства. Разумеется, средневековая универсальность затрудняет выделение «художественной прозы» из общего массива письменности, и все-таки учитывать специфику искусства необходимо. Пренебрежение этой спецификой приводило не раз к ошибкам.

Всякая серьезная работа может быть подвергнута критике. Книга А. Я. Гуревича — именно серьезный, глубокий и оригинальный труд, значение которого выходит за академические рамки. Это не только хорошее чтение, но и чтение поучительное, заставляющее размышлять. «Историческое познание всегда так или иначе представ-

ляет собой самосознание, — пишет автор. — Изучая историю другой эпохи, люди не могут не сопоставлять ее со своим временем. Не в этом ли в конечном счете и заключается смысл истории культуры?» Все науки гуманитарного цикла оплодотворяют-

ся идеей самопознания. Книга «Категории средневековой культуры» — еще один шаг на этом пути.

А. ПАНЧЕНКО,

доктор филологических наук.

В ОСНОВЕ — РАСИЗМ

Сионизм: теория и практика. М. Политиздат. 1973. 240 стр.

«Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримо-враждебные лозунга...»

В. И. Ленин.

Реакционная пропаганда на Западе неизменно встречает в штыки каждую книгу, разоблачающую сионизм как идеологию, как разветвленную систему организаций и политическую практику крупной еврейской буржуазии, сросшейся с монополистическими кругами империалистических держав. На автора, издательство, а заодно и на всю советскую публицистику обрушиваются обвинения в «антисемитизме», в «клевете на беззащитный Израиль», в «подтасовке фактов»...

Подтасовкой и клеветой занимается именно западная пропаганда, злонамеренно и противоправно отождествляя такие абсолютно разные понятия, как «антисионизм» и «антисемитизм». Реакционные газетчики пытались (как, впрочем, пытаются и поныне) внушить своей читательской аудитории, будто каждый еврей — это сионист и потому выступать против сионистов значит выступать против евреев вообще.

Дешевый и подленький трюк этот используется сионистской пропагандой тем чаще, чем меньше у нее других «аргументов». Ведь не случайно злобной свистопляской сопровождался выход в Советском Союзе таких книг, как «Осторожно: сионизм!» Ю. Иванова, «Государство Израиль» Г. Никитиной, «Сионизм на службе антикоммунизма» В. Большакова, «Преступная политика сионизма и международное право» Л. Моджорян и другие.

В 1973 году в Политиздате была подготовлена и напечатана монография «Сионизм: теория и практика», в работе над которой принял участие большой авторский коллектив (20 человек) под руководством академика И. И. Минца. В основу своей работы авторы положили следующее соображение:

«На переднем крае современной идеологической борьбы в качестве одного из ударных отрядов империалистической реакции выступает международный сионизм. Разоблачение его социальной сущности, определение роли и места в классовых сражениях наших дней стали настоятельной необходимостью».

Именно этой настоятельной необходимостью отвечает рецензируемая книга. Авторы ее показывают, что сионизм является одной из разновидностей буржуазного национализма, направленных на раскол международного рабочего движения и подрыв растущей национально-освободительной борьбы народов. «С момента своего появления на международной арене и до наших дней, — говорится в книге, — сионизм остается верен своей основной программной линии — борьбе против пролетарской революции и ее ведущей силы — коммунистов, против идей международной солидарности трудящихся. Таково классовое основание всей деятельности сионистов — от поисков местоположения «еврейского национального очага» до подрывной деятельности против национально-освободительных революций и участия в борьбе против социализма».

До поры до времени сионизм прикрывал свою истинную целенаправленность разглагольствованиями о поисках «убежища для евреев». Первый конгресс сионистов, состоявшийся в 1897 году в швейцарском городе Базеле, провозгласил главной целью Всемирной сионистской организации (ВСО) создание для евреев «правоохранного убежища в Палестине». Эта манера выставить себя «защитниками интересов евреев» сохранилась у сионистов по сей день вме-

сте с манерой говорить о «надклассовости» и «общности» этих интересов, как будто у еврейского банкира и еврея-труженика могут быть общие интересы! Эта насквозь фальшивая теория преследует цель отделить трудящихся евреев от тружеников других национальностей. Евреи, дескать, независимо от их классовой принадлежности должны стремиться только к одному — созданию еврейского очага у горы Сион.

Но вот что любопытно: когда в 1948 году в соответствии с решением Организации Объединенных Наций было провозглашено государство Израиль, первый же премьер этого государства, один из апостолов современного сионизма, Бен-Гурион заявил: Израиль — «не самоцель, а лишь средство к цели. Цель же — это сионизм».

Итак, захватив господствующие позиции в государстве Израиль, сионисты откровенно признали, что болтовня о «еврейском национальном очаге» понадобилась им лишь для того, чтобы заполучить плацдарм для осуществления более широких целей. Какие это цели, стало очевидным уже в первые же годы существования Израиля. На следующий день после провозглашения государства Израиль началась первая арабо-израильская война, в результате которой сионисты произвели огромные захваты арабских земель по сравнению с той территорией, которая отводилась Израилю решением ООН. Собственно, тогда и возникла проблема палестинских беженцев (число их в результате последующих агрессивных действий Тель-Авива достигло, по данным ООН, полутора миллионов человек), которая ныне является одной из сложнейших проблем международной жизни.

Израиль стал аванпостом империализма в чрезвычайно важном стратегическом районе земного шара — районе Ближнего Востока. Империализм использовал и использует это государство как орудие в борьбе против активно нарастающего после второй мировой войны национально-освободительного движения арабских народов. Стратегические и экономические (Ближний Восток, как известно, богатейший нефтеносный район) интересы империализма совпадают здесь с экспансионистскими планами лидеров сионизма по созданию «великого Израиля». «Шестидневная война» 1967 года как раз и была яркой демонстрацией такого совпадения интересов. Агрессоры и их империалистические хозяева надеялись, что

израильский «блицкриг» приведет к падению прогрессивных режимов в ряде арабских стран, к разрыву связей этих режимов с социалистическим содружеством.

Однако эти надежды провалились. «Союз сионизма с империализмом, — говорится в монографии, — временно помог Израилю осуществить захватнические планы на Ближнем Востоке. Совершенно очевидно, однако, что временный успех, которого добилась израильская военщина в результате вероломного нападения на арабов, не может задержать процесс прогрессивного развития на Ближнем Востоке». Справедливость этого вывода особенно ясна теперь, после четвертой арабо-израильской войны (октябрь 1973 года), когда был нанесен сокрушительный удар по расистскому мифу о «вечном превосходстве» Израиля над арабами.

Особое внимание авторы рецензируемой книги уделяют антисоветской и антикоммунистической функции сионизма. Как отмечается в документах XVI съезда компартии Израиля, «сионизм служит одним из орудий империализма в его глобальной борьбе и подрывной политической и идеологической работе против СССР и всей мировой социалистической системы».

Авторы приводят неизвестные и малоизвестные материалы об антисоветской деятельности сионистов с самого рождения первого в истории социалистического государства рабочих и крестьян. Как признавал сионистский деятель Пасманик, «когда большевики захватили власть в России, представители всех еврейских партий, включая сионистов и бундовцев, выступили открыто и решительно против т. н. коммунистов».

«Сионистские организации капиталистических государств, — говорится в книге, — вели активную борьбу против Советской страны. Национальный исполком «Еврейского социалистического союза» США, направлявший деятельность сионистского подполья в СССР, создал специальный фонд для субсидирования и поддержки антисоветских групп. Сионисты искали опору среди разбитых антилиенинских фракционных групп, среди троцкистских оппозиционеров. В 1927 году сионистская газета «Тайит» обратилась к Троцкому, называя его «нашим братом», призывала к единству действий».

Решение национального вопроса в Советском Союзе на основе марксистско-ленинских принципов вызвало особое озлобле-

ние сионистов. И это понятно: ведь доктрина сионизма, базирующаяся на расистской теории «богоизбранности евреев», в корне враждебна принципу равноправия наций и, следовательно, борьбе за такое равноправие. «Подобно всем антикоммунистическим организациям, — подчеркивают авторы монографии, — сионисты используют различные формы внедрения своей агентуры в коммунистическое и рабочее движение, пытаются подменить интернационализм национализмом, посеять сорняки ревизионизма и под лозунгами «обновления» марксизма выхолостить его революционную классовую сущность». Во что выливается эта деятельность практически, можно судить по событиям 1968 года в Чехословакии, в которых сионистская агентура сыграла далеко не последнюю роль.

В нынешней обстановке, когда в результате осуществления великой Программы мира, провозглашенной XXIV съездом КПСС, происходят мощные процессы разрядки международной напряженности, сионизм оказался в числе самых злобных, самых реакционных сил. Сионисты требуют немедленного прекращения всех переговоров, которые Запад ведет с Советским Союзом в области торговли, разоружения, космических исследований. Сионисты призывают наложить эмбарго на всю торговлю с Советским Союзом и объявить бойкот всем фирмам, ведущим дела с СССР, а также прекратить какой бы то ни было культурный и спортивный обмен с Советским Союзом. Представители сионистского руководства Израиля неизменно выступают в ООН против предложений Советского Союза по разоружению, отказываются подписать договоры о нераспространении ядерного оружия.

Авторы монографии с помощью неопровержимых фактов и документов доказывают политическое и социальное сходство и даже родство сионизма и фашизма — двух крайних проявлений империалистической идеологии и политики. Одну из глав они посвящают рассмотрению расистских концепций современного сионизма и делают обоснованный вывод: «Сионистская концепция «богом избранного народа» не только совпадает с нацистской расовой теорией, но и приводит к аналогичным последствиям. Проявления расизма в том же Израиле на-

столько часты, что авторы многих сравнительных исторических исследований волей-неволей вспоминают о мрачных временах фашизма».

Много внимания уделяется в монографии борьбе международного коммунистического движения против сионизма и антисемитизма, являющихся двумя сторонами одного и того же явления — буржуазного национализма. Авторы пишут:

«В документах коммунистических партий, а также в решениях международных совещаний представителей коммунистических и рабочих партий не раз подчеркивалось, что в современных условиях, не разоблачая сионизм, нельзя успешно бороться с империализмом, со всеми враждебными силами, стоящими на пути прогресса. Коммунисты не могут, например, закрывать глаза на то, что недостаточная борьба с сионизмом привела к распространению его влияния в капиталистических странах не только на еврейское население, но и на некоторые слои интеллигенции, общественные демократические круги».

Книга «Сионизм: теория и практика» еще раз убедительно показывает, что сионизм следует рассматривать как одну из враждебных коммунизму идеологий, которая наряду с троцкизмом, маоизмом, анархизмом служит подрыву борьбы трудящихся против империализма. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, состоявшееся в Москве в 1969 году, подчеркнуло:

«Мы, коммунисты, вновь обращаемся ко всем честным людям земли с призывом объединить усилия в борьбе с человеконенавистнической идеологией и практикой расизма. Мы призываем развернуть самое широкое движение протеста... против расовой и национальной дискриминации, сионизма и антисемитизма, которые разжигаются капиталистическими реакционными силами и используются ими для политической дезориентации масс».

Книга «Сионизм: теория и практика» является важным вкладом советских ученых-интернационалистов в благородную борьбу против человеконенавистнической идеологии и политики такого опасного орудия империализма, каким является сегодня международный сионизм.

А. КУРОВ.

КОРОТКО О КНИГАХ

С. И. ГИНДИН. Поэзия В. Я. Брюсова. К 100-летию со дня рождения. М. «Знание». 1973. 64 стр.

13 декабря 1973 года исполняется сто лет со дня рождения Валерия Брюсова — «самого культурного писателя на Руси» (М. Горький). Действительно, поражает энциклопедизм знаний и разнообразие сфер деятельности и интересов Брюсова. Крупнейший русский поэт XX века, он был одновременно историком и лингвистом, математиком и стиховедом, текстологом и редактором, критиком и переводчиком, издателем и педагогом. Примечателен его жизненный и творческий путь, трудный и противоречивый, со взлетами и падениями, но с ярко выраженной направленностью. Брюсов всегда «спешил», стремился шагать в ногу с набирающим скорость временем. Последний сборник его стихов, вышедший в день похорон поэта, имеет символическое название «Меа» («Спешите»).

Современный читатель знает поэзию Брюсова лишь выборочно, в ее лучших образцах. В этом юбилейном году начинается наконец выходить в издательстве «Художественная литература» собрание сочинений Брюсова. Хорошим «введением» в брюсовский семитомник является рецензируемая книга С. Гиндина.

Работа С. Гиндина ориентирована на широкую аудиторию. Автор как бы предлагает читателю совершить путешествие в поэтический мир Брюсова. И, надо сказать, читателя ведет опытный и знающий экскурсовод. Он не позволяет заплутаться в причудливом лабиринте брюсовского мироощущения, но и не выпрямляет, не модернизирует извилистого и тернистого пути поэта. Так, казалось бы, давно привычным стало утверждение об индивидуализме Брюсова 90-х годов. С. Гиндин во многом уточняет этот тривиальный тезис и, опираясь на широкий контекст всей (в том числе полностью не опубликованной) поэзии раннего Брюсова, говорит о своеобразии этого «индивидуализма независимости». Одновременно высвечивается и другая грань брюсовского «индивидуализма» — его трагедийность. Причем преодоление этой трагедийности становится возможным, как показывает С. Гиндин, в неспешном сближении с жизнью, с людьми, обществом и, главное, в творческом труде. Отсюда же выра-

стает и «героический гуманизм» брюсовских исторических и городских стихов, романтически-противоречивое отношение к «грядущим гуннам» 1905 года.

Автор книги дает убедительный анализ брюсовской трактовки лирического характера Человека—Творца, преобразователя общества и вселенной. Именно на этой почве выросла научная поэзия Брюсова — «радость песен и наук». Новизна позиции С. Гиндина заключается здесь в том, что в отличие от своих предшественников он связывает научную поэзию Брюсова не только с проблемами биологии и физики, но и с кругом исторических проблем. Подобный синтез, освященный поэтическим прозрением, стал возможным для Брюсова после октябрьского периода, когда, при всех явных издержках стилистического экспериментаторства, он все-таки произнес свое слово и открыл новую страницу в книге советской поэзии.

В хорошей книге Гиндина, на мой взгляд, есть и некоторые упущения. Думается, С. Гиндин порой несколько односторонне характеризует так называемую антологическую лирику Брюсова. Конечно, верно, что Брюсов в отличие от Блока стремился к созданию объективированных характеров исторических героев, не растворяя историю в лирике, пусть даже высокой по трагедийному накалу и гуманистическому пафосу. Но знаменателен самый выбор персонажей — рядом с «египетским рабом» и Архимедом, ученым и гражданином, у Брюсова стоят почти на равных Александр Македонский и Наполеон, чьи исторические заслуги весьма далеки от творческого горения и труда на благо человека. Правда, С. Гиндин говорит об этом, но не вполне отчетливо выявляет сложность «романтического историзма» поэта-мыслителя. И уже совсем вскользь автор касается другого важного вопроса — отношения Брюсова к русско-японской войне и войне 1914 года.

Книга С. Гиндина заслуживает доброго слова: сложный мир творчества большого и нелегкого для восприятия поэта проанализирован в ней доходчиво и вместе с тем глубоко.

П. Руднев,

кандидат филологических наук.
Петрозаводск.

ГЕННАДИЙ НЕМЧИНОВ. Берега тихих рек. Повести и рассказы. Кишинев. «Карта молдовеняскэ». 1972. 252 стр.

Есть в России страна тихих рек, это «те двадцать пять, от силы тридцать селений, которые разместились в приволье полей и лесов от Большой Коши до Гафидова» на Тверской земле. Эту-то страну и открывает читателю Геннадий Немчинов в своей книге. Автор сердечно привязан к родному краю, к людям Обрядчины, как называют это место тверяки. Автор влюбленно живописует зиму и лето, дожди и ведро, расцветы и вечера этих мест. А главное, людские судьбы.

Экономно, одним-двумя штрихами намечая характер того или иного героя, писатель стремится охватить всю его жизнь, понять ее движение. Поначалу главки кажутся набором наблюдений, «вырванных» из жизни, но затем все они складываются в одну живую, движущуюся картину. И постепенно судьбы героев захватывают читателя. Нам уже не безразлично, как же сложится, к примеру, дальнейшая судьба доярки Кати Дьячковой, такой обаятельной, такой работающей, достойной счастья и такой невезучей в любви. Мы углубляемся в судьбу вроде бы странноватого, внешне непривлекательного секретаря сельсовета Хомякова, образ которого удачно обрисован автором. Г. Немчинову удастся добиться, как мне кажется, не только художественной, изобразительной достоверности, но и, я бы сказал, эффекта документальности. Поэтому так ранит сердце упомянутая словно мимоходом гибель первой жены Хомякова от руки фашистских палачей. «Говорили, что Настя приняла смерть легко, но все беспокоилась о чем-то. Прохорова Маня увидела ее перед самым концом, и Настя будто крикнула:

— Пусть Ваня меня разорет, передай ему, мол, сам знает, где искать...

Маня передала, когда пришло время. Иван Иванович в те дни... броды искал под Ржевом для нашей армии вместе с Иваном Варсонофьевичем Воробьевым, который тоже ходил в партизанах. А партийные билеты они отдали женам и отправили их домой.

Как рассказала Маня Прохорова про слова Насти, взял Иван Иванович лопату и пошел на братскую могилу. Билет свой нашел Иван Иванович зашитым в Настинем ватнике...»

Рассказ о партбилете естественно вплетен в повесть и внезапно освещает персонажей по-особому, живым светом.

В сборник Г. Немчинова вошла повесть, написанная на новом материале, — о жизни молдавского села («Осенняя повесть»). В Молдавии Немчинов долгие годы работал газетчиком, много ездил и видел. Теперь он обстоятельно, со знанием дела берется за освоение новой для себя земли. Повествование ведется от имени девушки-учительницы, недавней выпускницы института. Оно естественно по интонации и деталям.

Известная мысль — не берись писать, если не пережил того, о чем рассказываешь, стала банальной от постоянного употребления. Однако стертые эти слова упрямы. И в книге Немчинова они находят свое подтверждение.

Повесть «Сразу после войны», где сюжет «закручен», где интерес читателя подогревается детективными похождениями героев, скучновата и малоинтересна. Характеры здесь получились схематичными, заданными, атмосфера истинности пропала, замысел свелся к примитивной сентенции: пьянствовать плохо, ибо неминуемо попадешь в компанию темных и преступных людей.

«Берега тихих рек» — третья книжка молодого писателя. Две первые — сборники рассказов все о тех же местах, о своих земляках, живущих на берегах тихих рек той земли, откуда начинается Волга... Новый сборник Г. Немчинова свидетельствует, что перед нами прозаик, который хорошо владеет словом, умеет выразительно и экономно изображать мир своих героев. Его принцип открывать необыкновенное в обыкновенном несет в себе заряд любви к людям-труженикам, утверждения высокой поэзии будничного

Н. Савостин.

Кишинев.

АННА КАЛАНДАДЗЕ. Мравалжамьер. Стихи. Перевод с грузинского. М. «Художественная литература». 1972. 159 стр.

В книгу А. Каландадзе «Мравалжамьер» вошло лучшее из созданного грузинской поэтессой в 40-е, 50-е и 60-е годы.

Думая об особенностях дарования Каландадзе, хочется прежде всего отметить интонационное разнообразие ее поэзии. Она одинаково свободно чувствует себя и в пределах негромкой, сосредоточенной речи, плавного, размеренного течения стиховой мелодии, и в сфере обнаженно-эмоционального, раскованного стиха с его энергичной реализацией лирической идеи.

Есть у Каландадзе и стихи откровенно публицистические, выдержанные в интонации гражданской патетики («Первомайская», «Ты, моя могучая страна», «Так будь же вновь гордой, о Польша моя!»).

Но особенно ярко «пульсация сущности» поэзии Каландадзе проявляется в отношении к природе. Природа для нее «не слепок, не бездушный лик», а живое, одухотворенное существо со своей гаммой чувств и ощущений, со своими звуками и ритмами. В ее поэзии нет толкования природы в глубинном философском смысле, нет попытки проникнуть в тайное тайных ее бытия, нет, как, допустим, у Заболоцкого, жажды познания этого «огромного мира противоречий». А. Каландадзе пленяет другим — умением высечь искру поэзии из каждой крохотной ее частицы, способностью заметить и выделить живописную подробность многообразного мира. Поэтесса

тянется к живому диалогу с природой («Ветер, ты пристрой мою землянку ближе к солнцу, в скалах поднебесных», «Мне показалось, ты оробела, моя мжавела»), «всей дрозью жилот» ощущает живое, трепетное ее начало: слышит молчание месяца и хохот травы «с растрепанными волосами», чувствует, как чинара холодеет «всей кожей на рассвете», видит «движение каждого пестика» и плач снега, тающего над надгробиями. Выразительность простоты, строгий лаконизм графически четкого образного решения, изящество афористической завершенности — вот что характеризует лирические миниатюры Каландадзе, в которых есть что-то от японских танка и хокку с их замечательной смысловой емкостью.

Тень яблони
живет на красивом лугу,
Она дышит,
пугливо меняет рисунок.

В предисловии к книге Ю. Суровцев, вспоминая лучших грузинских поэтов от Гурамишвили до Леонидзе, затрагивает вопрос о национальной характерности лирики Каландадзе, о «грузинскости» ее стихов. Действительно, у А. Каландадзе есть свое, сокровенное отношение к Грузии, своя жажда «уверовать, — как писал Галактион Табидзе, — в явность отчизны». Стихи ее густо насыщены колоритными подробностями национального быта. Грузия Каландадзе предстает перед нами в первоизданном великолепии своей природы, в которое вписываются и «травы синие в рост ребенка в карталинских лугах расцвеченных», и мак, не устающий повторять на ветру: «Есть ли Грузия где вторая?» Мир образов Каландадзе гармонически объемлет и объединяет обостренное чувство современной Грузии и драматическое восприятие ее прошлого. Память сердца помнит она дорогие имена, и среди них «мужа пшавского» Важа Пшавела. Образом гениально-поэта освещена каждая строка стихов из цикла «В Пшавии». Бесспорно, что ее «манера понимать вещи» выкристаллизовалась не без влияния школы Важа.

В книге Каландадзе нет слова ради слова, нет зарифмованной пустоты, но есть чистота и непосредственность таланта, есть постоянство души и верность своему пути в поэзии.

Казбек Султанов.

Махачкала.

БЕРНГАРД РАЙХ. Вена—Берлин—Москва—Берлин. М. «Искусство». 1972. 456 стр.

На эту книгу почти не отозвалась критика. Жаль. Книга воспоминаний и раздумий советского художественного критика, искусствоведа, режиссера, члена-корреспондента Академии искусств ГДР Бернгарда Фердинандовича Райха заслуживает внима-

ния и интереса. Она книга-отчет. И притом отчет о долгой жизни, полной творческого труда и значительных встреч, написанный на склоне лет, незадолго до кончины.

Творческая жизнь Б. Райха началась еще до первой мировой войны, в Вене, где он пробовал силы в театре сначала в должности заведующего литературной частью, потом в качестве режиссера. Его увлекали пьесы социального характера — Ибсен, Гауптман, Горький. В годы войны началась для него пора идейного созревания, мировая бойня вызывала у молодого художника стихийное отрицание. Великое революционное событие—Октябрь в России—помогло переходу от стихийности к сознательности, от бунтарского радикализма к социалистическому самосознанию.

Юноша Райх едет в Берлин, становится постановщиком у крупнейшего деятеля немецкой сцены — прославленного режиссера Макса Рейнхардта. В книге мы находим яркий портрет Рейнхардта, здесь характеризуются его поиски «синтетического театра», показывается и его новаторское величие и творческая его ограниченность. Райх вспоминает об актерах Рейнхардта, о таких мастерах немецкой сцены, как Альберт Бассерман, Пауль Вегенер, особенно обстоятельно пишет он о Сандро Моисси.

В процессе своего духовного роста, своего движения к марксизму Райх ищет новые творческие связи. Он встречается с Эрвином Пискатором, создателем революционного, политического театра, сотрудничает с молодым Брехтом, тогда начинающим драматургом. Райх становится другом Брехта, он участвует в создании острой социальной пьесы «Что тот солдат, что этот». Брехт официально, на титуле пьесы называет его своим сотрудником. В книге Райха встречи с Пискатором и молодым Брехтом освещаются с большой полнотой. Оба они предстают как политические деятели, мыслители, художники, борцы. Райх показывает их в реальной обстановке, в литературной и театральной среде 20-х годов.

В 1925 году Райх навсегда переселится в Советский Союз, становится советским коммунистом и активным посредником между советской культурой и прогрессивными деятелями немецкого искусства. В своих воспоминаниях, написанных с большой искренностью, Райх не без юмора повествует о том, как нелегко и непросто протекал для него на первых порах переход из одного мира в другой — он не знал русского языка, все было для него ново начиная с быта. Но он принял решение — принял его по убеждению, воле и чувству — и уверенно вживался в новый мир. И советские люди сердечно и заботливо приняли его в свою литературу, театральную, научную среду. Райх осваивает русский язык, осваивается в новой, душевно близкой среде, много пишет для советских изданий, работает как эстетик и театровед, становится научным сотрудником Коммунистической академии, преподает в ГИТИСе. Годом позже, чем Райх, в Москву из Риги приезжает талантливая деятельни-

жа латвийского театра, художественный критик и режиссер Анна Лацис, с которой он ранее встречался в Германии, — она становится женой Райха, его спутницей на всю жизнь.

В воспоминаниях Бернгарда Райха появляются новые темы и новые имена. Рассказывается о репертуаре московских театров 20-х годов, об удивительном богатстве советских сценических исканий, находок, открытий. Возникают штриховые портреты Мейерхольда, Луначарского, Вяч. Полонского, товарищей Райха по группе «Пролетарский театр» В. Биляя-Белоцерковского, А. Афиногенова, А. Глебова. Вместе с автором, вслед за ним входим мы в раскаленную атмосферу творческих дискуссий 20-х и начала 30-х годов. На страницах книги появляются фигуры писателей-антифашистов, посещавших Москву (Киш, Толлер и другие) или живших в Москве в эмиграции (Б. Иллеш, И. Бехер и другие). О пребывании Писсатора в Советском Союзе, о его работе в МОРТЕ (Международном объединении рабочих театров) повествуется в специальной главе.

Среди литературных работ Б. Райха видное место занимает его монография «Брехт» (1960). Эта книга явилась результатом вдумчивого изучения биографии и творчества великого драматурга, многолетней дружеской близости. В воспоминаниях Райх рассказывает об этой дружбе, начавшейся в молодости и длившейся до конца жизни Брехта. Много интересного сообщает он о четырех встречах с Брехтом в Москве.

Райх не только друг и сотрудник Брехта, но и исследователь его творчества, критик и режиссер, хорошо понимавший брехтовские общезстетические принципы и его режиссерскую практику. Именно поэтому к его воспоминаниям приложены и некоторые художественно-критические очерки. В одном из них обзор советской литературы о Брехте, в другом — обзор советских постановок Брехта. Райх видел достижения нашей литературоведческой и сценической брехтианы и радостно писал о них, но он был полемическим критиком и охотно вступал в споры с критиками. Отсюда и его — нередко вполне обоснованная — полемика с театроведом К. Рудницким и филологом И. Фрадкимым. И наконец, еще один очерк, заключительный, — о своих встречах и беседах с учениками Брехта, с коллективом театра «Берлинер Ансамбль».

Интересная книга! Обильно насыщенная мыслями, фактами, воспоминаниями и впечатлениями. Б. Райх был критиком знающим и темпераментным. Инстага (это чувствуется и в последней его книге) он бывал пристрастен, предвзят в суждениях и оценках частного характера. Но некоторые его перехлесты и увлечения вполне объяснимы. Ведь Б. Райх долгие годы сражался за успехи новаторского, революционного театра. Нельзя не согласиться с автором послесловия к его книге — Ил. Граковой, которая справедливо заметила, что, читая

мемуары Б. Райха, «как бы ощущаешь неутомимый труд поколений — неутомимый труд Истории».

Ал. Дымшид.

В. Э. ВАЦУРО, М. И. ГИЛЛЕЛЬСОН.
Сквозь «умственные плотины». М. «Книга». 1972. 320 стр.

«Судьба некоторых книг бывает интереснее их самих. Но книги скрытны, они исповедуются неохотно. Чтобы заставить их говорить, нужны улики; их-то мы и будем искать», — пишут в предисловии авторы книги «Сквозь «умственные плотины».

Жесткая реакция, наступившая после восстания декабристов, озаменовалась всевозможными «умственными плотинами», воздвигнутыми правительством на пути просвещения: цензурные уставы, инструкции, постановления, всяческие ограничения, направленные против литературы, мешали развитию свободной мысли. Но прогрессивная интеллигенция второй четверти XIX века каким-то образом все-таки доносила до читателя свои идеи. О том, как это происходило, и рассказывает эта увлекательная книга. Небольшая (в одну страничку) заметка А. С. Пушкина об «Истории государства Российского» Карамзина, напечатанная в 1828 году, послужила темой очерка под названием «Подвиг честного человека». Расшифровывая почти каждую строчку заметки, автор очерка В. Вацуро воскрешает интереснейшую историю взаимоотношений великого поэта и Карамзина.

В некоторых работах советских литературоведов вопрос об отношении Пушкина и Карамзина рассматривался несколько односторонне. Основываясь на высказываниях Пушкина в письмах и двух его эпиграммах на «Историю», исследователи делали вывод, что Пушкин относился к Карамзину враждебно. А иные в доказательство своей концепции даже ссылались на вышеупомянутую заметку поэта, замалчивая последнюю фразу Пушкина: «...История государства Российского есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека (разрядка моя.— В. В.)».

В. Вацуро всесторонне описывает атмосферу дворянского общества 20-х годов, анализирует различные мнения декабристов, общественных деятелей, писателей и официальной печати об «Истории» Карамзина. Но главной задачей литературоведа было обрисовать нам самого Карамзина, и притом не как «представителя сентиментализма», «выразителя реакционных, монархических тенденций» и «придворного историографа» (ярлыки, бьющиеся в многочисленных справочниках и посвященных ему исследованиях), а как человека, который писал о себе: «Я в душе республиканец...» — который, по выражению Николая Тургенева, был единственным, кто осмеливался «энергично и откровенно излагать свои мнения самодержцу», в котором сов-

ременники находили эталон нравственности и чести.

Именно таким — образованным, умным, совестливым писателем и ученым, — как убедительно доказывает исследователь, и видел его Пушкин. А тогда становится ясной пушкинская мысль, высказанная в последней фразе его заметки.

Несколько работ в книге посвящено истории журналистики. В очерке М. Гиллельсона «Не родившиеся на свет» рассказано о периодических изданиях, задушенных правительством Николая I еще в зародыше. Методично и неуклонно царская администрация отказывала как крупным, так и мелким писателям и журналистам в праве на издание газет и журналов. «Журналистика в наше время все», — писал Белинский, подчеркивая огромное политическое значение и воспитательную силу печати. Отлично понимало это и царское правительство, сущность политики которого метко сформулировал в 1832 году министр просвещения Уваров: «В нынешнем положении вещей и умов нельзя не умножать, где только можно, число «умственных плотин»...».

М. Гиллельсон приводит в своей работе большое количество нигде ранее не публиковавшихся архивных материалов.

Книга «Сквозь «умственные плотины»» предназначена для широкого читателя, но и специалисты найдут в ней для себя немало интересного и нового.

В. Вигилянский.

С. РОЗАНОВА. Толстой и Герцен. М. «Художественная литература». 1972. 303 стр.

Лев Толстой встретился с Герценом лишь однажды — в марте 1861 года, во время своей поездки в Англию. В течение двух недель шло его активное живое общение с «лондонским изгнанником». Затем отъезд, обмен несколькими письмами и наконец полное прекращение личных связей. Однако в книге С. Розановой справедливо говорится о сложной, почти полувековой истории отношений Толстого с Герценом. Действительно, место Герцена в духовной биографии Толстого исключительно. Это, в сущности, единственный русский писатель, которого Толстой чувствовал особенно близким и необходимым себе мыслителем, художником, человеком... Уже по одному этому тема «Толстой и Герцен» заслуживает особого внимания, требует целой книги. Автор, опираясь на методологические принципы ленинских работ о Толстом и Герцене, ставит и решает избранную проблему как часть большой и общей темы «русская литература и революция», занимая тем самым ясную позицию в чрезвычайно остром ныне идейном споре о русском духовном наследии.

Книга С. Розановой строится на тщательном и глубоком изучении, проверке, со-

поставлении всех доступных фактов. Автору удалось «реконструировать» развитие событий порой это довольно скупым данным, но сделать это убедительно и интересно. Перед нами своего рода документальная повесть. Но подлинный ее «сюжет» — духовные взаимоотношения двух главных героев — Толстого и Герцена.

Это настоящий драматический сюжет. В нем есть притяжение, отталкивание, конфликты, радость взаимного узнавания и горечь непонимания, полосы отчуждения и забвения. Но во всем этом, как всегда в истинно глубоких отношениях, нечто главное, что прошло через всю жизнь.

У автора есть своя обоснованная концепция пути Толстого к Герцену. «Первое знакомство», «Лондонское свидание» и наконец «Встреча» — три этапа приближения Толстого к Герцену (им соответствуют три первые главы книги). И каждый этап этого пути предстает в его исторической закономерности и одновременно в естественной, живой противоречивости.

Так, во время лондонского свидания Герцен был воспринят Толстым прежде всего художнически, непосредственно, эмоционально. Впечатление было сильным, ярким, несводимым к какому-то одному четкому итогу. После духовного кризиса, приведшего к идейному перелому 80-х годов, Толстой как бы заново открывает для себя Герцена. Он теперь видит в Герцене единомышленника, духовного собрата, бесконечно восхищается им как художником. По мнению Толстого, «Герцен первый уразумел у нас и художественную и общественную правду».

Толстого снова и по-новому свела с Герценом эпоха революционного подъема в России. Но какие противоречия таила в себе эта обретенная духовная близость! Решающую роль сыграла здесь не только несомненная связь Толстого с русской революцией, но и парадоксальность восприятия этой революции. На основании герценовских высказываний против «спрометчивой революционности против «переворотов», влекущих за собой «разнуздывание дурных страстей», Толстой «создал миф о Герцене-непротивленце, абсолютном стороннике ненасильственной революции». В понимании Герцена сказались и сила Толстого и его слабость, по-своему проявилась драма толстовства, непротивленства.

В последней главе книги — «Мир художественный» — предпринята попытка сопоставления творческих принципов, методов Толстого и Герцена. Однако результатом здесь является не столько характеристика двух разных художественных систем, сколько дальнейшее исследование идейных перекличек и разногласий, «опрокинутых», так сказать, в художественное творчество. Иногда автор видит в произведениях Герцена и Толстого лишь «два варианта художественно-идейного решения однозначных актуальных жизненных проблем». Такой подход, на наш взгляд, сужает масштаб разговора, ослабляет плодотворность выводов.

Толстой и Герцен не только представляли разные типы художественного мышления, но и как бы олицетворяли две эпохи развития русской литературы. Каждый из них при этом по-своему опережал свое время. Но было у них и нечто объединяющее, только искать его надо, по-видимому, не в темах и сюжетах, даже не в собственно авторских оценках тех или иных событий, а в каких-то более общих свойствах таланта и личности. Ключом здесь, возможно, могли бы стать приводимые С. Розановой слова В. Стасова — «пророки и воспитатели», которыми он пытался отличить Толстого и Герцена от других русских писателей.

М. Бойко.

ГЕОРГ БЮХНЕР. Пьесы. Проза. Письма. Переводы с немецкого. М. «Искусство». 1972. 384 стр.

Открывая вновь переведенные драмы Г. Бюхнера, нельзя не изумиться его современности. Наперекор хронологии он оказался куда ближе Брехту, чем Шиллеру. В трагедии «Смерть Дантона» он впервые вывел на подмостки поистине брехтовскую трехгрошовую толпу люмпенов, взявших Бастилию и теперь озабоченных насущным пропитанием. В многоголосой массе его героев, где титаны революции разрешают кардинальные философские вопросы бытия и обмозговывают якобинские декреты, кажется, вот-вот кто-нибудь выкрикнет знаменитый клич Брехта. «Сначала хлеб, а нравственность потом». Для немецкого писателя 30-х годов прошлого века изображение народной нужды, материалистическая трезвость мышления удивительны и уникальны. Никто в его пору так прочно не соединил голод и славу, честность с материальным равенством.

А в каламбурах и иронических сентенциях, которыми в заземленной сказке «Леонс и Лена» пикируются взбалмошные короли, странствующие гувернантки и смысленные слуги, порою слышится усмешка нашего Шварца. Речь идет и не о похожести и не о влиянии. Просто в старой литературе иногда открываются прочно забытые идеи, художественные приемы и стилистические жесты, которые принято считать находками нашего времени, а они, оказывается, бывали и прежде. Парадокс за-

ключается в том, что старинное новаторство начинает бросаться в глаза при соприкосновении с современным искусством, когда этому помогает неожиданная постановка, экранизация или добротный неархаичный перевод. Так случилось и с Г. Бюхнером, которого в отличие от большинства его немецких современников у нас долгое время не переводили, не ставили, и он пребывал в академических запасниках истории литературы.

В предисловии к полному одному томику А. Карельский пронизательно подметил, что двадцатитрехлетний Г. Бюхнер умер, не успев постичь свое писательство как главное призвание. Медик, биолог, создатель революционных прокламаций, призывавших крестьян идти войною на феодальные дворцы, он не доверял искусству: оно виделось ему исключительно романтическим, а он пытался докопаться во всем до земных социальных первопричин. Перенеся романтическую фразеологию на житейскую почву, в комедии «Леонс и Лена» Бюхнер устроил проверку романтизму. Его вполне благополучный принц Леонс затвердил все заповеди мировых скорбников, он жаждет изысканных книжных переживаний, устремляется в обетованные скитания. Запоздалый манерный романтик при этом впадает в пародию и абсурд. Своей ироничной комедией автор сознательно компрометировал романтическое мирозерцание, доказывая его историческую устарелость.

Многие диалоги в этой комедии выстроены из известных цитат, а в трагедии «Смерть Дантона» драматург широко использовал документальные исторические свидетельства, устремляясь против романтического течения к правде факта и слова.

«Смерть Дантона» оказалась единственным сочинением, напечатанным при жизни автора, и то публикация сопровождалась множеством сокращений и правок. Последнее творение Бюхнера, «Войцек», осталось в черновых фрагментах. Исследователи немало спорили, восстанавливая целостность замысла. Драма «Войцек», рождавшаяся вдали от главных путей европейского театра, как бы «самодеятельно», получилась очень созвучной литературе нового времени, ибо она открыла тему «маленького человека» — талантливого, умного простолюдина, который не желает мириться с социальным неравенством, протестует против гнета. Бюхнеровский «Войцек» сделался первоначальным образцом для многих немецких художников-гуманистов XX века.

В. Пронин.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ПОЛИТИЗДАТ

В. И. Ленин. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября. Речь на Пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. 32 стр. Цена 3 к.

В. И. Ленин. Письмо к американским рабочим. 24 стр. Цена 3 к.

Актуальные проблемы экономической теории. Сборник статей. 319 стр. Цена 73 к.

Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речь и статьи. В 3-х томах. Т. 1. 544 стр. Цена 1 р. 11 к.

Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речь и статьи. В 3-х томах. Т. 2. 608 стр. Цена 1 р. 18 к.

XXIV съезд КПСС: единство теории и практики. Вып. 1. 479 стр. Цена 79 к.

М. Ильин и М. Рабинович. Политическая экономия капитализма в вопросах и ответах. 3-е издание, дополненное. 256 стр. Цена 32 к.

И. Комзин. «Я верю в мечту». 368 стр. Цена 1 р. 28 к.

И. Марков. Научно-техническая революция: анализ, перспективы, последствия. Издание 2-е, дополненное. 240 стр. Цена 51 к.

Опасный курс. О политике и тактических маневрах маюстов. Выпуск 4-й. 311 стр. Цена 75 к.

Л. Славин. Неистовый. Повесть о Виссариионе Белинском. («Пламенные революционеры») 479 стр. Цена 90 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

В. Канторович. Заметки писателя о современном очерке. Изд. 2-е, дополненное. 544 стр. Цена 1 р. 44 к.

Л. Кудреватых. На жизненных перекрестках. Воспоминания, очерки, литературные портреты. 318 стр. Цена 51 к.

Т. Мотылева. Достояние современного реализма. Исследования и наблюдения. 438 стр. Цена 1 р. 35 к.

В. Озеров. Тревоги мира и сердце писателя. Очерки международной литературной жизни. 294 стр. Цена 1 р. 43 к.

А. Фадеев. Письма. 1917—1956. Изд. 2-е, расширенное. 808 стр. Цена 2 р. 67 к.

И. Френнель. Жизнь моя... Стихи разных лет. 255 стр. Цена 86 к.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

М. Амир. Чистая душа. Роман. Перевод с татарского. 511 стр. Цена 1 р. 6 к.

А. Белкин. Читая Достоевского и Чехова. Статьи и разговоры. 301 стр. Цена 94 к.

Э. Крустен. Избранное. Повести и рассказы. Перевод с эстонского. Предисловие А. Гуркова. 333 стр. Цена 76 к.

И. Левидова. О Генри и его новеллы. 252 стр. Цена 53 к.

Г. Медынский. Избранные произведения в 2-х томах. Том 1. 445 стр. Цена 96 к. Том 2. 621 стр. Цена 1 р. 23 к.

А. Шогенцуков. Тебе, мой друг. Стихотворения, поэмы. Перевод с кабардинского. 318 стр. Цена 1 р. 7 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

М. Беляев. Улетающая любовь. Лирика. 176 стр. Цена 52 к.

А. Бикчентаев. Прощайте, серебристые дожди... Повести. Перевод с башкирского. 238 стр. Цена 65 к.

И. Головченко. Каменными тропами. Записки о прожитом и пережитом. 255 стр. Цена 37 к.

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

А. Беляев. Выше нас — одно море. Рассказы и повесть. 176 стр. Цена 46 к.

В. Жакова. Исторические повести. Составление, общая редакция, примечание и вступительная статья С. Трегуба. 255 стр. Цена 44 к.

И. Золотарь. Друзья познаются в беде. Предисловие П. Пономаренко. 413 стр. Цена 96 к.

Ю. Казаков. Северный дневник. 367 стр. Цена 60 к.

Г. Кайтунов. Два ключа. Стихи и поэма. Перевод с осетинского. 208 стр. Цена 52 к.

М. Магомедов. В теснинах гор. Повесть. 333 стр. Цена 86 к.

Ю. Трифонов. Долгое прощание. Повести. 350 стр. Цена 84 к.

«СОВРЕМЕННОК»

Б. Жилин. Шутиха. Роман. 208 стр. Цена 46 к.

С. Китайский. Поле сражения. Роман. 482 стр. Цена 92 к.

Ю. Красавин. На моей земле. Повести. 237 стр. Цена 59 к.

А. Куницын. Огнецвет. Стихи. 64 стр. Цена 33 к.

В. Марченко. Равновесие. Повесть. 224 стр. Цена 41 к.

Э. Сафонов. Личная жизнь. Роман. 222 стр. Цена 62 к.

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Е. Воробьев. Этьен и его тень. Роман. 414 стр. Цена 1 р. 6 к.

Гора самоцветов. Сказки народов СССР. В пересказе М. Булатова. 416 стр. Цена 82 к.

Н. Григорьев. Повести и рассказы. 287 стр. Цена 95 к.

В. Домбровский и А. Шмульян. Жизнь Франклина. Биографическая повесть. 175 стр. Цена 40 к.

Играют на улице дети... Рассказы и повести болгарских писателей. 240 стр. Цена 70 к.

С. Кацумото. Дети из предместья. Рассказы. Перевод с японского и послесловие Г. Ронской. 150 стр. Цена 70 к.

А. Маневич. Красная улица. Маленькая повесть в двух частях. 79 стр. Цена 19 к.
Прощение о воде. Рассказы азербайджанских писателей. 190 стр. Цена 57 к.
Г. Трифонов. Пристрастие. Сборник стихов. 64 стр. Цена 12 к.
Д. Шайнер. Сорванец. Повесть. Перевод с чешского. 109 стр. Цена 41 к.

«ИСКУССТВО»

М. Артамонов. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минутные бронзы. Сибирское золото. 280 стр. Цена 5 р. 55 к.
С. Велиновский. Грани «несчастливого сознания». Театр, проза, философская эссеистика Альбера Камю. 239 стр. Цена 1 р. 19 к.
Г. Козинцев. Пространство трагедии. Дневник режиссера. 232 стр. Цена 1 р. 87 к.
Модернизм. Анализ и критика основных направлений. Сборник статей. Издание второе, переработанное. 280 стр. Цена 2 р. 85 к.

«ПРОГРЕСС»

М. Варненска. Репортаж из Сайгона. Авторизованный перевод с польского. 335 стр. Цена 1 р. 7 к.
Э. Галгоци. На полпути. Перевод с венгерского Н. Подземской. («Современная зарубежная повесть») 139 стр. Цена 34 к.
Л. Деметриус. Мир начинается с меня. Роман. Перевод с румынского Л. Долгашевой. 172 стр. Цена 46 к.
М. Каули. Дом со многими окнами. Перевод с английского. Предисловие и составление Р. Орловой. 327 стр. Цена 1 р. 28 к.
Ж. Чинго. Пожар. Рассказы. Перевод с македонского Ю. Беляевой. 176 стр. Цена 42 к.

«НАУКА»

Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. 790 стр. (Литературное наследство. Том 86). Цена 5 р. 22 к.
В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-

Восточной Европы. Сборник статей. 471 стр. Цена 2 р. 20 к.

М. Перфильев и Л. Орлова. Социальные отношения. Методологические проблемы. Исследования. 187 стр. Цена 67 к.
И. Цамерян. Теоретические проблемы образования и развития советского многонационального государства. 295 стр. Цена 1 р. 34 к.
Б. Ширендыб. Избранные произведения. Перевод с монгольского. 339 стр. Цена 1 р. 68 к.

«МЫСЛЬ»

Древнекитайская философия. Собрание текстов. В 2-х томах. Т. 2. Составитель Ян Хин-шуна. («Философское наследие») 384 стр. Цена 1 р. 66 к.
Научное управление обществом. Выпуск 7. Под редакцией Р. Г. Афанасьева. 295 стр. Цена 1 р. 12 к.
В. Подмарнов. Введение в промышленную социологию. 318 стр. Цена 1 р. 26 к.
А. Протопопов. СССР и международный рабочий класс в борьбе за мир. 216 стр. Цена 23 к.
В. Семенчев. Физические знания и законы диалектики. 200 стр. Цена 26 к.
А. Урсул. Отражение и информация. («Философия и естествознание») 231 стр. Цена 30 к.

МЕСТНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Н. Воронов. Закон души. Повести и рассказы. Средне-Уральское книжное издательство. 328 стр. Цена 81 к.
Голоса Дагестана. Сборник стихов в переводе Н. Гребнева. Дагкнигоиздат. 241 стр. Цена 54 к.
Ю. Друнина. Светлокопый солдат. Избранное. Калининградское книжное издательство. 224 стр. Цена 82 к.
Перед вами, багдадские небеса... Сборник воспоминаний о Маяковском. Составитель Г. Бебутов. Тбилиси. «Мерани». 317 стр. Цена 1 р. 39 к.
И. Рядченко. Назначено свидание. Стихи и поэмы. Киев. «Радянський письменник». 80 стр. Цена 29 к.
С. Чубанов. Лев Толстой о войне и милитаризме. Минск. Издательство Белорусского университета. 808 стр. Цена 2 р. 67 к.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 1973 ГОД

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ, КИНОПОВЕСТИ, ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ

- Федор Абрамов.** Пути-перепутья. Роман. I—3; II—5.
- Николай Атаров.** Дальняя дорога. IX—109.
- Георгий Березко.** Дом учителя. Роман. IV—6; V—105; VI—31; VII—66.
- Генрих Бёль.** Грушовой портрет с дамой. Роман. Перевела с немецкого Л. Черная. Послесловие Т. Мотылевой. II—87; III—121; IV—132; V—187; VI—154.
- Максуд Ибрагимбеков.** И не было лучше брата. Повесть. X—49.
- Виктор Ильин.** Целый век. Повесть. XII—27.
- Фазиль Искандер.** Сандро из Чегема. Роман. VIII—152; IX—70; X—100; XI—71.
- В. Кардин.** Открытый фланг. Документальные записки. IX—186; X—173.
- Лазарь Карелин.** Что за стенами? Повесть. XI—18.
- Валентин Катаев.** Фиалка. Рассказ VIII—74.
- А. Каштанов.** Заводской район. Повесть. VII—4; VIII—101.
- А. Кудравец.** Снова в Будневе. Повесть. Авторизованный перевод с белорусского В. Щедриной. III—6.
- Борис Можаяев.** День без конца и без края. Киноповесть. IX—19.
- Евдокия Мухина.** Восемь сантиметров. Из воспоминаний радистки-разведчицы. Книга вторая (книга первая опубликована в №№ 11 и 12 за 1972 год). Литературная запись Евг. Босняцкого. X—133; XI—126; XII—101.
- Павел Нилин.** Дурь. Рассказ. V—91.
- Афанасий Салынский.** Летние прогулки Пьеса в двух частях. X—3.
- В. Тендряков.** Весенние перевертыши. Повесть. I—118.
- Юрий Трифонов.** Нетерпение. Роман III—44; IV—35; V—8.
- Мариэтта Шагинян.** Человек и время. Воспоминания. Часть третья. Дом Феррари (части первую и вторую см. «Новый мир» № 4 за 1971 год и №№ 1, 2 за 1972 год). IV—113; V—160; VI—128.
- Александр Штейн.** Человеку нужно, чтобы у него звонил телефон. XI—168.

СТИХИ И ПОЭМЫ

- Эдуард Бабаев.** Из Тянь-Шаньской тетради: Глиняный город; В горах; Тележная поскрипывает спица... Стихи. I—172.
- Хута Берулава.** Ленину. Стихотворение. Перевел с грузинского А. Межиров. VII—3.
- Емилиян Буков.** «Искра»; Мост песни. Стихи. Перевел с молдавского Валерий Краско. II—3.
- Мара Гриезане.** Русский хлеб; Детская быль; В карауле; Трубы ветров: 1. Учитель народный. 2. Саласпилс. Стихи. V—3.
- Евг. Евтушенко.** Из лирической тетради: Бессердечность к себе...; Когда мужчине сорок лет; Жизнь, ты бьешь меня под вздох...; Предел; Уже тебя, как старца, под микитки...; Семья; Свидание в больнице; Кончики волос; Разлука вдвоем; Воздух; Я тоскую по Тбилиси; К вашему сведению; Фигурное катание; Для повестей фривольных... Стихи. IV—23.
- Н. Злотников.** Три стихотворения: Вот снова по ночам светло...; Я слышал улетающей птицы пень...; Душа железного моста... VI—126.
- Марат Картмазов.** Таежная тишина. Стихотворение. V—159.
- Давид Кугультинов.** Явление слова. Поэма. Перевела с калмыцкого Юлия Нейман. X—43.
- Р. Магомедов.** Свет России. Стихотворение. Перевел с аварского В. Сикорский. I—117.
- Десанка Максимович.** Скалы, рощи, взгорья; Ты обещала, что будешь вечной; Половодье; Родные места поэтов; Время прошло; Возле дома. Стихи. Перевел с сербскохорватского Борис Слуцкий. VI—211.
- Новелла Матвеева.** Шпалы. Маленькая поэма. III—3.
- Эдуардас Межелайтис.** Моя Москва. Стихотворение. Перевела с литовского Римма Казакова. IV—3.
- Сергей Наровчатов.** Василий Буслаев. Поэма. II—59.
- Мирон Раду Параскивеску.** Ленин. Стихотворение. Перевел с румынского Ю. Кожерников. IV—4.
- Борис Пастернак.** Переводы из Юлиуша Словацкого: Ода к свободе; Гроб Агамемнона (Отрывок из поэмы «Путешествие на восток»); Восход солнца на Саламине; Закат на море, гимн; Песня на Ниле; Разгвор с пирамидами; В Швейцарии, поэма; Тучи; Мое завещанье. Предисловие Евгения Пастернака IX—162.

Станка Пенчева. Осеннее. Стихи. Перевела с болгарского Татьяна Макарова. III—119.

Жуца Раб. Страхам приличия. Стихотворение. Перевела с венгерского Римма Казакова. III—117.

Роберт Рождественский. Долги; Лыжник. Стихи. XI—16.

Владимир Савельев. Из новой книги: Что-то есть сильнее, чем привычка...; Флаг; Опять мне не спится ночами...; Весеннее; Чертеж. Стихи. XI—66.

Вадим Сикорский. Лирика: Другу; Масштабы; Ему тяжелый груз по силе...; Мы одержимы будущим. Что будет?...; Жизнь; Все сияло весной звонкой...; Среди улиц городских сплетений...; Мать живет вдовью, а малый...; И я прошел дорогой стародавней... XII—97.

Ярослав Смеляков. Стихи разных лет: ...То были тридцатые годы...; Первый день свободного труда...; Что делать? Я не гениален...; Воспоминание. 1941; Жена; Чужих талантов не воруя...; Рабочая тема. Публикация Т. Стрешневой. VIII—96.

Ник. Ушаков. Новые стихи: Как играет оркестр на параде...; Женщина бежит...; Педанты и резонеры... IX—67.

Веселин Ханчев. В Разливе. Стихотворение. Перевел с болгарского А. Огупский. IV—5.

Владимир Цыбин. Я — обелиск; Я жду; Лишь только забудусь чуть...; Перемешалась явь и дремь...; Шагая по прохладе на покос...; Следы; Дорога. Стихи. VI—26.

Екатерина Шевелева. Стенограммы партийных съездов. Стихотворение. I—115.

Александр Яшин. Границы души; Вязы; Ностальгия; Как избавиться от лени?...; Только дождь да ветер за оградой...; Тимониха; И когда, может быть, впервые...; Схороните меня на Бобришном угоре... Стихи. Публикация З. К. Яшиной. VII—62.

К V конференции писателей стран Азии и Африки

Голоса двух континентов

Анвар Паша (Бангладеш). Эти лампы. Перевел с бенгали Ф. Бурташов. VIII—18.

Бернар Буа Дадье (Берег Слоновой Кости). Белый брат. Перевел с французского Ф. Бурташов. VIII—19.

Суан Зиэу (ДРВ). Новая черепица. Перевел с вьетнамского Александр Ревич. VIII—20.

Салах Абд Ас-Сабур (Египет). Видения. Перевел с арабского Георгий Ашкинадзе. VIII—21.

Шубхаш Мукерджи (Индия). По пятам. Перевела с бенгали Татьяна Глушкова. VIII—22.

Надер Надерпур (Иран). Завтрак. Перевела с персидского В. Кляшторина. Яблоки и души. Перевел с персидского Валерий Краснополянский. VIII—23.

Фуад Аль-Хишн (Ливан). Моя деревня. Перевел с арабского Георгий Ашкинадзе. VIII—24.

Мухамед Азиз Лакхаби (Марокко). Клятва писателей. Перевел с французского Валерий Краснополянский. VIII—25.

Дашидоржийн Нацагдорж (МНР). Осень (Из цикла «Времена года»). Перевел с монгольского Ф. Бурташов. VIII—27.

Бегцин Явуухулан (МНР). Первый залп. Перевел с монгольского Ф. Бурташов. VIII—28.

Пурна Бахадур Байдия (Непал). Как увижу ноги свои... Перевел с неварского Александр Милитарев. VIII—28.

Амир Хамза-Хан Шинвари (Пакистан). Пастух. Перевел с пушту В. Сикорский. VIII—29.

Энтони Делиус (ЮАР). Великое разделение (Отрывок из поэмы). Этнический гимн. Перевел с английского Ф. Бурташов. VIII—30.

Блок Модисане (ЮАР). Черные блюзы. Перевел с английского Ф. Бурташов. VIII—31.

Тхань Хай (Южный Вьетнам). Гимн весне. Перевел с вьетнамского Ф. Бурташов. VIII—32.

Сатоси Кадокура (Япония). Память (Из цикла «Песнь о бомбежке Токио»). Перевел с японского Анатолий Мамонов. VIII—33.

Тосабуро Оно (Япония). Подсолнухи. Перевел с японского Анатолий Мамонов. VIII—34.

Сайсей Муру (Япония). Колыбельная песня. Перевел с японского Анатолий Мамонов. VIII—35.

Сиро Мурано (Япония). Олень. Перевел с японского Анатолий Мамонов. VIII—36.

Мухтар Ауэзов. Моя Индия. Очерки. Перевел с казахского Алексей Пантелей. Предисловие Ануара Алимжанова, лауреата Премии имени Неру. VIII—48.

Дэн Джэкобсон. Образ жизни. Рассказ. Перевели с английского В. Постников и И. Золотарев. VIII—41.

Хосроу Шахани. Ураган. Рассказ. Перевел с персидского Дж. Дорри. VIII—37.

Из американской поэзии

Многооконый дом

(Предисловие В. С. Муравьева)

Робинсон Джефферс. Штормовая пляска чаек; Выбираю себе могилу; Что осталось; Жаждут похвал. Перевел Андрей Сергеев. X—189.

Дениза Левертов. Фонтан. Перевел Петр Вегин. X—190.

Арчибальд Маклиш. ...И Сорок вторая стрит; Свобода; С возрастом; Галан; Германские девушки! Германские девушки!; Об Испании; Юные погибшие солдаты; Нэт Бэкон. Перевел И. Попов. X—191.

Огден Нэш. Я и не подозревал, что уже поздно; Мистер Ормантьюд и его невеста. Перевел Александр Жуков. X—197.

Сильвия Плат. Утренняя песня; Вестники. Перевел Андрей Сергеев. X—199.

Теодор Рётке. Пробуждение. Перевел В. Глозман. X—200.

Ричард Уилбер. Речь об отмене закона Маккаренна; Прости...; Утренние призраки; После последних известий. Перевел Андрей Кистяковский. X—195.

*К 600-летию со дня рождения
Имадеддина Насими*

Великий сын азербайджанского народа. Предисловие Мирзы Ибрагимова, первого секретаря правления Союза писателей Азербайджанской ССР. IX—105.

Насими. Ты в моих глазах; Нужен...; Нашел; Я жадно слушаю тебя... Перевели с азербайджанского Н. Гребнев и Татьяна Стрешнева. IX—106.

**Из китайской классической поэзии
в жанре цы**

(Предисловие, примечания и перевод
Михаила Басманова)

- Вдали луна... XII—136.
Ли Бо. Словно затканый в пряди тумана... XII—136.
Бо Цзюй-И. Мчится Бяньшуй... XII—136.
Ван Цзянь. Круглый веер... XII—137.
Вэй Ин-У. Млечный Путь... XII—137.
Дай Шу-Лунь. Трава на заставе... XII—138.
Вэнь Тин-Юнь. Встрепенулся в испуге... XII—138.
Ли Юй. Гор грядя... XII—138.
Цинь Гуань. Верно, ночь никогда не пройдет... XII—139.
Чжу Дунь-Жу. Строфы о рыбаке. XII—139.
Ли Цин-Чжао. Гуйхуа. XII—140.
Лю Юн. Погода хмурая... XII—140.

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

А. М. Василевский, дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза. Дело всей жизни (главы из книги). IV—188; V—228; VII—207; VIII—189; X—229; XII—143.

Александр Лейтес. Хлебников — каким он был... I—224.

А. И. Микоян. На Северном Кавказе (Продолжение. Начало см. «Новый мир», 1972, №№ 9, 10, 11). VII—184; IX—216, XI—218.

Т. Л. Толстая-Сухотина. Вблизи отца. Из дневника. Публикация, предисловие и примечания А. И. Шифмана, кандидата филологических наук. XII—170.

ПУБЛИЦИСТИКА

В. Г. Ключев, первый секретарь Ивановского обкома КПСС. Наследники красных ткачей. IV—179.

И. Кон. Дружба. Историко-психологический этюд. VII—165.

Д. Кузовлев, первый секретарь Шекснинского райкома КПСС Вологодской области. Заботы селянина. Полемиические размышления. X—201.

Х. Н. Момджян. Философия ренегатства. Материалистическое понимание истории, или теория «исторической инициативы»? (Статья вторая. Статью первую см. «Новый мир», 1972, № 11). II—139.

Вадим Некрасов. Америка в дни визита. Заметки специального корреспондента. VIII—3.

Феликс Новиков. Дома и люди. X—213.
Аркадий Сахнин. Побег за границу. II—120. — 250 000 000. IX—3.

В. А. Саюшев, первый заместитель председателя Государственного Комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию. Путь в рабочий класс (Заметки о воспитании молодого рабочего). III—204.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

Генрих Боровик. Как я был корреспондентом «Эсквайра». II—165.

Н. Смеляков, лауреат Ленинской премии. Деловые встречи. Записки заместителя министра внешней торговли. XII—203.

Мэлор Стуруа. Неистовый Дэн и другие. I—194.

Иван Щедров. Джой Бангла VI—214.

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

Набережные Челны

Нигматулла Абдуллин, бригадир комплексной бригады управления «Металлургстрой». Товарищи. IV—173.

Феодосий Видрашку. Вахта. III—183.

Екатерина Лопатина. Не на пустом месте. I—174.

Ф. Табеев, первый секретарь Татарского обкома КПСС. Всенародная стройка. IX—11.

Анатолий Покровский. Осада атома. XI—3.

Владимир Позниовский. Коренное золото. XII—3.

Леонид Почивалов. В океане. VI—3.

Анатолий Приставкин. От Братска до Усть-Илима. VII—145.

В МИРЕ НАУКИ

И. Грекова. Полемика и ее издержки (По поводу спора «Машина и творчество»). VII—225.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александр Адамович. Открытое в жизни, в себе самом открытое. VIII—213.

Сергей Антонов. От первого лица... (Рассказы о писателях, книгах и словах). Статья третья¹. Иван Бунин. «Жизнь Арсеньева». II—243. — Статья четвертая. А. Конан Дойл. Рассказы о Шерлоке Холмсе. III—234. — Статья пятая. Ф. Достоевский. «Бесы». Статья шестая. П. Бажов. «Малахитовая шкатулка». VIII—225.

Л. Антопольский. Пути и поиски. VII—247.

Я. Билинчис, доктор филологических наук. Драматизм и эпичность (К 150-летию со дня рождения А. Н. Островского). IV—218.

¹ Две первые статьи Сергея Антонова из этой серии были напечатаны в журнале в 1972 году: в № 10 «И. Тургенев. «Записки охотника» и в № 11 «Александр Грин. Рассказ «Возвращенный ад».

Григорий Бровман. Судьбы людские. V—255.

Владимир Канторович. Правда публицистики (О факте и вымысле). XII—240.

Феликс Кузнецов. Судьбы деревни в прозе и критике. VI—233.

В. Литвинов. Постигание. Нравственный аспект рабочей темы. X—247.

Ю. Лукин. Слово гуманиста. IX—237.

Владимир Огнев. У наших друзей. Обозрение. IX—246.

Виталий Озеров. Тревоги мира и сердце писателя. II—225; III—212.

Борис Панкин. С точки зрения художника. IV—228.

Б. Сарнов. Семена, летящие на асфальт. V—263.

Л. Тимофеев, член-корреспондент Академии наук СССР. Советская литература и художественный прогресс. XI—254.

Л. Якименко. Литературная критика и современная повесть. Суждения. Оценки. I—238.

*К 80-летию со дня рождения
В. В. Маяковского*

Маргарита Алигер. Маяковский продолжается. VII—239.

Петрусь Бровка. Как грозовой дождь. VII—236.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Михаил Пришвин. Из дневника охоты (К столетию со дня рождения). Публикация В. Д. Пришвиной. II—206.

А. А. Ухтомский, академик. Письма. Публикация, вводная статья и примечания кандидата биологических наук Е. И. Бронштейн-Шур. I—251.

Илья Эренбург. Летопись мужества. Публикация Л. Лазарева. II—186.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

В. Латышев, зав. сектором Института высоких температур АН СССР. «Под углом волнующих вопросов...» VI—251.

Современники о современном. IV—278.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Литература и искусство

Федор Абрамов. Александр Яшин, поэт и прозаик (Александр Яшин. Избранные произведения. В 2-х томах. Вступительная статья К. Симонова. Т. 1. Стихи. Т. 2. Проза). IV—249.

Н. Анастасьев. В поисках Америки (Томас Вулф. Взгляни на дом свой, ангел. Роман. Перевод с английского И. Гуровой и Т. Ивановой). V—281.

В. Бавина. Природа таланта (Сергей Михалков. Собрание сочинений в трех томах. Том 1. Стихи и сказки. 1970. Том 2. Пьесы. 1971. Том 3. Рассказы, сказки, пьесы, басни. 1971). III—249.

Григорий Бакланов. Последняя книга (Геннадий Фиш. Снова в Скандинавии). III—255.

Вадим Баранов. Критик выпускает книгу (Л. Теракопян. Дыхание жизни. Владимир Огнев. Становление таланта). IV—258.

А. Бочаров. Война неотвязная (Константин Симонов. Двадцать дней без войны (Из записок Лопатина). Повесть). I—267.

Д. Гранин. Кольцевой бой. (Александр Адамович. Хатынская повесть). V—277.

Вл. Гусев. Напоминание о романтике (Вл. Луговской. Собрание сочинений в трех томах). VI—257.

Н. Дикушина. Живые связи литератур (Изображение человека (Советская литература и мировой литературный процесс). IX—261.

Борис Евгеньев. Мыс Доброй Надежды (Константин Коровин вспоминает... Составители книги, авторы вступительной статьи и комментариев И. С. Зильберштейн и В. А. Самков). III—266.

Игорь Золотуский. Монолог с вариациями. (Э. Ветемаа. Маленькие романы. Перевод с эстонского). X—268.

Леонид Зорин. Вторая жизнь Михаила Светлова (Ты помнишь, товарищ... Воспоминания о Михаиле Светлове. Составители Л. Либединская и З. Паперный). X—273.

В. Камянов. Любовь в кибернетика (Сергей Залыгин. Южно-американский вариант. Роман). VII—270. — Грани общения (Вл. Гусев. Огонь в синеве). XII—254.

Дмитрий Ковалев. Долгое солнце (С. Данилов. Звучание тайги). XII—252.

Вадим Ковский. Посредничество писателя (Зоя Богуславская. Транзитом. Повести и рассказы). VI—260.

Г. Койранская. Молодой писатель, молодой герой (Анатолий Черноусов. Практикант. Повесть). XI—267.

Л. Лебедева. Время творчества (Мирмухсин. Умид. Роман. Авторизованный перевод с узбекского Эмиля Амида). VIII—261.

Л. Левицкий. Поэт как критик (Лев Озеров. Мастерство и волшебство. Книга статей). XI—270.

Сергей Львов. Роман, которому не помогли (Александр Бахвалов. Нежность к ревущему зверю. Роман). III—258.

Ю. Манн, доктор филологических наук. Двухтомник ученого (Д. Благой. От Кантемира до наших дней). X—275.

А. Марченко. «Давай, брат, отрешимся, давай, брат, воспарим!» (День поэзии. 1972). IV—252.— Вопросы больше, чем ответов (И. Велембовская. Сладкая женщина. Повесть). VIII—264.

Юрий Нагибин. Диалог с другом (Рональд Харвуд. Одинаковые тени. Роман. Перевод с английского Андрея Сергеева). IX—269.

А. Нуйкин. Коммунисты (Рассказы о партии. В двух книгах. Составитель Л. Давыдов). VII—258.

Сергей Орлов. Поэзия мужества (Георгий Джагаров. Птицы против ветра.

Избранная лирика. Перевод с болгарского). IX—259.

Р. Орлова. Страсти по Фолкнеру (Уильям Фолкнер. Шум и ярость. Роман. Перевод с английского О. Сороки. Предисловие Г. Злобина). XII—258.

В. Оскоцкий. Звездный час Егора Тепелнева (Виктор Лихоносов. Осень в Тамани. Повести и рассказы. Виктор Лихоносов. Чистые глаза. Повесть). IX—264.

Лев Разгон. Как требует жанр (Борис Агапов. Взбирается разум). VI—266.

Ст. Рассадин. Право на откровенность (Сильва Капутикян. Весна на вершинах. Стихи. Перевод с армянского). VI—263.

И. Роднянская. Два лица Станислава Лема (Станислав Лем. Навигатор Пиркс. Голос Неба. Перевод с польского). II—272.

Е. Рябчиков. Жизни яркие приметы (О партии слово... Редактор-составитель Ю. Н. Верченко). VII—263.

Л. Скорин. Живые традиции (Виктор Панков. Традиции в движении. О современной советской литературе). II—270.

С. С. Смирнов. Правда сурового времени (Василь Быков. Дожить до расвета. Повесть). VI—254.

Олег Смирнов. Верность жанру (Юрий Нагибин. Избранные произведения в двух томах. Том первый. Рассказы. Том второй. Маленькие повести. Рассказы). XI—264.

Владимир Соловьев. О поэте, о его стихах и о его читателях (Евгений Евтушенко. Я сибирской породы. Евгений Евтушенко. Поющая дамба. Стихи и поэмы). II—265.

Г. Трефилова. Возвращение героя (Даниил Гранин. Сад камней). VII—265.

А. Турков. Родник поэзии (Петрусь Бровка. Я вам скажу... Стихи. Новая книга (1967—1970). Перевод с белорусского). I—272.

Л. Финк. Решающий фактор (Сергей Снегов. Над нами полярное сияние. Повесть). X—264.

В. Хмара, кандидат филологических наук. С позиций партийности (Г. Куницын. В. И. Ленин о партийности и свободе печати). III—262.

Политика и наука

Е. Амбарцумов. Опыт политической биографии (Н. Н. Молчанов. Генерал де Голль). VI—269.

Д. Биленкин. Когда параллельные сливаются... (И. Б. Литинецкий. На пути к бионике). VI—276.

С. Владимиров. «Потаенные мысли» ученых (Г. Бонди. Гипотезы и мифы в физической теории. Перевод с английского В. А. Угарова. Ганс Селье. На уровне целого организма. Перевод с английского И. А. Доброхотовой, А. В. Парина). III—280.

В. Голованов, профессор, доктор филологических наук. Анализ великого наследия

(Б. М. Кедров. Из лаборатории ленинской мысли). III—269.

Вал. Гольцев. Монография о танках (П. А. Ротмистров. Время и тайки). III—274.

С. Десятков. Трезвый взгляд на миражи Форин оффиса (Дональд Маклэйн. Внешняя политика Англии после Суэца). VIII—274.

В. Дмитриев, кандидат филологических наук. Размышляя над книгой (Ю. Суворцев. В лабиринте ревизионизма (Эрнст Фишер, его идеология и эстетика). VII—276.

И. Дрейцер. Зодчество страны Суоми (А. Иконников. Новая архитектура Финляндии). XII—265.

А. Иванов. От хроники к исследованию (П. С. Гусятников. Революционное студенческое движение в России. 1899—1907). V—284.

Вл. Канторович. Анализ процессов миграции (Н. А. Актвов. Технический прогресс и движение рабочих кадров. В. И. Староверов. Город или деревня? Ж. А. Зайончковский. Новоселы в городах. Работы В. И. Переведенцева: Население СССР; «Миграция населения и изменение социальной структуры советского общества», статья; «Из деревни в город», статья). VIII—268.

В. А. Кондратьев, кандидат исторических наук. Летопись героических дней (Летопись героических дней. Хроника важнейших историко-партийных и революционных событий в Москве и Московской губернии). XI—274.

В. Кузнецов, кандидат филологических наук. Рассказ о II съезде РСДРП (Воспоминания о II съезде РСДРП). VII—274. — Партийные публицисты (А. К. Белков. В. В. Воровский. Б. П. Веревкин. М. С. Ольминский. А. А. Круглов. А. В. Луначарский. В. В. Шаров. И. И. Скворцов-Степанов. А. И. Мельников. С. М. Киров). XI—277.

А. Куров. В основе — расизм (Сионизм: теория и практика). XII—271.

Феликс Лев. Симметрия и гармония (А. В. Шубников, В. А. Копчик. Симметрия в науке и искусстве). IV—275.

Л. Леонтьев, член-корреспондент АН СССР. Первый опыт (История политической экономии социализма. Очерки). XII—261.

Б. Марушкин. Америка на перепутье (Л. И. Зубок, Н. Н. Яковлев. Новейшая история США). III—276.

В. Маслов, кандидат экономических наук. Элтон Мэйо и другие (С. Эпштейн. Индустриальная социология в США). II—278.

О. Мороз. Борьба Галилея (А. Штекли. Галилей. ЖЗЛ). IV—270.

О. Орестов. Фабриканты лжи (И. Д. Бирюков. Под сенью монополий). X—282.

А. Панченко, доктор филологических наук. Культура средневековья и современ-

ность (А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры). XII—267.

А. Пархоменко, доцент, кандидат технических наук. Наука, техника, общественный прогресс (Научно-техническая революция и социальный прогресс). X—278.

А. Плахотник, кандидат географических наук. Океан и энергетика будущего (Анри Лаклома. Энергия моря. Перевод с французского). IX—280.

Марк Поповский. Пессимизм или оптимизм? (Б. Глемзер. Человек против рака. Перевод с английского кандидата медицинских наук И. Н. Шаталовой. Предисловие академика АМН СССР, проф. А. А. Вишневого. Под редакцией и с послесловием доктора медицинских наук, проф. Ю. Я. Грицмана). I—281. — Погода номер четыре (Феликс Зигель. Виновато солнце. Редакторы М. А. Зубков и Э. П. Микоян). VIII—272.

В. Пошатаев, кандидат философских наук. У колыбели советской науки (С. И. Мокшин. Семь шагов по земле. Очерки о становлении и развитии советской науки. 1917—1924). IV—266.

А. Преображенский, доктор исторических наук. О Русской Америке (С. Г. Федорова. Русское население Аляски в Калифорнии. Конец XVIII века—1867 г.). II—280.

А. Пушкарев, доктор исторических наук. На переднем крае исторической науки (А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма). III—272.

И. Рознер, доктор исторических наук. На востоке России (А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в.). VI—278.

В. Ружина, доцент пединститута. Он русский в душе... (М. Хазин. Инзов). XI—281.

А. Сергеев, доктор экономических наук. Социалистическое общество и научно-техническая революция (В. Г. Афанасьев. Научно-техническая революция, управление, образование). I—274.

В. Старцев, кандидат исторических наук. По следам доктора Мюллера и других (П. В. Московский, В. Г. Семенов. Ленин в Швеции. Ю. Ф. Дашков. По ленинским местам Скандинавии. Журналистский поиск). IV—263.

Ю. Суворцев. Закономерное достижение социализма (М. П. Ким. Советский народ — новая историческая общность). IX—272.

С. Троицкий, доктор исторических наук. Лоция в книжном море. (Справочники по истории дореволюционной России. Библиография. Научное руководство, редакция и вступительная статья проф. П. А. Зайончковского). II—283. — Франция глазами русского дипломата (Русский дипломат во Франции. (Записки Андрея Матвеева). Публикация подготовлена И. С. Шарковой. Под редакцией А. Д. Люблинской). IX—282.

Э. Юдин, кандидат философских наук. Какой будет школа? (В. В. Давыдов. Виды обобщения в обучении). IX—277.

КОРОТКО О КНИГАХ

С. Славич. — Борис Богданков. Лед и пламя. Ариадна Громова. — Виктор Смирнов. Тревожный месяц вересень. Повесть. Г. Трефилова. — Л. Антопольский. У очага поэзии. Очерк творчества Расула Гамзатова. I—284.

К. Бродер. — Э. Цюрупа. С правой вдвоем. Евгений Сидоров. — С. Фрейлих. Чувство экрана. II—286.

И. Подольская. — А. Шаров. Повести воспоминаний. В. Шкловский. — Марк Лисянский. Лучшие годы мои. Избранная лирика. М. Лисянский. Все сначала. Стихи. Поэма. Лев Озеров. — Л. Михайлова. Александр Грин. Жизнь, личность, творчество. Александр Фюрстенберг. — Афоризмы. Из сборника, подготовленного Вл. Воронцовым. Е. Полякова. — Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Воспоминания и статьи. Переписка с А. П. Чеховым (1902—1904). Составитель, редактор, автор вступительной статьи — В. Я. Виленкин, комментарии — В. Я. Виленкина, Н. И. Гитович, Л. М. Фрейдиной. Часть 1. Часть 2. III—282.

Валентин Катаев. — Н. Берендгоф. Избранное. Стихи. Н. Малюкова. — Юрий Кларов. Допрос в Иркутске. Н. Грознова. — А. Старков. Герои и годы. Романы Константина Федина. М. Анцыферов. — Дм. Молдавский. Перекресток стихов и трасс. Ал. Дымшиц. — Семен Аладжалов. Георгий Якулов. А. Иглицкий. — И. Лаврецкий. Эрнесто Че Гевара. IV—282.

Р. Португальский, кандидат исторических наук. — К. С. Москаленко. На юго-западном направлении. 1943—1945. Воспоминания командарма. Ник. Равич. — Фабиан Гарин. Запоздалое письмо. Историческая повесть. V—286.

Сергей Сутоцкий. — Мария Прилежаева. На Двадцать четвертом съезде. В. Кантор. — В. Астафьев. Дядя Кузя — куриный начальник. Вадим Сикорский. — Сергей Марков. Стихотворения. Л. Таран. — Альберт Лиханов. Осенняя ярмарка. Рассказы и поэзии. — М. Гаврилова. — Гульчехра Нуруллаева. Ташкентское время. Стихи. А. Майкапар. — М. Бражник. Древнерусская теория музыки. М. Кнебель, народная артистка РСФСР, доктор искусствоведения, профессор. — Е. Полякова. Станиславский-актер. Е. Терновский. — А. Моруа. Олимпико, или Жизнь Виктора Гюго. Перевод Н. Немчиновой и М. Трескунова. VI—281.

Валерий Гейдеко. — Игорь Шкляревский. Воля. Новая книга стихов. Павел Антокольский. — Яков Белинский. Двое, идущие рядом. Книга стихов. Владимир Лифшиц. — Александр

Иванов. Не своим голосом. Литературные пародии. И. Мороз. — Маргарет Дрэббл. Один летний сезон. Роман. Перевод с английского М. Марецкой. Т. Мотылева. — Нора Галь. Слово живое и мертвое. П. Черкасов. — В. Д. Ежов. Записки очевидца. VII—283.

С. Почивалова. — Владимир Корнилов. Сказать не желаю... Повесть о Викторе Обнорском. В. Каменев. — Иван Касаткин. Путь-дорога. Избранные рассказы. Г. Койранская. — Андрей Никитин. Цветок папоротника. А. Турков. — Блоковский сборник. II. Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. В. Скатерщиков, доктор философских наук, профессор. — Карл Либнехт. Мысли об искусстве. Л. Осповат. — Хулио Кортасар. Другое небо. Рассказы. Составление и предисловие Э. Брагинской. VIII—279.

И. Подольская. — Василий Казин. Избранное. В. Шараров. — Нгуен Динь Тхи. Разгневанная река. Роман. Перевод с вьетнамского П. Алешина. IX—286.

И. Крамов. — Е. Герасимов. Весна в Дубках. Повести конца шестидесятих годов. Л. Быков. — Сергей Дрофенко. Зимнее солнце. Сергей Дрофенко. Избранная лирика. Составители О. Дмитриев и Н. Злотников. Георгий Кубатьян. —

Наири Зарьян. Давид Сасунский. Повесть по мотивам армянского эпоса. Перевод Николая Любимова. Предисловие Семена Липкина. М. Яхонтова. — Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы 1939—1945. X—284.

Лев Разгон. — З. Фазин. Последний рубеж. Повесть Т. Смоленская. — Виктор Пулькин. Кижские рассказы. С. Шервинский. — Фаблю. Старофранцузские новеллы. Перевод со старофранцузского С. Вышеславцевой и В. Дынник. XI—284.

П. Руднев, кандидат филологических наук. — С. И. Гиндин. Поэзия В. Я. Брюсова. К 100-летию со дня рождения. Н. Савостин. — Геннадий Немчинов. Берега тихих рек. Повести и рассказы. Казбек Султанов. — Анна Каландадзе. Морвал-жамнер. Стихи. Перевод с грузинского. Ал. Дымшиц. — Бернгард Райх. Вена — Берлин — Москва — Берлин. В. Вигильянский. — В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины». М. Бойко. — С. Розанова. Толстой и Герцен. В. Пронин. — Георг Бюхнер. Пьесы. Проза. Письма. Переводы с немецкого. XII—274.

Книжные новинки: I—287; II—288; III—287; IV—288; V—288; VI—287; VII—288; VIII—285; IX—288; X—287; XI—287; XII—280.

«Новый мир» в 1974 году. VIII—287.

Главный редактор **В. А. Косолапов**

Редакционная коллегия:

Ч. Айтматов, Ф. К. Выдрашку (ответственный секретарь), **Е. М. Винокуров, Р. Г. Гамзатов, А. А. Кулешов, В. М. Литвинов, А. И. Овчаренко, А. Е. Рекемчук, А. Я. Сахнин, О. П. Смирнов** (зам. главного редактора), **Ф. Н. Таурин, К. А. Федин**

Редакция: Малый Путинковский пер., д. 1/2. Тел. 299-81-77.
Издательство «Известия Советов депутатов трудящихся СССР»
Почтовый адрес: Москва, К-6. Пушкинская пл., д. 5.

Сдано в набор 27/IX 1973 г. Объем 18 п. л. Подписано к печати 10/XII 1973 г.
Формат бумаги 70×108^{1/16}. 28,7 уч.-изд. л., 9 бум. л. (25,2 усл.-печ. л.)
А 02234. Тираж 170.000 экз. Зак. 05038.

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна», Киев, 47,
Брест-Литовский проспект, 94.

Цена 70 коп.

70636